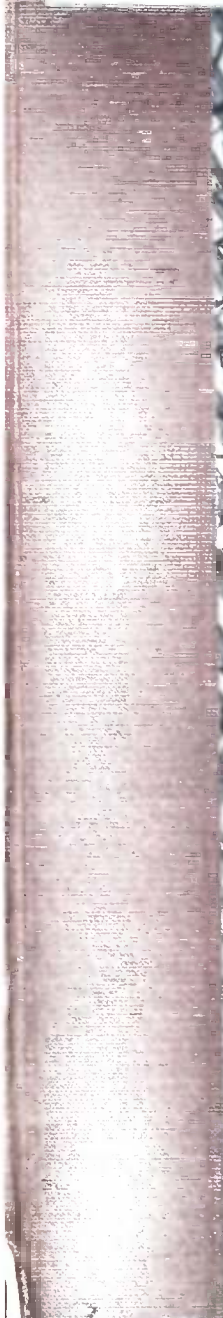

2284-Flc

2

9 + 902.7] (СЧ)

№ 2022 - 0875

R 254616

СБОРНИКЪ

СВѢДѢНІЙ

О

КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ.

ВЫПУСКЪ X.

ТИФЛИСЪ.

1881.

ДРЕВНѢЙШІЯ СКАЗАНІЯ

О

КАВКАЗЪ.

Сочиненіе

БАРОНА П. К. УСЛАРА.

Съ біографіею автора, написанною Л. П. Загурскимъ и портретомъ,
гравированнымъ академикомъ И. П. Пожалостинимъ.

Изданіе Кавказскаго Военно-Народнаго Управленія при содѣйствіи Кав-
казскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ТИФЛИСЪ.

Типографія Меликова.

1881.

Съ позволеніи Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго
Кавказскою Арміею.

ДРЕВНѢЙШІЯ СКАЗАНІЯ О КАВКАЗѢ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вода же постепенно возиращалась съ земли, и стала убывать вода по окончаніи ста пятидесяти дней.

И остановился ковчегъ въ седмомъ мѣсяцѣ, въ семнадцатый день мѣсяца, на горахъ Араратскихъ.

Бытія VIII, 3—4.

Первое географическое названіе земли, омытой потопомъ, встрѣчающееся въ библіи, книгѣ книгъ единобожниковъ (христіанъ, мусульманъ и евреевъ)—исторіи послѣпотопнаго человѣчества, согласно наиболѣе распространенному мнѣнію, указываетъ намъ на Кавказъ.

Строки эти писаны были за три тысячи триста лѣтъ тому назадъ на языкѣ, по духу своему рѣзко отличномъ отъ всѣхъ нашихъ, и писаны исключительно для разумѣнія небольшого племени, поставленнаго Всевышнимъ Промысломъ поотдалъ отъ прочаго человѣчества, въѣ обычнаго хода человѣческихъ понятій, вѣрованій и стремленій.

Предназначенные къ храненію великой идеи единобожія, еврейскіе законоучители и пророки неумолимо отжепали все то, что могло смутить чистоту ея. Многобожіе возникло изъ олицетворенія и обоготворенія людьми дѣйствующихъ силъ природы; евреи уничтожили всѣ таковыя силы; въ глазахъ ихъ чудо мірозданія повторялось непрерывно. Человѣчество исцало и ищетъ познать Создателя, изучая созданіе; для евреевъ было откровеніе свѣще, книга природы была для нихъ излишнею.

Стремленіе разгадать тайны природы есть источникъ всякой любознательности, которая непреставно тревожитъ человѣчество, которая влечетъ его впередъ, не давая ему отдыха и отрывая отъ

самодовольнаго наслажденія узнавнымъ неутолимою жаждою неизвѣстнаго. Таковое умственное безпокойство не тревожило евреевъ; для нихъ не существовало промежутка между явленіями природы и Создателемъ, промежутка, который силится наполнить любознательность человѣческая безъ надежды когда либо наполнить его.

Съ этой точки зрѣнія можно понять значеніе историческихъ сказаній о первобытныхъ судьбахъ человѣчества, переданныхъ Моисеемъ народу Израильскому.

Для народа этого могла существовать только одна разумная исторія—это его собственная. Исторія чуждыхъ народовъ имѣла какое либо значеніе лишь въ предѣлахъ ея вліянія на народъ Израильскій; событія внѣшнія совершались безсвязно, какъ совершаются безсвязно измѣненія атмосферныя, какъ появляются случайно знаменія на небѣ; безсвязно и случайно для того, кто не подозрѣваетъ существованія правильнаго и неизмѣннаго закона, связующаго между собою эти отдѣльныя явленія.

Такимъ образомъ библейскія историческія сказанія, за исключеніемъ исторіи еврейской, представляютъ собою только рассказы о событіяхъ, сохранившихся въ памяти народной,—рассказы не для любознательности и тѣмъ менѣе еще не для любомудрія. Богородитель историкъ не переступаетъ горизонта яснаго видѣнія и пониманія поучаемаго имъ народа: онъ повѣствуетъ, опираясь на авторитетъ свыше, не спуская къ доказательствамъ, къ объясненіямъ, не предвидя ни противурѣчій, ни сомнѣній. Книга его писана не для египетскихъ волхвовъ: ихъ хитросплетенную науку зналъ онъ и уразумѣлъ всю тщету ея.

Но эти отрывочныя, безсвязныя историческія сказанія, встрѣчающіяся въ книгѣ Моисея, составляютъ драгоцѣннѣйшіе и достопріимѣннѣйшіе матеріалы для древнѣйшей исторіи человѣчества. Они вѣрно изображаютъ воспоминанія евреевъ о событіяхъ предшествовавшихъ и событіяхъ современныхъ—воспоминанія, незатемненныя произвольными системами условной учености.

Вз ~~Историческое~~ (стр. 3-14) см. после страницъ 256.

Чѣмъ болѣе знакомимся мы съ древнимъ востокомъ, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ непогрѣшимости библейскихъ историческихъ сказаній. Здѣсь скептицизмъ, ищущій для себя опоры въ наукѣ, скоро превращается въ глубокое вѣрованіе.

Но, какъ сказано выше, Моисей писалъ книгу свою исключительно для евреевъ; чтобы повимать книгу эту, необходимо поставить себя посреди евреевъ.

Возвращаемся къ библейскому выраженію „на горахъ Араратскихъ.“ Моисей не объясняетъ гдѣ лежатъ горы Араратскія; должно предположить, что евреямъ это извѣстно было, хотя бы даже весьма неопредѣлительно. Не мпо объяснить себѣ такое званіе обыкновенными источниками народныхъ географическихъ свѣдѣній. Евреи не занимались торговлей, они чуждались сношеній съ ненавистными для нихъ чужеземцами: нечего и говорить, что географической литературы въ то время вовсе не существовало.

Такимъ образомъ вопросъ не въ томъ, съ какой опредѣленной вершиной евреи связывали воспоминаніе о ковчегѣ, но имѣли ли они хотя приблизительное понятіе о положеніи горъ Араратскихъ въ отношеніи къ четыремъ странамъ свѣта ¹⁾. Для сего бросимъ обратный взглядъ на первоначальную исторію евреевъ.

1) У другихъ древнихъ народовъ, гораздо болѣе чѣмъ еврей подвинувшихся на полѣ положительныхъ знаній, употребительны были общія названія для означенія неопредѣленныхъ или малозвѣстныхъ частей странъ, возбуждавшихъ въ нихъ одно какое либо синтетическое понятіе. Склопой называлось все пространство земель, разстилающихся отъ Чернаго моря къ северу и къ востоку, Тураномъ—земля къ востоку отъ Оксуса; Еюіюіей страны жаркаго пояса и пр.

Ограничена таковая страна была только тамъ, гдѣ соприкасались онѣ съ странами извѣстными, во всѣ прочія стороны предѣлы ихъ начертывались воображеніемъ: рѣка Окіанъ, пренесодня, вѣчный мракъ, жилища праведниковъ, чародействъ, уродовъ, чудовищъ! Отдаленные предѣлы странъ этихъ рисовались въ воображеніи столь же неопредѣленно, какъ западные предѣлы Атлантическаго океана до открытія Америки.

Быть можетъ, такое же неопредѣленное значеніе имѣло и названіе Араратъ для евреевъ.

Событіе, которое сообщаетъ еврейской исторіи самобытный ходъ во всеобщей, весьма опредѣленно обозначено въ книгѣ Бытія: „И взялъ Өарра Аврама, сына своего, и Лота, сына Аврамова, внука своего, и Сару, невѣстку свою, жену Аврама, сына своего, и вышелъ съ ними изъ Ура Халдейскаго, чтобы идти въ землю Ханаанскую: но дошедши до Харрана, они остановились тамъ“¹⁾

„И было дней жизни Өарры (въ Харранской землѣ) двѣсти пять лѣтъ, и умеръ Өарра въ Харранѣ“²⁾

Такимъ образомъ Өарра не дошелъ до цѣли своего странствованія, до земли Ханаанской: смерть застигла его въ Харранѣ на пути. Остальную часть странствованія, во исполненіе велѣнія свыше, совершилъ Аврамъ: „и прошелъ Аврамъ по землѣ сей (по длинѣ ея) до мѣста Сихема, до дубравы Море. Въ землѣ сей тогда жили Хананеи.“³⁾

Географическое положеніе конечнаго пункта странствованія намъ вполне извѣстно. Ханааномъ⁴⁾ называлось Сирійское прибрежье Средиземнаго моря, начиная отъ Сидона къ югу, почти до крутаго африканскаго поворота морскаго берега къ западу. Внутри края Ханаанъ ограниченъ былъ теченіемъ Іордана, озеромъ Генесаретскимъ и Мертвымъ моремъ.

Родина Өарры, исходный пунктъ переселенія можетъ подать поводъ къ недоумѣніямъ. Гдѣ лежала земля Халдейская? Начиная съ самыхъ отдаленныхъ историческихъ временъ даже до нашихъ дней, названія „халдеи“ „земля Халдейская“ имѣли самое неопредѣленное значеніе. Названія эти въ обширномъ смыслѣ примѣняемы были къ цѣлому тигро-евфратскому бассейну. Только въ наше время историческія изысканія, при пособіи сравнитель-

1) Бытія XI, 31.

2) Бытія XI, 32.

3) Бытія XII, 6.

4) Собственно *зна* „низменная земля“ въ противоположность *Араму*, „возвышенной землѣ“. *Rosenmüller*: *Biblische Alterthumskunde*, 1, 2. p. 75—76.

ной филологич, успѣли озарить лучемъ свѣта этотъ хаосъ безотчетныхъ понятій. Мы здѣсь ограничимся только тѣмъ, что прямо относится къ объясненію занимающаго насъ вопроса.

Фарра покинулъ родину свою съ тѣмъ, чтобы переселиться въ землю Хаваанскую. На пути своемъ, какъ мы сказали, умеръ онъ въ Харранѣ. Такимъ образомъ, на продолженіи направленія отъ Хаваана къ Харрану должно искать приблизительно первоначальное мѣсто жительства Фарры. ¹⁾

Географическое положеніе Харрапа не можетъ подавать повода ни къ какимъ сомнѣніямъ. ²⁾ Названіе это, означающее на симитическихъ языкахъ *страну сухую, опаленную солнцемъ*, неразрывно связано въ исторіи съ частію Месопотаміи, лежащей на лѣвомъ берегу Евфрата, у самой подошвы послѣднихъ отроговъ Тавра къ югу. Это есть классически-историческая страна: въ ней расходятся пути, ведущіе черезъ песчанныя пустыни Месопотаміи къ верховьямъ Тигра и на югъ внизъ по Евфрату къ Вавилону; во времена Селевкидовъ возникла здѣсь въ Харранѣ Македонская (Македонская) Месопотамія, греко-азіятская колонія въ обширныхъ размѣрахъ; здѣсь происходили важнѣйшія событія вѣковой борьбы запада съ востокомъ, начиная отъ гибели легионовъ Красса до гибели графства Едесскаго, основаннаго Балдуиномъ. Наконецъ, страна эта играетъ важную роль въ церковной исторіи и; вмѣстѣ съ тѣмъ, почитается колыбелью древняго идолопоклонства и восточныхъ еретическихъ ученій.

Харранъ находится къ сѣверо-востоку отъ Хаваана. Продолжая это направленіе, мы вскорѣ вступаемъ въ дикій горный край, лежащій между южнымъ верховьемъ Евфрата, Мурадомъ, и источниками Тигра, въ страну порубежную между Арменией, Месопотаміей и Ассиріей. Здѣсь прежде всего должно искать роди-

1) *Bertheau*: Zur geschichte der Israeliten (Goettingen 1842) p. 204 и сл.

2) *Ritter's* Erdkunde, zehnter theil p. 243.

ну Өарры, землю Халдейскую нашею перевода библии. Чтобы привести всё данныя во всевозможную ясность, замѣтимъ, что въ переводѣ 70 толковниковъ, страна эта названа *חֹרְזַן תֵּימָר* Хл-дзиу, въ еврейскомъ подлинникѣ Урь-Касдимъ.

Отсюда видно, что названія *Касдъ* и *Халдъ-Калдъ* однозначны. Какимъ образомъ еврейское Касдъ превратилось въ Калдъ греческаго перевода? Превращеніе буквы *с* въ *л*, при переходѣ слова въ иносемейный языкъ, есть явленіе весьма обыкновенное для филолога. Вообразимъ себѣ между названіями Касдъ и Калдъ промежуточную форму Кардъ, ¹⁾ тогда ясность перехода становится еще ощутительнѣе. Но стоитъ произнести лишь названіе *Кардъ*, какъ множество однозвучныхъ географическихъ и этническихъ именъ, отъликнутся намъ изъ предполагаемой родины Өарры Кардаки, Кардухи, Кордіи, Гордуены, Гордуи, Куртіи, Гордіаны, Карду, Курды и пр. и пр.

Мы сказали выше, что переселеніемъ Өарры изъ страны Халдейской, изъ Урь-Касдима, начинается самобытный ходъ еврейской исторіи. Изложенію этого событія предшествуетъ въ библии родословная Өарры, восходящая до Арфаксада, сына Симова. Филологическій разборъ именъ, встрѣчающихся въ таковой родословной, ²⁾ подаетъ поводъ къ весьма замѣчательнымъ заключеніямъ. Рагава, Серухъ, Нахоръ, Харранъ суть названія урочищъ, встрѣчающихся на пути отъ источниковъ Тигра по направленію къ Харрану. Даны ли названія эти въ воспоминаніе предковъ Өарры, подвигавшихся постепенно, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, съ служителями и стадами своими, отъ сѣверо-востока къ Евфрату, или наоборотъ, воспоминаніе о каждомъ изъ прародителей слилось съ воспоминаніемъ о мѣстахъ, гдѣ провелъ онъ вѣкъ свой? Последнее вѣроятнѣе тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя имена очевидно означаютъ особыя событія, памятыя въ семейной исторіи

1) *Revue. Hist. gener. des langues sémitiques* 1855 p. 60.

2) Бытія XI, 12—28.

евреевъ. Такъ напр. פלגъ фалекъ означаетъ *раздѣлъ*, и священ-
ный текстъ объясняетъ происхожденіе имени его: „имя одному:
Фалекъ, потому что во дни его земля раздѣлена.“¹⁾

Еще замѣчательнѣе имя *Еверъ*, откуда весь народъ въ по-
слѣдствіи времени назвался евреями; имя это, какъ въ индо-европей-
скихъ,²⁾ такъ и въ симитическихъ языкахъ означаетъ: за, по ту сто-
рону, trans и т. п. Евреи были въ Хапаанѣ пришельцами изъ
за-Ефрата, съ того берега. Подобнымъ образомъ произошло и на-
званіе: *Иберія*, „земля по ту сторону“ для земли загорной, для
Грузіи, и для земли заморской, для Испаніи. Названіе Еверъ
дано повидимому въ память перехода черезъ какой-то значи-
тельный естественный рубежъ, черезъ горный хребетъ или черезъ
большую рѣку.

Чѣмъ болѣе удаляемся мы отъ какого либо предмета, тѣмъ
менѣе явственными становятся частныя черты его, тѣмъ болѣе
сливаются онѣ въ одно недѣлимое цѣлое, которое, въ свою оче-
редь, уменьшется и блекнетъ. Вблизи видимъ мы стволъ, вѣтви,
и листья, вдали—дерево; отдѣльное дерево сливается съ сосѣдни-
ми и образуетъ для глаза лѣсъ; лѣсъ принимаетъ однообразный,
неопредѣленный цвѣтъ, постепенно суживается, малѣетъ, превра-
щается въ точку, наконецъ исчезаетъ.

Такъ и съ историческими событіями. Чѣмъ отдаленнѣе они,
тѣмъ менѣе явственны для насъ ихъ подробности, тѣмъ болѣе
принимаютъ они характеръ стѣльнаго единства, неразлагаемости.
Вѣковая дѣятельность превращается къ дѣло момента; то, что
создалось работой народовъ или поколѣній, представляется дѣломъ
одного лица—военачальника, законодателя, философа или поэта.

Это есть *многочислая* исторія, которая составляетъ какъ бы
преддверіе къ положительной исторіи каждаго народа. Въ созда-

1) Бытія X, 25.

2) Урагі—санскр., ἕπερ греч., ufur—готск., über—нѣмец., over—англ. и
пр. и пр. Nouv. annales des Voyages. 1846. Sept. 327.

ни ей не участвуют ни произволь, ни фантазія: миѳъ есть неизбежное, оптическое явленіе, объясняемое законами перспективы, которой время подчинено также какъ и протяженіе.

Такимъ образомъ есть глубокое различіе между *миѳомъ* и *вымысломъ*, хотя послѣдній обыкновенно идетъ по слѣдамъ перваго. Дѣйствительно, то, что создано вѣковой работою народовъ или поколѣній,—то въ миѳической исторіи представляется дѣломъ одного лица. Какое могущество, какой гений не предположить для такого лица! Оно дѣйствуетъ на землѣ, но не подчинено земнымъ законамъ; оно не земнаго происхожденія, оно изъ таинственнаго начала вынесло дивную силу свою, оно полубогъ, оно богъ! Все современное ему, злое и доброе, должно также измѣниться, принять небывалые размѣры, чтобы стать ему въ уровень. Такъ создается вымышленная исторія, которая опутываетъ собою миѳическую и дѣлаетъ для насъ разумѣніе послѣдней столь затруднительнымъ. Въ миѳѣ, какъ въ одной точкѣ, сосредоточиваются отдѣльные рѣдкіе лучи свѣта, проникающіе сквозь густой мракъ, застилающій отъ насъ глубокую старину; вымыселъ вновь разсѣиваетъ собранные лучи, но не иначе, какъ пропустивъ ихъ сквозь обманчивую призму свою.

Эти объясненія считаемъ мы необходимыми, опасаясь чтобы въ понятіяхъ нѣкоторыхъ читателей *миѳъ* не смѣшался съ *вымысломъ*. Горсти звѣздъ образуютъ въ глазахъ нашихъ свѣтлыя пятна, называемыя *небулозами*; эти пятна принимаются астрономами за дѣйствительно существующія отдѣльныя небесныя тѣла, хотя, конечно, самое понятіе о небулозѣ должно исчезнуть, когда въ телескопѣ разрѣшится она на всѣ составляющія ее звѣзды. Миѳы суть небулозы исторіи.

Родословная Фарры безъ сомнѣнія запечатлѣна миѳическимъ характеромъ, но миѳъ здѣсь представляется въ чистотѣ, въ какой тщетно стали бы мы искать его въ какой либо другой исторіи. Событія этого отдаленнаго времени въ глазахъ Моисея не имѣли

никакой важности для израильскаго народа, какъ чуждыя прямоу содержавію книгъ божественнаго откровенія. Но историкъ необходима была послѣдовательность въ разсказѣ; онъ какъ бы опасался, чтобы воображеніе израильтинъ не наполнило перерывовъ вымыслами, заимствованными у идолопоклонниковъ. Многочислѣнный очеркъ исторіи первобытнаго человечества, съ строгимъ удаленіемъ всякаго вымысла, вполне удовлетворялъ цѣли. При этомъ нельзя не принять въ соображеніе рѣзкихъ особенностей еврейскаго языка, по духу своему столь несходнаго съ нашими. Многое темное для насъ въ еврейскомъ подлинникѣ, языкъ котораго вышелъ изъ употребленія уже за 24 вѣка тому назадъ, было вполне ясно для современниковъ Моисеевыхъ¹⁾. Замѣтимъ, что на еврейскомъ, какъ и на другихъ семитическихъ языкахъ, этническое названіе образуется черезъ прибавленіе къ имени собственному *бенъ-сынъ*, черезъ что слицетворяется мѣсто жительства народа, и самый народъ представляется въ видѣ одного человѣка. Такъ описаніе постепеннаго переселенія и расселенія племенъ, по свойству еврейскаго языка, принимаетъ видъ родословной.

Во всякомъ случаѣ, нельзя не сознаться, что сказанія Моисея о прародителяхъ Авраамовыхъ весьма ясны, не смотря на всю скамосьсю свою. Это было семейство пастырей, мѣнявшее свои пастбища черезъ весьма длинныя промежутки времени и не выходившее изъ пространства, заключающагося между источниками Тигра и Евфрата, въ той именно части Месопотаміи, гдѣ разстояніе между обѣими рѣками наиболѣе значительно. Моисей высказалъ весьма ясно то, что хотѣлъ высказать; не должно искать въ книгахъ его того, что считалъ онъ чуждымъ религіознаго назначенія своихъ писаній.

Внимательное изученіе родословныхъ, наполняющихъ собою

1) Языкъ, на которомъ писаны книги Моисея, вышелъ изъ употребленія народнаго около времени плѣненія вавилонскаго, переродясь подъ вліяніемъ арабскихъ нарѣчій. *E. Renan: Hist. des langues sémit. p. 134.*

главы X и XI книги Бытія, привели повѣйшихъ толкователей ¹⁾ къ убѣжденію, что родословныя эти суть переписи всѣхъ народовъ, бывшихъ *на слуху* у современныхъ Моисею евреевъ и притомъ переписи, составленныя географически, а не этнографически; относительнымъ родствомъ народовъ обозначается ихъ относительное сосѣдство, а не единоплеменность; три главныя вѣтви: Симова, Хамова и Іафетова изображаютъ три условныя полосы извѣснаго въ то время міра. Съ таковой точки зрѣнія легко объясняется многое, что прежде казалось весьма темнымъ или даже подвало поводъ къ сомнѣніямъ въ достовѣрности историческихъ библейскихъ сказаній. Во времена Моисея и Китай и Индустанъ не только были населены, но даже возвысились уже на значительную ступень развитія. Моисей не упоминаетъ ни о китайцахъ, ни объ индусахъ, такъ какъ существованіе ихъ не было извѣстно евреямъ: цѣль писаній его не разширеніе сферы знанія, а только классификація того, что было извѣстно въ его время и очищеніе отъ всякой вредной языческой примѣси. Конечно, многія этническія имена въ Моисеевыхъ таблицахъ и теперь еще подаютъ поводъ къ ученымъ спорамъ, но это разногласіе мнѣній должно быть исключительно приписано несовершенству умѣнія нашего читать священные тексты: каждый шагъ въ такомъ умѣніи есть новое подтвержденіе правдивости библейскихъ сказаній.

Восходящая родословная Сарры достигаетъ Арфаксада, сына Симова, сына Ноева. У Сима были сыновья: Еламъ и Асуръ и Арфаксадъ и Лудъ и Арамъ. Самое загадочное изъ этихъ именъ есть имя Луда, прочія не подаютъ повода къ значительнымъ недоумѣніямъ. Еламъ (древняя Елимаида, *montes Elymaei* у Страбона кн. XI, 5.)—горная страна, прилежащая къ хребту

1) *Rosenmüller*: Handbuch der bibl. Alterthumskunde, I, 1,140 п сл.; *Leopold*: Kanaan, p. 208 п сл.; *Tuch*: Kommentar, p. 252 п сл.; *Bertheau*: Zur Geschichte der Israeliten, p. 173; *Winer*: Bibl. Realwoerterbuch, II, 448, 665.

Загросу, восточному рубежу Месопотаміи; Арамъ-пагорная Сирія, къ сѣверо-востоку отъ Ханаана и Финикіи. Между этими двумя крайними предѣлами тянется отъ востока къ западу длинной полосой горная страна, ограничивающая съ сѣвера равнины Месопотаміи и Сиріи; по направленію этому, слѣдуя старшинству сыновей Симовыхъ, начиная съ востока и съ Елама, старшаго брата, можно прослѣдить всѣхъ братьевъ до запада, до Арама, меньшаго изъ нихъ. Дѣйствительно, за Еламомъ слѣдуетъ Ассуръ, или, что все равно, за Елимаидой Ассирія, страна по лѣвому берегу Тигра къ западу отъ Загроса. Далѣе, по старшинству, за Асуромъ слѣдуетъ Арфаксадъ; отъ востока къ западу, за Ассиріей, тянется страна по правому берегу верхняго Тигра до южнаго верховья Евфрата, до Мурадъ-чая. Въ этой странѣ, слѣдуя другому ряду разсужденій, мы предположили уже Урь-Касдимъ еврейскаго подлинника библии или страну Халдѣйскую греческаго перевода.

Эту самую страну Птоломей называетъ *Αρφακιδίτις*; названіе это нѣкоторые объясняютъ черезъ Арианахата, что значить земля пограничная съ Аріей, съ Ираномъ. 1) Гораздо замѣчательнѣе, впрочемъ, объясненіе названія Арфаксадъ черезъ Авръ-Касдъ, Афръ-Касдъ Арфъ-Касдъ, что возвращаетъ насъ къ извѣстному уже намъ названію Урь-Касдимъ, странѣ Касдовъ, Кардовъ, Калдовъ, Халдеевъ, *χωρὸς τῶν χελδίων*.

И такъ мы видимъ, что, прослѣдивъ всю мифическую исторію предковъ Фарры до самаго родоначальника ихъ Арфаксада, сына Симова, сына Ноева, мы по направленію отъ Ханаана къ нашему Эриванскому Арарату не подвинулись далѣе горной страны, составляющей крайнюю ступень Тавра къ равнинамъ Месопотаміи, не перешли по сѣверную сторону горъ Гордіенскихъ, не удалились отъ источниковъ Тигра. Всѣ преданія, заключающіяся

1) *M. Duncker: Geschichte des Alterthums. 1855. 1,265.*

въ книгахъ Моисеевыхъ о древнѣйшей родинѣ прародителей еврейскаго народа. показываютъ только, что они жили первоначально въ горахъ, ограничивающихъ Месопотамію съ сѣверо-востока, оттуда перешли въ Харранъ и, наконецъ, дошли до Ханаана, гдѣ начинается уже весьма подробная исторія ихъ.—исторія близко извѣстная большей половиной рода человѣческаго.

По прибытіи своемъ въ Ханаанъ, Авраамъ нашелъ тамъ своихъ одноплеменниковъ, говорившихъ на понятномъ для него языкѣ. За исключеніемъ нѣсколькихъ небольшихъ несвязанныхъ племенъ, нѣтъ сомнѣній, что масса народонаселенія Ханаана, Финикій, Арама, Месопотаміи и части Аравіи говорила въ глубокой древности на языкахъ взаимно весьма-сходныхъ, составляющихъ одну семью, извѣстную въ сравнительной филологіи подъ именемъ *симитической*. При этомъ замѣтимъ, что названіе это, укоренившееся въ употребленіи, дано совершенно произвольно и неудачно, такъ какъ можетъ подать поводъ къ недоумѣніямъ. Выше уже было объяснено, что въ переписяхъ народовъ у Моисея одноплеменность выражаетъ въ дѣйствительности сосѣдство, и симитическая группа заключаетъ въ себѣ обитателей средней полосы, безъ вниманія къ ихъ происхожденію. Во всякомъ случаѣ, нельзя не допустить, что народы, говорящіе на сходныхъ между собою языкахъ, суть развѣтвленія одного и того же первобытнаго племени; посему и народы, говорящіе на такъ называемыхъ симитическихъ языкахъ должны быть въѣдъ почитаемы одного происхожденія и называются симитами сходно съ условнымъ филологическимъ названіемъ.

Гдѣ же искать родину этого народа-праотца всѣхъ симитовъ? Нѣтъ никакихъ совершенно данныхъ для разрѣшенія вопроса. Кромѣ евреевъ, мы имѣемъ въкоторыя свѣдѣнія о происхожденіи другого симитическаго народа, игравшаго громкую роль въ древности—о финикіянахъ. Многія обстоятельства заставляютъ предполагать, что они пришли въ Ханаанъ съ низовьевъ Тигро-Евфрата, съ береговъ Персидскаго залива или даже отъ Эритрей-

скаго (Индійскаго) моря. ¹⁾ Но изъ всѣхъ народовъ симитическаго происхожденія финиціане представляютъ въ характерѣ своемъ наиболѣе примѣтъ чужеземной примѣси. Самое чистое воплощеніе симитскаго генія находимъ мы въ евреяхъ и потомъ въ меньшихъ братьяхъ ихъ, въ аравитянахъ. Переселеніе евреевъ съ сѣверо-востока на равнину, единственное изъ всѣхъ симитскихъ переселеній, составляющее неоспоримое достояніе исторіи, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самое позднее. Пренія извѣстны намъ какъ уже совершившіяся, но мы не знаемъ ни какъ, ни когда они совершились. Эта чистота родоваго генія показываетъ, что евреи позже всѣхъ соплеменниковъ своихъ покинули колыбель симитизма и позже всѣхъ подверглись вліянію чужеземному. По законамъ аналогіи, не для однихъ евреевъ, но и для всѣхъ вообще симитовъ можно предположить преннее отечество въ горномъ краѣ, окаймляющемъ равнины Месопотаміи съ сѣверо-востока.

Край этотъ составляетъ самыя южныя предѣлы Арменіи, принимая для предѣловъ ея тѣ неизмѣнныя рубежи, которые опредѣлила для нея сама природа. Край этотъ долженъ почитаться колыбелью всѣхъ симитовъ; здѣсь, въ дико-прекрасныхъ окрестностяхъ Ванскаго озера, не смотря на то, что нынѣ тамъ въ грубомъ нарѣчій несторіанскихъ и халдейскихъ христіанъ слышатся звуки симитической рѣчи, они настоящіе туземцы, коренные обитатели. Эта страна, какъ мы объяснили, носитъ древнѣйшее положительное географическое названіе, съ которымъ связано воспоминаніе о первоначальной судьбѣ человѣчества, облеченное въ миѣическую форму. Далѣе къ сѣверу сама географія принимаетъ уже миѣическій характеръ.

Моисей Хоренаци въ армянской исторіи своей ²⁾ повѣствуетъ,

1) *Movers: die Phönizier*, II, 38; *Bertheau: Zur geschichte der Israeliten*, p. 163; *Knobel*, p. 311; *Tuch: Kommentar über die Genesis*, p. 244; Геродотъ, *Clio*, I, кн. 1.

2) *Mosis Chorenensis: Hist. Armeniacae libri tres etc.* ed. Whistoni (London 1736), lib. I, cap. XLV; въ русскомъ переводѣ Н. Эмина (Москва 1858) стр. 52.

что Шамирамъ (Семирамида), послѣ смерти супруга своего Нина, отправила пословъ къ царю армянскому Араю Прекрасному (Гегецику) съ предложеніемъ ему руки своей и всего царства Ассирійскаго. Предложеніе это было отвергнуто, и Семирамида выступила съ многочисленнымъ войскомъ противъ Арая: произошла кровавая битва, въ которой Арай погибъ отъ рукъ сыновей Семирамидиныхъ; поле битвы названо, въ память Арая, Араратскимъ, или, какъ пѣкоторые толкуютъ, Арай-арать (погибель Арая) ¹⁾. Нѣтъ надобности доказывать, что таковое объясненіе не имѣетъ тѣни правдоподобія. Названіе Арарата не можетъ быть истолковано помощію армянскаго языка; слѣдовательно, если оно и извѣстно армянамъ, то заимствовано ими у другого народа. Какъ мѣстное названіе встрѣчается оно въ числѣ наименованій 15 провинцій, на которыя Великая Армения раздѣлена была при династіи Аршакидовъ, т. е. во II вѣкѣ до Р. Х., одиннадцать лѣтъ послѣ Моисея. Конечно, нельзя безусловно утверждать, чтобы названіе это не было ранѣе еще извѣстно въ Армении, но, во всякомъ случаѣ, таковаго предположенія ничѣмъ нельзя доказать. Замѣтимъ притомъ, что иноязычное названіе чаще выпадаетъ на долю цѣлымъ провинціямъ, чѣмъ урочищамъ: первыя перѣдко искусственно придумываются правительствами, послѣднія даются народомъ. Библейское названіе „Арарать“ весьма естественнымъ образомъ сдѣлалось извѣстнымъ въ Армении во II вѣкѣ до Р. Х. подъ вліяніемъ сирійской цивилизациі или изъ рассказовъ евреевъ, ксто-рые въ то время въ огромномъ числѣ жили въ Армении. Какъ бы то ни было, но такъ называемая нами гора „Арарать“ до сихъ поръ неизвѣстна подъ этимъ именемъ ни армянамъ, ни другимъ сосѣднимъ народамъ. Армяне называютъ ее „Масисъ“ и для объясненія этого названія намъ нѣтъ надобности прибѣгать къ потку Іафетову въ нестомъ колѣнѣ, къ армянскому царевичу

1) *Шонель*: Историч. памятникъ Армянской области (Сиб. 1852) стр. 235.

Амаси, который будто бы далъ имя свое горѣ. *Масисъ*, всего вѣроятнѣе, происходитъ отъ зендскаго слова *масъ*—большой, которое имѣетъ множество родственныхъ словъ въ языкахъ индс-европейскаго корня. ¹⁾ Армянскіе писатели часто даже называютъ *Масисъ* Великой горю, что приводитъ насъ къ гервонаначальному значенію названія. ²⁾

Но если армяне никогда не называли *Масиса* Араратомъ, то, быть можетъ, названіе это дано евреями.

Разберемъ тѣ немногіе тексты библіи, въ которыхъ говорится объ Араратѣ.

И остановился ковчегъ . . . на горахъ Араратскихъ. ³⁾ Нельзя не обратить вниманія на неопредѣленность выраженія; здѣсь не говорится о какой либо вершинѣ, а о *горахъ Араратскихъ*. Ничто столько не придаетъ особенности виду Арарата, какъ совершенно отдѣльное положеніе его. Правда, что гора имѣетъ двѣ вершины, называемыя Большимъ и Малымъ Араратомъ но, не смотря на то, объ оцѣ принадлежалъ одной и той же горѣ, подножью которой обозначается такъ явственно на гладкой Аракской равнинѣ, что вездѣ почти можно безошибочно опредѣлять первый шагъ, сдѣланный на покатыхъ. Утвердительно можно сказать, что выраженіе „горы Араратскія“ не совмѣстно съ нагляднымъ впечатлѣніемъ, производимымъ горою; это выраженіе или указываетъ на какую то систему горъ или, еще неопредѣленнѣе, на горы, заключающіяся въ какой то странѣ.

„Адрамелехъ и Сарасаръ, сынове его, убиша его мечми, сами же убѣжаша во Арменію“. ⁴⁾ Тоже самое событіе изложено въ другомъ мѣстѣ библіи: Адрамелехъ и Шарецеръ, сы-

1) *Мах*—по санскр., *Medz* по арм., *μεζω*—по греч., *mees*—по ретк., *most*—англ., *masse*, *massa*. *Nouv. annales des Voyages*, 1846, Sept., p. 264.

2) *St. Martin*: *Mém. sur l'Arménie*, I, 49; *Mosis Chor.* lib. I, cap. XXIX русского перевода П. Эмпа стр. 68.

3) Бытія VIII, 4.

4) *Исаія* 37, 38.

новья его, убили его мечемъ, а сами убѣжали въ землю Араратскую¹⁾. Такимъ образомъ Арменія принимается здѣсь за одно съ землею Араратскою. Впрочемъ еврейскъ едва ли было извѣстно названіе Арменіи; по крайней мѣрѣ въ еврейскомъ подлинникѣ библіи оно ни разу не встрѣчается. Арменія поставлена на мѣсто земли Араратской въ переводѣ 70 толковниковъ, откуда названіе это перешло и въ славянскій переводъ, точно также какъ земля Халдейская вмѣсто Уръ-Касдима, что мы уже выше замѣтили. Во всякомъ случаѣ, здѣсь Араратъ означаетъ не гору, а область; Арменія греческаго перевода, вмѣсто земли Араратской еврейскаго подлинника, доказываетъ кромѣ тождества этихъ названій и то, что въ времена 70 толковниковъ т. е. въ III вѣкѣ до Р. Х. первое изъ нихъ вытѣснило уже изъ употребленія второе, повидимому болѣе древнее. Два вѣка спустя въ Страбоновомъ описаніи Арменіи мы не встрѣчаемъ названія Араратъ, ни для страны, ни для горы, не смотря на то, что въ это время несомнѣнно, — хотя быть можетъ только официально, — существовало это названіе для обозначенія одной изъ провинцій Армянскаго царства.

Созовите на него царства Араратскія, Минійскія и Асеназскія²⁾. Мы возвратимся впоследствии къ этому тексту, заключающему въ себѣ весьма важныя указанія для древнѣйшей армянской исторіи. Здѣсь замѣтимъ только, что названіе Араратъ принимается уже не для обозначенія какой либо области, но для цѣлой страны, заключающей въ себѣ нѣсколько царствъ. Это какъ бы уводитъ насъ въ мифическую географію древнихъ народовъ, въ Скинію, Туранъ, Эѳіопію.

Сличеніе текстовъ священнаго писанія, въ которыхъ встрѣчается названіе Араратъ, приводитъ насъ къ убѣжденію въ томъ что: 1) Араратъ принимается въ священномъ писаніи за названіе страны, а не какой либо извѣстной горы. 2) Названіе это тожде-

1) Кн. IV Царствъ, XIX, 37.

2) *Иеремія* 51, 27.

ственно съ Арменіей, принимая послѣднюю въ тѣхъ границахъ, которыя сама природа создала для нея. Армянское возвышенное плаго поднимается непосредственно надъ Месопотаміей съ сѣверной стороны ея; если, какъ все заставляетъ думать, страна Араратъ есть Арменія, то таковой Араратъ, въ видѣ длинныхъ, частью покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, горныхъ хребтовъ, замыкалъ собою съ сѣвера широкій горизонтъ плоской, жаркой Месопотаміи. Эта высокая страна, прохладная, дивно-разнообразная, подчиненная особымъ условіямъ физической жизни, составляла для евреевъ какъ бы особую часть свѣта, не ту симитскую, въ которой они жили. Происхождение даже названія Араратъ позволительно объяснять помощью симитическихъ изыговъ: *ar*г=высота; удвоеніе слова, по духу этихъ изыговъ, выражаетъ весьма большую высоту ¹⁾).

Гдѣ же въ стороны, противоположныя Месопотаміи, къ сѣверу и сѣверо-востоку, кончалась, по мнѣнію евреевъ, эта высокая Араратская страна? На этотъ вопросъ нельзя дать опредѣленнаго отвѣта; скажемъ болѣе: эти отдаленные предѣлы не существовали въ землѣзнаніи, ни даже въ воображеніи евреевъ. Справедливо замѣтилъ глубокомысленный Риттеръ, что наша система землѣзнанія преимущественно занимается ви́шней формою, наружными очертаніями ²⁾, иногда даже выпуская изъ виду содержаніе, что, напротивъ, у браминовъ содержаніе вытѣсняетъ форму. Что же сказать послѣ этого о симитахъ, чуждыхъ мыслию и формѣ и содержанію мірозданія, чуждыхъ всѣмъ элементамъ, изъ которыхъ создается человѣческая наука!

Земля Араратская не была совершенно неизвѣстною страню для симитовъ. Какъ мы увидимъ далѣе, исчисляя всѣ извѣстные евреямъ народы, Моисей называетъ и тѣ, которые, по всей вѣроятности, жили въ его время въ Закавказьѣ и даже по сѣверную сторону Кавказа. О народахъ этихъ, какъ видно, дошелъ слухъ

1) Nouv. annales des voyages. 1846. Sept. p. 264.

2) Ritter: Erdkunde; Zweiter Theil, 3—4.

до евреевъ, но ни въ книгахъ Моисея, ни въ цѣломъ ветхомъ за-
вѣтѣ нѣтъ никакого намека на существованіе Кавказскаго хребта,
не смотря на то, что послѣдній рѣзко отдѣляется отъ возвышен-
наго Армянскаго плато. Для земли Араратской встрѣчаемъ мы у
Моисея только одно названіе горы, это есть *Маси*, ¹⁾ названіе,
безъ сомнѣнія, одинаковаго происхожденія съ Эриванскимъ Ма-
сисомъ, но служащее для обозначенія совершенно другаго хребта,
а именно: высокой окраины послѣдняго уступа Армянскаго плато,
который возвышается надъ Харраномъ и, слѣдовательно, былъ
хорошо извѣстенъ и памятенъ евреямъ. Это названіе *Маси* безъ
перемѣны перешло черезъ длинныя ряды вѣковъ: Страбонъ въ гео-
графіи своей называетъ именно эту часть хребта *το Μάσιον ὄρος*, —
горы Масійскія ²⁾).

Мы полагаемъ, что сдѣланный нами разборъ текстовъ
священнаго писанія позволяетъ намъ теперь опредѣлить, какою
именно цѣлью воспоминаній народъ еврейскій во времена Мои-
сеевы связанъ былъ съ Армееіей. Если какой либо народъ
считаетъ себя пришельцемъ въ странѣ, въ которой обитаетъ, то
долго помнить, откуда пришель; забыть даже названіе земли от-
цовъ своихъ, простолудить по солнцу указать рукою сторону, от-
куда пришли они: это есть самое живучее воспоминаніе. Часто
за эту первобытную родину принимается какая либо ближайшая
страна, которая дѣйствительно лежала на пути переселенцовъ и
служила имъ временнымъ пристанищемъ, прежде чѣмъ прискакали
они для себя окончательное новое отечество. Евреи помнили, что
вышли на равнину изъ высокой страны, названной ими потому
землею *Араратского*; помнили, въ которую сторону лежала эта
земля, знали по имени ближайшія къ равнинѣ горы Масійскія, рав-
но какъ и ближайшія къ равнинѣ округъ этой высокой страны
Арфаксась, *Уръ-Касдимъ*, землю *Касдовъ*, *Халдеевъ*: въ этомъ

1) Бытія X, 30.

2) *Страбонъ* кн. XI, гл. 5, § 6; гл. 12 § 4; гл. 14, § 2.

окупѣ, какъ думали они, жилъ праотецъ ихъ, что было очень давно, вскорѣ послѣ потопа, когда людей еще на землѣ было немного и всѣ они жили въ странѣ Араратской, не успѣвъ далеко отойти отъ того мѣста, гдѣ остановился ковчегъ, который, слѣдовательно, остановился на тамошнихъ горахъ, на горахъ Араратскихъ; горами покрыта была вся эта высокая страна, горы тянулись въ неизмѣримую даль. . . .

Преданія о потерянномъ раѣ, о постепенномъ распространеніи зла на землѣ, о всемірномъ потопѣ, о спасеніи небольшого числа праведныхъ, о примиреніи Бога съ обновившимся твореніемъ — сохранились въ памяти весьма многихъ народовъ, но преданія эти каждый народъ разцвѣтилъ по своему самобытными созданіями своего воображенія. Если изъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ повѣствованій выбрать только то, что въ нихъ есть общаго, то составилъ бы рассказъ сжатый, ясный, общечеловѣческій, не подчиненный никакому мѣстному колориту, никакому мѣстному или преходящему духовному настроенію, рассказъ вполнѣ удовлетворительный для вѣрующаго; но не для ученаго: послѣдній тщетно силился бы заключить его въ свей геологической, или географической, или исторической рамкѣ. Къ таковому, совершенно отрѣшившемуся отъ всѣхъ мѣстныхъ условій, преданію всего ближе подходятъ сказанія Моисея о всемірномъ потопѣ.

Но люди не могли помириться съ этою неизвѣстностію: они стали искать мѣсто, гдѣ впервые ступилъ спасшійся челоуѣкъ на осохшую землю, гдѣ въ лицѣ его Богъ благословилъ все земное на новую жизнь.

Къ этому весьма естественному любопытству скоро примѣшалось и чувство національнаго самолюбія, мечта о первородствѣ въ семьѣ народовъ, о неземномъ происхожденіи роднаго языка. Во многихъ странахъ возникло непоколебимое убѣжденіе, что таковое мѣсто, освященное всемірно-великимъ событіемъ, найдено или, лучше сказать, что память о немъ никогда не была утрачена.

Сходство индійскихъ преданій о потопѣ съ симитическими такъ поразительно, что нельзя не принять котораго либо изъ двухъ мнѣній: или что симиты и индусы самостоятельно сохранили воспоминанія, почерпнутыя ими изъ одного общаго центра, который искать должно въ послѣпотопной колибели рода человѣческаго; или что одни заимствовали таковыя преданія у другихъ уже въ позднѣйшія времена.

Оставляя неприкосновеннымъ многозначительный догматъ единства происхожденія рода человѣческаго, мы скажемъ, что наукѣ не только не удалось доказать догмата этого тѣми способами, которыми она обладаетъ, но даже невозможность такового доказательства съ каждымъ успѣхомъ науки становится очевиднѣе. Такимъ образомъ, хотя наука и доказала несомнѣннымъ образомъ единство происхожденія массы народонаселенія Индустана съ массою народонаселенія Европы, но такового единства между симитами и индусами не только доказать невозможно, но даже невозможно и объяснить, если бы допустить его а priori ¹⁾. Съ другой стороны много есть признаковъ, заставляющихъ думать, что, во времена доисторическія, праотцы индусовъ и праотцы симитовъ жили близкими сосѣдями и въ тѣсномъ между собою соприкосновеніи. Если только мы можемъ отыскать страну, гдѣ эти двѣ расы находились между собою въ соприкосновеніи въ доисторическія времена, то, конечно, страна эта приобрѣтетъ въ

1) *Julius Fürst*: Lehrgebaeude der Arameischen Idiome. (Lpz. 1835); *Franz Delitsch*: Tesurun sive Isagoge in grammaticam et lexicographiam linguae hebraicae. (Lpz. 1848); *Bunsen*: Outlines of the philosophy of universal history. (London 1854); *Max Müller*: Letter on the classification of the Turanian languages, помѣщены въ предыдущемъ сочиненіи. Опроверженія этихъ попытокъ привести симитовъ и индо-европейцевъ къ одному корню можно найти въ статьяхъ *Потт* (Aug. Friedr. Pott): въ Deutsche morgenländische Zeitschrift 1855 Bd. IX, p. 405; *Ersch und Gruber*'s Encyclopädie, Zweite Section, 18 Theil. (Lpz. 1840) S. 7 N 11; Die Ungleichheit menschlicher Rassen. 1856. pp. 191, 202, 242, 263; *E. Renan*: de l'origine du langage. 1858. p. 40, 200 и сл.

глазахъ нашихъ особыя права на честь называться колыбелью рода человѣческаго.

Мнѣніе, что преданія индусовъ о всемірномъ потопѣ заимствованы ими уже въ историческія времена изъ западной Азіи, принадлежитъ знаменитому французскому ученому Евг. Бюрнуфу, ¹⁾ котораго имя составляетъ громкій авторитетъ въ наукѣ. Но мнѣніе это подверглось весьма основательнымъ опроверженіямъ ²⁾. Мы не станемъ здѣсь излагать подробности индійскихъ сказаній о потопѣ: замѣтимъ только, что даже во многихъ именахъ собственныхъ они представляютъ сходство съ сказаніями Моисеевыми. Ману (Мануша, Mensch ³⁾, человѣкъ) съ семью мудрыми (Риши) выходитъ изъ ковчега на вершинѣ Гимавата, которая по сему называется *Паубанджана* (нау-корабль и банджа—привязывать). Здѣсь замѣчательно это число *восьми* людей, спасшихся отъ потопа, тождественное съ числомъ, показаннымъ въ Моисеевомъ сказаніи; любопытно также указаніе на значеніе имени Ной (плаватель). Согласно другому индійскому преданію, ⁴⁾ ковчегъ оставился въ горахъ *Тажъ Солиманъ* на возвышенной равнинѣ Арія-варта (Араратъ), гдѣ много дикихъ масличныхъ деревьевъ. Съ Эриванскаго Арарата далеко должно было летѣть голубицѣ, чтобы принести въ ковчегъ масличную вѣтвь.

Неизвѣстно, составили ли себѣ Ханаанскіе евреи какое либо опредѣлительное понятіе о мѣстѣ, гдѣ остановился ковчегъ. Древнѣйшее указаніе въ этомъ отношеніи находимъ мы у Флавія Іосифа

1) Bhagavata-Purana. t. III, p. XXI, L. 1. Ср. *F. Nève*: la tradition indienne du déluge dans sa forme la plus ancienne. Paris 1851.

2) *G. Ewald*: Geschichte des Volks Israel. 2-e Ausgabe, 1, 361 и Jahrbücher der biblischen Wissenschaft. 1852. IV, 227; *Roth*: Indische Studien. 1850. t. 1. p. 161 и сл., *Weber* въ Münchener gelehrte Anzeiger. 1849. p. 26 и сл., 1850. p. 72; *Fr. Windischmann*: Ursagen der arischen Völker. München 1852. p. 4 и сл. *A. Kuhn*: Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1854. t. IV: p. 88.

3) *Fr. Bopp*: die Sündfluth nach dem Maha-Bharata. 1827.

4) *Ritter*: Vorhalle europäischer Völkergeschichten. (Berlin 1820). p. 330.

въ его сочиненіи о древностяхъ іудейскихъ ¹⁾: «о потопѣ семь и о ковчегѣ упоминають всѣ бытописатели варварскихъ народовъ, между прочими Берозъ Халдеецъ. Говоря о потопѣ, онъ такъ выражается; рассказываютъ, что около горы Кордіейской до сихъ поръ существуетъ остатокъ корабля, который приплылъ въ Арменію, и что нѣкоторые соскабливають съ него смолу, весьма употребляемую въ народѣ при очищеніи отъ грѣховъ. Объ этомъ упоминаетъ и Геропимъ египтянинъ, который, какъ извѣстно, писалъ о древностяхъ финикійскихъ, равно какъ Мнвзеасъ и многіе другіе. Николай Дамасскій въ ХСѢ книгѣ своей исторіи пишетъ: есть выше страны Мидійской, въ Арменіи, большая гора, по имени Барись, на которой, какъ рассказываютъ, многіе спаслись бѣгствомъ во время потопа и нѣкто ерибылъ на вершину горы въ ковчегѣ, остатки котораго долгое время сохранялись. Повидимому, человекъ этотъ тотъ самый, о которомъ писалъ Моисей, законодатель іудейскій».

Судя по немногимъ свѣдѣніямъ, которыя мы имѣемъ о Берозѣ, халдейскомъ историкѣ, можно положить, что онъ жилъ за три вѣка до Р. Х. ²⁾ Изъ дошедшихъ до насъ отрывковъ его сочиненій, равно какъ и сочиненій ученика его Абидена, видно, что, по мнѣнію завилопанъ, нѣкто Ксизутръ спасся во время всемірнаго потопа въ ковчегѣ, который остановился на Курдистанскихъ горахъ. Какъ бы то ни было, но древнѣйшее положительное указаніе симитовъ на мѣсто, гдѣ остановился ковчегъ, приводитъ насъ въ самыя южныя предѣлы Арменіи, гдѣ соприкасается она съ Месопотаміей, въ горы Кордіейскія, Гордіейскія, Карду, гдѣ, какъ мы выше уже видѣли, была колыбель евреевъ, страна Арфаксидъ, Уръ-Касдимъ, земля Халдейская.

1) *Fl. Josephi Antiquit. Jud.* (Oxoniae 1700) Cap. III. lib. 1. §§ 6, 18.

2) *Moréri: Dict. hist.* (Amst. 1740) t. II, p. 238; *Biographie universelle* t. IV, (Paris 1811), p. 335; *Prideaux: Connexion of the history of the Old and New Testament.* (Lond. 1725). vol. II, p. 803.

Доказательствомъ, какъ распространено было между симитами убѣжденіе въ томъ, что ковчегъ остановился именно въ горахъ Курдистанскихъ, служить тарджумимъ т. е. халдейское толкованіе пятикнижія, составленное Онкелосомъ. Горы Араратскія подлинника названы у Онкелоса горами Кордукскими. Мы уже не разъ имѣли случай замѣтить, что въ греческомъ переводѣ семидесяти толковниковъ древнія названія еврейскаго подлинника замѣняемы были новѣйшими, сдѣлавшимися уже болѣе извѣстными. Такъ и устарѣвшее названіе Арарата въ иныхъ мѣстахъ замѣнено Арменіей. Этой самой системѣ слѣдовалъ и халдейскій парафразистъ; замѣняя названіе горъ Араратскихъ горами Кордукскими, онъ не противурѣчитъ ни подлиннику, ни переводу 70 толковниковъ, ни всѣмъ прочимъ переводамъ, такъ какъ горы Корду, заключающія въ себѣ источники Тигра, находятся въ предѣлахъ Арменіи или, что тоже самое, въ предѣлахъ страны Араратской. Горы эти, конечно, могли называться въ общемъ смыслѣ горами Араратскими. Халдейское толкованіе, какъ видно, придаетъ только болѣе опредѣлительное значеніе указанію подлинника и другихъ переводчиковъ.

Мнѣніе, согласно которому ковчегъ остановился на одной изъ горъ, ближайшихъ къ Месопотаміи, принято болшею частію восточныхъ христіанъ, сирійскихъ и арабскихъ. Св. Епифаній, жившій въ IV в., въ сочиненіи своемъ противъ ересей пишетъ: «послѣ потопа ковчегъ Ноевъ остановился на горахъ Араратскихъ между Арменіей и Курдистаномъ, на горѣ, называемой Лубаръ. Тамъ послѣ потопа было первое жилище людей» ¹⁾. Гора Лубаръ, по мнѣнію Св. Епифанія, возвышалась надъ равниной Сennaарской. Св. Ефремъ полагалъ, что гора Араратъ находится въ Ассирійскихъ горахъ, занимаемыхъ курдами. На мѣстѣ, освя-

1) Epipl. adv. Hores. lib. 1. p. 4, 5.

щенномъ воспоминаіемъ о ковчегѣ, устроенъ былъ монастырь ¹⁾.

Эти древнія преданія до нашего времени сохранились во всей свѣжести своей въ Курдистанѣ, хотя первоначальная чистота ихъ и омрачилась обильною примѣсью невѣжественнаго суевѣрія тамошнихъ жителей. Согласно мѣстнымъ повѣрьямъ, колыбель возрожденнаго человечества находится на высокомъ хребтѣ *Джебелъ-Джуди*, который тянется къ югу отъ озера Вапа по лѣвому берегу верхняго Тигра. Селеніе Нахрананъ получило названіе свое отъ Ноя; по близости, на высотахъ Джебелъ-Джуди, находится урочище, называемое *Теманинъ* отъ арабскаго *تھان* (тсеманъ восемь), въ память восьми спасшихся людей; тамъ, въ устроенной дервишами молельнѣ, каждую пятницу сами собою зажигаются таинственные огни ²⁾. Въ справедливости всего этого твердо убѣждены окрестные жители, и лѣтъ тридцать тому назадъ турецкій паша увѣрялъ англійскаго резидента Рича, что онъ самъ восходилъ на вершину Джебелъ-Джуди и собственными глазами видѣлъ тамъ остатки большого корабля, въ которомъ видѣлись еще длинныя гвозди ³⁾.

Но въ сдѣланной нами выпискѣ изъ Флавія Іосифа есть еще ссылка на Николая Дамасскаго (жившаго около времени Р. Х.); показаніе послѣдняго заслуживаетъ особаго разбора.

Трудно опредѣлить, въ какой части Арменіи находилась гора Барисъ. Названіе это встрѣчается у Страбона въ одномъ мѣстѣ: «разсказываютъ, что нѣкоторые Ашшанцы поселились частію въ Уйтїи, частію же за армянами, по ту сторону горы Абоса и горы Цмбара, двухъ частей Тавра, изъ которыхъ первая, Абосъ, находится подлѣ дороги, ведущей къ Екбатанѣ и проходящей мимо

1) *Assemani*: Bibliotheca orientalis Clementino—Vaticana (I—4 Roma 1719—28), Т. II, р. 113.

2) I. *Rennel*: Illustrat. I. с. р. 162.

3) I. *Rich*: Narrat. II р. 124.

святилища Бариды» ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ ²⁾ Страбонъ говоритъ, что изъ Абоса берутъ начало свое Евфратъ и Араксъ, изъ которыхъ одинъ течетъ къ западу, а другой къ востоку. Это опредѣленіе неясно, потому что есть два отдѣльныхъ верховья Евфрата, но если примемъ за Абосъ хребетъ Бингѣль и восточное продолженіе его между Араксомъ и Мурадомъ (восточнымъ верховьемъ Евфрата) до самаго Эриванскаго Арарата, то опредѣленіе, сдѣланное Страбономъ, становится понятнымъ. Какъ бы то ни было, нѣтъ сомнѣній въ томъ, что Абосомъ Страбонъ называетъ горный хребетъ, лежащій въ центрѣ Арменіи, вдали отъ Месопотаміи. Весьма трудно объяснить, въ честь какого божества устроено было святилище Бариды (της Βαριδος ἑσών), такъ какъ богиня таковаго имени неизвѣстна. Для разрѣшенія этого вопроса истрачено было много учености ³⁾ и хотя выводы получились весьма различные, но всѣ они показываютъ, подъ влияніемъ какого общаго предположенія было разбираемо загадочное слово. Слово это встрѣчается только разъ у Геродота ⁴⁾ въ видѣ названія для особыхъ судовъ весьма простаго устройства, бывшихъ въ употребленіи у египтянъ; оно, повидимому, не греческое, а принадлежитъ какому то восточному языку. По этому святилище Бариды или гора Барисъ имѣютъ, какъ кажется, отношеніе къ ковчегу. Теперь Эриванскій Араратъ окрестными жителями обыкновенно называется Агырьдагъ *أغر طاغ*, что значитъ по турецки тяжелая, трудная гора. Названіе это, впрочемъ, объясняютъ какъ испорченное Арги-дагъ, что приближаетъ къ греческому *Арго*, названію корабля Аргонавтовъ и къ *Арка*, названію ковчега въ переводѣ 70 толковниковъ. Бохартъ производитъ названіе святилища *Барисъ* отъ еврейскаго слова: «беритъ», что значитъ *завѣтъ поставилъ*, слово, семь разъ

1) *Страбонъ*, кн. XI, гл. 14, § 14.

2) Тамъ же, § 2.

3) *Ritter: Erdkunde*, X, 360.

4) *Геродотъ*, кн. II § 96.

повторяющееся въ повѣствованіи Моисея о томъ, какъ Елогимъ ¹⁾ благословилъ Ной и сыновей его ²⁾. Наконецъ, названіе Барисъ объясняютъ и армянскимъ словомъ «барисъ» или «баризъ», что значитъ исходъ. Замѣтимъ, что Фл. Иосифъ повѣствуетъ, что армяне назвали мѣсто, гдѣ вышелъ Ной съ сыновьями изъ ковчега *κλωστριον*, что значитъ по гречески исходъ.

Какъ мы видимъ, недоумѣніе скорѣе можетъ возникнуть изъ избытка таковыхъ словотолкованій, чѣмъ изъ недостатка. Это избытокъ вполнѣ доказываетъ совершенную бесплодность ихъ для науки тамъ, гдѣ не подтверждаются они разносторонними сближеніями, основанными на историческихъ данныхъ. Во всякомъ случаѣ, можно положить за несомнѣнное, что гора Барисъ находилась не на краю, а въ центрѣ Арменіи, не въ дальномъ разстояніи отъ Аракса. Въ такомъ случаѣ, всего вѣроятнѣе, что преданіе связано было съ Эриванскимъ Араратомъ, который не только огромностью своею, но и весьма оригинальнымъ видомъ привлекаетъ на себя вниманіе, предпочтительно предъ всѣми окрестными горами. И такъ, свидѣтельство Николая Дамасскаго доказываетъ, что уже во времена Р. Х., кромѣ горъ Курдистанскихъ, народное вѣрованіе связывало преданіе о ковчегѣ еще съ другою горою въ центрѣ Арменіи, по всей вѣроятности съ Эриванскимъ Араратомъ.

Нетрудно объяснить, почему такое мнѣніе возникло уже въ позднѣйшія времена. Мы видѣли, что ханаанскіе евреи придавали названію Араратской страны весьма обширное значеніе; всякая гора въ Арменіи могла называться горою Араратскою. Весьма естественнымъ образомъ преданіе первоначально оставилось на наиболѣе близкихъ къ Месопотаміи и слѣдовательно на наиболѣе извѣстныхъ симитамъ горахъ, на горахъ Курдистанскихъ, тѣмъ бо-

1) Такъ называется Всевышній въ книгахъ Моисеевыхъ. Иегова есть позднѣйшее названіе.

2) Бытія IX, 9—17.

лѣе, что древнѣйшія сказанія еврейской исторіи съ ними связаны. Съ теченіемъ времени, неопредѣленное названіе «страна Ара-ратская» замѣнилось Арменіей; Араратъ сдѣлался названіемъ области, лежащей въ центрѣ Арменіи; прежнее общее значеніе этого названія было забыто; должно было искать мѣсто пристанища ковчега въ горахъ области Араратской, и вниманіе не могло не остановиться на величественномъ при-аракскомъ Масисѣ. Это совершенно объясняется слѣдующимъ мѣстомъ изъ сочиненія Блаженнаго Іеронима, одного изъ ученѣйшихъ комментаторовъ бібліи, жившаго во второй половинѣ IV и началѣ V в. по Р. Х. ¹⁾ «Ара-ратъ, пишеть оупъ, есть ровная страна въ Арменіи, орошаемая Араксомъ, невѣроятно плодородная, у подножы горы Тавра, который распространяется до этого мѣста. Слѣдственно, и ковчегъ, въ которомъ спасся Ной съ дѣтьми своими, по окончаніи потопа, остановился не вообще на горахъ Арменіи, которая называется Араратомъ, но на высочайшихъ горахъ Тавра, которыя поднимаются надъ полями Араратскими». Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что современникъ Св. Іеронима, историкъ армянскій Моисей Хоренаци ни слова не говоритъ о правахъ при-аракскаго Масиса на столь громкую знаменитость; доказательство, что мнѣніе это въ его время еще не сдѣлалось общенароднымъ. Впрочемъ, Араратская область въ этомъ вѣкѣ приобрѣла въ глазахъ армянскаго народа глубоко-національный характеръ святости; въ ней, въ виду величественнаго Масиса, Царь Тиридатъ и народъ его воспріяли св. крещеніе; край просвѣтлѣлъ воспоминаніями о мѣстахъ, гдѣ жилъ, страдалъ и подвизался Св. Григорій, Прозвѣтитель Арменіи.

Полобно тому, какъ въ средніе вѣка Іерусалимъ почитался средоточіемъ вселенной, такъ и для армянъ окрестности Масиса представились средоточіемъ всего обширнаго отечества ихъ,—даже средоточіемъ вселенной (Արարատի միջոցն աշխարհի) миджоць ашхархи)

1) Opera Sancti Hieronymi. t. IV p. 12 Comment. in Isaiam.

umbilicus mundi, откуда рѣки текутъ во всѣ четыре стороны свѣта. 1) Гдѣ же было и остановиться ковчегу, какъ не на высшей точкѣ этого средоточія вселенной!

Такое убѣжденіе скоро пустило глубокіе корни въ умахъ армянъ.

Теперь еще вся долина Аракса въ Эриванской губерніи усѣяна свѣжими воспоминаніями о Ное и семействѣ его; показываютъ мѣсто, гдѣ патриархъ принесъ первое жертвоприношеніе послѣ потопа, гдѣ посадилъ онъ виноградъ, гдѣ добылъ первый кусокъ соли, гдѣ поселился, гдѣ похороненъ. . . Чтобы доказать не только то, что ковчегъ дѣйствительно остановился на горѣ Масисѣ, но и то, что Ной говорилъ на армянскомъ языкѣ, туземные ученые прибѣгли къ самымъ изысканнымъ толкованіямъ мѣстныхъ топографическихъ названій. Названіе селенія Архури, которое находилось на уступѣ Большаго Арарата и погибло во время землетрясенія 1840 г., значитъ: онъ посадилъ виноградъ; округъ Арнойотнъ, къ востоку отъ Арарата, — *около Ноевой ноги*; Марандъ, городъ въ Адербиджапѣ, — *мать тамъ*, гдѣ и показываютъ могилу жены Ноевой; Нахичеванъ — *первое пристанище*. Последнее названіе заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, какъ весьма древнее, потому что Птоломей, писавшій въ началѣ II в. по Р. Х., упоминаетъ уже о городѣ Наксуанѣ, — греческая передѣлка армянскаго имени. Но, само собою разумѣется, что цѣль надобности прибѣгать къ потопу, чтобы объяснить себѣ возможность происхожденія такового названія.

Въ христіанской Европѣ, какъ кажется, долго придаваемо было Моисееву сказанію о потопѣ неопредѣленное значеніе, тѣмъ болѣе что, при затруднительности прямыхъ сношеній, всѣ свѣдѣнія объ Арменіи сдѣлались смутными и неопредѣленными. Рѣдкіе путешественники, иссѣщавшіе этотъ край, сообщали мѣст-

1) *Mosis Chorenensis*, Geographia in Hist. Arm., ed. Whistoni, (Lond 1736). p. 358.

ныя легенды о Масисѣ, какъ нѣчто новое и неизвѣстное. Рубруквисъ ¹⁾ (1253 г.) рассказываетъ, что онъ слышалъ въ Наксуанѣ (въ Нахичевани) будто бы на одной изъ двухъ горъ, у подошвы которыхъ протекаетъ Араксъ и которыя называются Масисъ, оставился ковчегъ. Тоже повѣствуетъ и Венеціанецъ Марко-Поло ²⁾, который, притомъ, и объясняетъ названіе горы Агырь-дагъ посредствомъ Арка-дагъ—гора ковчега. Турнефоръ ³⁾, посѣтившій Армению въ 1701 году, сомнѣвается въ справедливости преданія о Масисѣ. ⁴⁾ По мѣрѣ ближайшаго ознакомленія съ Армеліей, мѣстное повѣрье о ковчегѣ дѣлалось болѣе и болѣе извѣстнымъ въ Европѣ: теперь всякій знаетъ географическое положеніе библейской горы Арарата, хотя гора эта и совершенно неизвѣстна туземцамъ подъ таковымъ названіемъ.

Допустивъ, что Масисъ есть дѣйствительно гора ковчега, нѣкоторые германскіе ученые шагнули еще далѣе: они старались проникнуть причины, по которымъ гора эта сдѣлалась избранницею между всѣми горами земнаго шара или, по крайней мѣрѣ, между всѣми горами стараго свѣта. Оставляя въ сторонѣ мистическія толкованія, мы приведемъ здѣсь только мнѣнія Раумера и Гофа объ этомъ предметѣ, ⁵⁾ какъ болѣе ясныя и опредѣли-

1) Voyage en Orient du Frère Guillaume de Rubruk въ Recueil de Voyages et de Mémoires publié par la Société de Géographie. (Paris, 1824—1840. 4°), T. IV, 1839, p. 383—387.

2) Marco Polo, lib. 1, c. 2.

3) Piton de Tournesfort: Relation d'un voyage du Levant (T. 1, 2, Amsterdam, MDCCXVIII) t. 2, p. 140.

4) Необходимо прибавить, что Турнефоръ сомнѣвался вълѣдствіе того, что въ окрестностяхъ Арарата нѣтъ масличныхъ деревъ. Вотъ его подлинныя слова: „je ne sçai où la Colombe qui sortit de l'Arche fut chercher un rameau d'Olivier, supposé que l'Arche se soit arrêtée sur le Mont Ararat, ou sur quelque autre montagne d'Arménie; car on ne voit pas de ces sortes d'arbres aux environs, ou il faut que l'espèce s'en soit perdue; cependant les Oliviers sont des arbres immortels.“ II, 140. Примѣч. рех.

5) Raumer: der Ararat etc. ein Beitrag zur biblischen Erdkunde in Herta Bd. XIII, 1829, pp. 333—340; Carl Hoff: Geschichte der durch

тельные. Весьма естественнымъ образомъ можно предполагать для горы ковчега такое географическое положеніе, которое благопріятствовало бы эксцентрическому расселенію рода человѣческаго, положеніе въ узлѣ великихъ, проведенныхъ самою природою путей, по которымъ люди могли бы постепенно производить свои переселенія. Замѣчены слѣдующія особенности положенія горы Арарата въ отношеніи къ материкамъ древняго свѣта: 1) она находится почти въ самой серединѣ длиннѣйшаго протяженія материка отъ мыса Доброй Надежды до Берингова пролива, 2) почти въ серединѣ великой африко-азиатской полосы пустынь, 3) въ серединѣ длинной полосы средиземныхъ морей и озеръ, начиная отъ Гибралтара до Байкала и 4) въ центральномъ положеніи въ отношеніи къ окрестнымъ морямъ: Каспійскому, Черному, Средиземному, Черному и заливу Персидскому. Эти особенности дѣйствительно замѣчательны, но не имѣютъ никакого отношенія къ предполагаемымъ условіямъ положенія горы ковчега. Здѣсь обнаруживается для Арарата только центральность разстояній, центральность математическая, между тѣмъ какъ удобства переселеній народовъ опредѣляются другими законами, физическимъ устройствомъ земнаго шара, сходствомъ и противуположеніемъ климатовъ, естественныхъ произведеній, всѣхъ условій жизни. Внимательное изученіе физической географіи вполнѣ обнаруживаетъ, что не на Араратѣ должны мы искать пункта, раздѣляющаго всѣ таковыя условія. Притомъ, не только для младенчествующаго послѣднотопнаго человечества, но и для пережившаго уже цѣлыя тысячелѣтія, негостепримныя моря, каковы Черное и Каспійское, представляли преграды, а не средства къ расселенію.

Ueberlieferung nachgewiesenen natürl. Veränderungen der Erdoberfläche (Gotha 1822—41), Th. III, p. 369. Ср. также *J. Görres: die Völkertafel des Pentateuch.* 1845 и *A. v. Haxthausen: Transkaukasien* (1—2, 1. pz. 1856), I, 168.

Обозначимъ въ нѣсколькихъ словахъ выводы, до которыхъ дошли мы:

1) Сказанія Моисеевы о первоначальномъ отечествѣ евреевъ и даже о колыбели рода человѣческаго несомнѣннымъ образомъ указываютъ на горную страну, лежащую къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ Месопотаміи, на страну, называемую въ подлинникѣ Священнаго Писанія *страною Араратскою*.

2) Эта библейская страна заключала въ себѣ Арменію, но ничего не доказываетъ, чтобы предѣлы ея къ сѣверу и востоку совпадали съ естественными сѣверными и восточными рубежами Арменіи. Съ большимъ вѣроятіемъ можно предположить, что таковыя сѣверные и восточные предѣлы страны Араратской терялись для евреевъ въ неизмѣримой дали.

3) Немногія опредѣлительныя географическія данныя о землѣ Араратской, встрѣчающіяся въ книгахъ Моисеевыхъ, не выходятъ изъ той полосы Арменіи, которою она непосредственно соприкасается съ Месопотаміей. Названіе древняго праотца евреевъ, Арфаксада, сына Симова и внука Ноева, имѣетъ, какъ мы видѣли, соотношеніе съ землею Урѣ Касдимъ, откуда беретъ начало свое рѣка Тигръ.

4) Если ограничиться этими опредѣлительными географическими данными, то, конечно, всю исторію первобытнаго человечества и даже все преданіе о ковчегѣ можно бы отнести къ самымъ южнымъ предѣламъ Арменіи или къ горамъ Курдистанскимъ. Мы видѣли уже, что таковое мнѣніе дѣйствительно было самое древнее у жителей Месопотаміи. Можно бы заключить, что Великая Арменія и Закавказье населились съ юга и что, потомъ, изъ Закавказья, по направленію отъ запада къ востоку, населилась глубь Азіи.

Но таковое заключеніе рѣшительно противурѣчитъ всему, что только мы знаемъ изъ другихъ источниковъ о порядкѣ заселенія народовъ. Этого противурѣчія нельзя не приписать оши-

бочному взгляду нашему на сказанія Моисеевы. Часто стыскиваемъ мы опредѣленное, тѣсное значеніе тамъ, гдѣ въ одномъ условномъ наименованіи заключена цѣлая группа историческихъ или географическихъ понятій. Въ книгахъ Моисеевыхъ яркій свѣтъ брошенъ лишь на главное содержаніе, обстановка погружена въ тѣнь, обозначается вскользь, немногими чертами. Эти черты, эти намеки, наполняющіе собою первыя главы книги Бытія, позволяютъ явственно усматривать между писанными строками многое, что заключаетъ въ себѣ великую, всемірную записательность, но чего Моисей не написалъ, потому что писалъ съ опредѣленною цѣлю и исключительно для евреевъ. Передъ нами рисуется какъ бы страна - призракъ, гдѣ была колыбель рода человѣческаго, гдѣ протекла въ невѣдомой для насъ дѣятельности долгая жизнь первыхъ людей, гдѣ глубокія различія, отдѣляющія нмѣвъ европейца отъ азіатца, жителя полярныхъ краевъ отъ жителя тропическихъ, — были не болѣе какъ легкія видоизмѣненія общаго семейнаго типа. Эта страна - призракъ исчезаетъ безъ слѣда въ послѣдующихъ книгахъ Бытія; исторія переносится въ западную Азію, на равнины Месопотаміи, въ Сирію, въ Египетъ.

Прежде всего замѣтимъ, что земля Араратская, Арменія, лежить къ сѣверу отъ Месопотаміи и отъ земли Сеннаарской, гдѣ, согласно Священному Писанію, возникли первыя человѣческія существа. Обозначая главное направленіе переселенія, Моисей не могъ бы иначе сказать, какъ то, что люди пришли съ сѣвера, отъ полуночи, если бы пунктъ начального исхода (ихъ находился въ Арменіи. Но мы читаемъ: «двинувшись съ Востока, они пришли въ землѣ Сеннааръ равнину, и поселились тамъ.» ¹⁾ По сотвореніи человѣка, «насадилъ Господь Богъ рай въ Едемѣ на востоку и помѣстилъ тамъ человѣка, котораго создалъ.» ²⁾ Послѣ убійства

1) Бытія XI, 2.

2) Тамъ же II, 8.

Авеля, пошелъ Каинъ отъ лица Господия; и поселился въ землѣ Нодъ *на востокъ* отъ Едема. ¹⁾ Всѣ эти выраженія не представляютъ ничего опредѣленнаго въ географическомъ смыслѣ, но нельзя не замѣтить, что они повторяются какъ бы только для означенія, что все повѣствуемое происходило на востокѣ, вдали отъ земли Сенаарской, вглуби Азіи. Нигдѣ не встрѣчается означенія которой либо изъ остальныхъ трехъ сторонъ свѣта. Особого вниманія заслуживаетъ страна Едемъ, въ которой *на востокъ* посаженъ былъ рай, откуда рѣка разлучается въ четыре начала.

Сдѣланный Моисеемъ очеркъ положенія страны Едемъ такъ неясенъ, что многіе придаютъ этому описанію мистическое значеніе, утверждая, что оно не относится ни къ какой странѣ земнаго шара, или, что страна Едемъ смыта съ лица земли всемірнымъ потопомъ. Конечно, нигдѣ нельзя отыскать рѣки, которая бы изъ одного первоначальнаго общаго ложа разливалась на четыре, образуя четыре великія рѣки, текуція въ четыре стороны свѣта. Но это есть только особый способъ воззрѣнія на гидрографію, свойственный всему древнему востоку. Возвышенная страна, гдѣ сходятся, врѣзываются другъ въ друга узкими зубцами и перепутываются бассейны великихъ рѣчныхъ системъ, представляется въ видѣ одного общаго недѣлимаго водоначала. Таковая страна имѣетъ характеръ особой мистической святости въ глазахъ индусовъ и персовъ, какъ средоточіе вселенной, порогъ міра между небомъ и землею, гдѣ начинаются воды и, разливаясь, напоятъ четыре стороны свѣта. ²⁾ Это есть Меру браминовъ, Борджъ персовъ, рѣка Арванда, изъ которой изливаются всѣ земныя рѣки. ³⁾

1) Тамъ же IV, 16.

2) Источникъ же исходилъ изъ земли и наполнил все лице земли. Битія II, 6.

3) *E. Burnouf*: Commentaire sur le Yaçna (Paris 1835), addit. p. CLXXXIV; *Spiegel*: Avesta (Lpz. 1853) I, p. 61 и сл.

Текстъ Моисеевъ: «изъ Едема выходила рѣка для орошенія рай; и потомъ раздѣлялась на четыре рѣки» ¹⁾ позволительно парафразировать слѣдующимъ образомъ: «воды же Едемскія наполняютъ рай и оттуда разлучаются въ четыре начала».

Названія и въ особенности описаніе райскихъ рѣкъ несомнѣннымъ образомъ обнаруживаютъ, что страна Едемъ имѣла въ глазахъ Моисея опредѣленное положеніе. Понятіе о положеніи этой страны хочеть онъ передать своему народу и потому, противъ обыкновенія своего, обращается къ объясненіямъ, такъ какъ дѣло повидимому шло о предметѣ, частью выступавшемъ изъ предѣловъ горизонта яснаго видѣнія и пониманія евреевъ.

Этихъ рѣкъ четыре: Фисонъ, Геонъ, (Гихонъ еврейскаго подлинника), Тигръ (Хиддекель подлинника) и Евфратъ (Фератъ). Названія первыхъ двухъ рѣкъ не встрѣчаются нигдѣ болѣе въ книгахъ Священнаго Писанія: разъ были произнесены они и потомъ умолкли. Очевидно, что двѣ рѣки эти находились совершенно внѣ симитскаго міра.

Евфратъ названъ послѣднимъ и безъ всякихъ поясненій, какъ рѣка, хорошо извѣстная евреямъ. Евфрату предшествуетъ рѣка Тигръ (Хиддекель), «она протекаетъ предъ Ассирією». ²⁾ Очевидно, что мы находимся въ области географіи, весьма положительной и точной на столько, на сколько возможно это безъ помощи картъ и астрономическихъ опредѣленій. Послѣдняя рѣка Евфратъ находится къ западу отъ Тигра, слѣдовательно рѣки исчислены по порядку отъ востока къ западу, и Фисонъ есть самая восточная изъ числа ихъ, самая отдаленная отъ евреевъ.

Такъ какъ Моисей говоритъ, что всѣ четыре рѣки берутъ начало свое изъ одной страны, изъ Едема, то мы невольно сближаемъ въ воображеніи источники ихъ. Прежде всего представ-

1) Бытія II, 10.

2) Бытія II, 14.

лется уму возможность причислить къ Евфрату и Тигру—Чорохъ или Куру и Араксъ; послѣдняя рѣка также называлась въ древности Фазисъ, Фасъ, что весьма близко подходитъ къ райскому *Фисонъ*. Страна Едемъ, ограниченная источниками этихъ четырехъ рѣкъ, не имѣла бы слишкомъ большого протяженія; въ предѣлы ея вошли бы и Араратъ Эриванскій и область Арфаксадъ, гдѣ, какъ мы видѣли, началась положительная исторія евреевъ.

Но поясненія, присовокупленные Моисеемъ къ названіямъ первыхъ двухъ рѣкъ, дѣлаютъ невѣроятнымъ такое предположеніе.

„Имя одной *Фисонъ*: она обтекаетъ всю землю Хавила, ту гдѣ золото; и золото той земли хорошее; тамъ бдолахъ и камень ониксъ. Имя второй рѣки *Гихонъ* (*Геонъ*); она обтекаетъ всю землю Кушъ. 1)

Окусъ теперь еще извѣстенъ на мусульманскомъ востокѣ подъ именемъ Джигона, (جیحون — *Джейхунъ*), но имя это, быть можетъ данное въ позднѣйшія времена, не доказываетъ тождества Окуса съ библейскимъ *Геономъ*. Во всякомъ случаѣ, трудно отыскать рѣку, которая бы болѣе Окуса удовлетворяла условіямъ объясненія. Нѣкоторые толкователи 2) библии подразумеваютъ подъ *Геономъ* Ниль, но, для означенія столь извѣстной евреямъ рѣки, Моисей не употребилъ бы неизвѣстнаго имени и не назвалъ бы *Месраима* (Египта) землею *Еоіопскою*, *Хусовою*. Притомъ, Ниль былъ бы не на мѣстѣ, послѣ Тигра и Евфрата, при исчисленіи рѣкъ отъ востока къ западу. Есть нѣкоторые обстоятельства, объясняющія почему Моисей могъ назвать прибрежье Окуса, древнюю *Бактриану*, землею *Кушитскою* или *Еоіопскою*. Намъ представится еще случай возвратиться къ этому предмету.

1) Бытѣ II, 11—13.

2) См. *Leipziger*: Кенаан, р. 20.

Наиболѣе любопытства должна возбудить въ насъ самая восточная изъ четырехъ райскихъ рѣкъ-Фисонъ. Она укажетъ намъ, какъ далеко вглубь Азіи простиралась страна Едемъ.

Мы не знаемъ никакой большой рѣки съ таковымъ именемъ, но *Фисонъ*, какъ мы уже сказали, по всей вѣроятности есть родственное названіе съ *Фазисъ* или *Фасисъ*. Последнее принадлежитъ множеству рѣкъ древняго индо-европейскаго, арійскаго міра. Названіе это весьма вѣроятно въ связи съ санскритскимъ словомъ *визанъ* ¹⁾, означающимъ *воду, влагу*, откуда *Wasser, Water, вода*. Оно, само собою разумѣется, нисколько не объясняетъ положенія библейской рѣки, а только развѣ то, что названіе это дано не симитами. Но названіе страны, орошаемой Фисономъ, страны *Евматской* или *Хавила*, многозначуще. Замѣтимъ, что въ еврейскомъ подлинникѣ оно начинается согласно; ближе къ настоящему произношенію есть *Nevila* перевода Лютера, *Гевила* ²⁾, *Гавила, Кавила*. Это есть страна верхняго бассейна Инда, страна Капиловъ, древняго могущественнаго, смуглаго, индійскаго племени; страна гдѣ греки знали рѣку Кампилюсъ, гдѣ Птоломей помѣстилъ Каболитовъ и городъ ихъ Кабу-ра, нынѣшній Кабуль; ³⁾ страна славившаяся въ глубокой древности изобиліемъ золота и камней самоцвѣтныхъ. Объ этомъ упоминаетъ Моисей, чтобы объяснить еврамямъ, какаѣ то есть страна, въ которой течетъ рѣка Фисонъ.

Сличеніе всѣхъ этихъ обстоятельствъ придаетъ большую степень правдоподобія мнѣнію, что райскій Фисонъ есть рѣка Индъ. Это правдоподобіе принимаетъ характеръ несомнѣнности при изученіи индо-персидскихъ преданій о колыбели рода человеческого. Конечно, мы не станемъ окаймлять границами страну

1) *Nouv. annales des Voyages*, 1846, Octobre, p. 58.

2) *Chr. Lassen: Indische Alterthumskunde* (Bonn, 1844—61), I, 528—530, II, 528—531.

3) *Ferd. d'Eckstein, Athenaeum français*, 27 Mai 1854.

Едемь. Для насъ покуда болѣе чѣмъ достаточно будетъ допустить робкое предположеніе, что восточныя оконечности этой страны доходили до мѣстъ, гдѣ берутъ начало свое Индъ и Оксусъ (Аму-Дарья), а западныя до источниковъ Тигра и Евфрата. Повторимъ еще разъ священный текстъ, который теперь долженъ озариться для насъ новымъ свѣтомъ: «и насадилъ Господь Богъ рай въ Едемъ на востокъ; и помѣстилъ тамъ человѣка, котораго создалъ ¹⁾. Итакъ первое допотопное жилище человѣка должно искать по близости источниковъ Оксуса и Инда, тамъ гдѣ тянущійся отъ сѣвера къ югу Имаусъ, пересѣкая подъ прямымъ угломъ Гинду-Ку и Куэнь-Лунь, чертитъ *крестъ* въ самомъ сердцѣ Азіи. Послѣ грѣхопаденія, Богъ «изгналъ Адама, и поставилъ на востокъ у сада Едемскаго Херувима и пламенный мечъ обращающійся, чтобы охранять путь къ дереву жизни» ²⁾.

Первое переселеніе. Преданіе о Херувимахъ, Крубимѣ, Уриемъ, гриффахъ (*grif, greifen*-схватить) ³⁾, стерегущихъ сокровища и золото, сохранилось въ продолженіи дѣлныхъ тысячелѣтій.

Итакъ мы видимъ, что страна Едемъ составляла продолженіе Араратской страны къ востоку. Если, согласно тексту книги Бытія, принять, что страна Едемъ кончалась къ западу тамъ, гдѣ начинаются Тигръ и Евфратъ, то страна Араратская заключить въ себѣ только юго-западную часть Арменіи: въ такомъ случаѣ начальная исторія послѣпотопнаго челоѣчества дѣйствительно происходила гдѣ либо въ горахъ Курдистана, ближайшихъ къ равнинамъ Месопотаміи, что подтверждаютъ древнѣйшія историческія сказанія халдеевъ о Ксизутрѣ и евреевъ объ Арфаксадѣ. Но повторимъ еще разъ, не должно придавать опредѣлительнаго значенія библейскимъ географическимъ указаніямъ, которыя чужды

1) Бытія, II, 8.

2) Бытія III, 24.

3) *E. Renan*. Hist. des langues sémit., 460.

были всякой опредѣлительности и даже понятны были еврейскому народу только по причипѣ неопредѣлительности своей.

Выраженія: «страна заморская, за горами, къ полуночи, къ восходу, къ полудню, къ закату» суть единственные географическія опредѣленія, понятныя *людямъ темнымъ* въ землѣзпаціи, каковыми безъ сомнѣнія были евреи. Мы уже выше объяснили, почему названіе «страна Араратская», страна нагорная, въ противоположность низменной Месопотаміи и Ханаану,—понятно было евреямъ. Люди пришли на равнину изъ этой высокой страны, изъ страны Араратской, откуда текутъ рѣки; прежде жили они еще далѣе отъ Месопотаміи въ болѣе высокой еще странѣ, въ странѣ Едемъ, гдѣ начинаются всѣ рѣки и откуда разливаются онѣ по лицу земли, колыбель же рода человѣческаго была въ самомъ дальнемъ концѣ страны Едемъ, *на востокъ*, гдѣ добываются самыя дальнія, самыя рѣдкія, самыя цѣнныя произведенія земли: золото и камни самоцвѣтные и благовонныя вещества (бдолахъ).

Въ видѣ общаго вывода изъ разбора текстовъ книги Бытія, повѣствующихъ намъ о доисторическихъ судьбахъ человѣчества, можемъ сказать, что, по мнѣнію евреевъ, колыбель рода человѣческаго находилась далеко на востокѣ, въ глубинѣ Азіи; первоначальная историческая дѣятельность, выражавшаяся въ видѣ расселенія, въ видѣ превращенія семействъ въ народы, происходила вдоль длинной полосы земли, которая, какъ бы въ видѣ ленты, тянется изъ сердца Азіи къ западнымъ оконечностямъ ея.

Эта полоса, Едемъ и Араратъ, классическая страна временъ доисторическихъ, обозначается на необъятномъ материкѣ Азіи также явственно, какъ обозначается явственно на гладкой водной поверхности теченіе рѣки, прорѣзывающей озеро.

Таковыхъ полосъ, по направленію которыхъ подвигались расселявшіеся историческіе народы древняго міра, тянется нѣсколько; всѣ онѣ, повидимому, выходятъ изъ одного узла, обусловливаются великими характеристическими чертами физическаго строенія ста-

раго свѣта. Чѣмъ далѣе расходились народы, тѣмъ болѣе различными условіямъ жизни подчинились они, тѣмъ разнообразіе развивались.

Вдали отъ общей колыбели, народы—братья встрѣтились другъ съ другомъ и не узнали другъ друга.

Мы увидимъ впоследствии времени, что эти международныя встрѣчи преимущественно происходили на Кавказѣ.

Заключенія, которыя вывели мы изъ разбора историческихъ указаній первыхъ главъ книги Бытія,—понятіе, которое составили о положеніи страны Едема и страны Араратской,—позволяютъ уже намъ догадываться, что народы, имена которыхъ переносятъ мысль нашу въ эпоху глубочайшей древности, въ утренніе сумерки исторіи,—мидяне, ассирійцы, вавилоняне, халдеи, евреи,—тѣснились во времена, скрытыя отъ насъ мракомъ отдаленности, во времена доисторическія, по южную сторону Кавказа; остановленные въ движеніи своемъ непреодолимою гранью горъ, народы стхлынули къ югу и западу Азіи.

Мы предвидимъ одно возраженіе. Если Едемъ былъ историческою страной допотопнаго человѣчества, то страна Араратская, принимая за средоточіе ея Эриванскій Араратъ, могла быть колыбелью возродившагося послѣ всемірнаго потопа человѣчества. Но въ такомъ случаѣ надобно предположить переселеніе отъ запада къ востоку вглубь Азіи, и потомъ обратное переселеніе по прежнему слѣду. Этотъ доисторическій приливъ и отливъ противурѣчить всему, что мы знаемъ, противурѣчить разумному содержанію исторіи.

До сихъ поръ мы восходящимъ путемъ слѣдили за историческими воспоминаніями евреевъ; мы начали со страны, которой положеніе достовѣрно извѣстно, съ Ханаана, оттуда перешли въ страну Араратскую, въ Арменію, приблизились къ Закавказью и, потомъ, какъ бы потерялись въ неизмѣримой дали глубокой Азіи.

Библейскіе *Фисонъ* или *Геонъ* не удовлетворяютъ историче-

скимъ требованіямъ; Закавказье покуда представляется намъ какъ звено цѣпи, которой одинъ конецъ ускользаетъ отъ нашихъ взоровъ; выраженія глубь Азіи, сердце Азіи, кажутся неопредѣленными и безотчетными. Для разрѣшенія нашихъ сомнѣній, обратимся къ священнымъ сказаніямъ другихъ древнихъ народовъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Духовный бытъ челоѣка развивается и образуется подъ вліаніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ.

Впечатлѣнія, производимыя окружающею природою, отношенія къ ближнимъ, эпоха, съ которою совпадаетъ жизнь челоѣка, все это отпечатлѣвается глубокими чертами на его характерѣ. Допустимъ неосуществимое предположеніе, что два челоѣка въ извѣстный моментъ представляютъ полное нравственное тождество; предположимъ, что, начиная отъ этого момента, подчиняются они совершенно противуположнымъ внѣшнимъ вліаніямъ: тождество должно неминуемо нарушиться и даже въ извѣстныхъ предѣлахъ перейти въ противуположность.

Но съ другой стороны позволительно ли допустить, чтобы вліаніе внѣшнихъ обстоятельствъ вполне обусловливало характеръ челоѣка? Умственную и нравственную дѣятельность его можно ли уподобить листу бѣлой бумаги, которая выражаетъ только то, что на ней написано? Конечно нѣтъ.

Доказывать все это конечно излишне въ отношеніи къ отдѣльнымъ людямъ. Но эти самыя разсужденія могутъ ли быть примѣнены къ народамъ, принимая каждый народъ за особый органическій недѣлимый?

Глубокое, коренное различіе національностей, не переходящихъ ни при какихъ обстоятельствахъ одна въ другую, не трудно допустить въ отношеніи къ народамъ, принадлежащимъ къ расамъ физически различнымъ между собою. Отвергая преувеличенные выводы черепословія, нельзя отвергнуть, что выборъ рода

дѣятельности и предѣлы напряженія ея находятся въ зависимости отъ физическаго устройства человѣка.

Негръ, ни въ какомъ климатѣ и ни при какихъ условіяхъ жизни, не можетъ физически ни самъ сдѣлаться европейцемъ, ни даже въ отдаленномъ потомствѣ своемъ переродиться въ европейца. Если и встрѣчаются рѣдкіе примѣры негровъ, усвоившихъ себѣ европейское образованіе, то это нисколько не доказываетъ способности цѣлаго народа переобразоваться на европейскій ладъ. По крайней мѣрѣ, не имперія Сулука и не республика Либерія доказываютъ это.

Труднѣе допустить коренное, независимое отъ внѣшнихъ вліяній, духовное различіе между народами, принадлежащими къ одной и той же расѣ. Оно необъяснимо и многими даже совершенно отвергается. Изъ всѣхъ внѣшнихъ элементовъ, обуславливающихъ жизнь, физическія свойства страны дѣйствуютъ наиболѣе постоянно и подвергаются наименѣе измѣненіямъ. Многіе приписываютъ вліянію мѣстности столь исключительную важность, что неразрывно связываютъ каждую страну съ особымъ типомъ обитателей; съ перемѣлой страны мѣняется и типъ, но въ одной и той же странѣ онъ неизмѣненъ, какіе бы народы ни поселялись въ ней. Множество историческихъ примѣровъ доказываютъ совершенно противное: сравните турокъ съ древними греками, сѣвероамериканцевъ съ краснокожими индѣйцами. Свойства страны способствуютъ или препятствуютъ преуспѣянію и перѣдко даже скороспѣлому развитію младенчествующаго народа; когда же разъ народъ, не смотря на всѣ невзгоды, хотя и медленно, но окрѣпъ и вышелъ изъ колыбели, то вмѣстѣ съ тѣмъ, освободился и отъ тѣсной подчиненности физическимъ вліяніямъ своей родины. Силы, чтобы перенести всѣ эти испытанія и болѣзни дѣтскихъ лѣтъ, даны ему отъ природы и не всѣ народы надѣляются ими равномерно.

Какъ мы выше сказали, объяснить причины этой разницы въ народахъ, не представляющихъ между собою никакой разницы въ

физическомъ отношеніи, невозможно; достаточно указать на это явление, какъ на несомнѣнное, хотя и необъяснимое. Догматъ братства всѣхъ народовъ не есть догматъ равенства ихъ: онъ только возлагаетъ на болѣе сильныхъ обязанность въ духѣ любви и кротости пешись о слабыхъ, менѣе щедро одаренныхъ братьяхъ. Какъ бы то ни было, но человѣчество представляетъ собою расы, весьма различно одаренныя умственными способностями. Мы не скажемъ, что расы эти стоятъ на различныхъ ступеняхъ развитія: это выраженіе могло бы ввести въ заблужденіе, могло бы заставить думать, что если нѣкоторыя и не достигли еще извѣстной ступени развитія, то быть можетъ нѣкогда достигнуть ея. Не разбирая вопроса этого отвлеченно, сошлемся только на историческія явленія. Китай въ продолженіи цѣлыхъ тысячелѣтій жилъ самобытною жизнью: справедливо сказано, что если планеты, по физическому устройству своему, сходныя съ землею, населены разумными существами, то исторія и языкъ ихъ не болѣе китайской исторіи и китайскаго языка могутъ разниться отъ нашихъ. Китайцы имѣли время перейти черезъ всѣ ступени доступнаго для нихъ развитія, но нѣтъ эпохи въ ихъ политической жизни, измѣряемой тысячелѣтіями, въ которую проявили бы они высшія способности духа человѣческаго. Тоже можно сказать и объ имперіи Ацтековъ и объ имперіи Инковъ, застигнутыхъ европейцами уже въ періодѣ полного самостоятельнаго развитія. Дикари океаническіе не могутъ ни усвоить себѣ европейскаго образованія, ни развиваться самостоятельно; это дѣти, подражающіе взрослому людямъ, въ дѣтствѣ дряхлѣющіе и быстрыми шагами приближающіеся къ преждевременной могилѣ.

Таковы суть явленія, представляемыя намъ низшими расами! Болѣе отраднато явленія до сихъ поръ не встрѣчаютъ взоры наши; не отвергая безусловно возможности такового въ будущемъ, скажемъ, что покуда оно составляетъ не болѣе какъ утопическую мечту.

Начиная съ отдаленнѣйшихъ вѣковъ исторіи и до нашихъ временъ, мы для каждой эпохи болѣе или менѣе опредѣлительно можемъ обозначить высшіе предѣлы развитія, которыхъ успѣло достигъ человѣчество.

Представителями такового высшаго развитія, то одни народы, то другіе, но въ немъ замѣтна непрерывная послѣдовательность; народы пристають на пути къ усовершенствованію, остаются позади, но достигнутое ими не пропадаетъ для тѣхъ, которые смѣняютъ ихъ въ передовой фалангѣ подвигающагося человѣчества. Начиная съ самыхъ отдаленнѣйшихъ вѣковъ исторіи и до нашихъ временъ, мы замѣчаемъ, что всѣ народы, которымъ суждено было, хотя бы даже на короткій срокъ, стать въ эту передовую фалангу подвигающагося человѣчества, принадлежать исключительно къ одной расѣ, извѣстной въ физической исторіи человѣка подъ условнымъ названіемъ Кавказской. Къ ней принадлежатъ индусы, египтяне, ¹⁾ вавилоняне, ассирійцы, финикійяне, евреи, греки, римляне, германцы, аравитяне и т. д.

На сценѣ исторіи появляются по временамъ народы не кавказской расы: гунны, монголы, турки, но только какъ представители матеріальной силы, враждебной всякому общечеловѣческому прогрессу.

Въ чемъ же заключается причина этого историческаго превосходства Кавказской расы передъ всѣми остальными? Должно ли искать ее исключительно въ физическомъ превосходствѣ? Последнее наиболѣе подчинено мѣстнымъ влияніямъ, случайностямъ и подлежитъ оспариванію. Но если превосходство это по преимуществу моральное, природное, данное свыше, то, конечно, никогда не проявлялось оно въ такой чистотѣ и ясности, какъ въ эпоху младенчества расы. Теперь раздробилась она на тысячу племенъ

1) Мы считаемъ почти излишнею оговорку, что какъ въ Индіи, такъ и въ Египтѣ, низшіе классы народонаселенія не принадлежали къ Кавказскому племени, но эти классы и не имѣли никакого значенія во всемірной исторіи.

и народовъ, рѣзко отличныхъ между собою, но въ которыхъ, тѣмъ не менѣе, мы подозрѣваемъ существованіе чего то общаго, родоваго. Это общее, родовое, конечно, обозначалось болѣе явственными, менѣе разрозненными чѣмъ теперь чертами, въ то время, когда цѣлая раса сосредоточивалась въ одномъ народѣ, въ одной общинѣ, быть можетъ въ одной семьѣ.

Но какія средства имѣемъ мы, чтобы заглянуть въ это за-вѣтное для исторіи время? Древнѣйшія народныя лѣтописи относятся уже къ гораздо позднѣйшему времени; поэтическія космогоніи, священные мифы суть попытки ума человѣческаго, не закаленнаго еще въ горниль сомнѣнія, опыта и науки, объяснить чудо мірозданія и созданія человѣка. Во всемъ этомъ отражается лишь самый вѣкъ созданія этихъ повѣй и мифовъ.

Но въ первые же дни появленія своего на землѣ люди заговорили. Отголосокъ говора ихъ слышится и нынѣ. Развѣ, прислушавшись къ рѣчи человѣка, нельзя судить о самомъ человѣкѣ. Вопросъ о происхожденіи языка вѣроятно никогда не будетъ разрѣшенъ такъ, чтобы устранены были окончательно всѣ сомнѣнія. Мы представимъ здѣсь современное состояніе его въ предѣлахъ, необходимыхъ для поясненія занимающаго насъ предмета.

Языкъ не есть вѣковое произведеніе изобрѣтательной способности человѣка, какъ то думали нѣкоторые (Кондильякъ, Мопертюн, Руссо, Кондорсе, Вольней, Аделунгъ). Если бы допустить это, то должно также допустить, что нѣкогда родъ человѣческій состоялъ изъ существъ безсловесныхъ, но мыслящихъ; разговоръ ихъ заключался въ тѣлодвиженія, въ игрѣ фисіономіи, въ отрывистыхъ восклицаніяхъ. Далѣе, для удовлетворенія постепенно возраставшей потребности понимать другъ друга, люди придумали обратиться къ слову и взаимно условились въ созданіи этого способа объясняться. Здѣсь допускаются предположенія несовмѣстимыя: существа безсловесныя обладаютъ дивною способностью мысленія; какое позднѣйшее изобрѣтеніе можетъ стать на ряду

съ изобрѣтениемъ языка, если только языкъ когда либо былъ изобрѣтенъ. Съ равною степенью правдоподобія можно предположить, что люди сначала открыли всѣ законы фیزیологіи и потомъ уже, сообразно съ этими законами, приступили къ правильному управленію жизни.

Въ противоположность первому предположенію, нѣкоторые (Бональдъ, Местръ, Ламеннэ, Жиоберти) приписываютъ языку непосредственно небесное происхожденіе; усвоеніе языка человекомъ объясняютъ посредствомъ откровенія свыше, создаютъ въ воображеніи своемъ новый актъ творенія, дополнительный къ сотворенію человека безсловеснаго. Это мнѣніе, мнимо-религіозное, въ сущности запечатлѣно самымъ грубымъ антропоморфізмомъ. Богъ Словомъ Своимъ учитъ говорить человека, чуждаго слову, но какъ же человекъ, чуждый слову, повнялъ Слово Божіе безъ врожденной къ тому способности. Богъ одарилъ человека органомъ зрѣнія: должно ли прибѣгать къ откровенію свыше, чтобы объяснить себѣ, какъ человекъ выучился смотрѣть? Это, повторимъ еще разъ, мнимо-религіозное мнѣніе находится даже въ явномъ противурѣчьи съ текстомъ Священнаго Писанія, гдѣ говорится о первой земной рѣчи: «и нарекъ человекъ имена всѣмъ скотамъ и птицамъ небеснымъ и всѣмъ звѣрямъ полевымъ». 1) Какъ видно, Адамъ самъ собою составилъ для себя языкъ или, по крайней мѣрѣ, словарь.

Итакъ остается искать происхожденіе языка во врожденной способности человека создавать для себя языкъ, способности безусловно-свободной, чуждой мышленія, преднамѣренія и усилія. Потребность, возбуждающая дѣятельность таковой способности, возникаетъ въ тотъ моментъ, когда безотчетное созерцаніе, наглядное впечатлѣніе, ощущеніе превращаются въ понятіе. Понятіе человекъ уединяетъ, отрѣшаетъ отъ другихъ понятій и вмѣстѣ съ тѣмъ обобщаетъ съ тождественными посредствомъ особаго звука,

1) Бытія II, 20.

посредствомъ *слова*. Это есть, такъ сказать, полный процессъ дыханія въ духовной жизни человѣка: приливъ впечатлѣнія и отливъ слова. Слово не есть дѣйствительное изображеніе вѣшняго міра; оно выражаетъ только, какъ вѣшній міръ отразился во внутреннемъ мірѣ духовной личности человѣка. Но этотъ внутренний міръ есть отдѣльное, замкнутое, живое цѣлое, отражающее все вѣшнее не иначе, какъ согласно собственнымъ своимъ законамъ; языкъ, какъ мы сказали, создается бессознательно, инстинктивно, когда человѣкъ еще не приучился объектировать для себя свой собственный внутренний духовный міръ; языкъ въ первый день созданія своего человѣкомъ отлился въ особой формѣ, которой потомъ ни произволь, ни мышленіе измѣнить уже не могутъ. Это есть такъ называемый *духъ языка*. Предположимъ же теперь взаимно-независимое созданіе отдѣльными людьми нѣсколькихъ языковъ: въ каждомъ изъ нихъ общечеловѣческая способность создавать отпечатлѣтся различно, сообразно различіямъ духовной природы создателей, и обратно, послѣднія ярко отразятся въ различіяхъ созданныхъ языковъ. Отсюда можно видѣть значеніе сравнительной филологіи въ исторіи!

Въ наше время языки не создаются, потому что уже созданы. Новые языки возникаютъ на глазахъ нашихъ, но это только свѣжія страсти на вѣчно зеленѣющихъ деревьяхъ. Кѣмъ, когда и какъ посажены они?..

Сравнительная филологія позволяетъ намъ заглянуть въ глубь вѣковъ, совершенно недоступную для всѣхъ прочихъ приѣмовъ историческаго анализа, но не должно думать, что мы можемъ проникнуть даже до языка, которымъ говорили первосозданные люди. Эти изслѣдованія подобны изслѣдованіямъ геологіи: слои, до которыхъ дорылась послѣдняя, не суть тѣ, которые составляютъ центръ земнаго шара. ²⁾ Мы изложимъ здѣсь только конечные

2) *Fr. Schlegel*: Philosophische Vorlesungen, insbesondere über Philosophie der Sprache und des Wortes. p. 74—75.

выводы; если въ нихъ представится нѣкоторое несходство съ библейскими сказаніями, то это потому, что послѣднія повѣствуютъ о времени недоступномъ даже для сравнительной филологіи.

Сходство между языками бываетъ иногда весьма чувствительно даже для невнимательнаго слуха: таково сходство между русскимъ и польскимъ, между французскимъ и итальянскимъ; иногда же оно не иначе можетъ быть открыто, какъ посредствомъ глубокихъ филологическихъ изслѣдованій. Отъ одного кореннаго языка расходятся производные, какъ радіусы расходятся отъ центра. Двѣ точки, находящіяся на оконечностяхъ діаметра, вдвое далѣе отстоятъ другъ отъ друга, чѣмъ каждая изъ нихъ отстоитъ отъ центра. Средство между двумя, откинутыми въ діаметрально-противуположныя стороны, языками трудно открыть, пока не отыщется общій для нихъ центръ. Таковымъ центромъ болѣею частью служитъ языкъ уже вышедшій изъ употребленія, языкъ *мертвый*: необходимо особое случайно-благопріятное стеченіе обстоятельствъ, чтобы онъ, давно уже скороненный въ забытой цѣлымъ свѣтомъ могилѣ, показался вновѣ на свѣтъ божій. Но каждый изъ производныхъ языковъ, до обстоятельствомъ, можетъ въ свою очередь сдѣлаться центромъ новаго разсѣванія; образуются новыя семейства языковъ, въ каждомъ семействѣ таковой процессъ продолжается, кружи-перекрещиваются, за-разнообразіемъ лингвистическихъ явленій едва успѣваетъ математическая теорія переложеній и сочетаній. Притомъ, каждый языкъ есть живой, организованный индивидуумъ: онъ развивается, растетъ, мужаетъ, дряхлѣетъ, умираетъ; онъ также не похожъ на себя въ различныя эпохи жизни, какъ старецъ не похожъ на младенца. Языкъ подчиняется всѣмъ коловратностямъ тревожнаго моря житейскаго, онъ отчуждается отъ родныхъ, онъ роднится съ чужими: братъ не узнаетъ брата, инородцы братаются между собою.

Отсюда видно какъ становится труднымъ признать родство языковъ, съ какою недоумчивостью должно принимать мнѣнія людей, непризванныхъ въ дѣлѣ сравнительной филологіи, которые, основываясь только на сужденіи слуха своего, отвергаютъ или утверждаютъ однородность языковъ. Разборъ генеалогическихъ отношеній послѣднихъ составляетъ предметъ сравнительной филологіи: отыскивается семейная связь ихъ, отыскиваются частные центры, такъ называемые языки коренные. Эти языки коренные, въ свою очередь, рассматриваются какъ производные, сравниваются, группируются, подводятся къ одному или къ нѣсколькимъ центрамъ и т. д. Ходъ изслѣдованій напоминаетъ химическій анализъ: тѣла разлагаются на составныя начала; въ тѣлахъ, наружно несходныхъ, открываются тождественныя вещества; послѣднія вновь разлагаются, процессъ разложенія продолжается, пока, наконецъ, онъ становится невозможнымъ; получаютъ тѣла простыя, неразлагаемыя; число ихъ, незначительное въ сравненіи съ безконечнымъ разнообразіемъ матеріи, кажется все еще слишкомъ великимъ для ума человѣческаго, инстинктивно подозрѣвающаго крайнюю простоту и немногосложность начальныхъ стихій. Таковыя стихіи, какъ казалось людямъ, не болѣе четырехъ; наука открыла ихъ пятьдесятъ пять!

Въ области языкованія люди инстинктивно предположили еще большую первоначальную простоту. Праотцы рода человѣческаго говорили на одномъ языкѣ; этотъ языкъ, при умноженіи рода человѣческаго, постепенно дробился на діалекты, которые съ теченіемъ времени расходились болѣе и болѣе и въ свою очередь дробились. Всѣ нынѣшніе языки хранятъ въ себѣ обломки этого первобытнаго общечеловѣческаго языка. Такогого мнѣнія держался еще не болѣе какъ лѣтъ за двадцать пять тому назадъ извѣстный филологъ Клапротъ, который въ предисловіи къ сочиненію своему «Asia polyglotta» соглашается съ мнѣніемъ Гроція о первобытномъ языкѣ: «nullibi puram exstare, sed reliquias ejus esse

in linguis omnibus» т. е. нигдѣ не сохранился онъ чистымъ, но остатки его во всѣхъ языкахъ.

Если допустить, что нѣкогда дѣйствительно существовалъ одинъ общечеловѣческой языкъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно сказанному нами выше, необходимо допустить, что нѣкогда весь внѣшній міръ отразился однообразно и односторонне во внутренне-духовномъ мірѣ человѣчества. Все дальнѣйшее развитіе, не смотря на великое разнообразіе, должно быть принято за развитіе одного и того же начала, т. е. одинаковаго способа воззрѣнія внутренняго человѣка на внѣшнюю природу. Философское изученіе исторіи развитія человѣческаго совершенно противурѣчитъ этому предположенію и приводитъ къ убѣжденію, что таковое развитіе произошло изъ нѣсколькихъ взаимно независимыхъ самостоятельныхъ началъ. Общее во всѣхъ этихъ коренныхъ началахъ есть только общечеловѣческое, то, что дѣйствительно придаетъ единство роду человѣческому; различное опредѣляется особенностями, не переходящими одна въ другую, не составляющими въ совокупности одной непрерывной гаммы.

Противъ предположенія о доисторическомъ единствѣ языка человѣческаго сравнительная филологія имѣетъ много доводовъ, или, лучше сказать, она доказываетъ, что, если языкъ этотъ и существовалъ когда либо, то онъ исчезъ съ лица земли безъ слѣда и безъ всякаго вліянія на нынѣ существующіе языки. Теперь различныхъ между собою языковъ на землѣ считается около 1000, на каждый можно положить до 1000 корней; если нынѣ существующіе языки суть обломки одного первобытнаго общечеловѣческаго, то въ таковомъ было до милліона однихъ коренныхъ словъ! Если же наоборотъ мы предположимъ, что этотъ первобытный языкъ не былъ богаче нынѣшнихъ, что онъ также заключалъ въ себѣ не болѣе 1000 корней, то наслѣдство его, раздѣленное между 1000 нынѣшнихъ языковъ, безъ замѣтнаго слѣда

поглощено позднѣйшимъ языкообразованіемъ ¹⁾. Сходство иныхъ словъ въ языкахъ, не имѣющихъ между собою никакой другой связи, или чисто случайное или легко объясняется безъ помощи гипотезы о первобытномъ общечеловѣческомъ языкѣ.

Мы сказали, что сравнительная филологія открываетъ и доказываетъ несомнѣннымъ образомъ средство между языками, которые для поверхностнаго взгляда не представляютъ рѣшительно *ничего* общаго.

Такъ химія обнаруживаетъ матеріальное тождество угля и алмаза, на видъ столь несходныхъ между собою. Но, съ другой стороны, химія же обнаруживаетъ, что кислородъ и водородъ, которыхъ разнородность ускользаетъ отъ глаза, суть вещества совершенно особья, никакимъ путемъ не приводимыя къ одному общему началу. Сравнительная филологія открыла однородность языковъ, которыми люди говорятъ въ Индустанѣ и въ Исландіи, но она же открыла, что персіяне и татары, рядомъ живущіе, говорятъ языками, столь же разнородными, какъ кислородъ и водородъ.

Не вдаваясь въ матеріальные выводы, можно однако допустить, что физическое строеніе человѣка до извѣстной степени обуславливаетъ умственный міръ и моральный произволъ его. Созданіе языка есть самое чистое отраженіе умственно-внутренняго міра человѣка, посему нельзя не предположить, что главныя филологическія раздѣленія языковъ человѣческихъ на семейства должны совпадать съ физическими разграниченіями расъ человѣческихъ. Но на самомъ дѣлѣ оказывается иначе. Правда, что односемейные языки никогда не встрѣчаются у различныхъ расъ, но народы, принадлежащіе къ одной и той же расѣ, говорятъ иногда на языкахъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго по духу своему и неподводимыхъ къ одному началу.

1) *Pott* въ *Ersch und Gruber's Encyclopädie*, zweite Sect. XVIII Th., p. 5.

Если въ физическомъ отношеніи весьма правдоподобно предположеніе, что все народы Кавказской расы произошли отъ одной четы, то въ филологическомъ оно не можетъ быть допущено, не допуская въ тоже время какого то непостижимаго для ума нашего сцѣпленія исключительныхъ обстоятельствъ, какъ на пр. столпотворенія Вавилонскаго, вслѣдствіе котораго раса единая разщепилась такъ, что части, кромѣ наружнаго вида, не сохранили никакихъ примѣтъ прежняго единства. Въ историческомъ отношеніи эти вѣтви одной и той же расы имѣютъ то общее, что каждой изъ нихъ, въ свою очередь, пришлось выразить особый моментъ человѣческаго развитія; каждая изъ нихъ, для исполненія таковаго предназначенія, одарена была особыми умственными способностями; исполнивъ предназначенное, принесла свою долю труда въ дѣлѣ общечеловѣческаго совершенствованія, цѣлая отрасль расы погружается въ бездѣйствіе, но въ не бездѣйствіе отдыха, а въ бездѣйствіе медленной агоніи, въ продолженіе которой иногда бессознательно вновь принимается за работу разъ уже ею оконченную; бесплодно возобновляетъ трудъ свой и въ немъ истощаетъ послѣднія силы свои.

Какъ мы старались объяснить выше, не для опредѣленія степени развитія умственныхъ способностей народа, но для опредѣленія общаго направленія этихъ способностей,—самыя положительныя данныя доставляетъ анализъ созданнаго языка, или, что все равно, анализъ того, какъ внѣшній міръ отразился во внутреннемъ, духовномъ мірѣ народа.

Выше также мы сказали, что, для объясненія себѣ созданія языка, нѣтъ надобности прибѣгать ни къ изобрѣтательной способности челоуѣка, ни къ божественному откровенію. Языкъ есть произведеніе свободно-дѣйствующей, дарованной свыше челоуѣку способности создавать языкъ или, повторимъ еще разъ, способности выражать внѣшнія впечатлѣнія, означившіяся во внутреннемъ, духовномъ мірѣ его.

Допуская, какъ несомнѣнное, это общее понятіе о происхожденіи языка, мы должны однако сознаться, что теперь намъ трудно мысленно соприсутствовать самому процессу такового происхожденія. Языкъ созданъ былъ инстинктивно, а не разумно; теперь разумъ господствуетъ и заглушаетъ собою инстинктъ. Человѣчество разучилось создавать языкъ; для новыхъ понятій слова придумываются; чуждость ихъ свидѣтельствуетъ объ искусствѣнномъ произведеніи ихъ на свѣтъ. Во всякомъ случаѣ очевидно, что при созданіи языка, должно было совокупно исполнить двѣ задачи: отмѣтить каждый особый предметъ или, лучше сказать, каждое особое впечатлѣніе выразить особымъ звукомъ, *создать лексиконъ*; выразить случайное видоизмѣненіе этого особаго впечатлѣнія, равно какъ и отношеніе его къ другимъ, отношеніе слова къ рѣчи, *создать грамматику*.

Для первобытнаго человѣка безотчетно существовало соотношеніе между впечатлѣніемъ и звукомъ. Ощущеніе такового соотношенія для насъ уже затмилось; оно проявляется еще въ дѣтияхъ и въ простолюдинахъ, болѣе управляемыхъ инстинктомъ чѣмъ разумомъ; младенецъ, безъ сознанія и безъ произвола, по своему называетъ окружающіе его предметы; простолюдинъ чѣмъ менѣе разсуждаетъ, тѣмъ легче даетъ названія предметамъ, впервые поражающимъ его вниманіе; меткость таковыхъ названій ощутительна, хотя и съ трудомъ можетъ быть анализирована. Весьма вѣроятно, что звукоподражаніе играло большую роль при первоначальномъ созданіи языка, черезъ что и объясняется сходство звуковъ для изображенія однихъ и тѣхъ-же понятій въ языкахъ, неимѣющихъ между собою ничего общаго. Одинъ и тотъ же предметъ производитъ на насъ много разностороннихъ впечатлѣній; одно изъ нихъ преимущественно предъ всѣми прочими вѣзывается въ памяти, какъ примѣта отличительная, характеристическая, по которой можемъ мы вновь узнать предметъ во всякое время, при всякихъ обстоятельствахъ; это впечатлѣніе опредѣ-

ляет имя предмету. Не всё люди обладают въ одинаковой степени споровой выбирать таковыя впечатлѣнія для составленія названій; въ различныхъ языкахъ эта споровка проявляется различно и свидѣтельствуеъ о весьма различномъ характерѣ воззрѣнія на вѣдшній мѣръ. Это воззрѣнїе то запечатлѣно материализмомъ, то по преимуществу духовное. Греки, обладавшїе безпримѣрномъ пониманїемъ прекраснаго въ видимой формѣ, назвали челоуѣка *ἀνδρωπος* (отъ *ἀνω* и *ἀδρῆω*) «вверхъ смотрящїй», что дѣйствительно составляетъ прекраснѣйшую физическую особенность челоуѣка въ животномъ мѣрѣ. Индусы, для которыхъ матерїя есть только временная грѣховная оболочка духовнаго мѣра, называютъ челоуѣка по санскритски *манудша* = мыслящїй (отъ корня *ман* = мыслить), чѣмъ совершенно отрѣшаютъ его отъ животнаго мѣра.

Всего труднѣе объяснить себѣ, какимъ образомъ челоуѣкъ сохранилъ названїя для отвлеченныхъ понятїй. Во всякомъ случаѣ сравнительный разборъ таковыхъ названїй, существующихъ въ различныхъ языкахъ, доставляетъ много любопытныхъ данныхъ для составленїя себѣ сужденїя о врожденныхъ умственныхъ способностяхъ народовъ. Есть народы, которые, повидимому, почти не могутъ возвыситься надъ материальнымъ созерцанїемъ природы. Такъ напр. въ китайскомъ языкѣ нѣтъ слова для выраженїя понятїя о Богѣ ¹⁾; все отвлеченное выражается околичностями и не представляетъ уму ничего опредѣленнаго. Поэтому можно уже судить о крайней ограниченности, сухости, бесплодїи умственныхъ способностей китайцевъ, которыхъ наука заключается лишь въ обремененїи памяти мелочнымъ описанїемъ наружнаго, видимаго мѣра; которыхъ нравственность есть воспрепятствованїе всякому проявленїю свободной дѣятельности духа челоуѣческаго; которые въ неизмѣнной послѣдовательности и въ неизмѣнномъ круговомъ возвращенїи явлений физическихъ видятъ образецъ для устройства челоуѣче-

1) Journal Asiatique, août 1848, p. 168—169.

скихъ обществъ. Есть народы, одаренные весьма глубокою впечатлительностью, но вполне ей подчиняющіеся; для нея въ духовномъ мірѣ ихъ нѣтъ противувѣса. Таковыя не могутъ возвыситься до отвлеченныхъ понятій, потому что не въ силахъ отрѣшиться умственно отъ своихъ впечатлѣній, не въ силахъ объектировать ихъ, взглянуть, такъ сказать, на самихъ себя извнѣ. Посему, въ языкахъ этихъ народовъ всѣ отвлеченныя понятія выражаются не иначе, какъ метафорически, посредствомъ впечатлѣній внѣшняго, физическаго міра; это суть языки по преимуществу живописные; желаніе назовется въ нихъ *жаждою*, истина—*прямою*, ложь—*кривою* ¹⁾ и т. п. Какъ ни щедро одарены таковыя народы природою, но уже очевидно, что не имъ суждено играть первенствующую или, лучше сказать, заключительную роль въ исторіи общечеловѣческаго развитія; страсть дѣлаетъ ихъ односторонними, они способны къ взрывамъ дѣятельности, но не къ дѣятельности постоянной и, тѣмъ менѣе, не къ дѣятельности разнообразной. Наконецъ, есть народы, духовный міръ которыхъ представляетъ болѣе равновѣсія. Всѣ впечатлѣнія воспринимаются ими, все внѣшнее доступно ихъ внутреннему міру, но ничто не подавляетъ свободной дѣятельности разума. Человѣкъ обладаетъ здѣсь дивной способностью отрѣшиться отъ самого себя, созерцать самого себя; ему становится доступнымъ безконечное, вѣчное, не обусловленное ни временемъ, ни пространствомъ. Онъ сознаетъ внутреннюю самостоятельность свою, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и сознаетъ права всего внѣшняго міра на самостоятельность; здѣсь эгоизмъ не впадаетъ въ эксклюзивность, сочувствіе къ внѣшнему не влечетъ самоотреченія. Понятно, что въ языкахъ такихъ народовъ отвлеченный міръ могъ отразиться независимо отъ матеріальнаго. И здѣсь вполне оправдывается то, что мы сказали о различіи врожденныхъ въ народахъ способностей, раз-

1) *E. Renan*: Histoire génér. des langues sémit. 1855, p. 22—23.

личіи, независимомъ отъ послѣдующаго ихъ развитія, обусловли-
ваемаго внѣшними обстоятельствами. Народы послѣдней категоріи
медленно совершенствуются, какъ все то, чему суждена долгая
жизнь, но уже въ младенческихъ языкахъ ихъ ярко отсвѣчивается
зародышъ будущаго превосходства; въ нихъ встрѣчаются названія
для самыхъ отвлеченныхъ понятій; названія, создавшіяся безсоз-
нательно, но которыхъ глубокаго содержанія все еще не можетъ
исчерпать разумъ, вступившій уже тысячелѣтіями позже въ свои
права.

Созданіе народомъ грамматики заключаетъ въ себѣ еще болѣе
обильныя выводы указанія, чѣмъ созданіе лексикона. Усвоивъ
себѣ въ предѣлахъ возможности какой либо иностранннй языкъ,
мы приобретаемъ средство смотрѣть объективно на свой родной;
мы открываемъ въ немъ, съ точки широкаго горизонта зрѣнія срав-
нительной филологіи, совершенства или недостатки, которыхъ
прежде и не подозрѣвали. «Кто не знаетъ иностранныхъ языковъ,
тотъ ничего не смыслитъ и въ родномъ», сказала Гёте. Но это
объективное возрѣніе на языкъ вполне убѣждаетъ насъ въ непри-
косновенности коренныхъ началъ его, которыя могутъ развиваться,
здорово или болѣзненно, но ничѣмъ не могутъ быть пополнены,
какъ не можетъ быть искусственно пополненъ организмъ, даровав-
ный природою живому существу. Если у насъ нѣтъ слова для вы-
раженія новаго понятія, то такое можетъ быть условно состав-
лено или заимствовано, но создать небывалую грамматическую
форму мы не можемъ. Иногда народъ мѣняетъ почти цѣлый лек-
сиконъ свой, замѣняя родныя слова чужестранными, но послѣднія
подчиняются грамматикѣ языка, въ который они приняты. Нѣтъ
даже подобности объяснять, что въ грамматикѣ заключается на-
стоящій капиталъ, богатства языка. Языкъ есть органическое, жи-
вое цѣлое; грамматика фізіологія его. Огромное разстояніе между
одинокими звуками, выражающими рядъ одинокихъ впечатлѣній,
и стройною рѣчью, въ которой слова отражаютъ все безконечное

разнообразіе мысли, подобно тому, какъ алмазы въ ожерельѣ сверкаютъ то тою, то другою гранью, бесконечно разнообразны падающій на нихъ лучъ солнечный.

Чтобы дать хотя самое поверхностное понятіе о различіяхъ грамматическихъ системъ языковъ, мы должны снова стать на низшую ступень, обратиться къ китайскому языку. Въ немъ всѣ слова односложныя и неизмѣняемыя; въ немъ есть корни словъ, но нѣтъ собственно словъ. Возьмемъ напр. рядъ словъ: любовь, любовникъ, любовный, любить, люблю и пр. и пр.; не вдаваясь въ глубокую этимологію, мы можемъ принять, что общій корень ихъ есть звукъ *люб*; звукъ этотъ заключаетъ въ себѣ для насъ понятіе, но онъ собственно не есть ни существительное, ни прилагательное, ни глаголь, ни нарѣчіе, хотя и можетъ сдѣлаться всѣмъ этимъ. Далѣе таковыхъ звуковъ—корней не пошла китайская грамматика. Въ языкѣ нѣтъ ни словопроизводства, ни частей рѣчи, ни склоненій, ни спряженій. Взаимное отношеніе словъ обозначается относительнымъ положеніемъ ихъ также строго, какъ у насъ положеніемъ цифръ обозначаются единицы, десятки и проч. Эта система, быть можетъ, способствуетъ матеріальной точности, но отъ нея такъ и пахнетъ мертвеннымъ холодомъ. Кому изъ насъ чуждъ глубокій смыслъ выраженія: *живое слово*? Можетъ ли наше *живое слово* подчиниться китайской системѣ рѣчи? Могутъ ли китайцы когда нибудь, что нибудь плодотворное усвоить себѣ изъ европейскаго образованія? Развѣ что выучатся они точнѣе предсказывать затмѣнія. Конечно, если бы не *западные варвары*, то, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, можно предположить для китайцевъ еще дальнѣйшій прогрессъ на пути, означившемся для нихъ въ день рожденія ихъ языка за нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ,—но этотъ прогрессъ подобенъ постепеннымъ усовершенствованіямъ въ механизмѣ часовъ, а не постепенному духовному развитію, къ которому предназначено человѣчество.

Начиная отъ китайскаго и подобныхъ ему моносиллабиче-

скихъ языковъ, мы постепенно возвышаемся по лѣстницѣ совершенства грамматическихъ системъ. Промежуточные ступени заняты многочисленнымъ семействомъ или, лучше сказать, нѣсколькими семействами языковъ, въ которыхъ взаимное отношеніе словъ въ рѣчи и видоизмѣненія кореннаго значенія ихъ выражаются прицѣпленіемъ къ неизмѣняемому корню особыхъ словъ. Здѣсь всѣ слова остаются также неизмѣнными, какъ и въ первомъ классѣ языковъ, но видоизмѣненія и взаимныя отношенія ихъ выражаются посредствомъ особаго вводнаго механизма, болѣе или менѣе усложняющаго, а, слѣдовательно, и затрудняющаго теченіе рѣчи. Это какъ бы алгебраическія знаки $+$ $-$ и т. п., которые сами по себѣ выражаютъ не величины, а только отношенія, существующія между величинами. Въ таковыхъ языкахъ значеніе и отношеніе не сливаются между собою: каждый элементъ обнаруживается особо въ рѣчи.

Таковой механизмъ въ нѣкоторыхъ языкахъ доведенъ до весьма высокой степени совершенства. Но, съ точки зрѣнія сравнительной филологіи, мы отрываемъ еще высшія условія совершенства. Вникнемъ снова въ смыслъ выраженія *живое слово*. Языкъ, какъ мы сказали, есть живое, организованное цѣлое. Лексиконъ корней заключаетъ въ себѣ описаніе органовъ этого цѣлаго; въ лексиконѣ не проявляется еще понятія о жизни, какъ не проявляется оно въ анатомическомъ описаніи органовъ тѣла человеческого.

Грамматика есть физиологія языка; она изображаетъ, какъ органы его дѣйствуютъ подъ вліяніемъ жизненной силы. Но въ каждомъ живомъ организованномъ цѣломъ жизненная сила не извнѣ дѣйствуетъ на мертвый организмъ: это не есть вѣтеръ, приводящій въ движеніе механизмъ мельницы; каждый органъ представляется намъ проникнутымъ жизнью, оживленнымъ, самодѣятельнымъ. Мы можемъ разсматривать отдѣльно эти элементы только такъ, какъ можемъ отдѣльно разсматривать цвѣтъ тѣла и протя-

женія его: въ сущности эти два свойства нераздѣльны. Такимъ образомъ, чтобы языкъ представлялъ собою не механизмъ болѣе или менѣе замысловатый, а дѣйствительно живое цѣлое, необходимо, чтобы его органы т. е. слова могли сами собою, безъ внѣшней помощи, воспроизводить всѣ явленія жизни, обусловливая для жизненной силы, духомъ языка; чтобы оба элемента, значеніе и отношеніе, выражались звуками, но звуками, которые бы не разрушали единства слова. Таковыми высшими свойствами обладаютъ языки, въ которыхъ корни, сами собою, безъ помощи другихъ, внутренно измѣняясь, могутъ изображать видовзмѣненія своего значенія, части рѣчи, равно какъ и слова, подобнымъ же образомъ измѣняясь, могутъ изображать случайности отношенія ихъ къ другимъ словамъ. Всѣ эти свойства, при сравнительномъ изученіи въ различныхъ языкахъ словопроизводства, склоненій и спряженій, обнаруживаются не въ одинаковой степени, черезъ что и обнаруживаются не одинаковыя степени совершенства созданія этихъ языковъ.

Итакъ, мы видимъ, что языки, разсматриваемые въ отношеніи къ грамматическимъ системамъ ихъ, могутъ быть всѣ подведены къ тремъ категоріямъ: 1) языки *удиняющіе*, односложные, 2) языки *совокупляющіе* и 3) языки *развивающіе*. Вторая категорія занимаетъ промежутокъ между первою и третьею; переходы отъ нея въ крайнія также трудно уловить, какъ переходы изъ царства растительнаго въ царства минеральное и животное ¹⁾. Но подобно тому какъ всѣ попытки установить отъ минерала до животнаго непрерывную послѣдовательность совершенствованія организма не представляютъ ничего убѣдительнаго, такъ и попытки филологіи ²⁾ установить непрерывную послѣдовательность совершенствованія отъ языковъ уединяющихъ до языковъ развивающихъ не имѣли успѣха. Приверженцы этой теоріи предполагаютъ,

1) *A. Schleicher*: Zur vergleichenden Sprachengeschichte (Bonn 1848), p. 11.

2) *Bunsen*: Outlines of the philosophy of universal history (Lond. 1854).

что нѣкогда всѣ языки были подобны устройствомъ своимъ китайскому, что то была дограмматическая ихъ эпоха; что, постепенно совершенствуясь, перешли они черезъ всѣ ступени языковъ совокупляющихъ и, наконецъ, остановились на различныхъ ступеняхъ языковъ развивающихъ. Историческое изученіе жизни языковъ совершенно противурѣчитъ этому предположенію; чѣмъ далѣе углубляемся мы въ прошедшее время, тѣмъ отличительныя черты, характеризующія три категоріи, обозначаются рѣзче; изъ числа развивающихъ языковъ самыя древніе, теперь уже мертвые, представляютъ совершенство, безпримѣрное въ языкахъ новѣйшихъ. Такъ и должно было быть: языкъ созданъ бессознательно, способность создавать бессознательно слабѣетъ по мѣрѣ того, какъ крѣпнеть разумокъ.

Итакъ, оставляя въ полной неприкосновенности библейское сказаніе о происхожденіи рода человѣческаго отъ одной четы, мы должны сказать, что это единство, въ глубокую, недоступную для нашихъ изслѣдованій эпоху, разрушилось вслѣдствіе одного какого либо переворота или цѣлаго ряда событій, которымъ ничего подобнаго не совершилось въ позднѣйшей исторіи человечества, о которыхъ мы не можемъ себѣ составить никакого понятія, которыя могутъ только служить поводомъ къ болѣе или менѣе остроумнымъ догадкамъ, во всякомъ случаѣ бесплоднымъ для положительнаго знанія, а слѣдовательно и бесполезнымъ. Главнѣйшіе человѣческіе языки возникли въ доисторическую эпоху, и ихъ происхожденіе показываетъ, что уже тогда родъ человѣчскій утратилъ свое единство. Изображенія на пирамидахъ египетскихъ, построенныхъ во времена, также недоступныя для исторіи, рѣзкими чертами обозначаютъ различія расъ человѣческихъ: эти различія, слѣдовательно, еще до начала положительной исторіи, были столь же глубоки, какъ и въ наше время.

Отсюда видно, что, подъ опасеніемъ впасть въ крайнія несообразности, подъ опасеніемъ прибѣгнуть къ предположеніямъ и сбли-

женіямъ, противурѣчающимъ всякому положительному знанію, мы должны совершенно отказаться отъ возможности привести исторію рода человѣческаго къ одному общему началу. Таковыхъ началъ, совершенно независимыхъ одно отъ другого, несоединимо — различныхъ и физически и морально, должны мы допустить нѣсколько. Всѣ они заключаютъ въ себѣ, хотя не въ одинаковой степени, способность развиваться, распространяться; по мѣрѣ распространенія своего, каждое начало подчиняется болѣе и болѣе разнообразнымъ внѣшнимъ условіямъ, преимущественно условіямъ мѣстности; оно само разнообразится, первоначальная простота его утрачивается. Сферы дѣйствія независимыхъ началъ скоро сближаются, соприкасаются, сталкиваются, перекрещаются; одно начало какъ бы совершенно поглощаетъ другое, но въ сущности ничего не исчезаетъ безъ незамѣтнаго слѣда: изъ соединенія двухъ различныхъ началъ возникаютъ въ исторіи новыя явленія, не объясняемыя отдѣльно ни тѣмъ, ни другимъ, ни мѣстностью, но объясняемыя совокупнымъ дѣйствіемъ всѣхъ трехъ разнородныхъ вліяній.

Если невозможно объяснить все безконечное разнообразіе историческихъ явленій однимъ лишь безконечно разнообразнымъ вліяніемъ внѣшней природы на первоначально единообразный, физически и морально, родъ человѣческій, — то, по крайней мѣрѣ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что мы значительно упростимъ такое объясненіе, обозначивъ опредѣленными чертами особенности всѣхъ этихъ независимыхъ и единовременно возникшихъ первоначальныхъ направленій. Мы уже сказали, что важнѣйшія указанія въ этомъ отношеніи доставляетъ намъ философское сравнительное изученіе языковъ человѣческихъ. Само собою разумѣется, что изученіе это доставитъ намъ тѣмъ болѣе ясныя указанія, чѣмъ древнѣе изучаемые языки, чѣмъ менѣе подверглись они позднѣйшимъ случайнымъ вліяніямъ и посторонней примѣси. Мы можемъ мысленно представить себѣ, что всѣ нынѣшніе языки

суть болѣе или менѣе поздніе потомки нѣсколькихъ перво-бытныхъ, самостоятельныхъ, не имѣвшихъ между собою ничего общаго, кромѣ того, что проистекаетъ изъ общихъ условій человѣческаго духовнаго міра. Въ различіяхъ таковыхъ языковъ представились бы намъ въ полной ясности, въ рѣзкой противоположности, духовныя различія первыхъ народовъ или, лучше сказать, первыхъ группъ людей, создавшихъ человѣческое слово. Но это разногласное слово давно уже замолкло на землѣ и только отголоски его болѣе или менѣе явственно, болѣе или менѣе искаженно, слышатся въ неумолкаемомъ говорѣ народовъ даже до нашихъ дней. До нѣкоторой степени мы имѣемъ однако средства возсоздать эти первоначальные языки. Справедливо сказано, что, если бы латинскій языкъ исчезъ, не оставивъ по себѣ ни одного письменнаго памятника, то изъ сравнительнаго изученія нынѣшнихъ романскихъ языковъ, какъ то: французскаго, итальянскаго, испанскаго и пр. мы не только могли бы догадаться о минувшемъ существованіи общаго ихъ родоначальника, но даже могли бы составить себѣ довольно ясное понятіе о характеристическихъ чертахъ его. Очевидно, что все то, что есть общаго во всѣхъ этихъ новѣйшихъ языкахъ, перешло къ нимъ изъ одного общаго источника; то, что только для нѣкоторыхъ изъ нихъ обще, можетъ почитаться частью наслѣдства, которая не всѣмъ наслѣдникамъ перешла во владѣніе. Языкъ коренной обыкновенно бываетъ богаче формами, чѣмъ языкъ производный, и это богатство гораздо значительнѣе въ юные годы его, чѣмъ въ годы возмужалости. Время юности есть вмѣстѣ съ тѣмъ и время анархіи языка; каждый изъ говорящихъ участвуетъ въ созданіи его, вносить въ него отгѣнокъ своей личности, склоняетъ, спрягаетъ слова по своему; нѣтъ другого предѣла личному произволу кромѣ опасенія сдѣлаться непонятнымъ. Но широкой гласности тогда еще не существуетъ, каждый проводитъ вѣкъ въ тѣсномъ кругу родныхъ или близкихъ сосѣдей: при такихъ условіяхъ жизни другъ-

друга понимать не мудро. Такъ должны были возникнуть диалекты, нарѣчія, одновременно съ созданіемъ языка; единство послѣднего нельзя отыскать иначе, какъ развѣ въ одной семьѣ, даже въ одной четвѣ; и тутъ мужъ и жена говорили не одинаково: происхожденіе различныхъ окончаній въ языкѣ для мужескаго и женскаго рода. Но вскорѣ изъ семействъ образуются общины, кланы, народы, государства; прежніе круги тѣсныхъ сношеній родственныхъ расширяются; молитвы, законы, пѣсни должны быть понимаемы значительнымъ числомъ людей, составляющихъ собою народъ, государство; создается языкъ общенародный, который постепенно стремится къ простотѣ, къ однообразію, къ удаленію всего слишкомъ индивидуальнаго, всего кажуцася излишнимъ; въ общемъ теряются частныя подробности, языкъ бѣднѣетъ формами, теряетъ выразительность свою. Это есть общая судьба всѣхъ языковъ; исторія развитія ихъ, какъ замѣтилъ Гегель, въ прямой противоположности съ исторіей развитія человѣчества ¹⁾. Но таковое обѣднѣніе языковъ происходитъ медленно; какъ мы сказали, чѣмъ древнѣе языкъ, тѣмъ онъ богаче; богатство, въ коренномъ языкѣ заключавшееся, дѣлится между его дѣтьми, внуками, правнуками: каждый изъ нихъ живетъ лишь тѣмъ, что досталось на его долю. Такимъ образомъ, въ коренномъ языкѣ, какъ въ микрозмѣ, отражаются всѣ его языки производимыя. Изъ того, что мы сказали выше, можно уже усмотрѣть путь, которымъ слѣдуетъ сравнительная филологія, чтобы дойти до языковъ коренныхъ. Мы сказали также, что эти самыя изслѣдованія приводятъ къ убѣжденію, что не было языка, отъ котораго можно бы было произвести всѣ человѣческіе языки. Но даже въ кругу односемейныхъ языковъ, мы не можемъ отыскать общаго прародителя ихъ. Обыкновенно доходимъ мы до нѣсколькихъ языковъ, которые всѣ представляютъ между собою фамиліальное сходство, но которыхъ нельзя уже выводить одинъ изъ другого, которыхъ нельзя даже

1) *Hegel: Philosophie der Geschichte. Einleitung*, p. 61.

назвать ровесниками, потому что мы незнаемъ, сколько поколѣній отдѣляетъ каждый изъ нихъ отъ общаго прародителя. Отсюда видно, что когда какой-либо языкъ мы называемъ кореннымъ, то названія этого не должно считать безусловнымъ. Нѣкоторые изъ числа такъ называемыхъ коренныхъ языковъ представляютъ признаки близкаго взаимнаго родства, и мы можемъ считать ихъ за развѣтленія одной и той же невѣдомой отрасли. Наконецъ нѣкоторые изъ этихъ коренныхъ языковъ въ большей свѣжести, въ большей полнотѣ изображаютъ общія характеристическія черты цѣлаго семейства: таковыя языки мы называемъ древнѣйшими не потому, что они прежде другихъ отдѣлились отъ главнаго корня, но потому, что въ нихъ удержался въ чистотѣ первоначальный, общеродовой характеръ. Для хронологіи сравнительная филологія немного можетъ доставить данныхъ.

Эти общія разсужденія о человѣческихъ языкахъ мы приложимъ теперь къ расѣ, которая, по физическимъ примѣтамъ своимъ, въ естественной исторіи человѣка, называется *кавказскою*.

Съ точки зрѣнія сравнительной антропологіи раса эта едина и нераздѣльна; сравнительная филологія доказываетъ, что языки ея составляютъ три семейства, которыя невозможно привести къ одному общему началу. Если выпустить изъ виду результаты изслѣдованій антропологіи, то единство расы исчезаетъ безъ слѣда посреди изслѣдованій филологическихъ; это есть сильное возраженіе противъ матеріальныхъ выводовъ физической исторіи человѣка. Но, съ другой стороны, всеобщая исторія обнаруживаетъ, что именно къ этой кавказской расѣ принадлежатъ всѣ народы, которые играли первенствующую роль на поприщѣ всемірной исторіи. Мы не считаемъ себя въ правѣ оставить совершенно безъ поясненія вопросъ что должно понимать подъ выраженіемъ *обще-человѣческое развитіе*. Каждый изъ насъ, хотя бы то было въ безконечно слабой степени, участникъ въ этомъ развитіи, которое есть результатъ равнодѣйствующей всѣхъ нашихъ частныхъ

усилій. Что же двигаетъ насъ? Къ чему стремится каждый изъ насъ? Конечно, общимъ двигателемъ служить не смутное понятіе о томъ, что родъ человѣческій имѣетъ опредѣленное предназначеніе и что каждый обязанъ трудиться въ смыслъ этой предвѣчной цѣли. Скорѣе можно сказать, что люди дѣйствуютъ какъ полипы, которые, повинаясь условіямъ тѣсной органической жизни своей, производятъ кораллы, а изъ этихъ коралловъ создается пятая часть свѣта...

Но, если мы не можемъ разгадать куда идетъ человѣчество, то, быть можетъ, имѣемъ средства разгадать, что заставляетъ его идти впередъ, если не прямымъ путемъ, то во всякомъ случаѣ не кругообразнымъ. Откуда разъ уже человѣчество выдвинулось, туда уже никогда оно не возвращается. Внутренняя дѣятельность человѣка есть душевная и умственная. Душевная выражается впечатлительностію и желаніемъ; умственная мышленіемъ и волею. Послѣдняя обуславливаетъ стремленіе человѣка къ совершенствованію своего положенія.

Пока мышленіе и воля дремлютъ въ народѣ, онъ подвигается впередъ: это не есть народъ историческій. Таковыхъ неисторическихъ народовъ много на землѣ и въ настоящее время. Но едва лишь эти двѣ высшія способности пробуждаются въ какомъ либо поколѣніи, какъ народъ трогается съ мѣста, предполагаетъ себѣ цѣль, съ достиженіемъ которой надѣется улучшить свой бытъ. Достигнута-ли эта цѣль или нѣтъ,—во всякомъ случаѣ народъ не останавливается, пока дѣйствуютъ на него эти два двигателя. Мы очень далеки отъ того, чтобы утверждать, что каждое поколѣніе дѣйствительно счастливѣе предшествовавшаго; счастье исключительно измѣряется способностью сознать его. Но, во всякомъ случаѣ, подъ влияніемъ непрестанно дѣйствующихъ мысли и воли, новое поколѣніе не можетъ уже довольствоваться тѣмъ, что для предшествовавшаго составляло окончательную цѣль, довольствоваться тѣмъ, чего достигли уже отцы. Такъ народъ подвигается

впередъ. Но и сфера мысли его и сфера воли имѣютъ предѣлы, переступить которыхъ народъ не можетъ и останавливается; для него наступаетъ болѣе или менѣе долгій періодъ агоніи, за которою слѣдуетъ смерть. Мѣсто его заступаетъ другой народъ, онъ усваиваетъ себѣ наслѣдство покойника, но, не удовлетворяясь имъ, идетъ впередъ, пока станетъ запаса мысли и воли.

Но очевидно, что мысль не можетъ выйти изъ круга впечатлительности, воля изъ круга желаній. Говоря о происхожденіи языковъ, мы сказали, что есть народы, которые, повидимому, почти не могутъ возвыситься надъ матеріальнымъ созерцаніемъ природы. Эта ограниченность должна отразиться и въ желаніяхъ, и въ мышленіи, и въ волѣ ихъ; для нихъ временно можетъ быть открыто историческое поприще, но имъ доступна только одна сторона человѣческаго развитія; мысль и воля ихъ скоро должны утомиться и изсякнуть. Ихъ мѣсто въ передовыхъ рядахъ должны послѣдовательно занять достойнѣйшіе.

Подобное духовное различіе, замѣчаемое въ народахъ кавказской расы, позволяетъ намъ выпустить изъ виду единство ея, основанное на выводахъ антропологии; въ филологическомъ отношеніи можно причислить къ одной расѣ только народы, говорящіе языками, принадлежащими къ одному и тому-же семейству. Принявъ филологическую систему раздѣленія на расы, мы находимъ, что кавказское племя заключаетъ въ себѣ три расы: кушитскую (хамитскую), сямитскую и арійскую.

Въ книгѣ Бытія ¹⁾ находимъ мы сказанія объ основаніи первыхъ царствъ на землѣ: «Сыны Хама: Хушъ, Мицраимъ и пр. Хушъ родилъ также Нимрода: сей началъ быть силенъ на землѣ... царство его вначалѣ составляли: Вавилонъ, Эрехъ и пр.» Мицраимъ есть Египетъ, который теперь еще на цѣломъ востокѣ называется Мисръ.

1) X, 6—10.

При первом проблескѣ разсвѣта всемірной исторіи, взоры наши останавливаются на Египтѣ, который представляется уже въ то время не въ видѣ юноши, исполненнаго силъ и кипящаго отвагой; а въ видѣ старца, отжившаго уже свой вѣкъ и готовящагося заснуть вѣчнымъ сномъ посреди созданныхъ имъ пирамидъ и сфинксовъ. Сверстниками египтянъ въ исторической жизни, давно уже забытой, были ханаanei, къ которымъ пришелъ странникъ Аврамъ изъ земли Халдейской; строители Ниневіи, Вавилона, Сузы; плаватели по морямъ Черному, Эритрейскому (Индійскому); ефіопы, сабеяне, евилаты (кавилы), кофены, кушиты, шудра, сонмъ народовъ, которыхъ прослѣдить можно отъ Архинелага Егейскаго до устьевъ Инда и отгуда вверхъ по рѣкѣ въ самую глубь Азіи. Народы дѣятельно-историческіе, по исторія ихъ дошла до насъ въ видѣ длиннаго ряда загадокъ, надъ которыми уже современъ Геродота, въ продолженіи двадцати трехъ вѣковъ, изощряется любопытство человѣческое. Все убѣждаетъ насъ въ томъ, что начало древней исторіи нашей не есть дѣйствительное начало исторіи человѣчества; оно скорѣе походитъ на начало такъ называемой средней исторіи нашей, когда народы юные, свѣжіе, дотолѣ безвѣстныя, вдругъ появились на сценѣ и смѣнили собою народы одряхлѣвшіе, народы, исполнившіе уже назначеніе свое, неспособныя къ дальнѣйшему развитію. По наслѣдству, доставляемому народамъ, смѣнившимъ собою кушитскую расу, мы можемъ въ главныхъ чертахъ судить о направленіи ея развитія. Мы говоримъ *Кушитская раса*, потому что дѣйствительно множество обстоятельствъ обнаруживаютъ тѣсное фамиліное сходство между всѣми этими до-историческими народами; изученіе череповъ, сохранившихся въ древнихъ памятникахъ, равно какъ и изображенія на этихъ памятникахъ убѣждаютъ въ томъ, что кушиты въ антропологическомъ отношеніи принадлежали къ кавказской расѣ. О языкѣ ихъ или, лучше сказать, объ общемъ характерѣ языковъ мы можемъ составить себѣ лишь весьма огра-

ническое понятие. Единственный письменный памятникъ составляютъ іероглифическія надписи, которыми покрыты египетскіе пирамиды и обелиски. Но разборъ ихъ представляетъ величайшія затрудненія: должно, посредствомъ неизвѣстной письменной системы, читать на неизвѣстномъ языкѣ. Изученіе коптскаго языка, теперь уже мертвато, на которомъ есть переводъ книгъ священнаго писанія, представило чудовидную нить въ этомъ лабиринтѣ трудностей. Можно считать, что коптскій языкъ прямо происходитъ отъ древне-египетскаго. Къ этому же семейству относятся языки туземныхъ обитателей сѣверной Африки, языки ливійскіе и пуныдійскіе ¹⁾, языкъ Ехили во внутренней Аравіи; наконецъ, открываются слѣды этого семейства въ языкѣ не-арійскихъ обитателей Малабарскаго берега Индіи ²⁾. Какъ ни мало покуда изслѣдованы еще всѣ эти языки, въ теченіе вѣковъ значительно подвергшіеся примѣси чуждыхъ элементовъ, но можно однако заключить, что первоначальный языкъ въ семействѣ походилъ грамматическимъ устройствомъ на китайскій: языкъ моносиллабическій, уединяющій, безъ частей рѣчи. Такъ напр. въ коптскомъ языкѣ *anh* значитъ жить, жизнь, живущій, живой. ³⁾ Замѣчательно, что система изображенія каждаго особаго понятія особымъ знакомъ возникла и въ Египтѣ и въ Китаѣ. То, что мы знаемъ о характерѣ кшитскаго развитія, представляетъ въ основаніи своемъ поразительное сходство съ китайскимъ образованіемъ: сходство характера языковъ отразилось и въ нравственномъ характерѣ. Грубый матеріализмъ составляетъ основу его; религіозныя побужденія смѣшиваются съ чувственными, обоготвореніе физической любви; отсутствіе всего идеальнаго; наука, направленная къ точному описанію наружныхъ явленій природы, къ астрономическимъ наблюденіямъ, къ созданію метрическихъ системъ; искусство въ ручныхъ ремеслахъ, въ постройкахъ, которыя изумляютъ огром-

1) *Renan*: Hist. gén. des langues semit. p. 81; *Ritter*: Erdkunde, 12 Theil, p. 56.

2) *Lassen*: Indische Alterthumskunde, II, 580—581.

3) *Bunsen*: Aegyptens Stelle in der Weltgeschichte, I, 324.

остью, по чужды изящности; склонность къ торговлѣ или, лучше сказать, къ барышничеству, мало расположенія къ войнѣ; чрезвычайна-искусственное политическое устройство, совершенное презрѣніе къ человѣческому достоинству, деспотизмъ необузданный, ищущій себѣ опоры въ преднамѣренномъ обезсиленіи народа морально суевѣриемъ, физически изнурительными работами. Эти нравственныя черты кушитовъ ясно отражаются, какъ во всемъ томъ, что мы знаемъ о Египтѣ, такъ и въ томъ, что перешло отъ нихъ къ финиціанамъ, къ позднѣйшимъ вавилонянамъ и ассирійцамъ. Это тлетворное наслѣдство доставляетъ ключъ къ объясненію многихъ историческихъ явленій, происшедшихъ въ юго-западной Азіи; многое объясняетъ оно и въ теперешнемъ бытѣ ея. Какъ нельзя понять исторіи Европы, средне-вѣковой и даже современной намъ, не вводя въ нее присутствія элемента греческаго и римскаго, такъ нельзя понять и исторіи юго-западной Азіи, не вводя въ нее элемента кушитскаго.

Эта *кушитская* или *хамитская* раса, съ которою исторія почти не можетъ вступить въ непосредственное соприкосновеніе, окончательно выполнила свое назначеніе по крайней мѣрѣ вѣковъ за 15 до начала нашей эры. На воприще исторіи изъ мрака неизвѣстности выступаетъ постепенно другая раса, которой дано произвольное названіе *симитской*. Духовныя особенности ея, роль, къ которой она предназначена, не вдругъ обнаруживаются. Дѣйствительно, первые историческіе семиты, какъ то: хананей, финиціане, вавилоняне, ассирійцы (если только послѣдніе два народа можно считать за симитовъ; гораздо вѣроятнѣе, что они были смѣсью народовъ различныхъ расъ) являются намъ уже не въ первобытной простотѣ родового характера; мы знакомимся съ ними только тогда, когда они уже вполне подверглись моральному влиянію болѣе образованныхъ чѣмъ они кушитовъ, когда уже заимствовали у нихъ хорошее и дурное. Но, при такомъ разнообразіи наружнаго проявленія симитскаго характера, какъ найти

основаніе для сужденія объ отличительныхъ чертахъ, свойственныхъ цѣлой расѣ? Въ языкахъ симитическихъ эти указанія тѣмъ болѣе ясны, что всѣ языки эти такъ близки другъ къ другу, что кажутся какъ бы діалектами одного и того же. Симитическій словарь необыкновенно богатъ, ¹⁾ но отвлеченныя понятія не иначе выражаются, какъ посредствомъ понятій физическихъ. Богатство словаря обнаруживаетъ съ одной стороны впечатлительность, съ другой слабость мысли. При способности къ отвлеченности, одно названіе вызываетъ совокупность различныхъ впечатлѣній, которыя располагаются частію въ свѣту, частію въ полутѣни, частію въ тѣни и рисуютъ предметъ рельефно, какъ онъ есть въ природѣ. Но, если каждое перазлагаемое впечатлѣніе и имѣеть особое названіе, то только таковое впечатлѣніе и вызывается названіемъ: предметъ выражается ярко, но односторонне. Итакъ впечатлительность и односторонность проявляются въ самомъ словарѣ симитовъ. Еще разительнѣе обнаруживаются эти качества въ грамматической системѣ симитическихъ языковъ. Они принадлежатъ къ категоріи языковъ развивающихся, слѣдовательно, стоятъ на высокой ступени совершенства языкозданія, но словосочиненіе отзывается крайнею скудностію. Каждый періодъ есть краткое безыскусственное предложеніе; слогъ есть рядъ такъвыхъ однообразныхъ предложеній, слѣдующихъ одно за другимъ и взаимно связанныхъ союзомъ и. Способность располагать предложенія съ соблюденіемъ условій умственной перспективы, черезъ что одни понятія выдаются наружу, другія, второстепенныя, сопровождающія первыя, остаются въ глубинѣ,—таковая способность совершенно чужда симитамъ. Весьма замѣчательна также ихъ система спряженій; времена глаголовъ крайне не опредѣлительны, прошедшее, настоящее, будущее не разграничены опредѣлен-

1) Увѣряють, что *авръ* имѣеть до 500 названій на арабскомъ языкѣ, *эмія* до 200, медъ болѣе 80, медъ до 1000. Гаммеръ насчиталъ 5744 названія для верблюда. *E. Renan: de l'origine du langage*, 1858. p. 142.

выми формами: при глубокой впечатлительности, мысль всегда присутствует явлению, понятие о времени исчезает. Этихъ поверхностныхъ наблюдений о симитическихъ языкахъ достаточно, чтобы составить себѣ общее понятие объ умственныхъ способностяхъ симитовъ: впечатлительность глубокая, но по тому самому односторонняя, простая; неумѣніе сближать, сравнивать, взвѣшивать впечатлѣнія; подчиненность имъ при слабости мышления; отсюда необузданный эгоизмъ, сильныя страсти, упорство въ своемъ мнѣніи, непониманіе чужаго, по невозможности отрѣшиться отъ своего собственнаго; эксклюзивность, фанатизмъ. Всѣ эти качества не благоприятны устройству человѣческихъ обществъ на прочномъ основаніи; личность каждаго симита такъ самостоятельна, такъ независима, что не можетъ подчиниться общественнымъ условіямъ; съ другой стороны, симитическіе законодатели слишкомъ глубоко проникнуты единой мыслию, чтобы допускать какое-либо разнообразіе: симитическій законъ также неумолимо эксклюзивенъ, какъ и каждый симитъ; законъ сидится подчпнить себѣ всю внутреннюю и всю наружную жизнь человѣка, не допуская не только разнообразія содержанія, но даже и разнообразія формы. По этому согласію между обществомъ и индивидуумомъ можетъ быть только временное, скоропреходящее, когда, подъ влияніемъ одного пламеннаго чувства, цѣлый народъ идетъ какъ одинъ человѣкъ. Этимъ объясняется почему симиты только по временамъ и какъбы мимоходомъ играютъ значительную роль во всемирной исторіи; всѣ политическія созданія ихъ не имѣютъ прочности, они возникаютъ мгновенно, быстро достигаютъ верха могущества и, затѣмъ, быстро клонятся къ паденію; это есть взрывъ, а не правильное возрастаніе и развитіе. Но участіе симитовъ въ дѣлѣ общечеловѣческаго совершенствованія другого рода; оно несравненно обильнѣе послѣдствіями, чѣмъ политическія перестройки. Способность чувствовать глубоко, не смущаемая притязаніями разума, придаетъ характеру симитовъ глу-

боко-религіозное направленіе. Безотчетное понятіе о Богѣ, о предвѣчномъ началѣ всего существующаго, присносущна внутреннему духовному міру человѣка; люди не дошли до понятія этого постепенно, какъ не дошли они постепенно до созданія языка своего. Не находя въ самомъ себѣ объясненія таковаго понятія, человѣкъ обратилъ вопрошающій взоръ на ви́шній видимый міръ: въ чертахъ творенія мнилъ онъ усмотрѣть черты Творца. Но человѣкъ самымъ собою заслонилъ отъ себя отраженіе Творца въ твореніи. Однимъ симитамъ стала доступною мысль о непосредственномъ откровеніи Бога человѣку; въ понятіяхъ ихъ идея о божествѣ отразилась въ чистотѣ, чуждой земной примѣси, въ единствѣ неприкосновенномъ. Три религіи,—три величайшія событія въ исторіи общечеловѣческаго развитія,—три неравно-прекрасныя и неравно-чистыя выраженія одной и той же великой идеи о единомъ Богѣ ¹⁾, возникли у симитовъ. Но симитамъ суждено было только уготовить путь для дальнѣйшаго развитія другой расы, болѣе разнообразно одаренной; сами они не пошли по этому пути, какъ не для нихъ уготованному.

Первые лучи историческаго свѣта, разсѣивающіе мракъ вѣковъ доисторическихъ, открываютъ передъ нами существованіе множества народовъ, которые, слѣдуя общему направленію отъ юго-востока къ сѣверо-западу, отъ береговъ Бенгальскаго залива до береговъ Атлантическаго океана, заслоняютъ собою сравнительно-тѣсный міръ кушито-симитскій отъ внутренней Азіато-европейскаго материка. Исторія застаеть уже кельтовъ въ западной Европѣ, латино-еллиновъ на Аппенинскомъ и Балканскомъ полуостровахъ, киммеріянъ вокругъ Азовскаго моря, кардовъ, касдовъ или халдовъ въ Курдистанѣ, мидянъ въ Адербиджанѣ, бактрійянъ на Оксусѣ, Индійскихъ арійцевъ въ Индустанѣ до самаго Индійскаго Океана. Были ли народы эти первобытными обитате-

1) *E. Renan: de l'origine du langage. 1858. p. 192.*

лями всѣхъ этихъ страпъ или пришельцами въ нихъ; если они были пришельцы, то откуда и когда пришли они? Всѣ эти вопросы исторія долго оставила безъ разрѣшенія, какъ совершенно недоступные для нея. Но мы имѣемъ данныя, чтобы составить себѣ довольно вѣрное понятіе о языкахъ, которыми говорили эти народы; изъ сравнительнаго изученія этихъ языковъ обнаруживается, что всѣ они суть развѣтвленія одного языка, котораго мы не знаемъ и, конечно, никогда не узнаемъ; изъ этого можно заключить, что всѣ вышеозначенные народы суть развѣтвленія одного первобытнаго народа, быть можетъ, одного небольшого племени, одной семьи, одной четы. Это открытіе, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ числу величайшихъ открытій въ области человѣческаго знанія; оно придало исторической наукѣ прочное основаніе и невѣроятно расширило предѣлы ея. Открытіе это принадлежитъ нашему вѣку, почти нашимъ современникамъ, но не есть плодъ учености одного лица. Событія историческія, въ особенности распространеніе британскаго владычества въ Индіи, расширили кругъ языкознанія; темныя догадки о сродствѣ различныхъ языковъ возникали постепенно и искали оправданія въ сравнительной филологіи, которую надобно было еще создать и которая создавалась постепенно. Опытъ и теорія шли параллельно. При разрозненности трудовъ, весьма естественнымъ образомъ возникаютъ различныя названія для означенія одного и того же понятія. Такъ и для обозначенія всего этого семейства языковъ и народовъ существуютъ различныя названія: семейство индо-германское, индо-европейское, арійское, санскритское. Изъ всѣхъ этихъ названій, *арійское* (согласно Лассену) кажется наиболѣе удовлетворительнымъ. Названіе *явсегово*, въ отличіе отъ симитскаго и хамитскаго, не можетъ быть принято, потому что подъ такое названіе, связанное съ библейскимъ сказаніемъ, должны бы подойти всѣ народы не симитскаго и не хамитскаго корня. Съ другой стороны ни на одной человѣческой расѣ не обозначилось такъ, какъ на арійской, благословеніе Ноево:

«да распространить Богъ Іафета; и да вселится онъ въ шатрахъ Симовыхъ, Ханаанъ же будетъ рабомъ ему.» Можно ли сомнѣваться въ томъ, что столь чудное распространеніе арійскаго семейства далеко еще не достигло предназначенныхъ ему Всевышнимъ Промысломъ предѣловъ!

Допустивъ это первоначальное единство цѣлой арійской расы, мы должны исключительно приписать вліянію внѣшняго физическаго міра чрезвычайное разнообразіе, нынѣ существующее между народами этой расы. Это разнообразіе такъ велико, что можно думать, что первоначальное единство совершенно уже утратилось, не оставивъ по себѣ никакого другого слѣда, кромѣ общаго сходства въ языкахъ, сходства, не легко уже теперь уловимаго. Остаповимся же покуда на этомъ сходствѣ языковъ и постараемся разгадать, какія общія умственные свойства заставляють оно предполагать въ народахъ арійскаго семейства.

Мы сказали, что впечатлительность, субъективность, составляющія отличительныя свойства характера симитовъ, проявляются въ самыхъ языкахъ ихъ. Въ созданіи арійскихъ языковъ мы усматриваемъ другое направленіе: стремленіе освободиться отъ случайныхъ впечатлѣній, противопоставить ихъ чистому разуму, обобщить предметъ, сознать въ немъ самостоятельное существованіе, независимое отъ отношеній его къ чувствамъ нашимъ. Отвлеченность составляетъ характеристическую черту арійскихъ языковъ. Въ древнѣйшихъ памятникахъ ихъ, въ индійскихъ Ведахъ, мы находимъ выраженія прямыя и свѣтлыя, для цѣлой дѣятельности чистаго, всеобщаго разума, для всѣхъ сторонъ нравственнаго міра. Арійскіе языки суть *развивающіе* по превосходству и въ этомъ отношеніи стоятъ далеко на высшей ступени, чѣмъ симитскіе; слова въ нихъ пронизаны жизнью; свободно изворачиваются они, отражая собою всѣ извороты мысли; они являются въ періодѣ, не по учрежденному разъ на всегда мертвому, единообразному уставу, а по призыву мысли; періоды не тянутся безконечною, утоми-

тельной вереницей, а группируются, выдаются впередъ, остаются позади; выпуплости, полутѣни, тѣни обозначаются въ рѣчи, какъ обозначаются они въ цѣломъ видимомъ мірѣ.

Если таковое превосходство арійскихъ языковъ предъ всѣми прочими не подлежитъ сомнѣнію и если изъ него можемъ мы заключить, что арійская раса болѣе щедро чѣмъ другія одарена въ умственномъ отношеніи, что вполне доказывается позднѣйшею исторіей ея, то должно базаться удивительнымъ, почему столь долгое время оставалась она въ безвѣстности, почему дозволила кушитской расѣ играть въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ первенствующую роль въ исторіи. Дѣйствительно, не ранѣе, какъ за десять вѣковъ до Р. Х. проявляется въ обширныхъ размѣрахъ внѣшняя дѣятельность арійцевъ. Это замедленіе ихъ повлечься на историческомъ поприщѣ объясняется, впрочемъ, самими основными свойствами ихъ характера. Они не такъ способны къ нравственному увлеченію, какъ симицы; любостыжаніе, стремленіе къ матеріальнымъ благамъ на нихъ слабѣе дѣйствовало, чѣмъ на кушитовъ, рабовъ чувственности. Въ тѣсномъ кругу семейной жизни, безмятежно могли развиваться самоотверженіе, привязанность къ независимости, сознаніе чело-вѣческаго достоинства, чувства нравственности, которыя готовили мирныхъ семьянъ къ исторической дѣятельности. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, склонность къ идеализованію, къ свободному отысканію истины должна была повлечь ихъ въ заблужденія. Вся природа казалась имъ одушевленною; въ разнообразіи естественныхъ явленій усматривали они цѣлый міръ разнообразныхъ таинственныхъ разумныхъ дѣателей. Отсюда одухотвореніе матеріи, многобожіе, въ которое болѣе и болѣе погружились арійцы. Тамъ, гдѣ отношенія къ внѣшнему міру непреодолимо приковываютъ къ себѣ вниманіе чело-вѣка, гдѣ долженъ онъ въ потѣ лица зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба пасущаго или отстаивать свое существованіе въ борьбѣ съ врагами, тамъ арійцы сохранили способность къ исторической дѣятельности; но тамъ, гдѣ природа, какъ мать-баловница осво-

бождаетъ человѣка отъ труда и отъ борьбы, тамъ арійцы вполне отдалились духовной жизни, отрѣшившись стѣ всякой дѣятельности въ предѣлахъ земнаго, временнаго; дойдя до геркулесовыхъ столбовъ мышленія, они остановились въ виду безпредѣльнаго, единообразнаго океана, на которомъ нѣтъ болѣе пристанища: этимъ заключилось ихъ поприще совершенствованія. Такимъ образомъ, безъ соприкосновенія съ другими расами, хотя и менѣе совершенными, арійцы не могли бы выступить на историческую стезю. Матеріальное развитіе кушитовъ доставило противувѣсіе идеальному направленію арійцевъ: противувѣсіе, впрочемъ, гибельное тамъ, гдѣ подѣйствовало оно непосредственно и на народы, не успѣвшіе еще окрѣпнуть въ тихомъ, семейномъ быту. Симиты, передавъ арійцамъ мысль единобожія и откровенія свыше, измѣнили точку исхода ихъ умствованій; они вручили имъ руль и компасъ для плаванія по безпредѣльному океану идеализма.

Сравнительная филологія доставляетъ намъ возможность заглянуть во внутренній бытъ безвѣстнаго для исторіи народа-прародителя всѣхъ арійцевъ, разшедшихся теперь по лицу всей земли. Кругъ понятій всякаго народа измѣнялся съ измѣненіемъ жилища; для новыхъ понятій пришельцы должны были или заимствовать названія у туземцевъ или сами составлять новыя слова. Но въ составленіи даже этихъ новыхъ словъ должны уже были отразиться измѣненія, которымъ подверглись одноплеменные народы, подвергнувшись различнымъ внѣшнимъ вліяніямъ. Такимъ образомъ, чѣмъ болѣе въ противоположныя стороны разошлись два одноплеменныхъ народа, чѣмъ болѣе разнообразнымъ вліяніямъ подверглись они, тѣмъ лексиконы ихъ должны представить менѣе сходства. Но, если наоборотъ, мы возьмемъ два таковыхъ народа, которые не могли имѣть ничего общаго, ни въ источникахъ, откуда они заимствовали новыя слова, ни въ условіяхъ жизни своей, какъ напр. Кельты и индусы; если въ словаряхъ таковыхъ двухъ народовъ находимъ одинавія названія для нѣкоторыхъ понятій, то не можемъ не заключить, что

таковыя названія вынесли они изъ общей родины своей. Лексиконъ таковыхъ общеарійскихъ словъ очевидно принадлежитъ народу весьма малочисленному, скорѣе даже небольшому племени, которое весьма высоко стояло на ступени духовнаго развитія, но въ матеріальномъ отношеніи не вышло еще изъ состоянія сельской простоты. На этомъ языкѣ, то, что теперь значить *городъ*, значило еще *домъ*; вышнія правительственныя названія означали семейную іерархію; нѣтъ словъ ни для войны, ни для охоты, но богатый словарь для мирной жизни, для скотоводства, для тканья, для земледѣлія, для самаго простаго рудокопства; всѣ отношенія родственныя обозначены особыми словами, которыя составлены согласно хозяйственнымъ занятіямъ, возложеннымъ на каждаго члена семейства. Таковой словарь несомнѣнно доказываетъ, что арійцы никогда не находились въ томъ состояніи дикости, которое, по мнѣнію Вико, было состояніемъ первыхъ послѣдотопныхъ людей; когда разсѣялись они по лѣсамъ, то спасаясь отъ дивихъ звѣрей, то гонимыя за женщинами, то отыскивая себѣ воду и пищу, и когда только первый ударъ грома, ужаснувъ ихъ, возбудилъ въ нихъ мысль о богѣ—громовержцѣ ¹⁾.

Мнѣніе о первоначальномъ состояніи дикости человѣчества было обще-принято у древнихъ, которые при этомъ предположили, что человѣчество вышло изъ такового состоянія, благодаря сверхестественному благодѣтельному вмѣшательству въ человѣческія дѣла боговъ и полубоговъ. Мнѣніе о первоначальномъ состояніи дикости человѣчества было принято и философами прошлаго вѣка, но съ тою разницею въ мнѣніи, что человѣкъ самъ собою, безъ всякаго сверхестественнаго пособія, постепенно и весьма медленно вышелъ изъ такового состоянія. Мы уже выше сказали, что философы XVIII вѣка предполагали, что люди были нѣкогда на ступени бессловесныхъ и что они изобрѣли языкъ мед-

1) *Vico: la scienza nuova*, trad. par Michelet (Paris 1827), p. 66.

леннымъ вѣковымъ трудомъ и мышлеиіемъ. Теперь такое мнѣніе вообще отвергнуто; дикость считается состояніемъ упадка чело-вѣчества; предполагается, что праотцы пылѣвшихъ дикарей сто-яли на гораздо высшей умственной ступени; нѣтъ дикарей, кото-рые бы не имѣли языка, не умѣли добывать огня, изготовлять оружіе для войны и для охоты, строить лодки и т. п. Всѣми эти-ми первоначальными искусствами дикари владѣютъ, но не совер-шенствуютъ ихъ; если бы сами они выдумали все это, то изобре-тательная способность ихъ, разъ возбужденная, на этомъ бы не остановилась; поему нельзя не заключить, что весь этотъ скуд-ный запасъ знанія и искусства перешелъ къ нынѣшнимъ дика-рямъ въ видѣ обломковъ прежней болѣе высокой культуры, кото-рая принадлежала ихъ предкамъ. Итакъ изъ состоянія образован-ности можно перейти въ состояніе дикости, но послѣднее состоя-ніе есть неизлечимо болѣзненное, потому что нѣтъ еще примѣ-ровъ, чтобы дикари могли себя усвоить образованность. Мы мо-жемъ заключить, что не только арійская, но равнымъ образомъ симитская и кушитская расы никогда не были въ дикомъ состоя-ніи; впрочемъ, множество есть доказательствъ на то, что въ эпо-ху расселенія каждой изъ этихъ расъ, онѣ находили уже населен-ными всѣ страны, въ которыя приходили. Изъ этого видно, что сравнительная филологія, отодвинувъ вглубь время начало че-ловѣчества, вовсе не имѣетъ притязаній на отысканіе самыхъ пер-выхъ слоевъ народонаселенія земнаго шара; какъ и всегда, здѣсь успѣхи науки, доставивъ богатый запасъ положительныхъ и нео-жиданныхъ свѣдѣній, вмѣстѣ съ тѣмъ наложили покровъ непро-ницаемой неизвѣстности на многое то, что прежде казалось хоро-шо и достовѣрно извѣстнымъ. Такимъ образомъ, часто употребле-емое слово туземцы для означенія племени, будто бы исконно вѣ-ковъ живущаго въ извѣстной странѣ, должно быть всегда понимаемо только относительно, условно. Эти до историческія народонаселенія, при столкновеніи своемъ съ историческими расами, или исчезли,

не оставивъ другаго слѣда, кромѣ могилъ, кургановъ, искусственныхъ гротовъ (троглодиты), длинныхъ стѣнъ, построенныхъ изъ огромныхъ камней безъ извести. (циклопическія постройки) и слѣдовъ языка своего въ названіяхъ предметовъ мѣстности, названіяхъ сдѣлавшихся уже крайне сбивчивыми и неразборчивыми при переходѣ своемъ въ продолженіи вѣковъ черезъ нѣсколько разноплеменныхъ языковъ, или таковыя доисторическія пародоваселенія уцѣлѣли въ видѣ небольшихъ племенъ, обществъ, спасшихся отъ меча пришельцевъ, благодаря неприступности мѣстности; какъ напр. въ Пиринеяхъ баски, которыхъ языкъ не принадлежитъ къ арійскому корню и не имѣетъ другаго сходства съ которымъ либо изъ извѣстныхъ языковъ, кромѣ сходства въ грамматическомъ отношеніи съ туземными америвацскими языками. Наконецъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что, въ теченіи вѣковъ, значительная часть этого первобытнаго народонаселенія слилась съ нѣкѣ господствующими расами или совершенно, или составивъ изъ себя низшіе классы общества, давно утративъ уже и языкъ праотцевъ и нмя свое, какъ особаго народа и даже всякое воспоминаніе объ отдѣльной національности своей. Конечно, эти чуждыя примѣси къ историческимъ расамъ не могли не оказать вліянія на увеличеніе разнообразія, представляемаго народными характерами; таковое вліяніе трудно анализировать, потому что источника его большею частію не можемъ уже мы отыскать во всей чистотѣ, такъ какъ языки этихъ доисторическихъ расъ или окончательно потеряны или уцѣлѣли только въ видѣ топографическихъ названій, въ названіяхъ произведеній мѣстной природы, которыя неизвѣстны были пришельцамъ и т. п.: все это немного объясняется изъ духа такового исчезнуваго языка. Впрочемъ, нельзя не думать, что вліяніе доисторическихъ расъ на расы историческія заключено въ извѣстныхъ довольно тѣсныхъ предѣлахъ; таковыя туземцы могли сохранить характеристическія черты свои не иначе, какъ сохранивъ независимость въ недоступныхъ горахъ или непроницаемыхъ лѣсахъ, но тамъ, отор-

ванные отъ остальнаго свѣта, они неминуемо должны были спуститься на крайнюю ступень дикости; или они сохранили существованіе свое, поработенные побѣдителями, при чемъ, вмѣстѣ съ языкомъ, постепенно утрачиваютъ всякую способность къ свободному проявленію духовной личности своей, теряютъ силу мыслить и дѣйствовать самостоятельно, подчиняются всему чуждому; такъ проходятъ цѣлыя вѣка, пока въ этихъ поработенныхъ классахъ, подъ вліяніемъ особенно благоприятныхъ обстоятельствъ, пробуждается стремленіе къ жизни самостоятельной, но уже стикій для таковой жизни пѣтъ другихъ, кромѣ тѣхъ, которыя заимствованы побѣжденными отъ вѣкогда чуждыхъ для нихъ побѣдителей. Мы выше объяснили, что совершенно другой рядъ взаимныхъ отношеній существуетъ между историческими расами, появляющимися одна послѣ другой на сценѣ исторіи.

Итакъ вообще, когда говорится о колыбели рода человѣческаго, то должно относить это къ колыбели однихъ расъ историческихъ т. е. къ странѣ на земномъ шарѣ, которая бы могла почитаться первоначальною родиною предковъ всѣхъ народовъ, принадлежащихъ къ одной и той же расѣ. Могутъ ли имѣть таковыя изысканія, кромѣ удовлетворенія любопытства, какую либо важность для философскаго изученія исторіи? Въ этомъ, конечно, нельзя сомнѣваться. Мы выше объяснили, что историческія явленія не могутъ быть объяснены, пока не допущено будетъ первоначальное различіе въ характерахъ человѣческихъ расъ, различіе, независимое отъ всякаго вѣшняяго вліянія и преимущественно выразившееся въ различіи способовъ языкообразованія. Но съ первой же минуты жизни своей, люди подчиняются вліянію вѣшнихъ причинъ, въ особенности же многообразному вліянію вѣшней физической природы, вліянію мѣстности. Если мы имѣемъ какія либо средства отыскать, гдѣ была таковая колыбель какой либо расы, которую исторіи застаютъ уже въ видѣ множества народовъ, расселившихся на весьма дальнія разстоянія, то можемъ узнать, ка-

кимъ именно внѣшнимъ вліяніемъ подвергся народъ прежде, чѣмъ очутился тамъ, гдѣ застаётъ его исторія. Языкъ и мѣстность суть два свѣточа, которые озаряютъ первоначальную судьбу народа лучше, чѣмъ мертвыя хроники событій нынѣшней жизни его.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Не далѣе какъ въ концѣ прошлаго вѣка, начала знакомиться Европа съ богатою индійскою литературою; для филологіи совершилось открытіе, подобное открытію Америки для географіи. Мы здѣсь принимаемъ филологію въ смыслѣ науки, имѣющей цѣлю, посредствомъ изученія всѣхъ литературныхъ памятниковъ какого либо народа, воссозданіе для воображенія цѣлой внутренней, духовной жизни народа, оставившаго по себѣ таковыя памятники. До нашего времени, предметами такового изученія были почти исключительно греческая и латинская литературы, какъ полныя, законченныя выраженія духовной дѣятельности двухъ народовъ, оказавшихъ огромное вліяніе на обще-человѣческое развитіе. Нашему вѣку суждено было открыть, что и эти двѣ великія литературы суть не болѣе, какъ среднія главы въ одной великой послѣдовательной книгѣ, которой первыя главы для насъ долгое время были потеряны. Теперь постепенно извлекаются изъ мрака времени, изучаются эти первыя главы.

Языкъ, на которомъ писаны древнѣйшія индійскія священныя книги, *Веды*, давно уже вышелъ изъ общенароднаго употребленія, оставивъ послѣ себя многочисленное потомство языковъ, изъ которыхъ иные также уже давно мертвые, какъ напр. *пани* и *пракритъ*, другіе теперь еще живутъ въ устахъ обитателей Индустана. Этотъ языкъ-родоначальникъ есть языкъ *санскритскій*, отъ словъ *сам*—вмѣстѣ и *кри*—дѣлать, языкъ сотворенный, устроенный, обработанный. Есть много доказательствъ тому, что уже во времена

Александра Македонскаго, т. е. за двадцать два вѣка тому назадъ, санскритскій языкъ вышелъ изъ общенароднаго употребленія и сдѣлался уже языкомъ классическимъ, мертвымъ. ¹⁾ Это одно уже свидѣтельствуетъ о глубокой древности санскритскаго языка; какой, сверхъ того, длинный рядъ вѣковъ не предположить для жизненнаго поприща этого языка-исполина!

При первомъ знакомствѣ европейскихъ ученыхъ съ санскритскимъ языкомъ, открылись въ немъ черты поразительнаго родственнаго сходства съ языками латинскимъ, греческимъ, персидскимъ, съ языками германскими и славянскими. Особенности этихъ языковъ, дѣлающія ихъ несходными, сходятся въ неистощимомъ богатствѣ санскритскаго языка. Множество неразрѣшимыхъ этимологическихъ загадокъ, множество темныхъ вопросовъ въ мифологiи и народныхъ преданiяхъ глубли Европы внезапно озарились яркимъ свѣтомъ, блеснувшимъ съ отдаленныхъ береговъ Инда и Ганга.

Но, съ другой стороны, нѣтъ никакого сомнѣнiя въ томъ, что ни одинъ изъ европейскихъ языковъ, за исключенiемъ цыганскаго, не происходитъ отъ санскритскаго; языки эти имѣютъ съ нимъ родственное сходство, но для всѣхъ ихъ, равно какъ и для санскритскаго, должно предположить еще одинъ общiй корень въ видѣ языка, исчезнувшаго безъ письменнаго слѣда. По нѣкоторымъ признакамъ можно даже заключить, что европейскiе первородные языки равнѣ сдѣлались самостоятельными, равнѣ отдѣлились отъ общаго корня, чѣмъ санскритскiй, но послѣднiй предъ всѣми прочими имѣеть то преимущество, что въ немъ сохранились въ прозрачности и полнотѣ, какъ матеріальная основа всѣхъ родственныхъ ему языковъ—слова, такъ и духовная сторона ихъ—грамматическiя формы. ²⁾ Во всѣхъ другихъ языкахъ, каждое грамматическое правило влечетъ за собою длинный рядъ исключенiй, ка-

1) *Ersch und Gruber: Allgemeine Encyclopaedie, zweite Section, XVIII Th., p. 28-29.*

2) *Heysc: System der Sprachwissenschaft. p. 194.*

жающихся необъяснимыми неправильностями; таковыя мнимыя неправильности проистекають большею частью изъ началъ, утратившихся уже въ этихъ языкахъ и сохранившихся въ одномъ санскритскомъ.

Если языкъ этотъ не есть коренной и даже не есть самый древнй въ арийскомъ семействѣ, то, во всякомъ случаѣ, онъ неоспоримо представляетъ намъ древнйшіе памятники арийской рѣчи, даже, быть можетъ, древнйшіе памятники человѣческой рѣчи. Собраніе Ведъ, извѣстное подъ именемъ Ригъ-Веды, содержитъ въ себѣ религиозныя гимны и поученія, которые не могли быть составлены позже, какъ за пятнадцать вѣковъ до Р. Х. ¹⁾ Такимъ образомъ въ Индіи въ первый разъ арийская раса даетъ намъ знаніе о своемъ существованіи. Позволительно ли заключить изъ этого, что Индія была колыбелью всѣхъ арийцевъ, что въ ней возникло первоначальное арийское слово, которое оттуда разнеслось до Атлантики, разсыпавшись на пути своемъ въ несмѣтномъ множествѣ языковъ и замолкло на родинѣ, переродясь въ санскритскій?

Это предположеніе опровергается уже вліяніемъ, которое должно произвести природа Индіи на своихъ обитателей. Изъ всѣхъ странъ, которыя въ древнія времена занимало великое семейство арийскихъ народовъ, Индія была самою отличительною, наименѣе сходною съ другими; невѣроятно, чтобы эти характеристическія свойства индійской природы не оставили по себѣ никакого слѣда въ языкахъ и обычаяхъ всѣхъ арийскихъ народовъ, если только всѣ они вышли изъ Индіи. Но мы этого не замѣчаемъ. Для произведеній Индіи, находимъ мы во всѣхъ языкахъ названія санскритскія, но не общеарійскія. ²⁾

Впрочемъ, много есть прямыхъ несомнѣнныхъ доказательствъ тому, что индійскіе арийцы не были коренными обитателями Индіи. Теперь еще индійское народонаселеніе представляетъ собою

1) *Duncker*: Geschichte des Alterthums. 1856. II, 18.

2) *Lassen*: Indische Alterthumskunde, I, 512.

нѣсколько расъ, перепремѣшивающихся между собою и рѣзко отличающихся наружнымъ видомъ. Раздѣленіе на касты первоначально основано было на различіи цвѣта кожи; даже санскритское названіе касты—*варна*, значитъ цвѣтъ. Бѣлое народонаселеніе Индіи, составляющее касты, первенствующія морально и физически, въ антропологическомъ отношеніи не представляетъ совершенно никакого отличія отъ европейскихъ аріюцевъ, кромѣ отличій, легко объясняемыхъ вліяніемъ климата и образа жизни. Цвѣтное народонаселеніе разсыпано въ большихъ или меньшихъ оторванныхъ массахъ по цѣлой Индіи, но вездѣ встрѣчается оно въ мѣстахъ, наименѣе благоприятствуемыхъ природою: въ горахъ, въ непроходимыхъ лѣсахъ, посреди зловредныхъ болотъ и пр.; очевидно, что не добровольно поселилось оно тамъ, а вынуждено было необходимостью спасти свое существованіе отъ гоненій со стороны болѣе сильной расы бѣлыхъ побѣдителей, которые вездѣ занимаютъ мѣста самыя плодородныя и привольныя для житія. Подобное распредѣленіе народонаселенія, краснокожихъ и бѣлыхъ, находимъ мы и въ Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, но съ тою разницею, что тамъ стѣсненіе одной расы и распространеніе другой начались не болѣе, какъ за три вѣка тому назадъ, между тѣмъ какъ въ Индіи драма эта разыгрывается уже въ продолженіи сорока вѣковъ. Можно ли сомнѣваться, что эти цвѣтные люди, принадлежавшіе, впрочемъ, къ нѣсколькимъ весьма различнымъ расамъ, къ монгольской, финской, негритянской, малайской, жили на почвѣ Индіи до прибытія бѣлыхъ и вынуждены были силою уступить имъ самыя благоприятныя для жительства полосы. Въ противномъ случаѣ, какъ могли они появиться отдѣльными группами посреди бѣлаго народонаселенія, которое презираетъ и преслѣдуетъ ихъ? Впустили ли бы во внутрь Индіи таковыхъ ненавистныхъ пришельцевъ столь высоко стоящіе надъ ними въ умственномъ и физическомъ отношеніяхъ Брамины, Кшатри, Вайсія и Судра, принадлежащіе всѣ къ кавказской расѣ и, за исключеніемъ Судра, къ аріискому корню.

Впрочемъ порядокъ распространенія по Индіи арійскаго племени легко можно усмотрѣть изъ теперешняго размѣщенія арійскаго народонаселенія. Индія по сю сторону Ганга имѣетъ видъ неправильнаго четырехугольника, вершины угловъ котораго соотвѣтствуютъ четыремъ сторонамъ свѣта; трудно проходимый хребетъ Виндіа разрѣзаетъ въ видѣ діагонали отъ устьевъ Инда до устьевъ Ганга таковой четырехугольникъ на два треугольника, изъ которыхъ сѣверный называется Индустаномъ, а южный Декканомъ: послѣдній собственно составляетъ такъ называемый Индійскій полуостровъ. Отъ лѣваго берега Инда до устьевъ Ганга мѣстность открытая и удобопроходимая; по этому направленію распространилась главная масса арійскаго народонаселенія, которая потомъ, обогнувъ хребетъ Виндіа съ западной оконечности отъ устьевъ Инда, а съ восточной черезъ свободно проходимый Бенгалъ, рассыпалась по Деккану. Но здѣсь масса народонаселенія, заимствовавъ у арійцевъ религіозныя понятія и общественный порядокъ, равно какъ и обогативъ лексиконъ свой арійскими словами, сама осталась не арійскою. 1) Такимъ образомъ, точку исхода распространенія арійцевъ по цѣлой Индіи должно искать въ сѣверо-западной оконечности ея, въ Пенджабѣ, или еще выше, въ Кабулистанѣ. Въ Кабулистанѣ Баміанскимъ переваломъ выходитъ и единственный путь въ Индію съ сѣвера, проходимый для людей, переселяющихся со стадами и имуществомъ.

Въ собраніи древнѣйшихъ Ведъ, извѣстномъ подъ названіемъ Ригъ-Веда, театръ дѣйствія заключенъ въ сѣверо-западномъ углу Индіи, въ Пенджабѣ, въ странѣ, называемой страню «семи рѣкъ», такъ какъ къ пяти рѣкамъ, составляющимъ притоки верхняго Инда, причисляется самый Индъ и Сарасвати, нигдѣ Каггаръ или Гагуръ. О Гангѣ, который играетъ столь великую, священную роль въ религіи браминовъ, нигдѣ еще не упоминается: рѣка эта, какъ ви-

1) Lassen: Indische Alterthumskunde, I, 384.

дно, не была известна въ эпоху составленія первыхъ Ведъ. Народъ раздѣленъ на небольшія племена, которыми управляютъ вожди, называемые *гопа*, что значитъ *скотникъ*; мѣста, гдѣ засѣдаютъ они и правятъ пародомъ, суть *госта*—хлѣвъ; война называется *гависти*—жадность къ коровамъ. 1) Сочувствіе человѣка къ виѣшной природѣ выражается съ неподражаемой свѣжестью и дѣтской простотою; всѣ явленія, всѣ предметы видимаго міра одушевлены, живутъ собственной своей самостоятельной жизнью; человѣкъ любитъ ими или старается задобрить ихъ простодушною мольбой или выражаетъ имъ благодарность свою. Позже уже начинаетъ онъ подводить отдѣльныя явленія къ нѣсколькимъ общимъ невидимымъ началамъ, которыя создаетъ по подобію своему, придумываетъ отношенія ихъ другъ къ другу и къ самому себѣ, вводитъ въ этотъ воображаемый міръ свои страсти, свои наслажденія, свои нужды: такъ постепенно развивается многобожіе.

Воспоминанія индусовъ хоти и восходятъ, какъ мы видѣли, по крайней мѣрѣ за восемнадцать вѣковъ до Р. X., но не выходятъ изъ предѣловъ Индіи. Сѣверо-западная оконечность составляетъ таковую же точку исхода для исторіи индусовъ, какъ страна Арфаксидъ или страна Араратская для исторіи евреевъ. Но, для первоначальной исторіи человѣчества, для чудесныхъ событій, которыми ознаменована колыбель рода человѣческаго, въ воображеніи евреевъ, за страню Араратскою, рисовалась еще другая страна Едемъ, которая тянулась на востокъ въ невѣдомую даль, вглубь Азіи. Невольно приходитъ на мысль, что эта колыбель рода человѣческаго отодвинута на востокъ подъ влияніемъ особаго впечатлѣнія, которое производитъ на умъ человѣческой востокъ, откуда восходитъ солнце, откуда льется къ намъ свѣтъ и жизнь, въ противоположность западу, сторонѣ тьмы и смерти. Но такого рода впечатлѣнія общи всѣмъ людямъ, гдѣ бы они ни жили; вездѣ

1) *Alb. Weber: Indische Studien. I, 337, 815.*

солнце восходитъ съ востока, вездѣ, слѣдовательно, востоку должно быть придаваемо особенно-священное значеніе; преданія всѣхъ народовъ относительно колыбели рода человѣческаго должны указывать на востокъ...

Такое объясненіе не можетъ быть примѣнено къ священнымъ преданіямъ индусовъ: въ глазахъ ихъ не востокъ, а сѣверъ облеченъ особымъ характеромъ святости. Тамъ, на сѣверѣ, возвышается круглый Меру, золотая гора, свѣтящаяся, какъ восходящее солнце, подобная бездымному пламени ¹⁾; Меру, завязъ распустившагося цвѣтка Лотоса, представляющаго сотворенную землю и театръ рода человѣческаго. Съ Меру текутъ большія міровыя рѣки во всѣ стороны свѣта. Вершина Меру—Су-Меру служитъ жилищемъ боговъ, оттуда снизошли старые и новые боги, *асура* и *дева*, чтобы освѣжить одряхлѣвшій міръ; ²⁾ ниже на Меру живутъ въ раю праведники (греческіе Меропы); у подошвы—*Ку-Меру* жители мрака и преисподней (Гомеровы Киммеріане, до которыхъ никогда не доходитъ лучъ солнечный) ³⁾. Къ сѣверу отъ Меру разстилаются гиперборейскія страны Уттара-Куру и Уттара-Мадра: тамъ уже болѣе не свѣтитъ солнце, а постоянно сіяютъ мѣсяцъ и звѣзды, тамъ люди не старѣются, и тамъ находятся приближенія непорочныхъ (блаженные гиперборей грековъ).

Въ этомъ мірѣ чудесъ мы можемъ уловить нѣкоторыя опредѣлительныя черты и, при помощи ихъ, связать фантастическое Меру съ положительнымъ землевѣдѣніемъ. Меру не есть какая нибудь отдѣльная высокая цѣпь; она есть возвышенная, пространная, нагорная терраса части свѣта, цѣлое нагорье нагорной Татари и Тибета. Средоточіемъ его должно полагать именно то пространство, гдѣ, какъ мы сказали выше, тянуційся отъ сѣвера

1) *E. Pummer*: Землевѣдѣніе Азіи, перев. П. Семенова (Спб. 1860), т. I, 22.

2) *Eckstein*: de quelques légendes brahmaniques qui se rapportent au berceau de l'espèce humaine. Journal asiatique, 1855, t. VI, 306.

3) Одиссея XI, 14.

къ югу Имаусъ, пересѣкая подь прямымъ угломъ Гинду-Ку и Куэнь-Лунь, чертитъ *крестъ* въ самомъ сердцѣ Азіи. Съ этого нагорья, принимая его въ обширныхъ предѣлахъ, текутъ Яксартесъ (Сырѣ-Дарья) и Оксусъ (Аму-Дарья), Гельмувдъ Афганистана, Индъ, Гангъ и Бурремпутеръ Индустана, система Таримъ Китайскаго Туркестана. Между многими толкованіями названія Меру самое вѣроятное есть то, которое производитъ его отъ санскритскаго слова *мира*, значущаго море, озеро (Vignouf); Меру; быть можетъ, означаетъ озеристое нагорье; таковыхъ альпійскихъ озеръ много на означенномъ нами пространствѣ. Названіе весьма высокаго, обширнаго плоскогорья Памиръ, лежащаго къ востоку отъ Имауса (Болорскаго хребта), объясняется черезъ Упа-Меру— выше Меру, однозначущаго съ индійскимъ Су-Меру; жилищемъ боговъ. Въ цѣлой Азіи славится плоскогорье это, какъ *крыша свѣта, балъ и донья, середина между небомъ и землею*, плоскогорье, съ котораго кажутся подь ногами всѣ другія снѣжныя вершины ¹⁾. Даже гиперборейская страна индійцевъ Уттара-Куру имѣла определенное значеніе въ древней географіи: Птоломей называетъ нынѣшній Кашгаръ страню Отторокорровъ:

Итакъ мы видимъ, что въ воображеніи индусовъ Меру имѣло тоже значеніе, что страна Едемъ для симитовъ; нельзя не замѣтить здѣсь, что, не смотря на совершенно различный взглядъ на мірозданіе еврейскаго законодателя и индійскаго собирателя Ведъ, не смотря на то, что оба они отдѣлены были другъ отъ друга огромнымъ пространствомъ земель и рядомъ нѣсколькихъ вѣковъ,—что ничего не могли они заимствовать другъ у друга,—Едемъ и Меру взаимно сходятся географически!

Какъ мы сказали выше, въ Ведахъ не встрѣчается нивакого намека на первобытное жилище бѣлыхъ индусовъ виѣ предѣловъ Индіи; одноплемennость ихъ съ обитателями Иранскаго плоско-

1) A. de Humboldt: Asie centrale (Paris 1843), t. II, 389 н сл.

горя несомненно доказывается сходствомъ языковъ; при этомъ не можетъ быть случайнымъ сходство или, лучше сказать, тождество этническихъ названій. Бѣлые индусы называютъ себя Арія, а страну свою Аріяварта; обитатели Иранскаго плато *Айрія* и страну свою Айріана, Иранъ. Арія значать «благородные, достойные», въ противоположность «Млеча» варвары, невѣрные. Индійскихъ арійцевъ мы впервые застаемъ на довольно-тѣсномъ пространствѣ, тамъ именно, гдѣ вступаютъ въ Индію, приходя съ сѣверо-запада; по мѣрѣ размноженія своего, арійцы могли свободно распространяться по открытому и удобопроходимому Индустану, столь щедро одаренному всѣми дарами природы; дикіе аборигены Индіи не могли оставовить арійцевъ и только сами вынуждены были укрываться отъ нихъ въ неприступныхъ мѣстахъ. При такихъ условіяхъ можно ли допустить, чтобы индійскіе арійцы промѣняли цвѣтущій Индустанъ на сѣверныя холодныя страны, на суровое царство зимы, на химаватъ (отъ санскр. *хима* = снѣгъ, откуда зима, *hiems*); не естественнѣе ли предположить, что сами они вышли изъ этой холодной страны туда, гдѣ жить теплѣе и привольнѣе. Мы выше уже замѣтили, что ни въ языкахъ, ни въ обычаяхъ другихъ арійскихъ народовъ не встрѣчается ничего, чтобы свидѣтельствовало о пребываніи ихъ въ Индіи; посему нельзя не заключить, что и индійскіе арійцы были пришельцами въ своей странѣ и что пришли они туда съ сѣверо-запада.

Страна по лѣвую сторону Инда и страна по правую представляютъ собою два несходные міра. По *лѣвую* сторону, отъ запада къ востоку, до устья Ганга, тивется теплая, ровная страна, благословенная всѣми дарами природы. Здѣсь природа вознаграждаетъ легкій трудъ человѣка роскошнымъ удовлетвореніемъ всѣхъ матеріальныхъ потребностей его; затѣмъ остается человѣку или создавать для себя искусственно потребности или погрузиться въ бездѣйствіе. Но избытокъ неудовлетворенной дѣятельности томить человѣка, пресыщеніе наводитъ на него тоску, которая переходитъ

въ апатію или разрѣшается какою либо судорожною нравственно-чудовищною дѣятельностію не успокоивающею, а окончательно убивающею. Конечно, открывать благословенное поприще для избытка дѣятельности составляет трудное знаніе, рѣдко достоящееся въ удѣлъ народамъ, только что начинающимъ развиваться: одна лишь физическая нужда заставляетъ ихъ трудиться; имъ неизвѣстно наслажденіе трудиться для того времени, когда уже насъ самихъ не будетъ, для поздняго потомства; имъ непонятно, что земная жизнь наша, въ ряду вѣковъ, тоже, что въ глазахъ египтянъ были брѣнные ихъ дома-гостинницы въ сравненіи съ вѣковыми гробами—пирамидами. Большею частію или чрезмѣрный трудъ, клонящійся къ отвращенію непосредственныхъ матеріальныхъ нуждъ или праздность подавляютъ энергію въ народѣ. Аріицы менѣе подвергаются этой опасности чѣмъ другія расы, потому что одарены особенною склонностію къ умственной дѣятельности, созданы преимущественно предъ всѣми прочими расами по образу и по подобию Божію въ духовномъ отношеніи, они силится, — едва лишь внѣшній міръ позволитъ имъ вздохнуть свободно, — неограниченно приспособить твореніе божіе къ волѣ человѣка и умственно воспроизвести созданіе міра Богомъ, разгадавъ тайны міросозданія. Какъ и для чего созданъ міръ? Если для человѣка, то пусть и служитъ онъ человѣку; если для другой цѣли, то человѣкъ утѣшится въ своей подчиненности, когда разгадаетъ, въ чему нужна таковая подчиненность. Въ этотъ послѣдній родъ умственной дѣятельности безусловно вдалились Индійскіе аріицы: въ глазахъ ихъ и человѣкъ и все сотворенное не болѣе какъ вещественныя страницы книги, но, невещественныя страницы составляютъ содержаніе книги. Такое міровое содержаніе по самой сущности своей должно быть неизмѣнное, круговое,

Конецъ съ началомъ сопрягаетъ,
посему все промежуточное, созданное, стремится обратно къ тому первобытному отрицательному состоянію, когда оно еще не

было создано. Все земное только задерживаетъ безплодно созданіе на предназначенномъ ему возвратномъ пути къ предвѣчному началу. Таковъ взглядъ индійскихъ аріидцевъ на человѣка и на вѣшній видимый міръ. Понятно, что отсюда должно породиться полное равнодушіе ко всему, что составляетъ историческое содержаніе судьбы человѣчества: все то, въ чемъ мы видимъ послѣдовательность и цѣль, индійцамъ представляется въ видѣ легкой зыби, которая на мигъ рябитъ зеркальную поверхность воды, не оставляя по себѣ слѣда. Такое духовное направленіе должно замѣнить всякую политическую дѣятельность спокойнымъ аскетическимъ созерцаніемъ природы и углубленіемъ во внутренній міръ свой. Только въ благословенной, уединенной отъ всего остальнаго свѣта, Индіи могло развиваться такое направленіе и только одними аріидцами въ Индіи могло оно быть усвоено. Не можетъ существовать болѣе рѣзкой наружной противоположности, какъ между англо-саксами и индусами, но противоположность эта объясняется противоположными вліяніями вѣшной природы на одинакое духовное начало; къ одинакому духовному началу нельзя подвести индійскихъ аріидцевъ съ сосѣдями ихъ, жителями дальней Индіи.

Теперь перейдемъ на правый берегъ Инда, здѣсь откроется намъ совершенно новый міръ

Начиная отъ этого берега къ западу, мѣстность внезапно возвышается въ видѣ покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, чрезвычайно крутыхъ хребтовъ, тянущихся почти параллельно теченію Инда и на близкомъ другъ отъ друга разстояніи. Между таковыми хребтами находятся довольно ровныя полосы земли, находящіяся на различныхъ, но вообще весьма возвышенныхъ уровняхъ надъ поверхностію океана; такъ, верстахъ въ 200 къ западу отъ Инда, Кабуль лежитъ на высотѣ 6000 ф., Келатъ на высотѣ 5600 ф. Горный характеръ мѣстности, подающей къ западу, вскорѣ сглаживается, но не встрѣчается спусковъ соответственныхъ подъемамъ съ востока, отъ Инда: очевидно, что мѣстность поднялась на

большую высоту и держится на ней, не смотря на легкія колебанія. Край представляется въ видѣ безлѣсной открытой равнины, большею частію бесплодной и безводной, плодоносной только оторванными клочьями или узкими полосами, сопровождающими теченіе рѣчекъ, скоро теряющихся въ пескахъ пустыни. Это есть великое *Иранское плоскогоріе*. Горные хребты и параллельныя долины, тянущіеся къ западу отъ Инда, составляютъ окраину его, лѣтницу, по которой изъ низменнаго Индустана можно взобраться съ большимъ трудомъ на плоскогоріе Ирана. Съ удаленіемъ отъ окраины, все безводнѣе, бесплоднѣе и пустыннѣе становится край; климатъ эксцессивный; зимою трескучіе морозы, вьюги, лѣтомъ неспосные жары, ураганы раскаленной пыли; съ мая до сентября ни одно облачко не туманитъ неба, ни капли дождя не падаетъ на засохшую землю, воздухъ сухъ и прозраченъ, небесныя свѣтила сіяютъ дивнымъ свѣтомъ. Отъ индійскаго подъема можно по направленію на С. З. проѣхать 1700 верстъ и мѣстность постоянно представляться будетъ въ одинакомъ видѣ: песчано-соленая пустыня, коегдѣ испещренная зелеными нитями и зелеными пятнами плодородной земли. Названіе *плоскогоріе* характеризуетъ въ самыхъ общихъ чертахъ физическія свойства края, но названію этому не должно придавать безусловной строгости: уровень страны не держится на неизмѣнной высотѣ, вообще падаетъ онъ отъ окраинъ къ внутренности, такъ что поверхность плоскогорія представляетъ въ огромныхъ размѣрахъ вогнутый чечевицеобразный видъ. Окраина плоскогорія не по всему протяженію своему обозначается одинаково рѣзко и однообразно. Къ югу, къ Индійскому морю, плоскогоріе имѣетъ террасовидный скатъ; къ западу, къ сторонѣ Месопотаміи, и къ сѣверо-западу, къ сторонѣ Арменіи, Иранское плоскогоріе переходитъ въ альпійскія страны, представляющія нѣсколько горныхъ цѣпей съ цѣлою сѣтью переплетающихся продольныхъ и поперечныхъ долинъ; къ Каспійскому морю окраина вновь принимаетъ чрезвычайно рѣзкій террасообразный видъ; да-

лѣе ниспадаетъ плоскогоріе къ низменности Аральскаго бассейна альпійскою полосою съ болѣе или менѣе смыгченными формами, въ иныхъ мѣстахъ сглаживающимися въ пологіе скаты; на восточной сторонѣ плоскогорія колоссальнѣйшіе хребты земнаго шара сходятся между собою, перекрещаются, перепутываются; Иранское плоскогоріе окраиной своей соприкасается съ окраиной великаго восточно-азійскаго плоскогорія: здѣсь характеръ страны альпійскій въ самыхъ рѣзкихъ чертахъ.

Достаточно этого бѣглаго очерка, чтобы обпаружить, что на Иранскомъ плоскогоріи условія жизни совершенно инныя, чѣмъ по лѣвую сторону Инда. Если въ Индустанѣ природа располагаетъ человѣка къ спокойствію, къ отвращенію отъ всякой вѣйшней дѣятельности, то, напротивъ, на Иранскомъ плоскогоріи дѣятельность составляетъ необходимое условіе существованія человѣка. При недостаткѣ въ водѣ, искусственное орошеніе тамъ, гдѣ оно возможно, превращаетъ пустыни въ плодоносныя поля, но устройство таковаго орошенія не подъ силу отдѣльнымъ семействамъ, оно требуетъ не только совокупныхъ усилій большаго или меньшаго числа семействъ, но и учрежденія правильныхъ отношеній между всѣми таковыми семействами, соединенными въ общины. Эти общины слишкомъ слабы, слишкомъ разбросаны по Ирану, чтобы могли составить самостоятельныя политическія единицы или искать обезпеченія въ федеративномъ соединеніи. Съ другой стороны, обширныя пространства не допускаютъ развитія земледѣлія и осѣдлой жизни; большая масса народонаселенія должна вести кочевую жизнь. Если для земледѣльцевъ обладаніе землею составляетъ главный элементъ, связующій ихъ въ гражданственныя единицы, то таковаго связующаго цемента не существуетъ въ кочевой жизни. Но тамъ существуетъ другой цементъ, столь же прочный, хотя и не допускающій гражданскаго развитія народа: это есть родство. Дѣйствительно, племя или волость, составляющія политическія единицы въ кочевой жизни, устроены совершенно на

томъ же основаніи, какъ отдѣльныя семейства. Въ каждомъ семействѣ есть глава, есть старшіе и младшіе, повелители и повинующіеся, по образъ жизни всѣхъ членовъ семейства одинаковъ, ихъ благосостояніе одинаково, нѣтъ побужденій, которыя бы порожидали разлагающій антагонизмъ, которыя бы заглушали естественное чувство родства. Семейный деспотизмъ, перѣдко даже весьма тяжкій, легче переносится, чѣмъ деспотизмъ политическій. Въ кочевой жизни также нѣтъ разнообразія въ занятіяхъ, нѣтъ рѣзкаго различія въ благосостояніи людей, проводящихъ жизнь вмѣстѣ; и всѣ они почти одинаково богаты, почти одинаково развиты въ умственномъ отношеніи; общественная іерархія не можетъ установиться иначе, какъ на основаніи кровныхъ отношеній, приобретающихъ здѣсь несравненно большіе размѣры, чѣмъ въ жизни осѣдлой. Таковая кровная іерархія, какъ мы сказали, легче переносится, не смотря на свои злоупотребленія, чѣмъ всякая другая. Въ ней заключаются условія продолжительности и неизмѣнности общественнаго быта кочевыхъ народовъ, который измѣняется только отъ внѣшнихъ вліяній, но никогда вслѣдствіе внутреннихъ переворотовъ. Но весьма естественно, что кочевые народы, благодаря подвижности своей и прочности внутренней связи, болѣе осѣдлыхъ способны играть роль завоевателей. Таковая роль особенно привлекательна для нихъ тамъ, гдѣ осѣдлое народонаселеніе, по разрозненности своей, не въ силахъ противопоставить имъ отпора. Мы уже выше объяснили, что, по свойствамъ мѣстности, Иранское плоскогоріе должно быть театромъ этой безпрерывной борьбы между кочевыми и осѣдлыми. Дѣйствительно, такое зрѣлище постоянно представляетъ оно, начиная съ самыхъ отдаленныхъ историческихъ вѣковъ и до нашего времени. Спокойствіе и благоденствіе не иначе могутъ быть установлены, какъ съ учрежденіемъ прочной центральной власти для цѣлаго Ирана, потому что по самымъ свойствамъ края, онъ представляетъ одно недѣлимое цѣлое. Не разъ случалось, что таковая центральная

власть дѣйствительно возникала для цѣлаго Ирана, но большею частію на шаткомъ началѣ матеріальной силы и, потому, была непродолжительною. За короткими періодами затишья, вновь возникала анархія. Во всякомъ случаѣ, понятно, что въ противоположность Ипдустану, въ Иранѣ дѣятельность людей была по преимуществу внѣшняя, политическая; дѣятельность государей, завоевателей и законодателей, а не законоучителей.

Первые лучи историческаго свѣта, падающіе на великое Иранское плоскогоріе, показываютъ его уже намъ заселеннымъ многими пародами, кочевыми, осѣдлыми или находящимися въ переходномъ изъ одного въ другое состояніи. Окраины плоскогорія, болѣе обильно орошенныя водою, чѣмъ внутренность края, и, слѣдовательно, болѣе привольныя для жизни, служатъ главнымъ поприщемъ для международной дѣятельности. На западной окраинѣ, тянущейся отъ Персидскаго залива къ Каспійскому морю, находимы мы мидянъ и южнѣе ихъ персовъ; на южной окраинѣ, сопровождающей берега Персидскаго залива и Эритрейскаго (Индійскаго) моря, находятся земледѣльцы керманъ, далѣе разсѣянное поселеніе ихтіофаговъ (рыбоѣдовъ), къ сѣверу отъ нихъ хищныя, пелудикіе гедрозійцы. На сѣверной окраинѣ, къ востоку отъ мидянъ и къ юго-востоку отъ Каспійскаго моря, паромъ и гирканцы занимаютъ необыкновенно плодоспную полосу земли; далѣе къ востоку, по теченію Гери руда, въ окрестностяхъ пивнѣшняго Герата, аріане, и къ сѣверу отъ нихъ, вдоль степной рѣки Мурга, маргіане. Къ востоку отъ Мурга, Иранская окраина обозначается хребтомъ, все болѣе и болѣе возвышающимся, сѣверный скатъ котораго изобируетъ водою и пастбищами: это есть страна бактровъ. По восточной окраинѣ, высоко поднимающейся надъ правымъ берегомъ Инда, обитали воинственные царанги, аріаспы, арахозцы (пактіи, пашту, пушту: послѣднимъ именемъ теперь еще называютъ себя афганцы). Внутренность плоскогорія занимали разныя кочующія племена: сагарты, уксіи, коссіи, и пр.

Какъ мы видимъ, древніе жители Иранскаго плоскогорія являются намъ подъ множествомъ наименованій: число таковыхъ наименованій можетъ еще весьма значительно увеличиться, при ближайшемъ изученіи исторіи иранскаго народонаселенія. Должно ли полагать, что эти взаимно несходныя наименованія означаютъ совершенно несходныя, чуждые другъ другу народы, или считать, что названія эти означаютъ только подраздѣленія, народы одного и того же племени? Последнее не подлежитъ сомнѣнію.

Геродотъ ¹⁾ говоритъ, что въ прѣжнія времена мидіе назывались арійцами (*αριοι*); о персахъ рассказываетъ опъ, что они назывались артіицами (*αρταοι*) ²⁾ Корень обоихъ словъ есть одинъ и тотъ же *ар*; *ія* и *та* суть прибавочныя окончанія. ³⁾ Страбонъ ⁴⁾ называетъ Аріаной всю восточную часть иранскаго плоскогорія; западная часть плоскогорія, т. е. Мидія, называлась Аріака, названіе, сохранившееся до нашего времени для этого края въ видѣ Иракъ-Аджемѣ. ⁵⁾ Армяне называютъ Персовъ Ари и Арикъ. ⁶⁾ Въ видѣ частнаго названія находимъ мы: *Арія* для означенія страны вдоль рѣки Арія, нынѣшняго Гери-рудъ, откуда Герать; *Арранъ* для означенія сѣверной оконечности Атропатенской (Азербиджанской) Мидіи, нынѣшняго Карабага или Шушинскаго уѣзда. ⁷⁾ Птоломей ⁸⁾ упоминаетъ объ *Аріанахъ*, жившихъ близъ устья Яксарта (Сыръ-Дарья). О томъ, какое обширное значеніе имѣло это названіе, свидѣтельствуетъ пышный титулъ Сассанидовъ,

1) VII, 62.

2) Тамъ же, 61.

3) *Lassen: Indische Alterthumskunde*, I, 6.

4) XV, гл. II.

5) *Journal Asiatique*. 1839. t. VIII, p. 298.

6) *St. Martin: Mémoires sur l'Arménie*, I, 275.

7) *St. Martin: ib.*, I, 270.

8) VI, 14.

которые именовались повелителями арийцевъ и не-арийцевъ ¹⁾). Наконецъ замѣтимъ, что, хотя греки чужды были наукѣ сравнительной филологіи и отъ нихъ легко могло ускользнуть сколько нибудь отдаленное сходство между языками, но и они находили, что языкъ, которымъ говорили всѣ разноименные обитатели Иранскаго плоскогорія, почти одинъ и тотъ же. Персы и мидяне, бактрійцы и согдіанцы почти одноязычны, говоритъ Страбонъ. ²⁾

Эти сказанія грековъ объ одноязычности, а, слѣдовательно, и одноплеменности древнихъ разноименныхъ обитателей Иранскаго плоскогорія весьма правдоподобны, но, для полнаго убѣжденія нашего, необходимо искать доказательства внутри самаго Иранскаго міра, въ сказаній чужеземныхъ древнихъ писателей, которыхъ, если не добросовѣстность, то, по крайней мѣрѣ, критическая способность во всемъ томъ, что касается до *варваровъ*, весьма подозрительна. Съ самыхъ первыхъ историческихъ вѣковъ и до нашего времени мы находимъ въ различныхъ частяхъ Иранскаго плоскогорія народонаселеніе, весьма прочно осѣдлое, которое не могло быть окончательно *смыто* съ земли предковъ своихъ населяемъ иноплеменниковъ; слѣдовательно, нѣтъ сомнѣнія, что въ массѣ нынѣшняго народонаселенія Ирана мы находимъ прямое потомство древнѣйшаго народонаселенія этой страны: нынѣшніе иранскіе языки должны представлять намъ перерожденія языка или языковъ, которыми жители Ирана говорили за нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ. Теперь находимъ мы главные живые языки: 1) *Афганскій, пушту или пакту*, 2) *Белучи*, весьма малоизвѣстный, но, повидимому, составляющій только вѣтвь предъидущаго, 3) *Персидскій* съ весьма богатою литературою; простонародный языкъ раздробился на множество діалектовъ, какъ напр. діалектъ Татъ на юго-западномъ берегу Каспійскаго моря, діалектъ

1) *Silvestre de Sacy: Mémoire sur les inscriptions de Nakschi Roustam*, p. 47; *St. Martin: ib*, I, p. 271.

2) *Strabo XV*, II § 8.

таджиковъ въ Бухаріи и пр., литературный языкъ Парси у огне-
плодниковъ въ Гездѣ, 4) *Курдскій*. Оставляя въ сторонѣ языкъ
Гелучи, какъ весьма-мало извѣстный, мы въ отношеніи къ тремъ
другимъ можемъ сказать, что они составляютъ три самостоятель-
ные языки, которые также мало происходятъ одинъ отъ другаго,
какъ напр. французскій происходитъ отъ итальянскаго, но которые,
подобно тому какъ французскій и итальянскій, носятъ явные и
наружные признаки общаго происхожденія. Всѣ эти языки запе-
чатлѣны характеромъ крайней *испорченности*, которая въ фило-
логическомъ отношеніи перѣдко прямо соотвѣтствуетъ выраженію
обработанности. Нынешній сладковзвучный персидскій языкъ по-
добенъ древней медали, которая блеститъ какъ жартъ, потому что
гладко вычищена, но на которой отъ чистки стерлось уже древнее
изображеніе; на этой медали видѣются, сверхъ того, и повѣшшіе
отпечатки; въ персидскомъ языкѣ сильно отпечатались совершенно
чуждые ему арабскій и тюркскіе языки. Возсоздать посредствомъ
сравненія новыхъ иранскихъ языковъ формы древняго языка-пра-
отца также невозможно, какъ возсоздать латинскій языкъ посред-
ствомъ сравненія языка французскаго съ валлахскимъ. При иска-
женіи произношенія иногда постоянство орфографіи доставляетъ
этимологическія указанія (напр. il est фр. est лат.), но и этого
пособія мы не имѣемъ въ отношеніи къ ново-персидскому языку:
нынешнее письмо, арабское, чуждо языку и съ трудомъ при-
направляется къ кореннымъ его условіямъ. Впрочемъ, мы имѣемъ
образцы ново-персидскаго языка, почти неподвергнушіеся араб-
ской примѣси: это есть языкъ знаменитой поэмы Фердоуси Шахъ-
Наме, писанной въ XI в. по Р. Х., и мало изслѣдованный еще
языкъ огнеплодниковъ гебровъ, которымъ ненавистно все араб-
ское; языкъ ихъ долженъ быть изучаемъ тамъ, гдѣ онъ могъ со-
храниться въ чистотѣ, какъ напр. въ Гездѣ. Восходя изысканіями
во времени, мы находимъ надписи на монетахъ Сассанидовъ и на
монетахъ Аршакидовъ, слѣдовательно, для періода времени, ты-

найдается отъ III в. до Р. X. по VII в. послѣ Р. X. На монетахъ послѣднихъ Сассанидовъ надписи эти представляютъ почти вполнѣ выработавшіяся уже формы новоперсидскаго языка. 1) Чѣмъ выше во времени, тѣмъ эти слѣды персидскаго языка на монетахъ становятся менѣе явственными; при первыхъ Сассанидахъ и при Аршакидахъ надписи эти подъ влияніемъ греко-арамейской цивилизаціи заключаютъ въ себѣ мало персидскаго. Но мы находимъ множество персидскихъ словъ и персидскихъ собственныхъ именъ у классическихъ греческихъ и римскихъ писателей, въ Библии, далѣе у Византійцевъ и въ Талмудѣ: эти имена, при этимологическомъ разборѣ, обнаруживаютъ связь свою съ книжныи персидскимъ языкомъ. Еще болѣе драгоценныя указанія доставило чтеніе гвоздеобразныхъ надписей Гротендомъ, Раскомъ, Бюрнуфомъ и Лассеномъ. Таковыя надписи, списанныя въ развалинахъ Персеполиса и подлѣ Гамадана, заключаютъ въ себѣ имена: Дархавусъ (Дарій), Вистаспакъ (Гистаспъ), Кехаръ (Ксерксъ), Акампосохъ (Ахеменидъ), слѣдовательно, относится къ вивоку исторіи Ирана, хорошо извѣстному грекамъ и о которомъ мы черезъ нихъ посредствомъ имѣемъ точныя свѣдѣнія. Въ этомъ заключаются всѣ данныя наши, чтобы судить о языкѣ, которымъ говорили въ западной части Ирана за пять вѣковъ до Р. X. Какъ ни скудны, какъ ни отрывочны они, но нельзя не признать ихъ за разорванныя звенья одной и той же цѣпи, связующей книжныи персидскій языкъ съ языкомъ, которымъ говорили пресловутыя цари персидскіе, игравшіе столь великую роль, въ древне-греческомъ мірѣ.

Въ продолженіи періода времени отъ III в. до Р. X. по эпоху распространенія исламизма въ Иранѣ и даже нѣсколько позже,—за исключеніемъ надписей на монетахъ Сассанидовъ, всѣ письменныя памятники принадлежатъ совершенно другому языку,

1) *Mordtmann*: вь *Zeitschrift der Deutschen Morgenländ. Gesellschaft*, IV, 84 и VIII, 9.

котораго происхождение весьма загадочно и который кончилъ жизненное поприще свое, не оставивъ по себѣ потомства. Это есть такъ называемый языкъ *пеллви* или *узваренъ*. Сколько мы знаемъ, языкъ этотъ составился изъ примѣси элементовъ арійскихъ и симитическихъ къ невѣдомой для насъ основѣ. Онъ появляется въ Иранѣ вмѣстѣ съ появленіемъ пароянской династіи Аршакидовъ. Юстинъ ¹⁾ говоритъ положительно, что парояне были сноскіе выходцы и далѣе ²⁾ что языкъ ихъ промежуточный между скиоскимъ и мидійскимъ и составился изъ смѣси обоихъ. Повидимому онъ былъ природный языкъ Аршакидовъ и, въ продолженіе властвованія ихъ, сдѣлался официальнымъ и ученымъ языкомъ Ирана, подобно тому, какъ латинскій въ Венгріи. ³⁾ Обильное присутствіе въ немъ симитическихъ элементовъ доказываетъ, что онъ образовался въ западной части Ирана, соприкасающейся къ Тигро-ефратскому бассейну. Памятниками пеллвійскаго языка служатъ, кромѣ нѣсколькихъ гвоздеобразныхъ надписей и надписей на монетахъ, переводы древнихъ священннхъ иранскихъ книгъ на этотъ языкъ, равно какъ и священная книга Бундегешъ, писанная на немъ уже въ эпоху Сассанидовъ. Можно предположить, что переводы эти были сдѣланы первоначально не для массы народонаселенія, а исключительно для Аршакидовъ и для приближенныхъ къ нимъ пароянъ, которымъ туземный языкъ былъ не понятенъ. Подъ вліяніемъ правительства, сохранявшаго въ Иранѣ свою особую національность, языкъ *пеллви* сдѣлался общеупотребительнымъ въ богослуженіи, языкомъ священннхъ, и сохранилъ этотъ характеръ даже и въ позднѣйшія времена, когда совершенно уже исчезли обстоятельства, способствовавшія первоначальному его распространенію; онъ сохранился при Сассанидахъ, не смотря на то, что послѣдніе ревностно заботились о

1) XLI, 1.

2) XLI, 2.

3) *Ersch und Gruber: Encyclopaedie*, 2 Section, XVIII Theil, p. 52.

возстаповленіи чистой иранской національности и даже старались вытѣснить языкъ пегльви изъ употребленія. Когда исламизмъ восторжествовалъ въ Иранѣ, то приверженцы прежней религіи, гонимые, презираемые гебры, парсы, разсѣялись по разнымъ мѣстамъ и унесли съ собою пегльвійскія переложенія священныхъ книгъ своихъ. Языкъ этотъ сдѣлался уже совершенно мертвымъ; его понимаютъ немногіе ученые жрецы, *мобеды*; само собою разумѣется, что такое понимание особенно ограничено тамъ, гдѣ гебры живутъ между чужеземцами, вдали отъ главнаго средоточія своихъ единовѣрцевъ, вдали отъ Іезда; само собою разумѣется также, что, при упадкѣ знанія пегльвійскаго языка, переписка священныхъ книгъ повлекла за собою чрезвычайное умноженіе ошибокъ, совершенно исказавшихъ первоначальный текстъ. Быть можетъ есть возможность возстановить таковой текстъ, доставъ священныя книги изъ самаго Іезда, но до этого цуньта не удалось еще проникнуть европейской любознательности.

Мы сказали, что священныя книги, употребляемыя парсами въ богослуженіи, писаны на пегльвійскомъ языкѣ, но большая часть этихъ книгъ суть переводы съ другого, еще болѣе древняго языка. Такъ латинскій текстъ евангелія непонятенъ для массы народонаселенія въ католическихъ странахъ, хотя и употребляется въ богослуженіи, но текстъ этотъ есть переводъ съ другого мертваго языка, греческаго, еще менѣе доступнаго народу. Въ книгахъ парсовъ, пегльвійскій языкъ играетъ роль латинскаго; роль греческаго относительно его играетъ языкъ, называемый европейскими учеными *зендъ*, хотя и не легко объяснить настоящее значеніе такового наименованія. Зендскій текстъ также сохранился въ отрывкахъ: легко догадаться изъ всего вышесказаннаго, что разборъ его долженъ представлять еще болѣе затрудненій, чѣмъ чтеніе пегльвійскаго перевода.

Честь перваго ознакомленія Европы съ священной литературой парсовъ принадлежитъ французу Анкетиль-дю-Перрону, ко-

торый въ продолженіи пребыванія своего въ Индіи, въ Гузератѣ (1754—1762), успѣлъ, преодолевъ много затрудненій, сблизиться съ тамошними гебрами, которые сообщили ему зендскія и пегльвійскія священныя рукописи свои. Эти гебры принадлежали къ числу самыхъ невѣжественныхъ между своими братьями; они сами худо понимали книги свои; подъ руководствомъ ихъ, Анкетиль-дю-Перропъ перевелъ книги эти на французскій языкъ и издалъ переводъ свой въ Парижѣ въ 1771 году подъ заглавіемъ *Zend-Avesta, ouvrage de Zoroastre*. Переводъ вышелъ весьма невѣрный, но Анкетиль-дю-Перропъ вывезъ изъ Индіи всѣ подлинныя рукописи, которыми пользовался. Эти рукописи, сданныя имъ въ парижскую королевскую бібліотеку, открыли путь, уже спустя полвѣка, къ новымъ изученіямъ, обильнымъ выводами для познанія древняго иранскаго міра. Въ числѣ привезенныхъ Анкетилемъ рукописей была санскритскій переводъ зендскаго собранія молитвъ, извѣстнаго подъ именемъ *Ясна*. Знаніе санскритскаго языка доставило французскому ученому Евр. Бюрнуфу, для изученія зендскаго, средства, которыя были недоступны Анкетилю. Вопреки многимъ опроверженіямъ, подлинность и глубокая древность твореній Зороастровыхъ доказана несомнѣннымъ образомъ.

Оказалось, что зендскій языкъ совершенно самостоятельный, близко родственнѣй санскритскому, ровесникъ ему и даже въ нѣкоторыхъ чертахъ представляющій примѣты старшинства. Съ другой стороны, отерывается средство его съ древне-персидскимъ языкомъ и другимъ иранскими, но ни одинъ изъ нихъ не можетъ почитаться производнымъ отъ зендскаго. Изъ числа древнихъ европейскихъ языковъ, въ зендскомъ значительнѣе обнаруживается средство съ готскимъ и германскимъ, чѣмъ съ латинскимъ, греческимъ и славянскимъ: послѣдніе болѣе приближаются къ санскритскому ¹⁾.

1) *E. Burnouf*: *Nouv. Journ. asiat.* 1832, IX, p. 53—64.

При таковой самостоятельности зендскаго языка, естественно возникают вопросы: гдѣ, у какого народа, въ какую эпоху, языкъ этотъ былъ въ употребленіи? Въ исторіи много встрѣчается именъ народовъ, которыхъ слово замолкло въ глуби времени, не долетѣвъ до насъ ни однимъ отголоскомъ; здѣсь, напротивъ, слышится рѣчь, невѣдомо чья! Ни народа зендъ, ни страны зендъ, мы не знаемъ. Само названіе это дано, какъ кажется, произвольно, по первому слову заглавія книги: Зендъ-авазъ, «живое слово». Языкъ дошелъ до насъ безъ имени. Ричардсонъ ¹⁾ старался доказать, что языкъ зендъ никогда не существовалъ въ народномъ употребленіи и вымысленъ парскими жрецами. Но таковая поддѣлка невозможна. Лучшимъ опроверженіемъ служитъ то обстоятельство, что множество топографическихъ названій на иранскомъ плоскогорьѣ, въ Закавказьѣ и въ Анатоліи объясняются помощію зендскаго языка, что даже заставляетъ думать, что вѣкогда языкъ этотъ или развѣтвленія его были въ употребленіи на обширномъ пространствѣ земель.

Составитель древнѣйшихъ парскихъ священныхъ книгъ, провозвѣстникъ воли Добраго Начала, Ахура-Мазды, самъ себя называетъ въ книгахъ своихъ Заратустрой. Это имя Апкетиль въ переводѣ замѣнилъ Зороастромъ, какъ весьма извѣстнымъ изъ твореній классическихъ писателей. Впрочемъ, тождество между Зороастромъ и Заратустрой не подлежитъ никакому сомнѣнію. Зороастръ, основатель религіи маговъ, игралъ великую, по самую неопредѣленную роль въ воображеніи классическихъ писателей; эпоха жизни его большею частію переносима была въ фантастическую древность; утверждали, что онъ жилъ за 6000 лѣтъ до Платона и за 5000 до троянской войны ²⁾. Восточные писатели смѣшиваютъ его съ Авраамомъ, другіе приписываютъ ему участіе въ столпотвореніи Вавилонскомъ, представляютъ его то царемъ, то

1) Diss. on the lang. of Eastern nations.

2) *Diogenes Laertius* in prooemio.

отшельникомъ. Изъ всѣхъ этихъ сказаній видно, что имя Зороастра было извѣстно въ цѣломъ древнемъ мѣрѣ, но само лицо это какъ бы стояло на рубежѣ, отдѣлявшемъ простыхъ смертныхъ отъ полубоговъ и боговъ. Противурѣчивость сказаній свидѣтельствуетъ объ отдаленности эпохи, въ которую жилъ Зороастръ; быть можетъ имя это придаваемо было нѣсколькимъ знаменитымъ распространителямъ магізма, жившимъ въ различныхъ странахъ и въ различное время ¹⁾).

Во всякомъ случаѣ, съ именемъ Зороастра связано огромное количество письменныхъ твореній, составляющихъ древнѣйшую священную литературу огнепоклонниковъ. Если только вѣрить рассказамъ классическихъ и восточныхъ писателей о ея обширности, то невозможно считать ее произведеніемъ дѣятельности одного и того же человѣка; быть можетъ, Зороастру должно приписать мионическій характеръ Вязы или Гомера. Когда, влѣдствіе завоеваній Александра Македонскаго, греческая наука проникла въ Иранъ, то греки обратили вниманіе на изученіе священныхъ иранскихъ книгъ. На этомъ полѣ знанія, съ особенною ревностію и съ успѣхомъ подвизался Гермиппъ Смирнскій во второй половинѣ III в. до Р. Х. Сочиненія его не дошли до насъ, но мы находимъ много извлеченій изъ нихъ и смыслъ на нихъ въ твореніяхъ Плинія. Этимъ путемъ мы знакомимся нѣсколько съ твореніями Зороастра, но уже, не ближе, какъ черезъ посредство *третьяго* лица. Гермиппъ слышалъ отъ маговъ, что Зороастръ написалъ двадцать разъ сто тысячъ строкъ, два милліона ²⁾). Согласно преданіямъ самихъ парсовъ, творенія Зороастра состояли изъ двадцати одной книги, *насна*, по числу словъ въ священной заповѣди маговъ: «какъ должно чтить Господа». Преданіе объясняетъ и содержаніе каждой книги; какъ видно, всѣ выѣты заключали они полную энциклопедію религіи, философіи, законовѣдѣнія, домаш-

1) Lassen: Indische Alterthumskunde, I, 754.

2) Plinii: Hist. Nat. XVIII, 55; XXXVII, 49; 55, 58, 59.

ного хозяйства, медицины, астрономии,—словомъ сказать, разрешеніе всѣхъ вопросовъ, которые только могли возникнуть въ тогдашнемъ иранскомъ мірѣ. Это колоссальное твореніе утратилось по частямъ еще въ незапамятныя времена. Можно полагать, что самой роковой эпохой для твореній Зороастровыхъ была эпоха Селевкидовъ и Аршакидовъ. Греки совершенно чужды были духу религиозной нетерпимости, фанатическое чувство религиознаго самохраненія не было возбуждено между иранцами; подъ вліяніемъ греческой философіи и греческой науки, охлажденіе и равнодушіе къ вѣрѣ праотцевъ дѣлали быстрые успѣхи. Забвеніе, а не преслѣдованіе, губить книги: такъ случилось и съ книгами Зороастровыми. Реакція иранизма противъ еллиназма, энергическая и систематическая, возникла при Сассанидахъ; возстановленіе древней національной религіи составило главнѣйшую заботу ихъ; вновь должно было собрать растерянные книги Зороастровы и сдѣлать смыслъ ихъ доступнымъ народу; для этого собрать былъ совѣтъ изъ нѣсколькихъ тысячъ маговъ, и всѣ они подчинены были одному великому магу. Какъ бы то ни было, но книгъ не удалось собрать въ первоначальной полнотѣ; притомъ, подъ вліяніемъ долговременной привычки, персійскій языкъ успѣлъ вытѣснить персидскій изъ богослуженія, что, конечно, неблагопріятствовало яспому уразумѣнію первоначальнаго смысла текста. Послѣ распространенія исламизма, приверженцы древней религіи являются въ видѣ гопимыхъ, разсѣянныхъ, деморализованныхъ гебровъ; какъ ни крѣико держатся они своей вѣры, но обстоятельства не способствуютъ развитію между ними религиозной учености; теперь въ главѣ этой учености стоятъ европейцы, у которыхъ должны учиться персскіе мобыды. Удѣлѣвшее или, по крайней мѣрѣ, отысканное изъ книгъ Зороастровыхъ составляетъ весьма незначительную часть полнаго творенія, если только оствѣде: дѣйствительно имѣло размѣры, приписываемые ему преданіемъ. Сохранилась часть двадцатой *маски*, поучающей какъ

охранять себя отъ злыхъ духовъ и соблюдать чистоту,—наска эта называется *Вендидадъ*; далѣе книга богослужебныхъ гимновъ *Ясна*, въ которой встрѣчаются отрывки изъ другихъ *насокъ*, и, наконецъ, небольшое собраніе возгласовъ *Виспердъ*. По этимъ отрывкамъ, если нельзя судить о содержаніи утраченнаго, то, по крайней мѣрѣ, можно вѣрить огромности его.

Эти отрывки долгое время извѣстныя Европѣ по французскому переводу Анкетили и по разноязычнымъ переводамъ съ французскаго, вообще возбудили весьма мало сочувствія къ твореніямъ Зороастра; они чужды всякой поэзіи, въ нихъ нѣтъ ни огненнаго лиризма симитовъ, ни величественнаго все гармонизирующаго эпоса грековъ, ни теплаго сочувствія къ природѣ индусовъ. Гимны парсовъ утомительны своимъ однообразіемъ; поученія Зендавесты имѣютъ цѣлю управление механическою дѣятельностію чловѣка, мало касаясь внутренняго міра его; ни форма, ни содержаніе не привлекательны. Въ кажущейся бессмыслицѣ Зендавесты Ричардсонъ усматривалъ неопровержимое доказательство ея поддѣльности.

Но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что относительно малые отрывки, которыми мы обладаемъ, не могутъ дать полнаго понятія о цѣломъ. Діонъ Хризостомъ, близко знакомый съ книгами маговъ, говоритъ, что Зороастръ вослѣлъ колесницу Зевесову и свѣтило дневное величественнѣе, чѣмъ Гомеръ и Гезіодъ ¹⁾. Зендавеста не есть свободное проявленіе генія народнаго, какъ поэмы Гомеровы или Веды индусовъ: основою служить ей социальная мысль, которую Зороастръ тщился закрѣпить, опутавъ ее мистическими, религиозными обрядами, исходящими изъ другого, болѣе общаго пачала. Социальная мысль заключается въ упроченіи осѣдлой жизни, мирной сельской дѣятельности, въ противоположность кочевому бродяжничеству и хищничеству. Всѣ отправленія тако-

1) *Dio Chrysostomus*, orat. borysth., p. 448, ed. Reiske.

вой осѣдой жизни запечатлѣны священнымъ характеромъ; нарушенію установленнаго домашняго порядка придавалась тяжкая важность грѣха. Подобнымъ образомъ, еврейскій законодатель положилъ правила для всѣхъ обстоятельствъ домашней жизни евреевъ, чтобы отдѣлать ихъ отъ идолопоклонниковъ, чтобы воспрепятствовать всякому смѣшенію ихъ съ сосѣдями. Съ этой точки зрѣнія Зендавеста представляется въ новомъ свѣтѣ; обряды огнепоклонниковъ, столь пелѣны по наружности, приобрѣтаютъ смыслъ и значеніе, будучи отнесены къ обще-арійскому началу, которое въ другой странѣ, въ Индіи, подчинившись инымъ условіямъ, породило брахманизмъ, столь рѣзко отличный отъ магізма.

Мы выше сказали, какъ сбивчивы и противурѣчивы были понятія древнихъ классическихкихъ и восточныхъ писателей объ эпохѣ жизни Заратустры и о странѣ, въ которой проповѣдывалъ онъ свое ученіе. Недоумѣнія на счетъ столь знаменитой личности требовали разрѣшенія. Въ Зендавестѣ говорится о странѣ *Ериімено*, ¹⁾ (Айріаманъ) святой, чистой и могущественной; о горѣ Альборзъ, о царѣ Вьстаспѣ, которому Заратустра возвѣстилъ свое ученіе. Эти данныя послужили основаніемъ гипотезѣ, которую въ прошломъ вѣкѣ Анкетиль почиталъ уже положительно доказанною. Названіе Береміано, Айріаманъ, весьма сходно звучитъ съ названіемъ «Арменія»; Арапъ, названіе, встрѣчающее въ Зендавестѣ много созвучныхъ, означало въ древности восточную часть Арменіи къ сѣверу отъ Аракса даже до главнаго Кавказскаго хребта и до Дербента ²⁾; въслѣдствіи оно придаваемо было лишь странѣ, лежащей между Араксомъ и Курой, Карабагу. Хребетъ Альборзъ, Эльборусъ возвышается къ югу отъ Мазандерана и соименникъ его составляетъ высочайшую вершину Кавказскаго хребта. Въ

1) *St. Martin*; Mém. sur l'Arménie I, 269; *Burnouf*: Commentaire sur le Yacna, notes et éclaircissements, CVII.

2) *St. Martin*: Mém. sur l'Arménie I, 270.

последней Анкетиль находилъ гору Альборузъ Зендавесты¹⁾. Наконецъ имя царя Вистаспа казалось легкимъ измѣненіемъ персидскаго имени Гуштаспъ, греческаго Гистаспъ, извѣстнаго Дарія Гистаспа. Изъ всего выводилось заключеніе, что Заратустра родился по близости Аракса; мѣсто родины его опредѣлялось въ адзерибиджанскомъ городѣ Урміи; первая страна, въ которой распространилъ онъ ученіе свое, была восточная часть Арменіи, Карабагъ и Ширванъ; оттуда прибылъ онъ ко двору персидскаго царя Дарія Гистаспа; слѣдовательно, эпоха жизни Заратустры относится къ VI в. до Р. X.

Таковая гипотеза, дѣйствительно, могла казаться весьма правдоподобною, при тогдашнемъ ограниченномъ знаніи востока. Долгое время мы не могли освободиться отъ греческаго воззрѣнія на исторію Ирана. Греки все вниманіе свое сосредоточивали на восточной окраинѣ Ирана, на такъ называемый Мидійскій перешеекъ, тянущійся черезъ на 700 отъ юго-восточнаго угла Каспійскаго моря до сѣверной оконечности Персидскаго залива. Эта полоса представлялась грекамъ въ видѣ самостоятельнаго цѣлаго; на ней возникли временно Мидійскій и Персидскій политическіе центры Ирана; Персидскій игралъ великую роль въ греческой исторіи. Затѣмъ географическое средоточіе Ирана и восточная окраина его казались грекамъ чѣмъ то постороннимъ, побочнымъ, мало-занимательнымъ, чѣмъ то въ родѣ глухихъ провинцій царства персидскаго. Для грековъ не существовало непрерывной исторіи Ирана; въ глазахъ ихъ она началась внезапнымъ основаніемъ и кончилась внезапнымъ паденіемъ персидской монархіи; эпизодъ превратился въ законченное цѣлое. Такое понятіе привилось и къ нашему воззрѣнію на исторію Ирана.

Если же, напротивъ, вмѣсто того, чтобы смотреть на Иранъ

1) l'Albordj montagne de Géorgie. *Anquetil*: Zendavesta, t. I, Seconde partie, p. 20.

извнѣ, съ точки зрѣнія, взятой на классической почвѣ Греціи мы станемъ въ центрѣ обширнаго иранскаго міра, то историческое воззрѣніе наше совершенно измѣнится. Мидійскій перешеекъ представляется намъ въ видѣ окраины плоскогорія, ниспадающей къ другому міру, къ міру симитскому. Это есть переходная полоса, въ которой смѣшиваются элементы разнородные, недопускающіе присутствія чистаго, самостоятельнаго элемента. Геній народный всегда безсознательно отгадываетъ, гдѣ бьется сердце національной жизни. Въ иранскихъ преданіяхъ живы воспоминанія о герояхъ, о царяхъ, о царствахъ, о которыхъ служъ почти не доходилъ до грековъ. Персидская династія Ахеменидовъ, сосредоточившая на себѣ вниманіе классическаго міра, забыта въ Иранѣ, какъ получужеземная. Изъ этого возникла непримиримая разладаца между сказаніями греческихъ писателей объ Иранѣ и сказаніями туземныхъ поэтовъ и историковъ. Послѣднія долго принимаемы были нами за не заслуживающія вниманія выдумки; ближе познакомившись съ востокомъ, мы начинаемъ смотрѣть на предметъ иначе. Такъ, напр., въ нашей русской исторіи, средоточія историческихъ событій переходили изъ Новгорода въ Кіевъ, изъ Кіева во Владиміръ, изъ Владиміра въ Москву; на западѣ, ктонибудь могъ бы написать исторію русняковъ, исторію королевства галицкаго и назвать ее исторіей русскою. Таковая исторія дала бы намъ, русскимъ, настоящее понятіе персидской исторіи Ахеменидовъ, написанной греками и заключающей въ себѣ обычный источникъ нашихъ свѣдѣній о древней исторіи Ирана!

Относительно Царя Вистаспа или Гистаспа, которымъ опредѣляется эпоха жизни Зороастра, нельзя не замѣтить, что Гистаспъ, отецъ Дарія, не былъ царемъ и, слѣдовательно, необходимо предположить, что въ Зендавестѣ имя отца взято ошибочно за имя сына. Царь Вистаспа въ Зендавестѣ названъ сыномъ Аурватаспы, между тѣмъ какъ отецъ Гистаспа, дѣдъ Дарія, назывался *Аршамъ* ¹⁾. Та-

1) *Lassen*: Indische Alterthumskunde, I, 753; *Геродотъ* кн. VII, 12.

кимъ образомъ, всѣ выводы, основанныя на сходствѣ именъ Гистаспа и Вистаспы, оказываются совершенно неосновательными и эпоха жизни Заратустры остается неопредѣленною. Столь же мало и географическія названія, приведенныя нами выше, доказываютъ, что Азербиджанъ, Арменія и Закавказье были страны, въ которыхъ возникло ученіе Заратустры, и оттуда перешло оно въ Персію. Названія Еереміапо, Айріамна, Арима, Арранъ суть не болѣе, какъ различныя видоизмѣненія одного и того же весьма обшрнаго названія Айрія, которое придаваемо было всѣмъ странамъ, гдѣ обитали айрии, т. е. арийцы иранской вѣтви; слѣдовательно, всѣ вышеприведенныя названія не заключаютъ въ себѣ ничего опредѣлительнаго. Гора Эльборузъ, Альборджъ, Борджъ есть пегльвійская передѣла зендскаго названія Березать-гаири, «высокая гора»¹⁾. Это названіе, не имѣвшее, повидимому, сначала опредѣленнаго значенія, приобрѣло такое по понятію, которое Зендеста придаетъ какой то высокой горѣ, откуда берутъ начало свое всѣ воды, напоющія лице земли, откуда течетъ рѣка Арванда, Урвантъ, Аурватъ, Арватъ, Аргуатъ, Аргъ, Арагъ, Арагуа (Арагва), Араксъ и пр.²⁾. Всѣ Эти названія, встрѣчающіяся въ зендскомъ мірѣ, происходятъ отъ зендскаго слова Арватъ «бѣгущій», слѣдовательно, естественнымъ образомъ могли быть придаваемы и дѣйствительно были придаваемы множеству рѣкъ. Мифическая географія, изложенная въ Бундегешѣ, книгѣ, составленной при Сассанидахъ изъ древнѣйшихъ источниковъ, говоритъ о трехъ рѣкахъ: Аргъ, Вехъ и Фратъ; первое названіе, какъ доказалъ Бурнуфъ, обозначаетъ Яксартекъ, Сыръ-Дарью, посему священная «высокая гора», Березать-Гаири, Борджъ, Альборджъ, Эльборузъ, согласно древнѣйшему опредѣлительному смыслу, должна быть отнесена къ хребту Имаусъ, именно туда, гдѣ хребетъ этотъ, пересѣкая подъ прямымъ угломъ Гинду-ку и Куэнь-Лунь чертитъ *крестъ*

2) *Burnouf*: *Commen. sur le Yaçna*, 299.

3) *id.*, *Additions et corrections* CLXXXV.

въ самомъ сердцѣ Азіи. Такъ Борджъ, Альборджъ, Эльборузъ, откуда вытекаютъ всѣ воды, напоющія землю, сходится съ Меру индусовъ и съ Едемомъ евреевъ. Отсюда усматриваемъ мы, какъ имена парицательныя превращаются въ имена собственныя и какъ потомъ народы, при постепенномъ расселеніи своемъ, перенесать съ собою названія эти, повторяющіяся потомъ въ неизмѣримой дали отъ мѣста, гдѣ впервые были созданы.

Итакъ мы видимъ, что всѣ данныя, по которымъ опредѣляема была, какъ эпоха жизни Заратустры, такъ и страна, въ которой началъ онъ проповѣдывать свое ученіе, — или совершенно ошибочны, или весьма неопредѣлительны. Вопросъ, гдѣ и когда зендскій языкъ былъ живымъ языкомъ, остается неразрѣшеннымъ. Но важность вопроса растетъ въ глазахъ нашихъ: географическія названія на Кавказѣ, въ Закавказьѣ, въ Иракѣ, объясняются помощію зендскаго языка; слѣдовательно, народъ, говорившій имъ, или пѣкогда поселялъ эти страны или, по крайней мѣрѣ, передалъ цивилизацію свою туземнымъ обитателямъ.

Зендскій языкъ гораздо болѣе, чѣмъ древне-персидскій языкъ Ахеменидовъ, имѣетъ сходства съ санскритскимъ; поему можно заключить, что языкъ этотъ распространенъ былъ преимущественно въ восточныхъ частяхъ Ирана. При Александрѣ Македонскомъ и въ послѣдующіе вѣка, мы находимъ, что національная религія, огнепоклоненіе, сказанія Зендавесты, прапсвая народность, пустили гораздо болѣе глубокіе корни на востокѣ, чѣмъ на западѣ ¹⁾. Лишь въ Бактріи и Согдіанѣ Александръ встрѣтилъ народный отпоръ; реакція противъ исламизма возникла въ Маргіанѣ и въ Седжестанѣ; Фердоуси въ XI в. по Р. Х. на сѣверо-востокѣ Ирана собралъ легенды и сказанія, которыя послужили основою для его безсмертной поэмы. То, что мы знаемъ объ огнепоклонствѣ въ Мидіи и Персіи, показываетъ, что оно тамъ не существо-

1) *M. Duncker: Geschichte des Alterthums, II, 311.*

вало въ первоначальной чистотѣ своей, въ чистотѣ, которой кодексомъ служитъ Зендавеста. Календарь Ахеменидовъ не тотъ, который паходимъ мы въ Зендавестѣ; на западѣ былъ особый классъ духовныхъ, называемыхъ магами, каковое названіе не встрѣчается въ Зендавестѣ, гдѣ богослуженіе производится *Атравами*. Въ богослуженіи, согласно ученію Заратустры, могли участвовать всѣ «чистые люди», на западѣ богослуженіе составляло исключительность маговъ.

Географія Зендавесты несомнѣннымъ образомъ доказываетъ, что центръ извѣстныхъ ей странъ находился на востокѣ Ирана. Въ Зендавестѣ упоминается о Гапта-Гинду, нынѣшнемъ Пенджабѣ¹⁾, объ Арахови, о Седжеставѣ; на сѣверѣ извѣстны ей: Согдіана, Бактрія, Маргіана, Гирканія; къ западу говорится о Мазапдерапѣ; предѣлы знанія Зендавесты къ западу останавливаются на *Равь*, городѣ, лежавшемъ по близости нынѣшняго Тегерана. Западная окраина Ирана, повидимому, была совершенно неизвѣстна Зендавестѣ; о Миди и Перси въ пей вовсе не говорится. Обитатели всѣхъ упоминаемыхъ странъ подвергаются въ Зендавестѣ охудженію за свои пороки и педѣріе; чистыми отъ такихъ упрековъ остаются лишь Айріана Ваеджо, (*Airyana Vaedja*), Бактрія, Маргіана и Согдіана. Это обстоятельство заставляеть думать, что именно на сѣверо-востокѣ Ирана возникло и на успѣшнѣе распространилось ученіе Заратустры.

Діодоръ Сицилійскій повѣствуетъ,²⁾ что царь Ассирійскій Ницъ, покоривъ безъ особаго труда народы, обитавшіе на западѣ Ирана, двинулся противъ цвѣтущаго и сильнаго государства Бактрійскаго. Въ то время царствовалъ тамъ царь Оксіартъ или Оксатръ, который противопоставилъ ассиріянамъ сильное сопротивленіе; по-

1) *Пенджабъ* значитъ пять рѣкъ по числу притоковъ верхняго Инда, гапта значитъ семь, что можно объяснить причисленіемъ самого Инда и Сарасвати къ пяти рѣкамъ.

2) *Діодоръ Сицилійскій*, кн II, § 1—6.

слѣдніе съ трудомъ и только, благодаря мудрости Семирамиды, успѣли овладѣть городомъ Бактрою. Геродотъ говоритъ, что ассиріяне господствовали въ Азіи въ продолженіи 520 лѣтъ, поамидинѣ отъ нихъ отдѣлились: послѣднее событіе случилось за 714 лѣтъ до Р. Х., слѣдовательно царствованіе Нина можно отнести къ 1230 году. Отсюда видно, что уже въ эту эпоху на востокѣ Ирана существовало сильное и цвѣтущее государство, Обращаясь къ туземнымъ иранскимъ легендамъ, собраннымъ поэтомъ Фердоуси въ книгѣ Царей, Шахъ-Наме, мы находимъ, что въ Иранѣ, послѣ совершенно-баснословной династіи Пишдадовъ, воцарилась династія Каіановъ, основателемъ которой былъ царь Кай-Кобадъ, за нимъ слѣдуетъ Кай-Каусъ, далѣе Сіавушъ, Хосревъ, Лограсиъ и Гуштаспъ. Затѣмъ исторія Персіи представляетъ перерывъ, наволшебный нѣсколькими ни съ чѣмъ несообразными выдумками, и переходитъ къ Александру Руми (Александру Македонскому). Не рѣшаясь принять за совершенный вымыселъ таковую туземную исторію, европейскіе критики долго старались отыскать тождественность между династіей Каіановъ и извѣстною по классическимъ писателямъ персидской династіей Ахеменидовъ, но всѣ усилія науки сокрушились о величайшія несообразности. Дѣятельность Каіановъ сосредоточивается въ неумолимой войнѣ противъ Турана на Оксусѣ; театръ, на которомъ подвизаются они, совершенно чуждъ западной окраинѣ Ирана. Въ Зендавестѣ находимъ мы рядъ царей съ титуломъ Кава въ восходящей линіи: Вистаспа, Лурватаспа, Хусрава, Сіаварьяна и Усь (Кави-Усь): значеніе этихъ именъ болѣею частью легко объясняется помощію зендскаго языка ¹⁾, и въ нихъ усматриваются имена царей династіи Каіановъ, переваченныя при переводѣ на другой, хотя и родственныя съ зендскимъ языкомъ.

Шахъ-Наме перерываетъ послѣдовательность разсказа своего

1) Burnouf: Commentaire sur le Yaçna, p. 437.

на Гуштаспѣ; за нимъ слѣдуютъ два имени: Бахманъ и Царица Гомаи, которыя служатъ только для связки Каіаповъ съ двумя Дарабами (Даріи), послѣ которыхъ появляется Александръ Руми, тоже происходящій отъ царственной иранской династіи. Очевидно, что поэтъ-историкъ, имѣвшій главною цѣлью прославленіе медвиговъ иранскихъ царей, преднамѣренно погрузилъ въ неизвѣстность длинный періодъ времени, въ продолженіе котораго господствовали надъ Праномъ ассирійскіе, мидійскіе и персидскіе цари, представлявшіе собою или чужеземное иго или, по крайней мѣрѣ, нечистый иранскій элементъ, сильно смѣшанный съ симитскимъ. Итакъ можно заключить, что покореніе Бактріи ассирійцами случилось именно при преемникѣ царя Гуштаспа. Имя его, Оксатръ, которое намъ извѣстно только черезъ посредство грековъ, позволительно объяснить зендскимъ именемъ *Хукшатра*, что значитъ «добрый царь». Персидскія легенды единогласно утверждаютъ, что Зердуштъ (такъ называютъ они Заратустру) началъ проповѣдывать свое ученіе при царѣ Гуштаспѣ, послѣднемъ, достовѣрно и отчетливо извѣстномъ царѣ изъ династіи Каіаповъ, которая, впрочемъ, при помощи искусственныхъ вставокъ, тянется въ Шахъ-Наме до самаго Александра Руми, но которой нѣтъ никакой возможности совмѣстить съ персидскою династіею Ахеменидовъ.

Тождество персидскаго Гуштаспа, при которомъ Зердуштъ проповѣдуетъ свое ученіе, съ зендскимъ Вистаспой, котораго поучаетъ Заратустра въ своей Зендавестѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Столь же несомнѣнно, что Ахеменидъ Даріи Вистаспъ былъ совершенно другое, гораздо позднѣйшее лицо. Изъ всего этого можемъ вывести заключеніе, что Заратустра проповѣдывалъ свое ученіе въ Бактріи прежде, чѣмъ страна эта покорена была ассирійцами, слѣдовательно, по крайней мѣрѣ, за тринадцать вѣковъ до Р. Х.; быть можетъ, былъ онъ современникомъ Моисея. Если допустить, что весьма вѣроятно, что Оксатръ, Хукшатра, былъ сынъ Вистаспы, то эпоха жизни и дѣятельности Заратустры должна быть

отнесена къ періоду времени между 1300 и 1250 годами до Р. Х. Итакъ, въ это время, въ Бактріи и даже, вѣроятно, въ цѣломъ восточномъ Иранѣ, зендскій языкъ былъ общенароднымъ, потому что нельзя думать, чтобы Заратустра, имѣя въ виду распространіе своего ученія, писалъ книги на языкѣ, непонятномъ для народа. Итакъ Зендавеста представляетъ намъ древнѣйшій памятникъ языка, которымъ говорили иранцы за тринадцать вѣковъ до Р. Х. Этимъ ли самымъ языкомъ говорили первые арійцы, пришедшіе на Иранское плоскогоріе? На этотъ вопросъ нельзя дать отвѣта; Зендавеста писана въ эпоху, когда въ Иранѣ существовало уже сильное и благоустроенное Бактрійское царство; царю Вистаспѣ предшествовалъ длинный рядъ царей, оставившихъ по себѣ, какъ видно изъ Зендавесты, добрую память. Много вѣковъ нужно на то, чтобы кочевое или полукочевое племя, каковымъ мы должны представить себѣ первыхъ арійскихъ переселенцевъ, успѣло возвыситься на такую степень гражданскаго порядка. Очевидно, что Ригъ-Веда изображаетъ гораздо болѣе ранній моментъ жизни народнои, чѣмъ Зендавеста.

Все это даетъ намъ, хотя поверхностное, но произвольно составленное понятіе о состояніи, въ которомъ находилось Иранское плоскогоріе за тринадцать вѣковъ до Р. Х. На западной окраинѣ жили кочевые или полукочевые народы, для которыхъ не пробилъ еще часъ исторической дѣятельности. На восточной существовало благоустроенное царство: въ немъ возникло уже народное самосознаніе, стремленіе къ самостоятельному развитію, основанному на коренныхъ началахъ иранской жизни. Очевидно, что Зендавеста не заимствована извнѣ: мысль о борьбѣ Добраго Начала съ Злымъ, порядка съ неурядицей, осѣдлости съ бродяжничествомъ, могла возникнуть по преимуществу въ странѣ рѣзкихъ противоположностей, на Иранскомъ плоскогоріи. Таковую же страну протоположностей и борьбы представляетъ собою Закавказье. Выше изложено, на основаніи какихъ данныхъ возникло мнѣніе, будъ

то бы Закавказье было колыбелью ученія Зороастрова; эти самыя давныя послужили поводомъ къ другому еще болѣе гадательному заключенію, что Закавказье, а именно восточная часть Арменіи, нынѣшній Карабагъ, была колыбелью всѣхъ иранцевъ, которые были доисторическими обитателями Закавказья и оттуда разошлись потомъ до предѣловъ Индіи и Турана ¹⁾. Это мнѣніе совершенно сходилось съ тѣмъ, которое въ Закавказьѣ, у подошвы Арарата, находило колыбель симитическихъ народовъ западной Азіи. Симиты пошли внизъ по теченію Тигра и Евфрата на югъ, и на юго-западъ, арійцы по Иранскому плоскогорію на югъ и юго-востокъ. Кавказъ и въ особенности Арменія вновь являются намъ въ видѣ колыбели рода человѣческаго.

И вновь такое предположеніе разлетается какъ дымъ, при внимательномъ изученіи фактовъ. Въ первомъ фарагардѣ (главѣ) Вендидада изложены въ мистической формѣ древнѣйшія преданія обитателей Ирана о первоначальномъ отечествѣ ихъ и о постепенномъ расселеніи по плоскогорію. Все это Заратустра, вѣрный основной мысли своей, излагаетъ въ видѣ послѣдовательнаго созданія Ахура-Маздой раеподобныхъ странъ для жительства людей, но въ каждую изъ таковыхъ созданныхъ странъ Ангромайніусъ вноситъ сѣмена зла, черезъ что заставляеть Ахура-Мазду создавать для жительства людей новую страну и такъ далѣе.

«Первымъ краемъ благодати и изобилія, который я, я же есмь Ахура-Мазда, сотворилъ въ чистотѣ былъ Айріана-Ваеджо (чистый Иранъ); краскою подобнаго ему не найти въ цѣломъ свѣтѣ. И придя смерткою-чреватой Ангромайніусъ, изготовилъ въ рѣкѣ, напоющей край этотъ, великаго змія *зимы*, исходящей отъ дивовъ (злыхъ духовъ). Наступило 10 мѣсяцевъ для зимы и лишь два мѣсяца для лѣта; доголѣ семь мѣсяцевъ было тепло и только пять холодно. Зима изливаетъ хладъ на воду, землю и

1) *St. Martin: Mém. sur l'Arm.* I, 272; Шопенг: Историч. памятники состоянія Армянской области. (Спб. 1852), стр. 227—231.

деревья; страшно-сурова она внутри Айриана-Ваеджо, но и этот бичъ сдѣлался благодатью для людей: съ появленіемъ зимы умножается изобиліе всѣхъ благъ».

Мы не станемъ разбирать, можно ли допустить предположеніе, чтобы въ памяти людей сохранилось воспоминаніе объ эпохѣ, когда охлажденіе земной коры происходило съ быстротою, ощутительною для чувствъ. Во всякомъ случаѣ, въ умѣренныхъ широтахъ средней и западной Азіи возможность существованія страны, въ которой десять мѣсяцевъ холодно и только два мѣсяца тепло, можетъ быть объяснена только весьма высокимъ положеніемъ ея надъ уровнемъ океана. Этимъ физическимъ условіямъ особенно хорошо удовлетворяетъ весьма замѣчательное, но до сихъ поръ весьма мало извѣстное нагоріе Памиръ, лежащее къ востоку отъ меридіаннаго хребта Волуръ-тага (Иммауса) и дающее начало Оксусу. Къ югу отъ Памира, въ недалекомъ разстояніи отъ него, за хребтомъ Кузнь-лунъ находятся источники Инда. Мы выше уже объяснили арийское происхожденіе названія Памиръ и громкую знаменитость его въ цѣлой Азіи. Буддійскіе пилигримы V в. по Р. X. рассказываютъ объ озерѣ, тамъ находящемся и обитаемомъ ядовитымъ дракономъ (быть можетъ змій зимы Вепдидада) ¹⁾. Это озеро въ 1838 году было посѣщено англійскимъ офицеромъ Вудомъ, который пишетъ, что линія вѣчнаго снѣга на Памирѣ (37° 27' с. ш.) выше 17,000 футъ, высота озера Сиръ-и-куль 15,600 футъ, изъ него вытекаетъ главное верховье Оксуса. Въ продолженіе кратковременнаго тамошняго лѣта, берега озера покрыты стадами кочующихъ киргизовъ; пастбища Памира славятся необыкновенно сочною травою; самая тощая лошадь становится тучною менѣе, чѣмъ въ двадцать дней; овцы тамъ ягнятся не иначе какъ двойною; въ чрезвычайномъ множествѣ водятся особая порода длиннорогихъ дикихъ барановъ; нѣкоторыя по-

1) *Neumann*: Pilgerfahrten buddhistischer Pilger von China nach Indien (Lpz. 1833), pp. 41, 49.

роды домашнихъ животныхъ въ Памирѣ находятся въ дикомъ состояніи. Лучшаго мѣста для пастушеской жизни, говоритъ Вудъ, нельзя себѣ придумать ¹⁾. Это описаніе Памира соотвѣтствуетъ вполне тому, что говорится въ Вендидадѣ объ Айріано-Ваеджо, первоначальной родицѣ иранцевъ, но, конечно, далеко не приводитъ къ убѣжденію. На армянскомъ плоскогорьѣ много можно встрѣтить мѣстъ, которыя физическими свойствами своими подходятъ къ описанію Айріанс-Ваеджо. Въ созвучіи имень Айріано и Арранъ (Карабагъ) Анкетиль находилъ доказательство, что именно изъ Арменіи или, въ болѣе общемъ смыслѣ, изъ Закавказья вышли иранцы. Слѣдующія строки Вендидада разъясняютъ вопросъ.

«Второе благословенное мѣсто, которое сотворилъ я, я же есмь Ахура-Мазда, есть земли, гдѣ находится Сугда. Но тутъ смертнью чреватый Ангромайніуэъ произвелъ мукъ, смертоносныхъ для стада».

Итакъ аріицы, изгнанные стужею изъ благословеннаго Айріано-Ваеджо, столь привольнаго для стада ихъ, перешли туда, гдѣ было теплѣе и гдѣ не было недостатка въ пастбищахъ, перешли въ Сугда. Это названіе не можетъ подавать повода ни къ какому недоумѣнію, хотя и нельзя утвердительно сказать, обозначаетъ ли оно въ Зендавестѣ рѣку или страну или городъ ²⁾. Сугда на зендскомъ языкѣ значитъ «чистый» и, по мнѣнію Бюрпуфа, первоначально служило названіемъ рѣки, откуда послѣ распространилось на цѣлую страну, Сугда, Согда, Согдіана, названіе общепонятнѣешее въ древнемъ мірѣ для нынѣшней Бухаріи и сохранившееся даже въ новѣйшія времена у мусульманскихъ писателей для обозначенія благословенной страны, лежащей въ югу отъ Самаркандъ, Аль-Согда, одного изъ четырехъ земныхъ

1) *S. Wood*: Personal narrative of a journey to the source of the river Oxus, 1841, p. 365.

2) *Barthouf*: Comment. sur le Jaçna, notes et éclaircissements LVI.

раевъ, такъ что названія *Ам-Согдъ* и *рай* сдѣлались однозначущими ¹⁾. Опредѣлительность значенія Сугдо бросаетъ свѣтъ и на загадочное Айриано-Ваеджо. Въ поименованіи названій благословенныхъ странъ, созданныхъ Ахура-Маздой, представляемымъ первымъ фаргардомъ Вендидада, замѣтна географическая послѣдовательность: таковой послѣдовательности вовсе бы не существовало при непосредственномъ переходѣ изъ Айриано-Ваеджо въ Сугда, съ Кавказскаго перешейка въ Бухарію, если бы только позволено было допустить предположеніе, что Айриано-Ваеджо лежало гдѣ либо въ Закавказьѣ. Напротивъ, если мы для Айриано-Ваеджо, т. е. для первоначальной родины, для общей колыбели всѣхъ нравцевъ, примемъ горную страну, лежащую въ самомъ сердцѣ Азіи, около меридіональнаго хребта Болурскаго, то прямой переходъ изъ этой холодной высокой страны на низменность, въ плодородную Согдіану, въ нижнѣшую Бухарію, становится совершенно естественнымъ. Этой самой послѣдовательности соответствуетъ и третье созданное Ахура-Маздой благословенное мѣсто «Моуру крѣпкое и чистое», въ которомъ нельзя не признать: Мору, Мару, Марвъ, Мервъ, Маргъ, Маргіана. Таковыя названія частью доселѣ еще сохранились для плодородной и населенной полосы земли, лежащей вдоль степной рѣви Мургъ-абъ. Покинувъ Согдіану, перейдя на лѣвый берегъ Оксуса, аріицы, при движеніи своемъ на западъ, прежде всего должны были заселить плодородную Маргіану. Далѣе въ числѣ благословенныхъ мѣстъ, созданныхъ Ахура-Маздой, находимъ мы послѣдовательно *Бакди* (быть можетъ искаженное названіе Бактры ²⁾, *Нисая* (Nisaea или Низа древнихъ, вышнѣшій Нисапуръ въ Хорасанѣ), *Веграна* (Gurgana, Γερμανία, *Гирманія*), *Рага* (Rhagae, Rai, Rhei близъ Каспійскихъ воротъ и вышнѣшаго Тегерана). Далѣе къ западу пре-

1) *Ritter*: Erdkunde. Asien. VI. zweite Abth., 52.

2) *Bernouff*: Comment. sur le Jaçna, notes et éclaircissements, CX.

кращаются географическія наименованія. Всѣхъ таковыхъ созданныхъ Ахура-Маздой благословенныхъ мѣстъ и странъ поименовано шестнадцать; девять, которыя мы здѣсь считаемъ излишнимъ называть, обозначаютъ расселеніе арійцевъ съ сѣвера, изъ Айріапо-Ваеджо, къ югу, по западной окраинѣ Ирана, и даже въ Индустанъ, потому что подъ названіемъ Гапта-Гинду нельзя не подразумѣвать Пенджаба. Изъ Ригъ-Веды мы, хотя и несомнѣннымъ, по тѣмъ не менѣе косвеннымъ образомъ выводимъ заключеніе, что индійскіе арійцы пришли въ Индустанъ съ сѣвера; въ Вендидадѣ обстоятельство это выражено прямо. Зендавеста, какъ должнѣе полагать, пѣсколькими вѣками составлена позже эпохи составленія Ригъ-Веды; если въ этихъ двухъ священныхъ твореніяхъ есть что либо общее, то нельзя объяснить этого обстоятельства иначе, какъ общими преданіями, внесенными индійскими и иранскими арійцами изъ общей ихъ родины, изъ Айріапо-Ваеджо или Меру, какъ бы она ни называлась. Допустить, чтобы Заратустра что либо заимствовалъ изъ Ригъ-Веды, также невозможно какъ и то, чтобы что либо заимствовалъ онъ изъ историческихъ сказаній еврейскаго законодателя.

Замѣтимъ весьма важное и обильное выводима обстоятельство. Въ Зендавестѣ говорится о людяхъ *ветхозавѣтныхъ* (шаойрію ткаеша) и людяхъ *близко-красныхъ* (пабаназдиста) ¹⁾. Но имѣнію Заратустры люди ветхозавѣтные были праведники, лично обладавшіе истиннымъ богопознаніемъ и направлявшіе родъ человѣчскій къ добру, но не отарившіе ему великаго знанія «какъ должно чтить Господа». Посему люди, не имѣя руководнаго пачала для жизненнаго поприща, при всемъ добромъ намѣреніи своемъ, безпрестанно сбивались съ добраго пути, что навлекло неисчислимья бѣдствія на цѣлый родъ человѣчскій, утратившій при этомъ золотой вѣкъ свой. Предназначеніе Заратустры заключалось не въ

2) *Burnouf*: Comment. sur le Jaçna, 564; *Weber*: Indische Studien 1855, III, 448.

томъ, чтобы создать новую вѣру или чтобы преобразовать старую, но въ томъ, чтобы ивственно возвѣстить роду человѣческому па-стоющую волю Ахура-Мазды, чтобы наконецъ прекратить колеба-нія и блужданія рода человѣческаго или, лучше сказать, арий-цевъ, — точный растолкованіемъ «какъ должно чтить Господа». Скучныя указанія на эти ветхозавѣтныя преданія, сохранившіяся въ дшедшихъ до насъ отрывкахъ Зендавесты, приобретаютъ вы-сокую занимательность, при сличеніи ихъ съ до-брахманическими преданіями индусовъ. Сходное, само собою разумеется, должно быть отнесено въ тому времени, когда индусы и иранцы состав-ляли одинъ народъ, жили вмѣстѣ. Какъ мы выше объяснили, филологическія наблюденія заставляютъ думать, что вѣкогда всѣ народы арийскаго корня, населяющіе теперь безкопечное про-странство земель отъ береговъ Атлантическаго океана до Бенгал-скаго залива, — во времена до историческаго составляли только одинъ небольшой народъ, жившій на небольшомъ пространствѣ. Арий-скія вѣрованія, свободныя отъ вліянія Зендавесты съ одной сто-роны и вліянія брахманнзма съ другой, конечно, составляли ос-нову, какъ всѣхъ позднѣйшихъ вѣрованій, такъ и всего позднѣй-шаго гражданскаго порядка всѣхъ арийскихъ народовъ, общую основу, на которой выткались потомъ, въ теченіи вѣковъ подъ вліяніемъ разнообразныхъ внѣшнихъ вліяній, безконечно-разно-образныя національныя особенности.

Высшія богопочитаемыя существа въ иранскомъ мірѣ суть Ахура-Мазда и шесть амшаспентъ; всѣ такыя названія неиз-вѣстны брахминамъ, въ Ведахъ не встрѣчается слѣдовъ понятію объ этихъ семи высшихъ существахъ Иранцамъ совершенно не-извѣстенъ былъ Брахма. Основной догматъ Зендавесты, дуализмъ добра и зла, чуждъ брахминамъ. Но и въ Зендавестѣ и въ Ве-дахъ встрѣчаются одинакія божества, а именно: огонь, солнце, мѣсяцъ, земли и вода ¹⁾. Богъ солнца въ Иранѣ и въ Индіи на-

1) *Lassen*: Indische Alterthumsk., I, 517.

зывается Митрой. Можно даже прослѣдить, какъ одно и тоже понятіе, сохранившись неизмѣннымъ у одного народа, припало противуположный характеръ у другого; такъ напр. добрые боги индійцевъ, *деви* (откуда *diēs*, *deus*), превратились у иранцевъ въ *дасовъ*, *дивовъ*, злыхъ духовъ; высшій изъ Ведическихъ боговъ, богъ лазуреваго неба, укротитель чернокрылыхъ тучъ, Индра, сдѣлался богомъ тьмы въ глазахъ иранцевъ, менѣе чѣмъ индійцы имѣвшихъ поводъ быть довольными своимъ небомъ. Но изъ всѣхъ индо-иранскихъ преданій, относящихся къ самой глубинѣ доисторическихъ временъ, безъ сомнѣнія самыя замѣчательныя относятся къ иранскому Имѣ и къ индійскому Іамѣ.

Согласно древнѣйшимъ понятіямъ арійцевъ, боги укрѣпляются въ силахъ, побуждаются къ дѣятельности и тогда только благодатно вмѣшиваются въ дѣла смертныхъ, когда вкусятъ сокъ растенія *сома* (инд.) или *гаома* (зепд.), особымъ образомъ приготовленный. Эта божественная пища напоминаетъ собою амброзію и нектаръ греческаго Олимпа, но въ древнѣйшей арійской мифологіи играла она гораздо значительнѣйшую роль. *Сома* или *гаома* сама представлялась въ видѣ бога, дарующаго жизнь, силу мышцамъ и здравіе мышленію; это есть, если можно только такъ выразиться, богъ энергіи физической и моральной. Согласно сказанію Зендавесты, первый добывшій сокъ изъ гаомы и принесшій его въ жертву богамъ, былъ Вивангватъ ¹⁾. Въ награду за то родился ему сынъ Има, лучезарный и достославный повелитель людей. Зендавеста не поясняетъ, кто былъ Вивангватъ. Въ Ведахъ говорится о Вивасватѣ, у котораго родился сынъ Іама ²⁾. Очевидно тождество Вивангвата съ Вивасватой, Имы съ Іамой. Индійская мифологія объясняетъ намъ и значеніе имени Вивасватъ, которое употребляется въ видѣ эпитета для *солнца*, въ значеніи

1) *Уагна*, IX, 4. 5. trad. par. *Burnouf*. Journ. Asiatique. 1844—46.

2) *Natus*, ed *Bopp*, p. 203; *Lasson*: Ind. Alterthumskunde, I, 518.

всевидающаго и всепроницающаго. Солнце есть вмѣстѣ съ тѣмъ всепроизводящее и всепитающее начало. Мистическая связь между Вивангватомъ и гаомой, между солнцемъ и міровою энергіей становится ясною.

Има есть олицетвореніе благополучія рода человѣческаго ¹⁾: Въ чемъ заключается это благополучіе? Это тайна, которую тщетно силится разрѣшить родъ человѣческій въ продолженіе тысячелѣтій; много слезъ, много страданій стоило ему одно лишь стремленіе разрѣшить такую тайну! Эта тайна занимала умы арийцевъ еще въ доисторическія времена: въ многи Имы отразились понятія ихъ объ этомъ вопросѣ.

Въ Вендидадѣ повѣствуется, что Ахура-Мазда предложилъ Имѣ быть провозвѣстникомъ святой воли его на землѣ, но Има не чувствовалъ въ себѣ потребной для того силы. Тогда Ахура-Мазда предложилъ ему, для счастья людей, оплодотворить и расширить землю, хранить ее и царить надъ нею. Это принялъ на себя Има, но на условіи, чтобы въ царствѣ его не дули ни холодныя, ни жаркія вѣтры, чтобы ни болѣзнь, ни смерть не касались людей, чтобы ему дапа была сила разрушать козни злыхъ духовъ. На все это согласился Ахура-Мазда и вручилъ Имѣ золотой плугъ и золотой посохъ, символы земледѣлія и скотоводства. Наступаетъ золотой вѣкъ на землѣ: вѣкъ изобилія, мирной дѣятельности, полной покорности природы человѣку, который наслаждается земными радостями съ дѣтскимъ простодушіемъ, не стѣспенный никакими условно-созданными религіозными обязанностями: его религія есть свободный пантеизмъ, преисполненное любовью созерцаніе природы. Люди и всѣ твари множатся, имъ становится тѣсно на землѣ, тогда Има идетъ къ полудню, на встрѣчу солнцу, и пронзаетъ землю золотымъ копіемъ своимъ и говоритъ ей внятно:

1) *Westergaard*: Beitrag zur altiranischen Mythologie, пер. Шпигеля въ *Weber's Indische Studien*, 1855, III, 402.

«святая, покорная земля-кормилица всего живущаго, раздайся по слову моему». И земля раздалась на одну треть, и потомъ еще на одну треть и, наконецъ, еще на одну треть, такъ что всѣмъ живымъ тварямъ сдѣлалось просторно. И Ахура-Мазда повелѣла Иимѣ насадить садъ, огороженный тыномъ четырехугольно, для жительства людей, отличныхъ по красотѣ и добродѣтелямъ своимъ; въ садъ этотъ перенести съмена всѣхъ благоуханныхъ деревьевъ и растений, всѣхъ приносящихъ сладчайшіе плоды; и по парѣ отъ всѣхъ птицъ и отъ всѣхъ скотовъ, полезныхъ человѣку. И Иима исполнилъ все по слову Ахура-Мазды, и праведники вели блаженную жизнь въ этомъ саду, годъ шель у нихъ за день, черезъ каждые сорокъ лѣтъ отъ каждой четы людей и отъ каждой пары скотовъ рожались двойни. Такъ и посреди общаго благоденствія рода человѣческаго существовало еще избранное блаженное мѣсто для праведниковъ, подобно тому какъ въ библейскомъ Едемѣ былъ садъ на восточномъ концѣ его.

Преданіе объ Иимѣ пустило глубокіе корни въ цѣломъ иранскомъ мірѣ и сохранилось въ позднѣйшихъ легендахъ, гдѣ оно уже является въ измѣненномъ видѣ и подъ именемъ Джемшида. Впрочемъ названіе Джемшидъ прямо производится изъ зендскаго Иима-Кшаета (царь Иима), подобно тому, какъ названіе Хуршидъ произошло отъ зендскаго Хваре-Кшаета ¹⁾. Образъ, въ которомъ люди представляютъ высочайшее благополучіе, явственно отражаетъ въ себѣ то, чѣмъ дѣйствительно опредѣляется главное направленіе ихъ дѣятельности. Въ этомъ отношеніи многи Иимы доставляютъ намъ указанія на нравственный бытъ древнѣйшихъ иранскихъ арійцевъ. Иима отъ Ахура-Мазды получаетъ не мечъ и не вѣнецъ, не принадлежности насилія или тщеславія, а плугъ и посохъ, символы мирной дѣятельности; Иима не строитъ столбовъ, ни пирамидъ, не обращаетъ людей въ рабовъ-тружениковъ убѣж-

1) Lassen: Indische Alterthumsk. I, 517.

деніемъ, что такъ надобно, «да сотворимъ себѣ ими», онъ трудитъ ся лишь для того, чтобы всѣмъ было равно хорошо жить на землѣ. Конечно, нельзя отвергнуть, что многосложное законодательство служить доказательствомъ запутанности и противурѣчивости отношеній между людьми, что оно доказываетъ несовершенство человѣческихъ обществъ. Въ иранской утоніи нѣтъ вовсе законовъ; Има не законодатель, онъ даже не считаетъ возможнымъ распространить какую-либо религію между людьми; вся дѣятельность его направлена къ противудѣйствію явленіямъ природы, враждебнымъ челѣву, къ тому, чтобы упрочить союзъ любви между челѣвомъ и землею. Во всемъ этомъ проявляются коренныя черты арійскаго характера: глубокое врожденное чувство нравственнаго долга, сознаніе правъ каждаго на участіе въ пользованіи земными благами, независимость мысли, стремленіе къ цѣли ясной, оцутительно-полезной. Это не суть завоеватели-хищники, не бессмысленное стадо, идущее на убой, чтобы потѣшить тщеславіе царя-быка-бога Навуходоносора, не жалкіе идіоты, огуманенные суевѣріемъ, искусственно-распространеннымъ привилегированными кастами. Таковымъ здоровымъ развитіемъ коренныхъ духовныхъ началъ, арійскіе правцы, конечно, обязаны были особымъ условіямъ мѣстности иранскаго плоскогорія; побуждающимъ въ дѣятельности практической, отвлекающимъ отъ безплоднаго исключительно-идеальнаго направленія, въ которое впали индійскіе арійцы. У послѣднихъ міозъ Имы принялъ особый характеръ. Съ ихъ Іамой также связана мысль о золотомъ вѣкѣ, о безмятежномъ благоденствіи челѣвческомъ¹⁾. Но индусу малыя кажутя земныя радости; мимолетность помрачаетъ всю прелесть ихъ; лишь за предѣлами гроба, въ тихой свѣтлой сторонѣ, гдѣ нѣтъ ни слезъ, ни воздыханія, тамъ лишь можетъ быть неизмѣнное блаженство и тамъ судить и рядить Іама. Устройство челѣв-

1) *Westergaard* въ *Weber's Indische Studien* III, 410.

ческаго общества въ здѣшней преходящей жизни выпало на долю второго сына Солица-Вивасваты, прародителя всѣхъ людей, законодателя Ману.

Дальвѣйшее развитіе иранскаго міоса о Имѣ¹⁾ показываетъ непрочность благополучія, заключеннаго лишь въ предѣлахъ земной жизни, основаннаго на одной лишь врожденной въ человѣкѣ склонности къ добру. Какъ мы выше сказали, Има отказался возвѣстить людямъ истинное богопознаніе, падѣясь безъ его пособія устроить ихъ благоденствіе. Ложь смутила, впоследствии, чистоту мыслей Имы и лучезарное счастье отлетѣло отъ него въ видѣ птички. Скорбь овладѣла Имой, и пригнула его къ землѣ. Митра, богъ свѣта, останавливаетъ упорхнувшее счастье и возвращаетъ его Имѣ и роду человѣческому: дневной свѣтъ разгоняетъ сгустившуюся надъ землею тьму. Но и во второй и въ третій разъ счастье упорхаетъ отъ Имы, въ мысли котораго, противъ воли его, проникаетъ ложь. Трастаона, сынъ Атбіи (Трита сынъ Ахтіи, согласно индійскимъ преданіямъ, воздушный богъ) поражаетъ змія *азхи*, индійскаго *ахи* (*ahi*), что въ переносномъ смыслѣ означаетъ черныя густыя тучи, производящія опустошительныя ливни. Трита побѣждаетъ *азхи* съ помощью Индры, бога лазурнаго неба, но *дева Индра* въ попятныхъ нравствѣхъ облеченъ злокачественнымъ характеромъ и ихъ Трастаона борется съ зміемъ *азхи* одинъ. Громовыя тучи въ Ведахъ называются *вритра* и Индра именуется *Вритраганъ*, тучепобѣдитель. Этотъ частный смыслъ утратился для иранцевъ, но самое слово вынесли они изъ общей арійской родины, съ общимъ смысломъ побѣдителя, — въ видѣ Веретрагна, откуда позднѣе образовался Бехрамъ. Трастаона возвращаетъ счастье Имѣ и роду человѣческому, но не на долго. Потомъ, сыновья цѣлителя Тхриты (изъ поколѣвія Самовъ «успокоители»), утѣшитель Урвакшаія и

1) Zemyad-yasht, VII, 283 der Westergaardschen Ausgabe.

воитель Кересаспа выручаютъ Гиму и родъ человѣческой изъ бѣды. Кересаспа умерщвляетъ змія Срувару, изъ котораго истекать ядъ, губившій людей и весь родъ человѣческой.

Мы начинаемъ проникать въ таинственный смыслъ мнѳическаго языка коренныхъ арійцевъ. Сравненіе арійскихъ мѳовъ съ симитическими бросаетъ яркій свѣтъ на духовныя различія обѣихъ расъ. Въ глазахъ симитовъ Богъ пребываетъ внѣ міра; изъ ничего созидаетъ онъ міръ и видитъ *яко добро* есть. Но таковое видѣніе осталось недоступнымъ симиту; книга природы для него не раскрылась. «И предалъ я сердце мое тому, чтобы изслѣдовать и испытать мудростію все, что дѣлается подъ небомъ: это тяжелое занятіе далъ Богъ сынамъ человѣскимъ, чтобы они упражнялись въ немъ. Видѣлъ я все дѣла, какія дѣлаются подъ солнцемъ, и вотъ, все суета и томленіе духа!.. И кто умножаетъ познанія, умножаетъ скорбь ¹⁾. Поэтому симитскіе мѳы совершенно чужды явленіямъ природы: они представляются въ формѣ генеалогій, гдѣ расы, народы, государства олицетворяются въ видѣ отдѣльныхъ людей. Въ глазахъ коренныхъ арійцевъ, явленія природы производятся не богомъ и даже не богами; сами эти явленія были боги; такъ напр. нельзя сказать, чтобы въ понятіяхъ ихъ существовалъ богъ огня, но существовалъ богъ-огонь, дева-агни. Съ трепетомъ и любовью взирали они на борьбу стихій, на борьбу боговъ, съ исходомъ которой такъ тѣсно связано было ихъ благосостояніе. Первоначальная мнѳическая исторія арійцевъ изображаетъ отношенія человѣка къ природѣ, этимологическій разборъ именъ древнихъ арійскихъ боговъ и героев обнаруживаетъ, что подъ именами этими олицетворяются природныя дѣйствители. Конечно, казалось бы, что таковая исторія, изображая собою явленія, постоянно, почти въ неизмѣнно-однообразномъ порядкѣ возобновляющіяся, не можетъ представлять ни-

1) Екклесіаста, I. 13—18.

какого поступательнаго движенія, никакого характера развитія. Но при всей неизмѣнности природныхъ дѣйствователей, отношенія къ нимъ человѣка измѣняются; на различныхъ ступеняхъ личнаго развитія, человѣкъ различно подчиненъ однимъ и тѣмъ же дѣйствителямъ природы. Въ миоѣ Египта находимъ мы изображеніе того состоянія, когда аріицы, безъ усповившагося гражданскаго порядка, безъ усповившейся религіи, въ видѣ мирныхъ земледѣльцевъ-пастырей, успѣваютъ поставить себя въ благопріятное положеніе къ природѣ. Это благопріятное положеніе безпрестанно нарушается; семейное благосостояніе ищетъ для себя болѣе широкой основы, гражданскаго устройства; послѣднее вырабатывается постепенно, безъ насильства, безъ потрясеній, безъ завоеваній; въ Индіи *гои* (скотники) превращаются въ царей; на сѣверо-восточной окраинѣ Ирана возникаютъ царства, которыхъ сила проявляется не въ завоеваніяхъ, а въ претивупоставленіи отпора западнымъ завоевателямъ и восточнымъ туранскимъ хищникамъ. Заратустра приходитъ не затѣмъ, чтобы проповѣдывать новую религію, а чтобы закрѣпить постояннымъ религіознымъ кодексомъ существующій уже порядокъ. Миоѣ Египта, не успѣвшаго упрочить счастья на землѣ, безъ сообщенія людямъ истиннаго богопознанія, объясняетъ необходимость священнон обязанности, которую принялъ на себя Заратустра.

Эти мионы, возникшіе въ самой колыбели расы аріискихъ народовъ, прошли черезъ длинный рядъ вѣковъ; между тѣмъ, поколѣнія смѣнялись поколѣніями, сыновьямъ странными становились повятія отцовъ, внукамъ дѣлались они уже малопонятными, правнучкамъ непонятными. Древніе языки постепенно перерождались, значеніе именъ мионическихъ боговъ и героев затмѣвалось, чему способствовало и естественное искаженіе ихъ въ разговорномъ языкѣ. Этимъ преданіямъ, столь живучимъ, когда все ихъ породившее давно уже умерло, надобно было придать какой либо общедоступный смыслъ, изъ нихъ составили древнѣйшую басно-

словную иранскую исторію, исторію династіи Пишдадовъ (позднѣе Парадатовъ, что значитъ первосозданныкъ). Первобытные арійцы одушевили природныхъ дѣятелей и придали имъ характеръ божественный; въ понятіяхъ позднѣйшихъ иранцевъ эти природныя дѣятели преобразовались въ земныхъ царей и героевъ. Има превратился въ царя Джемшида, который царствовалъ 700 лѣтъ. Джемшидъ научилъ людей ковать, ткать, строиться, лечиться; онъ раздѣлилъ ихъ на жрецовъ, воиновъ, земледѣльцевъ и ремесленниковъ. Триста лѣтъ ни скорбь, ни смерть не проникали въ царство Джемшида, по неизмѣнное счастье сдѣлало его высокобрылымъ: онъ провозгласилъ себя богомъ. За такое нечестіе, онъ былъ побѣжденъ завоевателемъ Зогакомъ (Азгхи-дахакъ=зміи-губитель) и погибъ въ истязаніяхъ. Зогакъ въ иранскомъ мірѣ до сихъ поръ служитъ олицетвореніемъ тиранніи и жестокости. Къ плечамъ его приросли двѣ зміи, которыя питались мозгомъ прикосимыхъ имъ ежедневно въ жертву людей. Отъ этого царя чудовища освободилъ страпу свою юный Феридунъ сынъ Айтипа (Трастаона сынъ Атби, воздушный богъ, побѣдитель зміи *азгхи*=громовой тучи). Далѣе въ исторіи Пишдадовъ играетъ первенствующую роль потомство мудраго царедворца Сама (Самъ=успокоитель, отецъ Тхриты). Мы считаемъ излишнимъ продолжать таковыя сближенія; сказаннаго достаточно для убѣжденія въ томъ, что вся исторія первой иранской династіи есть не что иное, какъ произвольная передѣлка древнѣйшихъ обще-арійскихъ мифовъ, сдѣлавшихся неполитичными иранцамъ. Можно считать, конечно, съ большою степенью вѣроятія, эти мифы за коренное достояніе всѣхъ арійскихъ народовъ и въ этомъ отношеніи заслуживаютъ они величайшаго вниманія; по каждый народъ имѣетъ возможность передѣлывать ихъ впоследствии времени самостоятельно. Если же гдѣ, не на иранской почвѣ, встрѣчаемъ мы иранскую передѣлку, тамъ очевидно обпаруживаетъ она позднѣйшее заимствованіе чуждаго родовому наслѣдству преданій. Если въ какой

либо не иранской исторіи встрѣтимъ мы Зогака или Феридуна, то это послужитъ доказательствомъ, что историкъ или лѣтописецъ пользовался иранскими источниками, за неимѣніемъ туземныхъ или, быть можетъ, за неумѣніемъ разобрать таковыя.

Все вынесказанное, какъ мы полагаемъ, не позволеть сомнѣваться, что арійское народонаселеніе Индустапа и Иранскаго плоскогорья разошлось изъ одного общаго центра. Выраженію «общій центръ», конечно, не должно придавать тѣснаго или опредѣлительнаго значенія; за общую родину всѣхъ арійцевъ мы можемъ принимать обширную горную полосу, тянущуюся къ сѣверу отъ Гинду-ку, по обѣ стороны Болуръ-дага (Шмауса), откуда берутъ начало свое Оксусъ (Аму-Дарья) и Яксартесъ (Сыръ-Дарья). Быть можетъ эта страна первобытныхъ арійцевъ, Айрія-но-Васдже, тянулась еще гораздо далѣе на сѣверо-востокъ, въ землю занимаемую нынѣ Большою Киргизскою Ордою, между озерами Балхашъ и Иссыкъ-куль. Во всякомъ случаѣ, расселеніе арійцевъ вдоль сѣверной окраины Иранскаго плоскогорья происходило по направленію отъ востока къ западу. Судя по нравственнымъ качествамъ ихъ, столь ясно отражающимся въ ихъ мѣстахъ, расселеніе происходило мирно, безъ завоеваній, безъ потрясеній. Первые выходы подавались постепенно къ западу, уступая ровному, спокойному напору множившагося народонаселенія, искавшаго себѣ простора. Такое мирное расселеніе находится обыкновенно въ тѣсной зависимости отъ условій мѣстности. Человѣкъ, конечно, можетъ жить во всѣхъ странахъ, во всѣхъ климатахъ, но въ каждой странѣ его привычки, его образъ жизни должны быть приурочены къ мѣстнымъ физическимъ условіямъ. Рѣзкіе переходы отъ однихъ привычекъ къ другимъ, отъ одного образа жизни къ другому, всегда отзываются болѣзненно; къ таковымъ рѣзкимъ переходамъ человѣкъ чувствуетъ непреодолимое отвращеніе. Въ каждой странѣ акклиматизированіе пришельцевъ требуетъ много времени и тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе подготовлено оно

предшествовавшими малочувствительными переходами. При этомъ воспоминаніе о прошедшемъ такъ дорого человѣку, что будущее не можетъ казаться ему привлекательнымъ, если ничѣмъ не связано съ прошедшимъ, если не составляетъ продолженія его, быть можетъ исправленнаго, усовершенствованнаго, но всетаки продолженія. Съ новой страной тѣмъ болѣе мы свыкаемся, чѣмъ болѣе напоминаетъ она намъ покинутую родину, чѣмъ легче представляется видѣ ея продолженія: тогда намъ кажется, что мы все еще дома. Люди охотнѣе селятся вдоль одной и той же рѣки, вдоль долины, гдѣ родились они, гдѣ жили отцы ихъ. Съ гребня окраины, въ противоположную сторону, открывается уже горизонтъ чуждый, непривычный. Таковыя впечатлѣнія, конечно, особенно сильно дѣйствуютъ на младенчествующіе народы, живо сочувствующіе природѣ и тѣсно подчиненные ея условіямъ. Только искусственно возбужденный взрывъ фанатизма или хищничества можетъ заставить ихъ отклониться отъ путей, начертанныхъ природой для ихъ переселеній. Но таковыя случайности, какъ по всему можно заключить, не смущали спокойнаго движенія иранскихъ арійцевъ отъ востока къ западу, отъ Аракса (Яксарта) восточнаго, туранскаго до Аракса армянскаго.

Отсюда видно, что направленія горныхъ хребтовъ и направленія рѣчныхъ долинъ должны были производить господствующее вліяніе на направленія расселенія младенчествующаго человѣчества. Очевидно также, что на судьбу и на дальнѣйшее развитіе расселяющагося человѣчества должно было оказывать рѣшительное вліяніе направленіе, принятое естественною путеводною линіей расселенія. Если линія эта тянется отъ сѣвера къ югу или наоборотъ, т. е. вообще по меридіанальному направленію, то она должна переходить черезъ различныя зоны, черезъ всѣ разнообразія климатовъ холоднаго, умѣреннаго и жаркаго, черезъ всѣ разнообразія распредѣленія дня и ночи. При таковыхъ условіяхъ переселенцы почти на каждомъ шагѣ подчиняются новымъ усло-

пнямъ жизни, акклиматизированіе представляетъ трудно-преодолимыя препятствія и тѣмъ труднѣйшія, чѣмъ на низшей степени культуры стоятъ переселенцы. Это обстоятельство должно весьма значительно замедлять ходъ расселенія. Но если, не смотря на то, мы предположимъ, что таковая линія, проходящая черезъ всё разнообразіе климатовъ, заселилась одною и тою же расою, то во всякомъ случаѣ единство расы утрачивается, внутренняя связь ея разрушается и разъединенно развивающіяся силы, безъ взаимной поддержки, подвергаются преждевременному упадку. Убѣдительный примѣръ въ томъ представляютъ собою индійскіе арійцы, которыхъ расселеніе провело отъ холоднаго Бадахшана и Кабула до жаркаго Бенгала: развитіе индусовъ получило черезъ это слишкомъ одинокій, оторванный характеръ, они сдѣлались чуждыми міровой дѣятельности, чуждыми своимъ арійскимъ братьямъ; брахманизмъ не могъ никогда утвердиться ни въ Кабулѣ, ни даже въ Пешджабѣ. Повторимъ еще разъ, что, конечно, человѣкъ можетъ жить во всѣхъ климатахъ и при всякихъ условіяхъ физическихъ; но такую космополитическую способность пріобрѣтаетъ онъ лишь пахотясь на весьма высокой ступени культуры, какъ напр. пышнѣйшій европеецъ, стоящій во главѣ просвѣщенія. Для младенчествуящаго человѣчества климатическое разъединеніе влечетъ за собою разъединеніе развитія, разорванность, общую слабость, безпомощность.

Эти общія разсужденія открываютъ передъ вами характеристическія особенности, представляемыя линіей расселенія, тянущейся вдоль сѣверной окраины Иранскаго плоскогорія отъ верховьевъ Оксуса къ Закавказью. Линія эта тянется почти прямо отъ востока къ западу подъ параллелими умѣреннаго климата 36—40° с. ш. Расселился по ней, арійцы дѣйствительно какъ бы не покидали своего отечества, они только шли далѣе и далѣе по продолженію его къ западу. Мы выше сказали, что полоса эта есть полоса рѣзкихъ противоположностей, но противоположностей

встрѣчающихся постоянно, однообразно, какъ день и ночь: съ таковыми условіями человѣкъ легко можетъ свыкнуться. Эти противуположности выражаются жизнью кочевой и жизнью осѣдой, скотоводствомъ и земледѣліемъ. Чтобы расселеніе могло производиться постоянно, спокойно, безъ потрясеній, безъ вѣдьянаго насильства, необходимо, чтобы расселяющееся племя вело кочевую жизнь. Таковой примѣръ кочевой жизни, сопряженной съ расселеніемъ по одному постоянному направленію, находимъ мы въ исторіи праотцевъ еврейскаго народа, которые въ теченіи многихъ вѣковъ постепенно подвигались отъ озера Вана къ Ханаану, и въ теченіи этого длиннаго періода времени перешли не болѣе какъ около 1200 верстъ. Но праотцы Авраама и первые еврейскіе патриархи вели чисто-кочевую жизнь: нѣтъ никакихъ признаковъ, чтобы они занимались земледѣліемъ. Аріицевъ никогда не застаемъ мы въ таковомъ чисто-кочевомъ состояніи; въ самыхъ разединенныхъ аріискихъ языкахъ встрѣчается общее слово для сѣмага хлѣба, хотя слово это у различныхъ народовъ служитъ для обозначенія различнаго рода хлѣба: *ява* (санскр.) жито, *яван* (литов.) рожь, *авена* (лат.) овесъ, *gav* (перс.) *Навер*, *Нафер* ¹⁾. Такое общеприиское слово для обозначенія хлѣбныхъ породъ встрѣчается только одно, изъ чего можно заключить, что, при началѣ расселенія аріицевъ, земледѣліе существовало въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ. Глаголь *пахать* выражается однимъ словомъ у европейскихъ аріицевъ и другимъ у азіатскихъ: *ароув*, *агаге*, *агап* (др.-герм.), *орати*, *ar-ti* литов.; и *криш* санскр., *переш* Zend. Между тѣмъ, имена большей части домашнихъ животныхъ сходны во всѣхъ аріискихъ языкахъ. Земледѣліе, въ видѣ второстепеннаго занятія, совмѣстно съ кочевой жизнью. При малочисленности первоначальнаго народонаселенія и при ограниченности посѣвовъ, легко было находить удобную землю; обработка ея не требовала

1) *Lassen: Indische Alterthumsk.*, I, 247, 531, 514.

ни больших трудовъ, ни много времени, человекъ не привязывался къ своему полю и безъ сожалѣнія покидалъ его въ увѣренности скоро прійскать новое, по близости новыхъ пастбищныхъ мѣстъ. Такимъ образомъ арійцы, перекочевывая къ западу, не теряли совершенно привычки къ земледѣлю, вынесенной ими изъ первоначальной родины.

Весьма естественно также предположить, что при этомъ спокойномъ, ничѣмъ невозмущаемомъ движеніи потока арійской расы къ западу, одна волна не обгоняла другой; поколѣнія, послѣдшіе вышедшія изъ средней Азіи, не прорѣзывали тѣхъ, которыя вышли прежде, не опережали ихъ, такъ что вообще можемъ мы заключить, что, чѣмъ далѣе къ западу исторія застаётъ арійское народонаселеніе, тѣмъ ранѣе выступило оно въ путь. Отсюда очевидно, что чѣмъ далѣе вглубь обще-арійской жизни можетъ проникнуть наше знаніе, тѣмъ болѣе данныхъ приобретаемъ мы для составленія понятія объ удалившихся къ западу арійцахъ. Зендавеста возникла на восточной окопечности сѣверной окраины Иранскаго плоскогорья и возникла среди народа осѣдлаго, соединеннаго въ твердое политическое общество; требовалось много времени, чтобы оно могло закрѣпить въ той формѣ, въ которой представляетъ намъ его Зендавеста. Такое общество, само собою разумѣется, обладаетъ уже значительною степенью непроницаемости, оно должно было загородить собою путь къ западу для дальнѣйшаго прилива переселенцевъ съ востока. Но въ то же время, ставъ на точку зрѣнія Зендавесты и отсюда бросивъ взглядъ къ западу, мы находимъ арійскую расу расселившуюся уже такъ далеко, какъ только можетъ проникнуть взоръ нашъ. Отсюда видно, что все это арійское народонаселеніе, западное въ отношеніи къ Бактріи, совершило свое передвиженіе въ то время, когда на берегахъ Оксуса не возникъ еще порядокъ вещей, который Заратустра надѣялся завершить своимъ ученіемъ. Итакъ не въ ученіи Зороастровомъ должны мы искать объясненія жизни западныхъ

арійцевъ, которые были чужды ему или породнились съ нимъ только въ позднѣйшія времена; такія объясненія кроются въ тѣхъ коренныхъ арійскихъ преданіяхъ, которые тускло отсвѣчиваются въ Зендавестѣ и гораздо яснѣе въ древнѣйшихъ Ведахъ: золотой вѣкъ Имы, пантеизмъ вмѣсто религіознаго кодекса, личная свобода каждаго, отсутствіе гражданскаго порядка, охраняемое врожденнымъ чувствомъ нравственности отъ бѣдствій анархіи, удаленіе отъ хищническаго духа завоеваній, склонность къ мирнымъ занятіямъ, высоко-развитая семейная жизнь.

Легко также догадаться, что *застой* въ ровномъ, непрерывномъ и спокойномъ расселеніи арійцевъ долженъ былъ первоначально возникнуть на западѣ. Мидійскимъ перешейкомъ (между Каспійскимъ моремъ и Персидскимъ заливомъ) оканчивается великій, однообразный въ постоянномъ разнообразіи своемъ, типъ рельефа земной поверхности, называемый Иранскимъ плоскогоріемъ. Далѣе типъ этотъ разнообразится, дробится на множество отдѣльныхъ типовъ, которые, усложняя вліяніе природы на человѣка, умножаютъ формы проявленій народностей. За предѣлами Мидійскаго перешейка арійцы подчиняются новымъ условіямъ жизни, несходнымъ съ тѣми, которые сопутствовали имъ въ долгомъ ихъ странствованіи отъ предѣловъ первоначальной ихъ родины, отъ мионической блаженной страны Айріано-Ваеджо. Здѣсь, на Мидійскомъ перешейкѣ, сталкиваются они съ чуждыми имъ расами, съ симитской и съ кушитской. Это столкновеніе не могло не быть враждебнымъ. Мирные пастыри, свободно-мыслящіе пантеисты, чуждые всякихъ узъ религіозныхъ и политическихъ, очутились лицомъ къ лицу съ симито-кушитами, торговцами, завоевателями, горожанами, изувѣрами, пропитанными гнилью дарно уже умершаго просвѣщенія, котораго здоровое развитіе, если только оно когда либо было, скрыто отъ насъ въ глуби вѣковъ и которое, во всякомъ случаѣ, основано было на началахъ, несвойственныхъ коренному духовному арійскому міру. Когда началось это столкновеніе

не арийцевъ съ симиито-кушитами, какъ происходило оно, намъ неизвѣстно. Въ сумракѣ вѣковъ мерцаетъ передъ нами одинъ изъ эпизодовъ этого столкновенія, который мы не можемъ не считать однако однимъ изъ относительно-позднѣйшихъ. Библия повѣствуетъ намъ о послѣднемъ переселеніи симитскаго племени съ западной окраины Иранскаго плоскогорія на равнины Месопотаміи и Сирии, гдѣ уже находитъ оно неизвѣстно когда, но задолго ранѣе, переселившихся симитовъ, успѣвшихъ сѣеиться съ кушитскою культурою: это есть переселеніе Авраама и предковъ его изъ Арфаксада въ Ханаанъ. Быть можетъ переселеніе это произошло отчасти влѣдствіе напора арийцевъ съ востока. Во всякомъ случаѣ находимъ мы, что на симитовъ, жившихъ около Мертваго моря, нападаютъ соединенными силами цари и порабащаютъ ихъ; плѣнвию отъ нашельцевъ подвергается и племянникъ Авраамовъ Лотъ, жившій въ Содомѣ; Авраамъ вооруженною рукою выручаетъ его изъ бѣды. Имена этихъ царей-нашельцевъ сохранила для насъ библия: имена эти суть несомнѣнно-арійскія ¹⁾. Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ арийцевъ, уже за 2000 лѣтъ въ борьбѣ съ симитами въ западной Азіи, и все заставляетъ насъ думать, что борьба эта началась еще гораздо ранѣе. Итакъ, за несомнѣнный хронологическій выводъ можно принять, что застой или, по крайней мѣрѣ, нарушеніе спокойнаго и мирнаго расселенія арийцевъ въ западу, возникло ранѣе еще, чѣмъ за 2000 лѣтъ до Р. X. Но, если въ эту эпоху уже мы находимъ арийцевъ въ окрестностяхъ Мертваго моря, то необходимо допустить, что Закавказья достигли они еще многими вѣками прежде. Въ глубочайшей древности театръ положительной исторіи ограничивается Египтомъ и Тигро-Евфратскою равниною; Закавказье в, въ особенности, Армянское плоскогоріе, составляютъ для переселяющихся народовъ крайнее

1) *Kuntze* въ *Mémoires de l'Académie des sciences de St.-Petersbourg* 1852, t. I, 5-me livr. 611.—630.

преддверіе исторической почвы. Немудрено, что Кавказ вообще почитаемъ былъ за колыбель исторіи.

Столкновение передовыхъ арійцевъ съ симито-кушитами, конечно, не могло не измѣнить условій переселенія по протяженію цѣлой длинной полосы земли отъ верховьевъ Оксуса и Яксарта до самаго Закавказья. Въ теченіи должны были образоваться водовороты, застои. Съ постановкой въ свободѣ переселеніи, осѣдлая жизнь пачала развиваться на счетъ кочевой, земледѣліе на счетъ скотоводства; земли, которую, въ продолженіи золотого вѣка Імъ, люди пользовались также свободно, какъ водою изъ рѣки, земли сдѣлалась собственностью отстаиваемою, сепариваемою. Само собою разумѣется, что этотъ антагонизмъ между жизнью осѣдлой и кочевой преимущественно долженъ былъ проявиться на восточной оконечности сѣверной окраины плоскогорія, куда постоянно силится хлынуть потокъ кочевыхъ племенъ изъ сердца Азіи. Здѣсь осѣдность должна была возложить на себя броню гражданскаго, искусственно-созданнаго, порядка, укрыть себя эгидой монархической власти; такъ установился порядокъ вещей, по видимому чуждый первоначальнымъ арійцамъ, не знавшимъ ни крови, благородной по преимуществу, ни верховной власти, исходящей изъ мистическихъ, неземныхъ началъ. Возникло на берегахъ Оксуса сильное Бактрійское царство, первое изъ исторически-извѣстныхъ намъ, чисто-арійскихъ царствъ. Для исторіи этого царства имѣемъ мы лишь одну правдоподобную хронологическую цифру, опредѣляющую эпоху паденія его подъ ударами пришедшаго съ запада завоевателя Нина, что случилось въ XIII в. до Р. X. Какъ мы скажемъ выше, обстоятельства, подавшія поводъ къ развитію такого порядка вещей на берегахъ Оксуса, по всей вѣроятности заключаются въ столкновеніи иранскихъ арійцевъ съ симито-кушитами, каковое столкновение возникло, по крайней мѣрѣ, за двадцать вѣковъ до Р. X. Итакъ мы можемъ приблизительно положить, что въ теченіе этихъ, почти недоступныхъ для взора исторіи, семи

вѣковъ, болѣе или менѣе успѣшно, болѣе или менѣе быстро, развивалась гражданственность, совершался переходъ отъ семейной жизни къ общественной между иранскими арійцами, на всемъ протяженіи сѣверной окраины Иранскаго плоскогорія отъ верховьевъ Оксуса до Закавказья.

Во всякомъ случаѣ, въ этой области историческихъ гаданій, мы ясно усматриваемъ одно лишь прочно-устроенное политическое тѣло: это есть царство Бактрійское, возникшее на восточной оконечности сѣверной окраины Иранскаго плоскогорія за много вѣковъ до Заратустры, т. е. гораздо ранѣе XIII в. до Р. Х. То, что мы знаемъ изъ Авесты объ этомъ царствѣ и то, что дошло до насъ въ видѣ Шахъ-Наме Фердоуси отъ древнѣйшихъ народныхъ иранскихъ преданій, обнаруживаетъ, что внѣшняя дѣятельность Бактрійскихъ царей сосредоточивалась въ кровавой, вѣковой, неумолимой борьбѣ съ *Тураномъ*. Борьба эта возникла по минованіи золотого вѣка Гимы. Въ Зендавестѣ разсказывается о царѣ Хусравѣ (послушномъ), воюющемъ съ змеемъ—губителемъ Фрагаршей Туранскимъ. Далѣе Заратустра испрашиваетъ помощь небесную противъ Арджатаспа—зломыслящаго, врага Кава Вистаспа и готовящагося опустошить страну Иранскую. Въ Шахъ-Наме говорится о царѣ туранскомъ Афразіабѣ (Фрагарисѣ), поработившемъ Иранъ и побѣжденномъ героемъ Рустамомъ; потомъ, повѣствуется, что царь туранскій Арджаспъ (Арджатаспъ) пошелъ войною на царя иранскаго Гуштаспа (Вистаспу) за то, что послѣдній принялъ ненавистное для Турана ученіе Заратустры; Арджаспъ побѣжденъ, наконецъ, сыномъ царя иранскаго, Исфендіаромъ, которому Заратустра помогала своими чарами. Замѣчательно, что Рустамъ, герой Ирана, донинѣ живущій въ народныхъ преданіяхъ, побѣдитель Афразіаба и современникъ Заратустры, преиждень молчаіемъ въ Зендавестѣ. Повидимому, Рустамъ не хотѣлъ принять ученія Заратустры; онъ даже отложился отъ царя Бактрійскаго, сдѣлался независимымъ въ Седжеставѣ (Саке-

статье) ¹⁾, части Афганистана вокруг озера Заре, и умертвил на поединкѣ Исфендіара, за что вскорѣ и самъ погибъ плачевою смертію. Такъ рассказываетъ объ этомъ Фердоуси.

Эти распри между Ираномъ и Тураномъ не были временными, случайными; въ сознаніи народномъ существуетъ вѣковой, непримиримый антагонизмъ между Ираномъ и Тураномъ. Это понятіе выразилось въ Иранскомъ преданіи, которое рассказываетъ Фердоуси. Фридушъ (Трастаона), побѣдитель жестокаго Зогака (Азгхи) и повелитель всей вселенной имѣлъ трехъ сыновей: Селема, Тура и Преджа, между ними раздѣлилъ отъ землю: Селему далъ западъ, Туру востокъ, середина земли отъ Оксуса до Евфрата, свѣтлый Иранъ, достался Преджу. Это раздѣленіе земли на востокъ, середину и западъ напоминаетъ симитское раздѣленіе рода человѣческаго на сѣверъ, середину и югъ между Тафетомъ, Симомъ и Хамомъ. Въ глазахъ иранцевъ расселеніе народовъ шло по направленію отъ востока къ западу, отъ восточнаго Аіріано-Ваяджо къ западному Понтійскому Кавказу; въ глазахъ симитовъ такое расселеніе шло отъ сѣвера къ югу, отъ Понтійскаго Кавказа, отъ высокой страны Араратской, запытой потомствомъ Тафетовымъ, черезъ среднюю полосу, занятую потомствомъ Симовымъ, въ жаркую полосу Ефіопскую, занятую потомствомъ Хамовымъ. Селемъ и Туръ были нечистой крови, происходили по матери отъ окаяннаго Зогака, Преджъ былъ сыномъ дочери Ирана Ирандохтѣ. Преджъ, прекрасный и вроткій, погибъ отъ рукъ старшихъ братьевъ своихъ. Иранская поэзія истощила все могущество свое, чтобы возбудить участіе къ умерщвленному Преджу; обратную сторону этого участія составляетъ изступленное ожесточеніе противъ Селема и Тура. Подобнымъ образомъ воспоминаніе о гибели сыновей Гуссейна непрестанно разжигаетъ ненависть нійитовъ къ суннитамъ. Такъ, наконецъ, въ допотопномъ сказаніи

1) *Ritter's Erdkunde*, VIII, 183.

объ умерщвленіи кроткаго «пастыря овецъ» Авеля братомъ его «дѣлательемъ земли» Каиномъ отразилась ненависть кочевыхъ «пастырей овецъ» евреевъ къ осѣдлымъ земледѣльцамъ Хана-неимъ.

Эта вѣковая пародная ненависть производится не случайными событіями; зародышъ ея обыкновенно лежитъ гораздо глубже, въ разнообразіи и перѣдко въ противоположности условій строевія и положенія великихъ типовъ земной поверхности. Эти противоположности представляются для простой впечатлительности въ видѣ взаимно-враждебныхъ; эти же самыя противоположности, для мышленія, оплодотвореннаго опытомъ и наукою, представляютъ тѣсно-союзными, взаимно-пополняющимися, такъ какъ лѣвая сторона пополняетъ правую, ночь депь, зима лѣто. Въ этихъ коренныхъ противоположностяхъ физическихъ условій строевія земной поверхности должно искать объясненія вѣковаго антагонизма между Ираномъ и Тураномъ, антагонизма, выразившагося наглядно въглуби Средней Азіи, на Оксусѣ и Яксартѣ, по обозначившагося непрерывной, хотя и легко ускользающей отъ невнимательнаго взгляда, чертой на великое разстояніе отъ Средней Азіи по направленію къ сѣверо-западу.

Происхожденіе названія Туранъ до сихъ поръ не объяснено; обыкновенно толкуютъ его въ значеніи чернаго, темнаго, враждебнаго, противоположнаго свѣтлому, призрачному Ирану. Очертить Туранъ опредѣлительными географическими границами нельзя, и всякая попытка въ этомъ родѣ ведетъ къ искаженному пониманію названія. Въ понятіяхъ иранскихъ арійцевъ Турану придаемъ былъ такой же неопредѣленный смыслъ, каковой придаемъ былъ въ понятіяхъ грековъ Скиоіи, Ефіопіи или Ливіи, въ понятіяхъ евреевъ землѣ Араратской, каковой дается нашими простолюдинами землѣ заморской, нѣмечинѣ или басурманщинѣ. Даже рубежа между Ираномъ и Тураномъ опредѣлить нельзя, за таковой рубежъ часто принимаемъ былъ Оксусъ, по Согдіана,

Сугда Зендавесты, второе благословенное мѣсто, созданное Ахура-Маздой, хотя и лежитъ по правую сторону Оксуса, но не должно быть причисляемо къ Турану.

Мы уже часто говорили о сѣверной окраинѣ иранскаго плоскогорія, постараемся дать о ея физическихъ свойствахъ нѣсколько болѣе отчетливое понятіе.

Чтобы необъятное для чувствъ нашихъ пространство земной поверхности сдѣлать доступнымъ пониманію и памяти, умъ чело-вѣческой силится отыскать естественныя раздѣленія ея, такіа раздѣленія, изъ которыхъ каждое заключало бы въ себѣ особый типъ, отличный физическими свойствами своими отъ сосѣднихъ, прилежащихъ къ нему. Таковое раздѣленіе, само собою разумѣется, не должно зависеть ни отъ случайности, ни отъ самопроизвола; оно должно быть обозначено чертами, проведенными самой природою. Политика можетъ нарушать таковыя естественныя раздѣленія, но исторія доказываетъ, что таковыя нарушенія никогда не обходятся безнаказанно. Выразимъ мысль нашу яснѣе: нельзя оспаривать, что физическія свойства страны оказываютъ вліяніе на образъ жизни, на направленіе дѣятельности, матеріальной и духовной, на историческое развитіе, или быть можетъ, на неподвижность обитателей. Если какая либо однородная раса подпадаетъ одной таковой категоріи физическихъ условий, то изъ нея образуется отдѣльный народъ, недѣлимый или котораго дѣлится нельзя, не взувѣчивъ его, не совершивъ тяжкаго преступленія противъ всего челоуѣчества. Если даже нѣсколько особыхъ расъ подпадутъ одинакому вліянію физическихъ условий, то, въ теченіи нѣсколькихъ, разнородныя духовныя пачала, подчиняясь однороднымъ вѣдшимъ физическимъ вліяніямъ, приходятъ въ равновѣсіе, образуютъ амальгаму единообразную, не смотря на разнообразіе пачалъ. Отсюда видно, что дѣлится совокупность земной поверхности на отдѣльныя страны всего разумнѣе можно, соображаясь съ измѣненіями физическихъ вліяній на челоуѣка. Дѣло заключается

въ томъ, чтобы подмѣтить черты, проведенныя самой природой на земной поверхности и обозначающія таковыя измѣненія. За межевыя черты обыкновенно принимаемы были тѣ, которыя свойствами своими наиболѣе привлекаютъ вниманіе, какъ напр. большія рѣки. Но рѣки нисколько не могутъ разнообразить физическихъ условій береговъ своихъ; если это изрѣдка и случается, какъ напр. на берегахъ Инда, то таковое разнообразіе произведено не рѣкою. Гораздо ословательнѣе, казалось бы, принимать за естественныя рубежи высокіе горныя хребты, но перѣдко все влияніе ихъ на людей ограничивается тѣмъ, что они въ большей или меньшей степени затрудняютъ международныя сношенія: во всякомъ случаѣ эти затрудненія преодолеваются людьми съ теченіемъ времени и вмѣстѣ съ тѣмъ сглаживается влияніе горныхъ хребтовъ на судьбу рода человеческого. Иногда длинныя горныя хребты спускаются по обѣ стороны равномѣрно или аналогически въ одинаковыя или еродныя, расположенныя по обѣимъ сторонамъ низменности, которыя въ отношеніи другъ къ другу не представляютъ разнообразія физическихъ свойствъ; если горный хребетъ въ таковомъ случаѣ тянется по меридиональному направленію и если, притомъ, онъ удобо-проходимъ, то онъ вовсе не можетъ служить естественнымъ рубежомъ типовъ земной поверхности. Такъ напр. Уральскій хребетъ, который условно принимается за рубежь между двумя частями свѣта, въ сущности не обозначаетъ никакого раздѣленія земной поверхности, которая представляетъ совершенно одинаковыя условія по обѣ стороны его: даже искусственно-созданное раздѣленіе на губерніи не подчиняется влиянію Урала, такъ напр. Пермская губернія распространяется по обѣ стороны его, слѣдовательно, лежитъ въ двухъ частяхъ свѣта. Распредѣленіе теплоты и свѣта, имѣющее первенствующее влияніе на условія жизни, зависитъ отъ широты мѣста и измѣняется собственно съ каждымъ шагомъ, приближающимъ къ экватору или къ одному изъ полюсовъ, по таковое измѣненіе, если принимать

въ соображеніе только широту, происходитъ печувствительными переходами, безъ перерывовъ, безъ замѣтныхъ рубежей. Математическое раздѣленіе земной поверхности параллельными экватору кругами, арктическимъ, антарктическимъ, тропическими, раздѣленіе ея на поясы холодный, умѣренный и жаркій, даетъ намъ искусственную, опредѣленную мѣру для того, что само по себѣ неизмѣримо, такъ какъ дѣйствительное очертаніе разнообразныхъ типовъ, составляющихъ земную поверхность, не представляетъ собою ни математическихъ, очерченныхъ прямыми линиями, фигуръ или геометрически устроенныхъ пространствъ, ни рядовъ прямыхъ линій, ни точекъ ¹⁾. Въ сущности, раздѣленія земной поверхности параллельными экватору кругами показываютъ *опредѣлительно* лишь измѣненія распредѣленій свѣта, слѣдовательно, лишь одинъ изъ элементовъ, обуславливающихъ жизнь человѣка на землѣ.

Но теплота, притокъ жизненнаго начала для всего живущаго на землѣ, обуславливается, кромѣ широты, разстояніемъ каждаго пункта отъ центра земнаго шара или, проще сказать, высотой каждаго пункта надъ уровнемъ океана, который можемъ мы принимать за однообразный. Измѣненія таковой высоты вообще ничтожны въ сравненіи съ радіусомъ земнаго шара. Высочайшая гора на землѣ, Эверестъ (на Гималайскомъ хребтѣ) имѣетъ 29000 футовъ надъ уровнемъ океана, но эта высота въ отношеніи къ радіусу земли представляется въ содержаніи, какъ 6:4000. Такъ вые исполины земледанія сильно приковываютъ къ себѣ вниманіе человѣка, но на условія жизни его не оказываютъ никакого вліянія. Такъ человѣкъ любитъ звѣздами и еще думаетъ найти въ нихъ таинственное соотношеніе съ своей судьбою! Если мы ограничимся оболочкой земнаго шара, въ которой живутъ всѣ органическія существа, т. е. оболочкой, заключающейся между дномъ

1) Землеуѣдніе Азии *Риттера*, пер. П. Семенова, часть 1, стр. 139 и 140.

океана и предѣлами вѣчныхъ снѣговъ, то разности разстояній каждой точки отъ уровня океана должны намъ представиться еще болѣе ничтожными. Но для условій жизни эти разности такъ важны ¹⁾, „что возвышеніи уровня, напримѣръ, на 350 футовъ, „что составляетъ только высоту многихъ изъ нашихъ публичныхъ „зданій, достаточно, чтобы понизить среднюю температуру того „мѣста почти на цѣлый градусъ стоградуснаго термометра; т. е. „это произвело бы такое же точно дѣйствіе, какъ если бы цѣлая „страна была перенесена на шестьдесятъ миль ближе къ полюсу. „Нѣсколько тысячъ футовъ высоты, что составляетъ сущую бездѣ- „лицу въ сравненіи съ массой земнаго шара—совершенно из- „мѣняютъ видъ и характеръ страны. Богатые виноградники, по- „крывающіе берега швейцарскихъ озеръ, не могли бы вовсе су- „ществовать на 1000 или даже на 500 футовъ выше настоящаго „ихъ положенія. Хлѣбопашество и другія занятія жителей прини- „маютъ на этомъ слабомъ возвышеніи уже совершенно иной ха- „рактеръ. Еще тысячу футовъ выше,—и суровость климата не „допускаетъ уже произрастанія фруктовыхъ деревьевъ; остаются „только пастбища, какъ единственное богатство горнаго жителя, „потому что хлѣбопашество уже перестаетъ быть средствомъ его „жизни. Еще немного выше,—и растительность, а съ нею вмѣстѣ и „животныи уже исчезаютъ; и вскорѣ, вмѣсто очаровательныхъ ви- „довъ долинъ, является зрѣлище величественныхъ, но пустынныхъ „странъ вѣчнаго льда и снѣга, гдѣ говоръ и дѣятельность жизни „уступаютъ мѣсто безмолвію мертвой природы“.

Эти общія разсужденія даютъ намъ средство убѣдиться въ томъ, что сопредѣльные Иранъ и Туранъ составляютъ два совершенно несходные типа земной поверхности. Противуположными признали ихъ безсознательно народы, чуждые положительной науки; справедливость такого сознанія удостоивърила положитель-

1) А. Гюйо: Земля и человекъ, русскій переводъ. (Сиб. 1858), стр. 23.

пая наука своими изслѣдованіями. Мы выше говорили о весьма значительномъ возвышеніи нѣкоторыхъ пунктовъ Иранскаго плоскогорія надъ уровнемъ океана; мы свазали также, что уровень плоскогорія не держится на неизмѣнной высотѣ, а вообще падаетъ отъ окраинъ въ внутренности. Самыя низменныя точки должно искать въ окрестностяхъ озера Царе, въ Афганистанѣ, куда текутъ значительнѣйшія рѣки, ниспадающія съ окраины внутрь плоскогорія. Но и высота этихъ немногихъ низменныхъ точекъ не менѣе 2100 футовъ. Среднюю высоту всего Иранскаго плоскогорія нельзя положить менѣе, какъ въ 3500 футовъ надъ поверхностью океана. Ныпѣшняя столица Персіи, Тегеравъ, имѣетъ высоту 3762 фута; если оттуда передвинемся на сѣверъ верстъ на 100, то очутимся на берегу Каспійскаго моря, и барометръ покажетъ намъ, что уровень сего футовъ на 80 ниже уровня океана. Итавъ Тегеранъ на 3800 футовъ, т. е. слишкомъ на одну версту выше, чѣмъ Рештъ или Астерабадъ, поднять въ воздушной оболочкѣ. Мешхедъ находится почти по серединѣ сѣверной окраины Ирана и, притомъ, тамъ, гдѣ окраина эта имѣетъ наименьшую высоту: высота Мешхеда около 2690 футовъ ¹⁾. Если изъ Мешхеда направимся мы къ сѣверу, къ устью Оксуса въ Аральское море, то достигнемъ уровня, не превыщающаго футовъ 35 надъ поверхностью океана; если отъ Аральскаго моря повернемъ къ сѣверо-западу, къ р. Уралу, то опустимся уже ниже уровня океана, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже ниже уровня Каспійскаго моря (озера Камышь-Самарскія въ Оренбургской губерніи). Если будемъ продолжать движеніе по направленію къ сѣверо-западу, то замѣтимъ возвышеніе уровня; изъ отрицательнаго перейдетъ онъ въ поло-

1) Карта, приложенная къ III тому сочиненія Гумбольдта *Asie centrale*. (Paris 1843).

На этой картѣ высота Мешхеда показана въ 415 тоазовъ.

жительный, но возраставія его весьма слабы: въ Саратовѣ достигать онъ 36 ф., въ Казани 54, въ Москвѣ 330; высочайшая точка между Балтійскимъ и Каспійскимъ морями, Попова гора въ Валдайскомъ уѣздѣ имѣетъ 1080 ф., но такая высота составляетъ такое же отдѣльное явленіе на этой безконечной равнинѣ, какъ напр. Демавендъ, имѣющій до 14000 футовъ, на Иранскомъ плоскогоріи. Наконецъ, если мы проведемъ черту изъ Голландіи даже до верховьевъ Иртыша, черту, которая будетъ тянуться на 80° долготы и перескнетъ Уральскій хребетъ, то на всемъ протяженіи ея не встрѣтимъ ни одной точки, которой уровень превышалъ бы 1200 или 1300 футовъ, т. е. самыя возвышенныя точки будутъ по крайней мѣрѣ футовъ на 800 ниже дна наибольшаго внутренняго углубленія Иранскаго плоскогорія ¹⁾).

Теперь ясно видно, въ чемъ заключается естественное различіе между Ираномъ и Тураномъ. Иранъ есть *плато*, Туранъ *низменность*. Сображая то, что выше сказано было о вліяніи измѣненія уровня на условія жизни, равно какъ и великую разницу среднихъ уровней Ирана и Турана, легко можно заключить, что обитатели Ирана и обитатели Турана подчинены совершенно различнымъ внѣшнимъ вліяніямъ, что дѣятельность людская на плоскогоріи Иранскомъ несходна съ кипицею у подножія его, на необозримой низменности Туранской.

Сѣверная окраина Иранскаго плоскогорія обозначается цѣпью возвышенностей, которыя огибаютъ южный берегъ Каспійскаго моря и оттуда направляются почти прямо на востокъ, примыкая въ видѣ колоссальнаго Гинду-ку къ великому горному узлу или горному перекрестку Средней Азіи. Легко понять, что эта цѣпь возвышенностей кажется гораздо значительнѣе, если смотрѣть на нее съ низменности Турана, чѣмъ съ плоскогорія Ирана, но вообще она по протяженію своему представляетъ весьма разнооб-

1) *Humboldt: Asie centrale III, 11.*

разный характеръ. Наибольшую высоту имѣетъ она на своихъ оконечностяхъ, т. е. къ югу отъ Каспійскаго моря и близь верховьевъ Оксуса. Въ промежуткѣ т. е. въ Хорасанѣ цѣпь эта мало возвышается надъ Иранскимъ плоскогоріемъ и нерѣдко совершенно прерывается. Здѣсь плоскогоріе распадается въ низменность нѣсколькими пологими уступами, представляющими удобства для осѣдлой жизни и потому, прочно заселеными. Такимъ образомъ переходъ съ плоскогорія въ низменность обозначается не какою либо рѣзкою чертою; Иранъ постепенно переходитъ въ Туранъ; но эта легкость перехода, нисколько не примиряя противоположныхъ элементовъ обѣихъ странъ, только способствуетъ ихъ взаимному враждебному столкновению. Хорасанъ испоконъ вѣковъ служитъ театромъ таковыхъ столкновений, Хорасанъ, *мечъ Персій*, какъ называлъ его Надиръ-Шахъ; *у кого въ рукѣ мечъ этотъ, у того въ рукѣ Иранъ и Туранъ.*

Изъ всего сказаннаго выше оказывается, что, не смотря на все рѣзкое различіе физическихъ свойствъ Ирана и Турана, нельзя означать точной границы между ними. Мы сказали также, что, принявъ за отличительную примѣту Турана, отрицательный или малый уровень его надъ поверхностью океана, мы можемъ распространить таковое названіе, какъ названіе отдѣльнаго типа земной поверхности на большую часть Европы и почти на цѣлую Сибирь. Но это общее значеніе мы заключимъ въ болѣе тѣсныя предѣлы, принявъ за предѣлы Турана къ сторонѣ сѣверо-запада, т. е. къ сторонѣ Европы появленіе почвы, богатой источниками и перегноемъ (*humus*) ¹⁾, удобной для полей, луговъ, а далѣе и для лѣсовъ, начало земли хлѣбородной, благопріятствующей осѣдлой земледѣльческой жизни. Въ противоположность этой картинѣ, Туранъ представится намъ въ видѣ покрытыхъ морскимъ пескомъ, валунами, солончаками, соляными озерами, раковинами и морскими

1) Земледѣніе Азіи, *К. Риттера*, русск. пер. часть I, стр. 33.

ми продуктами, горизонтальныхъ равнинъ, безъ удобнаго для растительности землянаго слоя, безъ водныхъ источниковъ сплошнаго дерна, безъ полей и лѣсовъ, а съ почти исключительно преобладающею, характеристически одлообразною, солонцоватою, степною почвою. Посреди этихъ печальныхъ равнинъ, мѣстами встрѣчаются плодородные оазисы, которые издавна заселились и образовали собою небольшія, отдѣльныя политическія единицы, островки осѣдности посреди широкаго, вѣчно тревожнаго моря кочевой жизни. Одна лишь таковая жизнь возможна въ большей части Турана, но и для нея онъ не представляетъ большихъ удобствъ. Пастбища большею частью весьма скудны; лѣтомъ, по причинѣ чрезвычайной сухости воздуха, обусловливающей весьма сильное испареніе, высыхаютъ скудные степныя рѣчки; колодцы доставляютъ большею частью горько-соленую воду; зимою, то свирѣпствуютъ снѣжныя бури, бураны, то наступаетъ гололедица, препятствующая домашнимъ животнымъ добывать скудный кормъ изъ подъ окръпшаго снѣга, и тогда въ нѣсколько дней гибнутъ стада, съ ними гибнутъ всѣ средства пропитанія обитателей: бичъ голода и смерть страшно свирѣпствуютъ тогда въ степи. Поэтому, и въ отношеніи къ немногосложнымъ требованіямъ кочевой жизни, Туранъ далеко не можетъ считаться обѣтованной землею. Не смотря на то, изъ всѣхъ странъ, запятыхъ кочевымъ пародомъ, Туранъ представляетъ самую густую массу народонаселенія; отношеніе числа жителей къ пространству представляетъ высшую цифру, чѣмъ цифра народонаселенія сосѣднихъ странъ, болѣе благоприятствуемыхъ природой и занимаемыхъ осѣдыми обитателями, для которыхъ вообще земли требуется гораздо менѣе, чѣмъ для кочевыхъ ¹⁾. Притомъ, все заставляетъ думать, что и въ самыя отдаленныя времена Туранъ имѣлъ значительное народонаселеніе, болѣе значительное даже, чѣмъ теперь. Это замѣчатель-

1) *Humboldt: Asie Centrale*, II 127—130.

ное свойство, явно противурѣчащее тому, что мы знаемъ о невыгодныхъ физическихъ условіяхъ Турана, объясняется географическимъ положеніемъ его.

Отъ вниманія самаго поверхностнаго даже наблюдателя историческихъ явленій не можетъ ускользнуть великое вліяніе, которое имѣло Средиземное море на судьбу человѣчества. Это море породило сношенія, каковаго бы, впрочемъ, рода они ни были, между народами, рѣзко отличными между собою, какъ по происхожденію, такъ и по физическимъ условіямъ ихъ странъ. Не будь этого моря, каждый народъ развивался бы одиночно, односторонне, какъ развились китайцы; человѣчество разрознилось бы на несближаемыя единицы; общечеловѣческое развитіе, тысячами путями ведущее къ одной общей цѣли, сдѣлалось бы невозможнымъ. Таковое значеніе море это приобрѣло не однимъ лишь средиземнымъ положеніемъ своимъ, но и формою врѣзывающихся въ него полуострововъ и придаточными къ нимъ островами, которые какъ бы стелятъ мосты между тремя частями Стараго Свѣта. Не будь Средиземнаго моря, ни Египетъ, ни Финикія, ни Греція, ни Кароагепъ, ни Римъ, ни, позже еще, Итальянскія средневѣковыя республики, не разыграли бы въ исторіи человѣчества той роли, которую разыграли; человѣчество до сихъ поръ представлялось бы, или въ видѣ средне-африканскихъ политическихъ тѣлъ, или въ разрозненномъ видѣ одновременно и самостоятельно развившихся имперій Инковъ и Ацтековъ, которыя даже не знали о существованіи одна другой. Нельзя придумать, чѣмъ Провидѣніе могло бы замѣнить Средиземное море, чтобы вывести человѣчество на настоящую стезю совершенствованія.

На Туранъ можно смотрѣть, какъ на обширное, средиземное сухое море, туловище великаго Азіато-европейскаго материка. Туранская низменность, въ общихъ чертахъ своихъ допускающая одну лишь кочевую жизнь, занимаетъ среднее положеніе между великими отдѣльными типами земной поверхности, обуславливаю-

щими жизнь осѣдлую, гражданственную, совершенствующуюся въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Туранская низменность соприкасается съ уединеннымъ Индостаномъ, съ эксклюзивнымъ китаѣскимъ міромъ, съ едва начинающей просыпаться Сибирью, съ обще-человѣчески развитой Европой, съ вѣчно-колеблющимся между двумя противоположностями Ираномъ. Туранская низменность доступна со всѣхъ сторонъ, удобопроходима по всѣмъ направле-ніямъ, это есть какъ бы мѣсто стока для цѣлаго материка Стараго свѣта, это есть какъ бы *азимъ* (убѣжище), нейтральная, индиф-ферентная страна для выходцевъ со всѣхъ сторонъ свѣта. Такую же роль играютъ и нѣкоторые горныя страны, но съ тою разни-цею, что таковыя горныя страны, если разъ что приняли въ нѣдра свои, то хранить уже навѣки, между тѣмъ какъ Туранъ обладаетъ непримѣрною разсѣлающею способностью. Такъ, въ жерлѣ вулкана собираются вещества изъ глуби земли, но вулканъ не хранитъ ихъ, а раскидываетъ на всѣ стороны. Весьма есте-ственнымъ образомъ кочевая жизнь менѣе способствуетъ развитію привязанности къ мѣсту, чѣмъ жизнь осѣдлая. Привязанность къ родицѣ для кочевыхъ народовъ заключается въ привязанности къ ихъ образу жизни, обыкновенно весьма глубокой, и въ привычкѣ къ физическимъ условіямъ края. Въ однообразной степи, также какъ и посреди открытаго моря, нѣтъ предметовъ мѣстности, съ которыми бы тѣсно могъ сродниться человѣкъ, которыя бы обо-значали для него его родяну, какъ то бываетъ въ горныхъ стра-нахъ; гдѣ человѣкъ, стоя на нѣсколько шаговъ отъ роднаго крова, переходитъ уже какъ бы на чужбину. Но такого рода впечатлѣнія могутъ возникнуть и при кочевой жизни, если она вращается въ тѣсныхъ предѣлахъ, какъ напр. то было у праот-цевъ еврейскаго народа. Совсѣмъ другое въ Туранѣ. Здѣсь, по условіямъ мѣстности, каждое кочевое племя должно въ теченіе года переходить огромныя пространства, соображался съ тѣмъ, чтобы лѣтомъ стынскать мѣста, гдѣ вода еще не совсѣмъ высохла,

гдѣ кормъ не совсѣмъ еще выжженъ палящимъ солнцемъ, чтобы зимою укрыться отъ бурановъ, пріютиться тамъ, гдѣ свѣтъ менѣе глубокъ. Такимъ образомъ, кочевыя племена Турана суть самыя подвижныя изъ всѣхъ кочевыхъ племенъ. Они всегда готовы покинуть свою печальную родину, не изъ желанія измѣнить свой образъ жизни, но потому, что сопредѣльныя страны болѣе представляютъ выгодъ для кочевковъ, чѣмъ ихъ неизменность. Въ этомъ отношеніи юго-восточныя стени Европейской Россіи или богатая пастбища, разстилающіяся у сѣверной подошвы Кавказа, манятъ ихъ къ себѣ съ магнетическою силою. Страна между южною подошвою Урала и сѣвернымъ склономъ Кавказа, пересѣченная нижнею Волгою и суженная сѣверною оконечностью Каспійскаго моря, въ теченіи тысячелѣтій, служила большими воротами народныхъ миграцій изъ Азіи въ Европу ¹⁾. Но, кромѣ того, страны, подчинившіяся уже осѣдлой жизни, привлекали къ себѣ бродячія племена Турана приманкою поживы; не говоря уже о непрерывной борьбѣ Турана съ Ираномъ, есть много доказательствъ тому, что въ глубочайшую древность туранскія хищныя скотища пропикали въ самыя отдаленныя предѣлы Западной Азіи, тревожили появленіемъ своимъ дремоту Египта, по другому направленію пробирались въ Индустанъ. Зайдя далеко, иныя не возвращались уже на родину и спорадически селились въ разныхъ странахъ, постепенно подчиняясь новымъ условіямъ жизни.

Къ какой расѣ причислить туранцевъ? Очерченная нами характеристика Турана показываетъ, что народонаселеніе его могло много разъ мѣняться въ теченіе вѣковъ; нѣтъ достаточныхъ поводовъ думать, чтобы нынѣшнее народонаселеніе Арало-Каспійской низменности представляло собою прямое потомство «садниковъ-коньеносцевъ», съ которыми состязался иранскій герой Рустемъ вѣковъ за тридцать тому назадъ. Легенда о трехъ братьяхъ,

1) Землеустройство Азіи, *Риттера* русскій пер., часть I, стр. 91.

скиновьяхъ Феридуновыхъ, Селемъ, Туръ и Преджъ, чужда Зендавестъ; она очевидно позднѣйшаго происхожденія и, потому, не можетъ служить доказательствомъ одноплеменности иранцевъ и туранцевъ. Въ Зендавестъ находимъ мы одно общее коллективное названіе «туранцы»; происхожденіе названія этого до сихъ поръ не объяснено, и неизвѣстно, было ли оно дѣйствительно туземнымъ названіемъ или прозвищемъ, даннымъ сосѣдями. Последнѣе правдоподобнѣе, если вѣрить толкованію, находящему въ названіи этомъ нѣчто враждебное, злобщее, противоположное Ирану. Въ Зендавестъ встрѣчаются имена двухъ царей или вождей туранскихъ, Фрагарша и Ареджатаспа. Имена эти объясняются помощію зендскаго языка и значать: «разрушитель» и «конестажатель», быть можетъ «конокрадъ». Но таковыя названія царей, по всей вѣроятности, суть прозвища, данныя имъ врагами-иранцами.

Религія и поэзія увѣковѣчили названіе «Туранъ»; по какому бы ни было происхожденіе его, имѣть никакихъ доказательствъ тому, чтобы какая либо страна дѣйствительно такъ называема была своими обитателями, чтобы когда либо существовалъ народъ, который бы себя называлъ туранцами. Уже много вѣковъ спустя послѣ Р. Х., страна эта сдѣлалась обиталищемъ тюркскихъ племенъ и получила названіе Туркестана. Сходство между Тураномъ и Туркестаномъ очевидно, но чисто случайно, потому что въ эпоху Зендавесты тюркскія племена не появлялись еще въ Средней Азіи. Не смотря на то, сходство этихъ названій вовлекло во множество заблужденій, какъ восточныхъ писателей, такъ и европейскихъ, вскользь занимавшихся востокомъ. У Страбона ¹⁾ находимъ мы названіе Туріа (Τουρία) для одной сатрапіи за Оксусомъ: въ этомъ названіи заключается единственный положительный слѣдъ пресловутаго Турана.

Древнимъ Индусамъ жители Турана извѣстны были подъ

1) XI, 517. ed. Casaub.

общимъ именемъ саковъ, которыхъ Магабхарата ¹⁾ изображаетъ весьма воинственными и непобѣдимыми. Саки въ незапамятныя времена еще провозводили вторженія въ Пенджабъ, гдѣ имя ихъ сохранилось въ названіи города Савала (жилище саковъ) ²⁾. Выѣстъ съ саками упоминаются и тухара, многочисленное и сильное племя. Происхожденіе названія саковъ нельзя объяснить; Тухара есть санскритское слово, значущее снѣгъ, митель и холодъ ³⁾. Въ Иранѣ саки дали имя свое сатрапіи Савестану (жилище саковъ), каковое названіе въ послѣдствіи времени превратилось въ Седжистанъ, Систанъ: это есть родина героя Рустема ⁴⁾. Слѣды саковъ замѣтны въ области Армянской, Савасенѣ (въроятно, нынѣшній Елисаветпольскій уѣздъ) и еще западнѣе въ верховьяхъ Куры, въ долинѣ Чороха и даже до береговъ Архипелага. Таковая географическая разбросанность имени саковъ заставляеть думать что оно служило для означенія множества народовъ, подведенныхъ подъ одно наименованіе по поводу какой либо общей, свойственной имъ черты. Классическіе писатели вполне объясняютъ намъ эту загадку. Геродотъ ⁵⁾ говоритъ что саки суть скипы амургійскіе и что саками персы называютъ всѣхъ вообще скивовъ. Быть можетъ, специальное названіе амургійскіе находится въ связи съ рѣкою Мургъ, классическимъ Margus, рѣкою Маргіаны, которая теряется въ пескахъ Турана, не достигая Оксуса. Саки изъ числа всѣхъ туранскихъ племенъ могли быть самыми ближайшими къ иранцамъ; имя этого племени иранцы распространили на всѣ многочисленныя Туранскія племена. Примѣровъ подобнаго обобщенія частнаго названія встрѣчается множество. Замѣтимъ, притомъ, что Едризъ называетъ «Сакита»

1) VII, 11.

2) *Lassen*: Indische Alterthumsk., I, 652.

3) *Id.* I, 852.

4) *Ritter's*: Erdkunde, VIII, 94.

5) VII, § 64.

страну, лежащую между Оксусомъ и Яксартомъ ¹⁾: это названіе представляетъ какъ бы переходный звукъ отъ саковъ къ ски-тамъ, скиоамъ. Страбонъ ²⁾ говоритъ, что Яксартъ (Сыръ-Дарья) отдѣлялъ саковъ отъ согдианцевъ, изъ чего можно заключить, что саки не были ближайшимъ къ Ирану кочевымъ племенемъ. Но всѣ таковаго рода изслѣдованія не имѣютъ совершенно никакой важности; несравненно важнѣе составить себѣ ясное понятіе о томъ, какую роль играли въ древне-азіатскомъ мірѣ саки, гдѣ бы, впрочемъ, ни была первоначальная ихъ родина. Ренцель справедливо замѣчаетъ, что саки, повидимому, вели такую же воинственно-бродяжническую жизнь, какъ въ позднѣйшіе вѣка козаки, косаки; ему кажется даже, что имя саковъ вошло въ составъ имени козаковъ, косаковъ; прибавимъ къ сему, что теперь киргизы называютъ самихъ себя косаками и что это есть ихъ настоящее этническое названіе, вовсе неимѣющее отношенія къ русскимъ. Отъ Дуная до Восточнаго океана и отъ Кавказа до Медовитаго моря, при всемъ безконечномъ разнообразіи народонаселенія, разбросанно слышится названіе *казаковъ*; въ древне-азіатскомъ мірѣ, отъ Инда до Геллеспонта и отъ Египта до страны Гиперборейской, встрѣчаются саки. До сихъ поръ мы говорили о правильномъ спокойномъ расселеніи расъ: это суть напосы рѣчнаго теченія, слои, располагающіеся въ опредѣленномъ порядкѣ, подлежащемъ извѣстнымъ законамъ; посреди ихъ усматриваются разбросанно чуждыя имъ вещества, аерелиты, эрратическіе камни, которые возбуждаютъ вопросы, откуда, какимъ путемъ они сюда попали. Это суть вулканическія произведенія великаго кратера Турана, изверженія котораго тѣмъ сильнѣе дѣйствовали, тѣмъ далѣе распространяли кругъ своей дѣятельности, чѣмъ менѣе успѣла окрѣпнуть въ сосѣднихъ странахъ сдерживающая ихъ кора осѣдлости.

1) *Reincl.* The geographical system of Herodotus, 1800, p. 220.

2) XI, 514. ed. Casaub.

Мы снова обращаемся къ многозначительному сказанію Геродота, что саки были скионы и что персы всѣхъ вообще скиоовъ называли саками. Въ другомъ мѣстѣ ¹⁾ говоритъ онъ: «Каспійское море прилежитъ западною стороною къ Кавказу, а восточною къ равнинѣ безконечной и необозримой. Массагеты занимаютъ большую часть этой просторной равнины... Ихъ страна за Араксомъ (Яксартомъ) противъ исседоновъ. Нѣкоторые полагаютъ, что они также скионскій народъ... Массагеты одѣваются подобно скиоамъ и имѣютъ съ ними одинакій образъ жизни». Какъ видно, Геродотъ имѣлъ о массагетахъ неопредѣленное понятіе. Страбонъ ²⁾ пишетъ, что древніе авторы, говоря о скиоахъ, живущихъ въ востоку отъ Каспійскаго моря, называютъ однихъ изъ числа ихъ саками, а другихъ массагетами, не умѣя, впрочемъ, сказать о нихъ ничего опредѣлительнаго. Далѣе ³⁾ «большая часть скиоовъ, начиная отъ Каспійскаго моря, называются даіями. Тѣ, которые восточнѣе даіевъ, называются массагетами и саками. Прочіе извѣстны подъ общимъ наименованіемъ скиоовъ, но въ частности каждый изъ нихъ носитъ особое имя». Страбонъ, потомъ, приводитъ много такихъ именъ: азы, пазіаны, тохары, сакараулы, анарны, ксантіи, писсуры. Къ числу массагетскихъ и сакскихъ племенъ отнесены аттавіи и хорасміи. Мы не станемъ исчислять множества названій для туранскихъ племенъ, встрѣчающихся у древнихъ классическихъ писателей, въ особенности у Плинія. У Геродота на прострaпствѣ между Ураломъ и Алтаемъ находимъ мы, кромѣ саковъ и массагетовъ, аргипеевъ исседоновъ, аримасповъ. Замѣтимъ, что походъ Александра Македонскаго и существованіе Еллино-Бактрійскаго государства далеко расширили предѣлы знанія грековъ о Средней Азіи. Прежнія собирательныя названія дробятся на множество частныхъ; съ дру-

1) кн. I, §§ 189, 191, 201.

1) XI, 507, ed. Casaub.

3) XI, 511, ed. Casaub.

гой стороны самыя общія собирательныя названія „скинов“ и «Скиоія» принимаютъ все болѣе и болѣе обширныя названія. Азіятская Скиоія дѣлится на Скиоію по сю сторону Имауса (Scythia intra Imaum) и Скиоію по ту сторону Имауса (Scythia extra Imaum). Последняя вдали на востокѣ сливается съ Сери-вой. Геродотъ находился еще въ недоумѣніи, причислить ли массагетовъ къ скиоамъ или пѣтъ; таковое недоумѣніе разрѣ-шилось положительно для позднѣйшихъ классическихъ писателей.

Какъ мы видѣли, отъ великаго горнаго узла Средней Азіи одна вѣтвь народовъ откинулась къ югу, въ Индустанъ, другая къ западу, въ Иранъ. Теперь мы усматриваемъ третью великую вѣтвь народовъ, раскинувшуюся къ западу, вдоль Арало-Каспій-ской низменности, по сѣверную сторону Каспія, Кавказа, отъ морей Азовскаго и Чернаго до самаго Дуная. Къ востоку ея раз-вѣтвленія достигли верхняго Иртыша и Китайскаго Туркестана. Въ началѣ развѣтвленія своего, народы эти соприкасаются съ осѣдлымъ азіатскимъ міромъ и соприкосновеніе это враждебно: зачатая вражда между Ираномъ и Тураномъ. Но это соприкосно-веніе только въ Бактріи принимаетъ историческій характеръ. Въ другія мѣста Азіи попадаютъ какъ бы осколки этого великаго Туранскаго или Скиоскаго цѣлага, производятъ при паденіи времен-ное сотрясеніе, и потомъ все снова идетъ тамъ прежнимъ усвоен-нымъ ходомъ.

Но, кромѣ общаго имени, быть можетъ искусственно и на ложномъ основаніи созданнаго классическою ученостію,—что об-щаго въ народахъ называемыхъ скиоами; что общаго между оби-тателями низовьевъ Дѣйра и верховьевъ Иртыша? Происхожде-ніе ли, языкъ, образъ жизни, географическое положеніе? О проис-хожденіи скиоовъ классическіе писатели сообщаютъ нѣсколько легендъ, но, при всемъ легковѣрїи своемъ, сами они почитаютъ ихъ за басни. Отъ Зевеса и дщери рѣки Бористена (Дѣйра) родился *Таргитаосъ*, прародитель всѣхъ скиоовъ; отъ него роди-

лись три сына; изъ числа ихъ младшій, *Колаксанисъ*, былъ родоначальникомъ всѣхъ скотовъ, которыхъ греки назвали скиоами произвольно. По другой легендѣ, Гераклесъ, проходя чрезъ Скиою, имѣлъ связь съ Ехидной, съ полудѣвой-полумѣей, отъ которой родились три сына; младшій изъ нихъ *Скиоссъ* былъ родоначальникомъ всѣхъ скиоскихъ царей, Если только таковыя легенды были дѣйствительно туземными на Днѣпрѣ, то онѣ въ высшей степени замѣчательны, обнаруживая родственное сходство съ древнѣйшими азіатскими мѣоами. Согласно таковымъ легендамъ, бывшимъ въ ходу на Дунаѣ и на Днѣпрѣ, скиою оказываются туземными обитателями сѣвернаго берега Чернаго моря, а не пришельцами. Но есть и другія преданія, приводимыя Геродотомъ ¹⁾ и Діодоромъ Сицилійскимъ ²⁾ согласно которымъ скиою, жившіе по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, пришли туда изъ Средней Азіи, съ Яксарта. Таковая одноплеменность обитателей береговъ Сыръ-Дарыи и береговъ Днѣпра, конечно, оправдывала бы тождество ихъ этническаго названія, но она должна бы обнаружиться въ сходствѣ языковъ массагетскаго и скотскаго; существовало ли таковое сходство или нѣтъ, о томъ классическіе писатели умалчиваютъ, будучи вообще весьма плохими судьями въ дѣлѣ сравнительной филологіи. Припомнимъ однако, что одноязычность всѣхъ обитателей Иранскаго плоскогорія была ими подмѣчена. Въ отношеніи къ образу жизни скиою представляють собою величайшее разнообразіе: были скиою земледѣльцы, земледѣльцы-промышленники, кочевые, охотники, воиственныя; нѣкоторые были до того грубы, что считались людодѣлами, другіе совершенно воздерживались отъ всякой мясной пищи; нѣкоторыхъ скиоовъ греки называютъ «самыми праведными и честнѣйшими изъ людей», другихъ изображаютъ развращенными,

1) Кн. IV, § 11.

2) Кн. II, § 43.

жестокими, погрязшими въ животной чувственности. Птакъ, имя скиоѣ едвали означало «бродячаго, скитающагося», или «кибиточника» или «стрѣлка» отъ финно-литовскаго skitta, или «человѣка гнѣвнаго» отъ греческаго слова, означающаго гнѣваться.

Нельзя также допустить, чтобы подъ общимъ наименованіемъ скиооѣ греки подразумѣвали множество разноплеменныхъ народовъ, занимавшихъ одну опредѣленную географическую полосу, а именно извѣстную часть Европейско и Сибирско-Туранской низменности. Геродотъ называетъ скиоами обитателей страны между Дономъ и Днѣпромъ, равно какъ и кочующія на Сырь-Дарьѣ племена, но въ промежуткѣ между этими двумя околечностями онъ исчисляеть нѣсколько народовъ, о которыхъ положительно говоритъ, что они не были скиоы. Ошибочно или пѣтъ, но во всякомъ случаѣ скиоы, по понятіямъ грековъ составляли одно племя, разселившееся на огромное протяженіе ¹⁾. Чтобы разгадать происхожденіе скиооѣ, вниманіе ученыхъ обращено было на описаніе ихъ наружности древними. Геродотъ говоритъ ²⁾ о будицахъ, которыхъ онъ, впрочемъ, не причисляетъ собственно къ скиоамъ и которые жили по лѣвую сторону Дона, какъ кажется въ предѣлахъ нынѣшней Воронежской губерніи, что они всѣ бѣлокуры и голубоглазы; объ аргинпейхъ, жившихъ за Ураломъ, въ западной части Киргизской степи, имѣвшихъ особый языкъ, но одѣтыхъ, какъ скиоы, что они плѣшивы, мужчины и женщины, имѣютъ плоскій носъ и длинный подбородокъ ³⁾. Аристотель ⁴⁾ говоритъ, что всѣ сѣверные народы имѣютъ голубые глаза, что у скиооѣ, равно какъ и у Понтійскихъ оравійцевъ, гладкіе, мягкіе и длинные волосы, рыжеватые и тонкіе. Гиппократъ рассказываетъ ⁵⁾, что всѣ скиоы очен

1) *Humboldt*: *Asie centrale*, I, 400.

2) IV, 101.

3) IV, 21.

4) *Probl.* XIV, 14.

5) *De aëre etc.* § 91, 95.

похожи другъ на друга, но не похожи на другіе народы. Они толсты, мясисты и сыраго темперамента. Сочиненіе Гиппократа, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ которомъ дошло до насъ, почитается подложнымъ ¹⁾; описаніе скивоовъ сдѣлано заочно и съ цѣлью доказать медицинскую теорію о вліяніи сырости на человѣка. Какъ бы то ни было, все то, что мы знаемъ изъ древнихъ писателей о наружности скивоовъ, нисколько не доказываетъ, чтобы скиоы были монгольскаго происхожденія, какъ то думалъ Нибуръ ²⁾ и вслѣдъ за нимъ множество другихъ ученыхъ. Нигдѣ не говорится, чтобы скиоы были безобразны, говорится даже о красотѣ нѣсколькихъ женщннъ скиоскаго происхожденія ³⁾. Монгольскій типъ впервые показался въ Европѣ въ образѣ Финновъ-гунновъ и на современныхъ писателей произвелъ глубокое впечатлѣніе невиданнымъ и даже неслышаннымъ дотошъ безобразіемъ своимъ. Амміанъ Марцеллинъ описываетъ наружность гунновъ чудовищною; онъ же повѣствуетъ объ алакахъ, почитаемыхъ имъ за скиоскій народъ, что они почти всѣ красивой наружности, высокаго роста, бѣлокуры, имѣють взглядъ болѣе гордый, чѣмъ свирѣпый ⁴⁾. Какъ ни недостаточны всѣ рассказы древнихъ писателей о наружности скивоовъ, но можно вывести заключеніе, что тѣлесными примѣтами своими они представляли большое сходство съ германскими и славянскими племенами, но ни какъ не съ монгольскими, которыхъ типъ обозначенъ рѣзкими особенностями.

Происхожденіе названія «Скиоъ», какъ мы сказали, составляетъ загадку, надъ которой тщетно изоощрялось остроуміе ученыхъ. Наиболѣе распространено мнѣніе, что скиоъ есть греческая передѣлка славянскаго чуда, которымъ славяне вообще на-

1) *Ukert: Geographie der Griechen und Römer* (1816—43), III, 2, p. 273.

2) *Niebuhr: вь Kleine histor. und philos. Schriften.* p. 301.

3) *Arriani Exp. Alex.* 19, 8.

4) *Ann. Marc.* XXXI, 2.

зываютъ финскія племена. Въ этимологическомъ отношеніи это мѣнѣе весьма правдоподобно: славянскія *чуждь, чудь, chitchoud* почти не могутъ быть выражены греческими буквами иначе какъ черезъ *Ξυθθης* ¹⁾. Но при этомъ необходимо допустить, что скифы были финскаго происхожденія, что такое названіе греки заимствовали у славянъ, потому что финны самихъ себя не называютъ чудью и даже не могутъ произнести такого названія, что съ славянами, жившими внутри Россіи, греки вступили въ соприкосновеніе прежде чѣмъ съ скифами, жившими по берегу Чернаго моря, что, наконецъ, это названіе чудь греки распространили и на самихъ славянъ, за каковыхъ почитаются земледѣлатели—скифы. Допустить этотъ длинный рядъ неизбѣжныхъ предположеній невозможно безъ большихъ натяжекъ. На египетскихъ пирамидахъ читается неоднократно названіе побѣжденнаго египетскими царями народа *схета*: все заставляетъ думать, что дѣло тутъ идетъ о хищническихъ ордахъ скифовъ, проникавшихъ въ самую глубь Азіи и даже доходившихъ до Египта. Древнѣйшая изъ таковыхъ надписей относится къ царствованію Сетоса (1445—1394 ²⁾). Вѣроятно-ли чтобы египтяне, въ эту глубоко-отдаленную эпоху, заимствовали названіе скифовъ у славянъ или даже у грековъ? Другая догадка, быть можетъ, болѣе основательна. Къ сѣверу отъ Балкана до Дуная жили геты; это названіе отъ Балкана, обходя съ сѣверной стороны Черное море и Каспій, можемъ мы прослѣдить до самаго Яксарта, въ соединеніи съ разными мѣстными прилагательными: на р. Тирасъ (Днѣстръ) тирагеты, на Волгѣ оиссагеты, наконецъ, на Яксартѣ массагеты (Большіе геты). Безъ сомнѣнія племя гетовъ заключало въ себѣ множество народовъ, жившихъ на огромномъ разстояніи.

1) *Schafarik: Slavische Alterthümer, I, 282; Dubois de Montpereux: Voyage autour du Caucase, IV, 357.*

2) *Rosellini: Monumenti storici, III, 1, 315.*

другъ отъ друга. Мы вскорѣ представимъ доказательства, что названіе это было дѣйствительно туземное, не иноплемениками данное, не прозвище въ родѣ басурмановъ, нѣмцевъ, чуди. По всей вѣроятности, однако, туземцы произносили его не совсѣмъ такъ, какъ греки; названіе геты въ устахъ ихъ звучало болѣе или менѣе иначе, весьма вѣроятно даже, что на Яксартѣ туземцы произносили его нѣсколько иначе, чѣмъ соплеменники ихъ на Дунаѣ. Послѣдовательность названій геты, кеты, куты, скуды (Κούτης) не представляетъ ничего невѣроятнаго ¹⁾. Во всякомъ случаѣ это не болѣе какъ догадка, которой справедливости доказать нельзя.

Въ этомъ темномъ вопросѣ сравнительная филологія вывести насъ изъ лабиринта болѣе или менѣе произвольныхъ догадокъ на надежный путь положительныхъ выводовъ. Ирано-индійскіе письменные памятники доставляютъ намъ только общія наименованія, туранъ, саки, тухара, изъ которыхъ нельзя вывести почти никакихъ объясненій для занимающаго насъ вопроса. Классическіе писатели гораздо обильнѣе указаніями. Мы сказали уже, что въ нихъ встрѣчается множество названій для турано-скиоскихъ племенъ; сверхъ того находимъ мы много именъ мужскихъ и женскихъ, имена скиоскихъ боговъ и богинь и, наконецъ, нѣсколько словъ для означенія различныхъ понятій. Замѣтимъ, что всѣ эти имена дошли до насъ болѣе или менѣе искаженными греческимъ и римскимъ алфавитами, которыхъ невозможно было приноровить къ варварскимъ скиоскимъ звукамъ, что классическіе писатели сами не понимали настоящаго значенія скиоскихъ собственныхъ именъ, что, наконецъ, были они совершенно чужды знанію зендскаго и другихъ азіатско-арійскихъ языковъ. Тѣмъ замѣчательнѣе то обстоятельство, что большая часть этихъ скиоскихъ названій безъ труда объясняется помощію

1) *Revue*: The geographical system of Herodotus, 1800, p. 48.

зендскаго и санскритскаго языковъ. Здѣсь уже неумѣстно сомнѣніе, выраженное нами на счетъ именъ туранскихъ царей, встречающихся въ Зендавестѣ; классики не могли вводить въ скиоскій міръ прозвища изъ языка, который имъ самимъ былъ неизвѣстенъ: названія эти, не греческія и не римскія, суть очевидно туземныя скиоскія. Пліній ¹⁾, исчисляя извѣстныя ему туранскія племена, называетъ аріаковъ, антаріаповъ, аримасповъ, арамеовъ. Всѣ эти названія, какъ замѣтилъ Бюрнуфъ ²⁾, объясняемы помощію зендскаго языка, равно какъ и названіе харизмъ, харизміи. Имена скиоскихъ боговъ, богинь, царей и царицъ, не заимствованы изъ зендскаго языка, но объясняются помощію его ³⁾; слѣдовательно, имена эти суть самостоятельныя скиоскія и обнаруживаютъ только родственную связь съ зендскими. Важнѣйшій источникъ свѣдѣній для ознакомленія съ скиоами въ странѣ, изъ которой, повидимому, началось ихъ расселеніе, находимъ мы въ китайскихъ лѣтописяхъ династіи Ханъ, властвовавшей отъ 163 г. до Р. Х. по 196 г. по Р. Х. Эти драгоценныя указанія, заимствованныя, впрочемъ, не изъ первоначальнаго источника, впервые сообщены были ученой Европѣ Абелемъ Ремюза и Клапротомъ. Ознакомленіемъ съ содержаніемъ самихъ лѣтописей династіи Ханъ, Европа обязана соотечественнику нашему, знаменитому синологу отцу Іакипоу ⁴⁾.

Не ранѣе какъ во II в. до Р. Х. Китай вошелъ въ соприкосновеніе съ такъ называемымъ нынѣ Китайскимъ Туркестаномъ. Побудительными къ тому причинами были вѣковыя грабительства и безпокойства, которыми осѣдлые китайцы претерпѣвали отъ сѣверныхъ сосѣдей своихъ хунъ-ну или гунгъ-ну, коче-

1) VI, 17, 19.

2) Comment. sur le Jaçna. Notes et eclaireiss., CV.

3) *Schafarik: Slavische Alterthümer*, I, p. 282.

4) *Описаніе Джунгаріи и Восточнаго Туркестана*. СПб. 1829.

ваго племени или, быть можетъ, смѣся нѣсколькихъ кочевыхъ племенъ тюрко-финскаго происхожденія: Чтобы держать этихъ безпокойныхъ сосѣдей въ страхѣ, китайская политика поставила себѣ цѣлью приписывать имъ враговъ, а себѣ союзниковъ между народами, обитавшими въ отдаленныхъ и обширныхъ странахъ Си-хой, т. е. на западѣ. Такъ открылся для китайцевъ новый, до тѣхъ невѣдомый міръ; географическія и этнографическія познанія ихъ распространились до восточныхъ береговъ Каспійскаго моря и записаны ими съ мелочною тщательностью, составляющею характеристическую черту китайской науки. Въ нихъ заключаются для насъ указанія самостоятельныя, позаимствованныя изъ извѣстныхъ уже намъ источниковъ, относящихся до странъ и народовъ, малодоступныхъ для изслѣдованій съ западной стороны. Въ особенности важны они для объясненія первоначальной исторіи варваровъ, наводнившихъ собою Европу въ эпоху паденія западной Римской Имперіи; только при помощи китайскихъ лѣтописей можно объяснить себѣ причины такъ называемаго *великаго переселенія народовъ*. Геродотово знакомство съ скискими или турацкими племенами начинается съ береговъ Дуная и Днѣпра, китайское совершенно съ противоположной оконечности, терявшейся для классическихъ писателей въ глубь востока, но составлявшей для китайцевъ начало отдаленнаго запада.

Безобразіе новыхъ знакомыхъ, западныхъ варваровъ, къ которымъ пришли китайцы искать себѣ союзниковъ, произвело на нихъ столь же глубокое впечатлѣніе какъ безобразіе гунновъ на грековъ и римлянъ, хотя въ томъ и другомъ случаѣ условія безобразія диаметрально противоположны. У людей этихъ, какъ пишутъ китайскіе лѣтописцы, длинныя лица, похожія на лошадиныя морды, впадые глаза, уродливые, выдающіеся впередъ носы¹⁾. Особенно безобразными показались китайцамъ усупи, люди

1) Ritter's Erdkunde Asien, I, 193, 351.

бѣлокурые, съ голубыми или зелеными глазами и красными бородами. О нихъ китайцы говорятъ, что они счель похожи на большихъ обезьянь, отъ которыхъ, впрочемъ, будто-бы происходятъ. Несмотря на невыгодную наружность усуней, китайцы употребили всѣ усилія къ тому, чтобы вступить съ ними въ тѣсный союзъ; въ супружество усунскому государю, Кунми (Kunig, König?) отдана была китайская княжна, которая потомъ всю жизнь свою горевала по родинѣ между безобразными грубыми усунями и которой жалобная, безъискусственная пѣсенка сохранилась до нашего времени:

Родственники отправили меня
Въ далекую сторону,
Въ чужомъ царствѣ выдали меня
За Государя Усунскаго.
Онъ живетъ въ бѣдной хижинѣ,
Войлоками покрытой;
Ѣсть онъ лишь мясо,
Пьетъ молоко.
Какъ вспомнится мнѣ о родинѣ,
Такъ и хотѣлось бы быть дикой гусыней,
Улетѣлабъ я къ себѣ назадъ домой.

Это происходило во второй половинѣ II в. до Р. Х. Усуни составляли многочисленное кочевое племя, которое могло выставять въ поле до 188,800 воиновъ. Кочевали они въ странѣ, прилежащей къ озерамъ Иссекуль и Балхашъ и орошаемой теченіемъ р. Или. Страна эта представляетъ собою естественное единственное звено, связующее западъ Азіи съ востокомъ Азіи. Ни горы, ни пустыни не отдѣляютъ здѣсь Китая отъ Сибири, отъ Россіи, отъ Европы; здѣсь идетъ ближайшій путь, — не въ Пекинъ, который стоитъ на краю Китая также, какъ Петербургъ на краю Россіи, — путь идетъ въ роскошныя западныя и южныя области Китая, составляющія настоящее средоточіе этой замкну-

той еще доселѣ для цѣлаго свѣта имперіи. Такимъ образомъ, Илійскому краю суждено мировое значеніе въ будущемъ, быть можетъ не слишкомъ отдаленномъ времени. Теперь уже возникли въ немъ русскія укрѣпленія Копаль и Вѣрное; теперь витайцы первое европейское народонаселеніе къ сторонѣ запада встрѣчаютъ на Или, тамъ, гдѣ за двадцать вѣковъ тому назадъ впервые встрѣтили они бѣлокурныхъ усуней.

Мѣсто жительства усуней приблизительно совпадаетъ съ мѣстомъ жительства геродотовыхъ исседоновъ. Послѣдніе Алкманомъ Сардскимъ называются также асседонами ¹⁾. Это названіе весьма естественнымъ образомъ можно разложить на составныя части: Ассъ, Азъ, Ессъ, Иссъ, Оссъ—этническое названіе, и донъ, имѣвшее общее значеніе *рѣки*, слово весьма распространенное въ древнія времена по сѣверную сторону Кавказа т. е. въ Скиию и даже гораздо далѣе на западѣ Европы. Теперь такое общее значеніе *донъ* сохранилось безъ измѣненія въ языкѣ оссетинъ. Плиній говоритъ ²⁾, что посреди горъ, соприкасаясь съ колхами, живутъ еседовы; быть можетъ, этимъ названіемъ означалъ онъ оссетинъ, хотя, впрочемъ, послѣдніе называютъ себя не иначе какъ иронами. Во всякомъ случаѣ, слишкомъ смѣло было бы безъ дальнѣйшихъ доказательствъ установить соотношеніе между витайскими усунями, геродотовыми исседонами и плиніевыми кавказскими еседонами-оссетинами. Притомъ, китайцы рассказываютъ, что усунь, которыхъ нашли они на Или, переселились туда не за-долго передъ тѣмъ изъ горной страны, лежащей въ верховьяхъ великой витайской рѣки Хуанъ-хэ (Гоанго). Къ такому переселенію вынуждены они были врагами своими Хунъ-пу.

Въ первоначальной родинѣ своей усунь жили вмѣстѣ или рядомъ съ народомъ юэ-чи, которыхъ *большая* часть вынуждена

1) *Humboldt: Asie centrale*, I, 390.

2) VI, 7.

была еще ранѣе чѣмъ усунн, удалиться на Или. Эта вѣтвь называется китайцами та-юэ-чжи, т. е. большіе юэ-чжи: Последніе отгѣснены были усуннами съ Или далѣе къ западу, на Сыръ-Дарью, въ нынѣшній Коканъ ¹⁾, по сѣверную сторону Аму-Дарьи. Къ югу отъ страны, въ которой поселились юэ-чжи жили та-хія, къ западу, въ разстояніи отъ нихъ 49 дней пути, а-сы; къ сѣверу кхапгъ-кіу. Страна на Или, до прибытія юэ-чжи занята была народомъ се или сая, который отгѣсненъ былъ оттуда къ западу. Позднѣе въ китайскихъ лѣтописяхъ вмѣсто названія юэ-чжи чаще встрѣчается названіе юэ-ти, ии-та, іе-та, что, впрочемъ, можно объяснить чрезвычайною затруднительностью писать иностранныя названія китайскими буквами, а посему колеблющимся правописаніемъ. Къ сѣверо-западу отъ Сыръ-Дарьи, по направленію къ Уралу и Волгѣ, жилъ многочисленный народъ, который китайскія лѣтописи за 120 лѣтъ до Р. Х. называютъ іань-тсай или апитсай; позже названіе это измѣняется въ А-лан-на.

Эти рассказы китайцевъ о туранскихъ народахъ весьма важны для науки; кромѣ запаса положительныхъ свѣдѣній, они доставили еще величайшимъ ученымъ основаніе для длиннаго ряда догадокъ касательно темнаго вопроса о ходѣ расселенія нынѣшнихъ обитателей Европы. Нельзя, впрочемъ, не позволить себѣ замѣчанія, что многія изъ этихъ догадокъ, повидимому, основаны на довольно произвольныхъ толкованіяхъ.

Описаніе наружности усуней побудило причислить ихъ не только къ великой индо-европейской расѣ, но даже специально къ числу народовъ германскихъ, такъ какъ рыжій цвѣтъ волосъ вовсе не составляетъ принадлежности народовъ греко-латинскихъ или славянскихъ. Такимъ образомъ усунн представились отставшими на дальнемъ востокѣ, у предѣловъ Китая, братьями германцевъ. Но съ другой стороны, кромѣ наружнаго вида, мы не знаемъ пи-

1) Nouv. Ann. des voyages, 1849, Juil. et Août, p. 38 и сл.

чего, что бы ясно характеризовало въ понятіи нашемъ усуней. Даже вопросъ о томъ, дѣйствительно ли принадлежали они къ индо-европейской расѣ, можетъ покуда считаться не окончательно разрѣшеннымъ ¹⁾. Признать въ нихъ родство съ исседопами, азами, оссами и проч. пельви, потому что, до переселенія своего на Или, жили они совершенно оторванно отъ туранскихъ народовъ, по южную сторону великой пустыни Гоби. Въ видѣ доказательства, что языкъ усуней былъ дѣйствительно индо-европейскаго корня, можно привести то обстоятельство, что въ языкахъ сосѣднихъ съ ними тюркскихъ и монгольскихъ племенъ, въ особенностяхъ же въ языкахъ тунгузовъ и манджу, встрѣчается множество индо-европейскихъ словъ. Клапротъ замѣтилъ даже большое сходство въ грамматикѣ манджу съ грамматикой нѣмецкой ²⁾. Китайцы называютъ еще нѣсколько народовъ, одноименныхъ съ усунями; между этими народами замѣчательно особенно названіе: куты, кхуты или хуты, которые кажутся какъ бы обрывкомъ великаго готскаго племени ³⁾. Мы напомнимъ здѣсь о толкованіи названія скивоовъ помощью геты, куты и скуды (Σχοφη). Наконецъ, китайцы считаютъ одноименниками съ усунями іань-тсай или а-лан-па, въ которыхъ нельзя не видѣть алановъ, игравшихъ столь великую роль въ Европѣ.

Народу юэ-чжи, который предшествовалъ усунямъ въ Тураниѣ, суждено было въ послѣдствіи времени играть великую историческую роль въ Азіи подъ разными неопредѣленными названіями: бѣлыхъ гунновъ, ефталитовъ, индо-скивоовъ и пр. Названіе юэ-чжи особенно обратило на себя вниманіе въ позднѣйшихъ формахъ, придавшихъ ему китайскими писателями, а именно: юэ-ти,

1) Vivien de St. Martin въ Nouv. ann. des voyages, 1849, Juil. et Août, p. 32.

2) Ritter's *Erdkunde*, II, 486.

3) *Ab: Remusat: Recherches sur les langues tartares*, p. 327; *Klaproth: Tableaux historiques de l'Asie*, p. 167.

и-га, іе-та. Словучіє съ столь извѣстнымъ въ древнемъ мірѣ названіемъ гетовъ весьма ощутительно и потому юэ-чжи приняты были за гетовъ, болѣе или менѣе рѣшительно, почти всеміи учеными, занимавшимися этимъ вопросомъ. Китайское названіе та-іе-та для народа, жившаго на Сыръ-Дарьѣ, буквально соответствуетъ Геродотовскому массагеты для обитателей той же страны: оба значуть большіе геты. Такимъ образомъ, можемъ мы прослѣдить гетовъ отъ Дуная до предѣловъ Китая. Выводы сравнительной филологіи, обнаруживающіе родственность обитателей Исландіи съ обитателями Бенгала, если не возбуждаютъ недоумѣнія, то, по крайней мѣрѣ, поражаютъ сначала своею страшностію, неожиданностію; сравнительная исторія какъ бы позволяетъ намъ очью соприсутствовать этому расселенію индо-европейской расы. Въ сердцѣ Азии, тамъ, повторимъ еще разъ, гдѣ меридіональные и параллельные хребты чертятъ крестъ, усматривается ядро расселенія, отъ котораго раскидываются три связки лучей; каждая изъ нихъ отдѣльна отъ другихъ, но каждая непрерывна отъ ядра до оконечности своей: первая идетъ на югъ въ Индустанъ, вторая на западъ въ Иранъ, третья на сѣвер-западъ въ Европу, въ Атлантикѣ и къ Ледовитому океану: индусы, пранцы и кельтсконы. Последнее названіе должно быть понимаемо, какъ опредѣляющее одно цѣлое посредствомъ означенія двухъ противоположныхъ оконечностей, а не какъ что либо частное, промежуточное.

Но если справедливость общихъ выводовъ не подлежитъ сомнѣнію, то нельзя не сознаться, что она болѣе основана на сводѣ множества вѣроятностей, составляющихъ совокупно достовѣрность, чѣмъ на какомъ либо одномъ вполне несомнѣнномъ доказательствѣ. Такъ напр. соотношеніе между гетами и іе-та, юэ-та, юэ-чжи, хотя и принято величайшими учеными, но можетъ быть подвергнуто опроверженіямъ. Массагеты на Аксартѣ извѣстны были Геродоту въ V в. до Р. X., между тѣмъ какъ большіе

юэ-чжи, согласно китайскимъ сказаніямъ, прибыли на Яксартъ только во II в. до Р. X. Вообще индо-германское происхожденіе юэ-чжи можетъ быть сильно оспариваемо; о соплеменникахъ ихъ, оставшихся на верховьяхъ Хуангъ-хэ, въ прежней общей роднѣ, китайцы положительно говорятъ, что языкъ ихъ тибетскій, но, быть можетъ, эти малые юэ-чжи, смѣшавшись съ сосѣдями своими восточными тибетцами (князь, Кһіану, какъ называютъ послѣднихъ китайцы), заимствовали у нихъ и языкъ ¹⁾. Во всякомъ случаѣ, вопроса этого нельзя считать окончательно рѣшеннымъ. Если допустить, что *се* или *сам*, вытѣсненные съ Или и съ Яксарта народомъ юэ-чжи, суть *саки* иранцевъ и *скины* классическихъ писателей, то можно заключить, что названіе это было дѣйствительно туземнымъ въ Туранѣ. Тождественность та-хія съ даями, дахами, даками, аси съ азами, и іань-тсай, а-лан-ва съ аланами, не можетъ подлежать сомнѣнію. Ту-хо-ло, жившіе въ горахъ, по близости верховьевъ Оксуса, суть, по всей вѣроятности, тохары классиковъ, древніе тухара Магабхараты.

Конечно, весьма трудно установить, не подвергаясь опроверженіямъ, соотношеніе между именами туранскихъ народовъ, передаваемыми намъ классическими писателями и тѣми, которыя находимъ мы въ китайскихъ лѣтописяхъ. Но послѣднія весьма значительно разъясняютъ вопросъ о Туранѣ и вообще о цѣлой Скивіи, доставляя несомнѣнныя доказательства, что за два вѣка до Р. X. монгольскія и тюркскія племена скитались еще вглуби Восточной Азіи и не доходили не только до Яксарта, но даже до Иртыша. Усуни ни въ какомъ случаѣ не могутъ почитаться монголами; юэ-чжи, быть можетъ, были тибетскаго происхожденія, но они появились въ Туранѣ впервые только во II в. до Р. X. Теперь въ степяхъ Каспійско-Аральской низменности путешественникъ встрѣ-

1) *Vivien de St. Martin* въ Nouv. Ann. des voyages, 1849, Juil., Août, p. 66. См. также *Ritter's Erdkunde* VII, 605.

часть монголовъ (калмыковъ) и тюркскія племена въ кочевомъ состояніи. Видя невѣроятность бытія ихъ, невольно склоняемся къ мысли, что номады эти суть потомки громкихъ въ древнемъ мірѣ скивовъ, саковъ и туранцевъ; какъ жили обитатели страны этой за тридцать вѣковъ тому назадъ, такъ живутъ они и теперь, но это сходство обусловлено лишь физическими свойствами страны, а не одноплеменностію древнихъ туранцевъ съ нынѣшними. Такъ обнаруживается неосновательность всѣхъ догадокъ о монгольскомъ происхожденіи скивовъ или тюркскомъ древнихъ туранцевъ ¹⁾. Все, напротивъ, въ совокупности приводитъ насъ къ убѣжденію, что туранцы Зепдавесты, саки иранцевъ, скионы азіятскіе и европейскіе классиковъ, если не *цѣлою*, то, по крайней мѣрѣ, *большою* массою своею принадлежали къ великому семейству арійскихъ, т. е. индо-европейскихъ народовъ, и что расселеніе ихъ началось изъ той же самой общи-арійской родины, изъ которой вышли индусы и иранцы.

Сквозъ завѣсу мифовъ мы усматриваемъ въ древнѣйшихъ священныяxъ преданіяхъ послѣднихъ двухъ народовъ нѣкоторыя опредѣленныя черты, по которымъ можемъ себѣ составить понятіе, хотя весьма слабое, объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ ихъ расселеніе; по общимъ мифамъ ихъ можемъ мы даже отчасти судить о бытѣ ихъ до расселенія. Непроницаемый мракъ, нена-ручимое безмолвіе окружаютъ первоначальную исторію народовъ арійской расы, расселявшихся отъ источниковъ Яксарта и Оксеуса по сѣверной сторонѣ Арала, Каспія, Кавказа и Понта Евксинскаго. Вѣковъ за тринадцать до Р. Х. появляются въ дошедшихъ до насъ письменныхъ памятникахъ первыя сказанія о существованіи въ сѣверу отъ тогдашняго образованнаго міра многочисленныхъ народовъ, но сказанія эти представляютъ лишь выраженіе догадокъ современной учености о томъ, какъ люди живутъ посреди

1) Пибуръ, Гр. Потоцкій, Шафарикъ и др.

мрака и хлада полупочныхъ страпъ. Это почти тоже, что догадки объ условіяхъ существованія обитателей планетъ нашей солнечной системы. Первые положительныя свѣдѣнія объ обитателяхъ сѣверныхъ странъ встрѣчаемъ мы у Геродота, т. е. въ V в. до Р. Х. Въ это время мы находимъ уже при устьяхъ Дуная народы, которыхъ не можемъ не причислять къ индо-европейской расѣ. Много вѣковъ потребно было имъ на то, чтобы пройти великое разстояніе, отдѣляющее устья Дуная отъ верховьевъ Яксарта и Оксуса! Сколько же вѣковъ до Геродота протекло съ тѣхъ поръ, когда безвѣстный народъ индо-европейской расы достигъ средней Европы и по обѣ стороны Адриатическаго моря раздѣлился на двѣ родственныя вѣтви: италійскую и греческую ¹⁾. Всю Европу исторія застаётъ заселенною народами индо-европейской расы; кельты, германцы, славяне представляютъ собою вѣроятную послѣдовательность заселенія, потому что, принимая, что все они вышли изъ средней Азіи, тѣ, которые наиболѣе удалились отъ нея къ западу, естественнымъ образомъ ранѣе выступили въ путь. Но и переселеніе славянъ скрыто отъ насъ въ мрачнѣе время, безъ сомнѣнія совершилось оно за много вѣковъ до Геродота. Такимъ образомъ передвиженія всего длиннаго ряда такъ называемыхъ скиоскихъ народовъ, отъ Хуапъ-хэ до Дуная, передвиженія усуней, массагетовъ, азовъ, аланъ и пр., происходившія болѣе или менѣе въ виду исторіи, представляютъ намъ лишь окончательныя явленія великаго переселенія народовъ изъ Азіи въ Европу, совершившагося невѣдомо когда, невѣдомо какъ.

Но таковое переселеніе нѣкогда совершалось: сравнительная филологія доказываетъ это столь же несомнѣннымъ образомъ, какъ геологія перевороты на земной корѣ, происходившіе въ то время, когда не было еще людей на землѣ, когда не было еще ни единого очевидца. Пока неизвѣстны геологическіе законы, на-

1) *Ersch und Gruber*: Encyclopaedie, zweite Section, XVIII Th., 24.

слоеніе земной коры представляется дѣломъ случайности. Такъ и расселеніе народовъ, о которомъ молчитъ исторія, могло быть управляемо случайностями, которыхъ мы не знаемъ, которыхъ, конечно, никогда не узнаемъ. Но великія историческія явленія управляются не случайностями и не самопроизволомъ. Камень, брошенный съ берега въ широкую рѣку, на одно мгновеніе производитъ въ точкѣ паденія водоворотъ, но не измѣняетъ теченія рѣки. Очевидно, что направленіе расселенія народовъ опредѣлялось преимущественно условіями очертанія земной поверхности; эти условія, если и измѣнились нѣсколько съ тѣхъ поръ, какъ люди на землѣ, то во всякомъ случаѣ весьма незначительно. Такимъ образомъ у насъ теперь еще на глазахъ физическія условія, которыми управляли переселеніемъ народовъ индо-европейской расы изъ средней Азіи въ Европу. Замѣтимъ, притомъ, что народы эти, въ эпоху переселенія своего, безъ сомнѣнія стояли еще на весьма низкой ступени развитія, какъ бы, впрочемъ, щедро ни были они надѣлены природою умственно и физически. Чѣмъ менѣе развиты люди, тѣмъ болѣе подчинены они мѣстнымъ вліяніямъ.

Сравнительное изученіе арійскихъ языковъ, какъ мы сказали выше, заставляетъ думать, что индо-европейцы въ общей родинѣ своей, находившейся въ средней Азіи, занимались преимущественно скотоводствомъ, работами для домашняго неприхотливаго обихода, нѣсколько земледѣліемъ и рудоконствомъ, вовсе не занимались ни войною, ни охотою. Нечего и говорить, что мореплаванію были они совершенно чужды, и что искусство это самостоятельно могло развиваться между ними только весьма вдали отъ ихъ первоначальной родины. Море и берега должны были обладать особыми свойствами, чтобы первоначально возбудить въ людяхъ склонность къ плаванію. Море не должно было страшать первобытнаго, дѣтски впечатлительнаго человѣка своею безпредѣльною, пустынною, непривѣтливою; оно не должно было

представляться ему въ образѣ зловѣщаго Понта ¹⁾, оно должно было манить его на свою поверхность, указывая ему на горизонтѣ полуисчезающую въ синевѣ дали землю, которая какъ бы вела немолкаемую, таинственную, чарующую рѣчь съ берегомъ. Таковыя моря должны или врѣзываться глубоко въ землю бухтами, заливами, или быть усѣяны островами; таковыя моря должны обладать періодическою правильностію вѣтровъ, чтобы робкому, неопытному плователю не трудно было подстеречь попутный вѣтеръ для отправленія въ путь и предвидѣть діаметрально-противуположный первому попутный вѣтеръ для возврата.

Такъ училось впервые началамъ мореплаванія младенчествуящее человѣчество на морѣ Эритрейскомъ (индійскомъ), врѣзывающемся глубоко въ землю заливами Персидскимъ и Краснымъ (Чернымъ) и представляющемъ правильную періодичность двухъ противоположныхъ муссоновъ. Этимъ моремъ посылалъ Хирамъ, царь тирскій, современникъ Соломоновъ, „рабовъ знающихъ море“ и „въ три года разъ возвращались корабли изъ Фарсиса, и привозили золото и серебро, слоновую кость, и обезьянъ и павлиновъ“ ²⁾. Но плаваніе по Эритрейскому морю производилось купитами за много еще вѣковъ прежде эпохи, въ которой жили цари Соломонъ и Хирамъ. Позже развилось мореплаваніе на восточной оконечности Средиземнаго моря, гдѣ сближаются три части свѣта, гдѣ архипелагъ представляетъ собою какъ бы полуразобранный мостъ изъ Азій въ Европу. Эти первые мореплаватели не принадлежали къ индоевропейской расѣ, которая только въ позднѣйшія времена, окончивъ въ главныхъ чертахъ расселеніе свое, пускается мѣстами въ море, по путямъ, извѣданнымъ уже иноплеменными расами. Склонности къ плаванію не могли возбудить ни великія озера

1) *Ritter*: Vorhalle Europaeischer Völkergeschichten. 1820. p. 168.

2) *Паралитомеонъ*, 2 кнпка, VIII, 18 и IX, 21; *Царствъ*, кн. третья, X 22; *Lassen*: Indische Alterthumsk. I, 538.

Турана, ни Каспійское море, ни даже Понтъ Эвксинскій. Такимъ образомъ расселеніе арійской расы происходило сунью, а не моремъ. Нельзя допустить, чтобы заселеніе Европы нынѣ господствующей расой произошло вслѣдствіе вторженій толпы завоевателей, которые, покинувъ хозяйство и семейство, отправились вдаль за добычей, поработили туземцевъ, остались между ними навсегда въ видѣ господствующаго класса и сдѣлались прародителями новаго смѣшаннаго народа. Тогдашняя Европа мало представляла привлекательнаго для завоевателей; нынѣшніе обитатели ея не могли бы сохранить столь явственно слѣды своего арійскаго происхожденія, если бы были столь смѣшаннаго происхожденія. Итакъ арійская раса подвигалась въ Европу изъ средней Азіи въ полномъ домашнемъ устройствѣ своемъ, съ женами, дѣтьми и имуществомъ. Это были народы кочевые, которыхъ главное имущество заключалось въ стадахъ. Мы выше замѣтили, что, не смотря на кочевой образъ жизни, европейскіе арійцы не совершенно утратили привычки къ земледѣлію: перекочеваніе, движеніе къ западу производилось, слѣдовательно, весьма медленно.

Если мы предположимъ, что изъ средней Азіи европейскіе арійцы отправились прямо на западъ, т. е. по описанной нами выше сѣверной окраинѣ Иранскаго плоскогорія, то, чтобы проникнуть въ Европу, они должны были пройти или черезъ Кавказскій перешеекъ, т. е. между Черцыемъ и Каспійскимъ морями, или идти еще далѣе къ западу, по Армянскому плоскогорію въ Анатолійскій полуостровъ, который, по справедливому замѣчанію, представляется въ видѣ моста, перекинутаго изъ Азіи въ Европу. Поверхностное даже ознакомленіе съ разнообразными физическими условіями мѣстности Кавказскаго перешейка дѣлаетъ совершенно невѣроятнымъ весьма распространенное мнѣніе, будто бы служилъ онъ проводникомъ населенія Европы. Спустившись съ Иранскаго плоскогорія въ чрезвычайно-разнообразныя по своимъ свойствамъ долины Аракса, Куры и Ріона, переселенцы долж-

жны были подвергнуться чрезвычайно разнообразным влияниям местности, которые не могли не изменить радикально прежнего их образа жизни, не могли не превратить большей, по крайней мере, части переселенцев из кочевых в осёдлых: осёдлые затрудили собою дальнейший поток переселения, которое должно было изменить направление, искать для себя новых путей. Если мы предположим, что первые переселенцы в Закавказье, уступая сильному напору неваго притока, вытеснены были из своих жилищ, (что, впрочем, противуречит всем известным историческим явлениям этого края), то, во всяком случае, они могли удалиться в горные ущелья южного ската Кавказа и там держаться уже крепко. Легче допустить, что они все были истреблены или погибли, подвергнувшись невыносимым изменениям влияния природы, чем то, что с семействами и стадами своими успели они перебраться через снежный гребень Кавказа. Во всяком случае, эти выходцы, перейдя через несмысленный ряд бедствий, должны были подвергнуться такому упадку физических и моральных сил, что не могли сделаться праотцами могучих, кипящих жизнью европейских народов. Мы знаем одно лишь направление, по которому могло происходить переселение из Закавказья на северную сторону гора: это есть Дагестанское побережье Каспийского моря, но и этот путь, перпендикулярно пересекающий речные долины, суженный в некоторых местах горными отрогами, скоро мог быть загорожен первыми поселенцами. Заметим еще раз, что переселение народа подчинено совсем иным условиям, чем движение орды завоевателей: где может пройти орда, там переселенцы могут встретить непреодолимые препятствия. Но мы сказали уже, что арийцы появились в Европе переселенцами, а не хищною ордою. Еслибы проникли они туда через Кавказский перешеек, то не могли бы не оставить в кавказском народонаселении каких либо следов своего пребывания; кавказские арийцы должны бы

представлять собою звенья длинной цѣпи, связующей европейскихъ съ азійскими, но этой связи наука не открыла, не смотря на всѣ свои усилія, не смотря даже на убѣжденія, преждевременно составившіяся. Чтобы отыскать связь между европейскими и азійскими аріидами, должно было обратиться въ среднюю Азію. Таковымъ связующимъ звеномъ долгое время казались осетины, которыхъ индо-европейское происхожденіе не могло ускользнуть даже отъ самыхъ первыхъ наблюдателей; сами себя называютъ они иронами, что заставляетъ думать, что они изъ Трапа пришли въ вѣдра Кавказа. Но народъ этотъ могъ провозйти отъ насильственной позднѣйшей индійской колонизаціи, на что встрѣчаются даже историческія указанія. Въ заключеніе скажемъ, что г. Шёгрень, изслѣдовавшій осповательно осетинскій языкъ, вопреки прежнимъ своимъ убѣжденіямъ, окончательно впалъ въ сомнѣніе, должно ли осетинъ, не смотря на ихъ названіе ирновъ, причислить къ иранской вѣтви аріиской расы.

Но съ Иранскаго плоскогорія аріискіе переселенцы могли свободно распространяться къ западу по Арменіи, по Малой Азіи и такимъ образомъ дойти до Архипелага, до Геллеспонта, до Босфора, откуда стоитъ лишь рукой податьъ въ Европу. Какъ ни легко это можетъ казаться намъ, но не такъ то легко было это для народа, чуждаго морешаванію и судостроенію, для народа, подвигавшагося цѣлымъ домашнимъ бытомъ своимъ. Это возраженіе, впрочемъ, можетъ считаться не слишкомъ важнымъ; есть другія, болѣе убѣдительныя, доставляемыя сравнительной филологіей. Между латинскимъ и греческимъ языками существуетъ родственное сходство, болѣе тѣсное, чѣмъ то, которое можетъ быть объяснено однимъ лишь ихъ общимъ индо-европейскимъ происхожденіемъ. Но, съ другой стороны, оба языка носятъ одинакія примѣты древности; латинскій нѣкоторыми свойствами своими имѣетъ даже въ этомъ отношеніи преимущество надъ греческимъ. Во всякомъ случаѣ эти языки не происходятъ одинъ отъ другого, по

происходить отъ одного общаго языка-прародителя, которымъ говорили, слѣдовательно, общіе праотцы грековъ и латиновъ. Если бы эти общіе праотцы проникли въ Европу черезъ Геллеспонтъ, Дарданеллы и Архинелагъ, то весьма естественнымъ образомъ прежде всего заселили бы Грецію и потомъ уже, съ теченіемъ вѣковъ, распространяясь далѣе и далѣе къ западу, достигли бы Апеннинскаго полуострова, сушею или моремъ. Въ такомъ случаѣ, конечно, произошло бы то филологическое явленіе, что латинскій языкъ обнаружилъ бы свое происхожденіе отъ языка древѣйшаго, греческаго. Такъ и думали филологи прежняго времени: *omnem Latinam linguam puberis matris Graecae puberam filiam esse*. Но такое мнѣніе теперь признано ложнымъ ¹⁾. Итакъ, необходимо принять, что общіе праотцы грековъ и латиновъ не видали ни Греціи, ни Италіи, слѣдовательно, проникли въ Европу не со стороны Малой Азіи. Затѣмъ остается правдоподобнымъ одно лишь предположеніе, а именно, что они расселились по обѣ стороны Адриатическаго моря изъ туловища европейскаго материка, т. е. съ сѣвера относительно Греціи и Италіи. Физическія свойства въкоторыя страны порождаютъ весьма крѣпкую связь между почвой и обитателями, связь, которую весьма трудно разорвать или, по крайней мѣрѣ, невозможно разорвать безъ того, чтобы на почвѣ не осталось отпечатка народа и на народѣ отпечатка почвы; въ другихъ странахъ, напротивъ, связь эта легко разрывается. Очевидно, что полуострова, острова, земли, прилегающія къ непроходимымъ горнымъ хребтамъ, должны по преимуществу обладать этою силою, связующею почву съ обитателями; очевидно также, что равнины, удаленныя отъ морей, не пересѣченныя никакими естественными препятствіями, — какъ то: горными хребтами или длинными болотистыми полосами, обнаруживаютъ эту связь въ весьма слабой степени: ни земледѣ-

1) *Ersch und Gruber: Encyclopaedie, zweite Section, XVIII, 61.*

ліе, ни релігія, ни гражданское устройство, не въ силахъ прочно закрѣпить ее; она устанавливается только постепеннымъ сообщеніемъ изъ тѣхъ странъ, которыя благопріятствуютъ ея развитію.

Этою способностью привязывать народъ къ почвѣ, въ высшей степени обладаютъ Закавказье, Аватолійскій полуостровъ, Архипелагъ, Греція. Мы выше сказали, что Турантъ, принимая его въ тѣсномъ значеніи Арало-Каспійской низменности, не только лишентъ совершенно этой способности, но, напротивъ, въ высокой степени обладаетъ способностью, ей противоположною, *разсвѣтляющею*. Связь между почвой и обитателями только въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ и подѣ влияніемъ вышней силы могла развиться въ сѣверо-восточной, плоской части Европы. Разселеніе пло отъ востока къ западу, политическая осѣдлость, напротивъ, шла отъ запада къ востоку вдоль туловища материка Европы. Разселеніе, на нѣсколько тысячелѣтій, встрѣтило себѣ непреодолимую преграду въ Атлантическомъ океанѣ; геній Колумба успѣлъ раздвинуть ее, но великое событіе это совершилось лишь тогда, когда вполне осѣдлая западная Европа довольно уже окрѣпла, чтобы къ закату и восходу солнца одновременно раскинуть сферу своего вліянія. И теперь еще осѣдлость, гражданственность, двигалась въ продолженіе тысячелѣтій отъ Атлантики на востокъ, далеко не дошла до цѣли предназначеннаго ей пути.

Слѣды прохода кельтовъ, германцевъ и славянъ отпечатались бы навсегда на почвѣ Закавказья или Апатоліи, если бы племена эти прошли черезъ означенныя страны въ Европу. Простымъ разселеніемъ невозможно объяснить перехода арійцевъ изъ теплыхъ, щедро одаренныхъ всѣми естественными благами земель, въ Европу, гдѣ человѣку предстоила долгая борьба съ непривѣтливой, негостепріимной природой. Это дѣйствіе юга на сѣверъ, противурѣчащее естественнымъ отношеніямъ человѣка къ физическимъ условіямъ земнаго шара, не безъ примѣровъ въ исторіи, но оно возникало вслѣдствіе многосложныхъ замысловъ на-

родовъ, соединенныхъ въ великія и сильныя политическія тѣла. Такъ Дарій, ослѣпленный блескомъ своего могущества, царь персидскій, предпринималъ походы противъ скивоновъ; такъ римляне проникли въ холодную Каледонію (Шотландію). Но таковыхъ великихъ арійскихъ государствъ не существовало въ Азіи въ эпоху заселенія Европы: иваче бы они не исчезли, не оставивъ по себѣ даже никакого воспоминанія. Мы видимъ предъ собою даже нѣсколько примѣровъ народовъ, которые ради бѣдствій вынуждены были промѣнять теплую южную отчизну свою на отдаленный сѣверъ. Таковы напр. выходцы Индустана, цыгане, которыхъ языкъ доказываетъ ихъ арійское происхожденіе, но при насильственномъ переселеніи своимъ народъ этотъ утратилъ навсегда всякую способность къ совершенствованію: онъ представляетъ собою какъ бы болѣзненный наростъ, какъ бы сыпь, на здоровомъ тѣлѣ общества, въ которое успѣла проникнуть. Мы не позволимъ себѣ сказать чего либо подобнаго о евреяхъ, но и для нихъ нѣтъ въ будущемъ никакого историческаго поприща. Въ такомъ состояніи бездомныхъ выходцевъ съ юга безъ сомнѣнія никогда не находились праотцы нынѣшнихъ европейскихъ народовъ.

Не придавая вѣроятностямъ характера достовѣрности, мы можемъ однако сказать, что нѣтъ ни малѣйшаго повода думать, будто бы Кавказскій перешеекъ служилъ когда либо путемъ населенія Европы изъ Азіи, и что, напротивъ, все въ совокупности дѣлаетъ предположеніе это въ высшей степени неправдоподобнымъ. Если даже этнографическія изслѣдованія открываютъ намъ какое либо родство племенъ, обитающихъ по южную сторону Кавказа, съ европейскими народами, то естественнымъ образомъ должно искать основу этого родства или въ Средней Азіи или, наконецъ, въ вторженіяхъ сѣверныхъ народовъ въ западную Азію черезъ Кавказскій хребетъ или Анатолію: послѣдняго рода явленія подтверждаются исторіей и не противурѣчаютъ общему ходу вліяній физическихъ условій земнаго шара на человѣка. Такъ

напр. извѣстно намъ расселеніе грековъ съ запада на востокъ, въ Малую Азію, вторженіе туда же въ III в. до Р. Х. кельтовъ, которые сообщили завоеванной ими странѣ названіе Галатіи; вторженія славянъ въ Балканскій полуостровъ, наконецъ, многократныя вторженія скетовъ, скивовъ черезъ Кавказскій перешеекъ въ западную Азію. Весьма вѣроятно, что длинный рядъ подобныхъ же событій, т. е. вторженій народовъ изъ Европы черезъ Анатолю и Кавказъ въ западную Азію скрывается отъ взоровъ нашихъ въ глуби времени.

Но, съ другой стороны, мы не можемъ отказаться отъ убѣжденія, что столь загадочный скиевскій міръ, котораго завѣса впервые приподнята Геродотомъ, міръ, начинающійся у Дуная и Карпатовъ и теряющійся для классическихъ писателей на востокъ, въ безвѣстной фантастической дали, освѣтившейся для насъ историческимъ свѣтомъ, исходящимъ изъ Китая, что этотъ міръ представляетъ намъ явленія, продолжающія и довершающія великое доисторическое населеніе Европы господствующими въ ней нынѣ племенами. Последнія вышли изъ Средней Азіи и прошли въ Европу черезъ широкія Урало-Кавказскія ворота. Мы уже выше объяснили замѣчательное историческое предназначеніе Арало-Каспійской низменности: открытая, доступная со всѣхъ сторонъ, она втягивала въ себя народы съ востока какъ бы только для того, чтобы рипуть ихъ далѣе къ западу. Народы пускались въ это море суши не за тѣмъ, чтобы вѣчно блуждать по однообразной пустынѣ его, а чтобы достигнуть другого берега новаго отечества. И эти переходы не сопровождались никакими разрушительными для силъ народныхъ переходами черезъ рѣзкія противоположности физическихъ условій земной поверхности, каковымъ подверглись бы они, переходя съ юга на сѣверъ, съ плоскогорья на низменность. Долго не могла возникнуть прочная связь между почвой восточной Европы и ея народонаселеніемъ, потому что для первыхъ пришельцевъ уготована была Всевышнимъ Промысломъ

другая историческая почва, далѣе на западѣ, на полуостровахъ Европы и на прибрежѣ Атлантики. Въ этомъ доисторическомъ расселеніи народовъ съ востока на западъ усматривается одинъ общій физиологическій періодъ: періодъ *хаотическаго сосредоточенія*; въ обратномъ дѣйствіи запада на востокъ—другой общій физиологическій періодъ: періодъ *организирующаго сосредоточенія*, періодъ *распределенія*.

Въ этомъ *взаимодѣйствіи* великихъ историческихъ началъ, поверхностный взглядъ усматриваетъ одно лишь непримиримое *противудѣйствіе*, одинъ лишь непрерывный, безотрадный рядъ явленій разрушенія. Но это есть мнимая враждебность дня и ночи, лѣта и зимы.

Благословенъ и тьма приходъ.

Въ послѣдовательности дня и ночи, въ послѣдовательности времени года, мы усматриваемъ одно лишь возвратное, однообразное движеніе. Если подъ этимъ наружнымъ однообразіемъ скрывается процессъ развитія, если съ вѣками понижается внутренняя температура земнаго шара, если совокупность всего живаго живущаго на землѣ есть не болѣе какъ одинъ изъ геологическихъ періодовъ, которому были предшественники и которому будутъ преемники,—то во всякомъ случаѣ наблюденіе таковой жизни, измѣряемой длиннымъ рядомъ тысячелѣтій, покуда еще недоступно опыту. Человѣческая жизнь не представляетъ намъ собою такого однообразнаго возвращенія неизмѣнныхъ явленій: человѣкъ привѣтствуетъ возвратъ весны, во всемъ подобной прошлогодней, но самъ онъ уже не тотъ, какимъ былъ проплюю весною. Родъ человѣческой также живетъ своею жизнью, какъ и отдѣльный человѣкъ, но ходъ жизни его обозначается не столь быстро. Не изъ опыта скоротечной жизни нашей почерпаемъ мы понятіе о жизни человѣчества. Каждый шагъ его сопровождается колебаніями, но человѣчество идетъ впередъ и не возвращается по слѣдамъ своимъ. Мы, съ нашимъ всеневнымъ опытомъ, можемъ со-

присутствовать однимъ лишь колебаніямъ, исторія подмѣчаетъ шаги ¹⁾).

Жизнь есть *обливы* взаимныхъ отношеній, обмѣвъ предпо- лагаетъ различіе; чѣмъ различія умножаются, чѣмъ разнообразія увеличиваются, тѣмъ расширяется и усиливается дѣятельность жизни. Конечная цѣль таковой дѣятельности есть — *стройное цѣ- лое*, которое допускаетъ все различія, все отдѣльности, по соеди- няетъ и подчиняетъ ихъ одной высшей цѣли.

При поверхностномъ взглядѣ на физиологію земнаго шара т. е. на общность отношеній его къ судьбѣ рода человѣческаго, самыми ощутительными различіями представляются тѣ, которыя обуславливаются различнымъ распредѣленіемъ теплоты на земной поверхности, различіемъ климатовъ. Въ общемъ смыслѣ таковыя различія опредѣляются преимущественно относительнымъ разсто- яніемъ каждаго мѣста отъ полюса и отъ экватора, говоря объ од- номъ лишь сѣверномъ полушаріи, т. е. лежитъ ли оно ближе къ сѣверу или къ югу. Такъ возникаетъ понятіе о противоположно- сти сѣвера къ югу ²⁾. Если, какъ мы сказали, жизнь есть обмѣвъ различій, противоположностей, то жизнь рода человѣческаго долж- на бы по преимуществу проявиться во взаимодѣйствіи сѣвера и юга; таковое взаимодѣйствіе должно бы придать ей всю де- ступную ей полноту. Но сближеніе различій составляетъ не пер- воначальную, а конечную, высшую цѣль общечеловѣческой дѣя- тельности; ей предшествуетъ періодъ организующаго сосредото- ченія, періодъ распредѣленія. Каждая форма жизни должна самостоятельно развиться, чтобы потомъ, въ будущемъ единомъ *стройномъ цѣломъ*, выполнить свое предназначеніе. Чѣмъ болѣе могуче таковое отдѣльное развитіе, тѣмъ болѣе запасъ силы вносить оно въ общечеловѣческой кругъ дѣятельности, тѣмъ ско- рѣе возбуждаетъ таковую дѣятельность. Нигдѣ сѣверъ и югъ не

1) А. Гюйо: Земля и человѣкъ, русскій переводъ, (Сиб. 1858), стр. 56.

2) Ritter's Erdkunde, VIII, 209.

представляютъ столько удобствъ для взаимодѣйствія, какъ въ новомъ свѣтѣ ¹⁾, который, притомъ, въ обоихъ полушаріяхъ переходитъ почти черезъ всѣ зоны, начиная отъ полярныхъ до тропическихъ. Но безъ посредства европейцевъ общечеловѣческая жизнь не могла здѣсь возникнуть: развитіе каждой особенности было слишкомъ слабо для участія во всемірной дѣятельности.

Различія между востокомъ и западомъ не такъ легко бросаются въ глаза, какъ между сѣверомъ и югомъ. Но климатическое разнообразіе опредѣляется не однимъ измѣненіемъ широты мѣста, оно зависитъ, какъ мы видѣли, и отъ возвышенія каждаго мѣста надъ уровнемъ океана и отъ болѣе или менѣе континентальнаго положенія и, наконецъ, отъ множества другихъ физическихъ условій. Климатическаго однообразія не существуетъ на земной поверхности на большомъ протяженіи, ни отъ сѣвера къ югу, ни отъ востока къ западу. Не смотря на то, само собою разумѣется, болѣе однообразія, менѣе противоположностей, ожидать можно между востокомъ и западомъ, чѣмъ между сѣверомъ и югомъ. Въ старомъ свѣтѣ, ограничивалъ таковое названіе Азіей, сѣверо-западнымъ продолженіемъ ея (Европой) и сѣверной окраиной Африки, взаимодѣйствіе постоянно происходило между востокомъ и западомъ, что вполне объясняется великимъ распространеніемъ материка стараго свѣта отъ востока къ западу и несравненно меньшимъ распространеніемъ его отъ сѣвера къ югу, въ противоположность образу распространенія материка новаго свѣта. Итакъ, жизнь человѣчества развилась повсюду и совершеннѣе тамъ, гдѣ происходила встрѣча менѣе рѣзкихъ климатическихъ разнообразій, что, повидимому, противурѣчитъ сказанному нами о широкости и полнотѣ жизни. Противурѣчіе это мнимое. При величайшемъ разнообразіи пластическаго строенія и очертанія своего, старый свѣтъ обладаетъ несравненно большимъ климатическимъ единствомъ, чѣмъ новый; въ старомъ свѣтѣ по

1) *Humboldt: Asie Centrale*, I, 95.

произошло первоначального разъединенія между востокомъ и западомъ, ни между сѣверомъ и югомъ ¹⁾, въ тоже время каждая особенность могла развиваться въ широкихъ размѣрахъ.

Филологическія изслѣдованія, изученіе древнѣйшихъ священныхъ преданій стараго свѣта, приводятъ насъ въ Среднюю Азію, какъ въ общую колыбель, изъ которой началось расселеніе историческихъ народовъ, періодъ *хаотическаго сосредоточенія* ²⁾.

1) Землеустройство Азіи Риттера, русскій переводъ, I, 102.

2) Мы должны сознаться, что сближеніе противоположныхъ выраженій *расселеніе* и *сосредоточеніе* должно казаться естественнымъ. Великая выработавшаяся національность есть гармонія, установившаяся между физическими условіями страны и ея обитателями. Конечно, нельзя допустить, чтобы когда либо существовалъ странствующій народъ, который, выступивъ изъ Средней Азіи, шелъ безостановочно до самыхъ береговъ Атлантики. Вѣроятно каждый переселившійся народъ заселялъ собою послѣдовательно и каждый, быть можетъ, на много вѣковъ лежащій на пути страны. Но ни въ одной изъ этихъ странъ не успѣла водвориться гармонія, свойства которой мы сейчасъ объяснили; вслѣдствіе этого народъ находился въ первоначальномъ состояніи хаотическаго сосредоточенія, пока не наступилъ для него второй періодъ.

Въ Индіи періодъ организаціи наступилъ весьма рано и весьма давно уже достигъ полного своего развитія. Этотъ быстрый ходъ самостоятельнаго развитія объясняется самой природой Индіи и въ особенности строеніемъ ея въ видѣ полуострова. Но участіе ея въ общечеловѣческой дѣятельности не могло идти столь же быстрымъ ходомъ; оно ограничилось лишь ближайшими островами. На тулонцѣ азиатскаго материка Индія не оказывала обратнаго вліянія, что равнолѣпно объясняется строеніемъ ея въ видѣ полуострова, хотя и весьма обширнаго, но несоразмѣрно малаго въ сравненіи съ великимъ тулонцемъ азиатскаго материка, въ который врывается она сѣвѣрной половиной своей, но врывается, не сглаживая съ нимъ и вслѣдствіе этого сохраняя характеръ рѣзкой индивидуальности. Такимъ образомъ распространеніе индійской цивилизаціи по тулонцу материка стараго свѣта сдержано было пластическими условіями самаго Индустана. Только внослѣдствіи времени насильственно изверженная изъ Индустана сѣмена религіозной цивилизаціи пала въ восточной Азіи не на бесплодную почву: теперь считается до 300 милліоновъ послѣдователей Буддизма, колыбель котораго была въ Индіи. Всякая цивилизація, хотя бы даже весьма односторонняя, достигнувъ нѣкоторой степеніи развитія, пріобрѣтаетъ силу, которой сами собою подчиняются менѣе развитые народы. Изгнанники, индійскіе буддисты, составили изъ разномысленныхъ народовъ религіозную единицу, которая заключаетъ въ себѣ болѣе народонаселенія, чѣмъ величайшія монархіи, созданныя мечемъ завоевателей.

Такового вывода достигли мы изслѣдованіями, не касавшимися общаго строенія стараго свѣта. Но, если бы на оборотъ, оставивъ въ сторонѣ міръ преданій, мы ограничились однимъ лишь обсужденіемъ пластическаго устройства стараго свѣта въ великихъ его формахъ; если бы предположили себѣ на основаніи такого обсуждения отыскать страну, которая по всѣмъ вѣроятностямъ нѣкогда предназначена была служить мѣстомъ исхода общечеловѣческой исторической дѣятельности, то такую страну указали бы въ Средней Азіи. «Въ этой серединѣ находимъ мы: наивозможно большее взаимное сближеніе обоихъ нагорій (Монгольскаго и Иранскаго) къ ю.-з. и с.-в., между которыми проникаютъ съ ю. и с., въ видѣ прямыхъ угловъ, обширныя низменности (Туранская и Индустанская), припимающія послѣдовательно участіе въ явленіяхъ двухъ совершенно различныхъ нагорій, образующихъ гористую вершину ихъ треугольниковъ, а связь между нагорьями и низменностями образуется уступами главнѣйшихъ рѣчныхъ системъ Ганга, Инда и Окса, принадлежащихъ къ самымъ замѣчательнымъ воднымъ системамъ земнаго шара. Здѣсь скучены слѣдовательно всѣ главныя формы низменностей и нагорій: плоскогорія, альпійскія и горныя страны, хребты окраинъ, равнины и долины съ водосклонами на всѣ стороны свѣта, съ далеко раскинувшимися передовыми странами, приготовившими для всего движущагося и одареннаго жизнью пути къ двумъ океанамъ и двумъ частямъ свѣта; такія соединенія представляютъ театръ безконечнаго разнообразія, котораго вліяніе на ходъ развитія исторіи человѣчества превращаетъ этотъ пунктъ въ самый возбужденный импульсомъ природы на всемъ земномъ шарѣ» ¹⁾.

Начиная отъ Средней Азіи, отъ страны, гдѣ протекаетъ райская рѣка Геонъ (Оксусъ), «она обтекаетъ всю Кушъ»,

1) Землеустройство Азіи К. Риттера, русскій переводъ, I, 97.

внизъ къ югу вдоль райской рѣки Фиссона (Индъ), «она обтекаетъ всю землю Хавила» ¹⁾, вдоль восточной и южной окраины Иранскаго плоскогорія, въ Мессопотаміи, вдоль восточнаго и южнаго береговъ Аравійскаго полуострова, вдоль африканскаго берега Чермнаго моря, въ Сиріи, на ближайшихъ къ Азіи островахъ Архипелага, даже, быть можетъ, по берегамъ Греціи, по южному и восточному берегамъ Понта Эвксинскаго, находимъ мы признаки давно минувшаго существованія непрерывной цѣни народовъ дѣятельныхъ, предприимчивыхъ, торговыхъ, мореплавателей, одаренныхъ высокою способностью наблюдать, изобрѣтать, строить, мѣрить, — народовъ, которыхъ открытія въ области прикладныхъ точныхъ наукъ составляли въ теченіи нѣсколькихъ тысячелѣтій весь капиталъ обихода человѣчества, капиталъ, постепенно скудѣвшій, даже въ самую цвѣтущую эпоху классической образованности, и только въ наше время вновь быстро возрастающій. Ни одинъ изъ вародевъ древности, ни въ одну изъ эпохъ существованія своего, озаренныхъ для насъ свѣтомъ исторіи, не обладавъ ни средствами, ни умѣньемъ создать колоссальныя постройки, подобныя сооруженіямъ египетскимъ, вавилонскимъ, ассирійскимъ. Всѣ великія изобрѣтенія, имѣвшія величайшее вліяніе на судьбу человѣчества, какъ напр., искусство добывать и обрабатывать металлы, земледѣліе, мореплаваніе и проч. теряются въ недосягаемой для взора нашего глубинѣ времени. Историческіе вѣка до возрожденія наукъ въ Европѣ не ознаменованы никакимъ великимъ открытіемъ и собственно составляютъ какъ бы перерывъ въ изобрѣтательной дѣятельности человѣчества. Въ древнѣйшихъ священныя преданія народовъ находимъ мы имена таковыхъ великихъ изобрѣтателей, по именамъ эти суть, очевидно, мифическія, выражающія собою изобрѣтатель-

1) Бытія II, 11, 13.

ную дѣятельность цѣлыхъ вѣковъ, длиннаго ряда поколѣній. Всякое новое открытіе содержитъ въ зародышѣ нѣсколько другихъ; чѣмъ болѣе сдѣлано таковыхъ, тѣмъ болѣе облегчается путь къ послѣдующимъ. На оборотъ, нельзя сомнѣваться, что первыя открытія требовали неимоверныхъ усилій, величайшаго напряженія изобрѣтательныхъ способностей; нѣкоторые изъ нихъ, конечно, можно приписать счастливымъ случайностямъ; другихъ, какъ напри-
кваніи желѣза, не только нельзя приписать «случайностямъ», но даже трудно объяснить, какъ человѣкъ дошелъ до нихъ. Таковыя открытія могли слѣдовать одно за другимъ не иначе, какъ весьма медленно. Не станемъ разсуждать о томъ, съ какимъ запасомъ врожденныхъ свѣдѣній человѣкъ появился на землѣ; ограничиваясь наблюденіями, къ которымъ и теперь еще могутъ представляться случаи, позволительно думать, что одно лишь умѣнье добывать огонь и обращаться съ нимъ составляло первоначальный запасъ познаній человѣчества. Представимъ же себѣ, сколько вѣковъ должно было учиться людямъ, чтобы отъ простаго умѣнья добывать огонь дойти до умѣнья построить пирамиды египетскія, въ сравненіи съ которыми наши нынѣшнія постройки кажутся ничтожными, до умѣнья основать государства, которыхъ столицы обширностію превосходили Парижъ и Лондонъ, наконецъ, до умѣнья дѣлать точныя астрономическія наблюденія, которыя производились уже за девятнадцать вѣковъ до Александра Македонскаго. Если мы сообразимъ все это, то должны сознаться, что наши повѣйшія открытія составляютъ незначительную часть того пути, который знаніе человѣческое совершило въ эпоху, недостижимую для исторіи. Кто же были эти дѣятели на поприщѣ первоначальныхъ успѣховъ человѣческаго развитія? Кто же были эти исполины-строители, которые кажутся какъ бы средни таинственными строителямъ пирамидъ новаго свѣта, скрывающихся теперь въ глубинѣ непропицаемыхъ лѣсовъ, вдали отъ жилищъ человѣческихъ. «Все они открыли намъ, кромѣ имени и существованія свое-

го» ¹⁾. Имъ есть «написанное на листѣ бѣлой бумаги, по ни строчки болѣе» ²⁾. «Написаны имена по лицу цѣлой земли, по повѣдомо кѣмъ».

Замѣтимъ, что въ преданіяхъ всѣхъ древнѣйшихъ народовъ эти великіе изобрѣтатели, наставники людей, являются въ видѣ чужеземцевъ; ни одинъ изъ историческимъ народовъ не причисляетъ ихъ къ совму своихъ родоначальниковъ. Еще замѣчательнѣе, что, не смотря на благотѣльные послѣдствія ихъ открытій, они причисляются къ племени, проклятому Богомъ, къ племени, мудрому, какъ змій, но, какъ змій, пренебреженному лукавства и злобы. Первый «земледѣлецъ» былъ Каинъ, убившій брата своего «пастыря овецъ» ³⁾ Авеля, въ которомъ олицетворенъ первоначальный бытъ непорочныхъ пастырей симитскихъ и арійскихъ. «Голосъ крови брата твоего вопіеть ко Мнѣ съ земли. И пынь проклятъ ты отъ земли». Каинъ построилъ первый городъ на землѣ; потомокъ Каина *Лаваль* былъ «отецъ живущихъ въ *шанрагъ* со стадами»; братъ его *Иуваль* «былъ отецъ всѣхъ играющихъ на гусяхъ и свирѣли»; третій братъ *Оовель* «былъ коначемъ всѣхъ орудій изъ мѣди и желѣза». И отецъ ихъ *Ламехъ* радуется изобрѣтенію *Оовелову*, какъ средству кровомщенія, и въ порывѣ дикаго восторга обращается къ женамъ своимъ съ слѣдующею пѣнею:

Ада и Селла, услышите гласъ мой,

Жены *Ламеховы*, прислушайтесь къ рѣчи моеи,

За язву убью я челоуѣка,

За царапину ребепка.

За Каина мстилось седмицею,

За *Ламеха* да мстится семьдесятъ седмицею. ⁴⁾

1) *D. Дамбергъ*.

2) *Баронъ Экштейнъ*.

3) Бытія IV, 3, 9, 10, 20—25.

4) *Ewald: Gesch. des Volkes Israel, Zw. Aûsg. I, 357*. Мы позволили себѣ представить этотъ точный переводъ допотопной пѣсни *Ламеховой*, полагая,

Проклятое Богомъ потомство Каиново размножилось на землѣ, «въ то время были на землѣ исполины» «сильные, издревле славные люди». вмѣстѣ съ ними «увеличилось развращеніе человѣковъ на землѣ». И сказалъ Господь: истреблю съ лица земли человѣковъ, которыхъ Я сотворилъ, отъ человѣковъ до скотовъ, и гадовъ и птицъ небесныхъ истреблю» ¹⁾. Но послѣ потопа вновь возникаетъ племя людей могучихъ, исполиновъ, нечестивыхъ, въ лицѣ проклятаго Ноемъ Хама; сыновей его Хуша (Куша), Мидраима (Египта), Фута и Хаваана. Хушъ (Кушъ) роди Нимрода: «сей началъ быть силепъ на землѣ» «царство его въ началѣ *составляли*: Вавилонъ» и пр. Далѣе повѣствуется, какъ строился Вавилонъ и башня его «высокою до небесъ»; «падѣлаемъ кирпичей и обожжемъ огнемъ; и стали у нихъ кирпичи вмѣсто камней, а земляная смола вмѣсто извести». Великое изобрѣтеніе искусственныхъ строительныхъ матеріаловъ, давнее человѣку возможность строить города въ замѣнъ кочевыхъ шатровъ и пещеръ троглодитовъ, какъ мы видимъ, также приписано нечестивому потомству Хамову, кушитамъ. Священное писаніе проникнуто чувствомъ омерзевія къ нимъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вездѣ описываются они въ видѣ народовъ богатыхъ, торговыхъ, промышленныхъ, свѣдущихъ во всякомъ искусствѣ. Все усилія Моисея и, потомъ, пророковъ направлены къ тому, чтобы охранить избранный Богомъ народъ израильскій отъ язвы блестящаго, матеріальнаго развитія кушитовъ: но непрестанно народъ израильскій поддавался соблазну. Изъ исторіи премудраго царя Соломона видно, что онъ мыслить сблизить два враждебные элемента, заимствовавъ у кушитовъ одни лишь чудеса ихъ образованности, но и онъ не устоялъ противъ соблазна. «И разгнѣвался Господь на Соломона, за то, что онъ уклонилъ сердце свое отъ Господа, Бога Израилева» ²⁾.

что библейскій текстъ можетъ казаться темплатъ для тѣхъ, которые не вполне усвоили себѣ разумніе языка церковнаго.

1) Бытія, VI, 4—8.

2) Кн. Царствъ III, XI, 9.

Основаніе всѣхъ древнѣйшихъ городовъ и, слѣдовательно, древнѣйшихъ государствъ въ западной Азіи приписывается книгой Бытія *исключительно* потомству Хамову ¹⁾. Ни изъ потомства Симова, ни изъ потомства Гаветова ни одно лицо не является въ видѣ завоевателя или строителя городовъ и царствъ. Очевидно, что мы соприисутствуемъ той отдаленной эпохѣ, когда ни симиты, ни арійцы не дошли еще до западной Азіи, или, быть можетъ, начали появляться въ ней лишь въ видѣ разрозненныхъ, слабыхъ, неопасныхъ для осѣдлаго могучаго Хамова потомства, кочевыхъ племенъ. Историческія указанія книги Бытія составляютъ какъ бы лучъ солнечный, на короткое время приподнимающій передъ глазами нашими густую мглу тумана, скрывающаго картину; ускользнула этотъ лучъ свѣта и снова все погрузилось въ мракъ на длинный рядъ вѣковъ. Когда, наконецъ, за двадцать вѣковъ до Р. Х., въ эпоху жизни Авраамовой, вновь начинаетъ мерцать свѣтъ, то мы усматриваемъ въ западной Азіи прежніе города, прежнія царства, но уже въ этихъ городахъ живутъ, этими царствами правятъ, повидному, одни лишь симиты и арійцы. Въ одномъ Египтѣ, не смотря на все примѣси, видимъ мы народъ, не симитскаго и не арійскаго происхожденія. Какія же событія совершились въ этомъ долгомъ промежуткѣ историческаго мрака? Не знаемъ. Мы знаемъ Царьградъ Константина Великаго; представимъ себѣ, что мгла неизвестности налегла на этотъ городъ слишкомъ на тысячелѣтіе, что, потомъ, въ XV в. снова вывелъ онъ предъ лицо исторіи: городъ тотъ же, но властители въ немъ другіе. Такъ, быть можетъ, въ продолженіе длиннаго, неизвѣстнаго намъ періода времени, одрачлѣвшіе кущиты исчезли, подавленные напоромъ исполненныхъ свѣжихъ силъ симитовъ и частію арійцевъ, оставивъ имъ въ наслѣдство и великолѣпные чертоги свои, и матеріальное

1) Бытія, X.

образование и даже религію. Нельзя думать, чтобы кушиты были истреблены до послѣдняго человѣка, но они могли смѣшаться съ новыми пришельцами; какія средства имѣемъ мы теперь, по прошествіи тысячелѣтій, подсмотрѣть ихъ въ смѣшанномъ древнемъ народонаселеніи Тигро-Евфратскихъ монархій и южнаго Ирана? То, что утратили они языкъ свой, не должно удивлять насъ: кушиты были по преимуществу городскіе жители, которые не такъ легко сохраняютъ языкъ свой, какъ жители сельскіе и, въ особенности, кочевые. Если всѣ кушитскіе языки были родственны съ древнимъ египетскимъ, который, сколько мы можемъ судить, былъ языкомъ почти *удиняющимъ* (isolante), то, не смотря на все превосходство своего образованія, кушиты могли уступить природному превосходству *избѣгающихъ* ¹⁾ (Héchissantes) языковъ симитскихъ и арійскихъ. Замѣтимъ, притомъ, что древніе писатели знали о существованіи на югѣ западной Азіи темной породы людей съ гладкими волосами. Этихъ людей называли они *восточными* или *азіатскими* еоіопами ²⁾. Замѣчено было уже выше, что греческіе переводчики библіи замѣняли еврейскія названія странъ и народовъ другими названіями, сдѣлавшимися болѣе извѣстными, какъ напр. страну Араратскую—Арменіей, Уръ - Каслимъ—Халдеей. Такъ и еврейскихъ кушитовъ, потомковъ Хуша, сына Хамова, замѣнили они еоіопами; райская рѣка Геонъ, орошающая землю еоіопскую, въ еврейскомъ подлинникѣ орошаетъ землю Хусову. Все это несомнѣннымъ образомъ доказываетъ, что Геродотъ и другіе классики называли еоіопами остатокъ потомства Хамова, племени, нѣкогда господствовавшего на землѣ.

Должно ли считать кушитовъ за совершенно особую расу, столь же отличную отъ симитской и арійской, какъ послѣднія двѣ отличны одна отъ другой? Нельзя не сознаться, что вопросъ этотъ

1) На стр. 59 эти языки названы авторомъ *развивающимися*. Прим. ред.

2) Геродотъ VII, 69.

до сихъ поръ подаетъ поводъ ко многимъ сомнѣнiямъ. Библейское распредѣленiе на три расы всѣхъ бывшихъ на слуху у евреевъ народовъ съ перваго взгляда не оставляетъ никакого сомнѣнiя въ самостоятельности кушитской расы, распавшейся на множество народовъ; при внимательномъ изслѣдованiи, возникаютъ недоумѣнiя, конечно, не въ отношенiи къ справедливости библейскихъ сказанiй, но въ отношенiи къ способу, какъ толковать ихъ. Распредѣленiе это, повидимому, основано не столько на происхожденiи народовъ, сколько на положенiи странъ, которыя были ими занимаемы, при чемъ страны эти раздѣлены на сѣверную, среднюю и южную полосы ¹⁾. Потомство Хамово изображаетъ совокупность обитателей южной, жаркой полосы зона *torrida*: даже само названiе Хамъ значитъ *черный* ²⁾, что, быть можетъ, прямо относится къ отличительному физическому свойству обитателей жаркой полосы. Если припять безусловно такое толкованiе, то, конечно, могли быть причислены къ племени Хамову симитскiе и даже арiйскiе народы, обитавшiе въ жаркой полосѣ. Намъ положительно извѣстно, что языкъ финикiнъ былъ симитскiй, а, между тѣмъ, библiя причисляетъ ихъ къ потомству Хамову: «Отъ Ханаана родился Сидонъ, первенецъ его» ³⁾. Наибольше убѣдительнымъ доказательствомъ, что первые основатели городовъ и государствъ въ Месопотамiи и Сирии были симитскаго происхожденiя, кажется то, что большая часть названiй этихъ городовъ и государствъ могутъ быть объяснены помощiю симитическихъ языковъ. Съ другой стороны можно возразить, что всѣ эти названiя переданы намъ симитами; что если бы только черезъ турокъ потомство узнало о существованiи Византии и Константинополя, то не знало бы оно ничего ни о Византии, ни о Константинополѣ, а знало бы объ одномъ лишь Стамбулѣ; что кушиты могли

1) *Tuch*: Kommentar über die Genesis, 203.

2) *Renan*: Hist. des langues sémit. I, 40.

3) Бытiя X, 15.

примѣнять языки свои на симитскіе точно также, какъ въ послѣдствіи времени не разъ случалось, что симиты мѣняли языки свои на арійскіе. Языкъ древнихъ египтянъ, сколько можемъ мы судить о немъ, не принадлежалъ къ симитскому корню. Туземное названіе Египта *Хемі*, быть можетъ, въ связи съ названіемъ Хама. Соотношенія между характеромъ развитія Египта и таковымъ же древнѣйшаго Вавилона не могутъ подлежать сомнѣніямъ; трудно предположить, чтобы вавилоняне были только учениками египтянъ въ наукахъ и искусствахъ; скорѣе даже можно полагать, что обѣ таковыя цивилизаціи, основанныя на общемъ началѣ одноплеменности, развивались каждая самостоятельно, тѣмъ болѣе, что Египетъ, по уединенному положенію своему, не обладалъ большою способностью къ внѣшней дѣятельности ¹⁾. Имя кушита Нимрода, библейскаго основателя Вавилона, встрѣчается въ числѣ царей одной изъ древнѣйшихъ египетскихъ династій; наконецъ, если библія называетъ кушитами нѣкоторые народы несомнѣнно симитскаго происхожденія, то это могло относиться къ тому, что народы эти вполнѣ подчинились вліянію кушитской образованности и тѣмъ наложили на себя, въ глазахъ евреевъ, печать отверженія, тяготѣвшаго надъ цѣлымъ потомствомъ Хамовымъ.

Припомнимъ еще разъ читателю, что основаніе городовъ въ Месопотаміи книга Бытія приписываетъ кушитами, т. е. потомству Хуша, сына Хамова; выше говорится о райской рѣкѣ Геонъ, «сія окружающая всю землю Евѵпскую», въ еврейскомъ подлинникѣ «сія окружающая всю землю Хусову». Землю Хушовою должно бы почитать Месопотамію, но страна эта орошается Тигромъ (Хиддекель) и Евфратомъ, которые поименованы въ числѣ райскихъ рѣкъ; слѣдовательно, рѣку Геонъ и землю Хушову надобно искать не въ Тигро-Евфратскомъ бассейнѣ. При томъ, не

1) *Kunick* въ *Mel. asiat. de l'Académie des sciences de St.-Pétersb.* 5-me livr. 1852, 512, 513.

самъ Хушъ является ошователемъ городовъ, а сыновья и внуки его, которые «двинувшись съ Востока, нашли въ землѣ Сенааръ равнину, и поселились тамъ» ¹⁾. Итакъ, согласно библейскому сказанію, землю Хушову должно искать на востокъ отъ Месопотаміи; на Иранскомъ плоскогоріи, или далѣе еще въ Средней Азіи. Въ числѣ сыпоевъ Хушовыхъ названъ Эвила (Хавила) ²⁾, въ числѣ райскихъ рѣкъ названа рѣка Фисонъ «она обтекаетъ всю землю Хавила, ту гдѣ злато; и золото той земли хорошее; тамъ бдолахъ и камень ониксъ» ³⁾. Судя по этимъ произведеніямъ, которыя въ Египетъ и Аравію привозились во времена Моисея въ моремъ изъ Индустана, рѣка Фисонъ изображаетъ Индъ, слѣдовательно, на Индѣ должно искать землю Эвилатскую. Эвила названъ въ книгѣ Бытія сыномъ Хуша; согласно историческому смыслу библейскихъ родословныхъ росписей, должно думать, что народъ эвилатскій вышелъ изъ земли Хушовой, что народъ этотъ прямо произошелъ отъ обитателей земли Хушовой (Еѳіопской греческаго перевода), которую орошаетъ рѣка Геонъ. Мы выше замѣтили, что расселеніе арійцевъ по Индустану происходило по направленію отъ сѣверо-запада къ юго-востоку и что первоначальное отечество ихъ должно искать въ высокой странѣ источниковъ Оксуса и Якарта. Если допустить подобное же направленіе расселенія кушитовъ по Индустану, то за библейскую землю Хушову (Еѳіопскую) должно принять высокія полосы Турана, а за райскую рѣку Геонъ—Оксусъ, нынѣшнюю Аму-Дарью. Но все это не болѣе, какъ выводы изъ цѣлага ряда предположеній, которыхъ справедливости ничѣмъ нельзя доказать. Если, совершенно независимо отъ библейскихъ сказаній, мы въ древнѣйшихъ преданіяхъ самаго Индустана найдемъ какіе либо слѣды Хуша (Куша), Эвила (Хавила) и пр., то, конечно, весь вопросъ о кушитахъ приобрѣтеть

1) Бытія XI, 2.

2) Тамъ же X, 7.

3) Тамъ же II, 11 и 12.

надежную степень достоверности и уясненія. Таковыя слѣды дѣйствительно находимъ мы.

Въ Индустанѣ и въ цѣломъ древнемъ мірѣ славилась изобиліемъ золота и драгоценныхъ камней сѣверо-западная оконечность полуострова, страна Дарада, подлѣ Кашмира. Эта страна въ тоже время поситъ въ древнѣйшихъ Ведахъ названіе Кампила ¹⁾, Капила, близко подходящее къ Хавила. Оно имѣетъ весьма разнообразныя формы, изъ которыхъ одна, быть можетъ, уцѣлѣла въ нынѣшнемъ названіи города Кабула. Самый корень всѣхъ этихъ разнообразныхъ названій въ санскритскомъ языкѣ заключаетъ въ себѣ гнѣто зловѣщее, темное, подземное ²⁾. Въ понятіяхъ индійскихъ арііцевъ, темнокожіе народы, издревле обитавшіе у подошвы Гималаевъ, находились въ тѣсной связи съ этимъ подземнымъ міромъ. Были двѣ сестры, мифически изображающія состояніе первосозданной жены до грѣхопаденія и послѣ него. Одна изъ нихъ, царица дня, бѣлая, лучезарная, покровительница людей бѣлолицыхъ, поклоняющихся богамъ, живущимъ на небѣ, богамъ охотниковъ, пастырей и воиновъ; другая сестра, царица ночи, темная покровительница людей темнокожихъ, поклоняющихся богамъ подземнымъ, богамъ-змѣямъ, расточающимъ поклонникамъ своимъ «дѣлающимъ землю» плоды земли и сокровища, скрытыя въ пѣдрахъ ея. Неумолимая вражда отдѣляетъ поклонниковъ жены свѣтлой отъ поклонниковъ жены темной, жены-змѣи. Последняя носитъ различныя названія: Калиши, Кадру, Кефены; съ этими наименованіями связаны этническія названія: Кадравейасъ (Кадру, Гедрозія) ³⁾ и весьма распространенное между греками

1) *Lassen*: Ind. Alterth. I, 530.

2) *Baron Eckstein* въ Athenaeum français, 22 avril, 27 mai, 19 août 1854; ero же въ *Journ. asiat.* 1855 août—septembre, oct.—nov., déc.: de quelques légendes brahmaniques qui se rapportent au berceau de l'espèce humaine.

3) *Lassen*: въ Zeitsch. für die Kunde des Morgenl. IV, 111—113.

название Кефены, служившее для означенія всѣхъ вообще восточныхъ, азіатскихъ еѳіоповъ, или библейскихъ кушитовъ. Эти древнѣйшіе темные обитатели предгорій Гималайскаго хребта считали себя потомками Прадшапати, повелителя всѣхъ созданий, бога *Куши*. Такимъ образомъ мы въ индійскихъ преданіяхъ; относящихся къ эпохѣ, многими вѣками предшествовавшей эпохѣ Моисеевой, находимъ имя Куши, несомнѣнно тождественное съ библейскимъ Хушомъ, въ видѣ имени родоначальника многочисленныхъ народовъ, обитавшихъ, какъ въ самомъ Индустанѣ, такъ и въ прилежащей къ нему странѣ *Куши-двита*. Библейское сказаніе о рѣкѣ Геонѣ, орошающей землю Хушову (Еѳіопскую), объясняется совершенно чуждыми еврейскъ индійскими преданіями. Дѣйствительно, Капила (Хавила, Эвила) находится въ Пенджабѣ, при входѣ въ Индустанъ съ сѣверо-запада; Капила есть сынъ Хуша, или, иначе, Капила есть народъ, вышедшій изъ страны Хушовой, которую орошаетъ не Фисонъ (Индъ), а вторая рѣка, называемая Геономъ. Эта страна Капила лежитъ подлѣ самой двери въ Индію; если народъ находится вблизи таковой двери, то надобно предположить, что онъ только что вошелъ въ Индію, а не то, что готовится покинуть ее; послѣднее предположеніе опровергается всѣми особенностями индійской природы. Но если капила только что вступили въ Индію, то послѣдняя великая рѣка, которую они могли видѣть, была Оксусъ, Аму-Дарья. Мусульмане теперь называютъ Оксусъ Джейхупомъ, тождественнымъ съ Геономъ, Каина Кабиломъ: таковыя названія могутъ казаться произвольными, ни на чемъ не основанными; объясненіе ихъ находили мы въ сравнительномъ изученіи библейскихъ и индійскихъ преданій. Потомство Куши въ Индіи развѣтвилось на множество племенъ или народовъ, извѣстныхъ подъ общимъ собирательнымъ названіемъ каушика. Изъ числа ихъ, нѣкогда носившіе названіе кшудрака, въ теченіи времени превратились въ шудра или судра, составляющіе теперь особую касту въ браманической Индіи, четвертую

по степени достоинства, обрѣченную служенію высшимъ кастамъ, отъ которыхъ теперь еще рѣзко отличается она болѣе темнымъ цвѣтомъ кожи. У шудра существовало поклоненіе богу *Камъ*, олицетворявшему собою жаръ любви оплодотворяющей. Это имя божества, столь близкое къ имени второго сына Ноева, Хама, разошлось по всему западу Азіи и даже проникло въ Египетъ, гдѣ чествовали древняго бога Кхема; между хапанеями распространено было служеніе богу Камосу, и Соломонъ, совратившійся въ старости своей вслѣдъ боговъ иныхъ «построилъ капище Камосу, мерзости Моавитской» ¹⁾.

Слѣды распространенія хамитскаго племени къ западу особенно явственно замѣтны вдоль южной приморской окраины материка западной Азіи и далѣе по восточному берегу Средиземнаго моря и по островамъ Архипелага. Слѣды доисторической дѣятельности хамитскаго племени внутри великаго азіятскаго материка труднѣе подмѣтить, или, лучше сказать, они обнаруживаются лишь рядъ мѣ явленій, очевидно имѣющихъ между собою взаимную связь, но совершенно чуждыхъ, по характеру, всему тому, что могло возникнуть изъ коренныхъ началъ симитскихъ или арійскихъ. Чистѣйшее проявленіе симитскаго характера, конечно, находимъ мы въ исторіи первыхъ еврейскихъ патріарховъ до-египетской эпохи, которые такъ опасались притока въ семейную жизнь свою чужеземныхъ элементовъ, что даже женъ брали у однородцевъ, жившихъ въ далекой сторонѣ. Картина жизни первыхъ еврейскихъ патріарховъ производитъ на воображеніе чарующее впечатлѣніе, будучи проникнута истинною, не смотря на то, что въ ней встрѣчаются нравственныя явленія, рѣзко противоположны нашимъ понятіямъ, но съ которыми можно, впрочемъ, примириться, вникнувъ въ особенности симитскаго характера. Согласно понятіямъ симитовъ, Богъ создалъ человека *по образу*

1) Кн. царствъ 3, XI, 7.

и по подобію своему, человекъ долженъ творить добро, но добро есть воля Божія, которую человекъ познаетъ откровеніемъ свыше, а не мышленіемъ; міръ созданъ, чтобы похвалять славу Божию и возвысить твореніе рукъ ея человеку. Другого смысла мірозда-нія не существовало для первоначальныхъ симитовъ, которыхъ типъ сохранился во всей чистотѣ въ аравитякахъ пустыни.

Подобнымъ образомъ раскрывается передъ нами и картина первобытнаго арійскаго міра въ древнѣйшихъ Ведахъ и въ древнѣйшихъ иранскихъ преданіяхъ о золотомъ вѣкѣ Іимы: это есть дѣтски-свѣтлое сочувствіе къ природѣ, бессознательное убѣжде-ніе, что все существующее имѣетъ разумное право на существованіе. Въ глазахъ первобытныхъ арійцевъ всѣ дѣятели природы были боги, дѣйствующіе подъ вліяніемъ неотъемлемыхъ условий, такъ же опредѣляющихъ свойства ихъ, какъ три угла опредѣ-ляютъ свойства треугольника. Между этими богами, одни благо-пріятны, другіе враждебны человекъ, но совокупная дѣятельность ихъ, животрепещущая природа, не удручаетъ его ни скорбію, ни уныніемъ, ни сомнѣніемъ, не возбуждаетъ въ немъ ропота. Какъ говоритъ Гумбольдтъ, простое соприкосновеніе съ природою, влія-ніе чистаго воздуха, дѣйствуютъ на человекъ успокоительно, услаждаютъ горе, укрощаютъ страсти, когда духъ взволнованъ. Они возбуждаютъ въ насъ безотчетное сознаніе порядка и законовъ, природою правящихся, представляя намъ противоположность между тѣсными предѣлами нашего существованія и безиредѣльностью, отражающеюся вездѣ, и на звѣздномъ сводѣ неба, и на равнинѣ, теряющейся вдали, и на поверхности океана, сливающеюся съ туманомъ ¹⁾. Таковыя дѣйствительныя почвы, симитская и арійская, могли ли сами собою, безъ иноподныхъ наносовъ, породить и вы-ростить чудовищныя вѣрованія, которыя встрѣчаемъ мы въ древне-азіатскомъ мірѣ?

1) *Humboldt: Cosmos* (Stuttgart und Tübingen 1845), I, 6.

Начало всѣхъ этихъ вѣрованій должно искать въ естественномъ стремленіи человѣка проникнуть тайну происхожденія органической жизни на землѣ. Чисто матеріальный способъ возрѣнія на эту неразрѣшимую задачу, повидимому, былъ безусловно принятъ хамитами. Хаосъ, водная бездна, въ которой въ видѣ ила растворена была матерія всего нынѣ существующаго, былъ предвѣченъ. Это есть начало библейской космогоніи: «земля же была безвидна и пуста, и тьма надъ бездною», причемъ вычеркнута первая строка ея «въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю». Матеріализмъ представлялъ хаосъ предвѣчнымъ, никѣмъ несотвореннымъ. Но необходимо предположить какое нибудь внѣшнее вліяніе на него, чтобы былъ свѣтъ, чтобы была твердь, чтобы явилась суша. Вода, море представлялись въ видѣ женскаго начала, оплодотворяемаго; это есть Мага-Маія великая матерь, египетскія богини Нейтъ, Пахтъ, Муть, Изида, вавилонская Милитта, Деркетто филистимлянъ, хананейская Апера, наконецъ архипелагская Аеродита, богиня чувственной любви, исходящая изъ моря. Начало оплодотворяющее, мужское, представлялось въ неопредѣленномъ видѣ, смотря потому, болѣе или менѣе успѣвлялъ грубый матеріализмъ подавить въ кушитахъ всякую способность возвыситься надъ чувственными ощущеніями. Это другое начало, деміургъ, міростроитель, иногда представляется въ видѣ бога, не сотворившаго предвѣчной матеріи, но столь же предвѣчнаго, какъ и она, бога, ее оплодотворившаго, бога теплоты, свѣта, солнца, вызвавшаго жизнь въ сырости хаоса, великой матери, предвѣчной матеріи. Таковы боги-деміурги суть египетскіе Фра, Птахъ, Аммопъ, Кнефъ, Хемъ, Озирисъ, вавилонскій Бель, Дагонъ филистимлянъ, хананейскій Бааль. Во всякомъ случаѣ первоначальное значеніе этихъ боговъ заключаетъ въ себѣ одно лишь понятіе оплодотворяющей теплоты, мужскаго начала. Въ сущности всѣ эти боги-деміурги не болѣе, какъ физическія силы, то, что называемъ мы теперь невѣдомою матеріей. Согласно основнымъ понятіямъ

хамитовъ, предвѣчная матерія сама заключала въ себѣ дѣйствующее мужское начало; она была андрогиническая, обоюдополая; безъ всякаго внѣшняго вліянія, въ ней возникло Вождельвіе, Апазонъ, Любовь, даже не половое влеченіе животныхъ, а скорѣе взаимное притяженіе частицъ матеріи, химическое сродство.

Отсюда видно, что, если въ древне-азиатскомъ мірѣ, симиты, или лучше сказать, евреи суть представители монотеизма, арійцы пантеизма, то кушиты суть чистѣйшіе представители атеизма въ основаніяхъ своей космогонической философіи. Весьма сомнительна возможность встрѣтить атеиста, вполне убѣжденнаго въ своихъ мнѣніяхъ, тѣмъ невѣроятнѣе еще существованіе народа-атеиста: такковыя понятія слишкомъ противурѣчаютъ общеврожденному въ людяхъ способу возрѣвія на мірозданіе. Такъ было и у хамитовъ-атеистовъ: по мнѣнію ихъ, изъ согрѣтой грязи возникли боги, полу-человѣки, полу-рыбы или полу-зміи: Эждна, Деркетю, Дагопъ и пр. Хамиты не могли устранить вѣрованія въ бессмертіе души, но это вѣрованіе связано было у нихъ съ нетлѣвностію брэннаго тѣла, откуда бальзамированіе. Не входи въ изложеніе подробностей религіозныхъ обрядовъ хамитовъ, ограничимся однимъ лишь указаніемъ на гибельное вліяніе, которое имѣли они на нравственный бытъ древнихъ обитателей цѣлой западной Азіи, преимущественно же симитовъ.

На началахъ, исключавшихъ всякое общечеловѣческое понятіе о божествѣ, хамиты должны были создать богослуженіе. Прекрасное есть равновѣсіе мысли съ формою, есть конечное, осязаемое, матеріальное проявленіе безпредѣльнаго, трудно-уловимаго чувства. Конечно, способность понимать прекрасное не составляетъ еще способности выражать его, но безъ первой вторая невозможна. Сознаніе человѣкомъ предвѣчнаго, разумнаго начала всѣхъ началъ, всеблагаго Творца вселенной, составляетъ самый плодотворный источникъ всего прекраснаго, совершеннаго человѣкомъ. Таковой источникъ въ самомъ началѣ изсякъ для хамитовъ.

Цыяцное было для нихъ лишь осуществленіемъ идеи колоссальнаго. Таковы суть пирамиды египетскія, башни и стѣны вавилонскія, колоссы баміанскіе и родосскіе, индійскія и армянскія скалы, обращенныя въ храмы и дворцы. Какими формами осуществитъ мертвыя понятія о предвѣчной материн, о возникшемъ въ ней вождельннн, о силѣ оплодотворяющей? Олицетвореніе всего этого египтяне принесли въ животныхъ, которыхъ инстинктивная жизнь соотвѣтствовала ихъ понятіямъ объ инстинктивной дѣятельности природы. Такъ возникло въ Египтѣ обожаніе кошекъ, которыхъ глаза свѣтятъ въ темнотѣ и изображаютъ свѣтъ хаотической тьмы; крокодиловъ, амфибій, представлявшихъ собою выходъ творенія изъ темныхъ водъ хаоса на свѣтъ и на сушь; быковъ, олицетворявшихъ оплодотворяющую силу и т. п. Но обожаніе оплодотворяющей силы породило другіе символы, еще болѣе возмутительные для чувства, фаллусы, составлявшіе, на показъ всѣмъ, въ преувеличенныхъ размѣрахъ принадлежности въ которыхъ идоловъ; египетскія женщины торжественно носили ихъ, при извѣстныхъ религіозныхъ церемоніяхъ. Можно ли предположить какое либо эстетическое чувство въ народахъ, создавшихъ таковыя обряды? Можно ли приписывать вліянію жаркаго климата страны или чрезмѣрному обилію даровъ природы, таковое извращеніе всякаго нравственнаго чувства? Въ Вавилонѣ, въ Сири, въ Малой Азіи, въ Арменіи существовали храмы великой богини оплодотворенія и сладострастія, извѣстной подъ разными названіями: Милитты, Ашеры, Деркеты, Анаиты и пр. Въ честь ея, ювныя дѣвы въ храмахъ и въ священныя роцяхъ обязаны были жертвовать своею непорочностью, отдаваясь безотговорочно приходившимъ чужестранцамъ. Замужнія женщины посѣщали храмы и на извѣстный срокъ обрѣкали себя служенію богини, которое состояло въ распутствѣ. Знаменитѣйшіе всегда заключали по нѣскольку сотъ служительницъ, іеродулъ; подобныя храмы разбѣяны были по пространству западной Азіи, начиная отъ береговъ Средиземпа-

го моря до Индустана, гдѣ также издревле существовали свинценно-служительницы—байдерки. Положеніе этихъ храмовъ сладострастія находится въ тѣсной связи съ направленіемъ древнѣйшихъ, историческихъ торговыхъ караванныхъ путей, которые соединяли отдаленную, западную страну Оины (Thynae, Чинъ, Chine?) съ берегами Средиземнаго и Чернаго морей. По этимъ путямъ шли драгоценные камни и золото на западъ, изъ богатой страны царя Куверы, лежащей къ сѣверу отъ Индустана, гдѣ, какъ слышалъ Геродотъ, муравьи, которые менѣе собаки, но болѣе лисицы, стерегутъ золото. Это есть міръ дѣятельности кушитскихъ купцовъ, о которыхъ темныя воспоминанія сохранились въ обширной сказочной литературѣ индусовъ. Вездѣ является въ нихъ богиня, отвергающая храмы свои богатымъ купцамъ для любовныхъ наслажденій съ прекрасными священными служительницами сладострастія ¹⁾. Такъ по всей Азіи находимъ мы плоды древа «познанія добра и зла», которые мудрые, но лукавые, какъ змѣи, кушиты, разсѣяли между болѣе одаренными, но неуспѣвшими еще выйти изъ состоянія дѣтской простоты, симятами и аріями.

Существуетъ необъяснимая, но несомнѣнная связь между обузданнымъ сладострастіемъ и кровожаднымъ помѣшательствомъ, находимымъ наслажденіе въ мученіяхъ и истязаніяхъ; въ чловѣкѣ или даже въ цѣломъ обществѣ меркнетъ всякая способность отличать изящное отъ уродливаго или, лучше сказать, послѣднее заступаетъ мѣсто перваго. Какъ бы утомленные сладострастіемъ, кушиты обоготворили начала, враждебныя плодородію земли и умноженію рода чловѣчества. Это были страшныя божества Молохъ и Астартѣ, которыхъ нельзя было умилостивить иначе, какъ приношеніемъ людей въ жертву и самоувѣчемъ. Ежегодно приносились таковыя жертвы и, сверхъ того, чрезвычайны въ случаѣ общественныхъ несчастій, тяжелой войны, глада или бо-

1) *Journ. asiat.*, 1855, Décembre, 512.

лѣзпи. Чтобы жертва угодна была Молоху, для нея избирался непорочный ребенокъ, первородный или единопородный сынъ въ семействѣ и ни одно семейство не могло уклониться отъ выпавшаго ему жребія. Въ храмѣ стоялъ колоссальпый мѣдный истуканъ Молоха съ распростертыми руками, пустой внутри, гдѣ разводился огонь, и когда колоссъ раскалялся, то, при оглушительныхъ звукахъ трубъ и литавръ, возлагали на руки истукана дѣтей, которыя скользили въ извергавшую пламя пасть Молоха ¹⁾. Матери должны были присутствовать при этихъ жертвоприношеніяхъ и сдерживать слезы, удушать стенанія. Въ другихъ мѣстахъ, людей кидали въ море, олицетворявшее собою божество бесплодное и враждебное всякой жизни. Великая Астарте, богиня дѣвственная, но воинственная и кровожадная, требовала себѣ въ жертву дѣвочекъ. Ея служительницы обрѣкали себя на вѣчно цѣломудріе, жрецы оскотплялись въ честь богини; во время великаго весенняго праздника Астарте, иногда фанатическое изступленіе овладало толпами богомольцевъ, которые внезапно совершали надъ собою оскотпленіе. Такъ распространился въ Азіи чудовищный обычай, которымъ умѣло въ послѣдствіи времени воспользоваться ревнивое сластолюбіе. При ложномъ основаніи, всѣ даже здравыя внушенія способствовали умноженію заблужденій. Кушаты не могли совершенно освободиться отъ вѣрованія въ единоебожіе; мы видѣли, что предвѣчная матерія, по ихъ понятіямъ, заключала въ себѣ начала оплодотворяющее и оплодотворяемое, мужское и женское. Отсюда божества андрогиническія, обоюполныя, соединявшія въ себѣ противоположные характеры: Мелькартъ финикійцѣ служилъ олицетвореніемъ соединенныхъ Ваала и Молоха, дѣвственная богиня Астарте изображалась съ бородою Мелькарта ²⁾; во время религіозныхъ празднествъ женщины падѣвали на себя

1) Дюдоръ Сицилійскій, XX, 14.

2) Gerhart: Kunst der Phöniker, 86, 38.

мужскія платья, вооружались мечами и копьями; мужчины облекались въ женскія одежды, сшитыя изъ тонкихъ, прозрачныхъ тканей ¹⁾. Жрецы-евнухи ходили постоянно въ женскихъ платьяхъ, приобъщая ко всѣмъ ухищреніямъ женскаго кокетства; священнослужительницы были въ полномъ вооруженіи; при нѣкоторыхъ храмахъ таковыхъ было множество, что могло подать поводъ, вмѣстѣ съ другими обстоятельствами, къ преданіямъ объ амазонкахъ. На счетъ таковыхъ переодѣваній законодатель еврейскій предостерегалъ народъ Божій: «на женщины не должно быть мужской одежды, и мужчина не долженъ одѣваться въ женское платье; ибо мерзокъ предъ Господомъ, Богомъ твоимъ, вселѣй дѣлающей сіе» ²⁾. Легко представить себѣ, до какой степени всѣ таковыя зрѣлища развратили воображеніе народное, какое болѣзненно-причуждивое направленіе придали они ему. Женщина воинственная, кровожадная, мужчина слабый, женоподобный,—таковыя идеалы встрѣчаемъ мы въ древнѣйшихъ кушитскихъ мифахъ. Адонаи (Адонисъ) и Мемнонь, прекрасныя юнны, погибшіе до возмужалости; Семирамида, дочь Милитты-Держето, богини сладострастія и кровожадности, является величайшей завсезательницей; она имѣетъ множество любовниковъ, платящихъ жизнью за наслажденіе, вѣждато Семирамида зарываетъ живаго въ землю и приказываетъ насыпать надъ нимъ высокой холмъ; она вводитъ въ употребленіе между воинами одежду, подобную женской, и окружаетъ себя евнухами, чтобы приближенные къ ней не казались ей сильпѣе. Сынъ ея Ниніасъ и всѣ послѣдующіе цари, въ продолженіе тридцати поколѣній до Сардапачала, проводятъ жизнь посреди наложницъ, не показываются подданнымъ, не ведутъ войны; Сардапачаль занимается женскими руководльями, носитъ женское платье, румянится и бѣлится, поддѣлываетъ голосъ свой подъ женскій ³⁾.

1) *Movers: Religion der Phöniker*, 451.

2) Второзаконіа XXII, 5.

3) *Діодоръ Сицилійскій*, II, 21, 23.

Конечно, эти странные нравы выработались въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ и относятся къ эпохѣ цивилизаціи, отжившей уже свой вѣкъ и умиравшей посреди продолжительной мучительной агоніи. Конечно, древнѣйшіе исполныи-кушиты, строители, изобрѣтатели, не похожи были на Сарданапала, но пѣтъ сомнѣнія, что въ самомъ первоначальномъ настроеніи ихъ гени, *тогда матеріальнаго*, въ ихъ религіозныхъ системахъ, хранились зародыши окончательнаго позорнаго развитія ихъ цивилизаціи. Скажемъ еще болѣе, эти зародыши обнаружались даже въ невѣдомую и неостыжимую для насъ эпоху созданія кушитскихъ языковъ, если только о системѣ ихъ позволительно судить по тому немногому, что намъ извѣстно о языкѣ древнихъ египтянъ. Съ другой стороны можно полагать, что ни симитская, ни арійская расы, достигнувъ даже періода совершеннаго истощенія, глубокой дряхлости, каковой періодъ, какъ кажется, наступилъ уже для симитовъ, не представляли бы явленій, подобныхъ тѣмъ, которыя мы описали выше. Еще разъ повторимъ, что явленія эти можемъ мы наблюдать лишь между древними народами, которые языкомъ и большинствомъ массы своей принадлежали несомнѣнно къ симитской расѣ и частію къ арійской. Но, во всякомъ случаѣ, такыя нравы у симитовъ и у арійцевъ суть заимствованныя; чѣмъ менѣе подвергались эти двѣ расы столкновенію съ кушитскою, тѣмъ врожденный гений ихъ проявлялся въ большей чистотѣ. Таковыя чистыя симитовъ находимъ мы въ евреяхъ, пока хранили они законъ Моисеевъ, въ аравитянахъ пустыни; чистыхъ арійцевъ въ индусахъ Ригъ-Веды, въ иранцахъ Зендавесты, въ ахеменидахъ Киропедіи, въ германцахъ Тацита. Есть организмы, въ которыхъ болѣзнь можетъ развиваться сама собою, другимъ общается лишь путемъ заразы; тѣмъ длиннѣ этотъ путь, тѣмъ болѣе слабѣетъ болѣзненное начало. Не мудрено, что на сирійскихъ и месопотамскихъ симитовъ всего сильнѣе подѣйствовала кушитская цивилизація, въ которой, конечно, не позволительно

видѣтъ одну лишь темную сторону. Переданныя симитами сѣмена этой цивилизаціи пали на благословенную почву Греціи; гений арійскій требовалъ лишь возбужденія, чтобы, посреди самыхъ благоприятныхъ обстоятельствъ, блеснуть яркимъ свѣтомъ ¹⁾. Этихъ первыхъ впечатлѣній для него было довольно; позднѣйшее тѣсное сближеніе грековъ съ Азіей вслѣдствіе персидскихъ войнъ и завоеваній Александра Македонскаго не внесло никакихъ живительныхъ, благотворныхъ началъ; скорѣе подѣйствовало оно зло-вредно. Александрійская школа философовъ, риторовъ, грамматиковъ, музыкантовъ, ничего не добавила къ сокровищу человѣческаго развитія. Клеопатра представляетъ собою смягченныя, измѣнившіяся черты кушитскаго вліянія, нѣкогда столь сурово обозначившіяся въ мионической Семирамидѣ. Но ветхому грѣшнику, напутствовавшему первый выходъ историческаго міра изъ колебели, суждено было во всей отвратительной гнили выйти изъ могилы, чтобы мерзостной оргіей отпраздновать конецъ до-христіанскаго развитія человѣчества; римскіе легіоны на далекомъ востокѣ мечомъ раскопали смрадпую могилу его; въ Неронахъ, Калигулахъ, Неронахъ, Каллигубалахъ воскресли хананейскія, вавилонскія, нивейскія чудовища разврата. Но это было не надолго. На самомъ востокѣ, послѣ паденія монархіи Ахеменидовъ, воздухъ очистился притокомъ свѣжихъ арійскихъ элементовъ, съ одной стороны изъ Турана пароянскихъ, съ другой греческихъ. Позже исламу заимѣли матеріальное религіозное ученіе кушитовъ симитскимъ монотеизмомъ, въ теченіи вѣковъ сохранившимся, какъ искра подъ пепломъ.

Индійскіе арійцы, сперва занятые упроченіемъ своего владычества на полуостровѣ, потомъ устройствомъ внутренняго быта, наконецъ, вполне отдавшіеся мистическому созерцанію, отвергнувшему всякую внѣшнюю политическую дѣятельность, не заботились

1) *Kuntz* вл. *Mémoires de l'Académie des Sciences de St.-Petersbourg*, 1852, I, 5-me livre, 510.

о сѣверныхъ иранскихъ одноплеменникахъ своихъ. Если во всѣхъ народахъ арійской расы можно замѣтить *общія родовыя* нравственныя черты, то едва ли духъ вышней пропаганды составляетъ такую черту; нѣкоторые арійскіе народы обладаютъ этимъ свойствомъ весьма въ слабой степени, индусы совершенно лишены его. Но затворническій, эгонистическій, уединенный отъ цѣлаго свѣта Индустанъ во всѣ эпохи магнитически манилъ къ себѣ всемірныхъ завоевателей: Индустанъ, откуда шли драгоцѣннѣйшія произведенія природы, находился, по мнѣнію древнихъ, на краю обитаемаго міра. „Изъ числа всѣхъ народовъ индійцы ближе всѣхъ къ зарѣ и къ восходу солнца. Съ этой стороны они суть первые обитатели Азии. Далѣе къ востоку пески превращаютъ землю въ пустыню. Оконечности обитаемой земли одарены всѣмъ что есть прекраснѣйшаго на землѣ“¹⁾. Завоеваніе Индіи представлялось завоевателямъ въ видѣ окопчательнаго подвига, долженствовавшаго увѣнчать трудное ихъ поприще. Но этого окопчательнаго подвига не удалось совершить вполнѣ ни одному изъ древнихъ завоевателей, приходившихъ съ запада. Міръ индійскій и міръ западно-азійскій никогда не могли слиться воедино, даже на короткое время.

Не смотря на чрезвычайное разнообразіе, представляемое физическими свойствами западной половины континента Азии, составленной изъ нѣсколькихъ великихъ отдѣльныхъ типовъ мѣстности: обширныхъ плоскогорій, низменностей, альпійскихъ странъ, не смотря на то, что обитатели ея принадлежали къ тремъ различнымъ расамъ, изъ которыхъ каждая способна была къ самостоятельному развитію, западная Азія, за исключеніемъ Аравійскаго полуострова, въ продолженіи большей части древнихъ историческихъ вѣковъ представляется въ видѣ одного политическаго тѣла, которое, по временамъ, распадается на части, потомъ вновь

1) Геродотъ, III, 93, 101.

составляется во едино, каждый раз измѣняя свое политическое средоточіе. Прочная осѣдлость, неразрывная связь между почвой и людьми здѣсь могли возникнуть рано. Дѣятельность силы населенія ничѣмъ не стѣсняема была лишь на Иранскомъ плоскогоріи, но и тутъ она направлялась преимущественно по окраинамъ, избѣгая серединной безводной и безплодной пустыни. Чѣмъ тѣснѣе ложе рѣки, тѣмъ напоръ сильнѣе, тѣмъ скорѣе воды уползаетъ вдаль. Западная окраина Ирапа, Мидійскій перенеекъ, представляетъ собою альпійскую страну, гдѣ общій типъ плоскогорія дробится на множество частныхъ, взаимно несходныхъ. Пришельцы, не находя впереди тѣхъ самыхъ физическихъ условій, съ которыми успѣли уже свыкнуться, должны были заботиться, какъ имъ удержаться въ странѣ, которую разъ успѣли занять, должны были отстаивать свою самобытность, національность, независимость. Въ этомъ помогала имъ сама страна, горнымъ характеромъ своимъ способствовавшая оборонѣ. Но сѣверо-западною оконечностью своей Иранское плоскогоріе соединяется съ Армянскимъ, сходнымъ съ нимъ по климату, но различествующимъ тѣмъ, что всѣ измѣненія, встрѣчающіяся въ Ирапѣ и требующія тамъ для обнаруженія себя значительныхъ разстояній, въ Арменіи сближаются, перепутываются; здѣсь нѣтъ обширныхъ, негостеприимныхъ пустынь Ирапа. Во всякомъ случаѣ, кочевья племена, волей или неволей переселившись изъ Ирапа въ Арменію, могли въ ней продолжать прежній образъ жизни, постепенно подготавливаясь къ различнымъ новымъ условіямъ, ожидавшимъ ихъ впереди. Если сравнивать Арменію съ Ираномъ въ отношеніи къ способности разсѣванія сконившагося народонаселенія въ прилежащія страны, то всѣ преимущества остаются на сторонѣ Арменіи. Говоря вообще, каждая страна, при извѣстномъ содержаніи поверхности своей, тѣмъ тѣснѣе связана съ сосѣднею, чѣмъ болѣе имѣетъ съ нею точекъ соприкосновенія; такимъ образомъ, принимая въ соображеніе не физическія свойства страны, а одну лишь конфигура-

цію и поверхность ея, большая или меньшая связь ея съ соседними можетъ быть опредѣлена большимъ или меньшимъ отноше-
ниемъ площади ея къ длинѣ пограничной черты; но послѣдняя тѣмъ длиннѣе, чѣмъ болѣе изломана, чѣмъ болѣе заключаетъ въ себѣ исходящихъ и входящихъ угловъ, слѣдовательно, чѣмъ болѣе врѣзывается въ соседнія страны. Въ этомъ отношеніи особенно невыгодно очертаніе Иранскаго плоскогорія, имѣющее видъ четырехугольника, ограниченаго почти прямыми линиями; къ югу лежитъ безостровное Индійское море, къ сѣверу также безостровный Каспій. Въ противоположность Ирану, Армения имѣетъ весьма извилистыя границы и распадается самими разнообразными формами къ низменной долинѣ Куро-Ріонской, къ Месопотаміи, къ Малой Азіи, оттуда въ Понту Эвксинскому и къ Средиземному морю. Мы выше говорили о мнѣніи древнихъ восточныхъ народовъ, будто существуетъ высокая страна, откуда бѣгутъ всѣ воды, напоюющія землю, откуда разбѣгаются онѣ на четыре стороны свѣта. Подобныя понятія существовали и о высокой странѣ, общей родиной всѣхъ народовъ, странѣ, которая не есть ни Индія, ни Иранъ, ни Туранъ, ни Чинъ, но, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть и Индія, и Иранъ, и Туранъ и Чинъ; изъ этой высокой страны всѣ народы, населяющіе землю, разошлись на всѣ четыре стороны свѣта. Мы видѣли выше, что, если не въ отношеніи къ теченію рѣкъ и если не для цѣлаго свѣта, то, по крайней мѣрѣ, для огромнѣйшей части туловища материка стараго свѣта дѣйствительно существуетъ таковой узелъ, въ которомъ сходятся величайшіе отдѣльные типы его поверхности, два плоскогорія: Иранское и Монгольское, и двѣ низменности: Индійская и Туранская; мы видѣли также, что многія обстоятельства дѣлаютъ весьма правдоподобнымъ мнѣніе, что вокругъ этого узла находилась страна, изъ которой вышли три историческія расы стараго свѣта. Такимъ образомъ, величайшіе контрасты географическіе и этнографическіе сходятся вмѣстѣ въ Средней Азіи и страна сближенія ихъ, по всей справедливости,

можетъ быть названа *индифференціальною*, т. е. нейтральною относительно всего того, что опредѣляетъ отличія народовъ и странъ. Весьма естественно также, что если для цѣлаго стараго свѣта можно открыть таковую общую индифференціальную страну, то и для великихъ раздѣленій его, для частей его, могутъ существовать подобныя же частныя индифференціальныя страны. Если мы примемъ за одно великое цѣлое западную Азію, т. е. пространство континента отъ восточной окраины Прана до Егейскаго Архипелага и отъ Кавказа до Персидскаго залива, пространство взятое за одно цѣлое вовсе не произвольно ¹⁾, то индифференціальною, нейтральною страной его будетъ Армянское плоскогоріе. Не мудрено, что въ воображеніи народовъ западной Азіи это плоскогоріе облеклось мифическимъ характеромъ, которое законнымъ образомъ принадлежитъ Средней Азіи, этому сердцу цѣлаго континента стараго свѣта. На Арменію западно-азійцы смотрятъ, какъ на родную сторону: это есть вторая колыбель историческаго, обновленнаго, новаго, Ноева человѣчества; прежнія забыта или сохранилась лишь въ воспоминаніяхъ народовъ, живущихъ въ виду ея, на восточной окраинѣ Иранскаго плоскогорія. Въ Арменію воображеніе народовъ, спустившихся съ Армянскаго плоскогорья, перенесло и рай и ковчегъ; изъ Арменіи текутъ райскія рѣки Тигръ и Евфратъ; Фиссонъ есть, быть можетъ, Фазисъ, которымъ назывались иъбогда и Араксъ и Чорохъ и Ріопт. Крѣмъ евреевъ, древліе вавилоняне ²⁾ полагали, что Кесизутръ, спасшійся отъ потопа, вышелъ на землю въ горахъ Халдейскихъ, въ Арменіи, и оттуда отправилъ слугниковъ своихъ въ Месопотамію, чтобы отыскать зарытыя тамъ священныя допотопныя книги. Арменія никогда не представлялась иранцамъ въ видѣ колыбели

1) Ritter's Erdkunde, VIII: Rückblick auf die Gegensätze zwischen dem Osten und Westen in Mittel-Asien, 207—211.

2) *Вепозъ* въ отрывкахъ у разныхъ древнихъ писателей.

ихъ племени, но какъ названіе страны, такъ и названія мпожества географическихъ предметовъ ел, сродни древнѣйшимъ Zendскимъ названіямъ, что легко могло ввести въ заблужденіа первыхъ толкователей Зепдавесты. Грузины выводятъ какъ себя, такъ и всѣхъ коренныхъ обитателей Кавказа изъ Арменіи. Наконецъ, даже греки усматривали въ Арменіи что-то родное и приписывали армянамъ оессалійское происхожденіе. Находи близкое сходство между армянами и фритійцами, они указываютъ намъ на этническую цѣпь, тянущуюся съ Армянскаго плоскогорья черезъ Анатолю къ западу до Архипелага.

Мы выше объяснили певѣроятность предположенія, чтобы расы, населившія Европу, проникли въ нее черезъ Кавказскій перешеекъ и тѣмъ менѣе еще черезъ Егейское море, Геллеспонтъ или Босфоръ. Такимъ образомъ расселеніе народовъ, вышедшихъ изъ Средней Азии и направившихся черезъ Иранское и Армянское плоскогорья, должно было сравнительно рано достигнуть конечныхъ предѣловъ своихъ, непроходимаго Кавказскаго хребта, непрерывнаго морскаго рубежа и, наконецъ, къ югу, песчаныхъ пустынь африканскихъ. Здѣсь, слѣдовательно, періодъ образованія прочной связи между почвой и обитателями долженъ былъ также возникнуть сравнительно рано. Уже этихъ соображеній достаточно, чтобы объяснить, почему въ западной Азии возникли самыя древнія политическія общества, почему она сдѣлалась колыбелью исторіи. Даже построеніе городовъ, основаніе государствъ выходитъ изъ предѣловъ историческаго знанія, которое не удовлетворяется драгоценными, но весьма краткими сказаніями, заключающимися въ книгѣ Бытія. Копечпо, общежительность имѣетъ корни въ самой природѣ человѣческой, но общежительность въ извѣстныхъ предѣлахъ; жизнь семейная, жизнь кочевая, жизнь сельская, правительство, основанное на родственной привязанности; чистый воздухъ, близкое и тѣсное соприкосновеніе съ свободной природой, составляютъ

болѣ раннія потребности человѣчества. Отъ всего этого въ значительной степени должны были отказаться люди, когда начали строить огромные города, соединяться въ великія политическія общества, подчиняться централизирующей власти, широко распространяющей свое стѣсняющее, сдавливающее дѣйствіе. Нельзя не предположить также, что первыми дѣйствителями на такомъ поприщѣ политической дѣятельности были народы, для которыхъ всё невыгодныя стороны жизни городской и жизни въ большихъ политическихъ обществахъ могли быть менѣе ощутительными по самымъ свойствамъ ихъ духовной природы. Такими дѣйствительно представляются намъ народы кушитской расы, которыхъ направленіе было чисто матеріальное, которые смотрѣли на всё дары природы, какъ на одно лишь средство къ удовлетворенію чувственности, которые мѣряли, наблюдали, испытывали природу, чтобы исхитить изъ нея новый, дотошъ невѣдомый даръ, а не затѣмъ, чтобы сблизиться съ нею безкорыстнымъ уразумѣніемъ новой, дотошъ невѣдомой тайны ея. Созерцательное наслажденіе природой, бесполезное и для знанія и для матеріальныхъ потребностей какъ человѣка, такъ и народа, но доставляющее и человѣку и народу богатый запасъ духовной крѣпости, которая и въ болѣе строгую, болѣе суровую эпоху жизни не дозволитъ жару юнѣшескаго возраста остыть до холодной золы, наслажденіе, произведшее Веды, Илиаду, Одиссею, Калевалу, быть можетъ, совершенно чуждо было кушитами, которые не пѣснями, а грудами нагроможденныхъ камней, іероглифическими записями *на память*, передали вѣсть о себѣ потомству. Таковыя народы какъ бы существовали для того, чтобы указать грядущему, болѣе разносторонне-одаренному человечеству, примѣръ единства въ дѣятельности, но не примѣръ единства въ свободномъ разнообразіи дѣятельности: до такого состоянія человечество еще не доросло. Какъ ни противоположно было кушитское направленіе врожденнымъ кореннымъ свойствамъ симитовъ и арійцевъ, но послѣдніе ослѣплены были блескомъ ку-

шитской образованности: побѣдителямъ жалъ было покинуть доставшіеся имъ въ добычу великолѣпные чертоги побѣжденныхъ, имъ не хотѣлось уже снова возвратиться въ бѣдные шатры свои. Чужая высоко-развитая цивилизація, внезапно и легко доставшаяся народу, не усвоившему себѣ ее ни вѣковымъ трудомъ, ни длиннымъ рядомъ испытаній, подавляетъ всякую самостоятельную творческую способность: онъ идетъ рабски по слѣдамъ предшественника; гдѣ прерываются эти слѣды, тамъ онъ останавливается; способность его къ развитію заключена въ тѣсныхъ предѣлахъ. Мы знаемъ, что уже во времена Авраама существовали въ цѣлой западной Азии цвѣтущіе торговые города симиито-кушитскіе, существовали сильныя государства; послѣ того, въ теченіи пятнадцати вѣковъ, происходило множество политическихъ переворотовъ, но отъ всего этого шума завоеваній, что осталось въ наслѣдство позднѣйшему человѣчеству? Великое наслѣдство, книги Ветхаго Завета переданы намъ народомъ, державшимъ себя поодаль отъ всего современнаго ему человѣчества; великія открытія, имѣвшія величайшее вліяніе на судьбу цѣлаго человѣческаго рода, были сдѣланы ранѣе этого пятнадцати вѣковаго періода, вѣроятно въ эпоху полной свѣжести силъ кушитовъ, одностороннихъ, но тѣмъ не менѣе даровитыхъ. Если не развитіе, то, по крайней мѣрѣ, непрерывность дѣятельности мы замѣчаемъ въ однихъ финикіянахъ, но и они оказали услугу человѣчеству лишь тѣмъ, что распространили по свѣту дошедшее до нихъ отъ кушитовъ, сами не прибавивъ ничего къ пріобрѣтенному наслѣдствомъ ¹⁾.

Мы выше видѣли, что кушитскія религиозныя вѣрованія должны были имѣть самое губительное вліяніе на благоустройство семейной жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что гражданская жизнь можетъ правильно развиваться только изъ семейной. Между нѣсколькими семействами существуетъ родство, которое придастъ имъ совокуп-

1) *Kunick* въ *Mél. asiat. de l'Acad. de St.-Petersb.*, 1852, t. I, 516.

ную индивидуальность въ отношеніи къ семействамъ чужимъ, нероднымъ. Этотъ союзъ семействъ обладастъ чѣмъ либо общимъ, что принадлежитъ каждому члену, но не принадлежитъ никому изъ нихъ исключительно, это общее есть: или родовое имя, котораго добрую славу каждый изъ посящихъ долженъ охранять отъ нарѣканія чужихъ людей, или какое либо фамиліное повѣрье въ особое таинственное существо, осѣняющее покровомъ своимъ лишь людей однокровныхъ, или, наконецъ, какаа либо собственность, вѣтъмъ принадлежащая, но недѣлимая: вода, лѣса, луга, пастбища, въ противуположность домамъ, полямъ, садамъ, составляющимъ частную собственность. Очевидно, что, по мѣрѣ умноженія числа таковыхъ семействъ, болѣе обширные интересы вырастаютъ надъ частными; интересъ общины заключаетъ въ себѣ все, что есть общаго между семейными интересами, интересъ государства все, что есть общаго между интересами общины. Государственный интересъ, или лучше сказать, необходимость существованія центральнаго правительства, широко распространяющаго свое вліяніе, должны выработаться изъ интересовъ частныхъ, изъ самозванныхъ правительствъ семейныхъ и общинныхъ. Родники питаютъ ручьи, ручьи питаютъ рѣки; если родники исчезнуть, то и рѣки исчезнуть; искусственными плотинами можно запереть воду въ рѣкѣ, чтобы не ушла она въ море, по рѣка образуетъ тогда сырадное болото.

Кочевымъ народамъ, не успѣвшимъ еще окрѣпнуть въ домашней жизни, досталось богатое послѣдіе кушитовъ. Горѣ бѣдѣяку, которому внезапно достанется во владѣніе мѣшокъ съ золотомъ! Но послѣдія кушитовъ кочевые симаги не могли принять иначе, какъ подчинившись совершенно чуждымъ для нихъ политическимъ формамъ; пастухи внезапно сдѣлались горожанами, прѣкній порядокъ, естественнымъ путемъ развивавшійся, разстроился безвозвратно, даже семейная жизнь не устояла противъ творшихъ кушитскихъ вѣроваій. Вновь возникшая жизнь могла

тянуться долго безъ вѣшнихъ потрясеній, какъ можетъ долго тянуться хилая жизнь хвораго человѣка, во уже цѣлю жизни становится одно лишь сохраненіе ея. Въ такомъ состояніи находимъ мы историческій Египетъ; таковое состояніе представляетъ намъ въ настоящее время Китай. Вѣшнія потрясенія не заставили себя долго ждать; изъ Средней Азіи продолжался напоръ кочевыхъ народовъ; аріицы смѣнили собою симиговъ, прежнія частныя завоеванія кочевыхъ племенъ, при наступившемъ общемъ разслабленіи осѣдлыхъ народовъ, приняли огромныя размѣры. Такъ возникла великая ассирійская монархія. Но связью между всѣми завоеванными частями, изъ которыхъ каждая уже издавна проникнута была гнилью разложенія, служила одна лишь матеріальная сила завоевателей, которая скоро должна была переродиться и истощиться. Ходъ таковыхъ явленій мы легко можемъ наблюдать въ исторіи персидской монархіи ахеменидовъ, которая намъ ближе извѣстна, чѣмъ скрытыя въ полумракѣ монархіи тигро-евфратскія. Если даже и не вѣрить буквально идеализированной Киропедіи Ксенофонта, то во всякомъ случаѣ нельзя отвергнуть, что персы Кира представляютъ собою народъ юный, свѣжій, исполненный энергіи, предназначенный для великой будущности. Центральное управленіе всѣми разнородными частями великой персидской монархіи, созданное Даріемъ IIстаспомъ, въ предѣлахъ, доступныхъ для такого рода управленія, обличаетъ чувство справедливости, уваженіе челоѣческаго достоинства, уваженіе національностей, отсутствіе суевѣрія. Все, что составляетъ вѣшную сторону дѣятельности правительствъ, подати, судопроизводство, военныя силы, внутреннія сношенія, все это было приведено въ порядокъ. За соблюденіемъ порядка смотрѣли избранники, *очи и зини царскія*. Не мудрено создать хорошіе законы, но хорошіе законы не въ силахъ создать хорошихъ людей. Таковыхъ не было въ западной Азіи; свѣжіе аріискіе элементы подверглись скорой порчѣ въ зараженной атмосферѣ и достаточно было горсти гре-

ковь, чтобы сокрушить въ прахъ все созданіе великолѣпнаго царя царей.

Мы выше сказали, что вліяніе западной Азіи на Индустанъ заключено было весьма въ тѣсныхъ предѣлахъ. Столь же мало распространялось оно и за означенные нами сѣверные и западные предѣлы ея. Възвой антагонизмъ между Ираномъ и Тураномъ не прекращался, какъ не прекращается онъ и въ наше время, но не ознаменовалъ себя никакими великими послѣдствіями. Съ одной стороны вторженія саковъ, съ другой походъ Кира противъ массагетовъ, не измѣнили ни въ чемъ судьбы народовъ. Черезъ Кавказъ вторгались въ Азію скивы, какъ скоропреходящій ураганъ, производящій временное опустошеніе. Обратнаго дѣйствія черезъ Кавказъ незамѣтно. Важнѣе торговая дѣятельность финикянъ вдоль большей части морской периферіи Европы. Но эта дѣятельность ограничилась почти одними берегами; финикійская цивилизація не проникла во внутрь европейскаго материка, не внесла примѣси своей во внутренней духовный бытъ арійскаго народонаселенія Европы. Дарій Истаспъ предпринималъ походъ противъ скивовъ черезъ Босфоръ и Оракію въ выпѣшнюю южную Россію: это гигантское предпріятіе осталось безъ всякихъ послѣдствій. Походы Дарія и Ксеркса противъ Греціи были лишь предвозвѣстниками паденія персидской монархіи. Такимъ образомъ Европа съ Тураномъ уцѣлѣла отъ водоворота древней западно-азиатской политики. Просвѣщеніе симито-кушитское вызвало Грецію на стезю блестящаго самостоятельнаго развитія, имѣвшаго величайшее вліяніе на ходъ общечеловѣческаго развитія, но такому вліянію суждено было пройти длиннымъ окольнымъ путемъ прежде, чѣмъ отозвалось оно въ туловищѣ материка Европы. Вниманіе грековъ устремлено было на югъ, на востокъ и на западъ; на сѣверѣ жили варвары, которые ничего не хотѣли заимствовать отъ утонченно-развитыхъ грековъ; послѣдніе съ своей

стороны не умѣли и не хотѣли сблизиться съ варварами; колоніи торговали съ китаемъ, но не цивилизовали ихъ.

Такимъ образомъ намъ представляется третья особая часть стараго историческаго свѣта, которая, подобно индустанской и западно-азіатской, вѣзывается клиномъ въ сердце Азіи и отсюда распространяется по направленію къ сѣверо-западу до Атлантическаго и Ледовитаго океановъ. Эту особую историческую часть стараго свѣта мы покауда не можемъ назвать европейскою, потому что въ нее входитъ обширное пространство земель, которыя при- выкли мы причислять къ Азіи. Но означеніе географической сухопутной границы между Европой и Азіей до сихъ поръ составляетъ спорный вопросъ, который навсегда останется таковымъ, потому что ни въ какомъ случаѣ граница эта не можетъ быть проведена иначе, какъ произвольно и условно. Европа составляетъ сѣверо-западное продолженіе Азіи; таковое понятіе возникаетъ при одномъ взглядѣ на географическую карту обѣихъ частей свѣта, ничего не объясняющую, кромѣ распредѣленія суши и воды; при болѣе внимательномъ обсужденіи вопроса, принимая въ соображеніе разнообразіе физическихъ условій, опредѣляющихъ разнообразіе великихъ типовъ земной поверхности, мы найдемъ, что Европа есть продолженіе одного великаго типа, Туранской низменности, начинающейся въ сердцѣ Азіи. По мѣрѣ удаленія своего къ сѣверо-западу, этотъ типъ постепенно измѣняется: отрицательная низменность переходитъ въ положительную, т. е. уровень континента, углубленный относительно океана, сравнивается съ нимъ, потомъ превышаетъ его, не достигая однако высоты меньшихъ уровней плоскогорій Пранскаго и Армянскаго. Почва, сначала неплодвая, солонцоватая, явно свидѣтельствуетъ, что вѣкогда была она дномъ великаго средиземнаго моря, при осушеніи своемъ раздробившагося на множество соленыхъ озеръ, въ свою очередь подчиненныхъ вѣковому процессу осушенія; достигнувъ положительнаго уровня, она дѣлается весьма способною къ

земледѣлю, обращается въ необозримые травопосные луга; еще далѣе покрывается безкопечными, дремучими лѣсами, посреди которыхъ, еще въ недавнее время, расчищенные топоромъ и огнемъ поляны для городовъ, для селеній, для пашенъ, представлялись, какъ острова-точки на водной поверхности Тихаго океана. Мѣстами, гдѣ тянутся водораздѣлы между великими рѣчными бассейнами, равнина дѣлается болотистою, усеянною небольшими прѣсными озерами; мѣстами пески мѣшаютъ ей плодородію; вглуби сѣвера она представляется въ видѣ упылыхъ необозримыхъ гудръ, гдѣ одни лишь мхи напоминаютъ о не совсемъ оцѣпѣвшей еще плодотворной дѣятельности природы. Постепенное измѣненіе уровней, широтъ и долготъ мѣстъ, климатовъ, обуславливаемыхъ послѣдними измѣненіями, большая или меньшая близость морей,—все это придаетъ разнообразіе наружно-однобразной равнинѣ, по это разнообразіе обнаруживается постепенно, не обозначается опредѣленными чертами. Такимъ образомъ единъ и тотъ же типъ мѣстности, начинающійся въ Средней Азии, заключается въ себѣ большую часть Европы. Юго-западная окраина этого типа, начиная отъ пересѣченія Болуръ-тага съ Гинду-Ку, совпадаетъ съ сѣверной окраиной Иранскаго плоскогорія, перерѣзываетъ Каспій, далѣе опредѣляется Кавказомъ, Таврскимъ хребтомъ, Карпатомъ, Судетами и доходитъ до Ламанша на сѣверѣ Франціи. Къ юго-западу отъ этой окраины, Европа представляетъ большое разнообразіе типовъ земной поверхности, которые всѣ по горизонтальнымъ размѣрамъ ничтожны въ сравненіи съ великимъ сѣверо-восточнымъ типомъ, но взаимнымъ сближеніемъ способствуютъ разнообразію и полнотѣ жизни народонаселенія своего. Въ сѣверо-восточной Европѣ естественнымъ образомъ должно было возникнуть великое государство, юго-западная Европа предназначена къ раздробленію на многія политическія тѣла, столь же разнообразныя, какъ и типы поверхности ея. Богатство взаимодѣйствія на юго-западѣ Европы возбудило въ немъ цивилизирующую силу, ко-

торая постепенно оживляетъ сѣверо-востокъ. Последнему суждено выдвинуть нѣкогда на стезю общечеловѣческаго развитія глубь азійскаго материка, чего нельзя достигнуть ни со стороны моря, ни черезъ полуострова. Ни финиціяне, ни высокообразованные въ древности полуострова Греція и Италия, не успѣли увлечь за собою материка Европы, легко доступнаго и относительно мало обширнаго. Тѣмъ менѣе еще въ состояннн европейская культура оживить колоссальный материкъ Азін путемъ Индустанскаго полуострова или береговъ Китая, отрывающихся въ наше время для мореплавателей ¹⁾.

Древнѣйшія письменныя сказанія, тысячелѣтіемъ предшествовавшія началу нашего лѣтосчисленія, показываютъ, что въ тогдашнемъ образованномъ мірѣ поселись только смутныя понятія о томъ, что на сѣверѣ живутъ люди посреди вѣчной тьмы и вѣчнаго холода, полупочпки, Гамеръ, Киммеріане, Гогъ, Магогъ. Гораздо позже даже, когда землевѣдніе распространилось отъ Геркулесовыхъ столбовъ (Гибралтара) до Индустана, въ V в. до Р. X., Геродотъ, усвоившій всю современную ученость и лично посѣтившій греческія колоніи на сѣверномъ берегу Чернаго моря, нынѣшній Новороссійскій край, писалъ: «что касается до Европы, то никто не знаетъ, окружаеца ли она моремъ съ сѣвера и востока. Длинной она превосходитъ двѣ другія части свѣта, Азію и Ливію (Африку), по миѣ кажется, что она уступаетъ имъ въ отношеніи къ ширинѣ» ²⁾. Замѣтимъ, что Геродоту, въ противоположность позже распространившемуся между классическими писателями мнѣнію, будто бы Каспійское море есть заливъ Сѣвернаго океана,—совершенно хорошо извѣстно было, что материкъ не прерывается по сѣверную сторону Каспія; этотъ материкъ извѣстепъ былъ ему до Алтая, онъ слышалъ даже, что за Алтаемъ къ сѣ-

1) Землевѣдніе Азін *К. Риттера*, рус. пер. I, 100.

2) *Геродотъ* кн. IV, 42 и 45.

веро-востоку есть еще земли. Изъ того, что онъ говоритъ о неизвѣстности, есть ли море на востокъ Европы, видно, что онъ Европой считалъ всю западную Сибирь и даже часть восточной, о которой слышалъ. По этому онъ былъ вправѣ предположить, что Европа длиннѣе обѣихъ другихъ частей свѣта, но, быть можетъ, уже ихъ. Этотъ взглядъ отца исторіи на то, что такое есть Европа, несходный съ настоящимъ, гораздо основательнѣе принятаго произвольно между двумя частями свѣта, раздѣленія, на счетъ котораго мы, притомъ, до сихъ поръ еще, не можемъ окончательно условиться. Итакъ, вопреки существующему типѣ географическому раздѣленію между Европой и Азіей, мы, согласно съ мнѣніемъ Геродота, будемъ разсматривать весь материкъ, лежащій къ сѣверу отъ западной Азіи, которой границы мы очертили въ видѣ одного цѣлага, неразрывнаго съ Европой.

Итакъ мы видимъ, что безконечная равнина-низменность, тянувшаяся отъ горнаго узла Средней Азіи по направленію къ сѣверо-западу до Ламанша, играла, для расселенія европейскихъ народовъ, такую же роль, какую Иранское плоскогоріе для народовъ западно-азиатскихъ, но только несравненно въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Расселеніе могло здѣсь производиться, слѣдовательно, просторнѣе, спокойнѣе, медленнѣе, безъ крутыхъ потрясеній, но прочная связь между землей и обитателями должна была возникнуть гораздо позже, чѣмъ въ западной Азіи. Въ селеніяхъ, а тѣмъ менѣе еще въ городахъ, нравы не могутъ оставаться неизмѣнными: при кочевой жизни, они не мѣняются въ теченіи тысячелѣтій, если только народъ не перекочевываетъ изъ одной страны въ другую, по физическимъ свойствамъ своимъ несходную съ первой, если только онъ не подвергается какому либо внезапному влѣшнему вліянію. Мы выше сказали, что великая Турано-европейская равнина представляетъ разнообразіе по физическимъ свойствамъ своимъ, но оно обнаруживается весьма постепенно, медленно. Оставляя въ сторонѣ измѣненія земной по-

верхности, произведенныя трудомъ человѣческимъ, можно сказать, что плоская сѣверная Германія на мазъ ничѣмъ не отличается отъ Сибири до самаго Енисея, за исключеніемъ, само собою разумѣется, полосы тундры. Во всякомъ случаѣ, если и есть несходства, то они исчезаютъ въ сравненіи съ противоположностями, представляемыми Иранскимъ плоскогоріемъ и Месопотаміей, Армянскимъ плоскогоріемъ и Куро-Рюнскою долиною. Филологическія изслѣдованія, бросающія свѣтъ на эпоху, недоступную ни для какихъ другихъ, обнаруживаютъ передъ нами внутренній домашній бытъ арійцевъ до ихъ расселенія. Это былъ народъ, имѣвшій понятіе о высшемъ публичномъ началѣ, одушевляющемъ все мірозданіе; народъ, у котораго семейная жизнь, основанная на правильныхъ, высоке-нравственныхъ началахъ, вполне развивалась, но общественныя отношенія почти не выдвинулись еще изъ среды домашнихъ; народъ, занимавшійся скотоводствомъ, весьма въ тѣсныхъ предѣлахъ земледѣліемъ, рудокопствомъ, незнавшій ни звѣроловства, ни войны. Какъ мы видимъ, таковой первоначальный бытъ арійцы, на большей части пути своего къ сѣверо-западу, могли сохранить безъ всякаго измѣненія. Спокойное переселеніе предполагаетъ кочевую жизнь, но объ образѣ жизни арійцевъ мы не должны судить по вышшимъ киргизамъ или по библейскимъ симитамъ; на пути своемъ, европейскіе арійцы не утратили привычки къ земледѣлію, слѣдовательно, къ нѣкотораго рода осѣдлости. Продолжительность зимы и глубокіе снѣга должны были скоро остановить распространеніе скотоводства. Въ западной Азій земледѣліе большею частью требуетъ искусственнаго орошенія, вызывающаго совокупныя усилія болѣе или менѣе многочисленныхъ общинъ. Разъ употребивъ большіе труды для плодородія почвы и потомъ постоянно получая богатое вознагражденіе за свой трудъ, переселенцы должны были привязываться крѣпко къ запытому ими участку земли. Напротивъ, на сѣверѣ, первоначальная система земледѣлія безъ сомнѣнія основана была на на-

лазь, т. е. на очищеніи подъ посѣвы земли отъ дѣса посредствомъ огня. Таковая система не требуетъ большихъ усилій и не только не привязываетъ человѣка къ почвѣ, но, напротивъ, заставляетъ его перемѣнять свои жилища, не сматривая на всю склопность къ осѣдлой жизни. Приготовленная посредствомъ пала пашня даетъ богатые урожаи, но скоро истощается и требуетъ продолжительнаго отдыха, чтобы опять сдѣлаться плодородною. Необходимо снова прибѣгать къ паламъ и уже, само собою разумѣется, все далѣе и далѣе отъ домовъ; приходится сблизить домъ съ пашней, возникаютъ выселки, которые вскорѣ дѣлаются селеніями, прежнія покидаются, старыя пашни заростають дѣсомъ, который въ свою очередь истребляется позднѣйшими пришельцами, между тѣмъ какъ старыя хозяева далеко уже ушли впередъ. Таковъ, по всей вѣроятности, былъ ходъ расселенія полуосѣдлыхъ европейскыхъ арийцевъ и въ такомъ видѣ продолжался онъ, безвѣстно для исторіи, пока, наконецъ, передовые переселенцы дошли до моря и вынуждены были остановиться на берегахъ его. Тутъ вызвали были они къ исторической дѣятельности необходимостію удерживать напоръ позднѣйшихъ пришельцевъ. Это противудѣйствіе возбудило въ нихъ сознание невѣдомыхъ до той силъ: они сами двинулись наперерѣзъ напору отъ запада къ востоку, отъ сѣвера къ югу. Таковы были воинственные передвиженія галловъ, не разъ доводившія на край гибели Италію и Грецію, которыя успѣли уже въ то время, благодаря полуостровному своему положенію, стать на высокой ступени гражданскаго развитія.

Итакъ мы видимъ, что физическія свойства европейскаго материка охраняли младенчество европейскыхъ народовъ отъ слишкомъ сильныхъ потрясеній, способствовали ровному и здоровому возрастанію ихъ. Грустную будущность большею частью сулить дѣтямъ преждевременная возмужалость ихъ или, лучше сказать, скороспѣлость, припимающая ложный видъ возмужалости. Тако-

вымъ грустнымъ характеромъ запечатлѣна древняя исторія западной Азіи. Отъ этой преждевременной порчи Промыслы Всевышняго охранялъ европейцевъ. Умственное превосходство родоначальниковъ арійской расы вредъ всѣми прочими, обнаруживающееся при сравнительномъ изученіи разнородныхъ системъ языковъ, могло сохраниться въ холодной, бѣдной, непривѣтливой Европѣ лучше, чѣмъ среди природы Индустана, подавляющей своей могучей дѣятельностію дѣятельность человѣческую, лучше, чѣмъ и въ западной Азіи, гдѣ дѣтство арійцевъ подверглось испытаніямъ, па подѣ силу возрасту. Но не однимъ лишь особенностямъ природы европейскіе арійцы обязаны своимъ нравственнымъ преуслѣваніемъ. Мы выше сказали, что западно-азіатскіе братья ихъ, и въ особенности симиты, подверглись сильному и большому частію весьма вредному вліянію умиравшей кушитской цивилизации. Это вліяніе губительно было для дальнѣйшаго развитія народовъ-дѣтей, какъ вообще примѣръ разврата стариковъ стравляетъ въ самомъ зародышѣ нравственность дѣтей. Много обстоятельствъ доказываютъ, что европейскіе арійцы, вступивъ въ предзапаечную имъ часть свѣта, нашли ее уже населенною другими расами. Не говоря уже о томъ, что во всѣхъ европейскихъ языкахъ встрѣчается много словъ совершенно неизвѣстнаго происхожденія, которыя должно почитать заимствованными изъ исчезнувшихъ уже въ наше время языковъ, древнѣйшіе обитатели Европы оставили по себѣ слѣды въ видѣ могилъ и многочисленныхъ кургановъ. Черепа, найденные въ древнихъ могилахъ въ различныхъ мѣстахъ Европы, представляютъ между собою весьма рѣзкія различія, такъ что можно даже думать, что Европа нѣкогда или послѣдовательно была обитаема расами, весьма разнородными въ антропологическомъ отношеніи; формы древнихъ могилъ также разнообразны, равно какъ и вещи, которыя въ нихъ находимъ; въ древнѣйшихъ, открытыхъ въ Московской губерніи, найдены черепа необыкновенно-длинной формы, спереди

весьма узкіе; при нихъ горшки, сдѣланные изъ грубой глины съ примѣсю маленькихъ камешковъ, нѣтъ никакихъ металлическихъ издѣлій ¹⁾; въ иныхъ могилахъ попадаются украшения, сдѣланныя изъ камней или зубовъ животныхъ и, по берегамъ Балтійскаго моря, изъ янтаря. Въ другихъ находятся украшенія изъ мѣди или изъ смѣси мѣди съ разными металлами, но нѣтъ никакихъ примѣтъ желѣза; наконецъ, есть могилы, въ которыхъ или при которыхъ находятся оружіе и другія утвари изъ желѣза. Многія обстоятельства заставляютъ думать, что весьма въ отдаленныя времена, до прихода еще индо-европейской расы, Скандинавскій полуостровъ и сѣверо-востокъ Европы заняты были финскими племенами; по финны въ Европѣ суть пришельцы изъ восточной Азіи, оттуда принесли они съ собою земледѣліе и рудокопство; искусство обрабатывать металлы никогда не было чуждо европейскимъ финнамъ и можно заключить изъ этого, что могилы безъ всякихъ металлическихъ издѣлій принадлежать не финскому племени, тѣмъ болѣе, что и черепа въ нихъ находимые, вовсе не сходны съ финскими. Искусство добывать и выдѣлывать желѣзо появилось позже, чѣмъ добытка и выдѣлка золота, серебра и мѣди; желѣзомъ долгое время обладали исключительно одни лишь народы, стоявшіе во главѣ просвѣщенія; даже въ эпоху троянской войны, греческіе герои вооружены были мѣдными мечами. Во всякомъ случаѣ, должно думать, что европейскія могилы, въ которыхъ нѣтъ никакихъ металлическихъ вещей, принадлежать расѣ, жившей въ Европѣ за нѣсколько тысячелѣтій до Р. Х., и которая, судя по особой формѣ череповъ ея, исчезла, не оставивъ по себѣ никакихъ представителей. Но, до сихъ поръ, существуютъ еще въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ представители нѣкоторыхъ расъ, въ древнѣйшія времена обитавшихъ въ Евро-

1) К. Бэръ: Человѣкъ въ естественно-историческомъ отношеніи. Переводъ въ Русской Фаулѣ Синашко, ч. I, 470, 512.

пѣ. Такъвы суть баски, ишѣвшій остатокъ великаго племени, которое нѣкогда занимало весь Пиринейскій полуостровъ, южную часть Франціи, острова западной части Средиземнаго моря и нѣкоторыя полосы въ Италиі. Это доказывается топографическими названіями этихъ странъ, которыя не могутъ быть объяснены иначе, какъ помощью языка басковъ. Языкъ этотъ не имѣетъ ничего общаго съ языками арійскими, по грамматической системѣ своей представляетъ изумительное сходство съ грамматическими системами туземныхъ американскихъ языковъ. Остатки древняго туземно-европейскаго языка, иллирійскаго, сохранились въ албанскомъ языкѣ; по нѣсколькимъ надписимъ можно составить себѣ понятіе о языкѣ этрусковъ. Какъ иллирійскій, такъ и этрусскій языки не имѣютъ, повидимому, ничего общаго съ языками арійскими. Мы уже сказали, что весь сѣверо-востокъ Европы занятъ былъ финнами, которые, какъ полагаютъ, вслѣдствіе напора арійской расы, вынуждены были удалиться въ самую глубь сѣвера, оставивъ по себѣ на память финскія топографическія названія и сохранивъ въ полярныхъ жилищахъ своихъ воспоминавіе о прежней родинѣ, гдѣ природа была щедрѣе и привѣтливѣе.

Нельзя думать, чтобы эти древнѣйшіе обитатели Европы были истреблены въ своихъ жилищахъ или вытѣснены оттуда до послѣдняго человѣка. Гораздо вѣроятнѣе, что они значительно частью своей смѣшались съ арійскою расой, утративъ въ этомъ смѣшеніи большую часть характеристическихъ особенностей своихъ. Подобный процессъ перерожденія расы теперь еще происходитъ въ большихъ размѣрахъ въ Россіи, гдѣ финскія племена, болѣе и болѣе знакомясь съ русскимъ языкомъ, начинаютъ его употреблять въ семейномъ кругу своемъ; новое поколѣніе, съ дѣтства прислушавшись къ русскому языку, считаетъ его уже роднымъ и забываетъ языкъ предковъ: такъ русѣютъ финны; теперь это обрусѣвшее финское народонаселеніе, не имѣя генеалогіи, считаетъ себя кореннымъ русскимъ. Множество русскихъ дворянъ

сихъ домовъ, носящихъ обрусѣвшія фамиліи, только по генеалогическимъ актамъ, знаютъ о своемъ перусскомъ происхожденіи. Нѣтъ сомнѣній, что этотъ процессъ поглощенія арійскими національностями чуждыхъ имъ и болѣе слабыхъ, происходилъ въ Европѣ съ самаго начала появленія въ ней арійцевъ. Если уцѣлѣли еще кое гдѣ небольшіе остатки древнихъ расъ, то этимъ обязаны они особеннымъ обстоятельствамъ, преимущественно же условіямъ мѣстности. Не должно думать, чтобы эти древніе расы поглощены были арійскою, не произведя на нее съ своей стороны никакого дѣйствія: въ этихъ примѣсахъ должно искать объясненія многихъ разнообразій, умственныхъ и физическихъ, замѣчаемыхъ въ народонаселеніи Европы, разнообразій, не вполне объяснимыхъ однимъ лишь разнообразіемъ вліянія почвы и географическаго положенія. При этомъ, конечно, надобно принять въ соображеніе, что и арійская раса, по всей вѣроятности, не одновременно двинулась въ Европу; нѣкоторыя племена долѣ жили въ Азіи, слѣдовательно, долѣ могли подвергнуться впечатлѣніямъ сосѣдства своихъ одноплеменниковъ, навсегда оставшихся въ Азіи. Изученіе домашней жизни сельскаго народонаселенія Европы, при помощи сравнительной филологіи и сравнительной астрологіи, конечно, приведутъ со временемъ къ множеству важныхъ и неожиданныхъ открытій, но историческая наука, возведенная такимъ образомъ на степень точной, еще покуда въ колыбели.

Во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣній, что древнѣйшіе обитатели Европы стояли на весьма низкой ступени чловѣческаго развитія и что, слѣдовательно, ихъ вліяніе на арійцевъ заключено было весьма въ тѣсныхъ предѣлахъ. Одни лишь этруски представляются намъ достигшими нѣкоторой ступени самостоятельной цивилизаціи, которой связь съ древне-азіатской цивилизаціей, если только обѣ происекли изъ одного источника, довольно трудно подмѣтить. Эта цивилизація, повидимому, составляла лишь принадлежность одного привилегированнаго класса

мукумоновъ, которые держали народъ въ состоявіи крайняго уничиженія. Вліяніе этрусской цивилизаціи отразилось лишь въ религиозныхъ обрядахъ и въ искусствѣ первоначальныхъ римлянъ и другихъ итальянскихъ народовъ: позже оно сглажено было вліяніемъ Греціи. Итакъ, вообще говоря, развитие европейскихъ народовъ шло самостоятельнымъ путемъ; чуждыя цивилизаціи вызвали къ дѣятельности дремлющія силы европейцевъ, но не подчинили ихъ себѣ. Древнѣйшая исторія человечества, начинающаяся въ Средней и Западной Азіи и въ Индустанѣ, содержитъ въ себѣ самостоятельную цивилизацію, которую мы назвали *кушитскою*, по которую мы можемъ изучать только въ развалинахъ ея. На этихъ развалинахъ возникаютъ самостоятельныя цивилизаціи индійская и греко-латинская: первая уединенная и замкнутая, вторая, заключающая въ себѣ болѣе общечеловѣческихъ началъ, но слишкомъ слабая для возбужденія воли и мысли въ массѣ народонаселенія материка Старого Свѣта. Такъ называемая средняя исторія составляетъ начало цивилизаціи великихъ массъ народонаселенія континентовъ, подвигающейся въ старомъ свѣтѣ отъ запада къ востоку, къ которой, быть можетъ, вскорѣ присоединится и цивилизирующая дѣятельность новаго свѣта черезъ Тихій океанъ, направляющаяся на встрѣчу первой отъ востока къ западу. Если мы географически сравнимъ пройденный уже путь съ предстоящимъ, то убѣдимся въ томъ, что много вѣковъ минеть прежде, чѣмъ всѣ дѣятели вызваны будутъ къ дѣятельности. Сколько же вѣковъ можно предвидѣть для совокупной дѣятельности цѣлаго человѣческаго рода пока, дѣйствительно, истощится и изнеможетъ она, какъ нѣкогда, дѣйствительно, истощилась и изнемогла буническая дѣятельность, какъ нѣкогда, дѣйствительно истощились и изнемогли мѣстныя цивилизаціи Греціи и Рима!

Мы выше замѣтили, что замкнутый индустальскій міръ не распространялъ своего вліянія на западную Азію, но привлекалъ къ себѣ оттуда завоевателей. Совершенно въ противоположномъ отношеніи

находилась къ Европѣ западная Азія. Турань, Кавказъ и моря составляли съ сѣвера и сѣверо-запада предѣлы, черезъ которые не переступала ни завоевательная, ни цивилизующая дѣятельность ея. Въ видѣ совершенно исключительнаго явленія представляется намъ походъ Дарія въ Скиею. Хотя предлогомъ къ этому походу послужило намѣреніе отмстить скиѣамъ за вторженіе въ западную Азію, произведенное за полтора вѣка тому назадъ ¹⁾, но трудно допустить, чтобы такое намѣреніе могло побудить къ столь химерическому предпріятію. Гораздо естественнѣе видѣть во всемъ этомъ случайную прихоть всемогущаго деспота, желаніе увѣковѣчить имя свое совершеніемъ похода неслыханнаго и безпримѣрнаго въ дѣтошнихъ завоеваній. Предпріятія противъ Греціи основаны были на болѣе разумныхъ соображеніяхъ, но цѣлью ихъ собственно было упроченіе покорности Малой Азіи, въ которой греки распространяли духъ возмущенія. Этими предпріятіями заключилась вся сфера дѣйствія западной Азіи на Европу. Дѣятельность финикійцевъ въ Европѣ ограничивалась одними лишь корыстолюбивыми торговыми оборотами, подобно тому какъ въ наше время дѣятельность европейцевъ въ Африкѣ, за исключеніемъ сѣвернаго берега ея.

Но, между тѣмъ, богатая, образованная, развратная, пресмыкавшаяся подъ игомъ деспотизма западная Азія сознавала съ трепетомъ заслуженной казни, что въ безвѣстныхъ пустыняхъ Турана, что въ холодныхъ и темныхъ странахъ, лежащихъ къ полудни отъ Кавказа, скитаются несмѣтные числомъ народы, Гогъ и Маггъ, которые вѣкогда прорвутъ оллоты горъ и пустынь, хлынутъ къ югу и сокрушатъ все. Греція, близкая и хорошо извѣстная, какъ всякая опасность, которую можно обсудить и измѣрить, не возбуждала такового суевѣрнаго трепета. Мы видѣли уже выше, что политическое устройство и сама религія древнѣйшихъ восточно-иранскихъ государствъ происходили изъ необходи-

1) Геродотъ IV, 1.

мости обезпечить свѣтлый Иранъ, царство Ахуры-Мазды, отъ темнаго Турана, царства Анграмайниуса. Но ни на однозвено рубежа, отдѣляющаго обѣ части свѣта, западная Азія не взирала съ такимъ томительнымъ, безпрерывнымъ безпокойствомъ, какъ на Кавказскій перешеекъ. Безконечнымъ разнообразіемъ своей природы, перешеекъ этотъ долженъ былъ производить глубокое впечатлѣніе на воображеніе азіатцевъ, привывшихъ къ обширнымъ типамъ мѣстности, къ однообразію условій жизни. Волканы, пустынные озера на вершинахъ горъ, вѣчные огни, цвѣтущія долины и голыя скалы, свѣтъ и зелень, ключи волшебной воды, дорогіе металлы, скрытые въ нѣдрахъ горъ,—все это должно было придавать Закавказью фантастическій, сказочный характеръ. Еще болѣе въ таинственномъ видѣ долженъ былъ представляться самый Кавказъ, тянущійся въ видѣ нѣсколькихъ рядовъ колоссальныхъ стѣнъ отъ моря до моря, Кавказъ съ его темными безлюдными ущельями, оглашаемыми ревомъ бѣшеныхъ потоковъ, стономъ вѣтра, гуломъ обваловъ, которые представлялись пугливымъ азіатцамъ въ видѣ неистовыхъ воплей злыхъ духовъ, джинновъ, дивовъ, непускающихъ человека въ свои завѣтные обиталища. На заоблачныхъ, свѣжыхъ вершинахъ Кавказа замирало житейское тревоженіе запада Азіи; черезъ Кавказъ не смѣли перешагнуть древніе великіе завоеватели, мечтавшіе о завоеваніи вселенной: Киръ пошелъ на сѣверъ черезъ Туранъ, Дарій черезъ Босфоръ. Но, какъ знаменія небесныя, какъ бѣдствія физическія, землетрясеніе, саранча или язва, которыхъ предвидѣть невозможно,—въ теченіи вѣковъ изъ за Кавказа не разъ врывались въ Азію пещитныя ополченія невѣдомыхъ народовъ, Гогъ и Магогъ, которыхъ призывалъ Господь устами пророка: «и поднимешься, какъ буря, пойдешь, какъ туча, чтобы покрыть землю! ¹⁾». И эта кара небесная, спускавшаяся съ Кавказа, отъ конца сѣвера, свирѣпствова-

1) *Пророка Іезекиила*, XXXVIII, 9.

да въ Азіи, пока востаналась мѣра гнѣва Божія, тогда Гогъ и Магогъ гибли посреди опустошенныхъ ими странъ: «и буду судиться съ нимъ моровою язвою и кровопролитіемъ, и прелью на него всепоглощающій дождь и каменный градъ ¹⁾. Это боязливое ожиданіе Гога и Магога пустило глубокіе корни въ Азіи. Въ Апокалипсисѣ предсказывается, что сатана «выйдетъ обольщать народы, находящіеся на четырехъ углахъ земли, Гога и Магога, и собирать ихъ на брань Число ихъ какъ песокъ морской! ²⁾. Эти повѣрья сохранились въ Коранѣ, гдѣ Мухаммедъ пророчествуетъ, что, при скончаніи свѣта, разверзнутся проходы для иджудовъ и маджудовъ, которые низринутся тогда съ горъ ³⁾.

Такое въѣвовое ожиданіе бѣдствія придало Кавказскому хребту особое значеніе въ глазахъ обитателей западной Азіи. Какъ ни трудно проходима естественная преграда, воздвигнутая природою отъ Чернаго моря до Каспійскаго, но она не въ состояніи была удержать Гога и Магога. Эту естественную преграду народы, жившіе къ югу отъ Кавказа, старались во все время усилить искусственными сооруженіями. Начало ихъ теряется въ глубочайшей миѳической древности: первое основаніе Кавказской стѣны приписываютъ царю Зулварнейпу-Двурогому, близкому потомку Ноеву, грузинская хроника Ардаму, памѣстнику иранскаго царя Афридуна (Феридуна, Трастаонны) миѳической династіи ишдадовъ. Эти великія сооруженія приписываются, сверхъ того, многимъ еще знаменитымъ позднѣйшимъ государямъ Азіи. Изъ всего можно заключить, что съ эпохи самой отдаленной древности вниманіе правительствъ и народовъ постоянно обращено было на усиленіе обороны, противопоставляемой Кавказомъ стѣверу. Кавказскіе горные проходы пользовались, какъ въ древнемъ азіят-

1) Пророка Іезекіиля, XXXVIII, 22.

2) *Апокалипсисъ*, XX, 7.

3) *Коранъ*, гл. XXI.

скомъ мірѣ, такъ и въ классическомъ, гораздо большею извѣстностью, чѣмъ теперь: на нихъ обращено было вниманіе цѣлаго образованнаго свѣта, котораго безопасность связана была съ ихъ охраненіемъ. Если описанія этихъ проходовъ, встрѣчающихся у классиковъ, кажутся намъ темными, то это происходитъ лишь отъ крайней запутанности географической номенклатуры древняго Кавказа.

Такимъ образомъ Кавказъ для цѣлой западной Азіи въ древнія времена имѣлъ исключительное, по весьма важное значеніе оборонительной линіи противъ Европы; всѣ политическіе виды азіатскихъ государей въ отношеніи къ Кавказу сосредоточивались на томъ, какъ сдѣлать его непроходимымъ для Гога и Магога, устройствомъ укрѣпленій, *воротъ* во всѣхъ проходахъ, и склоненіемъ горныхъ жителей къ тому, чтобы не пропускали они сквозь эти ворота на югъ сѣверныхъ хищниковъ. О томъ, какъ распространить свое владычество на сѣверную сторону Кавказа, азіатскіе деспоты никогда не помышляли, потому что, дѣйствительно, это дѣло было для нихъ невозможное. Такъ какъ не подлежить сомнѣнію, что масса народонаселенія Куро-Ріонской долины, за исключеніемъ спорадически разбросанныхъ наносовъ, вышла не изъ ущелій Кавказа, то заселеніе этихъ ущелій, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыя выходятъ на югъ, можно объяснить, кромѣ другихъ причинъ, необходимостію охранять горные проходы, для чего должно было прибѣгать къ искусственной военной колонизаціи, не подлежащей и перѣдко даже діаметрально противоположной законамъ естественнаго, добровольнаго расселенія народовъ. Таковыя колонизаціи, производимыя правительствами для достиженія какихъ либо особыхъ политическихъ или военныхъ цѣлей, большею частію основаны на переселеніи большаго или меньшаго числа семействъ, или даже одинокихъ людей, изъ какой либо весьма отдаленной страны, не имѣющей никакой прямой связи съ страной колонизируемою; переселенцы внезапно переводятся изъ

одного предѣла обширнаго государства въ противоположный; нерѣдко состоятъ они изъ плѣнниковъ, захваченныхъ въ какомъ либо отдаленномъ походѣ. Эти догадки могутъ служить ключемъ для объясненія многихъ явленій, представляемыхъ до чрезвычайности разнообразнымъ горнымъ населеніемъ Кавказа, нерѣдко неимѣющимъ никакой родственной связи съ населеніемъ подгорныхъ низменностей, но, быть можетъ, имѣющимъ гдѣ либо вдали родичей, о которыхъ давно уже безъ всякаго слѣда изгладилось воспоминаніе.

Совершенно противоположное въ древнія времена значеніе долженъ былъ имѣть Кавказскій хребетъ для Гога, Магога, для скивовъ, сарматовъ, или какъ бы они ни назывались, для невѣдомыхъ народовъ, которые считались въ безлѣсной равнинѣ, растилающейся въ сѣверу отъ послѣднихъ уступовъ Черныхъ горъ, въ сѣверу отъ Кубани и Терека, между Азовскимъ и Каспійскимъ морями, между Дономъ и Волгою. Геродотъ говоритъ, что изъ всѣхъ извѣстныхъ народовъ скивы нашли вѣрнѣйшіе способы къ тому, чтобы нападающіе не могли ни ускользнуть отъ нихъ, ни настичь ихъ; у скивовъ нѣтъ ни городовъ, ни крѣпостей; дома свои перевозятъ они съ собою; сидя верхомъ искусно пускаютъ стрѣлы, живутъ не земледѣліемъ, а скотоводствомъ, не имѣютъ другихъ домовъ, кромѣ повозокъ. Какъ не быть непобѣдимыми такимъ народамъ и легко ли настичь ихъ для боя? ¹⁾ Если бы даже когда нибудь между этими народами могло распространиться опасеніе, что великолѣпные цари, живущіе по южную сторону Кавказа, двинутъ противъ нихъ ополченія свои, то оборону для себя предвидѣли они въ безпредѣльныхъ пустыняхъ сѣвера, а не въ трудно проходимыхъ ущельяхъ Кавказа. За Терекомъ и Кубанью начиналась лѣсная страна, не допускавшая бредячей жизни въ юртахъ и кибиткахъ. Что привлекательнаго могъ су-

1) Геродотъ, IV, 43.

лить Кавказъ степнымъ обитателямъ въ замѣнъ полного измѣненія ихъ образа жизни? Развѣ лишь возможность изъ горныхъ вертеповъ, какъ изъ недоступныхъ убѣжищъ, по произволу громить западную Азію. Но таковыя вторженія варваровъ въ благоустроенныя страны обыкновенно чужды бываютъ политическихъ соображеній, постепенныхъ и долговременныхъ приготовленій. Совокупность усилій, составляющая необходимое условіе таковыхъ великихъ предпріятій, возникаетъ внезапно и не на продолжительный срокъ между кочевыми племенами, искони враждебными одно другому.

Выше мы объяснили вѣроятность предположенія, будто бы Кавказскій перешеекъ въ доисторическія времена служилъ путемъ расселенія народовъ изъ Европы въ Азію, и что горское кавказское народонаселеніе составилось изъ обломковъ этого расселенія, оставшихся по невѣдомымъ причинамъ на пути. Убѣдившись въ томъ, что Кавказскій хребетъ составлялъ столь же непреодолимую преграду при первовачальномъ расселеніи народовъ, какъ моря или морскіе проливы, легко объяснить причины, по которымъ негостеприимныя ущелья сѣвернаго ската Кавказа могли густо населиться, даже въ самыя отдаленныя времена. Распространеніе европейскихъ народовъ вѣроятно происходило весьма долго, безъ сильныхъ потрясеній, по направленію къ сѣверо-западу, гдѣ не встрѣчается никакихъ естественныхъ преградъ до самыхъ береговъ Атлантики; напротивъ, на южныхъ выступахъ материка, оно должно было скоро остановиться и даже, быть можетъ, въ то время, когда западъ Европы былъ еще безлюденъ или населенъ доисторическими расами, большею частію исчезнувшими въ послѣдствіи времени. Сѣверная половина Кавказскаго перешейка составляетъ точно таковой выступъ европейскаго материка и, въ отношеніи къ расселенію народовъ, можетъ быть принимаема за полуостровъ, подобный Таврическому, Балканскому, Апеннинскому и Пиринейскому. Представимъ себѣ для самыхъ от-

даленныхъ временъ существованіе какого либо племени, кочеваго или полуосѣдлаго, распространившагося отъ лѣваго берега Дона до праваго берега Кубани; несмотря на обширность занимаемой страны, условія мѣстности одинаковы, образъ жизни, языкъ, нравы на всемъ этомъ пространствѣ могли сохраняться въ однообразномъ видѣ. Но, при первомъ напорѣ новыхъ припелльцевъ съ востока, въ этомъ предполагаемомъ нами народѣ могъ образоваться, при устьѣ Дона въ Азовское море, разрывъ на вѣчныя времена. Придонская часть народа могла спокойно подвигаться далѣе къ западу, сохраняя неизмѣнными свои національныя особенности; прикубанская перейти черезъ Кубань, углубиться въ лѣса, далѣе въ горныя ущелья, перевалиться черезъ Кавказскій хребетъ и, наконецъ, на глубоко-изрытомъ восточномъ берегу Чернаго моря гибнуть или отстаивать свое существованіе, пока станетъ силь. Подобныя явленія по сѣверную сторону Кавказскаго перешейка должны были повторяться при каждомъ новомъ нашествіи народовъ на Европу. Въ эпоху, когда историческій свѣтъ начинается разсѣвать мракъ, покрывавшій европейскій материкъ, мы находимъ три арійскія расы, живущія въ послѣдовательномъ порядкѣ отъ запада къ востоку: кельтскую, германскую и славянскую. Послѣдовательность ихъ географическаго положенія весьма правдоподобно обнаруживаетъ хронологическую послѣдовательность ихъ исхода изъ Азіи, т. е. кельты вышли первые, а славяне послѣдніе. Но ни хронологической, ни географической послѣдовательности въ первоначальномъ заселеніи Кавказа подмѣтить невозможно: кельты, быть можетъ, длиннымъ рядомъ вѣковъ ранѣе славяны появились въ Европѣ и теперь отдѣлены отъ нихъ множествомъ странъ и промежуточныхъ народовъ; на Кавказѣ вслѣдствіе условій, опредѣляемыхъ главными характеристическими чертами края, — двумя замкнутыми морями безъ острововъ и діагонально пересѣкающимъ перешеекъ непроходимымъ хребтомъ, — представители доисторическихъ расъ, родственные или чуждые

баскамъ, этрускамъ, илирійцамъ и пр., историческіе кельты германцы, славяне живутъ, быть можетъ, перемѣшанно. Въ иныхъ мѣстахъ, вслѣдствіе вѣковаго взаимодѣйствія, эти пестро-разноцвѣтныя начала подчинились уже, такъ сказать, химическому соединенію, превратились уже въ нѣсколько отдѣльныхъ смѣсей, изъ которыхъ каждая представляетъ въ цѣлой массѣ своей болѣе или менѣе однообразный составъ; въ глухихъ мѣстахъ Кавказа, гдѣ земная поверхность дробится на безконечное множество мелкихъ, бокъ-о-бокъ противоположныхъ типовъ мѣстности, амальгамации разнородныхъ этническихъ обломковъ до сихъ поръ не можетъ совершиться: общества, деревни, фамиліи языкомъ, наружнымъ видомъ, нравственными свойствами, обычаями, такъ рѣзко отличаются другъ отъ друга, что можно бы подумать, что обитатели, выйдя небольшими группами съ разныхъ концовъ земли, только теперь, впервые, встрѣтились на Кавказѣ, не смотря на то, что тамъ, не рѣдко въ виду другъ друга, живутъ они уже цѣлыя тысячелѣтія!

Если мы повинемъ область догадокъ и предположеній, чтобы сосредоточить вниманіе исключительно на томъ, что положительно знаемъ въ настоящее время о совокупной массѣ кореннаго народонаселенія Кавказскаго перешейка,—то можемъ остановиться на слѣдующихъ данныхъ, положительныхъ, хотя и далеко неудовлетворительныхъ.

Все туземное кавказское народонаселеніе принадлежитъ въ антропологическомъ отношеніи къ одной расѣ, названной по имени его *кавказскою*. На Кавказѣ находятся племена, представляющія чистѣйшіе и прекраснѣйшіе образцы этой расы, при чемъ всѣ видоизмѣненія ея встрѣчаютъ тамъ представительницъ. Лезгинцы, грузины, армяне, адыги (черкесы), осетины, начхе (чеченцы), хотя всѣ въ антропологическомъ отношеніи принадлежатъ къ такъ называемой *кавказской расѣ*, но различаются другъ отъ друга не менѣе, какъ скандинавы, евреи, германцы и латины между собою. Однимъ лишь разнообразіемъ мѣстности и образа жизни труд-

но объяснить различіе наружнаго вида всѣхъ этихъ племенъ. Но, какъ мы сказали, всѣ они принадлежать къ одной расѣ и въ этомъ отношеніи дѣйствительно представляютъ единство при величайшемъ разнообразіи, не встрѣаемомъ ни въ какой другой странѣ земнаго шара. Это самое обстоятельство, хотя темно сознаваемое, побудило Блумевбаха назвать цѣлую расу *кавказской*, что, впрочемъ, не заключаетъ въ себѣ понятія, чтобы съ Кавказа, какъ изъ Ноева ковчега, разошлись по лицу земли всѣ разнообразные представители этой расы.

Антропологическое единство не составляетъ признака единства происхожденія; послѣднее съ гораздо большимъ правдоподобіемъ выводится изъ сходства языковъ. Какъ ни мало изслѣдованы еще многочисленные языки кавказскихъ туземцевъ, но изъ того, что извѣстно, можно заключить, что они не принадлежать къ единому корню. Выраженіе «кавказское семейство языковъ» введенное нѣкоторыми въ область сравнительной филологіи, рѣшительно ни на чемъ не основано. Нѣкоторые изъ этихъ языковъ, какъ то армянскій, грузинскій и осетинскій, имѣютъ между собою родство, происходи отъ индо-европейскаго корня, но это взаимное родство ихъ нисколько не тѣснѣе, чѣмъ съ другими языками того же корня; такъ напр. осетинскій языкъ не болѣе отличается отъ славянскаго или готскаго, чѣмъ отъ грузинскаго. Едва ли не тоже можно сказать и о взаимныхъ отношеніяхъ между грузинскимъ и армянскимъ языками. Если длинный рядъ прочихъ кавказскихъ языковъ имѣетъ родственное сходство съ названными нами тремя, которые одни хорошо изслѣдованы, то всѣ они принадлежать къ индо-европейскому корню, но это подлежитъ величайшему сомнѣнію. Отвергать это родство теперь еще преждевременно: отсутствіе письменности и всякаго языка officialнаго и литературнаго, ограниченность международныхъ сношеній, могли въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ совершенно исказить всѣ таковыя родственныя черты, которыя, быть можетъ, обнаружатся влѣдствіе тща-

тельныхъ филологическихъ изслѣдованій. Не болѣе еще, какъ лѣтъ за двадцать пять тому назадъ, извѣстнѣйшіе филологи совершенно отвергали происхожденіе армянскаго и грузинскаго языковъ отъ индо-европейскаго корня, происхожденіе, которое теперь вполне доказано.

Мы выше сказали, что въ Кавказскихъ горахъ, быть можетъ, уцѣлѣли еще въ видѣ небольшихъ обломковъ доисторическія европейскія расы, теперь уже совершенно исчезнувшія въ другихъ странахъ; что тамъ, быть можетъ, обитаютъ еще потомки великихъ арийскихъ племенъ, населившихъ въ незапамятныя времена европейскій материкъ, племень: эллино-латинскаго, кельтскаго, германскаго и славянскаго. Противъ этого предположенія представляется весьма естественное возраженіе. На берегахъ Атлантики до сихъ поръ еще сохраняются обычаи, преданія, повѣрья, миры, которыхъ сходство съ древне-индійскими и съ зендскими не можетъ быть объяснено иначе, какъ единоплеменностію. Таковыя обще родовыя черты должны бы сохраниться во всей чистотѣ въ недоступныхъ ущельяхъ Кавказа, гдѣ нѣрѣдко горсть людей живетъ почти оторванно отъ остальнаго свѣта въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій и представляетъ характеръ полной неизмѣнности посреди вѣчно тревожнаго моря исторической жизни чело-вѣчества. До сихъ поръ ничего подобнаго, однако, не удалось намъ еще открыть между разнообразными проявленіями общественной жизни въ нѣдрахъ Кавказскихъ горъ. Оставляя въ сторонѣ замѣчаніе, что таковыя житейскія обстоятельства горцевъ покуда еще весьма мало извѣстны и вовсе не изслѣдованы сообразно съ требованіями науки, обратимъ вниманіе лишь на то, черезъ какой рядъ тяжелыхъ испытаній должны были перейти племена, всторпя, бывъ вытѣснены съ равнинъ, нашли себѣ убѣжище въ горахъ. Чѣмъ на низшей ступени развитія находится народъ, тѣмъ тѣснѣе подчиненъ онъ вліянію мѣстности, которая тогда вполне обуславливаетъ образъ жизни его. Въ безконечныхъ степяхъ, разстилаю-

щихся къ сѣверу отъ Кавказа, между Дономъ и Волгою, обитатели смѣнялись неоднократно даже въ историческія времена; происхожденіемъ, языкомъ, религіей различествовали они между собою, но образъ жизни всѣхъ ихъ тождественно одинаковъ и таковымъ останется онъ, пока обитатели не успѣютъ освободиться отъ строгой подчиненности мѣстнымъ условіямъ. То, что Геродотъ рассказываетъ о скивахъ, питавшихся кобыльимъ молокомъ, не имѣвшихъ другихъ домовъ, кромѣ повозокъ, ни другихъ средствъ существованія, кромѣ многочисленныхъ стадъ и табуновъ, кажется описаніемъ современнаго намъ домашняго быта калмыковъ, киргизовъ, нагайцевъ, тухменцевъ, нынѣшнихъ обитателей Астраханской и Ставропольской губерній, не смотря на то, что всѣ они, безъ сомнѣнія, по происхожденію совершенно чужды Геродотовымъ скивамъ. Мы выше сказали, что свойства мѣстности въ особенности благоприятствовали спокойному и здоровому развитію между европейскими аріяцами всѣхъ тѣхъ высокихъ нравственныхъ качествъ, которыми отличались предки ихъ, намъ невѣдомые, но въ созданіи языка своего отразившіяся, какъ бы въ зеркалѣ. Представимъ же себѣ этихъ аріяцевъ-пастырей, обитателей кибитокъ, богатыхъ исключительно стадами и табунами, вытѣсненныхъ съ равнинъ напоромъ новыхъ непріязненныхъ пришельцевъ и вынужденныхъ искать спасенія въ недоступныхъ горныхъ ущельяхъ: прежній бытъ разрушился безвозвратно, нити, связывавшія людей въ народъ, разомъ лопнули, прежняя опытность сдѣлалась бесполезною, отъ прежняго народа уцѣлѣло большее или меньшее число одинокихъ людей, изъ которыхъ для каждаго, вновь съ самаго начала, должна была начаться тяжкая работа приуороченія условій жизни къ незнакомой природѣ и потомъ уже приспособленія природы къ требованіямъ жизни. Дѣйствительно, представимъ себѣ калмыка, котораго домашній бытъ выработался степною жизнію длиннаго ряда поколѣній, котораго вниманіе исключительно сосредоточено на скотоводствѣ и на коневодствѣ,—представимъ себѣ этого кал-

мыка насильственно перенесеннымъ съ необозримо-просторной степи въ какое либо тѣсное и темное ущелье Дагестана, гдѣ посреди голыхъ, почти отвѣсныхъ скалъ, кое-гдѣ встрѣчается небольшой выступъ, на которомъ можетъ лежать земля не осыпавшаяся, по которому можетъ человѣкъ ступать, цѣпляясь: на этомъ небольшомъ выступѣ, составляющемъ совершенно особый, самостоятельный типъ земной поверхности, типъ не менѣе особый и самостоятельный, какъ и великое Иранское плоскогоріе, — должно устроить жилище и завести все необходимое для жизни; *необходимое* въ этомъ микроскопическомъ мірѣ, въ этомъ мірѣ-каплѣ, должно быть заключено въ крайне тѣсныхъ предѣлахъ; иначе придется или мечомъ или давяю попоплатъ *необходимое* изъ другого столь же микроскопического, соседняго, во свойствамъ своими діаметрально противоположнаго міра-капли. Жажда независимости также стѣсняетъ понятіе о *необходимомъ* для горцевъ, какъ преднамѣренное умерщвление плоти для восторженныхъ отшельниковъ. Разсѣянные, одинокіе люди постепенно сосредоточивались въ небольшія группы; общественная связь возникала не изъ единства языка, не изъ единства происхожденія или вѣрованій, а изъ единства отношеній людей къ природѣ. Но эти отношенія посреди кавказскихъ горъ до безконечности разнообразны; мнѣніе, будто бы одни физическія свойства страны опредѣляютъ историческую судьбу ея обитателей, конечно, весьма односторонне, но, въ отношеніи къ горскому кавказскому народонаселенію, оно представляетъ болѣе основательности, чѣмъ въ другихъ странахъ. Взаимодѣйствіе народовъ усложняетъ судьбу ихъ съ одной стороны, съ другой же сглаживаетъ рѣзкія отличія, напечатлѣваемые на нихъ мѣстными условіями. Величайшее разнообразіе при величайшей разрозненности, обусловливаемое физическими свойствами горной полосы Кавказа, опредѣляетъ для каждой этнической единицы особый кругъ дѣятельности, мало или почти вовсе не соприкасающійся съ соседними. Слабость силъ духовныхъ и матеріальныхъ каждой таковой

единицы сдавливаютъ всякую внѣшнюю дѣятельность ея; крайняя односторонность составляетъ прямое послѣдствіе таковой разрозненности и одинокости. Кавказское народонаселеніе не представляетъ собою переливовъ тѣни и свѣта: это пестрая мозаика, составленная изъ цвѣтовъ столь же ярко разнообразныхъ, какъ кавказскій ландшафтъ. Близина вѣчныхъ снѣговъ прерывается чернымъ шиферомъ отвѣсныхъ крутизнамъ, испещренныхъ желтыми мшистыми выступами; ниже темная зелень дремучаго лѣса, еще ниже золотистыя пашни, съ пятнами виноградниковъ, садовъ, сѣрыхъ ауловъ, съ жилами сверкающихъ на солнцѣ рѣзвыхъ потоковъ, перепрыгивающихъ со скалы на скалу, убѣгающихъ вглубь ущелья...

Конечно, всякая альпійская страна представляетъ болѣе или менѣе рѣзкое разнообразіе физическихъ свойствъ; но этому самому горное народонаселеніе никогда не бываетъ такъ однообразно по характеру, наружному виду и образу жизни, какъ народонаселеніе равнинъ, даже разстилающихся на необъятное пространство. Но есть горныя страны, народонаселеніе которыхъ, не смотря на наружное разнообразіе свое, легко объясняемое разнообразіемъ мѣстности, очевидно носитъ печать общаго происхожденія: таково напр. гальское народонаселеніе нагорной Шотландіи. Такого единства происхожденія невозможно допустить для кавказскихъ горцевъ. Считать ли Кавказскій хребетъ колыбелью и разсадникомъ различныхъ племенъ, какъ то напр. мы въ правѣ думать о высокихъ гималайскихъ странахъ и какъ то можетъ безотчетно казаться, вслѣдствіе превратнаго пониманія употребительнаго названія: кавказская раса? Но, между всѣми предположеніями, таковое наименѣе вѣроятно. Можно ли допустить, чтобы раса, которой предназначено Промысломъ Всевышняго играть главнѣйшую роль во всемірно-исторической драмѣ, имѣла колыбелью страну, которая болѣе всякой другой пренятствуетъ исторической дѣятельности. Разрозненность, подчиненность физическимъ условіямъ,

олноконость, односторонность, отчужденіе отъ остальнаго свѣта, замкнутость, — таковы суть характеристическія черты кавказскаго горскаго народонаселенія: таковыя черты подавляютъ всякую способность народа къ другому рода дѣятельности, кромѣ какъ развѣ къ упорному отстаиванію независимости, съ которою, впрочемъ, не связано никакое убѣжденіе, распространяющееся далѣе тѣсваго горизонта роднаго ущелья. Если мы отъ отвлеченныхъ разсужденій о вліяніи мѣстности на людей обратимся къ положительнымъ историческимъ фактамъ, то найдемъ, что никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ, кавказскіе горцы не играли никакой исторической роли: не смотря на всю беззащитность прилежащихъ къ нимъ равнинъ, ни въ какую эпоху, даже на короткое время, не успѣвали они ни создать, ни даже разрушить тамъ чего либо на долгу; внѣшняя дѣятельность ихъ никогда не возвышалась надъ грабежомъ и разбоемъ. На какомъ же основаніи допустимъ мы, чтобы нѣкогда Кавказскій хребетъ служилъ колыбелью и рассадникомъ историческихъ народовъ? Еще яснѣе представится намъ истина всего вышелезложеннаго, если мы сравнимъ *известную* намъ исторію Кавказа съ *известною* намъ исторіей возвышенной Средней Азии. Оставивъ въ сторонѣ вовсе не произвольныя догадки о томъ, какъ происходили невѣдомыя намъ расселенія эллинолатиновъ, кельтовъ, германцевъ, славянъ, припомнимъ себѣ лишь историческія движенія къ западу гунновъ и другихъ варваровъ, разрушившихъ Западную Римскую Имперію, бѣлыхъ гунновъ (эфталитовъ), турокъ, монголовъ. Въ продолженіе длиннаго ряда вѣковъ народы эти, на отдаленномъ востоцѣ, посреди непрерывной тревоги, владѣли какъ бы неизмѣнное, колесообразное существованіе, но едва касались они *сердца* Азии, какъ непреодолимымъ, разсѣвающимъ вліяніемъ почвы, отбрасывались они вдалѣ на западъ: одно прикосновеніе къ этой волшебной почвѣ сообщало имъ столько невѣдомую силу, энергію, быстро пожиравшую ихъ самихъ, быстро оставлявшую, вслѣдъ за ослѣпительно вспыхнувшимъ пламе-

немъ, холодную безплодную золу! Ничего подобнаго не представляеть намъ исторія Кавказа.

Итакъ, невозможно допустить, чтобы историческія расы вышли на равнины изъ горной кавказской полосы; мы видѣли также невѣроятность предположенія, будто-бы переступили онѣ черезъ Кавказъ на пути своемъ изъ Азіи въ Европу. Какъ ни мало данныхъ имѣемъ мы для составленія окончательнаго заключенія о происхожденіи кавказскихъ горцевъ,—нельзя однако ствергнуть, что многія горскія племена представляютъ признаки одноплеменности съ разными обитателями равнинъ, теперь большею частію весьма далеко живущими отъ Кавказа. Языкъ осетинъ неоспоримо принадлежитъ къ индо-европейскому корню, въ языкахъ адыге и наче обнаруживается присутствіе финскихъ элементовъ. Припималъ въ соображеніе все вышесказанное, нельзя не придти къ убѣжденію, что кавказскія горы *населены съ равнинъ* и преимущественно съ сѣвера: древнѣйшими пришельцами на Кавказъ были, вѣроятно, доисторическіе аборигены Европы, теперь уже совершенно исчезнушіе на равнинахъ; потомъ, быть можетъ, арійскія историческія расы, нынѣ господствующія въ Европѣ, вѣсть съ ними финскія племена, слѣдовавшія отъ Алтая къ Балтикѣ; позже дако-гетсвія племена, подъ собирательнымъ именемъ скивовъ, служившія представителями переселенія азіатскихъ народовъ въ Европу, въ продолженіе историческаго періода древняго міра до самаго Р. X.; наконецъ, явленія, совершенно подобныя тѣмъ, которыя, какъ мы предполагаемъ, происходили во времена, недоступныя для исторіи, происходятъ передъ нами явственно даже во всѣхъ мелкиихъ подробностяхъ своихъ, въ продолженіе средней и новой исторіи; ни разу не видимъ мы, чтобы какой либо пародъ, двинувшись изъ Закавказья, перешелъ черезъ Кавказскій хребетъ, оставилъ тамъ на пути своемъ поселенцевъ, а самъ главною частью массы распространился на сѣверъ между Дономъ и Волгою, гдѣ, какъ кажется, было тогда еще болѣе простору, чѣмъ во времена

Геродотовы. Но, въ тоже время, какой бы народъ не двигался отъ востока къ западу, по большой дорогѣ переселенія народовъ, выходящей въ Европу между Уральскимъ хребтомъ и Каспиемъ, какой бы то ни былъ народъ: гунны ли, аланы, авары, мадьяры, турецкія или монгольскія племена,—всѣ они влѣво отъ пути слѣдованія, частями подаются къ Кавказу, къ югу; быть можетъ, для того только, чтобы на зимнее время прискаты для себя кочевье потеплѣе и гдѣ бы снѣгъ былъ не такъ глубокъ. Тутъ рвалась связь между главною массою народа, слѣдовавшею къ западу, и частями ея, поворотившими къ югу, разрывъ, естественнымъ образомъ быстро возрастающій. Но для частей, поворотившихъ къ югу, въ скоромъ времени могъ сдѣлаться невозможнымъ возвратный путь. Одноплеменники ихъ, уступая напору съ востока, болѣе и болѣе подвигались къ западу; пространство между Дономъ и Волгой наводнялось толпами новыхъ пришельцевъ, которые не только запирали собою выходъ на материкъ изъ перешейка, но, сверхъ того, сами по хозяйственнымъ расчетамъ своимъ распространялись по степямъ перешейка, поработая или вытѣсняя въ горы всѣхъ встрѣчавшихся тамъ инородцевъ. Горское пародонаселеніе умножалось притокомъ новыхъ этническихъ стихій, болѣе и болѣе разнообразившихъ, но не обогащавшихъ его: новые пришельцы, вступая въ ущелья суроваго Кавказа, какъ бы строгались отъ всего прошлаго; на Кавказѣ искали они лишь свободы, въ замѣнъ чего подчинялись строгому уставу горской отчужденной жизни. Всѣхъ безъ разбору Кавказъ принималъ къ себѣ, но, разъ принявъ, не выпускалъ болѣе никого: не заботясь о прошломъ пришельца, будущее его, единожды на всегда, выковывалъ въ неизмѣнную форму. Къ сѣверу и къ югу отъ Кавказа не затихало волненіе двухъ житейскихъ, полныхъ событий, морей-океановъ, вѣчно тревожимыхъ близостію двухъ великихъ водоворотовъ: турпанской низменности и армянскаго плоскогорія. Безстрастнымъ, безмолвнымъ, бездѣйственнымъ порубежнымъ стражемъ стоялъ Кав-

казь между двумя морями-океанами. Но имъ суждено нѣкогда слиться, Кавказу уступить папору волнъ! Такъ въ продолженіи несчетнаго ряда вѣковъ Атлантика отдѣляла старый свѣтъ отъ новаго; теперь связываетъ она ихъ во-едино для согласнаго труда въ обще-человѣческомъ дѣлѣ.

Сѣверная половина Кавказскаго перешейка въ отношеніи къ материкъ Европы имѣетъ историческое значеніе, подобное значенію полуострововъ Таврическаго, Балканскаго, Апеннинскаго и Пиринейскаго. Кавказскій выступъ болѣе другихъ доступней со стороны материка, первый встрѣчается на пути расселенія народовъ изъ Средней Азіи къ западу. На расчлененіяхъ материка обыкновенно ранѣе, чѣмъ на самомъ материкѣ, возникаетъ ошѣданіе, гражданственная жизнь, составляющая первое условіе народнаго развитія. Можно предположить, что древнѣйшею историческою почвою Европы была сѣверная половина Кавказскаго перешейка. И дѣйствительно, много есть указаній, подтверждающихъ справедливость такого предложенія ¹⁾. Почему же исторія древне-европейскаго развитія не удержалась на берегахъ Меотическаго (Азовскаго) моря, на дѣвствующей равнинѣ, орошаемой классическимъ Гупанисомъ (Кубавью), почему вскорѣ перенеслась она на полуострова Средиземнаго моря? Конечно, таковой ходъ европейской исторіи легко объясняется совершенно безпрятственною доступностью съ сѣверной стороны Кавказскаго перешейка: это есть просторная гавань, легко доступная для судовъ, гонимыхъ бурей въ открытомъ морѣ, но не укрывающая ихъ отъ врушенія, такъ какъ сама она доступна вѣвмъ невзгодамъ. Младенческіе всходы просвѣщенія вскорѣ вырваны были съ корнемъ волъ ураганомъ, непрерывно дующимъ со стороны туранской низменности: частью унесены они были на благословенную почву европейскаго юга, гдѣ потомъ созрѣли и прине-

1) Ritter: Vorhalle europaeischer Völkergeschichten, 147 и сл.

сли обильную жатву; частью упали на голыя скалы Кавказа, гдѣ погибли безвозвратно.

Мы выше объяснили, что на Кавказскій хребетъ должно смѣтрѣть какъ въ весьма рѣзко проведенный самою природою рубежъ между двумя историческими частями свѣта, Европейскою и Западно-Азиатскою, — рубежъ, черезъ который могли, конечно, прорываться обитатели хищниковъ изъ Европы въ Азію, но который былъ непреходимымъ для народовъ, болѣе или менѣе спокойно разселявшихся съ семействами и имуществомъ своимъ. Такимъ образомъ страна, составляющая Кавказскій перешеекъ, частями своими, лежащими по сѣверную или по южную сторону Кавказскаго хребта, принадлежитъ къ двумъ различнымъ историческимъ частямъ свѣта. Мы сказали также, что обѣ онѣ, равно какъ и индустанская, сходятся къ востоку отъ Каспійскаго моря, тамъ, гдѣ сближаются два великія плоскогорія и двѣ великія низменности. Это мѣсто сближенія великихъ типовъ земной поверхности стараго свѣта, по преимуществу можетъ быть названо *индифференціальнымъ*, безразличнымъ, въ географическомъ и историческомъ смыслѣ, такъ какъ здѣсь всѣ различія, взаимно соприкасаясь, взаимно уничтожаются. Относительная близость Кавказскаго перешейка къ этой великой индифференціальной странѣ имѣла вліяніе на общій характеръ ея народонаселенія, вліяніе уравнивающее, въ противоположность разнообразному вліянію мѣстности. Само собою разумѣется, что рѣзкія разнообразія между народами могли возникнуть не въ общей родинѣ ихъ, но уже послѣ того какъ они разошлись; чѣмъ далѣе и долѣе расходились они, тѣмъ разнообразія дѣлались глубже и нагляднѣе. Представимъ же себѣ какой либо народъ, какъ напр. даія, массагеты или алане, пѣкогда кочевавшій нераздѣльной массой въ Туранѣ, къ востоку отъ Каспійскаго моря, и потомъ раздѣлившійся, при движеніи своемъ къ западу, на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна достигла сѣверной половины Кавказскаго перешейка, обогнувъ Каспійское море съ сѣ-

вера, другая же проникла въ Закавказье черезъ Мазандеранъ. Обѣ вѣтви, не успѣвъ еще утратить общаго этническаго наименованія, не успѣвъ значительно разойтись ни въ языкѣ, ни въ обычаяхъ, могли или взовъ сблизиться на Кавказѣ, въ особеннѣости гдѣ либо въ Дагестанѣ, или, наконецъ, не возстановивъ прерванной связи, поселиться другъ отъ друга отдѣльно, одна въ сѣверной, а другая въ южной половинѣ перешейка. Это явленіе весьма обыкновенно на Кавказѣ, и теперь еще можетъ быть наблюдаемо во всей полнотѣ надъ позднѣйшими пришельцами, тюркскими или, такъ называемыми, татарскими племенами. Татары встрѣчаются въ юго-восточномъ углу Закавказья, въ Талышѣ; есть татары и по берегу Азовскаго моря, но, для объясненія таковаго расселенія въ противоположныя оконечности Кавказа, нѣтъ надобности предполагать, что они переходили черезъ Кавказскій хребетъ. Таковое расселеніе началось въ весьма отдаленной отъ Кавказскаго перешейка странѣ, и каждая вѣтвь направилась въ особую страну, прервавъ на всегда связь съ родственною ей.

Мы обратили, сверхъ того, вниманіе на тѣсно приближеніе Европы къ Азіи вдоль водяной полосы Босфора, Мраморнаго моря, Геллеспонта и Эгейскаго моря. Этой водяной полосой, конечно, достаточно было, чтобы перегородить пути расселенія младенческаго человечества, но при первыхъ робкихъ попыткахъ мореплаванія люди успѣли переплыть черезъ эту раздѣльную полосу. Если Азія мало заботилась о Европѣ, за то Европа не сводила глазъ съ Азіи. Начало предпріятій Европы противъ Азіи теряется во мракѣ времени, въ который не можетъ проникнуть лучъ исторіи. Поэмы о походѣ Аргонавтовъ, Илиада, Одиссея основаны или на преданіяхъ о таковыхъ предпріятіяхъ, или на мечтаніяхъ, подготовлявшихъ таковыя предпріятія. Все это понимаемо было исторической Греціей еще менѣе чѣмъ нами, такъ какъ только въ наше время историческая критика начинаетъ принимать положительное направленіе. Вѣдкое вліяніе Греціи, или, лучше ска-

зять, Балканскаго полуострова, не рѣше, какъ во времена Александра Македонскаго проникло въ самую глубь Азіи, но на ближайшихъ странахъ, на Малой Азіи, на Арменіи, на Черноморскомъ берегу Кавказскаго перешейка, отозвалось оно еще въ самую отдаленную эпоху. Если вліяніе собственно Греціи обозначилось, какъ отблескомъ просвѣщенія, исходявшаго изъ Аѳинъ и достигаемаго черезъ Малую Азію даже до Армянскаго плоскогорія, такъ и торговыми колоніями, основанными по берегамъ Чернаго моря, - то вліяніе Фракіи на Закавказье, хотя и весьма въ слабыхъ размѣрахъ, представляло аналогію съ вліяніемъ Туранской низменности на сѣверную половину Кавказскаго перешейка. Столпленіе народовъ на отдаленномъ западѣ материка Европы повлекло за собою обратныя движенія, принявшія направленія на южные полуострова; въ самыхъ отдаленныхъ историческихъ эпохахъ встрѣчаются указанія на вторженія галловъ въ Аппенинскій и Балканскій полуострова. Эти вторженія, въ средней Италіи и въ Греціи, достигшихъ уже высокой степени гражданскаго развитія, ознаменовались одними лишь скоро изглаживающимися слѣдами опустощенія; но осадки вторженій успѣли приютиться въ дикой Фракіи. Оттуда толпы европейскихъ варваревъ, пріискивая для себя болѣе теплое небо и болѣе плодородную почву, переправлялись, хотя не безъ труда, черезъ Босфоръ Фракіискій и разсѣпались по Малой Азіи, огибая съ южной стороны Черное море. Этими историческими явленіями объясняются признаки присутствія въ древнія времена въ Закавказьѣ нѣкоторыхъ специально европейскихъ этническихъ элементовъ, которыхъ не должно смѣшивать съ тѣми общинами, которые какъ закавказскіе, такъ и европейскіе арійцы вынесли изъ общей своей первоначальной родины, которую искать должно въ Средней Азіи.

Такимъ образомъ видимъ мы, что кривеносныя жилища организма исторіи стараго свѣта, не случайностью и не произволомъ, а самой природой проведены на поверхности земнаго шара,

извившись въ безчисленныхъ извибахъ, связавъ невзримыми для поверхностнаго взгляда путями отдаленныя и взаимно-несходныя страны, болѣею частью концовъ своихъ подходятъ къ сѣверной или къ южной сторонѣ стѣны Кавказа. Удастся ли когда на самомъ Кавказѣ крѣпко соединить эти разнородныя кощцы, ссучивъ ихъ въ непрерывныя нити, посредствомъ которыхъ связать Европу съ Азіей? Европа возмужавшая, обогатившаяся, сторицею вынудитъ Азію то, что запала у нея нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ... Что обѣщано человечеству исторіей, то исполнится, хотя бы тысячелѣтія отдѣляли исполненіе отъ надежды.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Сыны Иафета: Гомеръ, Марогъ, Мадай, Тавагъ, (Елиса), Оупалъ, Мешехъ и Оирасть. Сыны Гомера: Аскеназь, Рифагъ, и Фогарма. Сыны Тавага: Елиса, Оарсиель, Киттивалъ и Доданимъ. Отъ сихъ населились острова народовъ въ земляхъ ихъ, каждый по языку своему, по племени своему, въ народахъ своихъ.

Бытiи, X, 2—5.

Десятая глава книги Бытiи заключаетъ въ себѣ родословную потомства Ноева, которое представлено въ видѣ трехъ особыхъ семействъ. Въ семействѣ Иафетовомъ показано два поколѣнiя и названо 14 лицъ, въ семействѣ Хамовомъ три поколѣнiя и 30 лицъ, въ семействѣ Симоновомъ пять поколѣнiй и 26 лицъ. Въ слѣдующей главѣ книги Бытiи родословная Симона продолжена еще на четыре поколѣнiя и доведена до родоначальника еврейскаго народа, Авраама, который такимъ образомъ приходится потомкомъ Ноевымъ въ десятомъ колѣнѣ.

Если не допускать для этихъ родословныхъ иного смысла, кромѣ того, который кажется при первомъ, поверхностномъ взглядѣ, то, конечно, для насъ, отдѣленныхъ тысячелѣтiями отъ Ноя, родословная эта не имѣетъ совершенно никакой важности. Толкованiе книгъ Священнаго Писанiя представляется невѣжественному пустовѣрiю, встревоженному легкомысленными выходками прошлаго вѣка, въ видѣ преступнаго искаженiя истины, исходящей свыше, не изъ общаго источника великаго другого человеческого знанiя. Отъ вѣрующаго требуютъ слѣдной вѣры въ буквальный смыслъ библiи, но библiя извѣстна большинству вѣрующихъ лишь по переводамъ: понятiе о буквальномъ смыслѣ смѣшивается съ понятiемъ о буквальномъ переводѣ. Возьмемъ для примѣра

два языка, которыми говорятъ два современные и соседніе народа, находящіеся въ тѣсномъ умственномъ соотношеніи, вражающіеся въ одной и той же средищѣ цивилизаціи. Развѣ буквальный переводъ съ одного изъ таковыхъ языковъ на другой не затѣмилъ бы буквального смысла подлинника? Что же заключить о буквальномъ переводѣ на одинъ изъ живыхъ европейскихъ языковъ еврейскаго подлинника книги Бытія, писанной вѣкомъ за тридцать тому назадъ на языкѣ, по духу своему совершенно отличномъ отъ нашихъ, для народа, слѣдовавшаго путемъ развитія, совершенно отличимымъ отъ нашего. Буквальное пониманіе буквально сдѣланнаго перевода библіи можетъ вовлечь въ совершенно превратное пониманіе подлинника. На какомъ прочномъ основаніи установить понятіе о *буквальномъ смыслѣ* еврейскаго подлинника? Рѣчь человѣческая не имѣетъ опредѣлительности алгебраической формулы; слово, невѣдомо кѣмъ, невѣдомо кому, невѣдомо для чего сказанное, можетъ быть толкуемо различно, хоти бы лексическое значеніе его было вполне извѣстно. Буквальный смыслъ есть собственно смыслъ, приданный слову тѣмъ, который произнесъ его; чтобы разгадать его, должно знать и того, кто говоритъ, и тѣхъ, которымъ говоритъ онъ, и взаимныя отношенія ихъ. Чѣмъ менѣе намъ все это извѣстно, тѣмъ непонятнѣе для насъ чуждая рѣчь. Всѣ таковыя условія крайне неблагоприятны для разумнѣйшаго настоящаго смысла книги Священнаго Писанія, безъ помощи весьма тщательнаго изученія, какъ всѣхъ особенностей еврейскаго языка, такъ и всѣхъ особенностей еврейскаго умственнаго развитія. Конечно, священная духовная личность ветхозавѣтныхъ законоучителей и пророковъ не подлежитъ никакому анализу, во историческую, но крайней мѣрѣ, часть книгъ своихъ писали они не для пророковъ, не для людей, одаренныхъ свыше: это обстоятельство удерживало ихъ въ доступномъ для массы еврейскаго народа кругу испости. Но прежде всего должи по имѣть въ виду, что писали они книги свои не для всего рода

человѣческаго, а собственно для избраннаго Богомъ народа; если бы писави для насъ, то мысль свою облекли бы совершенно въ иныя формы. Мы не касаемся общечеловѣческой части содержанія библіи, этой книги вѣстѣ, безконечной какъ міръ, исходящей изъ бездны міроздавнѣ и вырастающей до таинственнаго звѣзднаго неба ¹⁾—мы говоримъ объ одной лишь исторической части ея, къ которой принадлежитъ вся книга Бытія. Боговдохновенный историкъ, конечно, обзоривалъ прошедшее и настоящее современнаго ему челоуѣчества съ гораздо высшей точки зрѣнія, чѣмъ получаемый имъ народъ: не скрывалъ онъ и не измѣнялъ преднамѣренію истины, но въ изложеніи ея приносился къ понятіямъ еврейскаго народа, говорилъ иносказаніями, совершенно ясными для современниковъ его, но для насъ сдѣлавшимися уже темными. То, что, при нынѣшнемъ направленіи образованія, кажется намъ весьма важнымъ и занимательнымъ, не казалось ни важнымъ, ни занимательнымъ для евреевъ, и Моисей умолчалъ объ этомъ. Мы должны, отрѣшившись отъ всего настоящаго, поставить себя на мѣсто древнихъ евреевъ, чтобы понимать космогоническую, историческую и географическую часть библіи. Такое идеальное воскресеніе давно умершихъ уже понятій, чувствованій, страстей, есть высшее назначеніе филологіи. Съ каждымъ новымъ словомъ ея явственнѣе и явственнѣе выступаетъ предъ глаза наши тѣло усопшаго, вызванная ею изъ вѣковой могилы.

Евреямъ стоило услышать имена влуконъ и правнуконъ Ноя, чтобы догадаться о многомъ, что совершенно ускользаетъ отъ насъ, читающихъ библію въ переводѣ. Большая часть именъ этихъ суть названія странъ, городовъ, рѣкъ, горъ западной Азіи, весьма извѣстныя въ древнемъ мірѣ. Конечно, они могли быть заимствованы отъ именъ ближайшихъ потомковъ Ноевыхъ, но замѣчательно, что многія изъ этихъ названій какъ то: Китимъ,

1) *Henri Heim: De l'Allemagne (Paris 1855), II, 11.*

Доданимъ, ¹⁾ имѣютъ еврейское окончаніе множественнаго числа и, слѣдовательно, не суть имена отдѣльныхъ лицъ. Въ числѣ сыновей Хамовыхъ показанъ Мисраимъ (Египетъ), котораго имя имѣетъ окончаніе двойственнаго числа названію Египта евреи дѣйствительно придавали окончаніе двойственнаго числа на основаніи нѣкоторыхъ особенностей (то географическаго положенія. Имена изъ этихъ именъ, какъ напр. Тебуси (Тевусей), Амори (Аморрей) и пр., суть явно стечественныя и, слѣдовательно, могли служить именами для потомковъ, а не для родовачальника. Наконецъ, нѣкоторые имѣютъ окончанія жепскаго рода, нѣкоторые отвлеченное значеніе, какъ напр. Шелэгъ (Сага)—отравленіе, Эверъ (Еберъ)—переходъ, Фалекъ—раздѣлъ: послѣдняго рода имена относятся, повидяному, къ какимъ то событіямъ, а не къ отдѣльнымъ лицамъ.

Все эти особенности весьма естественнымъ образомъ наводятъ на мысль, что родословныя книги Бытія, для поверхностнаго взгляда не заключающія въ себѣ ничего, кромѣ нѣсколькихъ именъ внуковъ и правнуковъ Ноевыхъ, въ дѣйствительности содержатъ драгоценнѣйшій для науки историческій и этнографическій очеркъ, представленный въ условной формѣ, для насъ сдѣлавшейся уже весьма темною. Въ исторіи нашего времени безпрестанно олицетворяются и изображаются въ видѣ историческихъ дѣятелей: реформація, революція, сто дней, Іюль, Февраль и т. п. Если изъ всей нашей необъятной исторической литературы, только одна или двѣ страницы, написанныя таковыми именами, черезъ тридцать вѣковъ дойдутъ до потомства, то, быть можетъ, создастъ оно изъ нихъ родословныя, придерживаясь мнимо-буквальнаго смысла перевода!

Итакъ, во всякомъ случаѣ, нельзя ствергнуть, что между названіями народовъ, географическихъ предметовъ, событій съ одной стороны, и названіями ближайшихъ потомковъ Ноевыхъ съ

1) *Knobel: Die Völkertafel der Genesis*, p. 11.

другой, существуетъ тѣспѣйшая связь. Остается еще обсудить, дѣйствительно-ли потомки Ноевы назывались такъ, какъ называетъ ихъ, повидимому, книга Бытія. Нельзя не обратить особаго вниманія на объясненіе самой книги Бытія имени одного изъ нихъ: Фалекъ (раздѣль)—«во дни его земля раздѣлепа» ¹⁾, откуда видно, что по событію дано имя этому лицу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, позволительно даже заключить, что таковое имя есть не что иное, какъ олицетвореніе историческаго событія.

Если припятъ, что потомки Ноевы дали каждый свое имя особому народу или, лучше сказать, что каждый изъ нихъ изображалъ въ своемъ лицѣ цѣлый народъ, то родословная ихъ приобрететъ величайшую важность для исторической части сравнительной филологіи, изображая доисторическое развѣтвленіе рода человеческого той эпохи, когда „на всей землѣ былъ одинъ языкъ и одно наречіе“, ²⁾ па особия семейства народовъ, развѣтвлявшіяся въ свою очередь постепенно на особые народы. Предметомъ изслѣдованій должно быть отысканіе соотношеній между библейскими и извѣстными намъ изъ другихъ источниковъ древними народными названіями, затѣмъ сравненіе выводовъ, доставляемыхъ намъ исторіей и сравнительной филологіей съ указаніями Моисеевыхъ народныхъ таблицъ. Хотя, конечно, не безусловно вѣрными, но, по крайней мѣрѣ, наиболѣе надежными заключеніями о взаимномъ родствѣ народовъ почитаются тѣ, которыя основаны на антропологическомъ и филологическомъ сходствахъ. Но, не смотря на всѣ усилія, даже, можно сказать, на всѣ натяжки учености, нельзя не сознаться, что, при сличеніи выводовъ науки съ толкованіемъ таблицъ Моисеевыхъ на объясненномъ основаніи, обнаруживаются непримиримыя противурѣчія. Это заставляетъ думать, что Моисеевы таблицы народовъ не представляютъ народныхъ родословныхъ, а

1) Бытія, X, 25.

2) Бытія, XI, 1.

составлены по какой то другой системѣ. Къ этому заключенію приводятъ пасъ и другаго рода разсужденія. Библейское сказаніе о томъ, что только одно небольшое семейство уцѣлѣло на землѣ послѣ всемірнаго потопа, конечно, должно остаться неприкосновеннымъ, но весьма трудно объяснить, какимъ образомъ семейство это не только могло существовать, но еще весьма быстро вновь заселить опустѣлую землю. Человѣкъ, даже въ отношеніи къ потребностямъ животной жизни своей, можетъ преуспѣвать только въ обществѣ себѣ подобныхъ; муравей не живетъ безъ муравейника, пчела безъ улья. Ни семейство Ноево, ни ближайшіе потомки его, долго не могли расхотиться, чтобы не усугубить невыгодъ, притескавшихъ изъ ихъ малочисленности. Еслиже отыскивать порядокъ расселенія народовъ въ таблицахъ Моисеевыхъ, то оказывается, что уже первыя поколѣнія разошлись въ отдаленныя еопцы земли и что черезъ пять поколѣній вся западная Азія, юго-восточная Европа и сѣверо-восточная часть Африки были заселены.

Большая часть недоумѣній, возникающихъ при толкованіи Моисеевыхъ народныхъ таблицъ, уничтожается, если предположить, что онѣ составлены лишь для того, чтобы исчислить всѣ народы, бывшіе на слуху у еврейскаго народа во времена Моисея и чтобы показать мѣсто евреевъ въ общечеловѣческой семьѣ. Таблицы эти собственно служатъ вставочнымъ звеномъ разсказа. Допотопная и послѣпотопная исторія до временъ Авраама касается всего человѣческаго рода; отъ этой всеобщей исторіи повѣствователь переходитъ къ частной исторіи евреевъ. Родъ человѣческій, представлявшійся единымъ и нераздѣльнымъ въ предыдущихъ главахъ, необходимо было для дальнѣйшаго разсказа изобразить раздробленнымъ на множество народовъ, но Моисей, за исключеніемъ очевидно-чуждаго и прерывающаго связь повѣствованія эпизода о столпотвореніи Вавилонскомъ, не имѣлъ въ виду объяснить отчетливо, какъ произошло таковое раздробленіе.

Таблицы его не болѣе, какъ исчисленіе лицъ-народовъ, дѣйствующихъ въ дальнѣйшей исторической драмѣ, которыя группируетъ онъ по условной системѣ, наиболѣе доступной понятіямъ евреевъ. Иначе современная наука въ правѣ была бы усумниться въ справедливости разсказа Моисеева: почему въ этой мпимо-отчетливой картинѣ развѣтвленія рода человеческого, ни слова не сказано ни объ индусахъ, ни о монголахъ, ни о финнахъ, ни о неграхъ, не говоря уже объ отдаленныхъ малайскихъ и америкапскихъ племенахъ, между тѣмъ какъ вѣтъ сомнѣнія, что эти великія отрасли образовались уже задолго до Моисея? Почему нѣкоторые народы, несомнѣнно разноплеменные, причислены къ одному семейству и наоборотъ? Но всѣ эти возраженія, столь привлекательныя для легкомысленнаго невѣрія, сами собою уничтожаются, если только не искать въ книгѣ Бытія того, чего Моисей не имѣлъ въ виду писать. Допустивъ, что Моисеевы таблицы представляютъ лишь исчисленіе народовъ, бывшихъ извѣстными евреямъ и группированныхъ условно, остается опредѣлять какіе народы могли быть извѣстны евреямъ въ ту эпоху и на основаніи какой системы они группированы.

Принимая въ соображеніе преднамѣренное отчужденіе еврейскаго народа отъ всего остальнаго рода человеческого, малочисленность его, отсутствіе торговли, недостатокъ любознательности, можно подумать, что этнографическія познанія ихъ заключены были весьма въ тѣсныя предѣлахъ. Теперь еще можно встрѣтить много народовъ, которые, подъ вліяніемъ таковыхъ условій, знаютъ по имени однихъ лишь пограничныхъ сосѣдей своихъ. Но, съ другой стороны, должно припомнить, что евреи, волей или неволей, находились въ самомъ тѣсномъ соприкосновеніи съ египтянами, отъ которыхъ не могли не узнать именъ многихъ эіопскихъ и ливійскихъ народовъ, обитателей Африки, которые теперь намъ едва извѣстны. 1) Еще во времена первыхъ патріарховъ шелъ че-

1) Knobel: die Völkertafel der Genesis, p. 5.

резь Палестину караванный путь изъ Аравіи въ Египеть: «и взглянувъ, увидѣли, вотъ идетъ изъ Галаада караванъ Измаилитянь, и верблюды ихъ несутъ стирасу, бальзамъ и ладонь; идутъ они отвезти это въ Египеть»¹⁾ Даже оставаясь праздными, равнодушными зрителями этого торговаго движенія, евреи могли ознакомиться съ аравійскими племенами. Съ сѣверными симитскими пародами не прерывали евреи связи во времена патріарховъ. Наконецъ, не смотря на строгія запрещенія патріарховъ своихъ, потому что Авраамовы не могли уклониться отъ повседневныхъ сношеній съ хананеями, въ землѣ которыхъ жили: къ числу этихъ хананеевъ принадлежали и всемірно-знаменитые финикіяне, которые уже во времена до-Моисеевы успѣли близко ознакомиться съ цѣлымъ европейскимъ побережьемъ Средиземнаго моря. Отъ финикянъ евреи слышали о существованіи *заморскихъ* народовъ, предковъ пылнѣшаго господствующаго населенія Евразіи.

Итакъ, независимо отъ указаній, представляемыхъ Моисеевыми таблицами, мы въ правѣ съ большою степенью вѣроятія предположить, что въ означенныхъ предѣлахъ заключалось доступное евреямъ народозваніе. Эти предѣлы довольно обширны, но ихъ разширило географическое положеніе избраннаго Богомъ народа, а не любознательность. На отдаленномъ востокѣ существовала Китайская монархія, но еще не наступила эпоха политической дѣятельности ея къ сторонѣ запада; Индустанъ въ то время, какъ и всегда, составилъ замкнутый міръ, жившій своею затворническою жизнію; на востокѣ Иранскаго плоскогорія существовало сильное Бактрійское государство, но вся дѣятельность его была поглощена борьбою съ Тураномъ. О всѣхъ этихъ народахъ слухъ не доходилъ до Хаанаана, и Моисей не упоминалъ о нихъ въ своихъ таблицахъ. Около того же времени быстро начало возникать могущество Ассирійской монархіи, которая была

1) Бытія, XXXVII, 25.

извѣстна еврейскъ: ополченія Нина и Семирамиды направились на востокъ, вглубь Азіи; юго-западъ ей оставался спокойнымъ еще долго послѣ Моисея. Великой политической централизаціи западной Азіи не разъ возникавшей въ теченіи вѣковъ, не существовало или, быть можетъ, прервалась она временно, въ эпоху Моисееву. Къ сторонѣ востока, видимый для евреевъ міръ замыкался западной окраиной Иранскаго плоскогорія. Въ смутныхъ преданіяхъ, которыхъ отголосокъ находимъ мы въ первыхъ главахъ книги Бытія, встрѣчаемъ сказаніе, что на восточныхъ лежатъ Эдемъ, откуда райская рѣка разлучается въ четыре начала, что въ невѣдомой дали текутъ рѣки Фисолъ и Геонъ, лежатъ земли Евилатская и Хусова, земля Наидъ, гдѣ Канъ создалъ градъ Енохъ: географическія названія, чуждыя положительной библейской географіи.

Гораздо труднѣе дать себѣ опредѣлительный отчетъ въ системѣ, которой слѣдовалъ Моисей для раздѣленія на особыя группы извѣстныхъ еврейскъ народовъ.

Всѣ они происходятъ отъ одного общаго родоначальника Нол. До сихъ поръ, конечно, выводы антропологии о различіи человѣческихъ расъ весьма шатки, но во всякомъ случаѣ они болѣе говорятъ въ пользу мнѣнія о происхожденіи рода человѣческаго отъ нѣсколькихъ родоначальниковъ. Мнѣніе это, повидимому, противурѣчить показаніямъ Моисеевымъ, но не всѣ народы, несомнѣнно существовавшіе уже въ его времена, упомянуты въ его таблицахъ. Кромѣ того, нѣтъ причины думать, чтобы тѣ, о которыхъ говоритъ онъ, не принадлежали къ одной и той же антропологической расѣ, обыкновенно называемой *кавказскою*: мы выше замѣтили, что единство этой расы въ филологическомъ отношеніи подлежить большимъ сомнѣніямъ. Нѣтъ никакого повода думать, чтобы европейскіе народы, о которыхъ говоритъ Моисей, не были арійскаго происхожденія, а африканскіе кушитскаго, но не негрятискаго. Укажемъ здѣсь, сверхъ того, на одно весьма любопытное

обстоятельство. Во многих мѣстахъ библіи упоминается о народахъ, которые не вошли въ Моисеевы таблицы. Таковы суть *Рефаимы* = великаны ¹⁾, *Золмимы* или, ближе къ еврейскому подлиннику, *Зомзомимы* = варвары, *Хорреи* = пещерожители, троглодиты. Всѣ они, повидимому, были одного происхожденія и въ иныхъ мѣстахъ ²⁾ называются сыновьями Енака, но этотъ Енакъ не поименованъ въ числѣ потомковъ Ноевыхъ. Ожесточенная ненависть, которую евреи питали къ другимъ обитателямъ Ханаана, проявляется вездѣ, гдѣ только говорится о послѣднихъ, но тѣмъ не менѣе библія признаетъ, что эти закоснѣлые враги происходятъ отъ Ноя, хотя и принадлежатъ къ отрасли Хамовой, проклятой Богомъ. Но о потомствѣ Енаковомъ говорится въ библіи, какъ о какой то чудовищной расѣ, имѣвшей сомнительныя права на человѣческое достоинство. Такъ говорится ³⁾ объ «Огѣ (длинношеемъ), ⁴⁾ царѣ Басанскомъ, изъ Рефаимовъ, котораго одръ желѣзный былъ девяти локтей въ длину и четырехъ локтей въ ширину». Названіе Зомзомимы заставляеть думать, что народы эти выражались языкомъ, котораго звуки казались странными евреямъ ⁵⁾; названіе Хорреи = пещерожители показываетъ, что народы эти, хотя и не всѣ, вели образъ жизни совершенно особый отъ прочихъ обитателей Ханаана. Изъ всего можно заключить, что потомство Енаково принадлежало къ особой расѣ людей, теперь уже, быть можетъ, окончательно исчезнувшей съ лица земли и жившей въ Палестинѣ до прихода туда кушитскихъ и симитскихъ поселенцевъ. То обстоятельство, что таблицы Моисеевы умалчиваютъ объ этихъ народахъ, быть можетъ, позволяеть думать, что въ понятіяхъ евреевъ единство рода человѣческаго не имѣло такого обширнаго значенія, каковое придается ему въ наше время.

1) Втор. III, 13.

2) Втор. II, 10.

3) Второзаконіе III, 11.

4) Ritter: Erdkunde, XV, 121.

5) Renan: Hist. génér. des langues sémit., 33.

Итакъ, за исключеніемъ расъ, казавшихся чудовищными въ глазахъ евреевъ и которыхъ число значительно возрасло бы, если бы евреи успѣли ознакомиться съ народонаселеніемъ земнаго шара также хорошо, какъ мы, родъ человѣческой, или, лучше сказать, та часть его, которую называемъ мы нынѣ *кавказскою расою*, происходитъ, согласно Монсеевымъ таблицамъ, отъ одного родоначальника *Шоя*. Въ имени Ноевомъ замѣчательнымъ образомъ слышится звукъ, въ множествѣ языковъ означающій и *новъ* и *плаваніе* (*navis*), что какъ бы относится къ преданію объ обновленіи вѣтхаго человѣчества посредствомъ потопа. Но засвидѣтельствованъ такимъ образомъ единство происхожденія множества народовъ или, лучше сказать, единство происхожденія почти всего извѣстнаго евреямъ человѣчества, священный составитель таблицъ усматриваетъ три великія раздѣленія, три великія группы народовъ: симитскую, іафетидскую и хамитскую. Остается изслѣдовать, что общее и что различное между народами послужило основаніемъ такому этнографическому раздѣленію.

При отсутствіи въ самой библіи всякихъ прямыхъ указаній на занимающій насъ вопросъ, всего естественнѣе, конечно, обратиться къ толкованію именъ сыновей Ноевыхъ; въ названіяхъ, приданныхъ великимъ подраздѣленіямъ рода человѣческаго, должны отозваться соображенія, послужившія имъ основаніемъ. Раствореніемъ этихъ именъ, дѣйствительно, занимались знаменитѣйшіе знатоки древняго еврейскаго языка, но заключенія ихъ, какъ мы увидимъ ниже, разпогласятъ между собою. Это заставляетъ думать, что имена эти не суть чисто-еврейскія, а заимствованныя у какого-то невѣдомаго, болѣе древняго народа, быть можетъ, народа-прародителя всѣхъ симитовъ. Такъ напр. названіе Іафета изгѣтъ на еврейскомъ языкѣ окончаніе женскаго рода, чего не могло бы случиться, если бы названіе это составлено было евреемъ!).

1) *Knobel*: Die Völkertafel der Genesis, p. 21.

Всего естественнѣе предположить, что имена эти дошли до современныхъ Моисею евреевъ въ видѣ древнѣйшаго народнаго преданія, вынесеннаго изъ страны, бывшей родиною предковъ Авраамовыхъ. Страна эта есть Арфаксадъ, составляющая часть высокой страны Араратской, которая, по мнѣнью евреевъ, была колыбелью послѣднотопнаго человѣчества, мѣстомъ жительства Ноева и, во всякомъ случаѣ, хотя первоначальнымъ мѣстомъ жительства трехъ сыновей его. Нѣтъ ли какихъ либо независимыхъ отъ библейскихъ сказаній доказательствъ, что въ этой странѣ Араратской или далѣе еще къ Червону морю, нѣкогда извѣстны были имена, сходныя съ библейскими именами сыновей Ноевыхъ?

Въ греческой мифологій существовало неопредѣленное сказаніе о Титанѣ Іанетѣ, сынѣ Урана и Земли, супругѣ Океаниды Азіи, отцѣ Прометей, дѣдѣ Девкалиона, отъ котораго произошло послѣднотопное человѣчество, въ особенности же еллическое племя. Выраженіе *Iapeti genus* служило для означенія всего рода человѣческаго въ классическомъ мірѣ. Сказаніе о Іанетѣ встрѣчается у Гезіода, жившаго дѣтъ за 900 до Р.Х. Можно думать, что мифъ этотъ извѣстенъ былъ грекамъ въ эпоху глубочайшей древности и перешелъ къ нимъ съ востока Малой Азіи, т. е. изъ той же страны Араратской, гдѣ сосредоточиваются сивитскія преданія о потопѣ. Греческое названіе Іанетъ и библейское Іаоетъ такъ близки другъ къ другу, что заставляютъ предполагать тождество происхожденія, хотя, безъ сомнѣній, ни греки не заимствовали его у евреевъ, ни евреи у грековъ. Но значеніе этого названія еще менѣе объяснимо посредствомъ греческаго языка, чѣмъ посредствомъ еврейскаго. Быть можетъ это есть древнѣйшая форма названія *Iupiter, Zevs, Pater* ¹⁾.

Замѣчательны также отрывки изъ сочиненія Сивиллы, дочери вавилонскаго мудреца Вероза, помѣщенные въ исторіи Моисея

1) *Bullmann*: Mythologos (Berlin 1829), I, 222.

Хоренскаго. Прежде столпотворенія, говоритъ она, и размноженія говора человѣческаго языка, и послѣ плаванія Ксисуора въ Арменію, Зруапъ, Титанъ и Іапетостъ являются владыками земли ¹⁾. Это вавилонское преданіе о Ксисуорѣ, спасшемся отъ потопа на кораблѣ въ Арменіи съ тремя сыновьями, повидимому, есть искаженіе весьма древняго преданія, которое во всей чистотѣ сохранилось у евреевъ. Названіе Іапетостъ очевидно соотвѣтствуетъ еврейскому Іавету и греческому Іапету. О Зруапѣ Моисей Хоренскій положительно говоритъ, что онъ есть Симвъ, имя котораго сохранилось въ названіи одной горы въ Арменіи (но близости нынѣшняго города Муша), у подошвы которой онъ первоначально поселился. Въ этомъ имени Зруапъ или, какъ иначе пишется оно, Зервапъ или Зеруапъ, нельзя не замѣтить присутствія зендскаго корня *зер* = золото, блескъ: сходственное значеніе, повидимому, на еврейскомъ имѣетъ имя Симвъ. Сивилла повѣствуетъ, что Зеруапъ господствовалъ надъ всею землею и что оба брата его покорились ему, по на томъ условіи, чтобы всѣ сыновья, которые произойдутъ отъ Зеруана, были истребляемы. На основаніи этого преданія, въ послѣдствіи времени, подъ вліяніемъ греческой мифологіи, армяне своего древняго бога или герса Зервана смѣшали съ Сатурпомъ или Хроносомъ. Какъ олицетвореніе *предвѣчнаго времени* Зервапъ играетъ большую роль въ ученіи маговъ. Вавилонское названіе втораго сына Ксисуора—Титанъ, подземный богъ, совершенно соотвѣтствуетъ понятію, которое въ древнѣйшемъ, кушитскомъ мірѣ соединялось съ именемъ Хама, бога Камоса. Въ противоположность ему Іапетостъ могъ представляться въ видѣ бога выси, неба, Іаопата, отецъ Іао, откуда род. пад. *jovis*, Іаго, Іегова. Замѣчательно, что сыну его самаританская хроника приписываетъ молнію ²⁾.

1) *Моисей Хоренскій*: Исторія Арменіи, перев. Н. Эмина, (Москва 1858), стр. 38.

2) *Tuyndell*: Commentarii historiae gentis Samaritanae (Leyde 1846), p. 271.

Какъ ни смутны всѣ эти мнѣя, по они позволяютъ намъ допустить, что въ Малой Азіи и въ странѣ Араратской, гдѣ происходило доисторическое соприкосновеніе между симитами и арійцами, сохранялось, независимо отъ библейскихъ сказаній, преданіе о второмъ послѣпотопномъ поколѣніи и что даже имена сыновей плавателя, прародителя обновленнаго человѣчества, представляютъ нѣкоторое сходство съ библейскими названіями сыновей Ноевыхъ. Но, если эти названія и не условно придуманы составителемъ народныхъ таблицъ, то во всякомъ случаѣ остается неразрѣшеннымъ вопросъ, въ какомъ видѣ это тройкое развѣтвленіе рода человеческого отразилось на современныхъ Моисею народахъ.

Если допустить, что подъ поствомъ Ноевымъ библія исключительно подразумѣваетъ кавказскую расу, то антропологическое единство ея выражается въ личѣ Нои. Эта раса, въ филологическомъ отношеніи, раздѣляется на три особи и едва ли сомнѣстима; филологическое раздѣленіе, быть можетъ, изображается тремя сиповьями Ноевыми. Всею естественнѣе предпочесть, что Іафеть изображаетъ индо - европейцевъ, арійцевъ Сямъ — симитовъ; Хамъ — хамитовъ или, какъ ихъ чаще называютъ, кушитовъ. Какъ бы правдоподобно таковое предположеніе но оно рѣшительно опровергается тѣмъ, что намъ известно о народахъ и странахъ, поименованныхъ въ Моисеевыхъ таблицахъ. Такъ, сипами Симовыми названы: Эламъ, и Ассуръ, и Арфаксадъ, и Лудъ, и Арамъ. Если догадка наша справедлива, то всѣ эти народы должны почитаться за симитскіе; между тѣмъ какъ выводы настоящаго изученія древнѣйшаго востока противурѣчаютъ таковому заключенію. Эламъ, повидимому, тождественно съ названіемъ Ирапъ=Айріама, зенд. Айріапа, производнымъ отъ древняго названія индо - европейской расы, Айрія; Ассуръ образовался изъ смѣшенія кушитовъ съ арійцами; Арфаксадъ, страна, изъ которой нѣкогда вышли предки Авраамовы, по народонаселенію ея (Касдъ, Кардъ), было индо - европейское; названіе

Лудъ (Лидія?) подаєть поводъ къ недоумѣніямъ; наконецъ одна лишь страна Арамъ можетъ почитаться за несомнѣнно симитскую ¹⁾. Итакъ, во великомъ случаѣ, можно утвердительно сказать, что если Моисей и имѣлъ въ виду распредѣленіе народовъ на три группы по языкамъ ихъ, то, по крайней мѣрѣ, не держался строго и исключительно такого основанія.—

Распредѣленіе народовъ на великія группы по языкамъ достигнуто пониманію немногихъ. Такое пониманіе недоступно было и евреямъ.—Есть другой способъ распредѣленія, совершенно наглядный и на которомъ останавливается самая поверхностная наблюдательность: это есть классификація людей по цвѣту кожи. Таковой вообще держались и новѣйшіе этнологи, пока, наконецъ, дознано было, что устройство черепа и нѣкоторыя другія примѣты составляютъ гораздо болѣе опредѣлительное отличіе между различными народами людей, чѣмъ цвѣтъ кожи. Древніе писатели вообще обращали большое вниманіе на цвѣтъ кожи ²⁾: бѣлый приписывали они обитателямъ сѣвера, темный обитателямъ юга, смуглый обитателямъ средней полосы.— Названіе еоіопъ составлено изъ греческихъ словъ горѣть и лицо, *загорѣлице*.— Замѣтимъ притомъ, что этой породы темныхъ людей не слѣдуетъ почитать за негритянскіе. Геродотъ говоритъ, что азіятскіе еоіопы имѣли гладкіе волосы; колховъ, которыхъ считаетъ онъ за египетскихъ поселенцевъ, называетъ мудрыми, что не заключаетъ въ себѣ еще понятія о курчавыхъ неграхъ. Египтяне рисовали бѣлыхъ, красныхъ и черныхъ людей; еврейскіе толкователи ветхаго завіта изложили даже мнѣніе, что первосозданный человѣкъ былъ пестрый, т. е. заключалъ въ себѣ всѣ три вышеозначенные цвѣта, которые потомъ развѣдинились между его потомками. Весьма правдоподобнымъ можетъ казаться, что еврейскій этнографъ имѣлъ въ виду такое различіе народовъ по цвѣту кожи. Даже само толкованіе

1) *Renan*: Hist. des langues Sémit., p. 39.

2) *Knobel*: Die Völkertafel, 12.

именъ сыпоей Ноевыхъ можетъ нѣсколько подтверждать такое предположеніе.—Слово *Хамъ* на симитскихъ и на древне-египетскомъ языкѣ означаетъ жаркій, сожженный, темный. Въ названіи *Іавета* заключается корень еврейскаго слова, означающаго красоту; бѣлизна кожи составила условіе красоты по понятіямъ евреевъ. Имени *Сима* нельзя дать никакого подобнаго толкованія: оно, повидимому, означаетъ *славу*, по весьма естественнымъ образомъ евреи обращали вниманіе лишь на цвѣтъ кожи народовъ, отличный отъ ихъ собственнаго; свое же племя обозначали почетнымъ названіемъ, заимствованнымъ не изъ физическихъ примѣтъ. Подобнымъ образомъ, предки персовъ называли себя *арійцами* — достопочтенными, а наши *славянами*. Очевидно, впрочемъ, что всѣ эти этимологическія толкованія весьма натянуты; нельзя, притомъ, допустить, чтобы *Эламъ* (иранцы) или *Арфаксадъ* (касды, курды) не представлялись евреямъ въ видѣ бѣлокожихъ, что ставило бы причислить ихъ къ *іаветидамъ*, а не къ *симитамъ*.

Такая неопредѣленность въ способѣ толкованія народныхъ таблицъ Моисеевыхъ и истекающія изъ нея противурѣчія, конечно, должны возбудить сильное недовѣріе ко всѣмъ выводамъ. Но нельзя не замѣтить при этомъ, что большая часть недоумѣній возникаетъ изъ того, что мы не можемъ освободиться отъ строгой отчетливости, къ которой приучило насъ настоящее состояніе землѣвѣдѣнія и народознанія; не можемъ довольно свынуться съ неопредѣленностію древнѣйшей географіи, которой чуждо было великое пособіе географическихъ картъ и точныхъ измѣреній земной поверхности. Какъ мы сказали выше, народные таблицы въ книгѣ *Бытія* служатъ единственно для перехода отъ исторіи первоначальнаго послѣпотопнаго человѣчества, жившаго и дѣйствовавшего въ отдаленной отъ Палестины странѣ, къ исторіи народа еврейскаго, который появляется уже посреди множества народовъ. Всѣ они разошлись въ разныя стороны изъ одной общей отчизны, которая была мѣстомъ жительства Ноева семейства: таблицы Моис-

сеевы показываютъ куда разошлись народы. При этомъ для по-
вѣствователя, находившагося въ Палестинѣ или по близости ея,
разошедшіеся народы весьма естественнымъ образомъ представи-
лись въ трехъ великихъ группахъ. Одни разошлись по той самой
странѣ, которая была колыбелью послѣпотопнаго человѣчества,
принимая ее въ самыхъ обширныхъ физическихъ предѣлахъ; дру-
гіе ушли вдаль *за* эту страну, третьи расселились по *ею* сторону
ея. Весьма естественнымъ образомъ представилось, что страна,
гдѣ жилъ прародитель Ной, осталась во владѣніи потомства стар-
шаго сына его, благословеннаго и достопаднаго Сима. Эта страна
прародителя Ноя была страна высокая, замыкавшая великимъ
полукругомъ съ сѣверо-востока и сѣвера, отъ Персидскаго залива
до Средиземнаго моря, низменную Месопотамію и Сирію. Одна
лишь ближайшая къ равнинамъ полоса ея была извѣстна евреямъ:
Моисей исчисляетъ народы, жившіе на ней, называя ихъ сынами
Симовыми: Эламъ, и Ассуръ, и Арфаксадъ, и Лудъ, и Арамъ; сы-
новья исчислены не по порядку старшинства: Арфаксадъ, праро-
дитель евреевъ, былъ старшій изъ сыновей Симовыхъ: «родилъ
Арфаксада чрезъ два года послѣ потопа» ¹⁾, а между тѣмъ онъ
поименованъ послѣ Элама и Ассура. Но исчисленіе народовъ, ра-
зошедшихся вдоль высокой Ноевой страны, должно было начать
съ народа, отправившагося прежде другихъ въ путь и потому
наиболѣе удалившагося: Эламъ, Элимаида находится на самой
отдаленной оконечности высокой страны, близъ Персидскаго за-
лива. Послѣдній изъ сыновей Симовыхъ, Арамъ, замыкаетъ собою
противуположную оконечность, упирающуюся въ Средиземное
море. По *ею* сторону высокой Ноевой страны, на равнину спу-
стились сыны Хамовы, которые распространились на западъ въ
Африку, на югъ въ Аравійскій полуостровъ. Вопросъ о совершен-
ной самостоятельности хамитской или кушитской расы, конечно,
до сихъ поръ еще не приведетъ въ окончательную ясность. Мы

1) *Бытiя*, XI, 10.

знаемъ, что древне-египетскій языкъ, языкъ Мицраима, сына Хамова, не принадлежалъ къ числу симитскихъ; мы знаемъ также, что на югѣ западной Азіи жили такъ называемые азіатскіе египцы, темнокожіе съ гладкими волосами, но мы знаемъ также положительно, что языкъ финикійскій былъ чисто симитскій, что наружностію своею они не походили на египцовъ, а между тѣмъ финикійяне причисляются Моисеевыми таблицами къ потомству Хамову. Это обстоятельство сильно говоритъ въ пользу того мнѣнія, что потомствомъ Хамовымъ Моисей назвалъ все народы разселившіеся, въ отношеніи къ Палестинѣ, по *сю* сторону высокой Ноевой страны, каковыя бы, впрочемъ, ни были языки ихъ или физическія принадлежности. Но между народами хамитскаго происхожденія были и народы симитскаго, по показанію Моисееву. Таковъ былъ народъ Божій евреи, таковыя были арабскіе юктаниды. Тутъ какъ бы возникаетъ противурѣчіе: если народы группированы Моисеемъ по географическому положенію ихъ, то и евреи и юктаниды должны бы были причислены имъ къ потомству Хамову. Это замѣчаніе какъ бы предусматриваетъ священный историкъ: между строками его исторіи проявляется желаніе предостеречь читателя отъ заключенія, столь оскорбительнаго для народнаго самолюбія евреевъ. Завоеватели обыкновенно прискиваютъ старинныя права на завоеванную страну; завоеваніе охотно выставляется ими въ видѣ возвращенія утраченной собственности, а не пріобрѣтенія чужой. Въ книгѣ Бытія, напротивъ, вездѣ весьма тщательно объясняется, что евреи пришли въ *чужую* землю, съ которою предки ихъ не имѣли ничего общаго. „Въ землѣ сей тогда (жили) Хапаней“ ¹⁾. Во всѣхъ сношеніяхъ своихъ съ туземцами, Авраамъ сознается, что не имѣетъ никакой поземельной собственности въ странѣ ихъ: онъ проситъ Авимелеха Герарскаго, чтобы ему уступленъ былъ кладязь, который самъ онъ ископалъ; онъ покупаетъ у Ефрона Хеттискаго цѣною серебра

1) *Бытія*, XII, 6.

мѣсто для погребенія мертвеца своего. Все эти подробности изображены какъ бы для того, чтобы изобразить чуждость праотца народа израильскаго почвѣ Ханаанской. Поездъ исхода своего изъ Египта, израильтяне мечомъ истребленія утвердили свое владычество надъ Палестиной; чужое достоиніе, земля Ханаанская обѣтована имъ была Господомъ; проклятіе Ноево, тяготѣвшее надъ непочтительнымъ Хамомъ, разразилось надъ младшимъ сыномъ послѣдняго: «Ханаанъ же будетъ рабомъ ему (Симу)» ¹⁾. Итакъ, если географическое положеніе народовъ послужило основаніемъ къ распредѣленію ихъ на три семейства въ таблицахъ Моисеевыхъ, то такое не распространилось на евреевъ, завоевавшихъ область Ханаанскую. Столь же мало евреи считали себя ханаанцами, какъ въ наше время англичане, владѣющіе Индіей и живущіе въ ней, почитаютъ себя индусами.

Страны, занятыя хамитами, ограничены были безостровными южными морями и пустынями Африканскими; съ сѣвера и востока опоясаны были онѣ высокой страной, которой обитатели почитаемы были за потомковъ Симовыхъ. Мы не знаемъ настоящаго порядка рожденія сыновей Хамовыхъ, но изъ числа ихъ Хусъ наименованъ прежде другихъ, Ханаанъ стоитъ послѣднимъ. Народы хусовой вѣтви занимаютъ южныя оконечности хамитскихъ странъ, Абисинію и Аравію; ханаанцы соприкасаются съ Арамомъ, страной Симовой. Между Хусомъ и Ханааномъ пахедятся Мицраимъ (Египеть) и Фудъ (сѣверный берегъ Африки) ²⁾.

Какъ мы видимъ, хамиты, наиболѣе удалившіеся отъ страны Ноевой, наименованы первыми, потому что естественно было предположить, что они прежде другихъ начали свое расселеніе.

Западный край земли Ханаанской омывается моремъ. Безъ сомнѣнія евреи не имѣли никакого опредѣлительнаго понятія ни о величинѣ, ни объ очертаніи этого моря, но отъ ближайшихъ

1) *Бытія*, IX, 27.

2) *Knobel: Die Völkertafel*, 298.

сосѣдей своихъ, отъ мореплавателей финикянъ, могли они слышать, что море это весьма обширное, что оно въ связи еще съ другими морями, лежащими далѣе къ полупочи, что на немъ много населенныхъ острововъ, что за этимъ моремъ лежатъ обширныя страны, обитаемыя множествомъ народовъ. Съ жителями ближайшихъ острововъ евреи могли ознакомиться даже въ самую отдаленную эпоху: мнѣніе, что ихъ непримиримые враги, филистимляне, суть выходцы съ острова Крита, весьма правдоподобно. Съ другой стороны въ цѣлой западной Азіи, съ незапамятныхъ временъ, извѣстны были, по опустошительнымъ вторженіямъ своимъ, Схеты, Гогъ и Магогъ, которые, выходя съ глубокаго сѣвера, прорывались черезъ высокія Симвы страны и доходили даже до самаго Египта. Всѣ эти народы, заморскіе и сѣверные, при расселеніи послѣпотопнаго человѣчества, направились въ сторону совершенно противоположную хамитамъ, по *той* сторону высокой Ноевой земли; всѣ они соединены въ народныхъ таблицахъ въ одно семейство, названное Іафетовымъ, по имени третьяго сына Ноева. Іафетово семейство было наименѣе извѣстно евреямъ, по крайней мѣрѣ во времена Моисея; въ семействѣ этомъ заключались народы заморскіе и далекіе. Въ заключительной формулѣ генеалогіи іафетидовъ говорится объ «островахъ языковъ»; этимъ отличается она отъ заключительныхъ формулъ генеалогій Симвой и Хамовой, которыя обѣ совершенно сходны между собою ¹⁾. Подъ общимъ выраженіемъ «острова» въ библии всегда подразумѣваются западныя приморскія страны, Малаи Азія и Европа ²⁾. Въ еврейскомъ языкѣ имя Іафета имѣетъ близкое созвучіе съ словомъ, означающимъ *распространеніе, даль*, что придаетъ особую выразительность благословенію Ноеву: «*да распространить*

1) *Бытія*, X, 5, 20, 31.

2) *Исаія*, XLI, I; LX, 9; LXVI, 19; *Иезекиила*, XXXIX, 6; *Даніила*, XI, 18; *Иса.* LXXII, 10.

Богъ Іаѳета»³⁾. Но само собою разумѣется, что въ Моисеевыхъ таблицахъ объ этихъ заморскихъ и далекихъ народахъ гораздо меньше подробностей, чѣмъ о симитахъ или о близкихъ къ евреямъ хамитахъ. Семейство іаѳетидовъ должно возбуждать въ насъ наиболѣе участія, заключая въ себѣ имена древнѣйшихъ обитателей Европы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, растолкованіе этой части таблицъ представляетъ наиболѣе затрудненій и подаетъ поводъ къ множеству неосновательныхъ догадокъ. Обитатели материка западной Европы едва ли могли быть извѣстны евреямъ даже по слуху, потому что финикіяне занимаясь морскою торговлею, не углублялись во внутрь материка; но народы, жившіе по сѣверную сторону Кавказа и тѣмъ болѣе еще въ Закавказьѣ, по всей вѣроятности, извѣстны были евреямъ, хотя по имени, чрезъ посредство народовъ Симовой группы. Посему мы можемъ предположить, что свѣдѣнія евреевъ о іаѳетидахъ наидальше распространены были въ сторонѣ Кавказскаго перешейка и что отдаленнѣйшій извѣстный народъ обиталъ по этому направленію. Собираясь съ порядкомъ исчисленія именъ, подмѣченными нами въ семействахъ Симовомъ и Хамовомъ, этотъ наиболѣе отдаленный или, что все равно, болѣе сѣверный народъ, долженъ быть наименованъ первымъ. Имя его Гомеръ. Последними въ семействѣ Іаѳетовомъ названы сыны Іавана, изображающаго собою, безъ сомнѣнія, іонійцевъ, близкихъ сосѣдей симитскаго Арама.

Приступимъ теперь къ разбору тѣхъ именъ народовъ, которые могутъ быть отнесены къ Кавказскому перешейку, для чего начнемъ разборъ нашъ съ Гомера.

Г О М Е Р Ъ.

Какъ мы сказали, должно думать, что народъ этотъ жилъ далѣе всѣхъ отъ народовъ симитовой группы. На востокъ Азіи

3) *Бытія*, IX, 27; *Bohlen*: die Genesis, 113; *Lengerke*: Kanaan, I, 209; *Knobel*: die Völkertafel, 22.

искать мы его не можемъ, потому что изъ всего видно, что въ эту сторону этнографическія свѣдѣнія евреевъ были весьма ограничены и не переходили западной окраины Иранскаго плоскогорія; югъ занятъ былъ хамитской группой. Итакъ остается искать его или къ западу или къ сѣверу отъ высочайшихъ симитскихъ странъ.

Замѣтимъ, сверхъ того, что этническое названіе Гомеръ, повидимому, имѣетъ обширнее значеніе въ таблицѣ народовъ. Изъ числа іаветидовъ только у Гомера и Іавана показаны сыновья. Это заставляетъ думать, что евреямъ извѣстно было нѣсколько народовъ, принадлежавшихъ къ группѣ Гомеръ и нѣсколько принадлежавшихъ къ группѣ Іаванъ. Последній несомнѣнно означаетъ народы, жившіе на западѣ и весьма понятно, что евреямъ могли быть извѣстны, по крайней мѣрѣ, главнѣйшіе изъ числа ихъ: Елиса (Эолійцы, Эллада), Тарсий (отдаленный финикійскій западъ, Испанія?), Кипійстін (острова восточной части Средиземнаго моря), Родійстін, въ подлинникѣ, какъ многіе утверждаютъ, Доданимъ (Эпиръ и Тессалія). Это заставляетъ васъ предположить, что Гомеръ и народы Гомеровою группы жили къ сѣверу отъ симитскихъ странъ, слѣдовательно, прямо по направленію къ Кавказскому перешейку.

Названіе Гомеръ встрѣчается въ библіи, сверхъ того, въ Паралипоменонъ ¹⁾, по это не болѣе какъ повтореніе Моисеевыхъ таблицъ народовъ. У Іезекіиля: «Гомеръ со всѣми отрядами его, домъ Огарма, отъ предѣловъ сѣвера, со всѣми отрядами его, многіе народы съ тобою» ²⁾. Здѣсь Гомеръ поставленъ въ связи съ сѣверными народами. Болѣе подробныхъ объясненій названія мы въ библіи нигдѣ не встрѣчаемъ.

Толкованіе помощію еврейскаго языка не приводятъ къ положительнымъ выводамъ. Оно значитъ *уголь* и *перепоспелъ темный* ³⁾;

1) I, 5.

2) XXXVIII, 6.

3) *Bocharl: Phal.*, 3, 8; *Инджиджанъ: Древности Арменіи*, IX.

при измѣненіи гласныхъ можетъ значить также *конечный* ¹⁾. Если только таковыи толкованія заслуживаютъ довѣрія, то можно заключить, что никогда не существовало народа, который бы самъ себя называлъ Гомеромъ, и что такое название создано самими евреями для обозначенія народа, живущаго на краю свѣта, тамъ, куда не доходитъ свѣтъ солнечный!

Это объясненіе, основанное на весьма сомнительныхъ этимологическихъ толкованіяхъ; озаряется новѣмъ свѣтомъ, если обратимся къ древнѣйшей миѳической географіи другихъ народовъ. — Мы выше уже говорили о баснословной горѣ индусовъ, о священномъ Меру, возвышающейся въ срединѣ земли, составляющей центръ или ось ея. Подонва этой горы Ку-Меру соответствовала пренеподней, царству мрака, въ противоположность вершиѣ, лучезарному Су-Меру, жилищу боговъ ²⁾. На сѣверѣ, по мнѣнію индусовъ, властвуетъ Кувера: богатая страна его недоступна лучу солнечному. Нельзя безусловно отринуть связи между еврейскимъ Гомеромъ и индѣйскими Кумеру и Кувера. Еще явственнѣе связь эта обнаруживается съ греческими киммеріанами.

Не вдаваясь въ разсужденія о томъ, какимъ путемъ дошло до грековъ понятіе о людяхъ, живущихъ въ вѣчной тьмѣ, равно какъ и о томъ, откуда произошло греческое названіе ихъ, отъ слова ли означающаго мракъ, или отъ греческаго названія зимы, можемъ лишь сказать, что имѣетъ этотъ весьма древній. Гомеръ въ Одиссеѣ ³⁾ говоритъ о киммеріанахъ: «мы достигаемъ конца глубокаго океана. Тамъ лежитъ земля киммерійцевъ, покрытая туманомъ и мракомъ. Геліосъ не взираетъ на нее свѣтлыми лучами своими, ни поднимаясь вверхъ по звѣздному небу, ни опускаясь съ неба на землю: мрачная ночь покрываетъ злоподучныхъ людей». Легко представить себѣ, какъ возникло понятіе о странѣ,

1) Nouv. Ann. des voyages. 1846 Septembre.

2) *Repar.* de l'origine du langage, 228.

3) XI, 12.

которой никогда не озаряет солнце; но трудно определить, где первоначально думали найти ее. На западе ли, где угасает дневное светило, или на севере, которого никогда не посещает оно? География одиссеи или орфической поэмы аргонавтов есть чисто-фантастическая. В то время пустынное, безостровное Черное море представлялось величайшим из всех морей: аргонавты и Улисс переплывают из Понта Евксинского в западные пределы Средиземного моря, минуя Босфоръ Оракийскій и Геллеспонтъ. Едвали греки не воображали себя в это отдаленное время, что Понтъ Евксинскій на глубокомъ северо-западѣ соединяется съ океаномъ и Средиземнымъ моремъ. Это предположеніе не должно намъ казаться страннымъ, когда мы подумаемъ, что цѣлымъ тысячелѣтіемъ позже, географы считали еще Каспійское море заливомъ Сѣвернаго океана. Можно дѣйствительно думать, что первоначально темная страна киммеріанъ, по испятіямъ грековъ, лежала на далекомъ западѣ. Но географическія свѣдѣнія древняго міра распространились къ западу гораздо радѣе, чѣмъ къ северу. Въ отдаленной Иберіи (Испаніи) также свѣтло и тепло, какъ и въ Греціи: ничто не обнаруживаемо близости темной и холодной страны Киммерійской. Должно было искать ее къ сторонамъ севера. Здѣсь дѣйствительность какъ бы оправдывала воображеніе: зима сѣвернаго берега Чернаго моря была непривычнымъ явленіемъ для грековъ; быть можетъ, о ней судили они по преувеличеннымъ рассказамъ. Для насъ страннымъ кажется впечатлѣніе ужаса, которое Молдавія произвела на Овидія; мы едва узнаемъ природу Германіи въ описаніи Тацита. Какъ бы то ни было, но фантастическая темная и холодная страна Киммерійская нашла для себя опредѣленное положеніе въ географіи грековъ: такъ названъ былъ сѣверный берегъ Чернаго моря. Эсхиль въ своемъ Прометейѣ говоритъ о перешейкѣ Киммерійскомъ и объ узкихъ вратахъ Меотійскаго болота, Босфоръ Киммерійскомъ. Здѣсь фантастическая географія Гомера и Орфея замѣняется вполне положительною.

Въ твореніи Геродота киммеріане изъ области поэзіи переносятся въ область исторіи, въ видѣ народа, обитавшаго на сѣверномъ берегу Черпаго моря.

Итакъ нѣтъ сомнѣнія, что въ эпоху глубочайшей древности, быть можетъ, за много вѣковъ еще до Моисея, отъ Индіи до Греціи распространено было мнѣніе о существованіи народа, живущаго весьма далеко, въ странѣ, незаряемой солнечными лучами. Библейскій Гомеръ, какъ Табетическій народъ, наиболѣе удаленнiйся отъ странъ симитскихъ, быть можетъ, названъ такъ на основаніи повѣрій общаго, какъ арійцамъ, такъ и симитамъ. Если не придавать важности этимологическому толкованію еврейскаго названія, то можно думать, что съ именемъ Гомера евреи соединили одно лишь понятіе о народѣ, живущемъ на краю обитаемаго міра; но крайней мѣрѣ, въ библии нигдѣ не говорится о мракѣ, окружающемъ Гомеръ. Конечно, характеристическія примѣты Кумеру и Куверы индусовъ, равно какъ греческихъ киммеріанъ, совершенно тождественны, но само собою разумѣется, что эти родственныя названія относимы были индусами и греками къ совершенно различнымъ странамъ и народамъ. Подъ Куверой индусовъ, по всей вѣроятности, должно предполагать Сибирь; греки, какъ мы видѣли, сначала не имѣли никакого опредѣленнаго понятія о положеніи страны Киммерійской, и впоследствии уже времени помѣстили ее на сѣверномъ берегу Черпаго моря. Гдѣ же искать библейскаго Гомера? Въ библии на это нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній, но судя по народамъ, поставленнымъ рядомъ съ Гомеромъ въ таблицахъ Моисеевыхъ, равно какъ и по тексту Иезекиила ¹⁾ гдѣ Гомеръ является въ политической или военной связи съ *домомъ Фогармъ*, можно заключить, что библейскій Гомеръ тождественъ съ Черноморскими киммеріанами грековъ. Справедливость этого заключенія объяснится при разборѣ другихъ именъ

1) XXXVIII, 6.

Иапетова семейства, но покуда необходимо ближе ознакомиться съ Геродотовыми сказаніями о киммеріанахъ.

Геродотъ посѣтилъ лично сѣверный берегъ Чернаго моря около 450 г. до Р. Х. Въ это время киммеріане тамъ уже не было, но Геродотъ рассказываетъ, что страна, принадлежавшая въ его время скиоамъ, нѣкогда, *какъ говорятъ*, обитаема была киммеріанами. Еще теперь, говоритъ онъ ¹⁾, существуютъ въ Сивоніи городъ Киммеріумъ и киммерійскія становища; есть страна, удержавшая названіе Киммеріи, и Босфоръ, именуемый Киммерійскимъ. При этомъ Геродотъ повѣствуетъ, во какому случаю киммеріане покинули эту страну. Кочевые скионы, жившіе въ Азіи, будучи тѣсными массагетами, переправились черезъ Араксъ (Волгу) и пришли въ Киммерію. Обитатели собрались совѣтоваться, что имъ дѣлать. Народъ желалъ бросить край, не вступая въ бесполезный бой съ несмѣтными толпами пашельцевъ; пари съ приверженцами утверждали, что лучше умереть на родинѣ, чѣмъ покинуть ее. Это разногласіе довело до кровопролитія, народная сторона взяла верхъ. Всѣ погибшіе при этомъ случаѣ скоронены были на рѣкѣ Тирасѣ (Днѣстрѣ), гдѣ еще во времена Геродота показывали ихъ могилы; оставшіеся въ живыхъ вышли изъ страны и скионы овладѣли опустѣлымъ краемъ. Киммеріане прошли восточнымъ берегомъ Чернаго моря черезъ Кавказъ, утвердились на южномъ берегу въ окрестностяхъ Сипова, откуда, подъ предводительствомъ Лигдамиса ²⁾, проникли въ Лилію и Іонію, взяли городъ Сардесъ и свирѣствовали въ Малой Азіи, пока, наконецъ, были истреблены ладійскимъ царемъ Аліаттомъ, отцомъ Креза. Между тѣмъ, скионы, не довольствуясь тѣмъ, что безъ боя успѣли овладѣть страной киммерійскою, вогнались за бѣглецами черезъ Кавказъ, но, не отыскавъ пути, ведущаго по восточному

1) Геродотъ, IV, 11.

2) Страбонъ, I, 61.

берегу Черпаго моря, направились по западному Каспійскаго, такъ что Кавказъ остался у нихъ вправо, между тѣмъ какъ у киммеріанъ олъ былъ влѣво. Обогнувъ такимъ образомъ Кавказъ, скиенъ обрушились всею массою своею на Мидію, въ которой царствовалъ въ то время царь Кіаксаръ, побѣдитель ассирійцевъ. Мидяне не устояли въ бою противъ скиеовъ, которые, вслѣдъ за тѣмъ, опустошительнымъ потокомъ разошлись по цѣлой западной Азіи, разграбили Палестину и дошли до Египта, гдѣ царь Псамметихъ остановилъ ихъ не мечомъ, а дарами. Вскорѣ ополченіе грабителей разъединилось и это дало возможность Кіаксару истребить ихъ.

Нашествіе скиеовъ на западную Азію (633 г. до Р. Х.), составляетъ несомнѣнный историческій фактъ. О немъ съ незначительнымъ разпогласіемъ повѣствуютъ всѣ древніе историки; пророки: Геремій и Іезекииль дивно - поэтическими чертами рисуютъ странную картину этого нашествія. Но, тѣмъ не менѣе, весь разсказъ Геродота о киммеріанахъ не можетъ не возбудить недоувѣрія. Геродотъ былъ въ Скиеи менѣе, чѣмъ два вѣка спустя послѣ нашествія этого, когда воспоминаіе о немъ не могло еще изгладиться, а между тѣмъ онъ говоритъ о киммеріанахъ на основаніи темнаго преданія, которое лишь считаетъ правдоподобнымъ. Мѣстныя названія, которыя онъ приводитъ, не могутъ служить доказательствомъ, потому что названія эти очевидно даны самими греками, милетскими поселенцами, на основаніи существовавшаго повѣрія о киммеріанахъ. Такъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи указываютъ на чудскія могилы, на чудскія городища, что все не можетъ служить доказательствомъ, чтобы когда нибудь въ мѣстахъ этихъ обиталъ народъ, самъ себя называвшій чудью. Неувѣроятно, чтобы многочисленный народъ безъ боя, изъ одного страха нашествія, покинулъ родину; еще менѣе вѣроятно, чтобы киммеріане, спасаясь отъ скиеовъ, наступавшихъ съ востока, бѣжали съ Днѣстра къ Кавказу, т. е. отъ запада къ востоку. Развѣ

только часть ихъ, жившая на восточномъ берегу Азовскаго моря, что, впрочемъ, несогласно съ разсказомъ Геродота. Совершенно невѣроятно, чтобы скионы завоевали всю западную Азію какъ бы мимоходомъ, отыскивая ускользнувшихъ отъ нихъ киммеріанъ. Впрочемъ, весь разсказъ Геродота о киммеріанахъ всего сильнѣе опровергается тѣмъ, что самъ онъ повѣствуетъ о скионахъ. По всему видно, что послѣдніе въ его время уже съ незапамятныхъ временъ жили въ странѣ, въ которой онъ нашель ихъ. Скионы почитали себя новѣйшимъ изъ всѣхъ народовъ, по думали, что праотець ихъ Таргитаусъ, сынъ Юпитера и дщери Бористена (Днѣпра), родился въ самой странѣ, лѣтъ за 1000 до похода Дарія въ Скиюю. Таковая легенда не могла возникнуть посреди народа, едва лишь успѣвшаго подвориться въ странѣ. Притомъ, самъ Геродотъ въ другомъ мѣстѣ своей исторіи ¹⁾, говоритъ о походѣ Сезостриса противъ оракійцевъ и скионовъ. Сезострисъ же жилъ за семь вѣковъ до мнимаго удаленія киммеріанъ съ сѣвернаго берега Чернаго моря.

Страбонъ, въ разныхъ мѣстахъ своего сочиненія, сообщаетъ о вторженіи киммеріанъ въ Малую Азію подробности, которыя бросаютъ свѣтъ на это событіе ²⁾. Киммеріане, которыхъ *называютъ также трерами*, быть можетъ не всѣхъ, а только часть ихъ, обитали на темномъ Босфорѣ. Они пришли изъ весьма далекихъ странъ и, вѣроятно, вытѣснены были скиоами. Не разъ вторгались они черезъ правую (т. е. восточную) сторону Понта и воевали съ Каппадокіей, Пафлагоніей и Фригіей; они переправлялись черезъ Галисъ (Кизиль—Ермакъ) и доходили даже до Іонійскихъ городовъ. Первое вторженіе ихъ лѣтописцы относятъ къ временамъ Мидаса или приблизительно къ временамъ Гомера; Лигдамисъ же съ особой толпой дошелъ до Лидіи и до Іоніи, завоевалъ Сардесъ, но самъ погибъ въ Киликіи. Каллисоевъ (современникъ

1) Геродотъ, II, 108.

2) Страбонъ, I, 61; XIV, 647.

Александра Македонскаго) говорить, что Сардесъ сначала завоеванъ былъ киммеріанами, потомъ трерами и, наконецъ, взятъ былъ Киромъ. О первомъ завоеваніи свидѣтельствуесть и Каллиполь въ стихѣ своемъ: «по вотъ приближается ополченіе свирѣпыхъ киммеріанъ». Наконецъ треры, которыми предводительствовалъ Кобосъ, были вытѣснены скиоами, ведомыми Мадисомъ. Замѣтимъ, что Геродотъ ¹⁾ называетъ Мадисомъ царя скиоскаго, побѣдившаго Кіаксара. Отсюда видно, что киммеріане Геродота частью или даже въ цѣлости носили названіе треровъ. Послѣднихъ Страбонъ иногда называетъ киммерійскимъ, иногда же оракійскимъ народомъ. Но замѣтимъ, при этомъ, что нигдѣ киммеріане не называются оракійцами. Это становится весьма понятнымъ, если только подъ именемъ киммеріанъ исключительно подразумѣвать людей, живущихъ на глубокомъ сѣверѣ, *полуночниковъ*. Эти выходцы съ глубокаго сѣвера, по всей вѣроятности, только на чужой сторонѣ приобрѣтали характеристическое названіе свое. Такъ въ средніе вѣка во Франціи, въ Германіи, въ Сициліи, норманами называли выходцевъ изъ Скандинавскаго полуострова. Геродотъ гетовъ называетъ оракійцами ²⁾, Страбонъ говоритъ, что языкъ гетовъ есть оракійскій, и что языкъ гетовъ и даковъ одинъ и тотъ же. Но, начиная отъ Дуная до Яксарта (Сыр-Дарьи) находимъ мы гетовъ и даковъ. Собирательное имя скиоовъ, конечно, заключало въ себѣ и гетовъ, если только не было равнозначущее съ нимъ; отдаленныхъ массагетовъ Геродотъ не знаетъ, слѣдуетъ ли причислить къ скиоамъ или нѣтъ, по позднѣйшіе писатели рѣшительно причисляютъ ихъ къ таковымъ. Армянскіе писатели массагетовъ называютъ *маскутами*, что значитъ большіе скионы. Скутъ ближе къ греческому *σκυτοί* чѣмъ скионъ; *массагеты* дѣлаются равнозначущими въ *маскиоами*, и, слѣдова-

1) Геродотъ, I, 103.

2) Геродотъ, IV, 93.

тельно, скифы съ гетами, какъ ни кажутся разногласными эти звуки съ первого разу. Основательно или нѣтъ было показаніе древнихъ объ одноплеменности оракійцевъ, гетовъ и скивовъ, во всякомъ случаѣ легко повѣять, что если треры почитались оракійскимъ племенемъ, то могли почитаться одноплеменными съ гетами и съ скивами; но оракійцы не могли называться киммеріанами, потому что географическое положеніе Оракин не соответствовало понятію о *странѣ киммерійской*, лежавшей на крайнихъ предѣлахъ сѣвера.

Весь разсказъ Геродота о киммеріанахъ, столь же темный, какъ и сама страна киммерійская, становится яснымъ, если только не выпускать изъ виду настоящаго значенія этого названія. По всему видно, что въ эпоху глубочайшей древности, на Мало-Азиатскомъ полуостровѣ распространено было мнѣніе, что по другую сторону, у пустыннаго, непривѣтливаго, казавшагося неизмѣримо-огромнымъ, Понта Эвксинскаго, къ сторонѣ полуночи, находилась темная, холодная страна киммерійская, которой само названіе придумано было для обозначенія воображаемыхъ свойствъ ея. При первомъ проблескѣ историческаго свѣта, мы усматриваемъ также, что народы, обитавшіе на сѣверномъ берегу Чернаго и вокругъ Азовскаго (Меотійскаго болота) морей, производятъ вторженія въ Малую Азію, пробираясь черезъ Кавказъ вдоль восточнаго берега Чернаго моря, быть можетъ черезъ удобопроходимый Тебердинскій перевалъ и чрезъ Цебельду. Древнѣйшія преданія объ этихъ сѣверныхъ народахъ относятся къ юго-восточному углу Черноморскаго побережья, гдѣ, говорятъ, жили они на р. Термодонѣ, которой само названіе окончаніемъ своимъ напоминаетъ рѣки сѣверной стороны Кавказа и южной Россіи; около Термодона сосредоточиваются преданія объ амазонкахъ, которые являются въ непрерывной связи съ Местикой и съ Кавказомъ. Въ VIII в. до Р. Х. эти сѣверные народы проникаютъ въ западные предѣлы Малой Азіи, подъ начальствомъ Шлинуса и Сколопитуса ¹⁾, побѣж-

даютъ фригійскаго царя Мидаса и разоряютъ Сардесъ. Эти народы, согласно существовавшему тогда повѣрью, были извѣстны, какъ въ Малой Азіи, такъ и въ Греціи и, безъ сомнѣнія, на югѣ западной Азіи, подъ общимъ названіемъ киммеріантъ; быть можетъ, находясь въ Малой Азіи, сами они себя такъ называли, подобно тому, какъ, повторимъ еще разъ, выходцы Скандинавскаго полуострова на материкѣ Европы не только были называемы норманнами, но и сами себя такъ называли. Нѣтъ сомнѣнія, что это названіе имѣло обширное значеніе и что вблизи народы эти имѣли еще частныя названія: одно изъ нихъ, треры, мы уже знаемъ. Когда Геродотъ путешествовалъ по южной Россіи, то страна эта уже отчасти утратила прежній фантастическій характеръ свой: туземцы, на какомъ бы то ни было основаніи, но уже называемы были не киммеріанами, а скиоами. Между тѣмъ Геродотъ, какъ человекъ весьма ученый и хорошо знакомый съ исторіей Малой Азіи, зналъ многое о киммеріанахъ и зналъ, что пришли они изъ страны, въ которой самъ онъ нашелъ скиоовъ. Это самое заставило его думать, что киммеріане вытѣснены были изъ древней отчины своей скиоами; эту догадку думалъ онъ подтвердить, какъ мѣстными названіями, такъ и преданіями, быть можетъ, искаженными и худопонятными. Наконецъ, это исчезновеніе киммеріантъ съ сѣвернаго берега Чернаго моря связалъ онъ съ великимъ вторженіемъ скиоовъ чрезъ Кавказъ въ западную Азію, тѣмъ болѣе, что киммеріане, жившіе въ Синопѣ, были прогнаны скиоами къ западу, что могло заставить думать, что киммеріане были преслѣдуемы скиоами и что преслѣдованіе это началось вдали. Во всякомъ случаѣ это повѣрье о киммеріанахъ оставило по себѣ неизгладимыя слѣды въ древней географіи Чернаго моря, которое позднѣйшими поэтами даже было иногда называемо Понтомъ Киммерійскимъ ¹⁾. Многіе отъ этого древняго названія производятъ

1) *Claudian*: De laud. Stilich. I, 129; *Ovidius*: Ex Ponto, IV, 10, I.

и выпѣшнее названіе Херсонеса Таврическаго, Крымъ, арабское *بحر القرم*, равно какъ и арабское названіе Черпаго моря *بحر القرم* бахр-ель-Киримъ. Но это названіе съ большимъ вѣроятіемъ можетъ быть производимо отъ слова *خریطوس*: крутой берегъ, *крутишь*, что совершенно соотвѣтствуетъ южному берегу Крыма. Наоборотъ, отъ этого самаго слова нѣкоторые даже производили названіе самихъ киммеріанъ ¹⁾.

Нѣсколько вѣковъ спустя послѣ Геродота, вновь воскресло воспоминаніе о сказочныхъ киммеріанахъ. Многіе писатели начали утверждать, что только небольшая часть этого народа производила вторженія въ Малую Азію, что наибольшая и самая воинственная живетъ въ лѣсистой странѣ, которая мало согрѣвается солнцемъ, по причинѣ обширности и густоты лѣсовъ ²⁾. О киммеріанахъ напомнили кимвры, которые въ первомъ вѣкѣ до Р. X. внезапнымъ появленіемъ своимъ изъ глубокаго невѣдомаго сѣвера привели въ трепетъ Римъ. Снова заговорили о киммеріанахъ, будто бы живущихъ по берегамъ Понта Эвксинскаго и Меотики; тавровъ, панимавшихся въ службу у Митридата, Юстинъ называетъ кимврами ³⁾. Это мнѣніе о сродствѣ кимвровъ съ киммеріанами принято было и многими повѣйшими учеными ⁴⁾; но, кажется, напрасно было доказывать то, чего ни доказать, ни опровергнуть невозможно. Современные остатки имени кимвровъ на западѣ Европы, въ особенности въ Британіи: Камбрія, Кумбрія, Кимру, Кумри, Кимри и пр. ⁵⁾, конечно, весьма близки къ классическому названію *киммеріане* или даже къ библейскому *Гомеръ*, но все же, помощію языка западно-европейскихъ кимвровъ, объясняются

1) *Eichwald*: Alte Geographie des Kaspischen Meeres, 299.

2) *Ukert*: Geogr. der Griechen und Römer, III, zw. Abth., 373.

3) *Юстинъ*, XXXVIII, 3.

4) *Fréret* въ Mem. de l'Acad. des Inscript. t. XIX, p. 577; *Pinkerton*: On inquiry into the History of Scotland, I, 202; *Thierry*: Hist. du Gaulois. 1845. I, p. LXV.

5) *Knobel*: die Völkertafel, 29.

въ значеніи *стѣлчей, воинь* ¹⁾: названіе, которое весьма естественнымъ образомъ могло дать себѣ какое-либо племя въ доисторическія времена. Итакъ созвучіе здѣсь ничего не доказываетъ. Можно ли сомнѣваться, что киммеріане были первоначально совершенно фантастическій народъ, и что потомъ уже греки отыскивали ихъ то въ одной, то въ другой землѣ, подобно тому, какъ испанскіе авантюристы отыскивали страну Эльдorado или, прежде еще, монахи землю пона Ивапа. О народѣ, который греки называли киммеріанами и который обиталъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря, мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній; изъ всего же можно заключить, что такъ называемъ былъ народъ, который всѣ позднѣйшіе писатели древности называютъ скиоами, потому что разсказъ Геродота о томъ, какъ исчезли киммеріане съ сѣвернаго берега Чернаго моря, совершенно неправдоподобенъ. Почти не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ пнѣшніе главнѣйшіе европейскіе народы вышли изъ Азіи и, слѣдовательно, на пути своемъ къ западу, пѣюгда проходили черезъ Россію: всѣ они могли поочередно играть роль киммеріанъ въ отношеніи къ обитателямъ Малоазіатскаго полуострова. Есть много обстоятельствъ, заставляющихъ думать, что еще во времена, недоступныя для исторіи, происходили частыя вторженія сѣверныхъ европейскихъ народовъ въ Азію, и что слѣды ихъ не совсѣмъ изгладились тамъ, но подмѣтить настоящее происхожденіе каждаго отпечатка весьма трудно; подмѣтить въ Малой Азіи или на Кавказѣ слѣды кимвровъ посредн слѣдовъ родственныхъ съ ними кельтовъ или даже германцевъ и пѣ. едва ли возможно. Небѣнно пѣ---

ности, нѣтъ ничего общаго, кромѣ нѣкотораго созвучія въ именахъ, за то едва ли можно сомнѣваться, что Моисей, для обозначенія племени весьма отдаленнаго, жившаго на крайнихъ предѣлахъ извѣстнаго въ то время сѣвера, употребилъ названіе *Гомеръ*, представляющее собою только еврейскій способъ произношенія греческаго Кимерь. У Иезекииля ¹⁾ Гомеръ является въ союзѣ и въ подчиненности у Гога, что, какъ мы увидимъ, оправдывается извѣстнымъ намъ ходомъ историческихъ событій того отдаленнаго времени. Остается только разрѣшить вопросъ, подразумѣваль ли Моисей, подъ именемъ Гомера, малоазіатскихъ киммеріанъ, или киммеріанъ, жившихъ будто бы на сѣверномъ берегу Чернаго моря. Перваго мнѣнія держались многіе толкователи. Бошаръ ²⁾ полагалъ, что Гомеръ означаетъ фригійцевъ; Іоаннъ Каэоликосъ, армянскій историкъ IX вѣка говоритъ о Гомерѣ въ гл. IV: «во имя его, страна ему подвластная, назвалась *Гамиркъ*». Согласно Инджиджіану, такъ называется у армянскихъ историковъ постоянно Каппадокія. Флавій Іосифъ ³⁾ говоритъ: «тѣ, которыхъ греки называютъ нынѣ галатами, нѣкогда назывались гомаритами, потому что Гомеръ положилъ начало имъ». Такимъ образомъ, по мнѣнію Іосифа, Гомеръ означаетъ всѣхъ галловъ или кельтовъ: значеніе весьма обширное и соответствующее особенностямъ, которую Гомеръ раздѣляетъ съ однимъ лишь Іованомъ, а именно, что у него показаны сыновья, изображающіе происшедшіе отъ него народы. Но первый и послѣдній сыновья Гомеровы означаютъ безъ сомнѣнія народы, жившіе въ Малой Азіи, подлѣ Арменіи или въ самой Арменіи; Рифать одинъ можетъ подавать поводъ къ недоумѣніямъ. Если бы Моисей подъ названіемъ Гомера подразумѣвалъ обитателей запада Европы, то, конечно, назвалъ

ми Гомеровыми народы европейскіе, а не жившіе подѣ земли Араратской, каковое положеніе несомнѣнно придаютъ имъ всѣ тексты, гдѣ только встрѣчаются эти имена. Если въ западной Азіи были народы, считавшіеся киммерійскаго происхожденія, то съ этимъ понятіемъ соединялось также и то, что народы эти вышли съ сѣвернаго берега Чернаго моря: тамъ могъ жить многочисленный народъ и отдѣлять отъ себя отрасли. Итакъ Моисей, говоря о дѣтяхъ Гомеровыхъ, жившихъ въ Арменіи и Малой Азіи, видѣлъ въ нихъ отрасли великаго народа Гомера, жившаго еще далѣе, не къ западу, потому что къ западу находилось великое семейство Іованово, а къ сѣверу, за Кавказомъ ¹⁾, или за Понтомъ Эвксинскимъ, потому что къ югу отъ Кавказа и Понта не было никакого великаго народа Гомера. Все это заставляетъ допустить, что библейскій Гомеръ означалъ обитателей сѣвернаго берега Чернаго моря, которыхъ греки называли киммеріанами, хотя намъ совершенно неизвѣстно, какіе народы жили тамъ во времена Моисеевы и хотя нѣтъ сомнѣній, что народы эти самъ себя не называли ни Гомеромъ, ни киммеріанами.

М А Г О Г Ъ.

Допустивъ, что подъ именемъ Гомера священникъ историкъ подразумѣвалъ народъ, или народы, жившіе на сѣверномъ берегу Чернаго моря и вокругъ Меотики, — должно искать Магога по близости этихъ мѣстъ, но нѣсколько далѣе къ югу, по направленію къ Симовой полосѣ. Если только эта догадка справедлива, то для Магога опредѣляется жительство по сѣверную сторону Кавказскаго хребта. Для западной Азіи, киммеріане были сѣвернымъ жившимъ за моремъ; Магогъ сѣвернымъ народомъ, жив-

шимъ за горами.

Имя это, кромѣ книги Бытія и Паралипоменона ¹⁾, встрѣчается еще въ книгѣ пророка Іезекіиля: «сынъ человѣчскій! обрати лице твое къ Богу въ землѣ Магогъ» ²⁾: Далѣе ³⁾: «и пошлю огонь на землю Магогъ и на жителей острововъ». Въ первомъ текстѣ Гогъ, повидимому, означаетъ народъ, Магогъ—страну. Названіе Гогъ весьма часто повторяется въ книгѣ Іезекіиля: «отъ Я на тебя, Гогъ, князь Роша, Мешеха и Оувала!» ⁴⁾ Названіе Рошъ подаютъ поводъ ко многимъ толкованіямъ, не приводящимъ къ убѣдательнымъ выводамъ; въ этомъ имени подразумеваютъ иныя еврейское и арабское слово *расъ*, глава, такъ что выраженіе *Князь Рошъ* значить верховный князь ⁵⁾; два послѣдующія имени принадлежать двумъ сыновьямъ Іаоетовымъ. Гогъ является повелителемъ этихъ народовъ и множества другихъ. Общее содержаніе книги Іезекіиля заключается въ томъ, что могучій повелитель, народъ или государь, Гогъ, съ несмѣтнымъ ополченіемъ, составленнымъ изъ множества народовъ, со стороны глубокаго сѣвера двинется на народъ Божій, на обѣтованную землю, но въ ней погибнетъ: «и погребутъ тамъ Гога и все множество его».

Пророкъ Іезекіиль жилъ приблизительно за 600 лѣтъ до Р. Х. Его описаніе нашествія и гибели Гога, составляющее одно изъ самыхъ высокихъ произведеній поэзіи всѣхъ народовъ и вѣковъ, имѣетъ паружный видъ пророчества. Іезекіиль говоритъ въ будущемъ времени, но замѣненіе одного времени другимъ составляетъ обыкновенную принадлежность великихъ поэтическихъ изведеній; сверхъ того времена крайне неопредѣленныхъ языкахъ. Во время

гибели Гога не примѣнимо ни къ одному историческому событію, случившемуся отъ Іезекииля даже до нашихъ дней: мы не говоримъ о толкованіяхъ мистиковъ, которые по временамъ возбуждаютъ къ себѣ величайшее довѣріе въ народѣ, но нелѣпость которыхъ обнаруживается, едва лишь народъ успѣетъ отрезвиться отъ суевѣрнаго трепета. Такъ, даже въ 1812 году въ нашествіи и гибели Гога усматривали пророчество о нашествіи и гибели полчищъ наполесоновыхъ. Но Іезекииль едва ли не былъ очевиднымъ свидѣтелемъ великаго нашествія скибовъ на западную Азію черезъ Кавказъ; если нѣтъ, то во всякомъ случаѣ слышалъ онъ объ этомъ нашествіи отъ очевидцевъ. Въ пророчествѣ своемъ говоритъ онъ, обращаясь къ Гогу: «и пойдешь съ мѣста твоего, отъ предѣловъ сѣвера, ты и многіе народы съ тобою» ¹⁾. Эти народы, которыхъ увлекъ за собою Гогъ, суть Мосохъ и Фовель (народы Кавказскіе), домъ Фургамы (народы араратскіе и малоазіатскіе), Гомеръ (киммеріане), Фарсъ (персы, мидяне) и др. Это описаніе ополченія Гогова съ совершенною вѣрностію изображаетъ путь, которымъ слѣдовали скибы, и въ какомъ порядкѣ увлекали они за собою народы. Они не основали какого либо великаго государства, въ родѣ Ассирійскаго, Вавилонскаго, Мидійскаго или Персидскаго, изъ которыхъ каждое въ свою очередь господствовало надъ цѣлою западною Азіей; это была огромная толпа хищниковъ, которая въ каждой опустошенной ею странѣ возрастала присоединеніемъ всѣхъ туземныхъ хищниковъ, которая ничего нигдѣ не создала, но все вездѣ ставила верхъ дномъ. Въ дополненіе къ величественному библейскому описанію шествія Гога по Азіи мы имѣемъ безыскусственный рассказъ Геродота о походѣ скибовъ ²⁾: «Скибы въ продолженіи двадцати восьми лѣтъ властвовали надъ Азіей. Все раззорили они насиліемъ и безпечностію

1) Іезекииль XXXVIII, 15.

2) Геродотъ, I, 106.

своей. Сверхъ обыкновенныхъ податей, съ каждаго взимали они произвольно назначаемыя, особые поборы; независимо отъ всѣхъ этихъ палоговъ, бродили они по землѣ, грабя и похищая всякую частную собственность». Замѣчательно также, что ни пророкъ, ни историкѣ, не объясняютъ намъ довольно ясно, какъ погибъ Гогъ или какъ Азія освободилась отъ скивоовъ. Пророкъ говоритъ, что надъ Гогомъ разразился гнѣвъ Адоиаи Господа, который исторгъ у Гога «лукъ отъ руки лѣвой и стрѣлы отъ руки правой». Гогъ кончилъ вѣкъ свой внезапно, какъ единъ человекъ, и погребенъ былъ въ Израили, въ особой дебри, и прозвалась та дебрь: многопогребательное Гога, и погребеніе Гога народомъ израилевымъ длилось семь мѣсяцевъ. Геродотъ повѣствуетъ, что Кіаксаръ пригласилъ къ себѣ большое число скивоовъ и, напоивъ ихъ до пьяна, приказалъ умертвить. Этимъ способомъ мидяне освободили свою страну и воротили себѣ господство надъ странами, которыми прежде владѣли. Очевидно, что этимъ способомъ нельзя было освободить Азіи отъ скивоовъ. Другое показаніе Геродота близко подходитъ къ библейскому повѣствованію, быть можетъ, даже объясняетъ его. Онъ говоритъ, что часть скивоовъ, проходя черезъ *Палестину*, разграбила по близости Аскалова древній храмъ богини Веныры - Ураніи (Деркетю), за что богиня поразила ихъ болѣзнію разслабленемъ. Очень вѣроятно, что моровая язва истребила большую часть скивоовъ и что сынамъ израилевымъ остался лишь трудъ очищать землю свою отъ труповъ пришельцевъ и хоронить ихъ въ одномъ мѣстѣ.

Принимая въ соображеніе эпоху жизни Іезекіиля и сравнивая то, что онъ говоритъ о вѣлствіи Гога, съ тѣмъ, что намъ известно ~~изъ древнихъ историковъ~~ ~~о~~ ~~возникшемъ~~ вторженіи скивоовъ черезъ Кавказъ въ Западную Азію, нельзя сомнѣваться, что библейскій Гогъ означаетъ скивоовъ классическихъ писателей. Но при этомъ должно замѣтить, что Гогъ, по всей вѣроятности, не имѣлъ того обширнаго значенія, которое придаваемо было впоследствии

названію скивовъ. Уже во времена Геродота, это названіе распространилось и на обитателей сѣвернаго берега Чернаго моря, на бывшихъ киммеріанъ; въ эпоху пророка Іезекіиля киммеріане и скивы представлялись въ видѣ двухъ различныхъ народовъ. Киммеріане прошли по знакомому имъ пути вдоль восточнаго берега Чернаго моря; этотъ путь неизвѣстенъ былъ скивамъ, послѣдніе проникли въ Закавказье черезъ Дагестанъ или, быть можетъ, черезъ Даріальское ущелье. По всему видно, что эти скивы жили по сѣверную сторону Кавказа, въ вниѣшней Ставропольской губерніи, преимущественно къ сторонѣ Каспійскаго моря, которое огибали они съ сѣверной стороны, примыкая къ туранскимъ народамъ, къ массагетамъ, отъ которыхъ оторвались вслѣдствіе взаимныхъ междоусобій, заставившихъ ихъ перейти на лѣвый берегъ Аракса (Волги) ¹⁾.

Тѣсная связь между названіями Гогъ и Магогъ обнаруживается не изъ одного созвучія и не изъ того, что имена эти встрѣчаются въ библии по сосѣдству. Какъ мы сказали, у Іезекіиля, повидимому, Гогъ означаетъ народъ, а Магогъ страну. Слогъ *ма*, въ симитскихъ и многихъ другихъ древнихъ языкахъ, служитъ для означенія страны. Впрочемъ, гораздо правдоподобнѣе объясненіе *ма* санскритскимъ *mā* или *mass*, значущимъ *большой, великій*, откуда можно заключить, что названіе Магогъ составлено также, какъ массагеты, по армянски маскуты. Итакъ, весь вопросъ приводится къ объясненію происхожденія названія *Гогъ*. Большая часть толкователей въ этомъ названіи видятъ арійское слово *گوہ*, гора, оссетинское *гогъ*, которое на гортанномъ горномъ нарѣчій произносится *гаугъ*, иногда *гофъ* ²⁾: быть можетъ, первый слогъ, входящій въ составъ названія Кавказъ. Высшіе горные хребты даже называются у оссетинъ *Мугогъ* или *Могогъ*, гдѣ мы нах-

1) Геродотъ, IV, 11.

2) Knobel: Die Völkertafel, 63; Rosenmüller: Handbuch der bibl. Alterth. II, 243; Reineggs: Beschreibung des Kaukasus, II, 79.

димъ какъ бы названіе Магога. Если допустить такое толкованіе, то Гогъ и Магогъ означаютъ жителей пагорій и горъ, что не можетъ относиться къ скивамъ, жителямъ степей, народу кочевому. Съ другой стороны можно замѣтить, что, гдѣ бы Гогъ и Магогъ ни жили прежде, но въ западной Азіи появлялись они не иначе, какъ выходя изъ горъ, спускаясь съ возвышеннѣйшихъ переваловъ, что могло для нихъ усвоить названіе горцевъ. Нѣкоторые филологи пошли еще далѣе. Мы выше объяснили, что, быть можетъ, существуетъ единство между названіями: скиоъ, скудъ, гудъ, гетъ, готъ, какъ оно несомнѣнно существуетъ между маскутами армянъ и массагетами грековъ. Таковую же связь нѣкоторые усматриваютъ между гетомъ, готомъ и Гогомъ, между массагетомъ, маскутомъ и Магогомъ ¹⁾. Конечно, таковыя этимологическія толкованія сами по себѣ не заслуживаютъ довѣрія, но здѣсь они не противорѣчаютъ выводамъ, основаннымъ на другихъ, гораздо болѣе надежныхъ началахъ.

Названія Гогъ и Магогъ не встрѣчаются у классическихъ писателей, но мы находимъ названіе маіоты для народовъ, жившихъ къ востоку отъ Азовскаго моря. Геродотъ говоритъ ²⁾, что изъ страны тиссагетовъ, съ сѣвера текутъ четыре великія рѣки, которыя впадаютъ въ болото Меотійское, оросивъ земли маіотовъ. Вообще обширныя степи, тянущіяся отъ мѣста сближенія Дона съ Волгой къ югу до Кавказа, Меотики и Каспія, почитались страной маіотовъ, маіотовъ, матовъ, весьма обширнаго племени, которое представляетъ собою нѣсколько подраздѣленій, выражаемыхъ именами: саураматы, іазаматы, оэмеоты; позже у Птолемея на этомъ пространствѣ является множество этническихъ именъ. Какъ мы видимъ, географическое положеніе маіотовъ довольно вѣрно совпадаетъ съ тѣмъ, которое предположили мы для библейскихъ Гога

1) *Lenormant: Cours d'histoire ancienne*, p. 290; *Nonv. Ann. des voy-ages*. 1846. Sept. p. 306—307.

2) *Геродотъ*, IV, 123.

и Магога. Еврейское названіе Магогъ не есть ли измѣненная форма греческаго имени маіа, маіо; названіе Гогъ для народа не придумано ли только потому, что въ имени Магогъ, по свойству еврейскаго языка, изображалось понятіе о страпѣ, а не о народѣ? Замѣтимъ, при этомъ, что въ таблицахъ народовъ, равно какъ и въ Паралипоменопѣ, встрѣчается одно лишь названіе Магога; Гогъ появляется у Іезекіиля, потому что Магогъ могъ подавать поводъ къ превратному понятію. Если только эта догадка не подвергнется опроверженію, то можно заключить, что народа Гога никогда не существовало, что былъ одинъ лишь Магогъ, тождественный съ классическими маіотами также, какъ Гомеръ тождественъ съ киммеріанами. Какъ мы видимъ, библейская этнографія вполне оправдывается классическою; имѣя передъ нею, въ глазахъ науки, великое преимущество болѣе отдаленной древности. Названіе маіотовъ, подаетъ поводъ къ разсужденіямъ, подобнымъ тѣмъ, которыя изложили мы, говоря о киммеріанахъ. Доказать, что существовалъ когда либо народъ, самъ себя называвшій маіотами, невозможно, но названіе это, въ видѣ сарматовъ, оставило по себѣ длинный слѣдъ въ исторіи. Меотика называлась у грековъ матерью ¹⁾ или кормилицей Понта, что объясняетъ и доисторическое происхожденіе ея названія отъ маіа—Maia, названія древне-арійскаго божества, *Великой матери* или *Питательницы* ²⁾.

Флавій Іосифъ, сохранившій для насъ много древнихъ еврейскихъ преданій, опредѣлительно говоритъ, что подъ именемъ Магога въ библии подразумѣваются скионы ³⁾. Равнымъ образомъ, Іеронимъ въ объясненіи своемъ Іезекіиля пишетъ: «Магогомъ называются грубые и безчисленные скионскіе народы, которые распространяются за Кавказскими горами и Меотійскимъ боло-

1) *Геродотъ*, IV, 86.

2) *Ritter: Vorhalle europ. Völkergeschichten*, 164.

3) *Fl. Iosephi: Antiquit.* I, 6.

томъ вокругъ Каспійскаго моря даже до самой Индіи». Какъ мы видимъ, здѣсь подъ именемъ Магога подразумѣваются не только местности, но и весь Туранъ. Арабы, вмѣстѣ съ другими библейскими преданіями, заимствовали и преданіе о Гогѣ и Магогѣ, которыхъ измѣнили они въ Джуджъ и Маджуджъ или въ *Яджуджъ* и *Маджуджъ*. Великая Кавказская стѣна, которая, согласно мнѣнію восточныхъ, тянется отъ Каспійскаго моря до Чернаго, называлась у нихъ *Седди Яджуджъ ва Маджуджъ*—ограда *Яджуджа* и *Маджуджа*. Позже, впрочемъ, когда арабы ознакомились съ народами, жившими къ сѣверу отъ Кавказа, то Яджуджа и Маджуджа удалили они въ самую глубь сѣверо-востока Азіи.

Армянскія преданія о Гогѣ и Магогѣ, изложенныя въ сочиненіи Инджиджіана, замѣчательны по своей странности. Первоначальнымъ мѣстомъ жительства *отцовъ* Гога и Магога почитаютъ армяне округъ Великой Арменіи, Гугаркъ, т. е. Гогъ-Харкъ. Потомство Гога и Магога разсѣялось по горамъ Кавказскимъ и оттуда на дальнія границы Татаріи, гдѣ встрѣчаются сходныя съ Магогомъ названія: Мангу, Моголъ или Мугаль. Князь Роша, Мешеха и Оувала ¹⁾ почитается княземъ русскихъ, москововъ и тубаровъ. Названіе Грузіи, Джорджія, произошло отъ Яджуджа, арабскаго названія Гога. Впрочемъ, Инджиджіанъ самъ опровергаетъ это послѣднее толкованіе.

Послѣ Магога въ численіи именъ сыновей Іафетовыхъ слѣдуютъ Мадай и Іавапъ. Оба имени не подають никакого повода къ сомнѣніямъ, и всѣ толкователи на счетъ ихъ согласны. Мадай означаетъ мидяпъ; въ гвездеобразныхъ надписяхъ мидяне называются мада ²⁾; слѣдовательно, библейское названіе гораздо ближе къ настоящему, чѣмъ классическое меды. Іавапъ означаетъ все племя елиновъ; такое названіе существовало въ цѣломъ древнѣйшемъ востокѣ. Индусы называли грековъ

1) *Iez.* XXXVIII, 3.

2) *Lassen* въ *Seitschrift für die Kunde des Morgenlandes*, VI, 46. 92.

Лавана ¹⁾, въ гвоздеобразныхъ надписяхъ называются они *Юна*, ²⁾ у Египтянъ Греція именуется *Юнанъ* ³⁾.

Мидяне съ востока, Малоазіатскіе греки съ запада, примыкають къ Сивовой полосѣ. Между Магогомъ и Мадаемъ, между страной, лежащей къ сѣверу отъ Кавказскаго хребта, и Мидіей, образуется значительный перерывъ, который, какъ можно предполагать, долженъ быть наполненъ семействомъ Гомеровымъ, примыкающимъ къ Магогу и Мадаю. Гомеръ безъ сомнѣнія означаетъ крайній сѣверный народъ, Лаванъ съ семействомъ весь далекій заморскій западъ; по всему видно, что къ востоку, далѣе Мидіи или Мадаи, не распространялись этнографическія свѣдѣнія евреевъ. И такъ въ Закавказьѣ и въ Малой Азіи остается искать мѣсто жительства остальныхъ сыновей Іафетовыхъ. Замѣтимъ, при этомъ, что имя *Фирасъ* подаетъ поводъ къ самымъ большимъ недоумѣніямъ и до сихъ поръ не могло быть объяснено удовлетворительно. Большею частію полагають, что имя это означаетъ бракійцевъ, которые въ эпоху отдаленнѣйшей древности производили черезъ Босфоръ вторженія въ Малую Азію, встрѣчаясь съ киммеріанами, вторгавшимися туда же черезъ Кавказъ, отъ востока къ западу. Вильгельмъ де Сень-Мартенъ ⁴⁾ полагаетъ, что имя это означаетъ треровъ, о которыхъ мы говорили выше. Но въ такомъ случаѣ *Фирасъ* долженъ бы. быть причисленъ къ сыновьямъ Гомеровымъ.

Оставивъ въ сторонѣ *Фираса* и прежде, чѣмъ приступимъ къ разбору именъ сыновей Гомеровыхъ, остановимся на именахъ остальныхъ двухъ сыновей Іафетовыхъ: на *Фувалѣ* и *Мешехѣ*.

Ф У В А Л Ъ.

Въ еврейскомъ подлинникѣ имя это пишется *Тубаль*, гдѣ *m* имѣетъ придыхательный звукъ. Названіе *Тубаль* удержимъ мы

1) *Lassen*: Indische Alterthumsk., I, 862.

2) *Lassen* въ *Seitschr. für die Kunde des Morgenl.* VI, 51. 372.

3) *Champollion*: *Gramm. égypt.*, 151.

4) Въ *Nouv. ann. des voyages.* 1846. Sept., 276.

вмѣсто Оувала русскаго перевода библіи.

Это самое имя встрѣчается въ книгѣ Бытія ¹⁾, гдѣ говорится о трехъ сыновьяхъ допотопнаго Ламеха, изъ числа которыхъ одинъ, Тубаль, «былъ ковачемъ всѣхъ орудій изъ мѣди и желѣза». Эвальдъ ²⁾ находитъ въ различіи занятій трехъ сыновей Ламеховыхъ изображеніе трехъ сословій первобытныхъ народовъ: Іовиль—скотопитатель, земледѣлецъ, индійскій Виса, Іуваль—показавшій цѣвницу и гусли—художникъ, ученый, браминъ; Тубаль—ковачъ оружія, воинъ, кшатрія. Сквозь мракъ, покрывающій исторію первобытнаго человѣчества, мерцаетъ таинственный обликъ кузнеца Тубалкаива. Это есть Вулваль ³⁾ грековъ, Тельханы ⁴⁾ острова Родоса, Двалинъ сѣверной миеологіи. Замѣтимъ, при этомъ, что Тупаль по персидски значитъ мѣдь. Первоначальная еврейская форма Твалкинъ или Твалканъ соединяетъ всѣ эти имена ⁵⁾.

Названіе Тубаль встрѣчается у Іезекіила ⁶⁾: «Іаванъ, Оуваль и Мешехъ торговали съ тобою, вымѣнивая товары твои на души человѣческія и мѣдную посуду». Далѣе ⁷⁾: «тамъ Мешехъ и Оуваль со всѣмъ множествомъ своимъ; вокругъ его гробы ихъ»; «князь Роша, Мешеха и Оувала» ⁸⁾; у Ісаіи ⁹⁾: «и въ Мешехъ и въ Оуваль». Здѣсь, прежде всего можно замѣтить, что имена Оуваль и Мешехъ постоянно встрѣчаются рядомъ; слѣдовательно, нѣтъ сомнѣній, что эти два народа жили во взаимномъ сопрікосовеніи. Далѣе видимъ, что народы эти находились въ торговыхъ сношеніяхъ съ Тиромъ, на рынки котораго доставляли невольни-

1) *Бытія*, IV, 22.

2) *Ewald: Geschichte des Volkes Israel*. 2 Ausg., I, 364.

3) *Bullmann: Mythol.*, I, 164.

4) *Діодоръ Сицилійскій*, V, 55.

5) *Winer: Bibl. Realwörterb.*, II, 618.

6) XXVII, 13.

7) XXXII, 26.

8) XXXVIII, 2, 3; то же XXXIX, 1.

9) LXVI, 19.

ковъ и мѣдныя издѣлія. Послѣдній предметъ торговли представляетъ замѣчательное соотношеніе съ названіемъ народа Тубаль. Тубаль съ неразлучнымъ своимъ спутникомъ Мешехомъ являются въ ополченіи Гога первыми, изъ числа покоренныхъ народовъ, откуда можно заключить, что они жили подлѣ Кавказскаго хребта и, притомъ, такъ какъ Мешехъ въ ополченіи Гога называется постоянно прежде Тубала, противоположно порядку исчисления именъ въ народныхъ таблицахъ,—то, повидимому, Мешехъ жилъ ближе къ Кавказу, чѣмъ Тубаль, или восточнѣе его, такъ какъ скифы въ Закавказьи двигались отъ востока къ западу. Кромѣ этихъ выводовъ, довольно гадательныхъ, библія не доставляетъ намъ никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о народахъ Тубаль и Мешехъ. Для разъясненія вопроса обратимся къ классическимъ писателямъ. У Геродота ¹⁾, при исчисленіи народовъ, платившихъ дань персидскому правительству, поставлены рядомъ мосхи и тибарены; въ другомъ мѣстѣ ²⁾, называя по именамъ всѣ народы, находившіеся въ ополченіи Ксеркса, онъ говоритъ о тибаренахъ вслѣдъ за мосхами. Итакъ, подѣ персидскомъ владычествомъ, оба эти народа являются соединенными въ военномъ и административномъ отношеніи. Геродотовы мосхи почти буквально соответствуютъ библейскому Мешеху; въ названіи тибарены, отбросивъ этническое окончаніе, находимъ мы Тибаръ, который тѣмъ болѣе быть можетъ близокъ къ Тубалу, что мы навѣрно не знаемъ съ какими гласными названіе это произносилось по еврейски. Сходство названій и въ особенности то обстоятельство, что, какъ въ библіи, такъ и у Геродота, названія эти встрѣчаются рядомъ, привело почти всѣхъ толкователей къ убѣжденію, что Тубаль есть Тибаръ и Мешехъ—Мосхъ.

Географическое положеніе Тибара, какъ мы будемъ назы-

1) III, 94.

2) VII, 77, 78.

вать народъ этотъ, не можетъ подавать повода къ значительнымъ недоумѣніямъ. Мы могли бы опредѣлить его приблизительно и по Геродоту, но у другихъ писателей древности находимъ болѣе точныя указанія. Ксенофонтъ ¹⁾ повѣствуетъ, что 10,000 грековъ, пройдя черезъ земли мозиневовъ и халибовъ, достигли земли тибаровъ, гораздо болѣе ровной, чѣмъ земли ихъ сосѣдей; города тибаровъ построены были на морскомъ берегу и менѣе сильно укрѣплены. Въ ихъ землѣ находился греческій городъ Котіоръ, выселокъ Синопа. Греки сначала хотѣли дѣйствовать неприязненно противъ тибаровъ и отвергли ихъ дары, но гадатели объявили, что боги не одобряютъ таковой войны. Итакъ греки приняли дары тибаровъ и прошли черезъ ихъ землю, щадя ее, какъ землю народа дружественнаго. Послѣ двухдневнаго пути достигли они Котіора.

Въ Котіорѣ къ грекамъ прибыла депутація отъ синопскихъ земляковъ ихъ съ просьбою не чинить никакого вреда городу, который платитъ дань Синопу также, какъ Керасось и Трапезось. Далѣе синопская депутація посоветовала грекамъ возвратиться въ отечество моремъ, а не сухимъ путемъ. Сухимъ путемъ трудно; нафлагонцы не пропустятъ черезъ свою землю добровольно, придется оружіемъ пролагать путь черезъ горныя ущелья и черезъ рѣки. Первая изъ этихъ рѣкъ будетъ Термодонъ, потомъ Ирисъ, далѣе Гались и пр.

Есть эти мѣста совершенно хорошо извѣстны и отчасти до нашихъ дней сохранили древнія названія свои, какъ напр. Керасось—Керасунда, Трапезось—Трапезондъ. Термодонъ, прославленный амазонками—нынѣшній Термехъ-чай, Гались—нынѣшній Кизиль-Ирмакъ ¹⁾. Отсюда видно, что, по показанію Ксенофонта, тибары жили восточнѣе Термодона и западнѣе Требизонда, вдоль

1) *Ксенофонтъ*: *Anabasis*, V, 20.

2) Котіоръ—мѣсто, называемое теперь Орду, между Керасундомъ и Самсундомъ.

южнаго берега Черваго моря. Къ востоку отъ тибаровъ жили халибы, о которыхъ Ксенофонтъ говоритъ, что ихъ немного, и что они подвластны мозинекамъ; большая часть ихъ промышляла разработкой желѣзной руды. Но еще вѣрже, 10000 грековъ встрѣтили многочисленный и воинственный народъ халибовъ на верховьяхъ Аракса, такъ что понтійскихъ халибовъ можно почитать лишь за выходцевъ съ Аракса. Халибы въ эпоху глубочайшей древности слыли рудокопами, ковачами; ихъ сосѣдство съ тибарами объясняетъ сказаніе библіи о томъ, что Тубаль доставлялъ мѣдные сосуды на Тирскіе рынки, если только допустить тождество Тибара съ Тубаломъ. И теперь еще, около Требизонда производится дѣятельный торгъ невольниками; весьма вѣроятно, что, по географическому положенію своему, тибары занимались таковой торговлей, продавая людей финиціянамъ.

Эти характеристическія черты, конечно, подтверждаютъ догадку о тождествѣ Тубала съ Тибаромъ, но тутъ возникаетъ сильное возраженіе. Судя по разсказу Ксенофонта, тибары были весьма небольшою народъ. Какимъ образомъ ими ихъ могло быть включено въ библейскую таблицу народовъ и, притомъ, въ видѣ самостоятельнаго племени; наряду съ Іаваномъ и Мадаемъ. Вообще Іаветско семейство, какъ наиболѣе отдаленное и наименѣе извѣстное, описано въ самыхъ общихъ чертахъ; тибары, землю которыхъ греки прошли въ два дня, повидимому, столь же мало заслуживали библейскаго упоминанія, какъ халибы, мозинки и другіе сосѣди ихъ.

Случаи различныхъ писателей древности, упоминающихъ о тибарахъ, можно заключить, что небольшому народу, который Ксенофонтъ нашелъ къ западу отъ Термодона, присвоено было этническое названіе, которое въ обширномъ смыслѣ придавалось множеству народовъ. Подобнымъ образомъ въ наше время названіе славянъ преимущественно дается небольшимъ славянскимъ племенамъ, живущимъ разсѣянно въ Венгріи и Турціи. Страбонъ говоритъ, что Кавказъ простирается до странъ, занимаемыхъ на-

родами, называемыми тибаренами и что къ западу Арменія окружена этими же тибаренами ¹⁾. О Трапезусѣ Страбонъ выражается неопредѣлительно, находится ли онъ въ Колхидѣ или въ въ Тибареніи ²⁾. Замѣтимъ при этомъ, что весь Понтъ былъ особенно хорошо извѣстенъ Страбону, какъ тамошнему уроженцу. Изъ разныхъ мѣстъ его сочиненія видно, что онъ зналъ множество народовъ, которымъ свойственно было общее наименованіе тибаровъ, хотя, быть можетъ, они носили и другія, частныя изъванія. Эти тибарскіе народы, повидимому, наполняли собою верхній бассейнъ Чороха, какъ то можно заключить изъ сказаннаго Страбономъ о западной границѣ Арменіи. Геродотъ, говоря о тибарахъ, очевидно, привираетъ ихъ въ такомъ же тѣсномъ значеніи, какъ и Ксевофонтъ, но у него не разъ упоминается о пародѣ сапирѣ или сапирѣ; въ особенности замѣчательно показаніе его, что между Колхидой и Мидіей живутъ одни лишь сапиры ³⁾. Принимая за сѣверные предѣлы Мидіи Адердбиджанъ, а за восточную окѣпечность Колхиды Сурамскій перевалъ, и минуя Арменію, мы найдемъ, что вся долина Куры, отъ выхода этой рѣки изъ Боржомскаго ущелья до соединенія ея съ Араксомъ, принадлежала къ странѣ Геродотовыхъ сапировъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, у Страбона ⁴⁾ встрѣчаемъ мы страну Сиспиритисъ, Сиспейретисъ, Гиспиритисъ. Хотя трудно опредѣлить настоящіе предѣлы этой страны, но изъ всего видно, что Страбонъ полагалъ ее подлѣ Арменіи съ запада, откуда можно также заключить, что въ странѣ этой жили тибары, о которыхъ Страбонъ говоритъ, что они съ запада окружаютъ Арменію. Положеніе этой страны Сиспиритисъ, Сиспиритисъ, Гиспиритисъ, о которой говоритъ также Константинъ Багрянородный ⁵⁾,

1) *Страбонъ*, XI, 527.

2) *Страбонъ*, XII, 548; III, 61.

3) *Геродотъ* I, 104.

4) *Страбонъ*, XI, 508, 529, 530.

5) *De themat.*, lib. I, cap. 8.

не можетъ подавать повода къ сомнѣнiямъ, хотя Страбонъ въ одномъ мѣстѣ ¹⁾ придаетъ ей чрезмѣрное протяженiе къ югу. Страна эта есть Сперъ грузинскихъ географовъ, названiе Чорокскаго бассейна, сообщившая имя свое Черному морю или по крайней мѣрѣ части его: море Сперское ²⁾. Это есть провинцiя Сберъ или Совберъ царства армянскаго, бывшая первымъ удѣломъ знаменитой фамилии Багратидовъ (Багратионовъ). Названiе Сберъ, Соберъ, Совперъ сохранилось до нашего времени въ видѣ Пспира, санджака Арзерумскаго пашалыка. Страбонъ повѣствуетъ ³⁾, будто бы Александръ Македонскiй послалъ отрядъ въ Гиспиратисъ, услышавъ, что тамъ находится золотая руда, но что отрядъ этотъ истребленъ былъ дугемцами. Страна Сберъ до сихъ поръ извѣстна металлическимъ богатствомъ своимъ; армянскiе историки видятъ въ ней библейскiя имена Сафиръ и Офиръ, богатый золотомъ ⁴⁾.

Названiя Сисциретисъ, Саспиръ, Сперъ, Сберъ, Испиръ, очевидно родственны между собою; сблизкая показанiя Страбона съ Геродотовыми, мы можемъ заключить, что названiе это изъ долины Чороха распространялось въ долину Куры, огибая собственною Арменiю съ сѣверо-запада, сѣвера и сѣверо-востока до предѣловъ Мидiи. Отсюда можно заключить, что тибарескiе народы, жившiе, по словамъ Страбона, къ западу отъ Арменiи, по близости Кавказа, суть тѣ же соберы или, по крайней мѣрѣ, родственники ихъ. Принявъ въ соображенiе измѣняемость гласныхъ, сродство зубныхъ согласныхъ *m* и *s*, и, наконецъ, въ особенноти то, что оба эти имени дошли до насъ черезъ посредство грековъ, затруднявшихся произносить и писать гортапные и шипящiе звуки Кавказскихъ нарѣчiй, мы не рѣшимся отвергнуть

1) XI, 503.

2) Histoire de la Géorgie, trad. par Brosset, I, 20, 383.

3) Страбонъ, XI, 529.

4) Иджиджянъ въ статьѣ о торговлѣ Арменiи.

безусловно предположеніи, что тибарь, (быть можетъ Тберъ) и Сберъ представляютъ собою только различные виды произношенія одного и того же имени. Во всякомъ случаѣ названіе Тибарь является въ весьма разнообразныхъ формахъ въ Малой Азии и на Кавказскомъ перешейкѣ. Встрѣчаются близъ Сиріи тибураны; у Птолемея замѣчено мѣсто Тапура недалеко отъ той страны, гдѣ Ксенофонтъ нашелъ нѣкогда тибаренъ; о самихъ тибаренахъ Птоломей нигдѣ не говоритъ: повидимому они ему извѣстны уже были подъ другимъ именемъ. Названіе тибаровъ съ различными видоизмѣненіями можно прослѣдить глубоко на востокъ, до истоковъ Яксарта, до самаго центра Азии. Къ югу отъ Каспійскаго моря, въ Мазандеравѣ издревле жилъ народъ, который у классическихъ писателей назывался таперами ¹⁾, а у восточныхъ табарами или таберами, откуда названіе Мазандеранскаго округа Табериставъ. Древность присутствія этого народа на южномъ берегу Каспійскаго моря доказывается тѣмъ, что Ктесій, заимствовавшій свѣдѣнія для своего сочиненія о Персіи у древнѣйшихъ придворныхъ лѣтописцевъ, называетъ тапировъ въ числѣ народовъ, покрѣпныхъ Ниномъ ²⁾. Въ Бундегешѣ, священной книгѣ парсовъ, заключающей въ себѣ между прочимъ таблицы народовъ, подобныя Моисеевымъ, говорится о народѣ *асиръ*, который, повидимому, жилъ въ Мазандеравѣ: сходство названій тапиръ и авиръ очевидно ³⁾. Конечно, это сходство этническаго имени, замѣчаемое въ древнѣйшія времена, на длинной полосѣ земель, отъ Трибонда до источниковъ Яксарта, недостаточно, чтобы основать на немъ цѣлую гипотезу о направленіи расселенія тибарскихъ народовъ; призывъ за основаніе сходство названій, можно тибаровъ прослѣдить и далѣе къ западу, до самыхъ предѣловъ Атлантики, и при этомъ впасть въ совершенныя несообразности, какъ мы

1) Plinius, VI, 18.

2) У Діодора Сцилійскаго, кн. II, гл. 2.

3) Nouv. ann. des voyages. 1846. Sept., 321.

то увидимъ ниже. Родство каспійскихъ и туранскихъ тапировъ, табаровъ, таберовъ съ понтійскими тибаренами, тибарами можетъ быть обнаружено лишь тщательнымъ изученіемъ или слѣченіемъ слѣдовъ, оставленныхъ этими народами въ странахъ, гдѣ нѣкогда они жили: слѣдовъ, безъ сомнѣнія обозначившихся въ мѣстныхъ преданіяхъ, въ собственныя именахъ, въ нарѣчіяхъ. Пока, можно лишь указывать на это сходство названій, не позволяя себѣ дѣлать изъ него какихъ либо выводовъ. Напротивъ, сближеніе Тибара съ Саспиромъ или Сапиромъ вовсе не основано на сходствѣ названій, которое здѣсь имѣетъ второстепенную важность.

И Саспиръ и Тибаръ совершенно исчезаютъ изъ кавказской этнографіи во второмъ вѣкѣ по Р. Х. Событія того времени слишкомъ хорошо намъ извѣстны, чтобы мы могли допустить, что народъ сабиръ, жившій отъ Колхиды до Мидіи, или народы тибарскіе, облежавшіе Арменію съ запада, исчезли вслѣдствіе какихъ либо мѣстныхъ переворотовъ, не подмѣченныхъ исторіей. Для средней части Закавказья является названіе *Иберіи*, которое въ первый разъ находимъ мы въ длинной надписи, начертанной на стѣнахъ таблицахъ для увѣковѣченія воспоминанія о походѣ Великаго Помпея на Кавказъ въ 65 г. до Р. Х. Это названіе вскорѣ дѣлается общепотребительнымъ у римлянъ и грековъ и до сихъ поръ служитъ для означенія Грузіи. При отсутствіи рѣзко начертанныхъ природныхъ рубежей, границы Иберіи въ сторонѣ юга являются довольно неопредѣленными у различныхъ авторовъ, но, если бы въ сказаніи Геродотовомъ о томъ, что между Колхидой и Мидіей лежитъ одна лишь земля саспировъ, поставитъ: «одна лишь земля иберовъ», то такое замѣненіе не подало бы повода ни къ какимъ недоумѣніямъ. На грузинскій языкъ выраженіе «земля иберовъ» переводится черезъ *Саибери*, гдѣ мы находимъ Геродотово названіе сабары или саспиры. Конечно, у Геродота означаетъ оно народъ, а не страну, но, при познаніи имъ грузинскаго языка, ошибка его весьма легко можетъ быть объяснена.

Въ долину Чороха, въ Сберѣ, въ Сиспиретисѣ, масса народонаселенія до сихъ поръ чисто грузинская по происхожденію; все заставляетъ думать, что грузинское или иверское племя обитало тамъ издревле. Если Сберѣ почитался частью Арменіи, то это была связь политическая, а не этническая. Названіе Тибареній, страны, прилежащей съ юго-востока къ Черному морю, замѣняется Лазикой; теперь еще страна эта известна подъ именемъ Лазистанскаго санджака Требизондскаго пашалыка. Лазы составляютъ въ наше время небольшой народъ, имѣющій рѣзкую отличительную физіономію, но сродство лазскаго языка съ грузинскимъ не подлежитъ никакому сомнѣнію и свидѣтельствуетъ о единоплеменности лазовъ съ прочими иберами ¹⁾.

Мы, конечно, только въ видѣ сомнительной догадки изложили возможную связь между названіями Саспирѣ и Иберѣ. Связь между Тибаромъ и Иберомъ многіе старались объяснить. Кнобель приводитъ нѣсколько примѣровъ собственныхъ именъ, теряющихъ начальную буюву *m*; онъ полагаетъ, что эти имена, то произносились съ членомъ, то безъ оного ²⁾. Графъ Потоцкій ³⁾ находитъ даже Тобела или Тибара въ названіи города Тбилиси (Тифлисъ), но городъ этотъ основанъ въ концѣ V в послѣ Р. X. и названіе его происходитъ отъ грузинскаго слова *тбили*, означающаго *теплый*. Не вдаваясь въ бесплодные этимологическія розысканія, скажемъ, что трудно отвергнуть всякую связь между Тибаромъ и Иберомъ.

Излишне было бы доказывать, что названіе Иберія, иберы, во всѣ времена и всѣми безъ исключенія писателями относимо было къ Грузіи и къ грузинамъ, когда только рѣчь шла о кавказскомъ перешейкѣ. Но откуда произошло такое названіе, было ли оно когда либо мѣстнымъ или придумано чужеземцами?

1) *Klaproth*: Asia polyglotta, 110; *Rosen*: Ueber die Sprache der Lazen, 2.

2) *Knobel*: Die Völkertafel, 115.

3) *Voyage dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase*, II, 251.

Изъ числа мѣстныхъ названій, Имеръ почти тождественъ съ Иберомъ. Такъ какъ названіе Иберія сдѣлалось извѣстнымъ въ классическомъ мірѣ только послѣ похода Помпея, то можно предположить, что римляне заимствовали его изъ названія Имеретіи, черезъ которую проникли въ Закавказье ¹⁾. Но носила ли Имеретія вышнее названіе свое, уже въ эту отдаленную эпоху, — весьма сомнительно. Начиная съ конца X в. по Р. X., является туземное названіе: *амерь-имери*, для означенія въ совокупности картвеловъ (грузинъ) *состороннихъ* и *тустороннихъ* (cis и trans), т. е. живущихъ въ отношеніи къ Тифлису по *сю* или по *ту* сторону Ликскаго хребта (сурамскаго перевала), раздѣляющаго бассейнъ Куры отъ бассейна Ріона. Названіе *Имеретъ*, по *ту* сторону, утвердилось за этимъ краемъ вмѣстѣ съ началомъ политической его самобытности ²⁾. Все это не даетъ никакого повода думать, чтобы названіе это употребляемо было въ Закавказь уже во времена Помпея. Гораздо правдоподобнѣе толкованіе, предлагаемое г. Броссе: армяне даютъ грузинамъ названіе *Виръъ*, отъ армянскаго слова *веръ*, значущаго *на, сверху*, на томъ основаніи, что Грузія лежитъ къ сѣверу въ отношеніи къ Арменіи. Названіе *Иберъ* или *Иверъ* грековъ и римлянъ могло произойти отъ армянскаго, тѣмъ болѣе, что безъ сомнѣній европейскіе завоеватели прежде познакомились съ Арменіей, чѣмъ съ Грузіей.

Толкованіе, предложенное г. Броссе, даетъ ключъ къ объясненію сходства или тождества этническаго названія кавказскихъ иберовъ съ иберами пиринейскими, и съ еберами палестинскими, съ евреями. Дѣйствительно армянскій предлогъ или нарѣчіе *веръ* одного происхожденія и значенія съ англ. over, съ нѣмец. über, съ греч. υπερ, съ евр. *ебергъ*; это есть одно изъ словъ, которыхъ корень столько же принадлежитъ арійскимъ, сколько и семитскимъ

1) Nouv. ann. des voyages. 1846. Sept., 325.

2) *Brossel*: Histoire de la Géorgie. Introduction, VII; *Юсселиани* въ Закавказскомъ Вѣстникѣ, 1846 г., № 8, стр. 84.

языкамъ. Значеніе его есть *на, сверху* и вмѣстѣ съ тѣмъ *черезъ, пере* (переходить), *за*. Весьма повятно, что во времена доисторическія, когда этническія имена имѣли еще смыслъ нарицательный, отъ таковаго слова могли произойти многія народныя названія. Во всякомъ случаѣ сходство ихъ не можетъ оправдывать гипотезы о доисторической одноплеменности кавказскихъ иберовъ съ евреями, какъ то думаютъ Ленгерке ¹⁾ и Евальдъ ²⁾, или еще менѣе объ одноплеменности ихъ съ пиринейскими иберами, какъ то учеными натяжками доказываетъ Кнобель ³⁾. Сравнительная филологія обнаруживаетъ, что грузинскій языкъ не принадлежитъ къ семейству семитскихъ; если же подъ именемъ испанскихъ иберовъ подразумѣвать тамошнихъ аборигеновъ, вытѣшпихъ басковъ, то характеромъ своимъ языкъ ихъ болѣе приближается къ языкамъ американскихъ туземцевъ, чѣмъ къ грузинскому, съ которымъ не имѣетъ ничего общаго, какъ и на съ однимъ изъ индо-европейскихъ языковъ. Эти выводы сравнительной филологіи рѣшительно опровергаютъ всѣ гипотезы, основанныя на одномъ лишь сходствѣ этническихъ названій.

Но мы не можемъ здѣсь умолчать о мнѣніи Адольфа Пикте, ученаго изслѣдователя кельтскихъ нарѣчій. Онъ говоритъ, что названіе Иберіи столько же чуждо баскамъ, сколько и грузинамъ, но что оно объясняется помощью кельтскаго слова *ибъ* стража и *ери*, — послѣднее есть измѣненная форма *Ари*, древнѣйшаго общаго наименованія индо-европейской расы. Такимъ образомъ Иберія значитъ *страна Ери*; этимъ можетъ быть объяснена не только тождественность наименованій Испанціи и Грузіи, но, сверхъ того, и классическое названіе Ирландіи *Hibernia*. Можно подумать, что кельты были первымъ аріискимъ племенемъ, прибывшимъ, какъ въ Европу, такъ и въ Закавказь; въ

1) *Lengerke*: Kanaan, I, 215.

2) *Ewald*: Geschichte des Volkes Israel, 2 Ausg., I, 382.

3) *Knobel*: die Völkertafel, 113.

видѣ подкрѣпленія этой гипотезы. Пикте объясняетъ помощію кельтскихъ нарѣчій древнія мѣстныя названія на Кавказскомъ перешейкѣ. Общія географическія данныя дѣлають, конечно, эту гипотезу правдоподобною, но подтверждена можетъ быть она только тщательнымъ сравненіемъ грузинскихъ нарѣчій съ кельтскими, чему нѣкѣмъ еще не положено и начала.

Итакъ, покуда всего вѣроятнѣе, что грузины сами себя никогда не называли иберами, но что въ самыя отдаленныя времена уже армяне и, быть можетъ, другіе малоазіатскіе народы называли ихъ *Виръ*, *Виркъ*, откуда произошло классическое названіе Иберъ. Весьма вѣроятно также, что этническіе Тибаръ, Сасбаръ, Саспиръ, Саперъ были въ этимологической связи съ *веръ*, хотя мы и не въ состояніи уже обнаружить эту связь, по незнакомію нами древнихъ малоазіатскихъ языковъ.

Допустивъ, что подъ библейскимъ этническимъ названіемъ Оуваль или Тубаль подразумѣвались всѣ народы иберскаго племени, жившіе отъ Понта Эвксинскаго до предѣловъ Мидіи, мы найдемъ весьма естественнымъ, что Тубаль поставленъ на ряду съ Іаваномъ, Мадаемъ и другими. Евреи не могли не слышать объ этомъ племени, распространившемся на большое протяженіе, бывшемъ въ соприкосновеніи съ Малой Азіей, съ Арменіей и Мидіей. Греческіе этнографы называли иногда тибареновъ скионскимъ народомъ, но это было самое безотчетное выраженіе, потому что греки почитали пришельцами съ сѣверной стороны Кавказа всѣ народы не мидійскаго и не сирійскаго происхожденія, встрѣчавшіеся имъ въ восточной половинѣ Малоазіатскаго полуострова. Все заставляеть насъ полагать, что иберское племя еще въ доисторическія времена занимало тѣ самыя страны, въ которыхъ мы его теперь находимъ, и пельзи не согласиться съ библейскимъ показаніемъ о самостоятельности Тубала. Въ заключеніе скажемъ, что тождество Тубала съ иберами вовсе не составляетъ открытія или догадки современныхъ намъ толковате-

лей. Флавій Иосифъ ¹⁾ говоритъ: «отъ Оувела зачались оовелли, которые въ наше время именуются иберами». Такимъ образомъ, сколько мы знаемъ, во всѣ времена, съ именемъ Оувала или Тубала, связывалось преданіе, что онъ былъ родоначальникомъ иберовъ. Но такъ какъ многимъ толкователямъ Пиринейскіе иберы были гораздо болѣе извѣстны, чѣмъ Кавказскіе, то многіе имѣли въ виду первыхъ предпочтительно предъ послѣдними, какъ напр. св. Геронимъ,—или принимали безусловно одноплемность обоихъ. Нѣтъ надобности доказывать даже, что въ библіи подъ именемъ Тубала не подразумѣваются Пиринейскіе иберы. Можно ли напр. допустить, чтобы послѣдніе были покорены скиоами (Гогомъ) и приимали участіе въ великомъ нашествіи ихъ на западную Азію черезъ Кавказъ?

М О С О Х Ъ.

Мосохъ, Мешехъ въ еврейскомъ подлинникѣ, встрѣчается вездѣ вмѣстѣ съ Тубаломъ, изъ чего можно заключить, что народъ этотъ жилъ въ его сосѣдствѣ. Тамъ, гдѣ говорится объ этихъ двухъ народахъ въ соединеніи съ Гогомъ, Мосохъ упоминается прежде Тубала; можно полагать, что онъ находился ближе къ Гогу; слѣдовательно обиталъ къ востоку отъ Тубала или ближе къ Кавказскому хребту. Мы нигдѣ не нашли объясненія значенія имени Мосохъ или Мешехъ. Весьма вѣроятно, впрочемъ, что названіе это происходитъ отъ *menio* (Mensch), зендскаго слова, означающаго *человѣкъ*.

Какъ мы выше видѣли, у Геродота ²⁾, послѣ тибаровъ говорится о москахъ; классическое имя почти не отличается отъ библейскаго. На счетъ географическаго положенія мосховъ, Страбонъ доставляетъ намъ опредѣлительныя показанія. Исчислив на-

1) Antiquit., I, гл. 6.

2) III, 94 и VII, 77, 78.

роды, живущіе близъ восточнаго берега Чернаго моря, онъ ставитъ московь между керветами и колхами, и говоритъ, что выше ихъ живутъ фтирофаги (вшефды), соаны и другія небольшія племена вокругъ Кавказа ¹⁾. Далѣе ²⁾ говоритъ онъ, что за Евфратомъ, въ Малой Арменіи, тянется къ сѣверу высокая хребеть съ многими отраслями, изъ которыхъ одна называется Париадресъ (Понтійскій хребеть), другая Москійскими горами, и пр. Москійскія горы наполняютъ всю Арменію до Иберіи и Албаніи. Колхида ³⁾ лежитъ у Кавказа и у Москійскихъ горъ, которыя сходятся съ горою Скойдизесъ (Копъ-Дагъ) ⁴⁾. Мосхика дѣлится на три части, изъ которыхъ одна принадлежитъ колхамъ, другая иберамъ, третья армянамъ ⁵⁾.

Изъ этого описанія ясно, что Москійскій хребеть есть тотъ самый, который мы обыкновенно называемъ Аджарскимъ и который ограничиваетъ Ахалцихскій уѣздъ съ сѣвера. Продолженіе его къ юго-востоку составляетъ нашъ Малый Кавказъ, но Страбонъ, какъ видно, и для Малаго Кавказа сохраняетъ общее названіе Москійскихъ горъ. Если Мосхика раздѣлена была между колхами, иберами и армянами, то само собою разумѣется, она имѣла центральное положеніе въ отношеніи къ странамъ этихъ трехъ народовъ. Таковому условію вполне удовлетворяетъ географическое положеніе бассейна верхней Куры до Боржомскаго ущелья. У Страбона не находимъ мы опредѣленія границъ Мосхики. Плиніи пишетъ ⁶⁾, что у московь беретъ начало свое Фазисъ (Квирила). Если только это справедливо, то и нынѣшняя Имеретія, или, по крайней мѣрѣ, часть ея входила въ составъ Мосхики.

1) *Страбонъ*, XI, 497.

2) *Страбонъ*, XI, 521.

3) *Ritter: Erdkunde*, X, 742.

4) *Страбонъ*, XI, 492.

5) *Страбонъ*, XI, 499.

6) VI, 4.

Какъ мы видѣли, много есть обстоятельствъ, убѣждающихъ въ томъ, что названіе иберовъ никогда не было туземнымъ. Въ отношеніи къ названіямъ: мосхи, Москійскія горы, Москва, можно утвердительно сказать, что они не придуманы были классическими географами и не заимствованы ими у сосѣднихъ грузинамъ народовъ,—но что они дѣйствительно были туземными. Имя мекховъ появляется въ грузинской исторіи въ концѣ X в. по Р. Х. ¹⁾, но пътъ никакихъ причинъ думать, чтобы только около этого времени оно впервые вошло въ употребленіе. Мекхетія, *Мекхетъ*, земля мекховъ, часто измѣнила свои границы, но средоточіемъ ея всегда былъ бассейнъ верхней Куры до Боржомскаго ущелья. Впрочемъ, болѣе употребительнымъ названіемъ страны было *Самцхе*, которое нѣкоторые ²⁾ производятъ отъ *Самц-хихе* = *три крѣпости*, будто бы тамъ построеныя. Тolkованіе совершенно произвольное и не заслуживающее довѣрія. Царевичъ Вахуштъ самъ производитъ названіе Самцхе отъ имени Мцхетоса, сына Картлоса, праотца грузинскаго народа. Мцхетосъ былъ основателемъ города Мцхета на слияніи Арагвы и Куры. Какъ ни понимать сказанія грузинъ о древнѣйшей исторіи ихъ,—отвергать ли ихъ какъ пустыя сказки или отыскивать въ нихъ историческую основу,—во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что Мцхетъ или, лучше сказать, окрестности слиянія Арагвы съ Курой, всегда представлялись грузинамъ въ видѣ колыбели ихъ національности, въ видѣ центра, гдѣ завязалась и откуда распространилась политическая жизнь ихъ. Таковымъ общенароднымъ, вѣковымъ повѣріемъ историческая критика не въ правѣ пренебрегать. Почему же Мцхетосъ далъ имя свое только одному городу на соединеніи Арагвы съ Курой, между тѣмъ какъ именемъ его называлась цѣ-

1) *Brosset*: Hist. de la Géorgie. Introduction, VIII.

2) *Wakhoucht*: Descr. géograph. de la Géorgie, publiée par Brosset, p. 74.

лая страна и дѣльный народъ на верхней Курѣ? Изъ этого, конечно, съ достовѣрностію можно бы вывести заключение, что первоначальная родина грузинъ находилась въ горномъ краѣ, откуда берутъ начало свое Кура и Чорохъ; что месхи или мосхи, въ видѣ завоевателей или колонизаторовъ, спустились внизъ по Курѣ и основали на чужой землѣ городъ, названный ихъ именемъ и сдѣлавшійся въ послѣдствіи времени средоточіемъ политической жизни грузинъ; что библейскій Мосохъ означаетъ этихъ первоначальныхъ грузинъ—мосховъ или, быть можетъ, основанную уже ими, задолго еще до Моисея, столицу Мцхету. Къ этому нельзя не присоединить и разсужденій, основанныхъ на физическихъ свойствахъ *цълаго* края, занимаемаго народами, принадлежащими къ грузинскому племени. Если распространіе этого племени дѣйствительно началось въ окрестностяхъ Мцхета, то трудно понять, почему оно вмѣсто того, чтобы направиться преимущественно внизъ по теченію Куры, приняло совершенно другое направленіе, болѣе и болѣе углубляясь въ горы, въ край дикій, малодоступный, пока наконецъ остановилось на юго-восточномъ берегу Чернаго моря. Невѣроятно, чтобы это безпримѣрное направленіе разселенія было вынуждено историческимъ вопрекъ сильнѣйшихъ сосѣдей; гдѣ только первые лучи историческаго свѣта обнаруживаютъ присутствіе грузинскаго племени, тамъ живетъ оно и до сихъ поръ; никакіе удары, направленные извѣдъ, не могли разорвать связи между народомъ и почвою; обитатели дивныхъ ущелій долины Чороха или верховій Куры имѣютъ по крайней мѣрѣ столько же правъ почитать себя коренными обитателями своей земли, какъ и жители Карталинніи и Сомхетіи.

Во всякомъ случаѣ, распространіе грузинскаго племени *снизу*, а не *сверху* по теченію Куры можетъ быть допущено, какъ гипотеза, которую свойства мѣстности дѣлаютъ правдоподобною, но которая не можетъ быть подтверждена никакими историческими свидѣтельствами и даже *покуда* находится въ явномъ съ

ними противурѣчіи. Еще менѣе можно основать эту гипотезу на сходствѣ между именами Мосохъ, Месхи, Месхетъ, Самцхе и Мцхетъ, какъ то сдѣлали нѣкоторые ученые ¹⁾. Г. Броссе доказалъ, что, по свойству грузинскаго словопроизводства, названія Мцхетъ, Самцхе и Месхи не могутъ имѣть между собою ничего общаго ²⁾.

Нѣтъ никакого повода думать, чтобы Мосохъ книги Бытія и Мосохъ, о которомъ говоритъ пророкъ Іезикииль были два различные народа. Но послѣдній несомнѣнно обиталъ на Кавказскомъ перешейкѣ и даже нѣтъ сомнѣнія, что онъ изображаетъ месховъ, принадлежавшихъ къ иберскому (картвельскому) племени. Мы выше объяснили причины, заставляющія думать, что Тубальъ изображаетъ собою также народы иберскаго племени. Эта двойственность наименованія одного и того же племени подаетъ поводъ къ недоумѣнію, которое едвали можетъ быть разрѣшено удовлетворительно, по смутности древней исторіи иберовъ и въ особенности потому, что мы совершенно не знаемъ, въ какомъ видѣ исторія эта дошла до слуха евреевъ. Можно полагать, что въ то время уже иберское племя образовало два отдѣльные государства: Тубальъ и Мосохъ. Вивьенъ де С. Мартенъ ³⁾ находитъ въ имени Тубала имя сына и наслѣдника Мцхетоса, Уплоса, которому братья, удѣльные владѣльцы, не хотѣли повиноваться, какъ рассказываютъ грузинскія лѣтописи. Сближеніе Тубала съ Уплосомъ кажется довольно произвольнымъ; Уплосу грузины приписываютъ основаніе весьма замѣчательнаго города пещеръ, Уплись-цихе, находящагося по близости высшаго Гори. Если библейскій Тубальъ изображаетъ царство Уплоса, то городъ Мцхетъ находился въ предѣлахъ Тубала и, слѣдовательно, между Мцхетомъ и Мосохомъ нѣтъ ничего общаго. Должно думать, что послѣдній исключительно озна-

1) *K. Koch: Reise im pontischen Gebirge* (Weimar 1846), 195: *Vivien de St. Martin* въ *Nouv. Ann. des voyages*. 1846. Sept., 312.

2) *Brosset: Hist. de la Géorgie*. Introd. IX.

3) *Vivien de St. Martin*, l. c., 314.

чалъ верхній бассейнъ Куры и долину Чороха, словомъ сказать страну, которая въ послѣдствіи времени называема была Месхіей, и что послѣднее названіе *никогда* не распространялось на совокупность всѣхъ земель, занимаемыхъ грузинскимъ племенемъ. Но все это составляетъ рядъ однихъ лишь предположеній. Какъ видно, библейскіе Мосохъ и Тубалъ представляютъ два подраздѣленія картвельскаго племени, но мы не можемъ разгадать на чемъ основаны послѣднія.

Флавій Іосифъ ¹⁾, признавъ Тубала за родоначальника всѣхъ иберовъ, говоритъ: «отъ Мосоха произошли москины, которые въ наше время называются каппадоками: остался слѣдъ древняго названія ихъ. Есть у нихъ городъ, который до сихъ поръ называется Мазака и доказываетъ людямъ проникательнымъ, что нѣкогда всѣ обитатели этой страны такъ назывались». Доказательство весьма недостаточное, но Флавій Іосифъ не приводитъ никакихъ другихъ для подтвержденія своего мнѣнія. Моисей Хоренскій рассказываетъ ²⁾, что армянскій царь Арамъ въ Каппадокіи оставилъ одного изъ своихъ сродниковъ, по имени Мешага, съ десятию тысячами войска, который построилъ тамъ городъ и назвалъ его своимъ именемъ, но старожилы, не умѣя правильно произносить, прозвали его Мажакомъ. Это разпогласіе мнѣній о происхожденіи города Мазака во всякомъ случаѣ доказываетъ, что показаніе Флавія Іосифа о мосохахъ не было общеприятнымъ и, какъ всего вѣроятнѣе, придумано было имъ единственно для разрѣшенія недоумѣнія, возникающаго изъ двойственности наименованія иберскаго племени.

Кнобель ³⁾ представилъ о Мосохѣ мнѣніе замѣчательное по своей странности. Принимая его за кавказскій народъ, онъ пола-

1) *Flavius Josephus: Antiquit., I, 6.*

2) *Моисей Хоренскій: Исторія Арменіи. Перев. П. Эмица, стр. 50.*

3) *Knobel: Die Völkertafel der Genesis, p. 117.*

гаеть, что подъ этимъ библейскимъ названіемъ подразумѣваются миздзегы (чеченцы). Мнѣніе свое онъ основываетъ на сходствѣ названія Мешехъ съ Миздзегомъ и на томъ, что лезгинцы теперь еще называютъ тушинъ мосохами. Мнѣніе это, впрочемъ, не имѣетъ даже и тѣни правдоподобія. Миздзегами называютъ чеченцевъ сосѣди ихъ кумыки, по имени рѣки Мичигъ; названіе это не есть общее для всѣхъ чеченцевъ и неупотребительно между ними. Самихъ себя чеченцы называютъ вахче. Правда, что тушины принадлежатъ также къ племени вахче, что доказывается грамматическимъ строеніемъ ихъ языка, но они, подчинившись грузинскому вліянію, совершенно переродились и утратили чеченскій характеръ. Въ глазахъ горныхъ сосѣдей своихъ, они уже грузины и, если лезгинцы называютъ ихъ мосохъ, то скорѣе можно заключить, что названіе это сохранилось въ горахъ отъ той отдаленной эпохи, когда Мосохъ или Мешехъ служилъ этническимъ названіемъ для большей части грузинскаго племени.

Мы теперь перейдемъ къ разбору именъ трехъ сыновей Гомеровыхъ. Имена эти, какъ мы выше уже объяснили, должны обозначать или три подраздѣленія великаго Гомерова т. е. киммерійскаго племени, или три народа, вышедшіе съ сѣвера и потому почитаемые киммерійскаго происхожденія. Послѣдніе вѣроятнѣе, потому что, при смутномъ понятіи объ отдаленныхъ киммеріанахъ, евреямъ едва ли могли быть извѣстны этническія подраздѣленія ихъ.

А С К Е Н А З Ъ.

Сверхъ книги Бытія и Паралипомена 1) названіе это встрѣчается только однажды въ библии, а именно у пророка Іереміи 2): «созовите на него царства араратскія, минійскія и аскеназскія». Названіе «минійскія» подаютъ поводъ къ многимъ толкованіямъ, далеко

1) Кн. I, I, 6.

2) LI, 27.

неудовлетворительнымъ, но, если мы и не можемъ дать себѣ яснаго отчета въ томъ, какое значеніе имѣютъ царства араратскія, то во всякомъ случаѣ вѣтъ сомнѣній, что они находились въ Арменіи, или, по крайней мѣрѣ по близости ея, въ Малой Азій. Изъ этого можно заключить, что и библейскіе асханазеи жили около тѣхъ же мѣстъ. Въ еврейскомъ подлинникѣ стоитъ ашкеназъ или, быть можетъ, аскеназъ.

Обращаясь для разъясненія этого вопроса прямо къ армянскимъ источникамъ, мы находимъ у Іоанна Каооликоса, историка IX в. по Р. Х., сказаніе, что у Ойраса, сына Каооетова, было три сына ¹⁾: Аскеназъ, праотець сарматовъ, Рифатъ, праотець саураматовъ и Торгама. Аскеназъ сначала далъ свое имя армянскому народу, какъ старшій. Торгама подчинилъ себѣ потомство Аскеназово и назвалъ его домомъ Тогармы... Вы знаете: продолжаетъ Каооликосъ, что верховная власть въ нашей странѣ сначала носила имя Аскеназа, а потомъ имя Торгамы. Изъ этого разсказа, вообще довольно темнаго, можно заключить, что древнѣйшая армянская царственная династія называлась Аскеназомъ и потомъ замѣнилась династіей Тогармы. Замѣчательно, что, хотя имена, приводимыя Каооликосомъ, суть чисто библейскія, но является противорѣчіе съ библейскими сказаніями: сиповья Гомеровы названы сиповьями Ойраса. Конечно, это не могло произойти по незнакомству библіи армянскимъ Каооликосомъ и позволяетъ даже думать, что онъ почерпнулъ свои сказанія изъ источниковъ самостоятельныхъ, въ библейскихъ, тѣмъ болѣе, что преданія о ближайшихъ потомкахъ Ноевыхъ несомнѣнно существовали у халдеевъ и въ Малой Азій еще до распространенія христіанства. Аскеназъ названъ праотцемъ сарматовъ, слѣдовательно, народа, жившаго по сѣверную сторону Кавказа, изъ чего можно бы заключить

3) *Jean Catholicos: Hist. d'Arménie, trad. par St. Martin, p. 6—8.*

что первый основатель армянскаго царства пришелъ съ сѣвера, въ видѣ ли завоевателя или, быть можетъ, по приглашенію, подобно Рюрику. Но такъ какъ намъ совершенно не извѣстно, изъ какихъ источниковъ Іоаннъ Каоликъ почерпнулъ свои сказанія, то мы и не можемъ имъ придавать большой важности, и тѣмъ менѣе, что дѣло идетъ о событіяхъ, относящихся къ апохѣ, недоступной для исторіи.

Многое обнаруживаетъ, что названіе Аскевазъ, въ эпоху глубочайшей древности, отразившюся для насъ единственно въ поэтическихъ созданіяхъ еллиновъ,—было весьма распространено въ Малой Азіи: сближеніе Аскеваза съ греческимъ Аскавіосомъ, конечно, никому не можетъ показаться страннымъ. Гомеръ говоритъ ¹⁾: «фригійцы ведомы были Форкисомъ и Аскавіосомъ: они пришли издалека, изъ Аскавіи». Географическіе выводы, которые можно сдѣлать изъ этого стиха Пліады, совершенно сходятся съ догадками о полуживѣи аскевазовъ, основанными на текстѣ пророка Іереміи. Была Аскавія фригійская и Аскавія мизійская, два озера Аскавійскихъ, рѣка Аскавійская, городъ Аскавія. Вблизи Трояды находились острова Аскавскіе, въ Троѣ ворота Аскавскія. Одинъ изъ сыновей Пріамовыхъ назывался Аскавіосомъ; сынъ Энея Аскавіосъ былъ родоначальникомъ древней царственной династіи въ Италіи. Имя это можно прослѣдить далеко на западѣ Европы и съ нимъ, повидимому, постоянно связываемо было понятіе о знаменитомъ царственномъ происхожденіи. Аскавіосъ представляется царемъ, царевичемъ, принцемъ. У древнихъ саксовъ существовало преданіе, что праотцы ихъ въ зеленомъ лѣсу, у водопада, вышли на свѣтъ Божій, вмѣстѣ съ первымъ царемъ своимъ Апханесомъ, изъ скалъ Гарца ²⁾. Многіе изъ древнѣйшихъ

1) Пліада кн. II, ст. 862.

2) *J. Grimm: Deutsche Mythologie*, 537.

владѣтельныхъ германскихъ домовъ (Брауншвейгъ, Ангальтъ,) возводятъ родословныя свои до Асканія или Ашкана.

Все это, конечно, не можетъ быть дѣло случая, но возбуждаетъ лишь любопытство, не удовлетворяя ему. Нѣсколько лучей свѣта падаютъ на загадочныхъ асканавовъ въ III в. до Р. X., когда возникла въ западной Азіи колоссальная монархія Аршакидовъ, которыхъ восточные писатели обыкновенно называютъ *ашканиями*. Аршакъ было имя, общее всемъ членамъ династїи, но встрѣчается также и *Ашакъ*: послѣдняя форма объясняетъ переходъ аршакидовъ въ *Ашканиевъ* ¹⁾. Трудно разрѣшить, которая изъ этихъ двухъ формъ названія есть коренная: нѣкоторые ²⁾ полагаютъ, что послѣдняя. Аршакиды обыкновенно почитаются скифскаго происхожденія; первымъ театромъ ихъ исторической дѣятельности была Пароія, Партва или Партава гвездеобразныхъ надписей ³⁾, страна лежащая къ юго-востоку отъ Каспійскаго моря. Пароны, хотя и жили на окраинѣ Иранскаго плоскогорья, по все время почитались скифскими выходцами. Аршакиды сначала при помощи даевъ, даховъ, кочевавшихъ по Оксусу, овладѣли Пароїей; эти даи, по мнѣнію нѣкоторыхъ, жили прежде выше Меотійскаго болота (Азовскаго моря); другіе, напротивъ, утверждали, что Аршакиды происходили изъ Бактріи ⁴⁾. Такъ рассказываетъ о происхожденіи Аршакидовъ или Ашканиевъ Страбонъ, единственный древній писатель, передавшій намъ свѣдѣнія объ этомъ темномъ вопросѣ. Оставляя въ сторонѣ подраздѣленія даевъ или даховъ на множество поволѣній, скажемъ лишь, что вародъ этотъ, какъ видно изъ географіи Страбона, занималъ въ это время весьма обширное пространство земель къ востоку отъ Кас-

1) *St. Martin*: *Fragm. d'une hist. des Arsacides*, II, 89.

2) *Nouv. ann. des voyages*. 1846. Sept., 280.

3) *Розинсонъ* и *Лассель*; *St. Martin*: *Fragm. d'une hist. des Arsacides*, II, 307—308.

4) *Страбонъ*, XI, 515.

пійскаго моря. Но въ другомъ мѣстѣ географіи своей ¹⁾, Страбонъ говоритъ о гетахъ: «издревле народъ этотъ раздѣлялся на даковъ и на гетовъ, послѣднимъ именемъ называютъ тѣхъ, которые живутъ къ востоку и къ Понту Эвксипскому; даками же тѣхъ, которые находятся въ противоположную сторону, по направленію къ Германіи и къ истокамъ Дуная; я думаю, что они нѣкогда назывались даіями». Нѣтъ сомнѣвія, что геты и даки были одинъ и тотъ же народъ; первое имя преимущественно было въ употребленіи у грековъ, второе у римлянъ. Все заставляеть думать, что дахи или даки, равно какъ и геты, были германскіе народы: дахи сливаются съ тевтонами, геты съ готами; сѣюами назывались все эти народы собирательно и можно допустить, вмѣстѣ съ С. Мартеномъ ²⁾, что въ древнія времена, начиная отъ Дуная по сѣверную сторону Понта Эвксинскаго, Кавказа и Каспійскаго моря до береговъ Оксуса и Яксарта, обиталъ одинъ и тотъ же народъ, раздѣленный на множество племенъ. Съ помощію даіевъ туранскихъ, братьевъ по происхожденію даіямъ германскимъ, быть можетъ пришедшихъ даже, какъ говоритъ Страбонъ, изъ странъ, лежащихъ далѣе Меотійскаго болота,—положили Ашкапій - Аршакиды основаніе великому государству или, лучше сказать, конфедераціи государствъ, которая къ сторонѣ запада составила противувѣсіе могуществу Рима, а къ сторонѣ востока вошла въ соприкосновеніе съ Китаемъ. Казалось суждено было Цесарямъ, Ашкапійямъ и Хань ³⁾ раздѣлить между собою міръ.

Чтобы очертить передъ читателями настоящую фizioномію Аршакидовъ, мы сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ изъ знаменитой рѣчи С. Мартена о происхожденіи и исторіи ихъ.

«При сравненіи Европы XII в. съ монархіей, основанной Аршакидами въ Азіи за три столѣтія до начала нашей эры, от-

1) VII, 304.

2) *St. Martin*: *Fragm. d'une histoire des Arsacides*, I, 11.

3) Названіе современной династіи, царствовавшей въ Китаѣ.

крывается сходство обычаевъ и установлений; усматриваются тѣ же званія, даже тѣ же титулы маркизовъ, бароновъ, кавалеровъ, простыхъ воиновъ. Подобнымъ же образомъ, многие пользовались тамъ всѣми правами свободы, между тѣмъ какъ большая часть людей лишена была всякихъ правъ. Пары, какъ и наши воинственные предки, любили свободу, но для себя, а не для другихъ; пировать, охотиться, воевать, возводить и низводить государей: таковы были благородныя занятія пареа. Подобно тому какъ на польскихъ сеймахъ, кровь часто лилась въ ихъ избирательныхъ собраніяхъ и не разъ остріе меча прерывало рѣчь неосторожнаго оратора. Благородные пары, покрытые, вмѣстѣ съ конемъ, желѣзомъ, походили на нашихъ рыцарей; они составляли всю военную силу, народъ считался за ничто. Когда Маркъ Автоній двинулся на востокъ, для отмщенія за гибель Красса, то царю парескому достаточно было восьмисотъ пятидесяти всадниковъ, чтобы отразить нападеніе; не задолго до того, двадцать пять парескихъ всадниковъ завоевали Іудею и овладѣли Іерусалимомъ. Не трудно продолжать таковое сравненіе и показать чрезвычайное сходство, существовавшее между монархіей Армакидовъ и западными государствами: тамъ не было, правда, ни герцоговъ, ни графовъ, заимствовавшихъ новымъ феодализмомъ у римской имперіи, но мы найдемъ тамъ, что коннетабль командуетъ арміей, что маркизы защищаютъ границы. Бароны, диванеты, феодальные владѣльцы разнаго рода, между которыми встрѣчаются и духовныя лица, были землевладѣльцами и составляли благородное сословіе или, лучше сказать, саму націю, между тѣмъ какъ народъ, привязанный къ землѣ, находился въ состояніи полного рабства. Во главѣ этой политической системы былъ государь, который назывался царемъ царей и который, дѣйствительно, былъ таковымъ, потому что первостепенные его вассалы назывались царями: ихъ было семь подобно тому, какъ было семь курфирстовъ въ священной римской имперіи».

Этихъ выписокъ достаточно, чтобы дать понятіе объ исторической роли Аршавидовъ. Конечно, они не изобрѣли феодальной системы, но и нельзя согласиться съ мнѣніемъ С. Мартена, будто система эта составляетъ неизбежное послѣдствіе военнаго управленія или завоеванія. Турки до сихъ поръ занимаютъ Вадканскій полуостровъ въ видѣ завоевателей, но въ Турціи ничего похужаго нѣтъ на феодальную систему, кромѣ развѣ притѣсненія простаго народа. Въ Арменіи Аршакиды явились не завоевателями, а скорѣе освободителями, но тѣмъ не менѣе первымъ дѣломъ ихъ было введеніе феодальной системы, при чемъ, большая часть армянской феодальной аристократіи составила не изъ парсовъ. Если допустить, что названіе парсской династіи, основавшей одну изъ величайшихъ монархій въ свѣтѣ, есть тоже самое нарицательное имя, которое еще въ доисторическія времена, какъ мы видѣли, было распространено въ Малой Азіи, въ видѣ имени принцевъ, родоначальниковъ династій,—то можно заключить, что названія Аскеназъ, Асканіосъ, Асканъ, Ашканъ постоянно служили для означенія предводителей небольшихъ воинственныхъ дружинъ, которые изъ Скиѣи, черезъ Фракію, Кавказъ или Гаэтрію, приходили въ Азію искать счастья, быть можетъ сначала въ видѣ союзниковъ, даже наемниковъ, но потомъ, при удачѣ, предводитель дружины становился государемъ, слодвижки его землевладѣльцами въ завоеванной странѣ, феодальной аристократіей, распределенной сообразно первоначальному распределенію обязанностей въ дружинѣ. Аскеназы были древнѣйшими родоначальниками аристократическаго сословія въ западной Азіи, которое, подъ влияніемъ всеуравнивающаго исламизма, почти исчезло тамъ въ послѣдствіи времени, за исключеніемъ Закавказья, гдѣ суждено было ему играть постоянно великую историческую роль.

Флавій Іосифъ, въ толкованіи своемъ таблицъ Моисеевыхъ

говорить, ¹⁾ что Асханаксы суть тѣ самыя, которыхъ грѣки называютъ Регинами. Последнее названіе несомѣнно происходитъ отъ знаменитаго мидійскаго города *Рага*, куда странствовалъ нѣкогда Товитъ, сопутствуемый ангеломъ. Развалины города этого, о которомъ упоминается уже въ Вендидадѣ въ числѣ мѣстъ, созданныхъ Ахура-Маздой, находятся по близости вышней столицы Персіи, Тегерана. Это была лѣтняя резиденція Аршакидовъ, которые даже замѣнили *Аршакіей* древнее названіе города. Отсюда видно, что Иосифъ подъ библейскими аскеназами подразумѣваетъ Аршакидовъ, которые были въ Азіи пришельцами изъ Европы и даже, если вѣрить сказанію Страбона, то пришельцами изъ глубины Европы, съ вершинъ Дуная. Позднѣйшіе еврейскіе толкователи библии подъ названіемъ Аскеназовъ постоянно подразумѣваютъ германцевъ, сознавая, что библейскіе Аскеназы жили въ Малой Азіи, а именно во Фригіи, но утверждая, что германцы вышли нѣкогда изъ Малой Азіи и суть потомки фригійцевъ. Мнѣніе, конечно, основанное на сходствѣ множества этническихъ примѣтъ древнѣйшихъ обитателей Малой Азіи и германскихъ племенъ, сходствѣ, которое не могло ускользнуть даже отъ вниманія поверхностныхъ наблюдателей. Но объясненіе этого сходства слѣдуетъ искать гораздо далѣе на востокѣ, въ Туранѣ, по сѣверную сторону Кавказа или во Фракіи.

Мы выше сказали, что названіе Аскеназъ съ небольшими видоизмѣненіями встрѣчается въ древней исторіи множества народовъ; въ видѣ названія царственныхъ династій, страны въ Малой Азіи, нѣкоторыхъ мѣстныхъ предметовъ, но народа Аскеназы мы нигдѣ не находимъ. Это обстоятельство дѣлаетъ правдоподобнымъ предположеніе, что названіе Аскеназъ составлено изъ *Азъ*, названія народа и *кеназъ*, для котораго въ индо-европейскихъ языкахъ встрѣчается множество родственныхъ словъ, какъ напр.

1) Antiquit, I, 6.

греч. *genos*, лат. *gens* и пр. и пр., означающія вообще *родъ, племя*. Итакъ настоящій смыслъ Аскеназа есть *племя Азовъ* ¹⁾. Если только, такимъ образомъ, позволено будетъ въ библейскихъ Аскеназахъ видѣть Азовъ, то названіе это, весьма загадочное, облеченное таинственностію эпохи, недостигаемой для положительной исторіи, приметъ дивно обширные размѣры.

Когда христіанство проникло въ Швецію (около 1000 г.), то Папа писалъ къ королю Олафу I, что руны съ ихъ магическими начертаніями препятствуютъ распространенію истинной вѣры. Король созвалъ главныхъ совѣтниковъ своихъ, и положево было сжечь всѣ книги и руническіе жезлы. Это повелѣніе было исполнено; отъ писанныхъ древнихъ преданій уцѣлѣло лишь то, что находилось въ то время въ Исландіи.

Въ XIII в. найденъ былъ на этомъ островѣ сборникъ таковыхъ преданій, составленіе котораго приписывается исландцу Саемунду (умершему въ 1133); этотъ сборникъ вообще извѣстенъ подъ именемъ Эдды Саемунда. По мнѣнію ученѣйшихъ критиковъ скандинавскихъ и германскихъ, преданія эти относятся къ эпохѣ за-долго предшествовавшей Рождеству Христову; Шimmelманъ даже не колеблется приписывать имъ древность, не уступающую древности книги Бытія, Ригъ-Веды или Авесты.

Въ этой Эддѣ, равно какъ и въ другой, нѣсколько позднѣйшей, въ Эддѣ Стурлесона, говорится о поколѣніи блестящихъ, въ послѣдствіи времени обоготворенныхъ азовъ, которые, подъ предводительствомъ старѣйшаго изъ нихъ Одина, пришли изъ далекой страны Азалавда, гдѣ былъ городъ Азагардъ, лежавшій за рѣкою Танаисомъ ²⁾. Это племя азовъ въ сѣверныхъ сагахъ называется Азкунгръ, названіе, приближающееся уже къ Аскану восточныхъ писателей и далѣе къ библейскому Аскеназу. Быть можетъ даже, какъ полагаетъ Кнобель, названіе полуострова

1) *Knobel: die Völkertafel*, 35.

2) *Edda Saemund*. II, p. 865.

Скандинавія или, лучше сказать, Скандія, Скандія (у Иорнанда) находится въ связи съ названіемъ Аскепазъ, которое въ Самаританскомъ пятикнижии пишется Шкеназъ ¹⁾). По крайней мѣрѣ, для объясненія происхожденія этого названія до сихъ поръ не приискаю толкованія, болѣе правдоподобнаго.

У этрусковъ, Азами назывались существа веземнаго происхожденія; присутствіе слога *Aes* въ имени *Caesar*, по понятіямъ суевѣрныхъ римлянъ, имѣло многозначительное значеніе ²⁾). У тирреновъ, древнѣйшихъ этрусковъ, сохранилось воспоминаніе о праотцахъ *Aesietax* (*Aesyetes*), о богахъ Азахъ, сопутствовавшихъ имъ въ переселеніи въ новую отчизну изъ далекой страны ³⁾). Въ какой степени ими это уважаемо было у готовъ, видно изъ показанія Иорнанда, что, послѣ великой побѣды, одержанной надъ арміею императора Домиціана, готы обоготворили своихъ полководцевъ и назвали ихъ Аезами. Греческое этническое названіе *Ioan*, въ послѣдствіи измѣнившееся въ *Ion*, іонійцы, по всей вѣроятности, есть родительный падежъ множественнаго числа отъ именительнаго *Ias*. Въмѣсто *Ioan*, у поэтовъ встрѣчается форма *Iaton*, прямо выводимая изъ *Ias*. Стефанъ Византійскій положительно говоритъ, что Іонія называема была также *Ias*; Страбонъ ⁴⁾, что въ древнія времена Аттика носила названіе Іоніи, равно какъ *Ias*. Покуда мы оставимъ въ сторонѣ сближеніе имени предводителя Аргонавтовъ съ азами, по скажемъ только, что уже въ позднѣйшія времена, въ эпоху походовъ римлянъ въ Закавказье, классическіе писатели обратили вниманіе на чрезвычайно распространенное тамъ названіе *Az* или *Iaz*, и на этомъ обстоятельстве основали самыя невѣроятныя гипотезы о происхожденіи кавказскихъ народовъ отъ спутниковъ Язоновыхъ ⁵⁾). То,

1) *Sylv. de Sacy: Notices et extraits.* XII, p. 116.

2) *Suetonii: Vita Augusti,* c. XCVII.

3) *Ritter: Vorhalle europ. Völkergeschichten,* 471.

4) *Strabo: IX,* 392.

5) *Taciti Annal. VI,* c. 34; *Iustin: Histor. Philip. XLII,* c. 4; *Strabo: I,* 45 и XI, 531; *Plinii VI,* c. 15.

что названіе это и въ Закавказьѣ служило для означенія благороднаго происхожденія, доказывається армянскимъ словомъ *Азнъ* порода, благородство, и грузинскимъ *Азнауръ*, означающимъ дворянина.

Изъ всего сказаннаго можно вывести общее заключеніе, что въ древнемъ европейскомъ мірѣ и соприкосновенной къ нему части азіятскаго, существовало преданіе о доблестномъ народѣ или племени азовъ, и что, какъ цѣлыя народы, такъ и частныя лица, основательно или неосновательно, почитали величайшею честью происхожденіе отъ азовъ.

Понятія объ особенномъ благородствѣ крови, о преимуществахъ, составляющихъ законное достояніе нѣкоторыхъ людей на основаніи одного лишь рожденія, — безъ сомнѣнія возникаютъ во всѣхъ странахъ вслѣдствіе завоеванія одного народа другимъ, когда побѣдители водворяются посреди массы побѣжденныхъ въ видѣ болѣе или менѣе многочисленной господствующей касты. Таковы были франки между галлами, англо-саксы между бриттами и позже норманны между англо-саксами; варяги между славянскимъ и финскимъ народонаселеніемъ Европейской Россіи. Конечно, существуютъ въ нѣкоторыхъ странахъ аристократическія сословія, представляющіяся чисто туземными, какъ напр. въ Германіи или въ Польшѣ, но туземнымъ невольно почитаемъ мы все то, что водворилось при обстоятельствахъ, скрытыхъ отъ взора исторіи за отдаленностію времени. Филологическія изслѣдованія, при отсутствіи даже всякихъ другихъ историческихъ свидѣтельствъ, не позволяютъ сомнѣваться, что каждый изъ нынѣшнихъ европейскихъ народовъ составилъ изъ длиннаго ряда послѣдовательныхъ народныхъ наносовъ, которые даже теперь, не смотря на работу цѣлыхъ тысячелѣтій, не успѣли переработаться въ однообразныя массы. Это разнообразіе, по всей вѣроятности, нѣкогда выражалось въ Европѣ гораздо болѣе рѣзкими чертами, чѣмъ въ эпохи, доступныя для исторіи. Какъ мы видѣли,

племя азовъ, Аскенавъ, служило представителемъ высшаго, дѣйствовавшаго на политическомъ поприщѣ, сословія. Конечно, нельзя допустить существованія когда либо великаго государства азовъ, которое бы тянулось отъ Ледовитаго океана до Средиземнаго моря и отъ Атлантики до Каспія. Должно думать, что азы подвизались въ разныхъ странахъ, подобно тому, какъ послѣ паденія западной Римской имперіи, германскія племена одновременно, но безсвязно, сзидали и разрушали, въ Африкѣ и въ Британіи, въ Испаніи и во Фракіи, или, какъ позже, норманны по морямъ и рѣкамъ цѣлой Европы разнесли грозную о себѣ вѣсть.

Нѣтъ сомнѣнія, что названіе азовъ находится въ связи съ Азіей, названіемъ цѣлой части свѣта, но подъ азами, конечно, нельзя подразумѣвать азіатцевъ въ томъ обширномъ значеніи, которое придаемъ мы теперь этому названію. Понятіе объ Азій, какъ объ особой части свѣта, во всѣ времена совершенно чуждое обитателямъ ея, возникло первоначально у грековъ, которые, по имени небольшого округа, лежавшаго у подошвы Олимпа Фригійскаго и называвшагося Азіей, начали называть такъ всѣ страны къ востоку отъ Егейскаго моря ¹⁾. Но, кромѣ этой Азій, соседней къ Греціи, существовала еще другая страна Азія, собственно Азія, *Asia protergia*, лежавшая по лѣвую сторону рѣки Танаиса и по восточному берегу болота Меотійскаго. Въ самыя отдаленныя времена, повидному, греки хранили смутное воспоминаніе объ этой далекой, священной Азій, Азія Іапета и Прометей, гдѣ посреди тяжкихъ нещастій протекло дѣлство рода человѣческаго. Эта Кавказская Азія была для грековъ тѣмъ же, чѣмъ для евреевъ Эдемъ и страна Араратская, для иранцевъ Айриано—Ваедже и для индусовъ Меру. Около середины VI в. до Р. X., Ионическіе греки завели колоніи по сѣверному и восточ-

1) *Vivien de St. Martin: Hist. géogr. de l'Asie Mineure ancienne*, p. 160.

ному берегу Понта Аксинскаго (пегостеприимнаго), который тогда только измѣнилъ прежнее названіе свое въ Понтъ Эвксинскій (гостеприимный). Кругъ географическихъ познаній грековъ къ сторонѣ востока разширился также внезапно, какъ съ открытіемъ Америки географическія познанія европейцевъ въ концѣ XV в. Открывъ Кавказскій перешеекъ или, лучше сказать, восточное побережье болота Меотійскаго и Понта Эвксинскаго, отъ устья Танаиса (Дона) до устья Фазиса (Ріона или Чореха), греки убѣдились, что очью видятъ передъ собою страны, которыя до сихъ поръ мерещились имъ какъ бы въ сновидѣніи, какъ бы въ воспоминаніи дѣтства, тревожащемъ разсудокъ зрѣлаго возраста, ускользающемъ отъ свѣта пониманія и возвращающемся для возбужденія, но не для удовлетворенія мысли. Мы не можемъ объяснить себѣ отчетливо, на какомъ основаніи греки признали въ Кавказскомъ перешейкѣ страну, о которой напентывали имъ преданія праотцевъ; теперь многотрудное изученіе санскритской и зендской литературы постепенно объясняетъ для насъ то, что, быть можетъ, щедро одареннымъ природою грекамъ досталось даромъ исполнѣе удовлетворительно, хотя и безсознательно. Во всякомъ случаѣ, священная Азія разостлалась на правомъ берегу Кубани, тамъ, гдѣ теперь живутъ Черноморскіе казаки; вершины Эльбруса, Дыгъ-Тау или Казбека, смѣло и дерзко вѣшывающіяся въ небо, тѣ или другія показались грекамъ соотвѣтственными преступленію лобными мѣстами для Прометея, смѣлаго и дерзкаго посредника между небомъ и чело-вѣкомъ; таинственно-непроходимые, постоянно-зеленѣющіе лѣса Мингреліи и Гуріи осѣнили очарованный островъ Кирке (Цирцен), блестящій престолъ богатаго царя Эетеса и колдовство дочери его, хитрой Медеи. Во всякомъ случаѣ, географія греческихъ поэтовъ этого періода представляетъ опредѣлительность, совершенно чуждую географіи Илиады и Одиссеи. У Эсхила сказанный Прометей возвыщаетъ любовницѣ Зевеса, Io о предстоя-

щих ей скорбныхъ страствіяхъ: «Потомъ достигнешъ ты перенейка Киммерійскаго и вскорѣ тѣсныхъ вратъ болота Меотійскаго: смѣло устремись черезъ проливъ. Слава переправы твоей увѣковѣчится между смертными, и проливъ назовется Босооромъ. Тутъ поквнешъ ты Европу и очутишься въ Азіи». Керчь, Тамаискій проливъ и Черноморія, — таковъ переводъ на современный географическій языкъ предвѣщанія Прометеева. За тридцать вѣковъ тому назадъ возникло географическое педоумѣніе, существующее и до нашихъ дней. Именемъ небольшого округа, Азін, назвалась цѣлая и величайшая часть свѣта, которую вездѣ слѣдовало бы ограничить опредѣленными рубежами, подобными морю Егейскому, Геллеспону, Пропонтидѣ, Босоору Оракійскому и Понту Эвксинскому. Но восточную сторону Понта Эвксинскаго природа провела достойный для цѣлой части свѣта рубежъ, хребетъ Кавказскій, но по сѣверную сторону хребта находилась страна, носившая собственно ей принадлежавшее названіе Азіи, хотя и лежавшая внѣ естественныхъ предѣловъ Азіи. Отсюда произошло разграниченіе Тамаисомъ (Допомъ) двухъ частей свѣта, Европы и Азіи, — разграниченіе, неоправдываемое природою. Уже Геродотъ замѣтилъ, что оно неосновательно ¹⁾; самъ онъ, говоря о Европѣ и Азіи, обнаруживаетъ весьма вѣрный взглядъ на естественные рубежи, ихъ раздѣляющіе. Геродотъ приводитъ два мнѣнія, существовавшія въ его время на счетъ страны, давшей цѣлой части свѣта названіе Азіи; таковою страной одни почитали Лидію, другіе Азію Кавказскую, Прометееву. Честь эта безъ сомнѣнія принадлежитъ Лидіи, но все заставляетъ думать, что сама Лидія первоначально заимствовала съ Кавказа названіе Азіи.

У Страбона встрѣчаемъ мы нѣсколько указаній на эту Кавказскую Азію. Онъ говоритъ ²⁾, что Тамаисъ отдѣляетъ Европу отъ Азіи, что при устьѣ этой рѣки въ болото Меотійское нахо-

1) IV, 45.

2) XI, 492, 493.

дился нѣкогда городъ Танаисъ, служившій для торговыхъ сдѣлокъ поматовъ азіійскихъ и европейскихъ съ кунцами, прѣзжавшими съ юга. Конечно, во всемъ этомъ Азія можетъ означать цѣлую страну свѣта, но тутъ же Страбонъ говоритъ: «у Босоора (Киммерійскаго) лежитъ страна Азія и Синдика». Въ другомъ мѣстѣ ¹⁾, онъ рассказываетъ, что «босоорцы платили извѣстную подать, но не одни, а вмѣстѣ съ жителями страны Азіи, лежащей подлѣ Синдики». Подъ названіемъ Синдики, какъ мы объяснимъ ниже, должно подразумѣвать страну къ сѣверу отъ нынѣшней Анапы. Отсюда видно, что, не смотря на всѣ превратности времени, частное названіе Азіи, которое за пять вѣковъ до Р. Х. Есхиль придавалъ странѣ, орошаемой Кубанью, удержалось за нею и во времена Страбона, жившаго передъ самымъ началомъ нашей эры.

Лучшимъ доказательствомъ, впрочемъ, что эта Кубанская Азія не была однимъ лишь созданіемъ греческихъ поэтовъ, увлекшихъ за собою и греческихъ географовъ, служить то обстоятельство, что этническое названіе *Азъ* неизгладимо привилось къ мѣстнымъ собственнымъ именамъ. Птоломей ²⁾ на восточномъ берегу болота Меотійскаго, между Дюпомъ и Кубанью, называетъ города Азара, Азабетисъ, Азараба; Страбонъ ³⁾ говоритъ о варадѣ аспурганяхъ, имя которыхъ возбуждаетъ величайшее участіе въ германскихъ и скандинавскихъ ученыхъ, предположившихъ, довольно произвольно впрочемъ, существованіе когда то города Ас-бурга на берегу Меотии и въ этомъ городѣ, построеномъ воображеніемъ, видѣвшихъ Асгардъ, Асгородъ, родину Одина ⁴⁾. Это названіе, заимствованное изъ недосягаемой глубины времени, сохранилось до нашихъ дней въ названіи города Азова, въ нынѣшнемъ названіи болота Меотійскаго—Азовскомъ морѣ. Черное море греки сначала называли Понтомъ Аксинскимъ (не-

1) XII, 311.

2) *Ptol. Geogr.*, lib. V, c. 8.

3) XI, 495.

4) *Poitelky*: Voyage dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase, p. 240.

гостеприимнымъ), потомъ Понтомъ Эвксинскимъ (гостеприимнымъ). Не безъ основанія можно полагать, что они остроумно передѣлывали на свой ладъ чуждое имъ названіе Аскеназъ въ противоположность мнѣнію тѣхъ, которые принимаютъ Аскеназъ за испорченное *axeinos* ¹⁾. Но гораздо замѣчательнѣе еще присутствіе звука азъ, іазъ, ассъ, озъ, оссъ въ этническихъ кавказскихъ названіяхъ. Мы выше уже замѣтили, что для обозначенія народовъ, жившихъ къ сѣверу отъ Кавказа, греки употребляли названіе *Μαίωται* или *Μαται* съ разными прибавленіями для подраздѣленій. Самое обширное названіе было *Σαρμάται*, которыхъ придаточный слогъ объясняется персидскимъ *sar* голова, *per-* *довые Μαται*. Часть группы маэтическихъ народовъ, жившая у Азовскаго моря, называлась *іаз-маты* или *аз-маты* ²⁾. Подобнымъ образомъ *Σιγα* несомнѣнно черкесское племя, какъ мы то докажемъ впоследствии, при распространеніи своемъ къ сѣверу вокругъ Меотики, получили названіе *іаз-σιγα*, подъ которымъ и теперь еще извѣстны они въ Венгріи. Осетины или, лучше сказать, оссы, сами себя называютъ иронами, названіе, происходящее несомнѣнно отъ одного корня съ иранцами, *Арія*; названіе же, подъ которымъ извѣстны они у другихъ народовъ, оссы или асссы, досталось имъ вслѣдствіе географическаго положенія ихъ. Еще замѣчательнѣе то, что осетины, не присвоивши себѣ названія оссовъ или асссовъ, называютъ этимъ именемъ западныхъ сосѣдей, живущихъ на Кубани. Абхазцы называютъ Азухо, т. о. азаи, племя Адиге, живущее отъ нихъ къ сѣверу, къ сторонѣ Кубани. Само собою разумѣется, что таковая туземная этническая кавказская номенклатура совершенно независима отъ всего того, что писали и думали о Кавказѣ греки и римляне; очевидное доказательство, что страна по Кубани въ незапамятныя времена называлась *Азіей*, *Asia propria*, и что названіе это

1) *Hasse: Entdek.* I, 19.

2) *Uchert: Skythien*, 546; *Nouv. ann. des voyages.* Janv. et Févr. 1847. p. 116.

до такой степени укоренилось за нею, что сообщалось всѣмъ племенамъ въ ней появившимся, хотя бы даже племена эти были столь же различнаго происхожденія, какъ пыпѣшнїе оссетины—арїйцы и балкарцы—тюрки.

Припавъ далѣе въ соображеніе, что библія свидѣтельствуетъ намъ о присутствїи въ Малой Азїи племени азовъ или Аскеназа и что это племя азовъ или Аскеназъ называется на условномъ библейскомъ языкѣ сыномъ Гомера, обитателя отдаленнаго сѣвера, мы приходимъ къ убѣжденію, что дружины доисторическихъ завоевателей, вышедшія изъ коренной Прометеевой, Кубанской Азїи, передали Анатолиі знаменитое ими отчизны своей и что уже изъ Анатолиі, изъ *Малой Азїи*, распространилось оно на цѣлую часть свѣта. Конечно, мы не можемъ обозначить, какимъ путемъ завоеватели азы отъ Меотики и отъ сѣверо-восточнаго угла Понта Эвксинскаго достигали юго-западной оконечности его: Кавказскимъ-ли перешейкомъ, Фракіей или моремъ на перевалѣ. Все заставляетъ думать, что всѣми тремя путями производились таковыя нашествія. Подобнымъ образомъ, вѣковъ тридцать спусти, руссы громили Восточную Имперїю на Дунаѣ, моремъ на ладьяхъ достигали береговъ Анатолиі и разоряли торговые города въ Закавказьѣ, не разрывая, между тѣмъ, связи своей съ глубокимъ Скандинавскимъ сѣверомъ. Въ этой картинѣ широкихъ поисковъ руссовъ отъ Торнео до Аракса, быть можетъ, отражается доисторическая широкая предпримчивость азовъ, имѣвшихъ на берегахъ Меотики болѣе благоприятное средоточіе, чѣмъ руссы на мерзлыхъ берегахъ Балтики.

Припомнимъ себѣ сказанное нами выше о расселенїи великаго *арїйскаго*, или, что, быть можетъ, тоже *азійскаго* племени изъ одного общаго центра, находящагося тамъ, гдѣ Имаусъ, пересѣкая подъ прямымъ угломъ Гиндуку и Куэнь-лунь, чертитъ крестъ въ самомъ сердцѣ Азїи: Чѣмъ болѣе расходились родственники, одни въ Индустанъ, а другіе въ Европу, тѣмъ, ко-

нечно, болѣе и болѣе расходились общія родовыя черты ихъ. Но отпечатки слѣдовъ этихъ доисторическихъ арійцевъ или азійцевъ должно искать не на переходахъ, а на привалахъ, не въ безводномъ и пустынномъ Туранѣ, который свѣрили они покинуть, а на богатыхъ, тучныхъ насажденіяхъ, прилегающихъ къ Кубани и Меотикѣ, тамъ, гдѣ они останавливались и отдыхали, готовясь къ дальнѣйшему пути. Древнѣйшія географическія названія окрестностей Меотики дѣйствительно представляютъ изумительное сходство съ таковыми же названіями, встрѣчающимися въ Индустанѣ. Таково названіе страны, лежащей къ югу отъ устья Кубани въ Черное море: Сипдика или *Индика*; названіе Кубани *Гипанисъ*, тождественное съ древнимъ названіемъ величайшаго вѣзъ-притоковъ Инда; названіе городовъ Корокондама и Фавагоріи на дельтѣ Кубани ¹⁾. Конечно, трудно согласиться съ мнѣніемъ знаменитаго Риттера, что названія эти даны были выходцами вѣзъ Индустава, привужденными вслѣдствіе религиозныхъ переворотовъ покинуть свою родину; скорѣе можно думать, что они даны были европейскими арійцами еще въ ту завѣтную эпоху, когда во всей свѣжести сохранялись черты родственнаго сходства послѣднихъ съ арійцами, направившимися черезъ Кабулистанъ въ Пенджабъ.

Такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что историческіе Аршакиды назывались Ашкапіями и, кромѣ того, весьма многое заставляетъ насъ думать, что это названіе тождественно съ Асканіосомъ, Ашканомъ, Аскеназомъ, Азомъ, столь громкимъ въ эпоху глубочайшей древности въ Европѣ, въ Малой Азии и на Кавказскомъ перешейкѣ, то весьма естественнымъ образомъ рождается вопросъ, позволительно ли то немногое, что мы знаемъ о происхожденіи парсскихъ Ашканіевъ, примѣнить къ соименникамъ ихъ, предшествовавшимъ имъ по крайней мѣрѣ вѣковъ за десять. Но парскіе

1) Ritter: Vorhalle europ. Völkergeschichten, 181 и далѣе.

Ашканин появляются на сценѣ исторіи первоначально въ видѣ предводителей племени даіевъ, даковъ, которые, какъ по всему можно заключить, принадлежали къ обширному семейству германскихъ народовъ. Можно ли допустить, на основаніи присутствія имени Аза, Аскавіуса, Аскеназа, присутствіе германскихъ элементовъ въ Малой Азіи и въ Закавказьѣ еще задолго до эпохи Моисеевой? Конечно вопросъ этотъ едва ли когда нибудь можетъ достигнуть вполне удовлетворительнаго разрѣшенія, но мы замѣтимъ, что то весьма немногое, что вамъ извѣстно изъ языка фригійцевъ, обнаруживаетъ тѣсную связь съ языками германскими ¹⁾; Неймамъ замѣтилъ, что многое загадочное въ древнегерманскомъ правѣ и древнегерманскомъ быту объясняется попомощію армянскаго языка ²⁾. Даіи или дахи съ незапамятныхъ временъ жили въ окрестностяхъ Требизонда и въ сѣверо-западной части Арменіи, гдѣ по имени ихъ цѣлая область названа была Даикомъ; Ксенофонтъ прошелъ чрезъ страну ихъ и называетъ обитателей таохами; до сихъ поръ верхняя часть долины Чороха выше Арвина извѣстна у грузинъ подъ именемъ Тао ³⁾. Проф. Кохъ, посѣтившій эту дикую страну, замѣтилъ, что наружностью туземцы весьма походятъ на нѣмцевъ ⁴⁾.

Р И Ф А Т Ъ.

Происхожденіе этого названія не можетъ подавать повода къ недоумѣніямъ. У древнихъ народовъ существовало общераспространенное мнѣніе, что далеко, очень далеко, къ сторонѣ полудноты, стоятъ огромныя оледѣлыя горы, съ гребня которыхъ постоянно дуетъ свирѣлый борея, несущій къ югу вьюги и холодъ. По ту сторону горъ погода всегда тихая и климатъ благо-

1) *Pototzky*: Hist. prim. des peuples de la Russie, 254.

2) Въ *Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*, I, 1837, p. 242.

3) *Wakhoucht*: Description géogr. de la Géorgie, trad. par. Brosset, p. 121.

4) *K. Koch*: Wanderungen im Orient. (Weimar 1846), II, 181.

слепенный: тамъ мирно живутъ блаженные гипербореи, чуждающиеся всякихъ сношеній съ остальнымъ челоуѣчествомъ. По временамъ лишь посылали они въ Делосъ дары свои Аполлону, уложенные въ соломенную корзину; корзину вручали ближайшимъ сосѣдямъ сѣвернымъ народамъ, съ просьбой перелать далѣе: корзина переходила изъ рукъ въ руки, отъ народа къ народу, пока, наконецъ, ливнымъ окольнымъ путемъ, начало котораго терилось въ неизвѣстной дали, доходила ова до Делоса ¹⁾. Это понятіе о благословенной странѣ гипербореевъ составляло *метеорологическій мифъ*, но счастливому выраженію Александра Гумбольдта ²⁾. Оледенѣлыя горы, вертель Борей, назывались Rhipaei, Rhipaei montes, горы Рипейскія или Рифейскія. Корепъ названію по видимому, есть греческое *πίρτο*==ринуть сверху внизъ, что означаетъ, какъ порывъ Борей сверху внизъ, такъ и обрывистое паденіе горной крутизны. Дебелое придыханіе греческой буквы *π* быть можетъ, соотвѣтствовало звуку *xp*, и греческое слово *πίρε* близко подходило къ славянскому *xрибъ*, *xребеть*.

Изъ всего можно заключить, что библейскій Рифатъ означалъ народъ, жившій въ ущельяхъ весьма высокихъ горъ, лежащихъ на далекомъ сѣверѣ. Таковое заключеніе, впрочемъ, не приводитъ насъ еще ни къ чему положительному. Какое опредѣлительное географическое положеніе можемъ мы назначить для мифическихъ Рифейскихъ горъ? Въ самыя отдаленныя времена, какъ кажется, думали, что горы эти находятся къ сѣверозападу отъ Греціи, къ сторонѣ вечерняго мрака и полуденнаго холода. Есхиль ³⁾ говоритъ, что изъ горъ этихъ беретъ начало свое Истръ (Дунай). Позже греки и римляне ознакомились съ Альпами, Карпатами и промежуточными горами Германіи; все, сдѣлавшееся извѣстнымъ, не соотвѣтствовало уже глубоко вкоренившемуся

1) Геродотъ, IV, 33.

2) Asie Centrale, I, 403.

3) Schol. Apoll. Rhod. IV, 284.

понятію о Рифеѣ; необходимо было отодвинуть его далѣе къ сѣверу, но на сѣверѣ Германіи открылась непрерывная полоса морей. Затѣмъ лишь Россія, Сибирь, Сарматія, Скиѳія, неизмѣримымъ для древнихъ географовъ протяженіемъ своимъ къ сѣверу представляли неизвѣданную страну, гдѣ могли помѣститься мифическія Рифейскія горы и за ними блаженные гипербореи. Аристотель ¹⁾ пишетъ, что подъ самой Медвѣдицей, на оконечности Скиѳіи, находятся Рипеи. Трогъ Помпей ²⁾, что Скиѳія простирается отъ Понта до Рипейскихъ горъ. Около времени Рождества Христова въ особенности затемнились всѣ понятія о сѣверномъ берегу Каспійскаго моря, который, за пять вѣковъ равнѣе, представлялся Геродоту въ настоящемъ видѣ. Каспій обратился въ заливъ Сѣвернаго океана; сѣверо-восточнымъ продолженіемъ своимъ Кавказъ ушелъ въ неизвѣстную даль и соединился съ Рипеемъ, гдѣ беретъ будто бы начало свое Тапаисъ. Рипей тянется въ востоку въ Азію; подъ самымъ полюсомъ; у входа изъ океана въ Каспій, живутъ гипербореи. Эту фантастическую географію находимъ мы у Мелы ³⁾ и у Плинія ⁴⁾. Страбонъ ⁵⁾, раздѣлившій современныя превратныя понятія о Каспій, считаетъ однако баснями рассказы о Рипеѣ и гипербореяхъ.

Отъ этихъ позднѣйшихъ географическихъ заблужденій, возвратимся къ первоначальному содержанію Рифейскаго мифа. Рифеи суть весьма высокія, покрытыя снѣгомъ горы, имѣющія общее направленіе отъ запада къ востоку; съ гребня ихъ дуетъ холодный вѣтеръ, за сѣвернымъ скатомъ ихъ положительно неизвѣстно, что находится; воображеніе можетъ создавать тамъ, что ему угодно. Въ весьма отдаленную эпоху, въ эпоху Моисееву, таковымъ

1) Metcor. I, 13.

2) Justin II, 2.

3) I, 19.

4) IV, 24; V, 27; VI, 5, 14.

5) VII, 295.

условіямъ, конечно, для тогдашняго образованнаго или, лучше сказать, грамотнаго міра, могли удовлетворять Пиринеи, Альпы, Карпаты или даже Балканъ (Гемусъ), паковецъ Кавказъ. Мы выше объяснили, что, по всей вѣроятности, Гомеръ изображалъ народъ, жившій по сѣверную сторону Понта. Магогъ обиталъ по сѣверную сторону Кавказа, Тубалъ и Мешехъ въ Закавказьѣ; остается незанятою полоса Кавказскаго хребта. Изъ числа сыновей Гомеровыхъ, старшій Аскеназъ жилъ на берегахъ Меотики, младшій, Огарма, какъ мы увидимъ, безъ всякаго сомнѣнія, находился на Армянскомъ плоскогоріи; весьма вѣроятнымъ становится, что средній сынъ, Рифатъ, занималъ полосу Кавказскаго хребта. Но допустивъ даже, что Рифатъ изображаетъ всю массу Кавказскаго горскаго народонаселенія, мы еще вовсе не вправѣ допустить, на основаніи библейскаго текста, что всѣ горцы одного и того же происхожденія; то, что мы покуда знаемъ о наружномъ видѣ ихъ и языкахъ, находится въ совершенномъ противурѣчій съ гипотезой о ихъ единоплеменности, гадательно и бездоказательно принятой Вивьенъ де Сепъ Мартепом¹⁾. Но въ библейскомъ сказаніи о происхожденіи Рифата отъ Гомера, отъ народа сѣвернаго, мы находимъ блестящее подтвержденіе выводовъ, сдѣланныхъ исключительно на основаніи вліянія, которое географическія данныя должны были оказывать на расселеніе народовъ. Припомнимъ здѣсь сказанное нами выше о разрывѣ, который возникалъ близъ устья Дона въ каждомъ народѣ, подвигавшемся отъ востока на западъ, изъ Средней Азіи въ Европу. Гомеръ, киммеріане, полуночники, не есть какой либо народъ исключительно; такъ могъ называться всякій народъ, жившій или проходившій по сѣверную сторону Понта Эвксинскаго. Въ библейскомъ сказаніи о происхожденіи Рифата отъ Гомера, мы усматриваемъ лишь из-

1) въ Nouv. Ann. des voyages. 1846. Octobre, p. 49.

ложеііе мнѣнія, обще-распространеннаго во времена Моисеевы, что горная полоса Кавказскаго перешейка населилась съ сѣвера,— мнѣнія, которое, какъ мы полагаемъ, въ наше время пріобрѣтеть неизблемое основаніе посредствомъ тщательнаго изученія языковъ и быта Кавказскихъ горцевъ.

Флавій Іосифъ пишетъ ¹⁾, что отъ Рифата произошли рифеи, которые называются пафлагонцами. Объясненіе этого показанія Іосифа довольно сложно. Въ Пафлагоніи издревле обиталъ народъ, называвшійся генетами; это имя встрѣчается уже у Гомера ²⁾. Адриатическіе венецы, давшіе въ послѣдствіи времени имя свое Венеціи, почитались выходцами изъ Пафлагонской Гелетіи ³⁾; они торговали яштаремъ и находились издревле въ сношеніяхъ съ народомъ, жившимъ на южномъ берегу Балтійскаго моря и называемымъ также венедами, у классическихъ писателей. Этимъ прибалтійскимъ венедамъ, жившимъ на самомъ отдаленномъ сѣверѣ, могло преимущественно предъ всѣми прочими народами приличествовать названія рифеевъ, рифатовъ или гипербореевъ. Пафлагонскіе же генеты (славные), по родству своему съ Адриатическими венедами, почитались въ родствѣ съ прибалтійскими: отсюда сказаніе Флавія Іосифа, что рифаты суть пафлагонцы ⁴⁾. Но не подлежитъ сомнѣнію, что прибалтійскіе венецы принадлежали къ славянскоу расѣ, отсюда заключеніе, что пафлагонскіе генеты, славные, были славяне, что библейскій Рифатъ вообще означаетъ славянское племя. Въ доказательство, что преданіе о тождествѣ Рифата съ славянами было распространено на востокъ, гр. Потоцкій ссылается на Рабби-Садіасъ-Гаона, жившаго въ Багдадѣ въ Х.в. и переведшаго ветхій завітъ на арабскій языкъ; въ этомъ переводѣ Рифатъ названъ *Секлабомъ*, каковымъ именемъ арабы вообще

1) Antiquit., I, 6.

2) Илиада, II, 851—852.

3) Страбонъ, XII, 543.

4) *Pototsky. Hist. prim. des peuples de la Russie*, p. 59.

называютъ славянь. Этого далеко недостаточно для нашего убѣжденія, и сближеніе Іосифомъ Рифата съ пафлагонцами остается для насъ загадочнымъ. Нѣкоторые ексегеты читаютъ вмѣсто Рифатъ Дифаотъ ¹⁾ и ссылаются на городъ Тобату, лежавшій въ Пафлагоніи, и на гору Тибейонъ. Птоломей говоритъ о народѣ рибійскомъ, жившемъ на Оксусѣ ²⁾.

Мы можемъ ограничиться сдѣланнымъ уже заключеніемъ, что библейскій Рифатъ означалъ народъ, жившій въ горахъ на сѣверѣ; что во времена Моисеевы, Кавказскій хребетъ былъ самымъ сѣвернымъ изъ всѣхъ извѣстныхъ симитамъ хребтовъ, тѣмъ болѣе, что сѣверо-восточное продолженіе Кавказа, Андійскій хребетъ, терялся въ неизвѣданной дали. Порядковъ исчисленія синовей Гомеровыхъ дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что подъ именемъ Рифата подразумѣвались Кавказскіе горцы. Изъ того, что Рифатъ названъ сыномъ Гомера, можно лишь заключить, что Кавказскіе горцы вообще почитались пришедшими съ сѣвера, мнѣніе, вполнѣ оправдываемое разсужденіями, основанными на географическихъ данныхъ.

Θ Ο Ρ Γ Α Μ Α.

Такъ названъ третій сынъ Гомеровъ въ греческомъ переводѣ библіи 70 толковниковъ; въ латинскомъ и Лютеровомъ называется онъ *Thogatha*; едва ли есть возможность опредѣлить настоящую еврейскую форму этого имени ³⁾, которое не можетъ быть объяснено помощію еврейскаго языка. Соображаясь съ правописаніемъ нынѣ общепринятымъ, мы можемъ замѣнить Торгамою библейскаго Θοργαμου, подобно тому, какъ теперь пишется театръ, вмѣсто оеатръ.

1) *Rosenmüller*: Handb. der bibl. Alterthumsk. I, 1, 232.

2) VI, cap. 14; *Uchert*: Skythien, 358.

3) *Michaëlis*: Spicileg., I, 68.

Кромѣ книги Бытія и Паралипомена названіе это встрѣчается у Іезекиіля ¹⁾: «изъ дома Өгарма за товары твои доставляли тебѣ лошадей и строевыхъ коней и лошаковъ»; далѣе ²⁾: «Гомера со всѣми отрядами его, домъ Өгарма, отъ предѣловъ сѣвера».

Изъ перваго текста видно, что страна, гдѣ находится «домъ Өгарма» изобиловала лошадьми, которыя приводимы были въ Тирь на продажу. Въ цѣлой древней западной Азіи обиліемъ и качествомъ лошадей славились Мидіи и Арменія: это были знаменитыя Низейскія лошади, называвшіяся въ Арменіи *Низейскіе* ³⁾. Страбонъ рассказываетъ, что многіе полагаютъ, что эта порода первоначально изъ Арменіи распространилась въ Мидію ⁴⁾; сатрапъ, управлявшій Арменіей, ежегодно обязанъ былъ поставлять царю персидскому 20,000 жеребятъ ⁵⁾. Объ этой подати Арменіи персидскому царю жеребятами говоритъ и Ксенофонтъ ⁶⁾. Во всякомъ случаѣ подъ названіемъ *дома Өгарма* въ текстѣ Іезекиіля нельзя подразумѣвать Мидіи, потому что послѣдняя страна всегда называется *Мадай* въ Ветхомъ Заветѣ. Второй текстъ, относящійся къ описанію ополченія Гога, обнаруживаетъ только, что домъ Өгарма былъ въ *предѣлахъ сѣвера*; этому выраженію, однако, нельзя дать болѣе опредѣлительнаго значенія, какъ на *глубокомъ сѣверѣ* въ отношеніи къ Палестинѣ, что также не находится въ противурѣчьи съ относительнымъ географическимъ положеніемъ Арменіи.

До сихъ поръ, при толкованіи именъ, заключающихся въ Моисеевыхъ таблицахъ народовъ, мы находили нѣкоторое посо-

1) XXVII, 14.

2) XXXVIII, 6.

3) *Ниджеиджисанъ*, о произведеніяхъ Арменіи.

4) XI, 525.

5) XI, 529.

6) IV, 26.

біе въ классикахъ: библейскія названія болѣе или менѣе явствен-
но слышатся въ рѣчи греческихъ и римскихъ поэтовъ, истори-
ковъ и географовъ. Но о Торгамѣ совершенно молчатъ и греки
и римляне. Риттеръ ¹⁾ сблизаетъ Тогар-ма съ названіемъ *Тоха-
ры*, народа, жившаго въ Средней Азии и передавшаго имя свое
Тохаристану, странѣ, лежащей на верховьяхъ Оксуса. Но это
сближеніе основано исключительно на сходствѣ названій и ни въ
какомъ случаѣ ничего не объясняетъ. Мы позволимъ себѣ дру-
гое сближеніе, которое, быть можетъ, заслуживаетъ нѣкотораго
вниманія. Геродотъ рассказываетъ ²⁾, что скионы почитаютъ пра-
родителемъ своимъ Таргитаоса, имя котораго, безъ сомнѣнія,
есть Таргита и представляетъ сходство съ Торгала тѣмъ болѣе,
что послѣдвіе слоги, быть можетъ, суть именныя окончанія въ
двухъ различныхъ языкахъ. Конечно, неіроятнo, чтобы скионы,
которыхъ знаетъ Геродотъ, поселились лишь незадолго до него
на сѣверномъ берегу Чернаго моря, во иѣтъ сомнѣнія, что, до
прихода ихъ, жили тамъ народы, изъ числа которыхъ азы оста-
вили по себѣ неизгладимыя слѣды въ древнѣйшихъ преданіяхъ
почти всѣхъ европейскихъ странъ. Допустивъ, что *Гомеръ* или
Киммеръ означалъ *полуночниковъ*, и что ими это, исчезнувшее съ
распространеніемъ предѣловъ положительной географіи, нѣкогда
могло служить для обозначенія всѣхъ народовъ, проходившихъ
на западъ по сѣверному берегу Понта Эвксинскаго, не смотря на
разноплеменность ихъ,—мы можемъ заключить, что разноплемен-
ность эта обозначалась въ отрасляхъ, отброшенныхъ ими къ югу,
на Кавказскій перешеекъ, во Фракію и далѣе въ Арменію и Ма-
лую Азію,—въ отрасляхъ, называемыхъ въ книгѣ Бытія Аскена-
зомъ, Рифатомъ и Торгамой, которые всѣ считались сыновьями
многоческаго Гомера (полуночи) по тому только, что всѣ появи-
лись со стороны сѣвера. Быть можетъ, Торгала изображаетъ от-

1) *Ritter: Vorhalle europ. Völkergeschichten*, p. 458.

2) IV, 5.

расль, отдѣлившуюся отъ Геродотовыхъ скиоовъ, считавшихъ себя потомками Торгиты. Не придавая большой важности скиоской хропологii, мы замѣтимъ, однако, что, по словамъ Геродота ¹⁾, скионы думали, что, отъ времени Торгиты до времени нашествiя на ихъ землю персидскаго царя Дарiя, протекло не менѣе тысячи лѣтъ; посему нѣтъ ничего вѣроятнаго, что имя Торгиты въ видѣ Торгамы могло быть извѣстно уже Моисею.

Основательно или нѣтъ сближенiе именъ Торгамы и Торгиты, во всякомъ случаѣ оно не сбъясняетъ настоящаго значенiя ни того, ни другого. Самое правдоподобное толкованiе названiя Торгамы находимъ мы у Гоше, который почитаетъ его составленнымъ изъ *тогамъ*, значущаго на армянскомъ, зендскомъ и персидскомъ языкахъ родъ, племя, и *арма*, этническаго названiя армянъ, несомнѣнно состоящаго въ связи съ общими названiями арiйской расы. Если это толкованiе основательно, то должно думать, вопреки мнѣнiю армянъ, что этническое названiе *арма* древнѣе названiя хайканъ, которое сами себѣ придаютъ опи. Это весьма вѣроятно и армяне могли назваться хайканами также, какъ часть славянъ назвалась русью. Иноземцы, чуждые этимъ внутреннимъ народнымъ переворотамъ, сохранили для армянъ древнѣйшее ихъ наименованiе, которое послѣдними до такой степени предано было забвенiю, что впоследствии даже приписано было ему чужеземное происхожденiе.

Флавiй Юсифъ называетъ меньшаго сына Гомерова Тюграммесь или Торгаммесь и говоритъ, что отъ него произошли тиграмеи, которыхъ нынѣ греки называютъ фригiйцами ²⁾. Если для повѣрки сказанiя Флавiя Юсифа, мы вповь обратимся къ текстамъ Иезекiиля, то найдемъ, что опи могутъ быть примѣнены къ фригiйцамъ. Гомеръ ³⁾ называетъ ихъ народомъ коннымъ

1) IV, 7.

2) Antiquit. I, 6.

3) *Iliada*, III, 185.

по преимуществу. Фригія имѣла точно такое же сѣверное положеніе въ отношеніи къ Палестинѣ, какъ и Армения; фригійцы могли быть также увлечены вельдѣ за Гогомъ въ нашествіи его на Палестину, какъ и армяне. Кого же подразумѣвать подъ библейскимъ Торгамой: фригійцевъ или армянъ? Это недоумѣніе можетъ быть, какъ кажется, устранено. Геродотъ ¹⁾ пишетъ, что въ ополченіи Ксеркса армяне были вооружены одинакимъ образомъ съ фригійцами, имѣли общаго съ ними военачальника и что, наконецъ, армяне происходятъ отъ фригійцевъ. Въ другомъ мѣстѣ своей исторіи ²⁾, Геродотъ рассказываетъ, что вельдѣтвіе опыта, произведеннаго царемъ Псамметихомъ, египтяне не признали фригійцевъ за самый древній народъ на землѣ. Какъ ни вѣлѣлъ этотъ опытъ самъ по себѣ, но мнѣніе, что фригійцы древнѣйшій народъ на землѣ, сходится съ мнѣніемъ, которое армяне имѣютъ о себѣ до нашего времени. Византійскіе писатели утверждаютъ, что армяне говорятъ языкомъ, весьма сходнымъ съ фригійскимъ ³⁾. Гораздо важнѣе всѣхъ этихъ показаній новѣйшія изслѣдованія, объясняющія дошедшія до насъ фригійскія слова посредствомъ армянскаго языка ⁴⁾.

Но какъ бы велико ни было сходство между армянами и фригійцами, во всякомъ случаѣ во всѣ времена они почитались за два различныхъ народа; если они были дѣйствительно одноплеменны, то раздвоеніе ихъ произошло въ эпоху, недоступную ни для какихъ историческихъ изслѣдованій. Геродотъ ⁵⁾ говоритъ, что фригійцы нѣкогда жили въ Европѣ и назывались въ то время бригами, слѣдовательно въ Азію пришли они изъ Фракіи черезъ Геллеспонтъ и Босфоръ Фракійскій. Во времена персидскихъ

1) VII, 73.

2) II, 2.

3) *Стефана Византійскаго*, Armenia; *Евстахій* въ комментаріяхъ на Дионисія Періегетеса, 694; *Renan*: Histoire des langues sémit., 43.

4) *Gosche*: de ariana linguae gentisque Armeniae indole (Berol. 1847).

5) VII, 73.

войтъ во Оракіи жили еще бриги ¹⁾). Мы выше уже привели мнѣніе Геродота, что армяне суть фригійскіе выходцы. Страбонъ два раза ²⁾ повторляетъ старинное преданіе, будто бы армяне суть выходцы изъ Оссалии и говоритъ, что одежда ихъ оссалійская. Птакъ, по мнѣнію древнихъ грековъ, армяне европейскаго происхожденія и пришли въ страну свою съ запада. Таковое мнѣніе можетъ служить образцомъ легкомыслія грековъ въ темныхъ вопросахъ о происхожденіи и расселеніи народовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что армяне принадлежатъ къ арійскому племени, начало расселенія котораго должно исстать въ Средней Азіи. Но всей вѣроятности они прошли черезъ Иранское плоскогоріе позже симитовъ, по ранѣе иранцевъ; достигнувъ нынѣшняго отечества своего, высокаго Армянскаго плоскогорія, они не остановились, а продолжали подвигаться къ западу въ Малую Азію по плодородной сѣверной покатости Тавра; трудно даже было бы объяснить, что могло задержать древнѣйшихъ армянъ, или, лучше сказать, народы армянской вѣтви, въ холодной странѣ на лѣвомъ берегу верхняго Евфрата. По этому близкое родство армянъ съ народами Малой Азіи, замѣченное уже древними и подтверждаемое изысканіями новѣйшихъ ученыхъ, составляетъ само по себѣ обстоятельство въ высшей степени правдоподобное. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, все показываетъ намъ, что этотъ первоначальный слой арійскаго народонаселенія *армянской вѣтви*, распространившійся вѣд путей расселенія европейскихъ арійцевъ, отъ Мидійскаго перешейка до Егейскаго моря, въ самыя отдаленныя времена уже подвергся нашествіямъ европейскихъ завоевателей, предприимчивыхъ дружинъ, отдѣлившихся отъ Гомера, Аскеназа, Рифата (?), Фогармы, Оираса, и проникавшихъ въ Арменію черезъ Кавказъ, въ Малую Азію черезъ Босооръ и Геллеспонтъ. Эти завоеватели, принося разнородные элементы, раздробили населеніе, вѣкогда представ-

1) Геродотъ, VI, 45.

2) XI, 503 и 530.

лявшее однородную массу, на отдѣльные народы. Такимъ образомъ, въ незапамятныя времена, бриги, еракійскій народъ, говоря миопическимъ языкомъ сына Тираса, могли народонаселеніе завоеванной ими части страны обратить въ особый народъ и передать ему свое имя. Въ наше время, даже при могучемъ пособіи единства духовной письменной дѣятельности, народное единство съ трудомъ можетъ устоять противъ политической разрозненности: древніе народы быстро становились другъ другу чуждыми, какъ братья, разрозненные въ младенчествѣ.

Фригійская исторія намъ исключительно извѣстна изъ сказановъ грековъ, отъ которыхъ дошли до насъ преданія о бѣдномъ погонщикѣ воловъ Гордіѣ, родоначальникѣ царственной фригійской династіи, о царѣ Мидасѣ съ ослиными ушами, превращавшемъ прикосновеніемъ своимъ все въ золото,—быть можетъ, много политической экономіи,—о томъ, что фригійцы, чуждаясь войны, мирно занимались скотоводствомъ и земледѣліемъ, что они изобрѣли искусство играть на свирѣли: имени Торгамы не встрѣчается въ фригійской исторіи, примѣненіе Іосифомъ Торгамы къ фригійцамъ не находитъ себѣ подтвержденія. Но это неизвѣстное въ классическомъ мѣрѣ имя представляетъ весьма обширное значеніе въ древнѣйшей армянской и грузинской исторіи. Ниже мы разсмотримъ, на сколько заслуживаютъ вниманія эти туземныя кавказскія преданія, здѣсь напомнимъ только сказанное уже нами, что, по всей вѣроятности, преданія о трехъ сыновьяхъ Ноевыхъ и о ближайшихъ потомкахъ ихъ, родоначальникахъ народовъ, сохранились въ болѣе или менѣе искаженномъ видѣ во все времена на Кавказскомъ перешейкѣ или, по крайней мѣрѣ, у халдеевъ и что они не появились тамъ вмѣстѣ съ бібліей, какъ то полагаетъ С. Мартенъ ¹⁾. Замѣтны со стороны древнѣйшихъ армянскихъ историковъ-христіанъ безплодныя усилія къ согласованію халдейскихъ преданій съ біблейскими,

1) *St. Martin: Mém. sur l'Arménie*, I, 257.

въ чемъ не встрѣтилась бы необходимость, если бы преданія эти были почерпнуты изъ библейскаго источника. Моисей Хорепскій ¹⁾ называетъ Фираса сыномъ, а не братомъ Гомера, вопреки библейскому сказанію. Фракія (Фирасъ) безъ сомнѣнія заселилась съ сѣвера, поэтому Фирасъ названъ сыномъ Гомера, но весьма естественнымъ образомъ эта подробность, относившаяся къ отдаленнымъ и малоизвѣстнымъ сѣвернымъ племенамъ, не обратила на себя особаго вниманія евреевъ. Иоаннъ Каполикосъ, ²⁾ согласно библіи, называетъ Фираса братомъ Гомера, но какъ онъ, такъ и Моисей Хорепскій, считаютъ Форгаму сыномъ Фираса, а не Гомера. Итакъ Форгама вышелъ изъ Фракіи и, если онъ достигъ Арменіи, то прошелъ черезъ Фригію, тѣмъ, повидимому, подтверждаются не только сказаніе Іосифа, но даже и предположеніе грековъ о происхожденіи армянъ съ запада. Форгама всѣми армянскими историками почитается за отца Хайка, прародителя всѣхъ армянъ, которые сами себя называютъ до сихъ поръ хайканами: названіе армянъ также имъ чуждо, какъ названіе нѣмцевъ германцамъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, армяне въ письменномъ языкѣ иногда называютъ себя *торгаматси*, по имени Торгамы или Форгамы, отца Хайка, подобно тому, какъ мы, русскіе, иногда называемъ себя славянами. Названіе торгаматси имѣетъ такое же обширное значеніе, какъ и названіе славянъ: подъ это названіе можетъ подойти множество народовъ, согласно мнѣнію кавказскихъ туземныхъ историковъ,—мнѣнію, впрочемъ, не только не оправдываемому *покуда* точною наукою, но даже находящемуся въ явномъ съ нею противурѣчій. Въ армянской исторіи говорится только о сынѣ Торгамы, о Хайкѣ, о сыновьяхъ, дочеряхъ и внукахъ послѣдняго, которые, числомъ оволо трехсотъ, въ сопровожденіи своихъ домочадцевъ и людей пришлыхъ, составили за-

1) Исторія Арменіи, русск. переводъ Эммина, стр. 36.

2) *Jean Catholicos*, trad. par St. Martin, 6,

вязь армянскаго народа ¹⁾. Согласно древнимъ грузинскимъ преданіямъ, которыхъ источника мы, впрочемъ, не знаемъ, — Таргамось сынъ Фарсисовъ, Аванановъ, Іааетовъ, Ноевъ, раздѣлилъ весь Кавказскій перешеекъ между своими восемью сыновьями — исполинами, которые сдѣлались родоначальниками туземныхъ кавказскихъ народовъ. Поэтому всѣ древніе кавказскіе народы армяне, грузины, лезгины, чеченцы и черкесы, какъ думаютъ грузины, имѣютъ право называться Таргамозіанами, по имени общаго своего прародителя ²⁾. Къ племени Таргамозіанъ, на основаніи одного лишь отдаленнаго созвучія, нѣкоторые писатели, европейскіе и армянскіе, причислили и тюркскіе народы, находящіеся на Кавказѣ. Инджиджіанъ пишетъ, что это доказывается какъ именемъ, такъ и существующимъ у туркомановъ преданіемъ, что они съ армянами двоюродные братья, происшедшіе отъ одного родоначальника. Исторія и сравнительная филологія самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергаютъ одноплеменность армянъ съ турками.

То, что Іоаннъ Каволикось говоритъ о Торгамѣ, заставляетъ думать, что имя это означало весьма древнюю династію, царствовавшую въ Арменіи послѣ династіи Асханазовъ, или даже, сходно съ толкованіемъ Гоше, цѣлое воинственное племя, пришедшее въ Арменію и утвердившее господство свое надъ этой страной, быть можетъ, также, какъ норманны утвердили господство свое въ Англіи. Армянская родословная Торгамы заставляетъ думать, что онъ принесть въ Арменію изъ Фракіи черезъ Малую Азію, но въ Малой Азіи, гдѣ столь много неизгладимыхъ слѣдовъ оставилъ по себѣ Аскеназъ, мы не находимъ никакихъ слѣдовъ Торгамы. Позволительно остановиться лишь на томъ заключеніи, что имя это, связанное съ исторіей Закавказья, теряющейся въ недостижимой глубинѣ времени, впоследствии утратило ясныя

1) *Моисей Хоренскій*, перев. Эмина, стр. 43.

2) *Histoire de la Géorgie*, trad. par M. Brosset, I, 16 п сл.

смыслъ свой, удержавъ лишь ту характеристическую черту, что въ немъ въ смутномъ видѣ отпечатлѣлось основаніе одного или нѣсколькихъ государствъ въ Закавказьѣ племенемъ, вышедшимъ отъ конца сѣвера, изъ Европы.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Въ Ригъ-Ведѣ, древнѣйшей изъ Ведъ, театр дѣйствія заключенъ въ сѣверо-западномъ углу Индіи, въ Пенджабѣ, въ странѣ, которая болѣе и болѣе дѣлается чуждою позднѣйшимъ Ведамъ, отразившимъ собою дальнѣйшее развитие брахманизма и распространеніе его внизъ по Гангу. Подобнымъ образомъ древнѣйшія мионическія преданія грековъ относятся къ Эпиру и къ Оссалии, къ странамъ, которыя, вполнѣдствіи времени, въ блестящей исторической дѣятельности грековъ, принимаютъ незначительное, постороннее участіе. Какъ индусамъ, такъ и грекамъ суждено было достигнуть зрѣлаго возраста не тамъ, гдѣ протекло дѣтство ихъ, по и въ зрѣломъ возрастѣ, ни аскетическая сосредоточенность индусовъ, ни кипучая, рвавшаяся на необъятный просторъ дѣятельность грековъ, не могли затупить воспоминаній дѣтства. Позднѣйшая теанъ, сокрывъ начальную основу, составила съ нею одно цѣлое.

Вникая въ характеръ древнѣйшихъ мионическихъ преданій грековъ, нельзя не придти къ убѣжденію, что хотя преданія эти изшли на греческой почвѣ, хотя заключаютъ въ себѣ вполнѣ свободное проявленіе извѣстной ступени развитія народнаго духа, но что, вмѣстѣ съ тѣмъ, они относятся къ той завѣтной для исторіи эпохи, когда греки на самой родинѣ воспринимали такіа впечатлѣнія, которыя сдѣлались имъ вполнѣ чуждыми, по крайней мѣрѣ на родинѣ, въ позднѣйшее время. По всему видно, что эти древнѣйшіе греки находились въ близкомъ соприкосновеніи съ чуждымъ имъ племенемъ, весьма высоко уже стоявшимъ на ступени просвѣщенія: съ племенемъ мореплавателей, торговцевъ

строителей, рудокозовъ, земледѣльцевъ. По всему видно также, что никакой духовной связи не существовало между греками и этими чужеземцами, что послѣдніе столь же мало заботились дѣлиться плодами своего знанія съ греками, сколько въ послѣдствіи времени греческіе колонисты въ Ольбіи или въ Діоскуріи мало заботились о просвѣщеніи скивовъ или кавказскихъ горцевъ. Дѣти жадно прислушиваются и приглядываются ко всему тому, что происходитъ вокругъ нихъ, хотя бы даже это не имѣло примаго къ нимъ отношенія; чего не хотятъ или не умѣютъ объяснить имъ взрoслые, то дѣти сами себѣ объясняютъ безъ ихъ помощи и, конечно, всего чаще превратно. Иногда впечатлѣніе, полученное въ дѣтствѣ, сохраняется во всей свѣжести и въ зрѣломъ возрастѣ; дѣтское объясненіе становится неудовлетворительнымъ, но не всегда уже возможно отыскать настоящія причины давно минувшаго явленія; дѣтское объясненіе замѣняется другимъ, болѣе правдоподобнымъ, но не менѣе превратнымъ. Такое сравненіе даетъ понятіе о происхожденіи нѣкоторыхъ мифовъ, хотя, конечно, большая часть изъ нихъ имѣютъ начало свое въ другомъ источникѣ, въ особомъ способѣ возрѣнія младенчествующаго народа на явленія природы, возрѣнія, выразившагося или особо составленными именами, или произведеніями искусства, символическое значеніе которыхъ превратно перетолковывалось въ послѣдствіи времени. Обратимся къ Тессалійскому преданію о походѣ Аргонавтовъ, къ преданію, которое въ глазахъ цѣлаго древняго классическаго міра неразрывно связалось съ Закавказьемъ. Въ *древнѣйшихъ* дошедшихъ до насъ памятникахъ греческой поэзіи говорится, что *тыкогда* въ Тессаліи по берегамъ залива Пелазгійскаго и въ Беотіи вокругъ озера Копайскаго жило героическое племя минійцевъ, племя богатое и безпредѣльно отважное. Родоначальникомъ минійцевъ почитался Эолъ, богъ вѣтровъ, сынъ Еллива, внукъ Девкаліона. Между царями или родоначальниками минійскими находимъ мы Орхомена (Торхонса?), сына Хризе-

са (золотаго). Городъ Орхомень, «жилище древнерожденныхъ минійцевъ», находился на устьѣ рѣки Кефиса въ Копайское озеро. О городѣ Орхомень Гомеръ ¹⁾ говоритъ, что, послѣ пресловутыхъ египетскихъ Оивъ, городъ этотъ есть богатѣйшій на землѣ; въ немъ царь Миніасъ выстроилъ казнохранилище, почитавшееся строительнымъ чудомъ, не уступавшимъ въ совершенствѣ ни одному изъ позднѣйшихъ греческихъ сооружений. Но уже въ самую отдаленную историческую эпоху, Орхомень является лишь въ видѣ воспоминанія, и можно бы даже подумать, что Гомеровъ великолѣпнѣйшій городъ на землѣ, второй послѣ Оивъ Египетскихъ, никогда не существовалъ иначе, какъ въ мифическихъ сказаніяхъ грековъ. Изысканія повѣйшихъ путешественниковъ въ окрестностяхъ озера Копайскаго оправдываютъ дѣйствительность существованія доисторическаго Орхомена ²⁾. Тамъ найдены огромные обдѣланные монолиты, и, если сами зданія не сохранились, то это объясняется, кромѣ дѣйствія всесокрушающаго времени, наводненіями, которымъ страна эта подвержена. Вспомнимъ, что только въ наше время древній Вавилонъ начинаетъ выказываться изъ подъ грудъ мусора, которымъ былъ засыпанъ въ продолженіе длиннаго ряда вѣковъ. Въ особенности заставляютъ призадуматься слѣды огромныхъ гидротехническихъ сооружений, замѣтныхъ теперь еще въ окрестностяхъ озера Копайскаго. Видно, что «древнерожденные минійцы» для охраненія жилищъ и полей своихъ отъ наводненій, вступили въ смѣлую борьбу съ природой, подобно голландцамъ повѣйшихъ временъ. Теперь еще можно прослѣдить остатки водосточнаго тоннеля на протяженіи нѣсколькихъ верстъ...

Гомеръ говоритъ уже о богатствѣ Орхомена; какъ ни мало надежна мифическая хронологія, но нельзя сомнѣваться, что трудолюбивые Орхоменскіе соорудители многими вѣками предшествовали

1) *Iliada*, IX, 331.

2) *Fiedler*: Reise durch Gricchenland, I, 115.

знаменитымъ, но дѣтски простодушнымъ героямъ, изъ за Елены осаждавшимъ Трои въ продолженіе десяти лѣтъ. Допустимъ весь-ма правдоподобное предположеніе, что ни троянской войны нико-гда не было, ни даже города Трои никогда не существовало, — во все-комъ случаѣ въ пѣсняхъ Гомера или множества повтово собирательно называемыхъ именемъ Гомера, отразился бытъ Греціи, позднѣйшій, чѣмъ певѣдомая эпоха процвѣтанія Орхомена. Какимъ образомъ для Греціи наступилъ бы вѣкъ героическій послѣ вѣва промыш-леннаго: это также мало вѣроятно, какъ если бы вѣкъ кресто-выхъ походовъ послѣдовалъ за вѣкомъ желѣзныхъ дорогъ. Та-кимъ образомъ, миическую исторію минійцевъ едва ли возможно связать непрерывною нитью съ положительной исторіей Греціи. Имя минійцевъ исчезаетъ на материкѣ Греціи еще въ доистори-ческія времена; отголосокъ имени находимъ мы на нѣкоторыхъ островахъ Архипелага, жители которыхъ почитали себя потомка-ми минійцевъ, вытѣсненныхъ съ материка Греціи пелазгами ¹⁾ Но сами пелазги повсе не принадлежать къ области исторіи: греки думали, что народы начали свое историческое поприще съ самой низкой ступени развитія, повинулся одному лишь ин-стинкту, что въ Греціи пѣкогда жилъ таковой первобытный на-родъ, питавшійся жолудями. Таковъ былъ взглядъ грековъ на первоначальную исторію человѣчества; первобытные обитатели Греціи названы были именемъ пелазговъ. Все весьма древнее, чуждое положительной исторіи, необъяснимое, греки приписыва-ли пелазгамъ. Больше о пелазгахъ они ничего не могли сказать ²⁾. Что же, послѣ того, положительнаго можемъ мы сказать о миній-цахъ, которые будто бы жили въ Греціи еще равнѣ миическихъ пелазговъ. Положительное представляютъ собою одни лишь до-ныдѣ существующіе на греческой почвѣ остатки водопроводовъ и построекъ, сооруженія которыхъ невозможно приписать историче-

1) Геродотъ, IV, 145—148.

2) Pott, въ *Ersch und Gruber Encyclopaedie*, Zweite Section, XVIII. Indogerm. Sprachstamm.

скимъ грекамъ. Все это отодвигаетъ насъ въ недостижимую глубь времени, въ эпоху цивилизаціи кушитской или кушито-симитской, которая вѣкогда процвѣтала въ Греціи и потомъ, также въ безвѣстно-отдаленную эпоху, подавлена была напоромъ грубыхъ еллиновъ, которымъ въ свою очередь суждено было внести новое могуче-творческое начало для человѣческаго развитія. Отъ эпохи соприкосновенія грубыхъ еллиновъ съ чуждой имъ умиравшей цивилизаціей сохранилось нѣсколько улитъ, нѣсколько безсознательныхъ, по неизгладимыхъ впечатлѣній, которыя, потомъ, въ эпоху возбужденнаго стремленія къ сознанію, облеклись въ опредѣленныя формы, но уже въ этихъ формахъ исключительно отразилась индивидуальность греческаго гения. Подобнымъ образомъ, въ грекахъ и римлянахъ трагедій Корнеля отразился не греческій и не римскій міръ, а современный ему міръ французскій, міръ Ришелье и Фронды.

Мимоходомъ замѣтимъ, что мореплаватели минійцы грековъ напоминаютъ собою древнѣйшихъ плавателей по морямъ Черному и Эритрейскому, арабскихъ минійцевъ ¹⁾, которыхъ классики почитали потомками Миноса, царя Критскаго, между тѣмъ какъ съ большимъ вѣроятіемъ можно даже думать, что имя Критскаго Миноса перешло ²⁾ въ Критъ изъ Аравіи черезъ Тиръ. Замѣтимъ также мимоходомъ, что названія Копаисъ для озера и Кефисъ для рѣки встрѣчаютъ множество родственныхъ названій на берегахъ Индійскаго и Чернаго морей, въ странахъ, гдѣ жили и дѣйствовали кушиты, древнѣйшіе еоіопы. Наконецъ, скажемъ, что мифіе о заселеніи береговъ и острововъ Греціи, до прихода еллиновъ, расою кушито-симитскою, все болѣе и болѣе приоб- рѣтаетъ приверженцевъ между современными намъ учеными ³⁾.

1) *Ritter*: Erdkunde, XII, 277—278.

2) *Fresnel*: Lettres sur la géogr. de l'Arabie, X, 184—195.

3) *Bertheau*: Zur Geschichte der Israeliten, p. 190; *Lengerke*: Kenaan, p. 195; *Movers*: die Phoenizier, I, p. 10, 27, 33, II, 17—21; *Ewald*: Geschichte des Volkes Israel, p. 329.

Согласно греческимъ сказаніямъ, между минійцами Тессалійскими и Беотійскими существовало поклоненіе Зевсу-Лафистіосу (пожирателю), требовавшему принесенія въ жертву людей. Въ семействѣ Атамантидовъ, царствовавшихъ надъ минійцами, велся обычай принести въ жертву Зевсу-Лафистіосу собственныхъ дѣтей. Атамасъ, сынъ Эола, бога вѣтровъ, имѣлъ отъ брака съ Нефеле (облако) сына Фрикоса и дочь Гелле. Атамасъ рѣшается принести въ жертву Зевсу-пожирателю сына своего Фрикоса (трепещущаго, отъ греч. *frissein*, франц. *frissoner*), но мать, облако, для спасенія дѣтей своихъ, ниспосылаетъ овна съ золотымъ руномъ, который уноситъ ихъ по воздуху, на край свѣта, въ страну солнца, въ Эу. Гелле на пути падаетъ съ овна въ проливъ, названный, потомъ, по имени ея Геллеспонтомъ. Фрикосъ, на краю свѣта, въ странѣ солнца, приноситъ въ жертву овна и вѣшаетъ кожу его въ священной роуцѣ. Отъ другаго брака Атамаса съ Ино, дочерью Кадма Фивскаго, родились два сына: Леархосъ и Меликертесъ. Атамасъ умерщвляетъ Леархоса и готовится умертвить Меликертеса: Ино бѣжитъ съ послѣднимъ на перешеекъ Коринѣскій и тамъ вмѣстѣ съ сыномъ бросается со скалы въ море ¹⁾. Здѣсь перервемъ мы рассказъ о золотомъ рунѣ нѣсколькими объясненіями.

Приношеніе людей въ жертву богамъ было совершенно чуждо, не только грекамъ, но и всѣмъ вообще арійцамъ, иранскимъ и индійскимъ. Служеніе Зевсу-пожирателю, равнымъ образомъ, было неизвѣстно грекамъ во всѣ времена ²⁾. Отсюда можно заключить, что греки нѣкогда были посторонними свидѣтелями обрядовъ совершенно чуждаго имъ богослуженія и что эти обряды, запечатлѣнные характеромъ кроваваго изувѣрства, глубоко вѣзались у нихъ въ памяти. Съ другой стороны мы знаемъ, что у финиціанъ и вообще у симито-кушитскихъ обитателей Сиріи су-

1) Hesiod. Fragm., 183 Götting.

2) *Duncker*: Gesch. des Alterth. III, 67.

ществовало поклоненіе Молоху и принесеніе ему въ жертву дѣтей. Молохъ былъ обоготвореніемъ всеистребляющаго жара, засухи, уничтожающей великое растеніе. Чтобы умилостивить его, приносили ему въ жертву дѣтей, преимущественно для прекращенія засухи. Приношеніе Атамасомъ дѣтей въ жертву Зевсу-Лафистіосу заставляеть предположить тождество послѣдняго съ Молохомъ. Сынъ Атамаса отъ втораго брака называется Меликертесъ, слегка переименованное имя финикійскаго бога Мелькарта; мать Меликертеса Ино почитается дочерью Кадма, именемъ котораго греки вообще обозначали все финикійское, занесенное на почву Греціи. Можно заключить, что имена, впечатлѣнія, все перемѣшалось въ воспоминаніяхъ позднѣйшихъ грековъ, которые изъ хаоса матеріаловъ, уцѣлѣвшихъ отъ древняго разрушавшагося зданія, построили, по внушеніямъ самостоятельнаго гения, свое собственное зданіе; но уже въ послѣднемъ камни пришли не на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лежали въ прежнемъ. Во всякомъ случаѣ не трудно объяснить происхожденіе и смыслъ мифа о Фрикосѣ и Гелле. Основаніемъ послужило воспоминаніе о древне-азіатскомъ обычаѣ приносить въ жертву Молоху или Зевсу-пожирателю дѣтей для прекращенія засухи. Бракъ сына вѣтра (Атамаса сына Эолова) съ облакомъ (Нефеле), очевидно имѣеть метеорологическое значеніе. Чтобы прекратить засуху, чтобы вызвать дождь, Фрикоса (трепещущаго) обрекають въ жертву божеству, враждебному всякому плодородію, Зевсу-пожирателю, но мать-облако, для спасенія трепещущей жертвы, ниспосылаетъ златоруннаго барашка, одного изъ тѣхъ барашковъ-тучекъ, пасущихся по небу, въ странѣ царя-пастыря солнца. Уподобленіе разсѣянныхъ по небу тучекъ пасущемуся стаду барашковъ такъ естественно, что знакомо едва ли не всѣмъ безъ исключенія народамъ. Златорунный барашекъ служилъ у грековъ употребительнымъ олицетвореніемъ благотѣльнаго вліянія дождя. Принесеніе въ жертву овна вмѣсто Фрикоса живо напоминаетъ жертвоприношеніе Авраамово: «Авраамъ пошелъ, взялъ овна, и принесъ

его во всеожженіе вмѣсто (Исаака), сына своего" ¹⁾). Въ обоихъ повѣствованіяхъ выражается противуположность жертвоприпошешней арійцевъ и чистыхъ симитовъ съ жертвоприпошешіями купитовъ, возмутительными для всякаго человѣческаго чувства. Златорунный барашекъ, дождевая тучка, избавивъ Фриксоса отъ гибели, несется обратно домой, къ солнцу, гдѣ все свѣтло, и земля Эа, и море Геллеспонтъ.

Возвратимся къ дальнѣйшему изложенію сказанія о золотомъ рунѣ.

Согласно преданію, поколѣніе сыновей Эоловыхъ царствовало въ разныхъ мѣстахъ Тессалии и Беотіи. Внуку Эоловъ Пеліасъ завладѣлъ городомъ Іолкосомъ, составлявшимъ достояніе брата его Эзона. Сынъ послѣдняго, Язонъ (врачующій, услаждающій), питомецъ Кентавра Хейрона, въ полномъ блескѣ юношеской красоты и отваги, предстаетъ передъ дряхлымъ Пеліасомъ и требуетъ возвращенія отцовскаго наслѣдія. Пеліасъ отвѣчаетъ, что не прочь отъ этого, но что ему приснился сродникъ ихъ Фриксосъ, молящій о вырुकѣ какъ души своей, такъ и золотого руна изъ заточенія у Этеса, царя отдаленной солнечной страны Эи. «Согласенъ ли доблестный Язонъ, до воспріятія отцовскаго наслѣдія, совершить этотъ смѣлый подвигъ? Язонъ подалъ кличъ ко всѣмъ героямъ Греціи, и на этотъ кличъ отозвались все полубоги и герои Греціи; Гера (Юнона) возжгла въ сердцахъ всѣхъ огонь участія къ предпріятію, дабы ни одинъ герой не сидѣлъ праздно дома. Пришелъ Геркулесъ, пришли Діоскуры, кудрявые сыновья Леды, пришелъ сладкогласный Орфей. Сама Аѳина (Минерва) научила какъ построить для плаванія героевъ быстро несущійся Арго, корабль съ пятьюдесятью скамьями для гребцовъ. На пути Арго изрекъ жалобу на чрезмѣрную тяжесть, и тяжелѣйшій изъ героевъ, Геркулесъ, покинулъ спутниковъ своихъ.

1) *Витія*, XXII, 13.

Сквозь множество самыхъ разнообразныхъ опасностей, совершивъ плаваніе, которое никакимъ способомъ филологи не могутъ согласовать съ положительной географіей, Аргонавты достигаютъ, наконецъ, солнечной страны Эи, царства царя Эетеса. Эта страна Эя лежитъ на краю земли, но гдѣ, на востокѣ ли, откуда солнце исходитъ для совершенія дневнаго пути своего, или на западѣ, гдѣ какъ бы достигнувъ обычнаго мѣста ночлега, скрывается оно для успокоенія? У Гомера солнечная страна Эя, гдѣ живетъ Кирке, сестра Эетеса,—лежитъ посреди рѣки-Океана: въ этой странѣ пасутся стада солнца-бога ¹⁾. По мнѣнію древнихъ, *островъ* Эя Кирке лежалъ на далекомъ западѣ, но Кирке жила врозь съ братомъ: царство Эетеса *страна* Эя представляется лежащею на далекомъ востокѣ. Эти двѣ Эи глубокой древности какъ бы изображаютъ собою Вестъ и Остъ-Индію нашего времени. Все заставляетъ думать, что, по понятіямъ грековъ, Аргонавты отправились изъ Іолюса къ востоку. Опасности, преодоленные Аргонавтами на пути въ Эу, ничего не значили въ сравненія съ тѣми, которыя ожидали ихъ въ этой солнечной странѣ. Послѣ того, какъ Фриксосъ принесть въ жертву златоруннаго овна и повѣсилъ кожу его въ священной рощѣ Ареевой, оракулъ предвѣстилъ царю Эетесу смерть, когда чужеземцамъ удастся овладѣть золотымъ руномъ. Для отвращенія опасности, Эетесъ повелѣлъ умерщвлять всѣхъ прибывающихъ въ страну его чужеземцевъ и приставилъ къ золотому руноу вѣрную, волшебную стражу. Но Эетесъ чувствуетъ себя не довольно сильнымъ, чтобы открыто бороться противъ сонма прибывшихъ въ страну его греческихъ героевъ; онъ опасается раздражить ихъ рѣшительнымъ отказомъ. Подобно Пеліасу, онъ изъясляетъ согласіе на требованія Язона, но согласіе свое хитро подчиняетъ неисполнимымъ условіямъ: золотое руно будетъ выдано Язону, но Язонъ долженъ прежде совершить под-

1) *Одиссея*, X, 137.

вигъ, который не разъ уже совершенъ былъ самимъ Эетесомъ: у послѣдняго есть два вола съ мѣдными копытами, пишущіе пламенемъ; ихъ долженъ Язонъ запрячь въ плугъ утромъ, вспахать четыре десятины поля Арейскаго, засѣять борозды зубами дракона и къ вечеру того же дня пожать то, что выростетъ. Эетесъ надѣялся, что Язонъ не сладитъ съ огнепышущими волами, но если даже и сладитъ съ ними, если даже успѣетъ запрячь ихъ въ плугъ, если даже вспашетъ въ одно утро четыре десятины твердой почвы диваго поля Арейскаго, то неминуемо долженъ погибнуть отъ всходовъ порученнаго ему Эетесомъ роковаго сѣва. Аѳина, зная волшебное свойство зубовъ дракона, вѣкогда умерщвленнаго финикіяниномъ Кадмомъ, половину ихъ отдала Кадму, а другую половину Эетесу; посѣянные на пашнѣ, зубы эти производили сонмище вооруженныхъ исполиновъ, противъ котораго не устоять было никакому смертному. Язонъ долженъ погибнуть, но о спасеніи его пекутся Юнона и Миперва; онѣ уговариваютъ Афродиту послать въ чертоги царя Эетеса Эроса, который поражаетъ стрѣлою сердце царской дочери Медеи и возжигаетъ въ ней огонь страстной любви къ Язону. Все царственное семейство Эетесово обладаетъ волшебнымъ искусствомъ и знаніемъ таинственныхъ свойствъ травъ. Это знаніе, вопреки намѣреніямъ отца своего, влюбленная Медея рѣшается употребить для спасенія Язона. Она вручаетъ ему дивную мазь; человекъ, покрытаго этой мазью, не берутъ, ни огонь, ни желѣзо, въ продолженіи цѣлыхъ сутокъ. Ободренные минійцы плывутъ на своемъ Арго по рѣкѣ во внутрь страны Эи и причаливаютъ къ берегу близъ поля Арейскаго. Тамъ уже ожидаетъ ихъ царь Эетесъ, окруженный блестящимъ дворомъ своимъ и безчисленнымъ народомъ: всѣ жаждутъ быть свидѣтелями гибели Язона, послѣ чего Эетесъ намѣревается сжечь Арго и истребить минійцевъ. Густымъ клубомъ валитъ дымъ изъ подземелья, откуда съ яростію выбѣгаютъ огнепышущіе вола. Неуязвимый для пламени, пронизанный притокомъ сверхъестественной

силы, благодаря волшебной мази, Язонъ одолеваетъ воловъ, запрягаетъ ихъ въ плугъ и бороздитъ поле Арейское, засѣвая борозды зубами дракона. Солнце совершило двѣ трети дневнаго пути своего, когда Язонъ окончилъ паханіе. Онъ садится на берегу рѣки, утоляетъ жажду водою, зачерпнутою шлемомъ, и спокойно ожидаетъ восхода посѣва. Съ мракомъ слилась черная пашня; но, подобно тому, какъ въ зимнюю ночь, небо начинаетъ сверкать звѣздами, послѣ того, какъ разсѣялись снѣжныя тучи, такъ и пашня засверкала щитами, копиями, шлемами, блескъ которыхъ отразился до неба ¹⁾: исполины въ пестромъ числѣ всходятъ на пашню! Вспомнивъ совѣтъ Медеи, Язонъ беретъ огромный камень и кидаетъ его посреди исполиновъ. Какъ голодные псы, толпою мечутся они на камень, пронзаютъ другъ друга копиями и падаютъ на землю, ихъ произведшую, какъ сосны и дубы, сокрушенные бурей. Быстрый какъ звѣзда, пробѣгающая по небу и чертящая посреди мрака длинную свѣтлую полосу, Язонъ устремляется съ мечомъ на исполиновъ, онъ разсѣкаетъ все встрѣчное, онъ пожираетъ и тѣхъ, которые вышли изъ земли до плечъ, и тѣхъ которые вышли до пояса, и тѣхъ которые стали на ноги, и тѣхъ, которые шли уже на побоище. Такъ, посреди ужасовъ войны, земледѣлецъ, чтобы жатва не сдѣлалась добычею воиновъ, беретъ заново выточенную косу и косить колоса, не успѣвшіе еще созрѣть подъ лучами солнца. Вскорѣ борозды превращаются въ ручьи крови. . . .

Язонъ выполнилъ условія, предложенныя Эетесомъ, но послѣдній отгадалъ вѣшателство Медеи въ дѣло; ночью совѣтуется онъ съ своими приближенными, какъ погубить Аргонавтовъ. Чтобы ускорить развязку, Гера наводитъ на Медею неизобразимый страхъ отцовскаго гнѣва; въ ту же ночь Медеи покидаетъ отчий домъ и бѣжитъ къ аргонавтамъ, которые принимаютъ ее на свой корабль;

1) *Аполлонія Родосская*: Поэма Аргонавтовъ (*Argonautica*), III.

въ ту же ночь рѣшено, съ ея помощію овладѣть золотымъ руномъ. Арго приплываетъ къ священной рощѣ; Язонъ и Медея выходятъ на зеленѣющій лугъ, гдѣ нѣкогда отдыхалъ златорупный овенъ послѣ дальняго странствованія съ Фрикосомъ. Вблизи видны были еще остатки закопченнаго жертвенника, на которомъ Фрикосъ принесъ овна въ жертву своему богу-покровителю. Язонъ и Медея приближаются къ священной рощѣ, ищутъ глазами старыи дубъ, на которомъ повѣшено *Руно*, подобное облаку, вылающему отраженіемъ лучей восходящаго солнца. Драконъ, никогда несмыкавшій глазъ для сна, встрѣчаетъ ихъ страшнымъ шипомъ, отъ котораго дрогнулъ боръ, отъ котораго проснулись испуганныя матери и прижали къ груди своей трепещущихъ младенцевъ... Но Медея смѣло пошла на встрѣчу Дракону и усыпила его чарами, Язонъ снялъ руно съ дерева и, потомъ, вмѣстѣ возвратились на корабль.

Цѣль похода Аргонавтовъ была такимъ образомъ достигнута; оставалось возвратиться домой, въ Іолкосъ. Но обратный путь уже пересѣченъ былъ царемъ Эетесомъ, собравшимъ несмѣтное ополченіе. Аргонавты вынуждены возвращаться окольнымъ путемъ, при чемъ преслѣдованіе Эетесомъ, бури и сцѣпленіе самыхъ необыкновенныхъ приключеній заставило ихъ странствовать по всѣмъ странамъ извѣстнаго міра. Такъ какъ предѣлы *извѣстнаго міра* измѣнялись со временемъ не только отъ распространенія положительныхъ географическихъ свѣдѣній, но и преимущественно отъ непостоянства произвольныхъ географическихъ гипотезъ, то и описаніе обратнаго пути Аргонавтовъ передано намъ различными поэтами древности весьма въ разнообразномъ видѣ. Конечно, для насъ первоначальное понятіе грековъ о положеніи страны Эи и объ обратномъ пути Аргонавтовъ гораздо важнѣе, чѣмъ позднѣйшія объясненія, начавшіяся уже весьма давно и продолжающіяся до нашего времени. Безъ сомнѣнія, толкованія современныхъ намъ филологовъ, какъ то От. Мюллера или Фатера, позволяютъ

намъ судить о походѣ Аргонавтовъ болѣе здраво, чѣмъ судили о немъ греки или римляне. Древнѣйшія сказанія находимъ мы въ отрывкахъ поэмъ, обыкновенно приписываемыхъ Гезіоду ¹⁾. Грекамъ земная поверхность представлялась въ видѣ площади круга, по окружности котораго протекала рѣка-Океанъ, имѣвшая такимъ образомъ круговое теченіе. Положеніе страны Эи опредѣлилось тѣмъ, что она находилась на краю земли, къ сторонѣ восхода солнечнаго, какъ то воображали себѣ, по крайней мѣрѣ, поэты послѣ - гомеровскихъ вѣковъ. Во всякомъ случаѣ, Эи сторону, противоположную обитаемой земли, должна была соприкасаться къ рѣкѣ-Океану,—это обстоятельство было прямымъ слѣдствіемъ условій ея положенія. Но рѣка-Океанъ, какими бы то путями ни было, напояла всю землю; отсюда брали начало свое всѣ рѣки, орошающія лицо земли. Поэтому грекамъ представилось, что рѣка, протекавшая по странѣ Эѣ и въ которую Аргонавты ввели свой корабль со стороны моря, противоположной оконечностію соединилась съ рѣкою-Океаномъ. Отъ того ли, что обратный входъ въ море былъ уже запертъ Деетесомъ или отъ того, что Аргонавты, овладѣвъ золотымъ руномъ, заблудились въ темнотѣ ночи ²⁾ и, вмѣсто того, чтобы плыть къ морю, поплыли во внутрь страны,—во всякомъ случаѣ очутились они на рѣкѣ-Океанѣ, окружающей землю. Положительная географія мало стѣсняетъ воображеніе поэтовъ: напомнимъ читателю Шекспирова *Тезей, король Богеміи, страны, лежащей близъ моря*. Греки Гезіодовскихъ временъ тѣмъ менѣе стѣснялись географіей, что едва ли видали свѣтъ далѣе острововъ Архипелага, ближайшихъ къ матеріку Греція. Много географическихъ и этническихъ названій дошло до ихъ слуха, но они не знали, гдѣ все это было, и этимъ обильнымъ запасомъ собственныхъ именъ поэты распоряжались по своему произволу.

1) *Gesioda Fragm.* 85. 86., изд. Гёттингга.

2) *Orphei Argonautica*, v. 1034 и сл.

Гдѣ же болѣе открывалось раздолья произволу, какъ не въ отношеніи къ странствованіямъ Аргонавтовъ, очутившихся на рѣвѣ-Океанѣ, катицей волны свои вокругъ цѣлой обитаемой земли? И вотъ плывутъ они, плывутъ по рѣвѣ-Океану и, наконецъ, пристають къ Ливіи! Стремленіе объяснить странствованія Аргонавтовъ положительной географіей можетъ довести до предположенія, что они плыли по рѣвѣ Амуру и потомъ Тихимъ и Индійскимъ океанами достигли мыса Доброй Надежды, или, по крайней мѣрѣ, юго-восточнаго берега Африки. Если такового предположенія не встрѣчаемъ мы у древнихъ толкователей, то только потому, что имъ неизвѣстенъ былъ ни Амуръ, ни мысъ Доброй Надежды: въ замѣнъ встрѣчаемъ мы толкованія, несравненно болѣе нелѣпыя. Въ Ливіи герои вышли на берегъ и на берегъ вынесли корабль свой Арго; потомъ шествовали они двѣнадцать дней черезъ Ливію, неся Арго на плечахъ. На двѣнадцатый день достигли они берега Средиземнаго моря, здѣсь снова пустились странствовать по морю и, наконецъ, послѣ многихъ испытаній достигли Юлкоса. Впрочемъ замѣтимъ, что во времена Гезіода Ливія служила названіемъ для страны, существовавшей въ одномъ лишь воображеніи. Это имя твердила Писіа жителямъ Теры, одного изъ острововъ Архипелага, требуя, чтобы они отправили колонію въ *Ливію*, но никто не зналъ, гдѣ лежитъ она ¹⁾; Писіа же не объясняла своего указанія. Сдѣлали одну попытку поселенія, которая не удалась, и неудачу Писіа объяснила тѣмъ, что не тамъ Ливія. Сдѣлали на сѣверномъ берегу Африки другую, которая удалась, изъ чего заключили, что достигли, наконецъ, настоящей Ливіи. Справедливо замѣчаетъ ученый Фатеръ ²⁾, что если бы случайно, вмѣсто Африки, колонисты попробовали поселиться въ Испаніи, то Испанія назваца была бы Ливіей. Позже названіе это распространено было греками на цѣлую часть

1) *Геродотъ*, IV, 150 и сл.

2) *Vater*: Triton und Euphemos oder die Argonauten in Libyen, 106.

свѣта, ставшую на ряду съ Европой и Азіей ¹⁾).

Итакъ не остается никакого сомнѣнія, что, по крайней мѣрѣ, въ древнѣйшемъ дошедшемъ до насъ сказаніи объ Аргонавтахъ, описаніе похода совершенно чуждо положительной географіи Солнечная страна Эя,—рѣка, соединяющаяся однимъ концомъ съ моремъ, а другимъ съ рѣкою-Океаномъ, рѣка-Океанъ и, наконецъ, сама Ливія,—имѣютъ такое же положительное географическое значеніе какъ и *нѣкоторое царство, нѣкоторое государство*, опредѣляющее обыкновенно въ началѣ русскихъ сказокъ театръ подвиговъ Бовы Королевича или Еруслана Лазаревича. Теперь представляются вопросы, имѣетъ ли сказаніе о походѣ Аргонавтовъ какую либо историческую основу, было ли время, когда обстоятельства этого похода извѣстны были грекамъ безъ густой оболочки чудеснаго, имѣлъ ли этотъ походъ когда либо для нихъ положительную географическую обстановку? Если даже было когда либо историческое событіе, подавшее поводъ къ сказанію объ Аргонавтахъ, то, конечно, никогда никакія усилія учености не возстановятъ его для насъ въ ясности. Цѣль похода заключается въ приобрѣтеніи *золотого руна*, но золотое руно очевидно имѣетъ символическое значеніе. Какой же настоящій смыслъ его? Страбонъ объясняетъ его значеніе обычаемъ варварскихъ народовъ собирать посредствомъ бараньихъ шкуръ частицы золота, несомыя теченіемъ *нѣкоторыхъ рѣкъ*. Это обстоятельство кажется неправдоподобнымъ и, можно думать, что золотое руно означало источникъ благоденствія гораздо болѣе въ обширномъ смыслѣ. Такимъ образомъ мы не знаемъ даже, чего искали, *изъ за чего* въ такую даль ѣздили Аргонавты. Весьма замѣчательно, что въ финской поэмѣ Калевалѣ, подобнымъ же образомъ, дѣйствующія лица стремятся къ приобрѣтенію какой то драгоценности, Сампо, какъ она названа въ поэмѣ, но что такое это Сампо, въ чемъ заключается

1) Геродотъ, IV, 41, 42,

эта драгоцѣнность, остается совершенно непонятнымъ для читателя. Какъ въ поэмѣ Аргонавтовъ, такъ и въ Калевалѣ, повидимому, отражается духъ безотчетнаго безпокойства, овладѣвающій юными народами, заставляющій ихъ стремиться къ чему то неизвѣстному, для нихъ самихъ непонятному.

Итакъ, во всякомъ случаѣ, историческое событіе, *если только оно когда либо было*,—подавшее поводъ къ сказанію о походѣ Аргонавтовъ, можетъ быть болѣе или менѣе остроумно предполагаемо, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть возведено на степень достовѣрности, такъ какъ намъ непонятна даже цѣль предпріятія. Одни видятъ въ немъ стремленіе къ открытію прохода въ негостепримный Понтъ ¹⁾, другіе (какъ то От. Миллеръ и Беккеръ)—торговое предпріятіе, третьи—смѣлый и отдаленный поискъ, совершенный греческими морскими разбойниками. Все это заставляеть, вмѣстѣ съ тѣмъ, предположить, что въ доисторическія времена мореплаваніе грековъ производилось въ обширныхъ размѣрахъ, что, потому, по совершенно неизвѣстнымъ и непонятнымъ для насъ причинамъ, ихъ мореходная дѣятельность прекратилась на длинный рядъ вѣковъ и что даже воспоминаніе объ этой дѣятельности изгладилось, не оставивъ другого слѣда, кромѣ запутанной сказки объ Аргонавтахъ. Все это крайне невѣроятно. Фатеръ, въ обширномъ сочиненіи своемъ объ Аргонавтахъ, весьма остроумно доказываетъ, что походъ этотъ не имѣеть никакой исторической основы. Матеріалами для сказки послужило множество символическихъ названій, смыслъ которыхъ былъ уже забытъ; все сказаніе объ Аргонавтахъ возникло изъ стремленія растолковать въ относительно позднѣйшія времена взаимное соотношеніе этихъ символовъ на основаніи букввальнаго значенія ихъ, между тѣмъ какъ символическое было не только утрачено, но даже и не было уже болѣе подозрѣваемо. Впрочемъ, съ самымъ основаніемъ воз-

1) *Humboldt: Cosmos*, II, 169. trad. franç.

вѣрвіи Фатера очень трудно согласиться. Онъ отвергаетъ всякое доисторическое разселеніе народовъ, отвергаетъ единство происхожденія такъ называемой индо-европейской расы, считаетъ грековъ коренными обитателями, *автохтонами*, въ ихъ нынѣшнемъ отечествѣ, отвергаетъ всякое вліяніе египетской или древне-азиатской цивилизаціи на образованіе греческихъ религіозныхъ вѣрованій или мифовъ ¹⁾. Каждая земля, по мнѣнію Фатера, независимо отъ другихъ, покрылась обитателями также, какъ покрылась она растеніями; сходство языковъ, вѣрованій и проч. между народами также мало доказываетъ ихъ одноплеменность или даже доисторическое соприкосновеніе, какъ сходство ели, растущей напр въ Англіи съ тою, которая растетъ въ Сибири, не доказываетъ, чтобы оба дерева произошли отъ одной ели-прародительницы.

Итакъ, принимая вполнѣ мнѣніе Фатера, что преданіе о походѣ Аргонавтовъ не основано ни на какомъ историческомъ событіи, мы не можемъ согласиться съ нимъ въ томъ, что матеріалы, изъ которыхъ сложилось это преданіе, суть чисто-еллинскаго происхожденія, что въ нихъ, хотя бы даже косвенно, не отразилось соприкосновеніе еллиновъ съ совершенно-чуждой имъ цивилизаціей. Выше, говоря о Фриксосѣ и Гелле, мы обнаружили, что преданіе это отзывается впечатлѣніемъ, которое произвело на грековъ соприкосновеніе съ чуждой имъ расой мореплавателей, промышленниковъ, высоко превосходившей ихъ по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ матеріальному развитію. Преданіе о Фриксосѣ не только находится въ связи, по, можно сказать, составляетъ неразрывное цѣлое съ преданіемъ объ Аргонавтахъ.

Поклоненіе Зевсу - Лафистіосу, приношеніе ему въ жертву дѣтей, богатство и промышленность Орхомена, имена Мелькероса и Кадма, не говоря уже о другихъ, — все это доказываетъ присутствіе въ доисторическія времена въ Фессаліи и Беотіи кушито-

1) *Vater*: Das Verhaeltniss der Linguistik zur Mythologie und Archäologie.

считите 2й расы, къ которой мы причисляемъ историческій народъ финикійцѣ. Положительная исторія не только умалчиваетъ объ этомъ, но даже намъ неизвѣстно и окончаніе этого періода дѣятельности кушитовъ; мы не знаемъ, какія обстоятельства заставили ихъ покинуть материкъ Греціи. Но эти обстоятельства, кажется, можно отгадать съ большою степенью правдоподобія. Торговая дѣятельность кушитовъ, распространившаяся съ морей Эритрейскаго и Чермваго, на море Средиземное, прежде всего, конечно, должна была направиться на острова, ближайшіе къ Сирійскому берегу, на Эгейскій архипелагъ и на восточный берегъ греческаго материка. Весьма въ отдаленную эпоху, но уже относительно позже, мореплаваніе финикійцѣ распространилось на западную половину Средиземнаго моря, достигло Испаніи и Геркулеевыхъ столбовъ. Въ отношеніи къ своимъ колоніямъ, финикійяне исключительно руководимы были коммерческими расчетами: имъ совершенно чужда была всякая религіозная или цивилизаціонная пропаганда, которая въ наше время образуетъ сильную, хотя и рѣдко дѣйствительную, связь между метрополіей и ея колоніями. Подобнымъ образомъ въ наше время, спекуляторы-симиты, жиды, мѣняютъ отечество, перенося капиталы свои изъ одной страны въ другую и не имѣя другого отечества, кромѣ библіи. У финикійцѣ отечествомъ былъ храмъ Мелькарта, Геркулеса Тирскаго; колоніи были лагерными мѣстами торговли, продолжительность занятія которыхъ зависѣла не отъ возникавшей привязанности къ почвѣ, а отъ коммерческихъ расчетовъ. Материкъ Греціи составляетъ страну, вообще весьма бѣдную естественными произведеніями, годившуюся для почива, по, потомъ, терявшую всякую важность при сравненіи съ Сициліей, Африкой или Испаніей. По этому ничего нѣтъ удивительнаго, если финикійяне, даже добровольно покинули материкъ Греціи, какъ страну мало-выгодную; быть можетъ, къ этому побуждены были они и появленіемъ въ Греціи племени еллиновъ, столь же воинственнаго, сколь и гру-

баго. На нѣкоторыхъ островахъ архипелага, изобиловавшихъ рудниками,—на Лемносѣ, Тазосѣ, Самотракѣ,—кушиты держались гораздо долѣе, даже до историческихъ временъ, и тамъ оставили они по себѣ память распространеніемъ таинственнаго, безнравственнаго служенія богамъ Кабирамъ.

Выѣстъ съ удаленіемъ кушитовъ съ материка Греціи, за море, къ сторонѣ восхода солнечнаго,—исчезъ и весь этотъ блестящій кушитскій міръ богатства, чудныхъ изобрѣтеній, таинственныхъ знаній, кровавыхъ жертвоприношеній, противурасветнаго богослуженія,—весь этотъ міръ, который произвелъ глубокое неизгладимое впечатлѣніе на простодушныхъ арійцевъ-еллиновъ, и исчезъ прежде, чѣмъ что нибудь они въ немъ уразумѣли. Эту послѣдовательность впечатлѣній мы можемъ возстановить воображеніемъ, представивъ себѣ европейскій корабль, впервые коснувшійся въ кругосвѣтномъ плаваніи какого либо острова, уединенно лежащаго посреди Тихаго океана. Дикари толпою спѣшатъ на корабль, имъ дозволяется взглянуть на чудеса европейской образованности, но все это остается для нихъ несовѣтнымъ, все кажется волшебствомъ, и люди, и вещи, и обычаи, все кажется сверхъестественнымъ. Корабль уплываетъ невѣсть куда, и все исчезаетъ, какъ сновидѣніе, но не забывается, какъ сновидѣніе. Подобное впечатлѣніе можетъ не повториться въ продолженіи нѣсколькихъ поколѣній,—въ такомъ случаѣ легко представить себѣ, какую вереницу странныхъ преданій, понятій, сказокъ, върваній должно породить оно между дикарями; какъ перепутается въ памяти ихъ значеніе именъ, случайно подслушанныхъ ими у европейцевъ. Далѣе можемъ мы себѣ представить, что между дикарями возникнутъ люди менѣе другихъ легковѣрные, которые будутъ толковать странныя народныя преданія посредствомъ того только, что видятъ ежедневно передъ собою на своемъ уединенномъ островѣ: впечатлѣнія, завезенныя европейскимъ кораблемъ, уложатся въ тѣсную рамку повседневной жизни островитянъ. На-

конецъ, весь этотъ запасъ народныхъ мифовъ можетъ сдѣлаться предметомъ изслѣдованія европейскихъ ученыхъ, которые откроютъ въ немъ несомнѣнныя доказательства, что когда то уединенный островъ былъ уже посѣщенъ европейцами. Подобнаго рода открытія въ отношеніи къ греческимъ мифамъ доставляетъ сравнительное изученіе древнѣйшаго востока.

Весь этотъ блестящій кушитскій міръ скрылся за море, къ сторонѣ солнечнаго восхода. Весьма понятно, что въ дѣтско-живомъ воображеніи грековъ должна была создаться чарующая картина несмѣтнаго богатства, дивной хитрости и мудрости народовъ, живущихъ за моремъ, къ сторонѣ солнечнаго восхода. Но объ этой волшебной сторонѣ греки могли только мечтать на досугѣ: море со всѣми его ужасами, тѣмъ болѣе пугавшими воображеніе, что они были неизвѣданы,—долгое время непреодолимо отдѣляло Грецію отъ солнечной страны. Не смотря на то, что южный берегъ Эссалии и сѣверный Беотіи очертаіемъ своимъ необлкновенно благопріятствуютъ развитію мореплаванія,—все заставляетъ думать, что мореплаваніе медленно развивалось у грековъ или, по крайней мѣрѣ, весьма долгое время ограничивалось одними берегами. Разказы Гомера о морскихъ приключеніяхъ его героя ясно свидѣтельствуютъ, что даже въ его время греки знали море однимъ лишь воображеніемъ, а не опытомъ. Но все это нисколько не мѣшало имъ знать заморскую солнечную страну въ самыхъ мелкихъ фантастическихъ подробностяхъ ея. Стоитъ только воображенію создать какую нибудь небывалую страну, какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, создаетъ оно и смѣльчаковъ, будто бы посѣтившихъ ее. Вспомнимъ средневѣковыя разказы о путешествіяхъ къ людямъ одноглазымъ, къ людямъ-пигмеямъ, къ людямъ-великанамъ, о путешествіяхъ въ подземный міръ.—Въ наше время Гумбольдтъ получилъ отъ одного англійскаго капитана убѣдительное приглашеніе предпринять экспедицію въ подземный міръ, входъ въ кото-

рый, какъ утверждалъ капитанъ, находится поцѣ 82' сѣв. шир. 1). Этому обычному ходу дѣятельности народной фантазіи обязано своимъ происхожденіемъ и сказаніе объ Аргонавтахъ. Сидя на берегу и любуясь безпредѣльнымъ моремъ, греки совершили далекое странствіе въ солнечную страну, совершили тамъ тысячу чудесныхъ подвиговъ, добыли золотое руно, объѣхали всю землю и, наконецъ, воротились домой, на тотъ самый берегъ, съ которымъ на время распростилось одно лишь воображеніе ихъ.

Неизвѣстно, когда эти воображаемые подвиги Аргонавтовъ впервые нашли себѣ пѣвца. Но всей вѣроятности, обстоятельства постепенно обрисовывались и дополнялись въ воображеніи народномъ; поэтамъ оставалось лишь замкнуть въ стройную форму то, что было уже извѣстно всѣмъ. Основное содержаніе заключалось въ томъ, что за моремъ, въ солнечной странѣ, находилось *золотое руно* и что нашлись смѣльчаки, переплывшіе море и овладѣвшіе руномъ. Какъ бы мы ни толковали происхожденіе символическаго значенія *золотаго руна*, было ли это облако, ниспосылающее благотворный дождь, или благодѣтельное божество въ родѣ золотатаго тельца евреевъ, котораго они безъ сомнѣнія заимствовали у сосѣднихъ кушитовъ,—во всякомъ случаѣ *золотое руно* несомнѣнно обозначало источникъ изобилія, богатства. Нельзя не замѣтить здѣсь, что и *Салмо*, котораго такъ усердно ищутъ герои финской поэмы Калевалы,—по толкованію г. Кастрена, означало *таинственный источникъ благоденствія* 2). Золотатаго руна, само собою разумѣется, Аргонавты не могли достать безъ большихъ трудовъ и опасностей,—иначе не стоило бы и заниматься ихъ приключеніями. И вотъ воображеніе грековъ создало качающіяся скалы на морѣ, которыя взаимно сближаются такъ быстро и плотно, что птицы не успеваютъ пропорхнуть между ними, но Арго успѣлъ проскользнуть, отдѣлавшись только

1) Cosmos, I, 193. trad. franç.

2) Nouv. ann. des voyages, 1849, Oct. et Nov., p. 23.

потерей части украшеній на кормѣ; въ солнечной странѣ Аргонавтамъ пришлось, и укреплять огнепышавшихъ волсъвъ, и пѣхать землю, и бороться съ исполинами, и усыплять никогда до того недремавшаго дракона. Всѣ эти чудеса подали поводъ въ ученыхъ толкованіяхъ: сближающіяся скалы суть противуположныя теченія въ Босфорѣ, столь опасныя для мореходцевъ; труды Аргонавтовъ въ солнечной странѣ изображаютъ начало земледѣлія и т. п. Но едва ли всѣ эти чудеса болѣе заслуживаютъ вниманія, чѣмъ чудеса, встрѣчаемыя искателями *живой воды* въ нашихъ сказкахъ. Критическій разборъ преимущественно долженъ быть обращенъ на собственные имена, связанныя съ сказаніями объ Аргонавтахъ, въ особенности же на тѣ, которыя составляютъ неизмѣнную принадлежность всѣхъ этихъ сказаній, подвергнувшихся величайшимъ видоизмѣненіямъ въ теченіи вѣковъ.

Оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя противурѣчающія мнѣнія, можно положить за достовѣрное, что Гомеръ жилъ прежде Гезіода. Поэтому мы должны считать, что *для насъ* въ первый разъ названіе Аргонавтовъ произнесено было бессмертнымъ творцомъ Илиады и Одиссеи. Но Гомеръ говоритъ лишь вскользь объ Аргонавтахъ. Ему извѣстно, что Язонъ доѣзжалъ до Лемноса, гдѣ оставилъ по себѣ потомство; онъ называетъ плаваніе Арго «возбужденіемъ вниманія цѣлаго свѣта» ¹⁾ и, чтобы выставить необычайность странствованій Одиссея, уподобляетъ ихъ странствованіямъ Аргонавтовъ ²⁾. Изъ этого видно, какою громкою извѣстностію, уже во времена Гомеровы, пользовалось сказаніе объ Аргонавтахъ. Само собою разумѣется, какъ бы далеко они ни плавали, весь театръ ихъ плаванія долженъ уже былъ быть извѣстнымъ Гомеру. Но изъ отрывочныхъ сказаній его не видать, чтобы Язонъ ходилъ далѣе Лемноса къ сторонѣ востока. Уже Страбонъ разными доводами старался доказать обширность гео-

1) *Одиссея*, XII, 70.

2) *Одиссея*, IX, 19.

графическихъ позваній Гомера, но, не смотря на всѣ пятаяжки классической и позднѣйшей учености, нельзя сомнѣваться, что Гомеру неизвѣстны были даже названія Геллеспонта и Понта Аксенскаго; въ смутномъ видѣ землезнавіе его къ сторонѣ востока доходитъ вдоль по Анатолійскому полуострову до земли амазонокъ, до Термодона, немного далѣе нынѣшняго Самсуна. У Гомера постоянно проявляется простодушное желаніе блеснуть обширностію географическихъ свѣдѣній, которыя, конечно, тѣмъ легче сплетались съ чудеснымъ и, для слушателей, занимательнымъ, чѣмъ къ болѣе отдаленнымъ странамъ относились. Но и Гомеръ къ сторонѣ востока долженъ былъ остановиться на амазонкахъ. Онъ говоритъ объ островѣ Эѣ, гдѣ живетъ великая чародѣйка Кирке (Цирцея), единоутробная сестра царя Этееса: братъ и сестра родились отъ *солнца* и Океаниды *Персеи*. Островъ Эя лежитъ на рѣкѣ-Океанѣ: тамъ находятся чертоги и мѣсто ялесокъ Боса (зари), отгуда исходитъ Гелиосъ (солнце). Слѣдуя такому указанію, трудно опредѣлить положеніе страны Эи на земной поверхности, но, какъ видно, въ самыя отдаленныя времена, только такое понятие и существовало о странѣ, въ которую ѣздили Аргонавты. Въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ Гезіодовой поэмы, сказаніе принимаетъ болѣе опредѣлительныя черты. Здѣсь уже говорится о золотомъ рунѣ, о дочери царя Этееса, Медеѣ, которую Язонъ похитилъ вмѣстѣ съ золотымъ руномъ, о рѣкѣ Фазисѣ, протекающей по странѣ Эѣ и соединяющей съ рѣкою-Океаномъ, о возвратномъ пути Аргонавтовъ по рѣкѣ-Океалу и, потомъ, черезъ Ливію. Положеніе страны Эи остается неопредѣленнымъ, но разсказывается о Финей, пораженномъ слѣпотою за то, что указалъ Фриксу путь въ Скиюю. Впервые названіе Скиіи встрѣчается у Гезіода: это названіе, навсегда оставшееся неопредѣленнымъ, во времена Гезіодовы, повидимому, обозначало совокупность всѣхъ странъ, лежащихъ за Фракіей. Итакъ можно заключить, что въ Гезіодово время Эя почи-

талась въ Скиѳіи, за Попомъ Аксенскимъ, но, конечно, этому условію болѣе удовлетворяла Таврида, чѣмъ Закавказье. Въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ твореній Евмела Коринскаго (жившаго лѣтъ за 700 до Р. Х.) ¹⁾ впервые встрѣчается названіе страны Колхійской; Пиндаръ называетъ Колховъ черными. Выѣстъ съ этимъ именемъ колховъ и страны Колхиды въ разсказахъ объ Аргонавтахъ постоянно является городъ Китея, родина Медеи, которая сама называется Китеидою, а ея волшебство и его принадлежности Китейскими. Ни Колхиды, ни Китеи, не встрѣчаемъ мы ни у Гомера, ни у Гезіода; по крайней мѣрѣ тождественность Китеи съ Гомеровыми Кетейями ²⁾ не можетъ быть ничѣмъ доказана. Но Гомеръ, какъ мы сказали, упоминаетъ объ Аргонавтахъ только вскользь. Гезіодъ въ томъ, что дошло до насъ, также говоритъ о нихъ очень немного. Оба они опредѣляютъ конечный путь странствованій Аргонавтовъ только тѣмъ, что послѣдніе доѣхали до конца земли. Эя или, какъ писалась она *Aia, Gaia* значитъ *земля* въ противоположность безпредѣльному морю и рѣкѣ-Океану, которые омывали ее. Фазисъ есть весьма древнее названіе многихъ великихъ рѣкъ на востоцѣ, но ни одна изъ таковыхъ рѣкъ не была извѣстна грекамъ во времена Гомера, ни даже Гезіода. Одно лишь имя это дошло до грековъ или, быть можетъ, сохранилось въ памяти ихъ еще отъ времени доисторическаго переселенія праотцевъ ихъ изъ Азіи въ Европу. Во всякомъ случаѣ, имя это не имѣло другого значенія, какъ только великой рѣки, текущей на восточномъ концѣ свѣта. Фазису Гезіодъ приписываетъ мифическую генеалогію, считая его происшедшимъ отъ брака Океана съ Тетидой. Какъ ни перемѣшана была въ понятіяхъ грековъ фантастическая географія съ положительной, но по всему видно, что и Гомеръ и Гезіодъ по-

1) *Vater: Argonautenzug, I, 71.*

2) *Одиссея, XI, 521.*

лагали, что Аргонавтамъ, покровительствуемымъ цѣлымъ сонмомъ боговъ и богинь, удалось побывать тамъ, куда не могутъ проникнуть простые смертные. Весьма вѣроятно, что уже во времена Гомера, названіе Колхиды и Китей связаны были съ походомъ Аргонавтовъ, но, какъ чисто отвлеченныя, они не вошли въ энциклопедію положительной или мнимо-положительной географіи, заключающейся въ Иліадѣ и Одиссеѣ. Поэтому вѣтъ никакого повода думать, чтобы названія эти только въ относительно-позднѣйшія времена привязались къ рассказамъ объ Аргонавтахъ, подобно многимъ другимъ именамъ очевидно позднѣйшаго происхожденія. До насъ дошла поэма объ Аргонавтахъ, извѣстная подъ именемъ Орфеевой, хотя, конечно, никто не вѣритъ, чтобы авторомъ ея былъ мифическій Орфей, сынъ Музы Калліопы. Нѣтъ сомнѣнія, что эта поэма получила настоящій видъ свой около времени Р. Х., но, вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ густымъ наносомъ вставокъ, исполненій, невѣжественныхъ поправокъ, строгая критика открыла основу, носящую несомнѣнныя примѣты самой глубокой древности. Въ этомъ основномъ мифѣ, быть можетъ современномъ Гезіоду или даже Гомеру, господствуютъ названія Колхиды и Китей; поэтому весьма вѣроятно, что названія эти, хотя не встрѣчающіяся ни у Гомера, ни у Гезіода, современны невѣдомой для насъ эпохѣ первоначальныхъ рассказовъ объ Аргонавтахъ.

Все, что мы до сихъ поръ сказали о походѣ Аргонавтовъ, или, говоря точнѣе, о происхожденіи греческой сказки о небываломъ походѣ Аргонавтовъ, не имѣетъ совершенно никакого отношенія къ Кавказу. Такъ дѣйствительно и было. Но вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, которыя можно прослѣдить, сказка эта привилась къ Кавказу, при чемъ запечатлѣла рѣзко оригинальнымъ характеромъ весь способъ воззрѣнія древнихъ на Кавказъ, способъ воззрѣнія, сдѣлавшійся уже чуждымъ для насъ. Подобнымъ образомъ, мы почти не можемъ глядѣть на современную

намъ Грецію иначе, какъ сквозь очаровательную призму воспоминаній о древней Греціи, которыми умъ нашъ напитанъ съ самаго дѣтства. Аппіанъ рассказываетъ, ¹⁾ что Помпей, войдя въ Закавказь съ Митридатомъ, при первой возможности, двинулся въ Колхиду, чтобы развѣдать объ Аргонавтахъ, Діоскурахъ и Геркулесѣ и чтобы взглянуть на скалу, въ которой прикованъ былъ Прометей. Конечно, положеніе полководца, сзабоченнаго войною, отъ которой зависитъ судьба свѣта, мало располагаетъ его къ ученымъ изслѣдованіямъ или къ мечтательности; Помпей же не былъ ни ученымъ, ни мечтателемъ. Отсюда видно, какое неодолжимое, чарующее впечатлѣніе Кавказъ оказывалъ на древнихъ. Такъ Вонапартъ, посреди военныхъ тревогъ, привѣтствовалъ 40 вѣковъ, смотрѣвшихъ на него съ вершинъ пирамидъ египетскихъ!

Если съ нынѣшней точки зрѣнія судить о глубокомъ впечатлѣніи, которое сказка объ Аргонавтахъ произвела на древній міръ, то, конечно, нельзя не согласиться съ справедливостію замѣчанія современнаго намъ автора лучшей греческой исторіи, Грота, который говоритъ: «если бы, при настоящемъ состояніи географической науки, кто либо, прочитавъ путешествіе Гулливера, сталъ искать на картѣ страну Лиллипуновъ, то это показалось бы крайнею нелѣзностію. Но тѣ, которые старались опредѣлить точное положеніе пловучихъ острововъ Эоловыхъ или скалъ Сиренъ, поступали нѣсколько не умнѣе; впрочемъ, при незнакоміи географіи и отсутствіи исторической критики, едва ли даже могли они избѣгнуть такихъ заблужденій». Но строго осуждать древнихъ за то, что даже дѣйствительность подчинили они сказочнымъ впечатлѣніямъ,—значило бы вовсе не понимать ихъ духовнаго настроенія. Какъ говоритъ Вильгельмъ Гумбольдтъ ²⁾,

1) *Bel. Mithrid.*, 103.

2) О различіи организмовъ, чловѣческаго языка. Переводъ П. Билярскаго (Спб. 1859), стр. 27.

«дѣйствительность у нихъ всегда легко переходила въ идею и въ фантазію и обѣими этими силами они дѣйствовали обратно на дѣйствительность. Какъ между яснымъ и пасмурнымъ небомъ, отличіе и преимущество древнихъ надъ нами состоитъ не столько въ самыхъ формахъ жизни, сколько въ дивномъ свѣтѣ, какой изливался на эти формы». Такимъ дивнымъ освѣщеніемъ рассказы объ Аргонавтахъ раздѣтели для грековъ дальнія моря, дальніе берега; онѣтъ не разсвѣвалъ очарованія, но самъ ему подчинялся. То, что греки искали и даже отыскивали мѣста, будто бы посѣщенные Аргонавтами, не должно удивлять насъ, когда мы вникнемъ въ особенности растропія греческаго гевія. Скажемъ еще болѣе: на этотъ фантастическій путь они увлекли за собою даже и современныхъ намъ еллинистовъ, которые такъ долго и такъ страстно изучали классическую древность, что для нихъ втреснулась она отъ тысячелѣтнаго сна.

Какъ ни мало стѣснилось въ своемъ полетѣ воображеніе грековъ, не это не было однако болѣе воображеніе Сервантеса ва героя, видѣвшаго въ каждомъ встрѣчномъ камне либо сказочное существо. Нельзя сказать, что огромное протяженіе береговаго очертанія морей Средиземнаго, Адриатическаго, Эгейскаго, Пропонтиды и Понта Эвксинскаго, въ историческія времена Греціи, усѣяно было названіями, преданіями, храмами, которые для воображенія грековъ дѣйствительно могли представляться въ видѣ слѣдовъ странствованія Аргонавтовъ или преслѣдовавшихъ ихъ колховъ. Эти мнимые слѣды принимались греческими землеиссателями за несомнѣнныя доказательства посѣщенія Аргонавтами самыхъ отдаленныхъ странъ и морей, черезъ что въ свою очередь поэты должны были передѣлывать свои описанія, чтобы приписать ихъ къ послѣдовательнымъ открытіямъ географіи. Сдѣлалось извѣстнымъ, что если плыть изъ Греціи къ востоку, то нельзя не улереться въ непрерывный берегъ, что какъ ни огромны Понтъ Эвксинскій и болото Местійское, но и имъ есть предѣлы; сдѣ-

лалось извѣстнымъ, что, если и существуетъ рѣка-Океанъ, то, во всякомъ случаѣ, она не имѣетъ прямого сообщенія съ восточной окраиной Понта, а между тѣмъ казалось несомнѣнно доказаннымъ, что Аргонавты побывали и въ западной половинѣ Средиземнаго моря. Конечно, тамъ побывали они по необходимости, окольными путями спасаясь отъ преслѣдованій гнѣвнаго царя Эетеса. Оставалось одно средство вывести ихъ изъ Понта Эвксинскаго,—это помощію великихъ рѣкъ, текущихъ изъ глуби материка Европы, который былъ вполнѣ неизвѣстенъ грекамъ. Тимей и Скимносъ Хиосскій утверждали, что Аргонавты изъ Понта Эвксинскаго черезъ Босооръ Киммерійскій прошли въ болото Меотійское, оттуда поднялись вверхъ по Талаису (Дону) до источниковъ его, оттуда на рукахъ перенесли Арго до Океана и, потомъ, Океаномъ и Геркулесовыми столбами (проливомъ Гибралтарскимъ) достигли Средиземнаго моря. Болѣе распространено было мнѣніе, которому послѣдовалъ и Аполлонъ Родосскій, творецъ дошедшей до насъ большой поэмы объ Аргонавтахъ, что они изъ Понта Эвксинскаго поднялись вверхъ по Истру (Дунаю). Объ Истрѣ существовало мнѣніе, что онъ однимъ лишь рукавомъ впадаетъ въ Черное море, другимъ же (По) въ Адриатическое; нѣкоторые принимали даже Рону и Рейнь (Роданъ и Ериданъ) за развѣтвленія Истра. Быть можетъ, ничѣшняя иллирійская провинція Истрія обязана своимъ именемъ этому заблужденію. Во всякомъ случаѣ, эта рѣка Истръ, представлявшаяся въ видѣ наука греческимъ географамъ, дозволила поэтамъ безъ всякаго затрудненія провести Аргонавтовъ съ моря на море.

Но, какъ объяснить, что по всему протяженію извѣстныхъ въ то время морей и суши, греки дѣйствительно находили слѣды странствованій Аргонавтовъ и Колховъ? Мы приведемъ объ этомъ предметѣ мнѣніе Грота. «Въ обширной области греческихъ эпическихъ твореній, говоритъ онъ, не было ни одного, съ которымъ бы моряки болѣе могли сродниться, какъ съ рассказомъ объ

Арго, корабль-праотць, о достославныхъ герояхъ Греціи, плывшихъ на пемь, въ особенности о Типтаридахъ, Касторѣ и Поллуксѣ, небесныхъ защитникахъ, призывавшихся среди бури и опасности. Къ какому бы берегу ни приставаля греческій мореходъ, съ нимъ связывалъ онъ вновь легенду, бять можетъ съ нѣкоторыми новыми подробностями, заимствованными или изъ воспоминаній о собственныхъ приключеніяхъ или изъ впечатлѣній, наводимыхъ мѣстомъ. Мѣсто бралъ онъ, такъ сказать, въ религиозное владѣніе, связывалъ его религиознымъ договоромъ съ отчизной своей, сооружалъ храмъ или жертвенникъ, при чемъ устанавливалъ особые обряды для сохраненія воспоминанія. Таковыя созданія *Izoni* и вообще всякій видимый предметъ, названный именемъ героя, служили не только къ тому, чтобы поддерживать память объ Арго въ каждомъ новомъ пришельцѣ или туземцѣ, но со временемъ дѣлались они убѣдительными и достаточными доказательствами тому, что дѣйствительно чудесный корабль нѣкогда приставаля къ этому мѣсту». Конечно, нельзя оспаривать, что въ сказанномъ есть значительная доля правды, но, чтобы принять *иное* за безусловную правду, должно прежде согласиться съ мнѣніемъ, принятымъ уже нѣкоторыми писателями древности и упорно отстаиваемымъ до нашего времени приверженцами исключительнаго еллинизма. Уже Страбонъ, находя въ географическихъ названіяхъ Индіи тождество съ названіями издревле извѣстными изъ мифическихъ греческихъ преданій, вывелъ заключеніе, что названія эти распространены были на отдаленномъ востокѣ льстелами, желавшими придать особый блескъ завоеваніямъ Александра Македонскаго. Мы выше уже изложили мнѣніе Фатера, что всѣ греческіе мифы возникли на греческой почвѣ. Такимъ образомъ, если названіе Кавказа присвоено нами горамъ, тянущимся отъ Чернаго моря до Каспійскаго, то это по тому, что въ греческой мифологіи существовало преданіе о Прометѣѣ, прикованномъ къ пещерной горѣ, названной въ мифологіи Кавказомъ; впослед-

ствіи времени; когда греки съ восточнаго берега Чернаго моря увидѣли свѣжвыя вершины длиннаго хребта горъ, то эти горы, самыя отдаленныя и самыя высочайшія ¹⁾, по ихъ мнѣнію, на землѣ, названы были ими Кавказомъ и на высшей вершинѣ, Стробилосъ (Эльбрусъ ²⁾), греки прискали мѣсто страданій Прометея. Нѣсколько вѣковъ спустя, греки, ведомые Александромъ Македонскимъ, узнали, что существуютъ горы, гораздо болѣе отдаленныя и, по крайней мѣрѣ, столь же высокія, какъ и тѣ, которыя уже названы ими были Кавказомъ, и тогда, какъ это названіе, такъ и скала Прометеева, перенесены были ими въ Индію. Такимъ образомъ, всѣ эти названія, перешедшія къ намъ отъ грековъ, даваемы были ими на основаніи понятій, составленныхъ *a priori*, подобно тому, какъ Новый Свѣтъ, открытый Христофоромъ Колумбомъ, первоначально названъ былъ Индіей, и краснокожкіе обитатели его до сихъ поръ называются нами индійцами.

Таковыя мнѣнія могли быть допускаемы еще въ очень недавнія времена, когда классическая литература составляла не только *главный*, но и единственный источникъ для изученія древняго міра. Теперь несостоятельность таковыхъ мнѣній съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе обнаруживается, но мѣрѣ *прямаго* ознакомленія съ древнимъ востокомъ и въ особенности съ древней Индіей. Всѣ эти имена, повидимому, вынесены греками съ востока въ эпоху недосыгаемую для исторіи; потому при отчужденіи Греціи, чуждой еще мореходству, отъ остальнаго свѣта, имена эти, сохранившіяся въ памяти, совершенно утратили настоящее значеніе свое и приняли символическое. Такимъ образомъ, кромѣ символическаго значенія этихъ названій, которое, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, разоблачаютъ ученые еллинисты, теперь мы приобретаемъ возможность проникнуть и первоначальный, про-

1) Геродотъ, I, 203.

2) *Arriani*: Peripl., 12.

стой и прямой смыслъ ихъ, совершенно утратившійся для грековъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что названія: Колхи, Китея, Фазисъ, Эа, Язонъ, Медел, Диоскуры, и пр. и пр. имѣли чисто символическое значеніе для грековъ, во если не для нихъ, то для другихъ народовъ, эти самыя названія имѣли прямой смыслъ. Независимо отъ греческихъ мечтаній, о которыхъ говоритъ Гротъ, эти названія или, по крайней мѣрѣ, близко съ ними созвучныя, распространены были по землѣ. Не рассказы объ Аргонавтахъ ихъ распространили, но сами греки приютили свои рассказы подъ мнимое речательство этихъ названій. Колхи не суть тоже, что индійцы въ Америкѣ. Итакъ, оставляя совершенно въ сторонѣ греческую символистику, какъ не принадлежащую къ предмету, насъ занимающему, мы послѣдуемъ за греками въ ту далекую солнечную страну, гдѣ, по ихъ мнѣнію, Аргонавты совершили дивные подвиги свои.

Эта фантастическая страна, какъ кажется, первоначально не слишкомъ далеко находилась отъ Греціи. Въ городѣ Лампсакѣ на Геллеспонтѣ ¹⁾ существовало преданіе, будто Фриксось привезъ туда золотое руно и что посему городъ этотъ въ древнія времена назывался Питіея или Питія, такъ какъ на оракійскомъ языкѣ Питія значить золотое руно. По незванію нами оракійскаго языка, мы, конечно, не можемъ рѣшить, въ какой степени справедливо такое толкованіе, но, какъ увидимъ далѣе, названіе Питія составляетъ также принадлежность географіи Аргонавтовъ. Китея или Кутаія встрѣчается въ видѣ весьма распространеннаго собственнаго имени по близости Геллеспонта: теперь въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега названіе это сохранилось для города Кутаіи. Существовало у грековъ сказаніе ²⁾, будто бы Фриксось, поселившись въ Колхидѣ, назвалъ страну эту Фригіей:

1) *Vater: Argonautenzug*, I, 19 и сл.

2) *id.*, 51.

это сказаніе, безъ сомнѣнія, возникло въ то время еще, когда думали, что Колхида находится при входѣ въ Понть, съ юго-западной стороны. Но послѣ того, какъ греки отважились пускаться въ негостепріимный, казавшійся имъ безконечно-обширнымъ, Понть, они, конечно, не могли уже далѣе считать Колхиду позади себя,—Колхиду, которая должна была находиться на концѣ свѣта. Такъ весьма естественнымъ образомъ Колхида перенеслась по другую сторону Понта Эвксинскаго. Все заставляетъ думать, что греки ранѣе достигли береговъ Тавриды, нынѣшняго Крыма, чѣмъ восточнаго берега Черваго моря: вообще плаваніе вдоль малоазійскаго берега гораздо опаснѣе и затруднительнѣе, чѣмъ плаваніе отъ Босфора къ Тавридѣ. Мнѣніе о мѣстоположеніи Колхиды въ Тавридѣ От. Миллеръ почитаетъ древнѣйшимъ. Согласно Гезіоду, Фрикось отправился въ Скиюю путемъ, указаннымъ ему Финеемъ; тавры играютъ роль въ сказаніяхъ объ Аргонавтахъ, они стерегутъ золотое руно ¹⁾; Танаисъ смѣшивается съ Фазисомъ: въ Аргонавтикѣ, приписываемой Орфею, Фазисъ представляется текущимъ въ Меотійское болото. Видно, что греки слышали объ обѣихъ рѣкахъ, но объ обѣихъ первоначально имѣли только то понятіе, что онѣ протекаютъ гдѣ то весьма далеко на востокѣ. Существовало преданіе, что Фрикось съ овпомъ прибылъ къ Танаису ²⁾ у Крیمетопона: такъ называлась южная оконечность Крыма! Наконецъ, въ числѣ древнихъ поселеній Тавриды, находимъ мы и городъ *Китею*, который расположенъ былъ между Такиль-Буруномъ и горою Опукомъ ³⁾. Правда, что въ Крыму не находимъ мы никакихъ слѣдовъ названія колховъ, но таковыхъ не находимъ мы и въ Закавказьѣ, не смотря на всѣ

1) *Диодоръ Ситійскій*, IV, 57.

2) *Vater*, id., I, 20.

3) *Pallas*: *Voyages dans les gouvernemens méridionaux de Russie etc.* (Paris 1805), II, 372.

разказы классиковъ, которые знали колховъ въ Закавказьѣ до тѣхъ поръ, пока не знали Закавказья.

По мѣрѣ распространенія мореходной дѣятельности милезійцевъ, греки болѣе и болѣе знакомились съ Понтомъ Эвксинскимъ и, наконецъ, успѣли осмотрѣть все протяженіе береговъ его. Не смотря на то, по неумѣнію дѣлать астрономическія опредѣленія мѣстъ и по незнанію надлежащихъ пріемовъ морскаго счисленія, греки составили себѣ ошибочное понятіе объ общемъ очертаніи Понта: протяженіе его отъ запада къ востоку преувеличивалось относительно къ протяженію отъ сѣвера къ югу. Понтъ Эвксинскій классики обыкновенно сравнивали съ натянутымъ свисскимъ лукомъ, малоазіатскій берегъ отъ Босфора Фракійскаго до Діоскуриі (на абхазскомъ берегу) изображалъ тетиву. Протяженіе отъ запада къ востоку такъ преувеличивалось, что Мидія почиталась лежащею на меридіанахъ Понта ¹⁾. До самаго времени плаванія Нearchа по Индійскому морю, восточная оконечность Понта Эвксинскаго составляла крайній предѣлъ плаванія къ сторонѣ востока. Такимъ образомъ, согласно основнымъ условіямъ своего воображаемаго положенія, солнечная страна Эя, Колхида, Китея, перенеслась на восточную оконечность Понта. Много обстоятельствъ способствовали тому, что оттуда не трогалась она въ продолженіи длиннаго ряда вѣковъ. Можно сказать, что до похода Помпея Великаго, греки и римляне знали одинъ лишь берегъ Закавказья, внутренность края оставалась для нихъ совершенно неизвѣстною: оттуда до нихъ доходило лишь нѣсколько собственныхъ именъ, не только ничего не объяснявшихъ, но, напротивъ, подававшихъ поводъ къ многимъ превратнымъ заключеніямъ. Въ этой отдаленной сторонѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, дѣйствительность оставалась неприкосновенными сказочными убѣжденіями, которыя пустили въ ней глубокіе

1) *Polybius*, IV, 39, 40.

корни. Разочарованіе наступило не ранѣе, какъ въ вѣка, послѣдовавшіе за Р. X., когда, взглянувшіе повнимательнѣе въ обитателей юго-восточнаго берега Чернаго моря, римляне открыли, что тамъ живутъ не колхи, а лазы, и что, притомъ, эти лазы, по крайней дикости своей, вовсе не соответствуютъ высокому понятію, которое весь классическій міръ имѣлъ о колхахъ. Позже, въ византийскую эпоху, названіе Лазики смѣнило названіе Колхиды, по послѣднее осталось классическимъ для страны даже до нашего времени. Впрочемъ, какъ ни страннымъ это должно казаться, но во всѣ времена древніе имѣли весьма сбивчивое понятіе о томъ, какую собственно часть восточнаго берега Чернаго моря почитать принадлежащею къ Колхидѣ. Нѣкоторые, какъ напр. Ксенофонтъ ¹⁾, считали, что Трапезосъ (Требизонтъ) и даже Керасосъ (Керасундъ) находятся въ Колхидѣ, что особенно замѣчательно, такъ какъ Ксенофонтъ лично посѣтилъ эти мѣста. Въ другую сторону Колхида уходитъ далеко въ нѣнѣшнюю Абхазію, потому что Діоскурія (по близости Сухума) и даже Питіусъ (Пацунда) причислялись къ Колхидѣ ²⁾. Думали нѣкоторые, что Діоскурія прежде называлась Эя и была столицею царя Эетеса; откуда видно, что Абхазія столько же можетъ почитаться театромъ подвиговъ Аргонавтовъ, сколько и Мингрелія. Вообще надобно сказать, что искони блуждающая географія Колхиды и въ юго-восточномъ углу Чернаго моря продолжаетъ блуждать по прежнему.

По всей вѣроятности, то обстоятельство, что черноморскій берегъ Закавказья въ продолженіи многихъ вѣковъ составлялъ для грековъ крайній предѣлъ плаванія къ сторонѣ востока,— было главною причиною, почему берегъ этотъ удостоился чести называться Колхидою. Но сверхъ того, можно полагать, что греки нашли въ Закавказьѣ и нѣкоторыя другія примѣты, которыя способствовали ихъ убѣжденію, что они видятъ передъ собою ска-

1) *Anabasis*, IV, 8; V, 3.

2) *Uckert*: *Skythien*, 505.

зочную Колхиду. Созвучіе или тождественность названій теперь еще не рѣдко вводитъ въ величайшія заблужденія изслѣдователей древности. Въ такого рода заблужденія греки впадали при каждомъ случаѣ: сходство названій казалось имъ неопровержимымъ доказательствомъ, изъ котораго выводили они длинный рядъ заключеній. Чтобы сколько нибудь объяснить этотъ весьма темный вопросъ о Закавказской Колхидѣ, необходимо обратить вниманіе на мѣстныя названія, которыя могли возбуждать въ грекахъ воспоминанія съ Аргонавтахъ. При этомъ, конечно, особенно важно было бы разобрать, дѣйствительно ли имена эти были туземныя, или занесенныя нѣкогда самими греками, лишь въ послѣдствіи времени представились имъ въ видѣ туземныхъ. Въ этомъ отношеніи мы можемъ ограничиться одними лишь намеками, оставляя большую часть вопросовъ безъ разрѣшенія. Мы начнемъ съ тѣхъ именъ, которыя встрѣчаются въ древнѣйшихъ сказаніяхъ объ Аргонавтахъ.

Эя, Аіа, значить просто *земля* по гречески; употребленіе этого слова въ частномъ значеніи весьма понятно въ разсказахъ объ Аргонавтахъ, которые пустились въ открытое море, чтобы за моремъ искать *землю*, подобно тому какъ Колумбъ пустился въ дальній путь, чтобы отыскать заатлантическую *землю*. Впослѣдствіи это нарицательное имя превратилось въ собственное; всего чаще является оно въ видѣ названія города, будто бы существующаго въ Колхидѣ ¹⁾ и основаннаго Сезострисомъ ²⁾; или называютъ этимъ именемъ островъ на Фазисѣ, гдѣ будто бы находилась столица Колхиды. Разногласіе показаній ясно доказываетъ, что никогда города съ такимъ именемъ не существовало, и что греки также безуспѣшно отыскивали его въ своей Колхидѣ, какъ въ новѣйшее время отыскивалъ Эю въ Мангреліи Дюбуа де Мон-

1) Геродотъ, VII, 197.

2) *Apoll. Rhod.*, IV, 277 Schol.

перѣ ¹⁾. Страбонъ, стараясь доказать дѣйствительность похода Аргонавтовъ, въ чемъ многіе сомнѣвались уже въ его время, приводитъ въ видѣ доказательства, что на Фазисѣ показываютъ еще городъ Эю ²⁾, но, потомъ, въ XI книгѣ своего сочиненія, описывая подробно Колхиду, ни слова не говоритъ объ Эѣ, между тѣмъ какъ таковой пресловутый городъ безъ сомнѣнія обратилъ бы на себя его вниманіе, если бы онъ зналъ только, гдѣ отыскать его. Плиній ³⁾ говоритъ, что Эя находится въ 15000 шагахъ отъ моря, на Фазисѣ, тамъ, гдѣ впадаютъ въ него рѣки Гинпусъ и Ціанусъ; Птоломей ⁴⁾, что Эя, Эаполисъ, стоитъ на берегу моря; наконецъ, Стефанъ Византійскій ⁵⁾ приводитъ мнѣніе, что Эя есть древнѣйшее названіе Діоскуріи. Изъ всего этого можно лишь заключить, что Эѣ нигдѣ не удалось изъ заоблачной области мечтаній спуститься на землю, ни даже въ Закавказьѣ, столь гостепріимномъ для всѣхъ греческихъ мечтаній. Эя есть самородное, ни откуда не заимствованное созданіе греческой фантазіи.

Имя царя *Эетеса*, по всей вѣроятности, происходитъ отъ имени страны Эи и, слѣдовательно, точно столь же мало ознѣчаетъ, что либо дѣйствительно существовавшее. Быть можетъ, слово это одинакого происхожденія съ греч. *atta*, отецъ, *at-avus* ⁶⁾. Ксенофонтъ, находясь въ Котіорѣ (на южномъ берегу Чернаго моря, къ западу отъ Керасунда), слышалъ, что въ странѣ, прилежащей къ Фазису, царствуетъ потомокъ Эетеса ⁷⁾. Страбонъ въ доказательство дѣйствительнаго существованія Эетеса приводитъ, что имя это весьма употребительно въ Колхидѣ. Незнаемъ, какое имя подслушалъ Страбонъ въ Колхидѣ, но трудно согласиться,

1) Voyage autour du Caucase, III, 53, 54.

2) I, 42.

3) Historia naturalis, VI, 4.

4) Geogr., V, 10.

5) Steph. Byz. v. Dioscurias.

6) Vater: Triton und Euphemos, 198.

7) Anabasis, V, 32.

чтобы имъ это было *Отія*, какъ то думаютъ многіе грузины, или Л-швили ¹⁾. Последнее имя мы скорѣе готовы произвести отъ Акеназа, Аза, Язона.

Имя сестры Эетеса, чародѣйки *Кирке* (Царцеи), преимущественно отозвалось въ Италіи, по берегу моря Тирренскаго, омывающаго западный берегъ полуострова. Одиссей пристаеъ къ мысу Киркейскому (мысъ Чирчео на границѣ между Папской областію и Неаполемъ), тамъ онъ живетъ долгое время у Кирке и приживаеъ съ нею сыновей, родоначальниковъ итальянскихъ народовъ ²⁾. Какими бы судьбами Кирке ни занесена была въ Италію, но, во всякомъ случаѣ, по мнѣнію грековъ, родомъ была она изъ Колхиды, слѣдовательно, первоначально жила на Кавказскомъ перешейкѣ, гдѣ, впрочемъ, весьма трудно отыскать слѣды ея имени. Положеніе равнины Кирке, о которой говорятъ схоласти ³⁾, также трудно опредѣлить въ Закавказьѣ, какъ и положеніе небывалаго города Эи. Существуетъ ли какое либо отношеніе между именемъ Кирке и керкетами,—названіемъ, даннымъ греками народу, жившему на восточномъ берегу Чернаго моря и дошедшему до насъ черезъ длинный рядъ вѣковъ въ видѣ черкесовъ, но во всѣ времена чуждымъ самимъ Кавказскимъ туземцамъ? Отбрасывая отъ этническаго названія обычное окончаніе, мы получаемъ *Керкъ*, почти тождественное съ *Кирке*. Наконецъ, имя дщери, солнца Кирке,—названіе народа, жившаго на солнечномъ берегу Керкъ,—находятся ли въ связи съ древнимъ названіемъ обоготвореннаго солнца, *Коръ*, *Куръ*, названіемъ, которое Риттеръ прослѣдилъ отъ Цейлона до Атлантики ⁴⁾? Таковыя вопросы вѣкогда, быть можетъ, будутъ разрѣшены окончательно: теперь они только могутъ быть предложены.

1) *Brosset*: Addit. et éclaircissements à l'histoire de la Géorgie. p. 104.

2) *Theogon.*, 1011.

3) *Apoll. Rhod.*, III, 200 Schol.; Eust. ad Dionys., 693.

4) *Vorhalle europ. Völkergeschichten.*

За то нѣтъ никакого сомнѣнія, что названіе *Фазисъ* или лучше сказать, *Фазъ*, *Фашъ*, *Пассъ*, было туземнымъ на Кавказѣ. Весьма вѣроятно, что Гезіодъ, говоря о *Фазисѣ*, не имѣлъ въ виду никакой определенной рѣки, что одно лишь таковое имя дошло до него или, что еще вѣроятнѣе, сохранилось въ памяти грековъ отъ невѣдомыхъ временъ, утративъ прямое значеніе свое и принявъ символическое. Оставляя въ сторонѣ мифическую родословную *Фазиса*, который будто нѣкогда назывался *Арктуромъ* и перемѣнилъ названіе свое послѣ того, какъ *Фазисъ*, сивъ *Геліуса* и *Окироэ*, бросился въ его волны,— замѣтимъ, что *Фазисъ*, во всѣ времена, служилъ у поэтовъ древности для означенія восточнаго конца земли, точно такъ, какъ *Геркулесовы столбы* западнаго, а *Ниль южнаго* ¹⁾. Въ томъ же смыслѣ употреблялось иногда и названіе *Танаиса*. Таковыя выраженія по привычкѣ сохранились въ классической литературѣ даже и тогда, когда греки и римляне не по одной лишь слышкѣ успѣли ознакомиться съ *Фазисомъ* и *Танаисомъ*. Чтобы не прибѣгать къ крайне невѣроятнымъ предположеніямъ о случайномъ тождествѣ имени фантастическаго *Фазиса* съ дѣйствительно существующимъ, мы должны допустить, что греки слышали названіе *Фазисъ* задолго прежде, чѣмъ увидѣли рѣку этого имени и что эту *тьму имени* рѣки облекли они мифической и символической одеждой. Какъ мы выше сказали, Гезіодъ говоритъ о *Фазисѣ*, но въ его время греки, по всей вѣроятности, еще не посѣщали восточнаго берега Черваго моря. Зная заранѣе, что *Фазисъ* течетъ на восточномъ краю свѣта, достигнувъ углубленія *Понта*, далѣе котораго нельзя уже было плыть къ востоку и, наконецъ, узнавъ, что рѣка, орошающая вновь открытую страну, называется *Фазисомъ*,— греки не могли уже долѣе сомнѣваться, что они дѣйствительно достигли солнечной страны, гдѣ находятся чертоги и мѣсто плы-

1) *Ukert*: Skythien, 29; *Vater*: Argonautenzug, I, 20.

сокъ Еоса (зари), откуда исходитъ Гелиосъ (солнце). Трудно объяснить происхожденіе названія Фазисъ, тѣмъ болѣе, что названіе это объясняется съ равною степенью правдоподобія посредствомъ симитскихъ, арійскихъ и даже финскихъ языковъ ¹⁾; во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что названіе это есть туземное на Кавказскомъ перешейкѣ, или, по крайней мѣрѣ, занесено туда въ незапамятныя времена, и не греками. Слѣды этого названія теперь еще преимущественно сохранились въ тѣхъ мѣстахъ перешейка, которыя были мало доступны или даже вовсе недоступны для грековъ. Ксенофонтъ называетъ верхнюю часть теченія Аракса, которую зналъ онъ, какъ очевидецъ, Фазисомъ и окрестныхъ жителей фазіанами ²⁾. Въ томъ, что тутъ не произошло смѣшенія названій, свидѣтельствуетъ туземное названіе Пасіанъ, Пассинъ, страны, прилежащей къ верхнему теченію Аракса: нынѣшній Пассинскій санджакъ. Мы видимъ слѣды Фазиса и въ названіи рѣки, на которую, вслѣдъ за тѣмъ, вышелъ Ксенофонтъ: Арпасозъ, нынѣ столь извѣстный Арпачай, древнее названіе котораго составлено изъ *ар* = верхній и Пазъ, Фазъ, такъ какъ *ф* замѣняется бузвой *п* у армянъ. Итакъ Арпасозъ, Арпачай, значитъ верхній Фазисъ. Далѣе Ксенофонтъ, достигнувъ моря у Трапезоса (Требизонда), вновь говоритъ о Фазисѣ и предполагаетъ моремъ достигнуть страны, которую онъ орошаетъ. Весьма вѣроятно, что здѣсь дѣло идетъ о Чорохѣ, какъ о великой рѣкѣ, которая скорѣе могла быть извѣстна въ Трапезосѣ, чѣмъ далекой Ріонѣ. Инджиджіанъ доказываетъ, что вездѣ, гдѣ только древніе говорятъ о Фазисѣ, дѣло идетъ о Чорохѣ, а не о Ріонѣ, но съ доказательствами его трудно согласиться. Такъ напр. Страбонъ ³⁾ говоритъ, что городъ Фазъ омывается рѣкою, съ нимъ одноименною, озеромъ и моремъ: это есть вѣрное опи-

1) Nouv. ann. des voyages, 1846, Oct., 57.

2) Anabasis, IV, 30.

3) XI, 498.

саніе положенія нынѣшняго Поти, старой турецкой вѣрѣности Фа-ша; Сарапана, нынѣшня Шаропанъ, по словамъ Страбона, находится на Фазисѣ: хотя пунктъ этотъ находится не на Ріонѣ, но въ бассейнѣ его. Во всякомъ случаѣ, видно, что Страбонъ называетъ Фазисомъ Ріонъ, а не Чорохъ. Но мы должны согласиться съ Инджиджаномъ въ томъ, что Чорохъ также нѣбогда носилъ названіе Фазиса на нѣкоторомъ протяженіи теченія своего. У классиковъ Чорохъ называется Авамписъ (непреклонный), но у Прокіпія находимъ мы сказаніе, что рѣка эта въ верховьяхъ называется Боасъ, потому Фазисъ и, наконецъ, Авамписъ ¹⁾. Отъ томъ, что, независимо отъ греческихъ сказаній, названіе Фазиса не было чуждо нынѣшнему Ріону, свидѣтельствуютъ сходныя названія, сохранившіяся до нынѣ въ верхней, весьма мало доступной, части бассейна рѣки. Гора, изъ которой выходитъ ручей Геби, образующій, соединеніемъ своимъ съ Глолой, Ріонъ, теперь еще называется Паси-мта; прилежащая къ этой горѣ страна къ сѣверу называется Бассіанъ или Фассіанъ; у окрестныхъ къ источникамъ Ріона жителей рѣка эта извѣстна подъ именемъ Фанъ. Такимъ образомъ, если названіе Фазиса дѣйствительно служило для грековъ примѣтой, по которой надѣялись они отыскать солнечную страну, то за таковую страну могли они счесть Кавказскій перешеекъ. Недоумѣніе могло возникнуть развѣ изъ многочисленности туземныхъ Фазисовъ.

Страбонъ доказываетъ справедливость преданія объ Аргонавтахъ множествомъ храмовъ, воздвигнутыхъ въ честь Язона, — такъ называемыхъ Язовій, — и множествомъ мѣстъ, носящихъ его имя. Эти слѣды имени Язона на Кавказскомъ перешейкѣ доходятъ до Каспійскаго моря ²⁾; въ сторонѣ юга углубляются они далеко въ Мидію. Это обиліе туземныхъ именъ, звуками своими напоминавшихъ о походѣ Аргонавтовъ, такъ сильно поразило воображеніе грековъ, что этому походу приписали они величайшіе перевороты,

1) *Stritteri: Memoriae Populorum, IV, 45, 54; Bross et: Add. et éclairc., 94.*

2) *XI, 503.*

будто бы пѣвогда случившіеся на востокѣ. Но эти мнимые перевороты трудно было согласить съ описаніемъ привлоченій Аргонавтовъ, которые, успѣвъ какъ тати захватить золотое руно, забываются лишь о томъ, какъ бы ускользнуть отъ преслѣдованій колховъ, при чемъ, конечно, не имѣютъ ни средствъ, ни времени, ни охоты, строить города и покорять народы. Чтобы объяснить себѣ всѣ эти противурѣчія, греки придумали, что уже послѣ возвращенія своего въ Іонокъ, Язонъ предпринялъ вторичный походъ въ Колхиду, съ огромнымъ ополченіемъ, въ сопровожденіи супруги своей Медеи и сына ея Медоса. Въ этомъ походѣ завоевалъ онъ весь востокъ и царствовалъ надъ нимъ, подобно тому, какъ прежде его царствовали тамъ Геркулесъ и Діонисозъ (Бахусъ). Этимъ объяснялось для грековъ, почему на востокѣ воздавались Язону божескія почести и строились ему храмы, которые, потомъ, Парменионъ, полководецъ Александра Македонскаго, приказалъ вездѣ разрушить, дабы не было на востокѣ имени, славнаго имени Александрова ¹⁾. Величайшіе писатели классической древности принимали этотъ фантастическій походъ за несомнѣнное историческое событіе, и даже чѣмъ болѣе знакомились съ востокомъ, тѣмъ болѣе убѣждались въ дѣйствительности завоеваній Язона и Медоса на востокѣ. Геродотъ говоритъ ²⁾, что мидяне назывались прежде арійцами, но приняли настоящее названіе свое послѣ того, какъ Медея Колхидская прибыла въ страну ихъ. Страбонъ говоритъ ³⁾, что Язонъ, въ сопровожденіи ессалийца Арменоса, проникъ до Каспійскаго моря, откуда, потомъ, обошелъ Иверію (Грузію), Албапію (Дагестанъ) и большую часть Арменіи и Мидіи. Арменія назвалась именемъ спутника Язонава. Описывая Арменію и Мидію, Страбонъ говоритъ, что воспоминанія объ Язонѣ и Медеѣ живы еще между туземцами и что вар-

1) *Vater*: Argonautenzug, I, 39.

2) VII, 62.

3) XI, 503.

вары питаютъ величайшее уваженіе къ историческимъ памятникамъ, называемымъ Язопеями ¹⁾. Изъ всего этого Страбонъ выводитъ заключеніе ²⁾, что мидяне и армяне нѣсколько сродни оессалійцамъ, потомкамъ Язона и Медуи. Самъ даже Тацитъ рассказываетъ ³⁾ объ иберахъ и албанцахъ, что они выдаютъ себя за потомковъ оессалійцевъ, съ которыми Язонъ возвратился въ Колхиду: имя Язона священно въ этихъ странахъ, равно какъ и оракуль Фриксосъ.

Конечно, въ настоящее время, намъ не могутъ не казаться чрезвычайно странными таковыя понятія классиковъ о древнѣйшей исторіи востока. По всему видно, что признаки единства индо-европейской расы не могли совершенно ускользнуть отъ ихъ вниманія, но таковаго единства они не въ состояніи были признать. Имъ даже на мысль не приходило, что варвары, скифы, суть братья ихъ, паравъ съ ними наследовавшіе общее отцовское достоинствѣ. Имъ никогда не представлялась весьма простая догадка, что, сверхъ двухъ возможныхъ переселеній изъ *a* въ *b* или изъ *b* въ *a*, возможно еще переселеніе изъ *c* прямо въ *a* и *b* ⁴⁾. Все, что находили они на чужой сторонѣ, напоминавшее имъ родину, почитали они заимствованнымъ у нихъ варварами, потому что не допускали мысли, что сами заимствовали что либо, а предположеніе объ общемъ источникѣ взаимно-независимыхъ заимствованій никогда не представлялось уму ихъ. Этотъ односторонній взглядъ вовлечъ ихъ въ величайшія заблужденія относительно исторіи востока. Едва ли даже въ правѣ мы строго осуждать ихъ за это: теперь еще многіе, на основаніи сходства названій или языковъ, вѣрять въ заселеніе Европы изъ Азіи черезъ Кавказскій перешеекъ ⁵⁾,—предположеніе точно столько же правдо-

1) XI, 526.

2) XI, 531.

3) Ann., VI, 34.

4) *Ersch und Gruber: Encyclopaedie: Indogerm. Sprachst.*, p. 17.

5) *Hawthausen: Transkaukasia*, I, 289.

подобие, какъ и предположеніе грековъ о заселеніи Закавказья ессалійцами!

Какъ кажется, можно себѣ объяснить, что такое были Язо-неи, найденныя греками въ большомъ числѣ, какъ на всемъ протяженіи Кавказскаго перешейка, такъ и въ сторонѣ запада въ Италіи, по берегамъ Тирренскаго моря. Выше мы говорили о распространеніи съ незапамятныхъ временъ по всему матеріку Европы названія Аскеназа, азовъ. Эти азы представлялись не только героями, людьми высокаго происхожденія, но и богами, въ особенности же въ понятіяхъ древнѣйшихъ обитателей Италіи. Мы выше также изложили, что это имя не только оставило по себѣ глубокіе, до нашего времени неизгладимые слѣды на Кавказскомъ перешейкѣ, но что тамъ даже была страна, носившая названіе Азіи и по всей вѣроятности косвеннымъ путемъ передавшая названіе свое дѣлой части свѣта. Такимъ образомъ, звукъ *азъ* или *язъ* греки безпрестанно слышали на перешейкѣ. Грузинское дворянское сословіе ведетъ свое происхожденіе отъ спутниковъ Азона, который, правда, выдается за полководца Александра Македонскаго, но это не болѣе, какъ невѣжественная передѣлка стариннаго преданія. Мы не знаемъ, были ли воздаваемы азамъ божескія почести на Кавказѣ, но весьма вѣроятно, что съ множествомъ памятниковъ или предметовъ мѣстности связаны были преданія о герояхъ-прародителяхъ азахъ.

Все это, вѣроятно, греки отнесли къ своему сказочному Язону, и во всемъ этомъ нашли они неопровержимыя доказательства пребыванія Язона въ Закавказьѣ. Мы даже думаемъ, что тутъ не было случайнаго созвучія, вслѣдствіе котораго перѣдко сблизаются ошибочно названія совершенно различнаго происхожденія; случайнымъ въ имени Язона видимъ мы греческое толкованіе его «врачующій, благотворный»; настоящее происхожденіе имени этого не должно ли искать въ имени азовъ, сохранившемся въ памяти грековъ, но утратившемъ прямое значеніе свое и

припавшемъ символическое? Въ то время, когда рассказы объ Аргонавтахъ уже сдѣлались общенароднымъ достояніемъ грековъ, греки не знали еще положительно о существованіи мидянъ. Быть можетъ и имя Мидеи изображаетъ собою первоначальный смутный отголосокъ имени мидянъ, дошедшій до грековъ или сохранившійся въ ихъ памяти отъ невѣдомыхъ отдаленныхъ временъ. Такъ, испанскій король извѣстенъ нашимъ сказочникамъ, по это не даетъ имъ никакого понятія объ Испаніи.

Юпитеръ, превратясь въ лебедя, посѣтилъ прекрасную Леду, супругу царя Тиндара; вслѣдствіе этого посѣщенія царица родила яйцо, изъ котораго вышли близнецы, Діоскуры, Кастеръ и Поллуксъ: это были благодѣтельные гевы, которые призываются были на помощь въ минуты смертной опасности, въ бою, преимущественно же во время бури на морѣ. Въ бѣлыхъ ризахъ, на бѣлыхъ коняхъ или золотой колесницѣ, близнецы разсѣкали воздухъ, являлись посреди ужасовъ боя или бури, вырывали побѣду у враговъ, укрощали вѣтеръ и волненіе. Діоскуры вообще представляютъ собою олицетвореніе впечатлѣнія, производимаго на людей первыми лучами разсвѣта, прорѣзывающими мракъ ночи; они разгоняють тму и бѣду; когда море и небо помрачены бурей, то первый свѣтъ, проникающій сквозь тучи, суть Діоскуры. Пловцамъ возвѣщаютъ они конецъ бури, близкое спасеніе ¹⁾. Діоскуры были по преимуществу гениями-покровителями мореплавателей. Само собою разумѣется, что рассказы о знаменитѣйшихъ изъ всѣхъ мореплавателей, объ Аргонавтахъ, не могли обойтись безъ Діоскуровъ. Но въ этомъ походѣ Діоскуры помогали не свыше: они сами были въ числѣ Аргонавтовъ и, какъ простые смертные, дѣлили ихъ труды и опасности. Діоскуры, по понятіямъ грековъ, не могли не оставить по себѣ воспоминаній во всѣхъ тѣхъ странахъ, которыя посѣщены были Аргонавтами, и наоборотъ, всякій слѣдъ почитанія Діоскуровъ варварскими народами

1) *Duncker*: Geschichte des Alterthums, III, 36.

служилъ для грековъ доказательствомъ, что народы эти вѣкогда были въ соприкосновеніи съ Аргонавтами. Такъ Діодоръ Сицилійскій говоритъ ¹⁾, что мѣтніе о плаваніи Аргонавтовъ по Океану и, потомъ, черезъ Гадесскій (Гибралтарскій) проливъ основано преимущественно на томъ, что кельты, живущіе по берегамъ Океана, питаютъ особое благоговѣніе къ Діоскурамъ. Геродотъ ²⁾ говоритъ, что всѣ имена боговъ заимствованы греками у египтянъ, за исключеніемъ немногихъ, въ числѣ которыхъ находятся Діоскуры. Названіе ихъ, конечно, есть чисто греческое, но повѣтіе о нихъ, безъ сомнѣнія, заимствовано изъ другихъ древнѣйшихъ религій отдаленнаго востока. Въ индійской мифологіи находимъ мы прекрасныхъ юношей-близнецовъ, Асвиновъ, которые въ видѣ первыхъ лучей денницы разгоняютъ ночную темноту, которые восстаютъ въ колесницѣ по воздуху, которые являются для спасенія мореходцевъ отъ кораблекрушенія ³⁾. Но индусамъ могло быть извѣстно только плаваніе по морю Эритрейскому, гдѣ колыбель исторіи всемірнаго плаванія, гдѣ въ ведаягаемъ-отдаленную эпоху производилось уже дѣятельное торговое сообщеніе моремъ между Еюіопіей и Индіей ⁴⁾. Это море сдѣлалось театромъ плаванія многими вѣками равнѣ Средиземнаго; на послѣднемъ самыми древними плавателями являются финиціане, но и финиціане, согласно преданію, перешли на берега Средиземнаго моря съ береговъ Эритрейскаго ⁵⁾. Все это не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что греческіе Діоскуры прямо и безъ измѣненія происходятъ отъ Эритрейскихъ Асвиновъ. Служеніе близнецамъ-покровителямъ мореходцевъ могло быть распространено финиціанцами по всей морской периферіи Европы и даже по восточному бере-

1) IV, 56.

2) II, 50.

3) Rigveda, I, 116.

4) *Recherch. Politique et commerce des peuples de l'antiquité*. V Sect., II Chap. III.

5) *Геродотъ*, VII, 89.

гу Чернаго моря, прежде еще, чѣмъ греки осмѣливались пускаться въ море, прежде еще даже, быть можетъ, чѣмъ начались толки объ Аргонавтахъ. Поэтому, весьма естественнымъ образомъ греки впоследствии времени нашли служеніе Діоскурамъ распространенымъ на самыхъ отдаленныхъ берегахъ и, вѣрныя своей точкѣ зрѣнія, приписали таковое распространеніе странствованіямъ Аргонавтовъ. Преданіе о Діоскурахъ обозначилось на восточномъ берегу Чернаго моря мѣстными названіями, которыя въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ сохранились даже до нашего времени. Существовала греческая колонія, производившая величайшіе торговые обороты на Кавказскомъ перешейкѣ. Эта колонія называлась Діоскурией. Греческое поселеніе основано было милезійцами, но вмѣстѣ съ тѣмъ существовало обще-распространенное мнѣніе ¹⁾, что уже задолго до прибытія милезійцевъ на мѣстѣ этомъ находилось туземное поселеніе, основаніе котораго приписывалось однимъ самимъ Діоскурамъ, другими же *возникшимъ* волею Діоскуровъ, унесеннымъ бурей врозь съ Аргонавтовъ. Уже во времена Пливія ²⁾ отъ города оставались одни лишь развалины. Теперь трудно опредѣлить съ точностію настоящее мѣсто положенія этого нѣкогда столь знаменитаго города, но все заставляетъ думать, что онъ находился не въ дальнемъ разстояніи отъ нынѣшняго Сухума. По близости Сухума есть мысъ, который туземцами называется Исауръ, Искурия, Скурція; на мысу развалины, поросшія уже густымъ лѣсомъ. Все заставляетъ думать, что тамъ находилась древняя Діоскурія, но нельзя быть увѣреннымъ, что настоящее названіе мыса не есть издревле-туземное, что оно не болѣе, какъ отголоскомъ греческой Діоскурии. Быть можетъ, на основаніи этого созвучія туземнаго названія съ именемъ Діоскуровъ, милезійцы приписали поселенію столь знаменитую давность. По Діоскури,

1) *Raoul-Rochette*: Hist. des colonies grecques, II, 209; III, 395.

2) VI, 5.

во время плаванія Иэона къ берегамъ Колхиды, назывались еще Тиндаридами, по имени земнаго мнимаго отца своего, царя Тиядара. Главкъ, морской богъ, вилавъ сопровождавшій пѣсколько времени Арге, предсказалъ Тиндаридамъ, что они вѣкогда прозваны будутъ Діоскурами (сыновьями Зевса) и что имъ будутъ воздаваемы божескія почести. Страна, гдѣ находился городъ Діоскурія, называется классиками землею Тиндаридовъ или Геніоховъ. Вблизи мыса Песаура, Искурии, въ недавнія времена еще существовалъ городъ Дандара, названіе котораго въ измѣненномъ видѣ сохранилось въ названіи Драндсаго поста. Соединенныя греческія названія Діоскуровъ и Тиндара соответствуютъ соединеннымъ туземнымъ Искурии и Дандара. (Учь ли послѣднія дѣйствительно туземныя или занесены туда милезійцами, — это, конечно, можно рѣшить только при помощи туземныхъ языковъ. Мы еще разъ напомнимъ о существовавшемъ у грековъ преданіи, что милезійцы, прибывъ впервые на восточный берегъ Черваго моря, нашли уже тамъ древнѣйшее поселеніе Діоскуровъ-Тиндаридовъ. Туземцевъ, жившихъ въ окрестностяхъ Діоскуріи, греки называютъ геніохами, что значитъ *возниче* по-гречески. Съ этимъ названіемъ связано греческое повѣрье, будто бы *инохи*, возниче колесницы Діоскуровъ, основались на восточномъ берегу Понта и были родоначальниками тамошнихъ обитателей. Этническое названіе геніоховъ представляетъ ли собою простой выводъ грековъ изъ повѣрій о Діоскурахъ-Тиндаридахъ, не основанный ни на какихъ мѣстныхъ данныхъ? Но весьма близкое къ геніохамъ этническое названіе *ганноаче* дѣйствительно существуетъ на Кавказѣ, даже въ наше время. Такъ адыге (черкесы) называютъ лезгинъ. Происхожденіе этого названія до сихъ поръ не объяснено; оно совершенно неизвѣстно самимъ лезгинамъ, также какъ названіе чеченцевъ неизвѣстно племени Нахче, грузинъ—картуламъ, армянъ—гайканамъ, осетинъ—иронамъ. Если даже существуетъ связь между греческимъ этническимъ названіемъ геніоховъ и ту-

земнымъ кавказскимъ ганноаче, то, конечно, изъ него не позволительно вывести заключенія, что лезгинны нѣкогда обитали на восточномъ берегу Чернаго моря, потому что необъясненное названіе ганноаче можетъ изображать относительныя свойства страны, занимаемой какимъ либо народомъ, каковой бы, впрочемъ, народъ ни занималъ эту страну. Зная легкомысліе грековъ въ дѣлѣ этнологіи, конечно, можно допустить, что кавказскихъ ганноаче они превратили въ гептоховъ и приписали имъ мифическое происхожденіе, но привести этотъ вопросъ въ окончательную ясность можно только при помощи изученія кавказскихъ языковъ.

Мы выше сказали, что, по мнѣнію грековъ, названіе Питія на оракійскомъ языкѣ означало *золотое руно*, и городъ этого имени находился въ Геллеспонтѣ. Впрочемъ, значеніе этого названія весьма просто объясняется помощію греческаго языка, производя его отъ слова *pitus* = сосна: *pitius* значить мѣсто, поросшее сосною. Какъ бы то ни было, но весьма замѣчательно, что такое названіе составляетъ также принадлежность географіи Аргонавтовъ. Питія встрѣчается на азіатскомъ берегу противъ выхода изъ Геллеспонта въ Прооптиду ¹⁾, Питіей назывался нѣкогда городъ Ламсакъ на Геллеспонтѣ, это же названіе встрѣчается въ окрестностяхъ Требизонта и, наконецъ, въ углу Адриатическаго моря. Со всеми этими мѣстностями греки связывали преданія объ Аргонавтахъ: это имя постоянно представлялось имъ въ видѣ слѣда, оставленнаго пресловутыми странствователями. Таковое имя встрѣчаемъ мы и на восточномъ берегу Чернаго моря. Классики ²⁾ говорятъ о значительномъ городѣ Питіусѣ, находившемся въ Колхидѣ, принимая для Колхиды обширное протяженіе къ сѣверу даже отъ Діоскурій. Этотъ городъ, какъ военный пунктъ, играетъ роль въ послѣдующіе вѣка во время войнъ между византіяцами и персами. Прокопій не разъ упоминаетъ о немъ,

1) *Strabo*: XIII, 588.

2) *Strabo*: XI, 496, 497; *Plinius*, VI, 5.

называя его *Pitiuntis castellum* ¹⁾; позже, на мѣстѣ древняго города съ мифическимъ названіемъ, воздвигнутъ былъ христіанскій храмъ, который теперь еще, полуразрушенный, сохраняетъ характеръ дивнаго величія ²⁾. Пیتیусъ классиковъ, Пیتیутисъ византийцевъ, превратился у насъ въ Пидунду. Туземцы называютъ это урочище Бидивинта; не зная промежуточныхъ названій, трудно отгадать тождество Бидивинты съ Пیتیусомъ. Греческое названіе могло быть дано мѣсту, потому что даже до нашего времени въ окрестности находится большой соевый лѣсъ. Чтобы объяснить отношеніе этого названія въ разсказахъ объ Аргонавтахъ, должно допустить толкованіе его посредствомъ неизвѣстнаго намъ еракійскаго языка.

Кита, Китен имѣютъ у описателей похода Аргонавтовъ разнообразное значеніе, относясь то къ странѣ, то къ городу; то, наконецъ, обозначая особый характеръ цивилизаціи: такъ волшебство Медеи и его принадлежности называются китейскими, сама она Китендою. Мюллеръ полагаетъ, что названіе это происходитъ отъ греческаго *to kutos*, „кожа“, напоминающаго собою цѣль путешествія Аргонавтовъ. Скорѣе можно думать, что названіе это совершенно чуждо греческому языку и что случайное сходство его съ греческимъ словомъ подало поводъ привязать его къ разсказамъ объ Аргонавтахъ. Фатеръ ³⁾ думаетъ, что названіе это вообще означало *востокъ* и что даже существуетъ древняя этимологическая связь между нимъ и русскимъ названіемъ Поднебесной имперіи. Последнее рѣшительно несправедливо, потому что названіе Китая гораздо съ большимъ основаніемъ можно прозвести отъ монголо-тунгвзскаго племени кидань или китань, составившаго въ нагорной восточной Азіи могущественное государство, которое западными писателями было постоянно смѣшиваемо и

1) *Stritter: Menior. popul.*, IV, 45, 56. 170.

2) *Dubois de Montpéroux: Voy. autour du Caucase*, I, 223.

3) *Argonautenzug*, I, 22.

принимасмо за одно съ Китайскимъ государствомъ и впоследствии чрезъ монголовъ дѣйствительно соединилось съ нимъ ¹⁾. Кита, Китея было названіе весьма распространенное въ древнемъ мірѣ: мы находимъ его у входа въ Понтъ, дажде въ Тавридѣ ²⁾, на островѣ Критѣ и т. д. Въ положительной географіи Закавказья, которая начинается только послѣ похода Помпея, мы находимъ названія Котазиянъ, Котіаіонъ, Кутатизіонъ для замка или города, построеннаго на Ріонѣ. Всѣ эти названія имѣютъ довольно отдаленное сходство съ Кита или Китея Аргонавтическихъ поэмъ, но по всей вѣроятности относятся къ нынѣшнему городу Кутаису. Г. Броссе полагаетъ, что древнее туземное названіе было дѣйствительно Китея ³⁾, почти тождественное съ нынѣшнимъ Кутайсомъ. Страбонъ въ своемъ описаніи Колхиды говоритъ о Шарлани, но ни слова о Кутайсѣ. Самое древнее упоминаніе объ этомъ замкѣ находимъ мы у Провонія Византійскаго ⁴⁾, который ссылается на некогдашнее до насъ сочиненіе Арріана (жившаго во II в. по Р. X.). Тутъ говорится о замкѣ, называемомъ Котізонъ греками и Кутатизіонъ лазами, которые, по незванію языка, переименовали настоящее имя. Кѣмъ и когда построенъ замокъ Котізонъ или Кутатизіонъ неизвѣстно, но трудно повѣрить, чтобы классики, писавшіе о городѣ Китеѣ въ Колхидѣ, имѣли въ виду именно этотъ замокъ, имѣвшій одно лишь военное значеніе. Закавказскую Китею классиковъ можно почитать столь же мало когда либо существовавшею, какъ и городъ Эю, съ которымъ столь много писали и который дѣлался тѣмъ менѣе извѣстнымъ, чѣмъ страна дѣлалась извѣстнѣе. Нечего и доказывать несообразность мнѣнія, что слухъ о безвѣстной крѣпости, заправшей выходъ изъ ущелій Ріона на равнину, дошедшій до Греціи,—предполагая

1) Ritter: Erdkunde, II, 86, русский переводъ Семенова I, 182.

2) Uckert: Skythien, 513.

3) Brosset: Addit. et éclair., 99.

4) De bello goth., IV, 14.

даже, что Кутатвиэионъ уже существовалъ въ эту глубоко-отдаленную эпоху,—подавъ поводъ въ разсказахъ о Медей китейскаго и о волшебствѣ китейскаго. Въ названіи Кутанса и въ Китеѣ Аргонавтовъ мы не видимъ ничего болѣе, кромѣ случайнаго созвучія, если только не допустить, что греки или римляне сами основали уже этотъ замокъ гораздо въ позднѣйшія времена и дали ему классическое имя, подобно тому, какъ въ недавнее время еще давались классическія названія городамъ, воздвигаемымъ въ Новороссійскомъ краѣ.

Какъ мы сказали выше, разсказы объ Аргонавтахъ, по гесей вѣроятности, распространились между греками еще въ ту отдаленную эпоху, когда греки знали жизнь на морѣ и заморскія страны лишь по наслышкѣ, добавляя воображеніемъ скудную основу. Названіе колховъ встрѣчается намъ въ первый разъ въ отрывкахъ поэмъ, относящихся къ VIII в. до Р. Х., но нѣтъ никакого повода думать, чтобы это имя уже прежде не было въ ходу у грековъ, чтобы появилось оно вслѣдствіе какого либо географическаго открытія. Нѣтъ сомнѣній, что греки толковали о колхахъ, воспѣвали колховъ, прежде чѣмъ знали, гдѣ они находятся. Изъ всего можно также заключить, что колхи играли въ воображеніи грековъ роль, сходную съ киммеріанами. Последніе жили на крайнихъ предѣлахъ полуночи, въ странѣ, которой солнце никогда не озаряетъ и не согрѣваетъ. Колхи жили на крайнихъ предѣлахъ востока, въ странѣ по преимуществу солнечной, откуда, какъ бы изъ дому, каждое утро солнце отправляется въ путь. Темно и грустно въ землѣ киммерійской, свѣтло и радостно въ землѣ колховъ. И киммеріане и колхи занимали воображеніе грековъ, прежде чѣмъ послѣдніе сдѣлались извѣстными сѣверный и восточный берега Понта Эвксинскаго, крайніе предѣлы земли въ то время къ сторонѣ сѣвера и востока. Дѣйствительность скоро заставляла отодвинуть киммеріанъ въ безвѣстную даль, Геродотъ говоритъ о нихъ лишь по одному невѣрному преданію.

Но колхи, какъ казалось грекамъ, были дѣйствительно отысканы; быть можетъ, продолжительность заблужденія объясняется тѣмъ, что въ продолженіи длиннаго ряда вѣковъ послѣ основанія первыхъ колоній на восточномъ берегу, внутренность перешейка по прежнему оставалась неизвѣстною. Не рѣше какъ около времени Р. Х., послѣ похода Помпея Великаго, греки начали замѣчать, что образованность и богатство туземцевъ вовсе не соответствуютъ древнимъ блестящимъ описаніямъ, которыя поэмы передавали о колхахъ. Но это разочарованіе объясняемо было постепеннымъ упадкомъ страны ¹⁾. Въ послѣдующіе вѣка сношенія съ Закавказьемъ становились все чаще и чаще, и заблужденіе дѣлалось все менѣе и менѣе возможнымъ: дикіе лазы совершенно заслонили собою поэтическихъ колховъ. Естественнымъ образомъ возникаетъ вопросъ, остающійся до сихъ поръ неразрѣшеннымъ, не смотря на всѣ усилія учености. Нѣтъ никакого повода сомнѣваться въ томъ, что лазы, мингрельцы, грузины живутъ въ странахъ, гдѣ мы теперь ихъ находимъ, съ незапамятныхъ временъ, — во всякомъ случаѣ жили они уже тамъ, при первомъ сношеніи грековъ съ восточнымъ берегомъ Чернаго моря. Дѣйствительно ли греки называли колхами предковъ нынѣшняго народонаселенія или какой либо другой народъ, жившій тамъ же, хотя, быть можетъ, въ небольшомъ числѣ и впоследствии времени исчезнувшій? Наконецъ, откуда произошло названіе колховъ? Конечно, колхи первоначально были для грековъ такимъ же фантастическимъ народомъ, какъ киммеріане и гиперборейцы. Но послѣдніе никогда и не были отысканы греками; Геродотъ пишетъ, что киммеріане исчезли, а что о гиперборейцахъ ни одинъ изъ числа самыхъ отдаленныхъ даже народовъ ничего не знаетъ ²⁾. Названія киммеріанъ и гиперборейцевъ легко могутъ быть объяснены помощію греческаго

1) *Strabo*: XI, 499.

2) IV, 32.

языка, при чемъ ясно обнаруживается сказочный характеръ ихъ. Но названія колховъ нельзя объяснить греческимъ языкомъ, откуда можно заключить, что, какой бы фантастическій обликъ греки ни придали имъ, но имя ихъ услышали они впервые отъ чужеземцевъ. Подобнымъ образомъ, мы выше доказали, что названіе *Фазисъ* для рѣки дѣйствительно существовало совершенно независимо отъ грековъ, но что греки этому названію, въ смутномъ видѣ дошедшему до нихъ, придали мноическое значеніе. Итакъ, вопреки мнѣнію Фатера ¹⁾, можно думать, что колхи гдѣ либо и когда либо существовали: иначе мы заблудимся посреди безвыходнаго сдѣвленія сказокъ, передаваемыхъ будто бы однимъ народомъ другому. Происхожденіе названія колховъ объяснено было помощью почти всѣхъ древнѣйшихъ языковъ, но никогда это не было сдѣлано удовлетворительно. Розенмюллеръ ²⁾ старается доказать тождество библейской страны, богатой золотомъ Хавилы, орошаемой рѣкою *Фиссономъ*, съ греческой Колхидой, также богатой золотомъ и орошаемой *Фазисомъ*. Въ этомъ объясненіи, быть можетъ, находятся значительная доля правды. Хавила не входитъ въ кругъ положительной библейской географіи: евреи знали лишь, что страна эта лежитъ весьма далеко «на востокѣ» и что «тамъ есть золото». Подобнымъ же образомъ, и греки знали, что на крайнихъ предѣлахъ востока есть земли Колхида и въ ней «золотое руно», изображавшее собою, если даже не прямо золото, то во всякомъ случаѣ нѣкое безцѣнное сокровище. Единство происхожденія большей части мнѣовъ симитскихъ и арійскихъ въ наше время не можетъ уже болѣе подлежать сомнѣнію. Ограничиваясь однимъ лишь понятіемъ, которое евреи имѣли о странѣ Хавилѣ, припомнимъ сказанное нами выше, что страна эта представлялась заселенною *темнымъ* потомствомъ хамовымъ, кушитами, египтяни

1) Argonautenzug, I, 25.

2) Handb. der bibl. Alterth. I, 1, 203.

греческаго перевода библіи. Другое толкованіе распространилось въ недавнее время, вслѣдствіе нѣкотораго ознакомленія съ грузинскимъ языкомъ. Халхи, ხალხი, значить на этомъ языкѣ «народъ». Слово это звуками своими очень близко къ колхамъ, и отъ него производять послѣднее названіе ¹⁾. Но, чтобы допустить такую этимологію, необходимо также допустить, что первоначальные рассказы объ Аргонавтахъ возникли подъ влияніемъ впечатлѣній, которыя произвело на грековъ ознакомленіе съ Закавказьемъ, что колхи, лазы и мингрельцы, внушили грегамъ высоія понятія о богатствѣ и просвѣщеніи своемъ! Все это совершенно невѣроятно и тѣмъ менѣе, что греки знали колховъ, или, по крайней мѣрѣ, колхидскихъ выходцевъ, еще во многихъ другихъ странахъ, какъ то въ Италіи, на островѣ Критѣ, въ Ливіи. Несмотря на все легковѣріе грековъ, трудно допустить, чтобы они открыли что либо общее между дикими лазами и этими западными поселенцами. Быть можетъ, грекъ, услышавъ, что туземцы называютъ сами себя *халхи*, еще болѣе убѣдился въ томъ, что страна эта есть дѣйствительно сказочная Колхида, но, во всякомъ случаѣ, послѣднее названіе знали они, находясь еще домѣ.

Мы выше сказали, что даже, если искать Колхиду въ юго-восточномъ углу Чернаго моря, то, тѣмъ не менѣе, предѣлы, которые греки давали ей, не могутъ быть въ точности обозначены. Все протяженіе берега отъ Требизонта до Пицунды имѣетъ право носить названіе Колхиды, если основываться на показаніяхъ различныхъ классическихъ писателей. П Ріону и Чороху придаваемо было названіе Фазиса. Мы не имѣемъ никакого повода сомнѣваться, что вышшіе обитатели юго-восточнаго берега Чернаго моря суть прямыя потомки тѣхъ самыхъ народовъ, которые обитали тамъ вѣковъ за двадцать пять тому назадъ, въ то время,

1) Nouv. ann. des voyages, 1847, Mai, 171; Закавказскій Вѣстникъ, 1846, № 5: статья *Майсурова* объ Аргонавтахъ.

когда греки познакомились впервые съ этимъ берегомъ. Нѣтъ также никакого повода думать, чтобы вслѣдствіе какихъ либо вѣдшихъ вліяній наружность туземцевъ значительно измѣнилась въ теченіе этого длиннаго ряда вѣковъ. И теперь еще находятся они точно въ такой же тѣсной зависимости отъ природы края, въ каковой находимъ ихъ въ самую отдаленную эпоху. Какой же народъ собственно греки называли колхами: лазовъ ли, гурійцевъ ли, мивгрельцевъ, абхазевъ или, наконецъ, джигетовъ? Всѣ эти народы представляютъ наружностію своею довольно примѣтныя типическія отличія. Остается сравнить то, что мы теперь видимъ, съ тѣмъ, что греки писали о колхахъ или, лучше сказать, о народѣ, который они, быть можетъ, ошибочно припали за колховъ.

Описаніе Колхиды и колховъ встрѣчаемъ мы у многихъ классиковъ, но по всему можно заключить, что эти описанія сдѣланы большею частію не очевидцами, а по слуху или на основаніи понятій, составленныхъ заблаговременно. Пиндаръ ¹⁾ называетъ колховъ черпыми; Гиппократъ замѣчаетъ ²⁾, что окрестности Фазиса болотисты, лѣсисты, имѣютъ воздухъ сырой и густой, круглый годъ погода дождливая. Вода теплая, сточная; овощи нехорошаго качества и не дозрѣваютъ, по причинѣ частыхъ тумановъ. Времена года мало измѣняются въ отношеніи къ теплу и холоду. Жители не походятъ на остальныхъ людей: всѣ они высоки ростомъ и толсты. Жилы и суставы у нихъ непримѣтны. Они желтаго цвѣта, какъ бы отъ желтухи. Голосъ ихъ очень грубый, потому что они лишены чистаго воздуха и живутъ посреди тумана и сырости. Они лѣнны и неспособны къ напряженной дѣятельности. Описаніе края изображаетъ вѣрно низменныя части Мивгреліи и Гуріи, но описаніе жителей не соответствуетъ дѣйствительности. Птоломей приписываетъ вліянію звѣздъ,

1) Puth. IV, 211

2) De aëre etc. § 82 п 84.

что въ Кольхидѣ мужчины склопны къ покорности, женщины же мужественны, властолюбивы и воинственны. Таковая примѣта, конечно, не много поддвигаетъ насъ впередъ.

Самое замѣчательное и достоѣрное описаніе колховъ встрѣчаемъ мы у Геродота. Геродотъ, конечно, часто заблуждался, находясь подъ вліяніемъ господствовавшихъ въ его время понятій, но добросовѣстность его не подлежитъ никакому сомнѣнію. При томъ, колховъ онъ имѣлъ случай самъ видѣть и разговаривать съ ними, хотя намъ и неизвѣстно, на какой именно части юго-восточнаго берега онъ съ ними познакомился. Вотъ что онъ пишетъ о нихъ ¹⁾: «Какъ бы то ни было, колхи, повидимому, египетскаго происхожденія; я о томъ догадывался прежде, чѣмъ услышалъ отъ другихъ, но, желая удостовѣриться, распрашивалъ оба народа: колхи сохранили гораздо болѣе воспоминаній о египтянахъ, чѣмъ египтяне о колхахъ. Египтяне полагаютъ, что народы эти суть потомки части воинства Сезострисова. Я также заключилъ это на основаніи примѣты: во первыхъ потому, что они черномазы и кудрявы,—примѣта, впрочемъ, довольно сомнительная, потому что свойственна и другимъ народамъ; вторая и важнѣйшая заключается въ томъ, что колхи, египтяне и еоіоны суть единственные народы, у которыхъ обрѣзаніе введено съ незапамятныхъ временъ. Фивикіяне и Палестинскіе сирійцы сами говорятъ, что заимствовали обрѣзаніе у египтянъ, но сирійцы, живущіе на берегахъ Термодона и Пароениоса, равно какъ и сосѣди ихъ макроны, сознаются, что обычай этотъ переняли въ недавнее время у колховъ. Это суть единственные народы, у которыхъ существуетъ обрѣзаніе и по всему можно заключить, что въ этомъ подражаютъ они египтянамъ. Такъ какъ обрѣзаніе у египтянъ и у еоіоновъ введено искони, то не могу сказать, который изъ двухъ народовъ заим-

1) II, 104 и 105.

ствовалъ у другого. Что касается до прочихъ народовъ, то они переняли обрѣзаніе у египтянъ вслѣдствіе торговыхъ сношеній. Это доказывается и тѣмъ, что финиціане, посѣщающіе грековъ, утратили обычай обрѣзывать новорожденныхъ дѣтей.

Но вотъ еще другія черты сходства между этими двумя пародами (т. е. между египтянами и колхами). Они одни обрабатываютъ лезъ одинакимъ способомъ; образъ жизни ихъ одинаковъ и они имѣютъ одинъ и тотъ же языкъ. Греки называютъ сардонскимъ лезъ, который получается изъ Колхиды и египетскимъ тотъ, который идетъ изъ Египта».

Еслибы можно было положиться на безошибочность Геродота столько же, сколько на его правдивость, то, конечно, показаніе его, что языкъ колховъ одинаковъ съ языкомъ египтянъ, устранило бы всякія дальнѣйшія сомнѣнія на счетъ египетскаго происхожденія Закавказскихъ колховъ. Все прочіе доказательства совершенно блѣднѣютъ передъ этимъ. Походъ Сезостриса въ Закавказье столь же мало заслуживаетъ вѣроятія, какъ и походъ Аргонавтовъ; если даже и справедливо преданіе о такомъ походѣ, то, во всякомъ случаѣ, колхи, въ видѣ военной колоніи, отдѣлились отъ египтянъ за 1000 лѣтъ до Геродота; если даже и сохранили они языкъ своихъ предковъ, то въ теченіе тысячелѣтія языкъ этотъ долженъ былъ такъ измѣниться, что средство его съ египетскимъ не могло сразу обнаружиться для поверхностнаго наблюдателя. Но въ дѣлѣ сравнительнаго языкознанія греки столько же недоступны были истинѣ, сколько доступны заблужденіямъ. Два, три слова, слышанныя Геродотомъ у колховъ и представлявшія случайное сходство съ египетскими, быть можетъ, достаточны были для убѣжденія его, что языкъ обоихъ народовъ одинъ и тотъ же. Риттеръ ¹⁾ подробнымъ разборомъ доказательствъ, приводимыхъ Геродотомъ, обнаружилъ всю неоснова-

1) Vorhalle europ. Völkergeschichten, 40 и сл.

тельность ихъ, но самъ онъ, введенный въ заблужденіе учеными мнѣніями, господствовавшими въ то время, когда писалъ онъ свое сочиненіе (около 1820 г.), дошелъ до заключеній, еще менѣе вѣроятныхъ, чѣмъ Геродотовы. Положившись на Птолемею карту острова Тауробаны (Цейлона), гдѣ встрѣчаются и колхи, и халибы, и соаны, и Фазисъ, Риттеръ призналъ въ Закавказскихъ колхахъ выходцевъ,—если не изъ Тауробаны, то, по крайней мѣрѣ, изъ Индійскаго полуострова. Это дальнее переселеніе объяснялъ онъ преслѣдованіями, которымъ буддизмъ подвергся со стороны брахманизма. Но таковыя преслѣдованія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, распространеніе буддизма къ сѣверу отъ Индустана, во внутрь Азіатскаго материка, начались только около времени Рождества Христова, что вполнѣ опровергаетъ гипотезу Риттера. Мы не беремся рѣшить, были ли названія колхи, соаны, халибы, Фазисъ и т. п. туземными на Тауробанѣ и вообще въ Индустанѣ, или были они своевольно пригласаны къ этимъ отдаленнымъ странамъ греками, вслѣдствіе требованій фантастической географіи послѣднихъ,—во всякомъ случаѣ, если даже названія эти и были туземными, то сходство ихъ съ закавказскими, котораго никакъ нельзя почитать случайнымъ, вовсе не убѣждаетъ еще въ томъ, чтобы названія эти перенли изъ Индіи въ Закавказье. Гораздо естественнѣе предположить для нихъ общій, въ обѣихъ лежащій исходъ. Подобнымъ образомъ, въ наше время существуетъ городъ Николаевъ на устьѣ Амура и городъ Николаевъ на устьѣ Буга; очень ошибется потомство, если заключить, что одинъ изъ городовъ передалъ свое названіе другому. Общимъ между ними есть имя Святаго, мощи котораго покоятся въ Италіи,—имя, объясняемое помощію греческаго языка, чуждаго, какъ берегамъ Буга такъ и берегамъ Амура!

Сказаніе Геродота о наружномъ видѣ колховъ, которыхъ, повторимъ еще разъ, видѣлъ онъ на юго-восточномъ берегу Черпаго моря, не можетъ не возбудить въ насъ живѣйшаго любопыт-

ства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, недоумѣній. Положимъ, что весь рассказъ о походѣ Аргонавтовъ также выдуманъ, какъ и рассказъ о странствованіяхъ Гулливера. Положимъ, что греки, отыскивавшіе впоследствии времени страну Колхиду, не уступали въ легковѣрїи чловѣку, который бы сталъ отыскивать страну лиллипутовъ. Последній, конечно, нигдѣ бы не отыскалъ лиллипутовъ, а между тѣмъ, греки, въ странѣ, признанной ими за Колхиду, пашли передъ людей, исчезнувшую тамъ въ наше время. Ручательствомъ служить намъ не басни поэтовъ, а безыскусственный рассказъ очевидца-наблюдателя, *отца исторїи*. Уроженецъ теплой страны, Малой Азіи, Геродотъ, конечно, привыкнувшій видѣть загорѣлыя лица, былъ пораженъ чернымъ цвѣтомъ кожи и кудрявыми волосами обитателей юго-восточнаго берега Чернаго моря, которымъ справедливо или несправедливо придавалось названіе колховъ. Впечатлѣніе, которое наружный видъ ихъ произвелъ на Геродота, должно быть, сходно было съ тѣмъ рѣзкимъ впечатлѣніемъ, которое производитъ на насъ наружность цыганъ, коптовъ, индусовъ-шудра. По въ настоящее время характеристическія черты наружности всего народонаселенія юго-восточнаго берега Чернаго моря составляютъ бѣлизна кожи, бѣлокурые волосы, голубые глаза. Можно даже сказать, что отдѣльныя исключенія встрѣчаются рѣже, чѣмъ въ сѣверной полосѣ Европы. Нѣтъ сомнѣній, что народонаселеніе это не имѣетъ ничего общаго съ колхами, которыхъ видѣлъ Геродотъ. Такимъ образомъ сказаніе объ Аргонавтахъ приобретаетъ въ глазахъ нашихъ историческую важность, обнаруживая присутствие на Кавказскомъ перешейкѣ, въ эпоху глубочайшей древности, этническаго элемента, который совершенно исчезъ съ теченіемъ времени, но, быть можетъ, исчезъ не безъ слѣдовъ. Чтобы подмѣтить этотъ элементъ, обратимся вновь къ сказанію Геродота о египетскомъ происхожденіи колховъ. Какъ ни сомнительны всѣ приводимыя имъ доказательства, во всякомъ случаѣ не должно выпускать изъ виду, что Геродотъ долго и

тщательно изучалъ весь бытъ египтянъ, и если нашель, хотя бы даже безсозпательно, родственныя съ ними черты въ быту колховъ, то уже это обстоятельство не можетъ быть оставлено нами безъ вниманія. Впрочемъ, это не было исключительное мнѣніе Геродота; множество древнихъ писателей говоритъ о египетскомъ происхожденіи колховъ, не связывая его даже съ мнимымъ походомъ Сезостриса на Кавказъ ¹⁾. Замѣтимъ еще разъ, что въ цѣломъ древнемъ мірѣ одноплеменность двухъ народовъ постоянно объясняема была происхожденіемъ одного народа отъ другого, причемъ, само собою разумѣется, народъ наиболѣе извѣстный игралъ роль родоначальника. Съ этой точки зрѣнія, древніе, безъ сомнѣнія, сочли бы сербовъ за выходцевъ изъ Россіи. Посему, мы можемъ замѣнить одноплеменностью прямое происхожденіе колховъ отъ египтянъ.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что изъ числа трехъ великихъ историческихъ расъ, симитской, арійской и кушитской, послѣдняя наиболѣе была извѣстна евреямъ, какъ то явствуетъ изъ Моисеевыхъ таблицъ народовъ. Если колхи были одноплеменны съ египтянами, то они принадлежали къ кушитской расѣ, что отчасти доказывается и темнымъ цвѣтомъ кожи ихъ. Посему, это этническое названіе должно встрѣтиться въ кушитской или, лучше сказать, хамитской группѣ народовъ Моисеевыхъ таблицъ.

Потомство Мицраима исчислено въ слѣдующемъ текстѣ ²⁾: «Отъ Мицраима произошли Лудимъ, Ананимъ, Легавимъ, Навтухимъ, Патрусимъ, Каслухимъ, откуда вышли Филистимляне, и Кафторимъ». Въ славянскомъ переводѣ библіи, сдѣланномъ согласно греческому переводу 70 толковниковъ, собственныя имена подлинника весьма часто замѣнены другими, по мнѣнію переводчиковъ, болѣе понятными для читателя. Такъ и въ славянскомъ переводѣ приведеннаго нами тек-

1) *Диодоръ Сиц.* I, 28.

2) *Бытія* X, 13—14.

ста поставленъ *Хасмонимъ*, вмѣсто *Каслужима* еврейскаго подлинника. Въ Лютеровомъ переводѣ сохранено названіе *Каслужимъ*. Отбрасывая еврейское окончаніе множественнаго числа и принимая въ соображеніе, что гласныя не обозначались первоначально въ еврейскомъ подлинникѣ, получимъ для этническаго названія *Касли*. Въ этомъ имени всё знатоки древняго еврейскаго языка признають греческихъ колховъ. Если буква *c* подаетъ поводъ къ сомнѣніямъ, то можно привести множество примѣровъ опущенія ея, какъ то: *соена* вм. *соесна*, *роена* вм. *роесна*, *іле* вм. *ісле*, *Вале* вм. *Васел* и т. п. ¹⁾.

Отъ этихъ каслуховъ, которыхъ, какъ мы видимъ, книга Бытія приписываетъ также египетское происхожденіе, изошли столь знаменитые въ еврейской исторіи филистимляне. Но, между тѣмъ, во многихъ текстахъ библіи встрѣчается указаніе ²⁾, что филистимляне были выходцы изъ Кафтора, слѣдовательно *изошли* изъ Кафторима, Гафѳорима. Посему должно полагать, или, что въ текстѣ таблицъ Моисеевыхъ произошла перестановка, или, наконецъ, что какъ филистимляне, такъ и кафторимы, были два развѣтвленія одного народа, каслуховъ, развѣтвленія, быть можетъ, не представляющія рѣзкаго взаимнаго различія. Въ библіи филистимляне постоянно называются чужеземцами, пришельцами въ Ханаанъ, припелъдами, правда, весьма древними, потому что они появились тамъ еще прежде первыхъ еврейскихъ патриарховъ. Сначала, какъ кажется, число ихъ въ Ханаанѣ было не велико, по крайней мѣрѣ, они не играютъ никакой роли до второй половины періода судей израильскихъ, но тутъ являются они вдругъ на первый планъ весьма оживленной военной дѣятельности, какъ бы внезапно усиленные многочисленнымъ притокомъ одноплеменныхъ

1) *Клобк*: die Völkertafel der Genesis, 292.

2) Второзаконіе II, 23; *Иереміи* XLVII, 4; *Амоса*, IX, 7.

пришельцевъ ¹⁾. Замѣчательно также, что, хотя филистимляне далеко превосходили воинственностію не только прочихъ ханаанянъ, но и самихъ евреевъ,—тѣмъ не менѣе они не распространяются во внутрь края, а держатся постоянно на морскомъ берегу въ пяти укрѣпленныхъ городахъ, откуда господствуютъ надъ поработченными ими земледѣльцами — евреями, ханаанскими туземцами. По всему видно, что филистимляне были въ Ханаанѣ пришельцами изъ за моря, за моремъ находившіе источники для постепеннаго усиленія себя. Но, если они пришли изъ за моря, то, конечно, первоначальной или, по крайней мѣрѣ, до-ханаанской отчизной ихъ, былъ одинъ или быть можетъ нѣсколько острововъ Эгейскаго Архипелага: конечно, нельзя даже обозначить предѣловъ, какъ далеко эти заморскіе пришельцы нѣкогда распространены были къ западу, нельзя опровергнуть мнѣнія тѣхъ, которые думаютъ, что если не сами они, то, по крайней мѣрѣ, одноплеменники ихъ, каслухи, колхи, нѣкогда заселяли восточный берегъ материка Греціи. Остановимся на этомъ сколькомъ пути историческихъ гипотезъ, не послѣдуемъ за греками, которые стѣскали колховъ въ Италіи и далѣе, хотя происхожденіе ихъ, подъ обаяніемъ чарующихъ разсказовъ объ Аргонавтахъ, объяснили опи странствованіями царя Эетеса, отправившагося въ погоню за Изяномъ, похитившимъ и золотое руно и царевну Медею.

Изъ сличенія разныхъ мѣстъ Священнаго писанія можно заключить, что подъ названіемъ Кафтора евреи по преимуществу подразумѣвали островъ Критъ ²⁾, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, названіе это распространяли они и на нѣкоторые другіе острова. Столь же неопредѣленное и столь же обширное названіе составляло *Киттимъ*, или, лучше сказать, Киттін, Киттеи. Специально озна-

1) *Ewald: Geschichte des Völkcs Israel. Zweite Ausg., I, 329.*

2) *Ewald, I, 330; Renan: Hist. des langues sémit., I, 48.*

чало ово островъ Киръ 1), но, сверхъ того, распространилось на весь острова восточной части Средиземнаго моря и даже на материкъ, въ Македонію 2). Мы не станемъ разбирать, откуда произошло это послѣднее названіе: въ связи ли оно съ именемъ *хеттесъ*, народа, еще въ доисторическія времена обитавшаго въ Хаваанѣ,—или даже съ именемъ племени кассіевъ, древнѣйшаго кушитскаго народонаселенія Сузіанъ. Быть можетъ, имя это происходитъ отъ имени *Кето*, морскаго божества кушитовъ. Во всякомъ случаѣ названіе Кетіонъ, Кидонія было весьма распространено на островахъ Архипелага. Не входя въ дальнѣйшее изслѣдованіе библейской географіи и этнографіи, ограничимся драгоценными для предмета нашего указаніями, что до начала еще положительной исторіи Греціи, острова эти обитаемы были, въ числѣ другихъ народовъ, филистимлянами и кафторами, которые объемятся общимъ, болѣе древнимъ еще названіемъ каслуховъ, ковховъ, племени, принадлежавшаго, согласно Моисеевымъ таблицамъ народовъ, къ кушитской расѣ. Съ этимъ именемъ связывается и сближается еще названіе *киттесъ*, о которомъ мы не имѣемъ никакихъ средствъ составить ясное понятіе, по которое также, повидимому, принадлежало кушитскому міру. Такое древнѣйшее народонаселеніе острововъ производитъ на Палестинскій берегъ Сирии сильный напоръ, котораго возрастаніе мы можемъ даже отчасти прослѣдить. Такъ какъ направляется онъ отъ запада къ востоку, то всего естественнѣе можно объяснить его тѣмъ, что островитяне сами вынуждены уступить напору, имѣющему также направленіе отъ запада къ востоку, съ противоположной стороны, со стороны материка Греціи.

Если съ другой стороны обратимся къ сказаніямъ грековъ

1) *Исаи*, XXIII, 1, 12.

2) *Иереміи*, II, 10; *Иезкіиля*, XXVII, 6.

о древнѣйшемъ народонаселеніи Крита и острововъ Архипелага, то, несмотря на густую завѣсу мифовъ, мы ясно можемъ разглядѣть, что народонаселеніе это принадлежало къ чуждой еллинамъ расѣ. Геродотъ говоритъ ¹⁾, что въ отдаленныя времена все народонаселеніе Крита состояло изъ варваровъ, т. е. народа не еллинскаго племени. Греки обозначали даже это коренное туземное народонаселеніе именемъ етеокретовъ—коренныхъ критянъ. Точно также сохранились преданія о томъ, что острова Архипелага, большіе и малые, издревле были обитаемы племенами, которые даже пережили великія наводненія, оторванія острова отъ материка ²⁾. Если греки придавали этимъ племенамъ названіе варваровъ, то лишь для обозначенія, что послѣдніе были имъ совершенно чужды по происхожденію; выраженіе это вовсе не влекло за собою понятія о дикости этихъ племенъ. Такъ напр. древнѣйшими обитателями Родоса почитались тельхивы, которымъ приписывалось изобрѣтеніе множества искусствъ, благодѣтельныхъ для человѣчества, и, сверхъ того, обладаніе таинственными знаніями, какъ напр. знаніемъ по произволу управлять погодою. Таковы же были и чародѣи дактилы критскіе.

Обломки древнѣйшей цивилизаціи, религіозныя и космогоническія понятія, чуждыя массѣ греческаго народонаселенія, даже въ эпоху высочайшаго развитія греческой цивилизаціи,—сдѣлались достояніемъ немногихъ избранниковъ, которые пополнялись принятіемъ вновь посвящаемыхъ, достойныхъ. Это суть греческія таинства, или, лучше сказать, греческія тайныя общества, не имѣвшія никакой политической цѣли, но собиравшіяся въ опредѣленныя эпохи для совершенія обрядовъ, которые облечены были глубокою тайною для непосвященныхъ. Таковыя таинства распро-

1) I, 173.

2) Диодоръ Сил., V, 47 и сл.

страивались по материку Греціи преимущественно съ острововъ. Еще замѣчательнѣе, что родиной или, по крайней мѣрѣ, мѣстомъ воспитанія и первоначальной дѣятельности большей части боговъ, почитаемы были острова. Свидѣтелями этого младенчества и юношества небожителей были не греки, а древнѣйшіе островитяне: куреты, корибанты, кабиры, дактилы, тельхивы. Куреты на островѣ Критѣ воспитали Юпитера, котораго Рея (Кибела) вручила имъ, чтобы укрыть отъ Сатурна. Корибанты, вооруженные тѣлохранители Реи, были родомъ *колли* ¹⁾. Во всѣхъ этихъ мифахъ отражается смутное воспоминаше, что на островахъ пѣкогда обитало племя высокообразованное. Нѣсколько вѣкъ отъ этого образованія досталось въ наслѣдіе грекамъ, по ихъ достаточно было на первое время: греческій гелій скоро вырвался изъ чуждыхъ ему пеленовъ и самъ собой двинулся выше предпозначеннымъ ему путемъ развитія.

Но, если первоначальная исторія этого кореннаго народонаселенія острововъ совершенно скрыта отъ взоровъ нашихъ подъ густою тканью мифовъ, ее обвившихъ, за то нѣкоторые лучи историческаго свѣта, въ видѣ древнихъ еллиническихъ преданій, падаютъ на эпоху постепеннаго ея исчезновенія. Общее мнѣніе грековъ объ этомъ предметѣ было то, что народонаселеніе это, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, удалилось на сосѣдній берегъ материка Азии ²⁾. Это случилось весьма давно: главное выселеніе относятъ ко временамъ законодателя Критскаго, баснословнаго царя Миноса. Если только царь Миносъ когда либо существовалъ, то, основываясь на греческихъ сказаніяхъ, эпоху царствованія его можно отнести приблизительно за 13 вѣковъ до Р. Х.:

1) *Страбонъ*, X, 472.

2) *Геродотъ*, I, 171 и сл.; *Фукидидъ*, I, 8; *Диодоръ Сил.*, V, 56; *Страбонъ*, XIV, 661; *Тацитъ*: *Hist.*, V, 2.

эпоха замѣчательнымъ образомъ сходящаяся съ эпохой внезапнаго усиленія филистимлянъ въ Палестинѣ.

Обозначимъ теперь въ главныхъ чертахъ полученные нами выводы. Въ библейской исторіи великую роль играютъ предприимчивые чужестранцы, появляющіеся на хаваанскомъ берегу изъ за моря, съ Кафтора, Крита, и съ острововъ Архипелага. Филистимляне, вафторы, креты, согласно таблицъ народовъ, *изошли* отъ каслуховъ или каслховъ, которые произошли отъ Мицраима, египтянъ. Названіе каслуховъ не встрѣчается болѣе въ библіи: можно думать, что оно было весьма древнее и обнимало собою цѣлое племя, раздробившееся въ теченіе вѣковъ на множество отдѣльныхъ этническихъ единицъ, что объясняется, впрочемъ, и разселеніемъ его по множеству мелкихъ острововъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтимъ, что, какъ совокупности этихъ острововъ, такъ и народонаселенію ихъ, придается еще евреями названіе киттеевъ. Такимъ образомъ, общія названія для этихъ островитянъ суть каслхи и киттеи, откуда бы, впрочемъ, названія эти ни были заимствованы.

Письменные греческія сказанія о коренномъ народонаселеніи острововъ относятся къ эпохѣ, гораздо позднѣйшей, чѣмъ библейскія. Въ нихъ находимъ мы, что острова эти въ незапамятные времена населены были племенемъ, чуждымъ еллинскому, племенемъ весьма образованнымъ, которое, потомъ, покинуло острова и удалилось на сосѣдній берегъ материка Азіи. Такимъ образомъ, библейскія сказанія служатъ дополненіемъ и подтверженіемъ еллинскихъ. Киттеи или, по крайней мѣрѣ, названія очевидно весьма близко подходящія, встрѣчаются въ греческой географіи острововъ. Названія колховъ для тамошняго кореннаго народонаселенія мы не находимъ у грековъ, или находимъ неопредѣленные слѣды его. Для грековъ названіе это было еще болѣе древнимъ, чѣмъ названіе каслуховъ для книги Бытія. Но въ то же время, мы находимъ множество скалочныхъ свидѣній о весьма

богатымъ и весьма хитрымъ народѣ, колхакъ, живущемъ за моремъ, въ сторонѣ востока, тамъ, откуда солнце восходитъ, тамъ, буда ушло древнее сказочное народонаселеніе острововъ. Еще замѣчательнѣе, что въ этомъ сказочномъ мірѣ ими колховъ является неразрывно связаннымъ съ именемъ Китея.

Мы очень далеки отъ того, чтобы считать загадочный вопросъ о колхакъ разрѣшеннымъ посредствомъ таковыхъ сближеній библейскихъ сказаній съ мѣонскими греческими, тѣмъ не менѣе нельзя отвергнуть, что они представляютъ замѣчательное соотношеніе. Изъ библейскаго текста можно заключить, что обитатели острововъ, филистимляне и кафторы или иначе, Плети и Крети, суть потомки великаго народа касховъ, которые произошли отъ египтянъ. Греки знали лишь, что колхи живутъ за моремъ къ востоку; чѣмъ морской берегъ былъ восточнѣе, тѣмъ болѣе правъ имѣлъ называться Колхидой; такъ подвигалась Колхида, пока, наконецъ, греки уперлись въ юго-восточный берегъ Понта Эвксинскаго, далѣе котораго плыть уже было некуда. Доплы ли ими колховъ до слуха грековъ еще въ то завѣтное для исторіи время, когда каслухи, предки филистимлянъ и кафторовъ, жили на островахъ Архинелага или, быть можетъ, даже когда жили они еще на восточномъ берегу материка Греціи? Названіе сохранилось въ памяти, но прямой смыслъ его утратился. Не станемъ повторять здѣсь о примѣтахъ доисторическаго соприкосновенія еллиновъ съ расою высоко превосходившею ихъ образованностію, но отъ нихъ удалившеюся въ доисторическія еще времена. Обратимъ вниманіе на непонятную связь, которая существуетъ въ греческихъ сказкахъ между Колхидой и Китеей, равно какъ въ библейскихъ сказаніяхъ между касхами и китеями. Греки приписываютъ колхамъ египетское происхожденіе, равно какъ и евреи каслухамъ, хотя въ историческія времена не видать никакого прямого отношенія къ Египту Закавказскихъ колховъ, ни библейскихъ касховъ или, лучше сказать, предста-

вителей ихъ, филистимлянъ и кафторовъ.

Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что въ эпоху глубочайшей древности, острова Архипелага и вообще восточной части Средиземнаго моря населены были племенемъ, обладавшимъ совершенно самостоятельнымъ не-еллинскимъ образованіемъ, племенемъ промышленнымъ, торговымъ и, по самому положенію своему, занимавшимся мореплаваніемъ. Въ рукахъ этого племени находился ключъ Чернаго моря; невозможно предположить, чтобы море это оставлено было безъ вниманія. Такъ, быть можетъ, занесены были на сѣверный и восточный берега Понта Эвксинскаго первыя сѣмена цивилизаціи задолго до основанія тамъ первыхъ греческихъ колоній ¹⁾. Во всякомъ случаѣ эта невѣдомая эпоха морской и торговой дѣятельности отдѣляется длиннымъ перерывомъ отъ того времени, когда греки начали посѣщать Черное море. Подобнымъ образомъ прекратилась на немъ, послѣ взятія турками Константинополя, торговая дѣятельность гевуэзцевъ: только въ наше время вновь она оживляется. Но, если древнѣйшіе обитатели Архипелага посѣщали восточный берегъ Чернаго моря, то пѣтъ сомнѣнія, что тамъ устраивали они колоніи, которыя могли сохраниться, хотя бы даже въ видѣ слабыхъ остатковъ, и въ ту эпоху, когда метропоія, т. е. который либо изъ острововъ Архипелага совершенно измѣнили уже свое народонаселеніе. Такъ объясняемъ мы себѣ существованіе въ Закавказьѣ черныхъ коиховъ, которыхъ видѣлъ тамъ Геродотъ и которые въ наше время исчезли, едва ли даже оставивъ по себѣ потомковъ посреди нынѣшняго туземнаго народонаселенія. По крайней мѣрѣ, наружный видъ послѣдняго заставляеть въ этомъ сильно сомнѣваться.

Быть можетъ, черные колхи въ видѣ особаго сословія, торговаго и промышленнаго, жили посреди массы туземнаго народонаселенія, какъ теперь живутъ евреи посреди христіанъ и что вообще число ихъ было относительно невелико. Съ

1) *Kunick* въ *Mélanges asiat.*, I, 5 livr., p. 542.

этими торговцами и промышленниками, греки прежде всего познакомились и по имени их назвали страну гдѣ встрѣтились съ ними. Этимъ, быть можетъ, объясняется неопредѣленность положенія Колхиды на юго-восточномъ берегу: вѣроятно колхи жили разсѣяно по всему берегу. Говоря о нихъ, классики обыкновенно насчитываютъ множество народовъ, живущихъ вмѣстѣ съ ними; въ числѣ этихъ народныхъ имевъ мы открываемъ нѣкоторыя нынѣшнія кавказскія. Если колхи въ Закавказьѣ были не болѣе, какъ чужеземные торговцы и промышленники, жившіе разсѣяно, то, конечно, въ теченіи вѣковъ могли они постепенно и незамѣтно слиться съ туземцами, безъ вліянія на наружный видъ ихъ. Инджиджанъ говоритъ о черномъ племени севвординовъ, жившемъ въ армянской области Уди, но въ доказательство, что племя это было черное, онъ представлялъ только то, что начальныя слога имени его *свв* значить *черный*. Этого недостаточно, чтобы признать въ севвординахъ кушитовъ или еоіоповъ. Гораздо болѣе заслуживаетъ вниманія рассказъ Зеноба, писателя IV в. по Р. Х., объ упорномъ сопротивленіи, встрѣченномъ проповѣдниками христіанства, со стороны *черныхъ* обитателей армянской провинціи *Дарона* (на верховьяхъ Мурадъ-чая, около Діадина), которыхъ Зенобъ называетъ индусами, но, само собою разумѣется, такое названіе дапо безотчетно. Этотъ рассказъ, которому можно вполне вѣрить, какъ разсказу современника, обнаруживаетъ присутствіе въ Арменіи кушитской (еіопской) расы, быть можетъ близкихъ родственниковъ Геродотовымъ колхамъ. Теперь еще въ Арменіи встрѣчаются шайки бродягъ, весьма смуглолицыхъ и чертами лица похожихъ на европейскихъ цыганъ: это суть такъ называемые боша, мютрюпы, карачи. Откуда и когда пришли они въ Арменію, совершенно неизвѣстно; должно думать, что племя это, теперь уже, впрочемъ, весьма малочисленное, искони обитало тамъ. Замѣтимъ, при этомъ, что по юго-восточному берегу Чернаго моря, въ Колхидѣ, вовсе не встрѣчается теперь людей, по-

хожихъ на цыганъ. Хотя большая часть древней Колхиды населена народами грузинскаго племени, но въ цѣлой грузинской исторіи, которая начинается почти съ столпотворенія Вавилонскаго, нѣтъ никакихъ слѣдовъ ни страны Колхиды, ни черныхъ колховъ. Армянскіе историки полагають, что Колхида грековъ находилась на Чорохѣ и что названіе это произошло отъ переименованія имени армянскаго округа *Комисъ*, такъ какъ греки произносили *л* тамъ, гдѣ армяне гортанное *г*, и наоборотъ. Это мнѣніе столь же мало заслуживаетъ вѣроятія, какъ и то, что названіе колховъ происходитъ отъ грузинскаго *Халхи*. Діодоръ Сицилійскій говоритъ ¹⁾, что столицею царя Этееса былъ городъ *Сибаристъ*: въ этомъ названіи армяне видятъ имя *Сперъ*, о которомъ мы говорили выше (стр. 299). Это, впрочемъ, весьма вѣроятно, потому что во времена Діодора Сицилійскаго (около Р. X.) названіе Колхиды уже издавна усвоено было юго-восточному берегу Чернаго моря, и мѣстныя названія, по мѣрѣ того, какъ съ ними знакомились классики, включаемы были въ поэму Аргонавтовъ. Если колхи жили между грузинами, и, какъ все заставляетъ думать, далеко превосходили ихъ образованностію, то нѣтъ сомнѣнія, что множество словъ языка колховъ вошли въ составъ грузинскаго. Послѣдній языкъ принадлежитъ къ семейству индоевропейскихъ, но въ немъ находится множество словъ совершенно чуждаго и неизвѣстнаго происхожденія. Изслѣдованіе этихъ словъ, равно какъ и языковъ абхазскаго и убыхскаго, при сравненіи съ языкомъ коптскимъ, можетъ подтвердить основательность мнѣнія Геродота о египетскомъ происхожденіи колховъ, или придать основу мнѣніямъ тѣхъ, которые опровергають такое происхожденіе, опровергають покуда еще бездоказательно.

Ближайшее ознакомленіе съ языками и домашнимъ бытомъ кавказскихъ туземцевъ можетъ быть пѣкогда объяснить, въ ка-

1) IV, 48.

кой степени подверглись они влиянію народовъ образованныхъ стоявшихъ на самомъ отдаленномъ рубежѣ положительной исторіи,—влиянію египтянъ, финиціянъ, вавилонянъ, не говоря уже о народахъ, которыхъ даже существованіе подлежатъ сомнѣніямъ. Многія обстоятельства заставляютъ вѣрить такому влиянію. По всему можно думать, что основу народонаселенія Кавказскаго перешейка составляютъ обломки доисторическихъ расъ, загнавшихся въ горы подвигавшимися къ западу, по сѣверную и южную сторону Каспія, арійцами, и, потомъ, передовые *ром* этихъ арійцевъ, которые пречю успѣли тотчасъ же утвердиться только въ Закавказьѣ. О доисторическихъ расахъ можемъ мы судить по черепамъ и могиламъ: и тѣ и другія свидѣтельствуютъ, что снѣ. находились на самой низкой ступени челоѳческаго развитія. Арійцы, хотя весьма щедро одаренные природою, вышли изъ родины своей въ состояніи дѣтской простоты, добрые семьяне, но вовсе не готовые къ дѣятельности исторической. Ни народной воли, ни народной мысли, еще не пробудилось между ними. Такъ теперь знаемъ мы отдѣльныя группы людей добрыхъ и смиренныхъ между финскими племенами, обитающими въ Россіи, но эти группы, составляя въ филологическомъ отношеніи самостоятельныя этническія единицы, вовсе не составляютъ дѣйствующихъ единицъ во всемірной исторіи, или, лучше сказать, въ ходѣ развитія челоѳчества. Мы можемъ допустить, что всѣ арійцы въ ту отдаленную эпоху, когда заняли они страны, въ которыхъ живутъ еще теперь, находились болѣе или менѣе на одинаковой ступени развитія. Все заставляетъ думать, что еллино-арійцы возбуждены были къ развитію соприкосновеніемъ съ чуждою имъ расою, далеко уже опередившею ихъ на стезѣ развитія: таковою расою почитаемъ мы доисторическихъ кушитскихъ обитателей Архипелага и восточнаго берега материка Греціи. Не знаемъ, распространялась ли раса эта еще далѣе къ западу. Развитіе грековъ возбудило умственную энергію римлянъ, которые долгое время

занимались однимъ лишь земледѣлемъ и войною и не сдѣлали ¹⁾ пользоваться уметвенными приобрѣтеніями другихъ народовъ. Обломки этой еллино-римской цивилизаціи, перенесенные въ средоточіе туловища материка Европы, въ средвіе вѣка послужили для образованія зародыша новой европейской цивилизаціи, которая въ свою очередь постепенно приняла совершенно самостоятельное направленіе. Припимая въ соображеніе эти главныя черты хода развитія человѣчества, можно ли допустить, чтобы древніе обитатели Кавказа, сами собою, безъ вѣстнаго вліянія, вышли изъ состоянія первобытной простоты народовъ кочевыхъ, переселяющихся? Таковая самостоятельная цивилизація, если и возникаетъ гдѣ либо, то исключительно вслѣдствіе особенно благоприятнаго соединенія мѣстныхъ условій, каковы есть напр. берегъ моря, изрѣзанный глубокими и безопасными бухтами, близость острововъ, разнообразіе типовъ мѣстности въ такой мѣрѣ, чтобы они не производили разрозненности, а только усложняли жизнь. Таковыя особенно благоприятныя обстоятельства не существуютъ для Кавказскаго перешейка. Между тѣмъ, какъ ни темна древнѣйшая исторія Кавказа, но мы находимъ несомнѣнныя доказательства, что край этотъ въ отдаленнѣйшія времена уже входилъ въ составъ образованнаго міра, такъ что даже, можно сказать, извѣстная намъ исторія этого края есть исторія почти непрерывнаго упадка его. Вдоль восточнаго берега морей Азовскаго и Чернаго существовали торговыя поселенія съ индо-бактрійскими названіями, какъ то: Корокандамъ, Фанагора (Кели), Апатура и др. Греки передали намъ много сбивчивыхъ и противурѣчащихъ преданій о томъ, будто бы города эти основаны были выходцами изъ Малой Азіи. Если допустить, что, дѣйствительно, греки основали эти города, то трудно объяснить, почему встрѣчаются для нихъ негреческія названія и, притомъ, названія, которыя, по всей

1) *Kunick* въ *Mélanges asiat.*, I, 5 livr., p. 509.

вѣролнности, въ эпоху основанія Милезійскихъ колоній (въ VII в. до Р. X.) сдѣлались уже непонятными для самихъ кавказскихъ туземцевъ. Если допустить, что греки были первыми основателями этихъ городовъ на чужомъ для нихъ берегу, то почему связывали они съ ними мнѣшескія преданія: такъ, говорили они, что въ Фанагоріи Венера, преслѣдуемая гигантами, избавилась отъ нихъ при помощи Геркулеса ¹⁾. Мы выше уже сказали, что основаніе Діоскуріи греки приписывали полубогамъ и относили къ невѣдомой эпохѣ. Все заставляетъ думать, что не греки положили начало торговой дѣятельности Понта Эвксинскаго. На азійскомъ берегу Босфора Киммерійскаго, въ весьма близкомъ другъ отъ друга разстояніи, стояло нѣсколько большихъ городовъ, о которыхъ свѣдѣнія передали намъ классическіе географы, жившіе около времени Р. X. или въ первые затѣмъ вѣка. Судя по описаніямъ классиковъ, города эти были весьма значительны, а между тѣмъ окрестная страна ничего не производила цѣннаго и населена была варварскими народами, сеноами и сарматами ²⁾. Что же могло побудить грековъ построить нѣсколько городовъ въ странѣ бѣдной и варварской? Это простое разсужденіе заставляетъ предположить присутствіе, въ невѣдомую эпоху основанія этихъ городовъ, на Кавказскомъ перешейкѣ стихій дѣятельности, совершенно чуждой грекамъ и римлянамъ.

Читая Геродота, ясно видно, что онъ умолчалъ преднамѣренно о многомъ весьма любопытномъ и ему извѣстномъ. Геродотъ былъ не только весьма ученый, но и весьма честный человѣкъ: разъ обѣщавъ хранить тайпу, хранилъ онъ ее свято, не увлекаясь весьма естественнымъ желаніемъ разсказать что либо дотолѣ неизвѣстное. Иногда пишетъ онъ: «я умолчу о причинѣ, хотя она мнѣ и извѣстна», или «тѣ, которые посвящены въ таинства каби-

1) *Страбонъ*, XI, 495.

2) *Ritter: Vorhalle europ. Völkergeschichten*, 205.

ровъ, поймутъ меня»¹⁾, и т. п. Таковыя умолчанія Геродота относятся или къ священнымъ таинствамъ, въ которыя посвященъ былъ онъ подъ клятвеннымъ обѣщаніемъ никому не открывать ихъ, или къ тайнамъ торговаго міра, въ которомъ, невидимому, самъ онъ былъ дѣйствовавшимъ лицомъ. Тайственность составляла главнѣйшее условіе древнѣйшей торговой системы. Пріобрѣтеніе большихъ барышей основывалось на сохраненіи въ глубокой тайнѣ путей, ведущихъ въ страны, изобилующія рѣдкими произведеніями, и самого положенія этихъ отдаленныхъ странъ. Эта скрытность простиралась такъ далеко, что случалось финикійскимъ корабельщикамъ добровольно подвергать суда свои крушенію, чтобы скрыть направленіе пути отъ слѣдившихъ за ними греческихъ и римскихъ кораблей. Но, несмотря на то, у Геродота встрѣчаются промовки, которыя для насъ составляютъ драгоценныя указанія. Несмотря на желаніе свое подѣлиться съ читателемъ всѣмъ тѣмъ, что успѣлъ онъ разузнать о далекихъ странахъ,—при чемъ разнообразіе наблюдательности его приводитъ въ изумленіе,—онъ ни слова не говоритъ, ни какіе народы плаваютъ по Каспійскому морю, ни съ какою цѣлю производится это плаваніе. Между тѣмъ, онъ обладалъ и о морѣ этомъ и о плаваніи по немъ весьма опредѣлительными свѣдѣніями. Въ противоположность мнѣнію позднѣйшихъ географовъ древности, Геродотъ говоритъ, что Каспій составляетъ совершенно замкнутое море и что судно, идущее на веслахъ, переплываетъ его въ длину въ пятнадцать дней, а въ ширину въ восемь²⁾. Отсюда видно, что уже во времена Геродота, за 450 лѣтъ до Р. Х., по Каспію производилось мореплаваніе, безъ всякаго сомнѣнія торговое. Въ другомъ мѣстѣ³⁾, Геродотъ говоритъ, что о дальнихъ восточныхъ народахъ можно

1) II, 47 п 51.

2) Геродотъ, I, 202 п 203.

3) Онъ же, IV, 24.

узнать отъ скивовъ, которые ѣздятъ къ нимъ, и отъ грековъ, живущихъ въ торговыхъ городахъ, расположенныхъ на Понтѣ Эвксинскомъ. Во время походовъ Александра Македонскаго, греки имѣли случай познакомиться съ южнымъ и частію съ восточнымъ берегомъ Каспія; собранныя въ это время и въ эпоху Селевкидовъ свѣдѣнія объ этомъ пустынномъ морѣ изложены въ сочиненіи Патрокла, до насъ недошедшемъ, но мы находимъ у Страбона замѣчательное показаніе ¹⁾. «Аристокбулъ (авторъ исторіи Александра Македонскаго), пишетъ онъ, изображаетъ Океусъ, какъ величайшую изъ всѣхъ рѣкъ, видѣнныхъ имъ въ Азіи, за исключеніемъ индійскихъ. Къ сему Аристокбулъ присовокупляетъ то же, что говоритъ и Ератосѣенъ, но оба исключительно на основаніи свѣдѣтельства Патрокла, а именно, что Океусъ весьма удобенъ для судоходства, такъ что имъ пользуются для перевозки множества индійскихъ товаровъ на море Гирканское (Каспійское), посредствомъ котораго перевозятся они въ Албанію (Дагестанъ), а отъ туда, вверхъ по Киросу (Куръ), черезъ другія страны достигаютъ Понта Эвксинскаго». Вопросъ о томъ, дѣйствительно ли Океусъ имѣлъ когда либо устье въ Каспійское море, остается до сихъ поръ не разрѣшеннымъ; вѣроятнo географическія свѣдѣнія, собранныя Патрокломъ о Каспѣ, были весьма поверхностны, потому что Страбонъ, имѣвшій его сочиненіе въ рукахъ, считалъ Каспій за заливъ Сѣвернаго океана, но для насъ всего важнѣе показаніе, что уже во времена Александра Македонскаго шелъ изъ Индіи Океусомъ, Каспіемъ и Закавказьемъ торговый путь до Понта Эвксинскаго. Неизвѣстности, въ которой греки находились на счетъ этого торговаго пути, несомнѣннымъ образомъ доказываетъ, что путемъ этимъ ничего или почти ничего не доставлялось въ Грецію изъ индійскихъ товаровъ; послѣдніе получались черезъ Тиръ, Аравію и Эритрейское (Индійское) море. Должно думать, что че-

1) XI, 509.

резь Кавказскій перешеекъ товары шли вглубь Европейскаго материка, вверхъ по великимъ рѣкамъ, впадающимъ въ Черное море, и далѣе волоками. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнiя, что не черезъ грековъ и не черезъ римлянъ древнѣйшіе обитатели туловища материка Евropy ознакомились съ множествомъ индiйскихъ произведенiй. Обратнo отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, вглубь и до самыхъ конечныхъ предѣловъ Азии, шли мѣха и драгоценный янтарь. Весьма замѣчательно сказанiе Плинія ¹⁾, что король свевовъ послалъ въ даръ Гальскому проконсулу индiйцевъ, которые, плывъ изъ Индіи для торговыхъ дѣлъ, бурями занесены были къ берегу Германіи. Конечно, нельзя допустить, чтобы они достигли сѣверныхъ морей, обогнувъ мысъ Доброй Надежды; очевидно, что они рѣками и волоками достигли Балтійскаго моря, гдѣ, потомъ, постигло ихъ несчастiе. Съ другой стороны, конечно эти индiйцы не принадлежали къ высимъ индiйскимъ кастамъ, къ браминамъ, кшатрiя или даже къ вайсiя: отвращенiе этихъ кастъ ко всякимъ дальнимъ предпріятіямъ и даже ко всякой внѣшней дѣятельности составляетъ неотъемлемую принадлежность ихъ характера. Эти индiйцы-странники принадлежали, безъ сомнѣнiя, къ числу *темныхъ индiйцевъ*, остатку древнѣйшаго кушитскаго народонаселенiя Средней Азии, какъ то думаютъ многіе повѣйшіе изыскатели. Слѣды широкой торговой дѣятельности темныхъ индiйцевъ находимъ мы еще въ древнѣйшей исторiи Руси; быть можетъ, даже, нывѣшними немногими уцѣлѣвшими представителями ихъ можно считать астраханскихъ индiйцевъ. Когда возникла эта сухопутная индо-европейская торговля? Вопросъ, котораго разрѣшенiе навсегда сокрыто въ эпохѣ, недоступной до исторiи. Можно даже согласиться съ мнѣнiемъ знаменитаго Риттера ²⁾, что то немногое, что мы знаемъ объ этой тор-

1) *Historia naturalis*, II, 67.

2) *Ritter: Vorhalle etc.*, 205.

говлѣ, относится уже къ періоду упадка ея, вслѣдствіе основанія воипственной монархіи Кира и, потомъ, вслѣдствіе передвиженій дикихъ туземныхъ и монгольскихъ племенъ, заслонившихъ собою Европу отъ Индіи. Если остановимъ наше вниманіе лишь на томъ направленіи торговли, которое, какъ мы видѣли, уже во времена Александра Македонскаго, шло черезъ Кавказскій перешеекъ, то понятными становятся причипы процвѣтанія греческихъ торговыхъ городовъ на восточномъ берегу Чернаго моря. Они дѣйствовали совершенно пезависимо отъ метрополій, даже скрывали отъ нихъ источники своего обогащенія, слѣдя глубоко укоренившимся повятіямъ объ устраниеніи совмѣстничества. Конечно, не греки съ восточнаго берега Чернаго моря открыли прямыя сношенія съ отдаленной Индіей; въ руки ихъ перешла торговля, установленная уже задолго до нихъ. Если черные колхи суть выходцы съ Архипелага, то, быть можетъ, существовала пѣкогда въ другую сторону тѣсная связь торговли и образованія между Закавказьемъ, материкомъ Греціи, Сиріей и Египтомъ,—связь, прерванная, потомъ, нашествіемъ еллиновъ. Если Геродотъ открылъ въ Закавказьѣ присутствіе египетскихъ элементовъ, а Риттеръ индійскихъ, то нѣтъ надобности, для объясненія таковыхъ странныхъ явленій, прибѣгать къ сказочнымъ походамъ Сезостриса или къ великимъ доисторическимъ религіознымъ распрямъ въ Индустанѣ.

Во время движенія Помпея Великаго въ Закавказье, ввовь дошла вѣсть о сухопутномъ торговомъ пути отъ Индіи до Чернаго моря. Илвиній пишетъ ¹⁾, что «Помпей, находясь по близости Каспійскаго моря, узвалъ, что въ семь дней можно поспѣть изъ Индіи въ Бактрію на рѣку Икаръ, которая впадаетъ въ Оксусъ, оттуда черезъ Каспій, далѣе вверхъ по Курѣ; потомъ товары не болѣе пяти дней везутся сухопутно до Фазиса и доставляются въ

1) *Hist. natur.*, VI, 9.

Понтъ Эвксинскій». Названіе рѣки Икара не встрѣчается ни у одного изъ классическихъ писателей: вѣроятно, оно произошло отъ ошибки переписчиковъ. Помпей, побѣдивъ Митридата, овладѣлъ его сокровищницей, которая въ Римѣ придавала ослѣбительный блескъ триумфу побѣдителя. Найдено было несмѣтное множество жемчугу и драгоценныхъ камней, изъ которыхъ нѣкоторые до тѣхъ поръ оставались неизвѣстными римлянамъ. Пливій говоритъ ¹⁾, что только по окончаніи войны съ Митридатомъ, страсть къ драгоценнымъ камнямъ и жемчугу распространилась въ Римѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, распространилось и вѣрованіе въ таинственныя свойства камней, почерпнутое изъ сочиненій вавилонянина Захаліаса, который для царя Митридата написалъ нѣсколько книгъ объ этомъ предметѣ. Трудно было бы однимъ лишь могуществомъ и завоеваніями Митридата объяснить накопленіе на восточномъ берегу Чернаго моря, вдали отъ извѣстныхъ торговыхъ путей, сокровищъ, которыя привели въ изумленіе весь классическій міръ, близко успѣвшій уже ознакомиться съ богатствомъ цѣлой западной Азіи. Изобиліе драгоценныхъ камней и жемчугу на Кавказскомъ перенейкѣ можетъ быть объяснено лишь вѣковыми торговыми сношеніями съ Индіей, равно какъ съ мѣстами добыванія жемчугу, съ Тапробаной (Цейлономъ) и съ берегами Персидскаго залива. Мы не можемъ не привести здѣсь мнѣнія Риттера ²⁾ о торговомъ примомъ сообщеніи, существовавшемъ съ незапамятныхъ временъ между Закавказьемъ и берегами Персидскаго залива. Это прямое сообщеніе, повидимому, составляло также торговую тайну. При выпшншемъ состояніи географіи, при великомъ пособіи географическихъ картъ, намъ трудно даже понять, какъ можно прикрывать тайною то, что каждому изъ насъ становится яснымъ, при одномъ взглядѣ на карту. Но въ глубо-

1) *Hist. natur.*, XXXVII, 1.

2) *Vorhalle etc.*, 140—143.

кой древности было не такъ. Грекамъ Колхида казалась восточною оконечностію земли, откуда солнце восходитъ; сѣверный берегъ Понта Эвксинскаго полуночнымъ краемъ, гдѣ солнце не свѣтитъ; море Эритрейское омывало жаркій поясъ обитаемаго міра. Не сразу могла представиться грекамъ догадка, что отъ Колхиды до моря Эритрейскаго или до части его, до залива Персидскаго, можно проникнуть ближнимъ прямымъ путемъ. Подобнымъ образомъ, много вѣковъ спустя, сразу представилась столь же простая догадка, что плывя къ западу отъ Европы, можно достигнуть восточнаго берега материка Азіи. Объ этомъ вѣрномъ пути изъ Колхиды къ Персидскому заливу Геродотъ, очевидно, зналъ, но говорить о немъ только вскользь, какъ бы опасаясь проговориться. Въ одномъ мѣстѣ ¹⁾ пишетъ онъ: «отъ Колхиды до Мидіи не далеко, такъ какъ между этими странами лежитъ одна лишь страна саспировъ; пройдя ее, достигаешь земли мидянъ. Но еслибы прошли не по этому пути, они прошли выше и гораздо болѣе длинной дорогой». Далѣе ²⁾, приступая къ очерку всего извѣстнаго тогда обитаемаго міра, говоритъ онъ: «страна, занимаемая персами, простирается до южнаго моря, называемаго Эритрейскимъ. Выше къ сѣверу, живутъ мидяне, выше мидянъ сапиры, а за сапирами колхи, прикасающіеся къ сѣверному морю (Понту Эвксинскому), въ который течетъ Фазисъ. Эти четыре народа занимаютъ пространства отъ моря до моря». Въ этомъ сближеніи четырехъ народовъ, основанномъ, конечно, не на взглядѣ на географическую карту, а на словесныхъ показаніяхъ, Риттеръ находитъ доказательства древняго прямого сухопутнаго сообщенія между Понтомъ Эвксинскимъ и Персидскимъ заливомъ. Болѣе положительное доказательство таковаго прямого сообщенія встрѣчаемъ

1) I, 104.

2) IV, 37.

мы въ исторіи Александра Македонскаго ¹⁾, который, находясь въ Сузѣ, получилъ донесенія съ Понта и не могъ надивиться, какимъ путемъ посланные успѣли доставить ихъ къ нему такъ скоро.

Въ темномъ вопросѣ о древнѣйшей египетско-азіатской цивилизаціи, конечно, должно довольствоваться одними догадками, основанными на сближеніи и сравненіи отдѣльныхъ уцѣлѣвшихъ остатковъ этого завѣтнаго для положительной исторіи времени. Мы выше сказали, что слѣды единой древнѣйшей цивилизаціи можно прослѣдить отъ сердца Азіи ввизъ по Индустану, далѣе къ западу по берегу Эритрейскаго моря, по обимъ берегамъ моря Чернаго и, наконецъ, по Сирійскому берегу моря Средиземнаго до самаго Архипелага. Изложенныя нами теперь разсужденія доказываютъ, что съ незапамятныхъ временъ Кавказскій перешеекъ находился въ торговой связи съ сердцемъ Азіи и съ Индустаномъ; родство закавказскихъ кохловъ съ архипелажскими кашлуками, кафторами, карійцами, киттеями, составляетъ гипотезу, не лишнюю основанія; наконецъ, можно вѣрить и миувшему существованію прямыхъ сношеній Понта Эвксинскаго съ берегами Персидскаго залива, гдѣ пачалась исторія человѣчества. Всѣ эти обстоятельства заставляютъ думать, что, при самомъ началѣ положительной исторіи, Кавказскій перешеекъ составлялъ звено въ ряду странъ, усвоившихъ себѣ древнѣйшую цивилизацію, что иѣкогда не представлялъ онъ собою той картины одичалости, которую представлялъ въ продолженіе большей части историческихъ вѣковъ. Греки не могли не подмѣтить на Кавказѣ этихъ слѣдовъ славной старины, о которой сами они, не зная еще Кавказа, хранили темное воспоминаіе, подобно тому, какъ воспоминаія классической древности въ смутномъ видѣ носились надъ средними вѣками. Понятнымъ становится, почему греки связали съ Кавказомъ боль-

1) *Nearchi Periplus*, ed. Hudson, p. 35.

шое число своихъ мнѣннй, почему отдаленный край этотъ въ воображеніи ихъ представлялся опустѣлой сценой, на которой нѣкогда будто бы дѣйствовали ихъ боги и полубоги. Какъ ни впечатлительны, какъ ни легковѣрны были испанскіе мореплаватели, но открытіе чуждой имъ Америки не возбудило въ нихъ тѣхъ ощущеній, которыя восточный берегъ Чернаго моря возбудилъ въ открывшихъ его греческихъ мореплавателяхъ. Къ этимъ общимъ разсужденіямъ присовокупимъ пемное, что мы знаемъ о бытѣ Кавказскаго перешейка, заимствуя показанія наши не у поэтовъ, смотрѣвшихъ на него сквозь призму очарованія, а у историковъ и у географовъ, описывавшихъ то, что сами они видѣли или слышали отъ очевидцевъ.

Индійскіе товары на пути своемъ отъ Каспія до Понта Эвксинскаго не разъ выгружались, шли то сушею, то водою. Всѣ эти особенности транзитной торговли обнаруживаютъ значительное развитіе благоустройства въ краѣ и, во всякомъ случаѣ, безопасность, составляющую первое условіе возможности транзита. Припомнимъ себѣ, что, вѣковъ двадцать спустя; Шарденъ долженъ былъ прибѣгнуть къ множеству хитростей, чтобы провезти товары черезъ Закавказье, но, не смотря на все это, былъ ограбленъ и едва не лишился жизни. Страбонъ говоритъ ¹⁾, что товары поднимались вверхъ по Фазису до Саропаны (Шаропани): свойства рѣки дѣлаютъ это показаніе весьма сомнительнымъ, тѣмъ болѣе, что самъ Страбонъ, въ другомъ мѣстѣ ²⁾, пишетъ, что Фазисъ, достигнувъ равнины, принимаетъ въ себя рѣки Глаугусъ и Гипнусъ и только, по сліяніи съ ними, становится судоходнымъ. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, что въ эпоху глубочайшей древности по Фазису (Ріопу) производилось торговое судоходство. Вы-

1) XI, 498.

2) XI, 500.

ше Саронаны товары шли по извилистому ущелью верхней части рѣки, черезъ которую должно было переправляться 120 разъ по мостамъ. Верхнею частью теченія Фазиса Страбонъ, безъ сомнѣнiя, называетъ Квирилу: теперь, слѣдуя по извилистому ущелью этой рѣки, приходится безирестанно переправляться, но уже не по мостамъ, а въ бродъ, перѣдно съ опасностiю жизни. Говоря объ Иверiи, съ которою едва лишь успѣли тогда ознакомиться римляне, Страбонъ замѣчаетъ ¹⁾: «Иверiя на большой части протяженiя своего покрыта селами и городами, столь хорошо выстроенными, что въ нихъ встрѣчаются крыши изъ черепицы, дома, сооруженные по всемъ правиламъ архитектуры, площади и великаго рода публичныя зданiя». Нельзя придавать большой важности тому, что Страбонъ говоритъ объ усадкѣ Колхиды: современное ему состоянiе страны этой сравниваетъ онъ съ блестящими вымыслами поэтовъ, воспѣвавшихъ великолѣпiе и могущество сказочнаго царя Эетеса. Замѣчательнѣе слѣдующее показанiе его ²⁾: «вѣкъ-то колхидскiя полотняныя фабрики были въ славу и отпускалось много полотна въ другiя страны». Объ этой вѣтви промышленности, за 450 лѣтъ до Страбона, говоритъ и Геродотъ ³⁾: «одни колхи обрабатываютъ ленъ такимъ же способомъ, какъ и египтяне. Греки называютъ *сардонскимъ* тотъ ленъ, который идетъ изъ Колхиды, и *египетскимъ* тотъ, который получается изъ Египта». Теперь эта промышленность исчезла безъ слѣда на Кавказѣ; теперь весь Кавказскiй перешеекъ, за исключенiемъ незначительнаго количества сырыхъ произведенiй, ничего не отпускаетъ за границу! Еще болѣе убѣдительнымъ доказательствомъ цвѣтущаго состоянiя края въ невѣдомую эпоху, служить система ороситель-

1) XI, 499.

2) XI, 498.

3) II, 105.

ныхъ каналовъ въ Закавказьѣ, которыхъ теперь уцѣлѣло сравнительно весьма незначительное число. Ширакская и Муганская степи, нынѣ по причинѣ безводія безплодныя и пустыняныя, пѣкогда обильно орошаемы были водою, проведенною издалека. Таковыя работы обнаруживаютъ сововунныя усилія цѣлаго народа или даже пѣсколькихъ народовъ, вслѣдствіе ли сознанія всеми необходимости трудиться для общей пользы, или вслѣдствіе распоряженій прочно основанной верховной власти ¹⁾. Какъ бы то ни было, но таковыя работы свидѣтельствуютъ, что пѣкогда порядокъ и благоустройство существовали тамъ, гдѣ въ продолженіе историческихъ вѣковъ господствовала одна лишь неурядица, съ краткими періодами затишія. Оставляя въ сторонѣ фантастическіе рассказы о волкахъ, находимъ положительныя доказательства ихъ цивилизаціи. Классики хвалятъ ихъ гостепріимство, пособіе, которое оказывали они претерпѣвшимъ кораблекрушеніе у ихъ береговъ, при чемъ выдаваемы были путникамъ деньги для дальнѣйшаго пути ²⁾; сохранилось воспоминаніе о колхскомъ философѣ Марсіасѣ ³⁾; рассказываютъ, что въ Колхидѣ по дорогамъ разставлены были каменные таблицы, на которыхъ, для свѣдѣнія путешественниковъ, объяснены были направленія путей и расположеніе ночлеговъ. Эти особенности, какъ совершенно чуждыя грекамъ, возбуждали ихъ вниманіе, но вѣтъ сомнѣнія, что они подсматрѣли одни лишь уцѣлѣвшіе остатки цивилизаціи, находившейся уже въ состояніи полного упадка.

Таковыя разрозненныя черты, конечно, служатъ примѣтами значительнаго развитія матеріальнаго быта древнѣйшихъ обитателей, по крайней мѣрѣ, части Кавказскаго перешейка. Суще-

1) *Harthausen: Transkaukasien*, I, 54.

2) *Геракліда Помпійскаго, de Politicis*, ed. D. Heinsii. 1621, p. 994.

3) *Eusebii Chronic.*; I, 32.

ствують нѣкоторыя указанія и на состояніе, въ которомъ находилась ихъ нравственность: указанія весьма неутѣшительныя.

Торгъ невольниками составлялъ неотъемлемую принадлежность Кавказа съ самыхъ древнихъ временъ и, притомъ, сопровождаемъ былъ злодѣяніями, предъ которыми блѣднѣютъ даже всѣ преувеличенные рассказы о торговцахъ *чернымъ мясомъ* по берегамъ Африки. Геродотъ рассказываетъ ¹⁾, что обитатели Колхиды и сосѣдніе съ ними кавказскіе горцы не платили опредѣленной подати персидскому царю, но сами между собою условились посылать ему черезъ каждые пять лѣтъ въ даръ сто мальчиковъ и сто дѣвочекъ. Это ведется еще и въ настоящее время, присовокупляетъ Геродотъ. Мы видѣли выше, что, по свидѣтельству Пророка Іезекіиля, Оуваль и Мешехъ, безъ сомнѣнія кавказскіе народы, продавали въ Тиръ «души человѣческія». Этотъ торгъ, во всей отвратительной наготѣ его, описанъ Прокопіемъ ²⁾: «абасги (абхазцы) претерпѣвали несносное притѣсненіе отъ великой жадности своихъ властителей. Оба царя ихъ, замѣтивъ красиваго и хорошо сложеннаго мальчика, тотчасъ же отнимали его у родителей и, потомъ, оскотивъ, продавали по выгодной цѣнѣ въ Римскую имперію. Отцовъ же немедленно предавали смерти, дабы императоръ, услышавъ жалобы котораго нибудь изъ нихъ, не наказалъ за оскорбленіе, нанесенное сыновьямъ, и дабы не имѣть возлѣ себя людей подозрительныхъ. Такимъ образомъ статность сыновей была для нихъ несчастіемъ, и они бѣдственно погибали по причинѣ роковой красоты чадъ своихъ. Большая часть евнуховъ у римлянъ и даже при императорскомъ дворѣ, родомъ абасги».

Къ этому описанію, конечно, прибавлять нечего, но самъ собою рождается вопросъ: чѣмъ объяснить такое извращеніе

1) III, 97.

2) De bello goth., pp. 571, 572; *Stritteri*. Memor. popul., IV, 179.

всякаго нравственнаго чувства, какъ въ древнемъ абхазскомъ правительствѣ, такъ и въ самихъ абхазцахъ, терпѣвшихъ такое правительство? Чѣмъ объяснить, что позорный торгъ людьми, уже за нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ, привился къ Кавказскому перешейку и сохранился на немъ, несмотря на всѣ случившіеся перевороты?

Конечно, нельзя объяснить этого одною лишь красотю кавказской расы, придавашею особую цѣну этому чудовищному товару. Съ тѣхъ поръ, какъ турки овладѣли Константинополемъ, весьма понятно, что могъ возникнуть торгъ прекрасными уроженками Кавказа, что сами родители продавали дочерей своихъ. Съ этимъ явленіемъ легко можно примириться, принявъ въ соображеніе особенности мусульманскихъ браковъ, и то, что продаваемымъ дѣвушкамъ готовилась не неволя, а законный бракъ, перѣдко даже самая блестящая будущность; наконецъ, родственная связь между семействомъ и увезенною за море дѣвушкой не прерывалась безъ слѣда. Но, какъ мы видѣли, таковая торговля существовала на Кавказѣ задолго еще до начала исламизма. Объяснить ли это явленіе разноплеменностію кавказскаго народонаселенія, вѣчно раздираемаго междоусобною войною, при чемъ плѣнники и плѣнницы продаваемы были въ неволю? Но между воюющими народами, изъ страха возмездія, съ теченіемъ времени возникаетъ нѣкоторое понятіе о международномъ правѣ, устраняющее излишнія и бесполезныя жестокости. Срочное приношеніе свое персидскому царю колхи и кавказскіе сосѣди ихъ не могли пополнять однимъ лишь захватомъ людей у чужихъ народовъ; абхазскіе цари продавали дѣтей своихъ подданныхъ. Соображая все это, нельзя не придти къ убѣжденію, что торгъ людьми не самъ собою развился на восточномъ берегу Черваго моря, а подъ вліяніемъ чужестранцевъ, находившихъ свои выгоды въ этой торговлѣ, всячески поддерживавшихъ ее и успѣвшихъ, наконецъ, различными приманками подавить всякое нравственное

чувство въ туземцахъ: покупщики подготовили достойныхъ себѣ продавцовъ. Подобнымъ образомъ, торговцы неграми устѣли низвести на крайнюю степень безнравственности африканское прибрежное пародонаселеніе. Говоря выше о вліяніи кушитской цивилизаціи, мы объяснили, до какой степени она должна была способствовать къ затмевенію всякаго попятія о человѣческомъ достоинствѣ. У кушитовъ, скорѣе чѣмъ у другихъ расъ, долженъ былъ развиться торгъ людьми, вмѣстѣ со всѣми отвратительными принадлежностями его, оскотленіемъ и т. п. Не разъ уже имѣли мы случай замѣтить, что какимъ бы языкомъ ни говорили финикіяне, какого бы происхожденія ни были они, по являюся въ исторіи характеристическими представителями кушитской цивилизаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ являются они и древнѣйшими торговцами людьми; по берегамъ странъ, которыя посѣщали они, имѣли они тайныхъ сообщниковъ, доставлявшихъ имъ на корабли дѣтей и женщинъ, похищенныхъ преимущественно изъ самыхъ знатныхъ семействъ. Въ Одиссеѣ ¹⁾, свинопасъ Евмей рассказываетъ, что онъ слылъ царя, похищенный въ дѣтствѣ, при содѣйствіи вѣроломной няни, финикійскими купцами и проданный ими въ Итакѣ. Эта извѣстность финикіянъ, какъ похитителей и продавцовъ людей, была повсемѣстна въ древнемъ мірѣ. Еврейскій пророкъ Іоиль ²⁾ грозитъ гнѣвомъ Іеговы Тиру и Сидону за то, что: «и сыновъ Іуды и сыновъ Іерусалима продавали сынамъ еллиновъ, чтобъ удалить ихъ отъ предѣловъ ихъ». Подъ названіемъ финикіянъ не должно подразумѣвать однихъ лишь обитателей приморскихъ городовъ отъ Тира до Арада: въ древности распространялось оно вообще на всѣхъ странствующихъ торговой симито-кушитскаго племени ³⁾, которые родомъ были или съ острововъ Архипелага или съ Сирійскаго берега. Подъ это генери-

1) XV, 402.

2) III, 6.

3) *Movers* въ *Encyclopaedie von Ersch und Gruber*, XXIV, 353.

ческое названіе, по всей вѣроятности, подходили и каслухи (колхи), кафторы, киттеи и пр. народы промышленные, торговые, но утратившіе всякое повятіе о нравственности подъ тлетворнымъ вліяніемъ своихъ религіозныхъ вѣрованій. Въ рукахъ этихъ торговцевъ, плѣно-продавцовъ, какъ мы выше объяснили, паходился нѣкогда ключъ Чернаго моря. То обстоятельство, что Геродотъ въ Закавказьѣ нашелъ породу темныхъ людей, видомъ и обычаями совершенно похожихъ на египтянъ, людей, сохранившихъ даже воспоминаніе о единоплеменности своей съ египтянами, можетъ служить доказательствомъ связи, существовавшей нѣкогда между Закавказьемъ и Египтомъ, конечно, черезъ Архипелагъ, а не сухимъ путемъ,—связи, прерванной потомъ нашествіемъ еллиновъ. Къ этой невѣдомо-отдаленной эпохѣ должны мы отнести, какъ зародыши просвѣщенія на Кавказѣ, такъ и начало извращенія народной нравственности, преимущественно обозначившагося торговъ невольниками въ большихъ размѣрахъ.

Кровожадные и противунравственные религіозные обряды составляли принадлежность кушитской цивилизаціи. Таковыя обряды находимъ мы на древнемъ Кавказѣ. Вотъ напр. что Страбонъ говоритъ о служеніи богинѣ Анаитѣ въ древней Арменіи ¹⁾: «зпнатнѣйшія семейства посвящаютъ ей дочерей своихъ, пока онѣ еще пелорочны, и, согласно постановленію, онѣ выходятъ замужъ не прежде, какъ проживъ долгое время распутно въ храмѣ богини. Онѣ такъ склонны брать любовниковъ, что часто предлагаютъ путешественникамъ помѣщеніе въ домахъ своихъ, и, не довольствуясь тѣмъ, что вступаютъ съ ними въ тѣснѣйшую связь, дѣлаютъ имъ болѣе подарковъ, чѣмъ сколько сами отъ нихъ получаютъ: таковая щедрость служитъ доказательствомъ ихъ богатства. Впрочемъ, такъ поступаютъ онѣ не съ каждымъ безъ разбора, а преимущественно съ иностранцами одинакого съ ними

1) XI, 533.

состоянія»: Приношеніе людей въ жертву было въ употребленіи у кавказскихъ горцевъ, какъ то видно изъ слѣдующаго разсказа Страбона объ албанцахъ (дагестанцахъ) ¹⁾: «первосвященникъ, замѣтивъ, что кто либо изъ жрецовъ впадаетъ въ восторгъ, пророчествуеъ и удивленно бродитъ по лѣсамъ, приказываетъ задержать его. На несчастнаго налагаются священныя оковы, и въ теченіе цѣлаго года его кормятъ великолѣпно. Въ день жертвоприношенія богинѣ, его приводятъ къ олтарю умащеннаго благоуханіями и закалываютъ, вмѣстѣ съ прочими жертвами, по особымъ способамъ». Мы выше видѣли, что у кушитовъ существовало служеніе божествамъ, враждебнымъ человѣку, которыхъ можно было умилостивить страшнѣйшими истязаніями несчастныхъ жертвъ. Моисей Каганкатваци, писатель IX в. по Р. X. рассказываетъ ²⁾, что царь Вачаганъ открылъ и истребилъ въ Дагестанѣ страшныя секты бѣсопочитателей, изъ числа которыхъ одни, въ угоду дьяволу, рѣзали людямъ пальцы, другіе едирали съ живыхъ кожу, третьи возлагали на себя обязанность ежегодно отравлять по одному человѣку и, если не удавалось имъ этого выполнить, то отравляли кого нибудь изъ своего семейства.

Такое изувѣрство безъ слѣда исчезло на Кавказѣ, вмѣстѣ съ тѣсно связанной съ нимъ наружно блестящей кушитской цивилизаціей. Одиная лишь торговля невольниками удержался во всѣ времена, оказывая глубокое и губительное вліяніе на бытъ обитателей цѣлаго перешейка.

1) XI, 503.

2) Исторія Агвалъ, перев. Б. Паткальянъ. (Спб. 1861), гл. XVIII, стр. 39.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Отъ невѣдомыхъ морей, по которымъ плавалъ вѣщій корабль Арго, отъ очарованныхъ странъ, гдѣ ратовалъ Язонъ съ своими спутниками—полубогами, перейдемъ теперь къ описанію постепеннаго ознакомленія грековъ съ Понтомъ Эвксинскимъ, въ особенности же съ восточнымъ берегомъ его. Здѣсь фантазія долго и упорно борется съ дѣйствительностію, и только около эпохи Р. X. послѣдняя беретъ верхъ.

Нельзя опредѣлить въ точности времени, когда впервые греческій корабль прошелъ черезъ Босфоръ Фракійскій, когда впервые появился онъ на пустынныхъ безостровныхъ водахъ Понта Аксенскаго, Негостеприннаго. За то, едва ли можно сомнѣваться, что таковая честь принадлежитъ милезійскимъ мореходцамъ. Обширностію торговли своей Милеть соперничала съ Тиромъ и Кароагеномъ, не имѣя соперниковъ между греческими городами. Милеть долго обладала монополіею объѣзда произведеній Малой Азіи и побережья Средиземнаго моря съ произведеніями Скиоіи, нынѣшней Европейской Россіи, и даже самой отдаленной сѣверо-восточной приуральской полосы ея. Богатство скиоцевъ состояло въ стадахъ, кожахъ, звѣриныхъ промыслахъ, пчеловодствѣ, рыбѣ, хлѣбѣ, соли. Изъ разсказовъ Геродота видно ¹⁾, что скионы, жившіе въ южной Россіи, пахотились въ дѣйственныхъ сношеніяхъ съ народами, жившими въ сѣверо-востоку отъ нихъ, въ глуби материка, въ нынѣшней западной Сибири. Мы выше указали на примѣты, свидѣтельствующія о торговыхъ

1) IV, 24.

свопешіяхъ ихъ съ Индіей и Средней Азіей черезъ Кавказскій перешеекъ. Главная мануфактурная дѣятельность милезійцевъ заключалась въ производствѣ шерстяныхъ тканей, которыхъ мягкость и изящество славились въ цѣломъ древнемъ мірѣ. Случалось, что закоподатели, опасаясь, чтобы сограждане не впали въ извѣженность, запрещали имъ носить милезійскія ткани ¹⁾. Такимъ образомъ, на восточныхъ берегахъ Чернаго и Азовскаго морей сходились индійскіе, сибирскіе и малоазійскіе товары. Копечво, не милезійцы связали торговыми путями эти отдаленныя страны; на милезійцевъ можно смотрѣть лишь, какъ на преемниковъ колховъ въ торговомъ посредничествѣ между Чернымъ и Средиземнымъ морями, но тѣмъ не менѣе они играютъ весьма блестящую роль въ исторіи древняго міра. Для насъ дѣятельность ихъ особенно замѣчательна, какъ единственное въ продолженіе длиннаго ряда вѣковъ существовавшее соприкосновеніе извѣстнаго намъ классическаго міра съ неизвѣстнымъ скиво-кавказскимъ.

Древнѣйшіе слѣды завятія милезійцами удобныхъ якорныхъ мѣстъ и, потомъ, постепеннаго оспованія на этихъ мѣстахъ колоній, встрѣчаемъ мы вдоль южнаго берега Понта. Можно принять за достовѣрное, что милезійская колонія существовала въ Синопѣ лѣтъ за 800 до Р. X. Около 750 года Синопская колонія уже такъ усилилась, что въ состояніи была отдѣлится отъ себя *выселокъ*, гораздо далѣе къ востоку, въ землю макроровъ, въ сосѣдство серебряныхъ рудниковъ халибовъ ²⁾; этотъ выселокъ носилъ въ древнія времена названіе Трапезуса, теперь называется онъ Трбизонтомъ. Но, при этомъ, замѣтимъ, что мы здѣсь говоримъ объ основаніи милезійской колоніи въ Синопѣ, а не объ основаніи самого города Синопа, который, какъ можно заключить изъ темныхъ преданій, сохранившихся у самихъ грековъ, существо-

1) Диодоръ Сив., XII, 21.

2) *Kuonl Rochette: Hist. des colonies grecques*, III, 173.

валь уже задолго до прибытія милезійцев¹⁾, хотя мы и не можемъ знать, кто были дѣйствительные основатели и обитатели этого города, въ замѣвъ мионическихъ Аргонавтсвъ, Амазонки или синопскаго царя Аписа-Ипаха, который, потомъ, сдѣлался богомъ въ Египтѣ²⁾: быть можетъ, смутное воспоминаніе о доисторическихъ сношеніяхъ Черноморскихъ береговъ съ Египтомъ. Но въ тоже время милезійцы распространялись и къ сѣверу вдоль Фракійскаго берега Чернаго моря. Въ VIII в. до Р. X. милезійскій цесѣ Арктивость воспѣлъ уже островъ, лежащій противъ устья Дуная (Змѣиный, сдѣлавшійся столь извѣстнымъ послѣ послѣднего Парижскаго мира), какъ посмертное жилище Ахиллеса; въ Кинбурнской косѣ Ахиллесъ, какъ убѣдились въ томъ греки, упражнялся вѣкогда въ бѣганіи³⁾; въ Крымѣ, гдѣ туземцы приносили чужестранцевъ въ жертву дѣвственной богинѣ (Астартѣ?), греки перепесли свою Ифигенію. Около 640 года возникла Ольбія на Гипанисѣ (Бурѣ), Пантикапей (Керчь) на Крымскомъ берегу Восточнаго Киммерійскаго. Преданіе, впрочемъ, приписывало первое основаніе Пантикапеи сыну сказочнаго царя Эгеса⁴⁾. Въ это самое время греки, какъ кажется, впервые познакомились съ Азовскимъ моремъ (Меотидой), но дѣйствительное очертаніе этого моря долго оставалось имъ неизвѣстнымъ: они или придавали ему преувеличенные размеры или даже сначала почитали за заливъ Океана, омывающаго обитаемую землю съ сѣверной стороны. На устьяхъ Танаиса (Дона) существовалъ построенный греками торговый городъ Тагаисъ⁵⁾, но слѣдовъ его въ настоящее время никакихъ не осталось: вѣроятно, это было не болѣе, какъ торжище, которое по временамъ посѣщали гре-

1) *id.*, I, 165; II, 206, 207.

2) *См. Египетскій: Anchora* § 106; *Naoul Rochette*, I, 165.

3) *Геродотъ*, IV, 56; *Евратиды*, Ифигенія, ст. 406—422; *Schöl. Apoll. Rhodii*, II, 658.

4) *Steph. Byz.* v. Panticape.

5) *Страбонъ*, XI, 493.

ки ¹⁾. Замѣчательно сказаніе Плипія ²⁾, что вѣкогда на Тавансѣ жили карійцы. Последнее имя придаваемо было древнѣйшимъ обитателямъ берега Малой Азіи, одноплеменнымъ съ архипелажскими кафгорами, киттіями, каслухами. Какъ бы мало явственны слѣды присутствія этого племени на Черноморскихъ берегахъ, но обиліе таковыхъ слѣдовъ не можетъ не остановить на себѣ вниманія.

Нельзя утвердительно рѣшить, съ южнаго ли или съ сѣвернаго берега Чернаго моря, милезійцы достигли берега Кавказскаго перешейка, т. е. гдѣ равнѣ возникли ихъ колоніи, въ юго-восточномъ ли углу Понта Эвксинскаго, или на устьяхъ Къзбапи. О Фанагоріи, стоявшей на азіатскомъ берегу Босфора Киммерійскаго, противъ Пантйапеи, почти тамъ, гдѣ нынѣ находится Тамань, существовало преданіе, что основателями города этого были жители города Теоса (въ Каріи), которые, подъ предводительствомъ Фанагороса, покинули родной городъ свой, спасаясь отъ персидскаго ига ³⁾. Это событіе относится къ 541 г. до начала нашей эры. Впрочемъ, объ основаніи города существовало еще нѣсколько разнорѣчивыхъ преданій, заставляющихъ думать, что имя основателя Фанагороса есть вымышленное и что бѣглецы изъ Теоса поселились въ горедѣ, задолго до нихъ существовавшемъ. Съ Фанагоріей связаны были преданія объ Афродитѣ и Геркулесѣ. Къ одному времени съ построеніемъ Фанагоріи греки отпосили и построеніе города Гермонассы, названнаго такъ по имени жены митиленскаго гражданина Семандроса, который съ колоніей еолицевъ покинулъ родину, спасаясь отъ персидскаго ига. Гермонасса находилась во близости Фанагоріи: по мнѣнію Дюбуа тамъ, гдѣ теперь стоитъ Бугазъ ⁴⁾. Не смотря на это относительно-позднее

1) *Hommaire de Hell*: Les steppes de la mer Caspienne, III, 129.

2) VI, 7.

3) *Dionys. Perieg.*, 553; *Scymn. fragm.*, 153.

4) *Voyage autour du Caucase*, V, 100.

основаніе, почва Фанагоріи и Гермонассы объявлена была преданіемъ, уносящимъ въ недосегаемую даль времени: говорили, что *здѣсь Озирисъ впервые спрягъ воловъ съ плугъ и спасалъ землю* ¹⁾. Въ окрестностяхъ часто повторяется названіе *Апатуръ*; служеніе Венерѣ Апатуркой было особенно распространено въ цѣлой странѣ. Это было чисто азіатское, кушитское божество; Риттеръ находитъ тѣсное соотношеніе между Апатурой и Аватуромъ, первымъ воплощеніемъ Индійскаго Вишну, въ видѣ получеловѣка и полурыбы: неходъ творены изъ водъ хааса. Между Фанагоріей и Гермонассой находился городъ Кепосъ, выселокъ фанагорійцевъ. Названіе города, означающее *садъ*, быть можетъ, объясняетъ первоначальное названіе этого поселенія. Кепосъ замѣчательнъ, какъ родина матери знаменитаго Демосоепа, что послужило предлогомъ Есхину укорять врага своего въ чужеземномъ происхожденіи. Дюбуа полагаетъ, что Кепосъ находился на мѣстѣ нынѣшняго селенія Ахтангзовскаго ²⁾. Сидскій портъ, *Sindicos limen*, *Sindicus portus*, заселенъ былъ греками, о которыхъ мы знаемъ лишь то, что они пришли изъ сѣверныхъ мѣстъ ³⁾, слѣдовательно, по всей вѣроятности, съ береговъ Босфора Киммерійскаго. Судя по послѣдовательности этихъ названій у древнихъ авторовъ, должно полагать, что Сидскимъ лиманомъ называли они нынѣшній лиманъ Кизильташскій и Сидскій портъ находился нѣсколько сѣвернѣ Анапы. Въ странѣ керкетовъ находился еще греческій приморскій городъ Торикосъ ⁴⁾, о которомъ мы, впрочемъ, не имѣемъ никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній. Весьма вѣроятно, что городъ этотъ находился въ Геленджикской бухтѣ, потому что между нимъ и Сидскимъ портомъ классики упоминаютъ еще о

1) *Steph. Byz.*, ed. Berkel, p. 698; *Eustathius*, Comment. ad Dionys. p. 54, 55.

2) *Voyage autour du Caucase*, V, 59.

3) *Scymn. Ch.*, Fragm. v. 154.

4) *Scylac. Peripl.*, p. 31.

примерскомъ городѣ Батѣ, положеніе котораго должно соответствовать нѣмѣшнему Новороссійску.

Стеченіе многихъ обстоятельствъ придало Діоскуріи особую знаменитость въ древнемъ мірѣ. Гдѣ именно находился этотъ городъ, мы не знаемъ опредѣлительно. Всего вѣроятнѣе мнѣніе, что онъ расположенъ былъ на дельтѣ Кодора, и что нѣмѣшнія названія ручья и мыса: Скурчія, Скурія, Искурія суть отголоски классической Діоскуріи. По мнѣнію древнихъ географовъ, чуждыхъ точнымъ астрономическимъ наблюденіямъ, Діоскурія находилась на самой восточной оконечности Понта Эвксинскаго ¹⁾, и, такимъ образомъ, составляла *предѣлъ всякаго плаванія*. Этого, конечно, достаточно было, чтобы Діоскурія приобрѣла всеобщую извѣстность, подобно тому, какъ нынѣ всемы извѣстны Нордъ-капъ, Матапанъ или С. Винцентъ. Имя этого города, какое бы ни было настоящее происхожденіе его, напоминало собою небезыныхъ близнецовъ, покровителей мореходцевъ. Наконецъ торговая дѣятельность Діоскуріи, если не по обширности, то по рѣзкой оригинальности своей, представляла зрѣлище, не имѣвшее нигдѣ себѣ подобнаго. Страбонъ пишетъ ²⁾, что въ Діоскурію съѣзжаются купцы семидесяти или, какъ нѣкоторые утверждаютъ, трехъсотъ различныхъ народовъ, изъ числа которыхъ ни одинъ не заботится о томъ, что дѣлается въ остальномъ свѣтѣ, и не говоритъ на языкѣ сосѣдей, потому что каждый живетъ отдѣльно и не вступаетъ ни съ кѣмъ въ сношенія, по гордости или по грубости. Плиній рассказываетъ ³⁾, что въ Діоскуріи дѣла велись посредствомъ 130 переводчиковъ. Все это нисколько не доказываетъ, впрочемъ, чтобы въ Діоскуріи когда либо производились большіе торговые обороты. Греки привозили туда

1) Страбонъ, XI, 497.

2) Id. XI, 498.

3) Hist. natur., VI, 5.

соль ¹⁾ для кавказскихъ горцевъ, которые не могли оплачивать ничѣмъ, кромѣ какъ звѣринными кожами, медомъ и невольниками. Кромѣ послѣдней статьи торговали, прочія, конечно, были ничтожны. Индійскіе товары шли, или степями въ при-Босфорскіе города, или черезъ Закавказіе Курой и Фависомъ: завозить ихъ въ отдаленную Діоскурію было бы крайне неудобно, точно также, какъ теперь неудобно завозить транзитные товары въ Сухумъ-кале, несмотря на превосходный рейдъ этого города. Такимъ образомъ, главнѣйшую достопримѣчательность Діоскурії составляла чрезвычайная разноплеменность горцевъ, посѣщавшихъ ея рынокъ, но уже одно то, что каждый горецъ жилъ самъ по себѣ, не заботясь ни о комъ на свѣтѣ, показываетъ, что торговые обороты Діоскурії не могли быть значительны. Позже, хотя и весьма на короткое время, Діоскурія приобрѣла нѣкоторую политическую важность въ глазахъ римлянъ, которые изъ этого города старались распространить свое вліяніе на кавказскихъ горцевъ.

Мы выше уже сказали, что первоначальное основаніе Діоскурії нѣкоторые приписывали самимъ близнецамъ, Кастору и Поллуксу ²⁾, большая часть однако классическихъ писателей почитаютъ основателями ея возникшихъ колесницы Діоскуровъ, которыхъ буря оторвала отъ прочихъ Аргонавтовъ и занесла на этотъ отдаленный берегъ ³⁾. Таковыя преданія ясно доказываютъ, что грекамъ неизвѣстно было, ни кто построилъ Діоскурію, ни когда построена она. Арріанъ говоритъ ⁴⁾, однако, что Діоскурія основана милезійцами, но Арріанъ писалъ въ то время, когда отъ Діоскурії остались одни лишь развалины.

1) Страбонъ, XI, 506.

2) Плотиній Мела, I, 19.

3) Raoul Rochette: Hist. des col. grecques, II, 209.

4) Peripl., p. 11.

Положеніе города Фазиса не можетъ подавать повода къ сомнѣніямъ, хотя, какъ мы сказали выше, въ иныхъ случаяхъ нельзя даже вавѣрно отгадать, какую рѣку древніе называли этимъ именемъ. Страбонъ ¹⁾ говоритъ, что Фазисъ, на рѣкѣ того же имени, торговый городъ колховъ, омывается водою съ трехъ сторонъ: рѣкою, озеромъ и моремъ. Это описаніе совершенно соответствуетъ положенію нынѣшняго города Поты. Гераклидъ Понтскій ²⁾ пишетъ, что первые обитатели этого города были геніохи, народъ кавказскій, мионческаго происхожденія, по мнѣнію грековъ; въ послѣдствіи времени милезійцы отправили въ Фазисъ колонію, подъ предводительствомъ пѣкоаго Омистагороса ³⁾. Изъ Фазиса отпускаясь за море произведенія древней Колхиды: строевой лѣсъ, ленъ, пенька, воскъ, смола и, наконецъ, знаменитыя колхскія полотна. Фазисъ находился на самомъ пути, которымъ индійскіе товары чрезъ Закавказье достигали Понта Эвксинскаго. Отсутствіе удобнаго порта при устьѣ Фазиса, не представляло въ то время столько неудобствъ для торговли, сколько нынѣ: плаваніе производилось прибрежное, суда не глубоко сидѣли въ водѣ и изъ моря прямо входили въ Фазисъ, которымъ поднимались вверхъ, пока рѣка не переставала быть судоходною.

Мы покуда ограничились исчисленіемъ главнѣйшихъ торговыхъ поселеній грековъ на восточномъ берегу Чернаго моря, вромѣ исчисленныхъ нами, существовало еще много другихъ, болѣе или менѣе значительныхъ. Неопредѣленность сказаній грековъ объ эпохѣ и обстоятельствахъ основанія каждой колоніи заставляетъ думать, что пункты эти заселены были съ незапамятныхъ временъ и служили стоянками для прибрежнаго торговаго

1) XI, 498.

2) Fragment. § XVIII, p. 213.

3) *Помп. Мела*, I, 19.

плаванія, что греки посѣщали ихъ сначала временно, потомъ селились въ видѣ отдѣльныхъ переселенцевъ и, наконецъ, уже увеличившись числомъ, приобрѣли самостоятельность и господство въ этихъ приморскихъ городахъ, которые постепенно утратили свой древнѣйшій мѣстный характеръ. Начало осѣдлости грековъ на восточномъ берегу Чернаго моря едва ли можно отнести далѣе, какъ за 550 лѣтъ до Р. Х. Равнымъ образомъ, все заставляетъ думать, что распространеніе грековъ вдоль восточнаго берега имѣло исходомъ своимъ Тавриду, гдѣ уже за 570 лѣтъ до Р. Х., въ виду кавказскаго берега, существовалъ греческій городъ Пантикарея (Керчь).

Тѣмъ болѣе умственное развитіе cadaго народа, чѣмъ болѣе находится онъ въ соприкосновеніи съ другими народами: этимъ освобождается онъ отъ односторонности, коснѣнія въ предразсудкахъ, ложно понимаемой народности. Еще болѣе благотворное вліяніе на умственное развитіе народа оказываютъ его колоніи, если только послѣднія живутъ жизнью самостоятельной, не стѣсняемою мелочнымъ себялюбіемъ метрополя. Единая по духу своему народность въ каждой новой колоніи проявляется въ новой и первѣдко совершенно-неожиданной формѣ: разнообразіе формъ даетъ просторъ для цѣлой полноты содержанія, для многого того, что, быть можетъ, увяло бы безплодно на первоначальной родинѣ. Безъ колоній Греція никогда не достигла бы той высоты развитія, которая во многихъ отношеніяхъ не повторилась ни для одного изъ позднѣйшихъ народовъ. Духъ цивилизирующей пропаганды мало свойственъ былъ Греціи въ продолженіи кипучей жизни ея; народы обогатились наслѣдствомъ, оставшимся уже послѣ смерти ея. Греки мало что сообщали другимъ народамъ, но отъ нихъ заимствовали многое и заимствованное усвоили себѣ вполне, заложивъ на него отпечатокъ своего гениа.

При нынѣшнемъ состояніи историческаго знанія, весьма правдоподобнымъ становится мнѣніе, что въ невѣдомо-отдаленную

эпоху, арийскіе прапцы грековъ жили или, по крайней мѣрѣ, проходили по сѣверную сторону Кавказа. Греки не знали этого и никогда не догадывались объ этомъ, но смутное воспоминаніе объ этой эпохѣ послужило основою ихъ мифологій. Съ другой стороны весьма вѣроятно, что ссыны, сауроматы, которыхъ греки нашли на сѣверномъ и восточномъ берегахъ Черваго моря, были арийскаго происхожденія: эти народы, какъ ни дики были они, могли хранить въ памяти многое то, что уже почти изгладилось изъ памяти грековъ. При видѣ Кавказа, вострепетали и очнулись отъ долгаго сна греческія мифическія преданія. Къ этому присовокупимъ еще, что греки, какъ мы старались доказать выше, нѣкогда находились подъ вліяніемъ древней кушитской цивилизаціи; это вліяніе пресѣклось со временемъ, но оставило по себѣ неизгладимыя слѣды въ народныхъ воспоминаніяхъ. Если нельзя доказать удовлетворительно, то, по крайней мѣрѣ, нельзя отвергнуть безусловно, что и древній Кавказъ, въ невѣдомую эпоху, находился подъ вліяніемъ той же кушитской цивилизаціи, которая обозначилась слѣдами, сохранившимися еще явственнѣе въ эпоху появленія грековъ на Кавказскомъ перешейкѣ. Такимъ образомъ все на Кавказѣ говорило грекамъ о глубокой старинѣ; туманный, неуловимый призракъ прилялъ цвѣтъ и тѣло. Таковое впечатлѣніе, навѣянное Кавказомъ, отразилось въ цѣлой греческой литературѣ. Мы не можемъ опредѣлить эпохи, когда впервые обозначилось оно; открытіе греками восточнаго берега Чернаго моря, конечно, не было такимъ внезапнымъ событіемъ, какъ открытіе Америки испанцами. Если Гезіодъ говоритъ о мифическомъ Фаисѣ, то это вовсе не доказываетъ, чтобы въ его время уже греки успѣли увидѣть нинѣшній Ріонъ; если Евмелъ Коринтскій за 700 лѣтъ до Р. X. воспѣвалъ колховъ, то едва ли зналъ онъ о существованіи тѣхъ самыхъ черныхъ колховъ, которыхъ Геродотъ лично видѣлъ въ Закавказьѣ. Мы не станемъ искать въ поэмѣ объ Аргонавтахъ, ложно приписываемой Орфею, слѣдовъ древнѣйшаго

ознакомленія грековъ съ Кавказскими черешейкомъ: въ томъ видѣ, въ какомъ поэма эта дошла до насъ, она носитъ на себѣ явные признаки передѣлки, современной первымъ вѣкамъ по Р. Х., нѣкоторые ученые къ этой эпохѣ относятъ даже самое созданіе Орфеевой поэмы. Во всякомъ случаѣ, очевидно, что она подверглась столь многимъ позднѣйшимъ вставкамъ, исправленіямъ или искаженіямъ, что едва ли есть какая либо возможность возстановить первоначальный видъ ея. Явственные слѣды живой вѣсти съ Кавказа или личнаго съ нимъ ознакомленія начинаемъ мы встрѣчать у греческихъ писателей V в. до Р. Х., съ каковой эпохой совпадаетъ и вѣроятная эпоха основанія первыхъ постоянныхъ поселеній милезійцевъ на восточномъ берегу Чернаго моря.

До насъ дошло весьма любопытное географическое сочиненіе, известное подъ названіемъ: *Периплъ моря, омывающаго Европу, Азію и Ливію, Скилакса Каріандскаго*. Периплъ значитъ плаваніе вокругъ всего берега, замыкающаго море; авторъ начинаетъ путь свой отъ Геркулесовыхъ столбовъ (пролива Гибралтарскаго), плыветъ вдоль береговъ Иберіи и Галліи, обигаетъ всю Италію, потомъ, вдоль восточнаго края Адріатика, достигаетъ Греціи, Македоніи, Фракіи, проходитъ черезъ Гелеспонтъ и Босфоръ, объѣзжаетъ вокругъ Понта Эвксинскаго, далѣе держится береговъ Малой Азіи, Сиріи, Фивиніи, Египта и, наконецъ, слѣдуя вдоль сѣвернаго берега Африки, возвращается туда, откуда отправился въ дальній путь свой. Авторъ не покидаетъ точки зрѣнія своего съ палубы корабля: берегъ измѣняетъ для него названіе свое съ измѣненіемъ обитателей; онъ исчисляетъ города, гавани, мысы въ той послѣдовательности, въ которой представлялись они ему во время его плаванія. Это сочиненіе крайне сухое, по драгоцѣнное по самой сухости своей для положительнаго изученія древней географіи, въ противуположность географическимъ мечтамъ поэтовъ. Вопросъ, въ какомъ вѣкѣ было писано

это сочинение и кто былъ настоящій авторъ его, подалъ поводъ къ разпорѣчивымъ мнѣніямъ со стороны ученыхъ. Нѣкоторые полагаютъ сочиненіе это современнымъ Филиппу или Александру Македонскимъ, другіе относятъ его еще къ позднѣйшему времени. Мы приведемъ здѣсь мнѣніе, которое, повидимому, заслуживаетъ наиболѣе вѣроятія. Страбонъ ¹⁾, говоря объ островѣ Каріандѣ, замѣчаетъ, что на немъ родился древній историкъ Скилаксъ, слѣдовательно, послѣдній жилъ, во всякомъ случаѣ, задолго до Страбона. Геродотъ повѣствуетъ ²⁾, что большая часть Азіи была открыта Даріемъ, который, желая знать, гдѣ находится устье Инда, послалъ на корабляхъ людей вѣрныхъ и неликихъ, въ числѣ которыхъ находился и Скилаксъ Каріандскій. Отсюда видно, что мореходецъ-географъ Скилаксъ Каріандскій жилъ во время Дарія Истасна и находился у него на службѣ. Мы знаемъ, сверхъ того, что Дарій придавалъ большую важность описаніямъ береговъ и что, готовясь воевать съ греками, онъ предварительно снарядилъ морскую экспедицію для обзрѣнія береговъ Греціи и Италіи ³⁾, что и было исполнено, послѣ многихъ трудностей. Неизвѣстно, участвовалъ ли въ этой экспедиціи Скилаксъ Каріандскій, но, по всей вѣроятности, результаты ея не остались ему безъизвѣстными, и онъ могъ воспользоваться ими, вмѣстѣ съ другими источниками, для своего сочиненія. Замѣтно, что Скилаксу неизвѣстно ничего изъ случившагося въ Македоніи около 500 года, слѣдовательно онъ писалъ ранѣе ⁴⁾. Эліи Діонизій говоритъ, что Скилаксъ посвятилъ свое сочиненіе Дарію. Все это заставляетъ думать, что оно было написано между 515 и 501 годами до Р. Х. Если въ немъ и встрѣчаются примѣты позднѣйшаго времени, то таковыя можно объяснить вставками перепис-

1) XIV, 658.

2) IV, 44.

3) Геродотъ, III, 135.

4) Duncker: Gesch. des Alterth., II, 591.

чиковъ. Умолчаніе о томъ, что всё было извѣстно въ позднѣйшее время, гораздо убѣдительнѣе свидѣтельствуеть о древности сочиненія, чѣмъ подобныя вставки опровергаютъ ее.

Мы выпишемъ изъ Перипла сдѣланное Скилаксомъ краткое описаніе восточнаго берега Азовскаго и Чернаго морей.

«За рѣкою Танаисомъ начинается Азія: первый народъ, въ ней встрѣчающійся, сауроматы. Гювайкократумены составляютъ одно изъ племенъ ихъ. Маіоты соприкасаются къ гюнайкократуменамъ. За маіотами слѣдуютъ синты, они распространяются и за предѣлы Меотійскаго моря. Въ ихъ землѣ находятся греческіе города: Фанагорія, Кеи, Сивдскій портъ, Патусъ. За Сивдскимъ портомъ слѣдуютъ керкеты и греческій городъ Торикосъ съ гаванью. За керкетами ахаіи. За ахаіями геіюхи. За геіюхами кораксы. За кораксами народъ колике. За колике меланхлены, у которыхъ протекають рѣки Метазорисъ и Айгипіосъ. За меланхленами гелоны. За ними слѣдуютъ къ югу колхи съ городомъ Діоскуріей, потомъ греческій городъ Гюеносъ, рѣка Гюеносъ и далѣе рѣки Херодіосъ, Хорсосъ, Аріосъ и Фазисъ съ греческимъ городомъ Фазисомъ. Должно плыть этой рѣкой вверхъ 180 стадій до большаго варварскаго города Мале, родины Меден. Потомъ находятся рѣки (Рисъ), Присъ, Апсаросъ. За волками слѣдуютъ бузеры и рѣка Дараанопъ и рѣка Аріопъ. За бузерами екехеиры, рѣка Порданисъ или Прутависъ, рѣка Архабисъ, Лимцеполисъ и греческій городъ Одеипіосъ. За екехеирами, народъ бехеиры и портъ Бехеирскій и греческій городъ Бехеиріосъ. За бехеирами народъ макрокефалы и гавань Псоропъ и греческій городъ Трапезосъ».

По всей вѣроятности, Скилаксъ составилъ это описаніе, не какъ очевидецъ, а на основаніи разсказовъ и замѣтокъ другихъ мореходцевъ, отъ которыхъ нельзя ожидать большей точности, тѣмъ болѣе, что они перѣдко придаютъ берегамъ произвольныя названія, себѣ на память, не заботясь о дѣйствительно суще-

ствующемъ политическомъ и этническомъ раздѣленіи края, какъ напр. для береговъ Африки придуманы ими названія: Золотого, Зерноваго, Невольничьяго и пр. береговъ. При этомъ примемъ въ соображеніе ошибки переписчиковъ, невѣжественныя поправки, вставки и переставки. Немудрено, что лишь немногія изъ названій, приводимыхъ Скилаксомъ, могутъ быть объяснены удовлетворительно, что большая часть изъ нихъ остаются совершенно непонятными.

Если допустить, что Скилаксъ жилъ около 500 г. до Р. Х., то въ Перилѣ его встрѣчается древнѣйшее упоминаніе о сарматахъ, саураматахъ, сирматахъ: всѣ эти названія, несомнѣнно тождественныя, находимъ мы у классическихъ писателей. Какъ видно, сарматы жили за Дономъ, на азіатскомъ берегу Азовскаго моря. Чтобы составить себѣ опредѣлительное понятіе, какой народъ самъ себя называлъ этимъ именемъ во времена Скилакса, или такъ называемъ были греками, должно, прежде всего, обратить вниманіе на само имя. Въ древности оно производимо было отъ *саурось-олмата* — ящерицы глаза, но пѣтъ сомнѣній, что такое толкованіе придумано греками; мы имѣемъ подробныя описанія наружнаго вида сарматовъ, но нигдѣ не говорится, чтобы въ глазахъ ихъ было что либо особенное. У классиковъ, между народами, живущими на сѣверномъ Кавказѣ, встрѣчаются нѣкоторые съ этническимъ окончаніемъ, тождественнымъ съ сарматами, какъ то: язматы, агаматы и т. п. Изъ этого можно заключить, что всѣ подобныя названія означаютъ подраздѣленія одного великаго племени матовъ, къ которому принадлежали и сарматы. Прибрежныя жители Азовскаго моря, преимущественно же восточнаго берега его, вообще называемы были маэтами, мэотами и причисляемы къ скиоскому племени. Мэоты, то смѣшиваемы были съ сарматами, то описываемы въ видѣ особаго народа, то, наконецъ, почитаемы за предковъ сарматовъ. Маты, конечно, тождественны съ маэтами. Разбирая библейскія преда-

ни, мы объяснили вѣроятность догадки, что Магогомъ называемъ былъ народъ, жившій на сѣверномъ Кавказѣ, слѣдовательно Магогъ тождественъ съ маэтами. Есть ли что либо общее и въ происхожденіи названій маізты, маготы, *maio* и Магогъ,—рѣшить, конечно, нельзя; можно даже сомнѣваться въ томъ, есть ли что либо общее, кромѣ случайнаго созвучія, въ названіи моря Мэотійскаго и народа мэотевъ. Изъ древнихъ одни думали, что по названію моря названъ былъ прибрежный народъ, другіе были противоположнаго мнѣнія ¹⁾. Морю Мэотійскому древніе географы обыкновенно придавали преувеличенные размѣры; полагали, что оно изливается въ Понтъ и питаетъ его своими водами ²⁾, поэтому называлось оно *матерью* или *кормилицей* Понта. Эти эпитеты Азовскаго моря близко подходятъ къ Великой матери Гезіодовой космогоніи, къ богинѣ *Майя* индусовъ, *всестигающей, всспроизведшей* ³⁾. Если такое толкованіе справедливо, то море получило названіе свое самостоятельно и, потомъ, передало его прибрежнымъ обитателямъ. Съ другой стороны, окончаніе *матъ* въ этническихъ названіяхъ сауроматъ, сарматъ, язаматъ, представляетъ почти тождество съ *Мадъ* гвоздеобразныхъ надписей, съ библейскимъ *мадан*, изъ которыхъ первое означаетъ страну Мидію ⁴⁾, а второе мидянъ. Какъ мы увидимъ впоследствии, у древнихъ писателей встрѣчаются указанія на то, что скиевъ вывели изъ Мидіи множество плѣнниковъ и поселили ихъ на сѣверномъ Кавказѣ, по совершенно невѣроятно, чтобы эти плѣнники могли сдѣлаться прародителями великаго племени сарматовъ, имя которыхъ всегда распространяемо было на множество народовъ, представляя столь же обширное и неопредѣленное значеніе, какъ и имя скиоовъ, съ которыми сарматы постоянно бы

1) *Uckert*: Skythien, 168.

2) *Геродотъ*, IV, 86.

3) *Ritter*: Vorhalle etc., 161.

4) *Lassen*: Altpersische Keilinschriften, 63.

ли смѣшиваемы, пока, наконецъ, не вытѣснили ихъ совершенно изъ исторіи. Скорѣе можно думать, что окончаніе *манъ* обнаруживаетъ не происхожденіе сарматовъ отъ мидянъ, а общегрѣйское родство ихъ, котораго слѣды должно искать по восточную сторону Каспія, въ особенности же, если слово *манъ* въ древнеарійскихъ языкахъ дѣйствительно означало народъ, племя ¹⁾.

Нельзя не обратить вниманія на весьма любопытное сближеніе, сдѣланное между этническими названіями древняго Кавказа и таковыми же страны, весьма отдаленной отъ Кавказа.— Шотландіи. Римляне, проникнувъ впервые въ этотъ край, нашли, что туземныя племена дѣлились на три разряда: маіоты или меоты, обитатели низменностей, каледонцы—высокой лѣсной полосой, и, наконецъ, албанцы—горь. Всѣ эти названія легко объясняются помощію кельтскаго языка ²⁾. На древнемъ Кавказѣ находимъ мы маіотовъ, живущихъ на низменной равнинѣ, прилежащей къ Азовскому морю, албанцевъ, живущихъ въ горной странѣ, въ Дагестанѣ, быть можетъ, даже, позволительно кавтвели, картовъ сравнить съ каледонцами. Таковыя сближенія покуда болѣе любопытны, чѣмъ поучительны, но замѣтимъ, что, по всей вѣроятности, кельты были первый арійскій народъ, коснувшійся Кавказскаго перешейка на пути своемъ къ западу,—ихъ присутствіе должно было обозначиться въ мѣстныхъ топографическихъ названіяхъ, которыя сохраняются даже и послѣ удаленія народа, давашаго таковыя названія. Это можетъ со временемъ сдѣлаться предметомъ тщательнаго изученія, которое разъяснитъ многое для исторіи древняго Кавказа.

Какое бы ни было происхожденіе названія меотовъ или маотовъ, во всякомъ случаѣ нельзя сомнѣваться, что сарматы были одноплеменны съ ними или, лучше сказать, выражаютъ собою

1) *Vivien de St. Martin* въ *Nouv. ann. des voyages*. 1847. janv. et févr., p. 122.

2) Тамъ же, стр. 126.

подраздѣленіе великаго меотскаго племени. Это подраздѣленіе должно опредѣляться начальнымъ слогомъ имени *sar*, въ которомъ всего естественнѣе видѣть персидское или, лучше сказать, арійское слово *sar*, *ser*, значущее *голову, передовую часть*. Мы знаемъ, сверхъ того, что въ древнія времена, по сѣверную сторону Кавказа, жилъ народъ, носившій названіе *sarstovъ*, составленное, повидимому, также, какъ и названіе сарматовъ. Итакъ послѣднее имя значить *передовые маты* или маэты. Все заставляетъ думать, что маты или маэты отъ лѣваго берега Дона и берега Азовскаго моря распространялись далеко вглубь страны, къ сѣверу и востоку. Впослѣдствіи мы будемъ имѣть случаи ближе познакомиться съ этимъ племенемъ. По словамъ Скилакса, гюйнакратумены составляли одно изъ сарматскихъ племенъ: это есть названіе чисто греческое, значущее: *управляемые женщинами*. Въ Геродотѣ найдемъ мы объясненіе этого названія.

Начиная отъ Дона, вдоль азіатскаго берега Азовскаго моря, жили, по словамъ Скилакса, три народа, сарматы, меоты и синты: послѣдніе распространялись и за Восточный Киммерійскій. Такъ какъ разстояніе отъ Дона до Кубани невелико, а, между тѣмъ, судя по всѣмъ сказаніямъ, оба первые народа были многочисленны, то должно думать, что они лишь клиньями сходились у Азовскаго моря, и что сарматы распространялись по направлению къ сѣверо-востоку, къ землѣ нынѣшнихъ донскихъ казаковъ, между тѣмъ какъ меоты жили въ Черноморіи и въ Ставропольской губерніи. *Сарматы, передовые маты*, значило, слѣдовательно, *наиболѣе удаленные къ полуночи маты*. Мы не можемъ опредѣлить въ точности, гдѣ начиналась и гдѣ кончалась страна синтовъ, но изъ описанія Скилакса видно, что вся дельта Кубани находилась внутри ея. Греческій городъ Патусъ есть безъ сомнѣнія городъ Бата Страбона, находившійся, какъ полагаютъ, около нынѣшняго Новороссійска. Названіе Синтія, синты, возбудило много догадокъ между новѣйшими учеными. Въ древнѣйшихъ рукописяхъ Геро-

дота обыкновенно встречаются Индике и инды, вмѣсто позднѣйшихъ употребительныхъ у классическихъ географовъ названій Сиддія, Сиддике, Сивтія, или сидовъ, сиптовъ ¹⁾. У Стефана Византійскаго, при описаніи Босфора Киммерійскаго, употреблено названіе Индике вмѣсто Сиддике ²⁾. Гезихій пишетъ: *сиды народъ индійскій*. Кроме азіатскаго берега Босфора Киммерійскаго, народъ сиды и страна Сиддике встрѣчаются въ древней географіи и въ другихъ мѣстахъ: въ низовьяхъ Дуная, въ Фракіи, Сиціи Сиддекадъ при устьѣ Буга, на островѣ Лемносѣ, въ Малой Азіи, на границахъ Лыкіи и Каріи. Риттеръ ³⁾ полагаетъ, что настоящее названіе во всѣхъ этихъ случаяхъ было Индія и Индике и что Сиддія и Сиддике произошли вслѣдствіе недоумѣній и умпичанія позднѣйшихъ географовъ и переписчиковъ. На этой догадкѣ основываетъ свѣ предположеніе свое о древнѣйшей колонизаціи берега Понта Эвсипскаго выходцами изъ Индустана, вынужденными покинуть отчизну свою вслѣдствіе религиозныхъ гоненій. При этомъ нельзя не отдать полной справедливости остроумію и учености, помощью которыхъ Риттеръ отстаиваетъ свою смѣлую гипотезу. Вивьенъ де С. Мартенъ ⁴⁾ тоже признаетъ за синдами Босфора Киммерійскаго индійское происхожденіе, но почитаетъ какъ ихъ, такъ и одноименниковъ ихъ, жившихъ въ разныхъ мѣстахъ, за передовые рои цыганъ, появившіеся въ Европѣ за много вѣковъ до Р. Х. Дѣйствительно, мнѣніе, что цыгане не одновременно вышли изъ Индіи и что выселеніе ихъ, хотя и съ большими перерывами, началось еще съ незапамятныхъ временъ, имѣетъ въ пользу себя много доводовъ. Въ видѣ доказательства, что древніе прикубанскіе синды были цыганами, приводятъ и глу-

1) Ritter: Vorhalle etc., 157.

2) Steph. Byz. ed. Berkel, стр. 233, нр. 20.

3) Vorhalle etc., 159.

4) Nouv. ann. des voyages. Juillet 1847, p. 29 et suiv.

бокое презрѣніе, съ которымъ нѣкоторые писатели первыхъ вѣковъ послѣ Р. Х. говорятъ о нихъ. Но все это далеко не убѣдительно. Если бы прикубанскіе синды были, дѣйствительно, цыгаве, то паружность ихъ обратила бы на себя вниманіе греческихъ описателей, подобно тому, какъ варужность коховъ обратила на себя вниманіе Геродота. Никакого замѣчанія въ этомъ отношеніи мы нигдѣ не встрѣчаемъ. Притомъ, цыгавеездѣ и всегда являются намъ въ видѣ бродячь: о синдахъ мы знаемъ, что они управлялись царями, имѣли города и не чужды были единственности. Съ гораздо большимъ правдоподобіемъ можно произвести названіе синдовъ отъ санскритскаго *синдху* (*sindhu*) отъ англосаксонскаго и скандинавскаго *sund*, уцѣлѣвшаго до сихъ поръ въ географическомъ названіи *Зундъ*. Въ древнихъ индо-европейскихъ языкахъ можно найти много словъ, принадлежавшихъ къ этому корню: всѣ они означали *море* или *рыбу* ¹⁾. Отсюда видно, что синты, синды значило *приморскіе жители*, *поморяне* или, быть можетъ, *прирѣчные жители*, такъ какъ жили они на дельтѣ Кубани. Отсюда становится также понятнымъ, почему названіе это встрѣчается для столь многихъ народовъ, жившихъ въ отдаленныхъ одна отъ другой странахъ. Само собою разумѣется, что такое толкованіе нисколько не объясняетъ намъ, къ какому племени принадлежали прикубанскіе синды, потому что намъ остается неизвѣстнымъ, какъ они сами себя называли. Присутствіе этого имени на устьяхъ Кубани можетъ служить для насъ лишь примѣтою, въ числѣ множества другихъ, что народы, говорившіе древнѣйшими арійскими языками, вѣсегда обитали въ этой странѣ и оставили по себѣ слѣды въ географическихъ и этническихъ названіяхъ. Послѣднія, быть можетъ, усвоены были, потому, народомъ вовсе не арійскаго происхожденія.

1) *Pictet: Origines indo-europ.*, I, 118.

Такъ какъ Скилаксъ описываетъ восточный берегъ Чернаго моря, слѣдуя отъ сѣвера къ югу, то послѣдній изъ греческихъ народовъ, поименованныхъ имъ въ Синдіи, долженъ быть самый южный. Между тѣмъ Синдія кончается, по словамъ его, не городомъ Патусомъ, а Синдскимъ портомъ. Это можетъ заставить усумниться въ тождественности Патуса съ Страбоновымъ городомъ Батой. Патусъ, какъ можно заключить, лежалъ внутри страны, между тѣмъ какъ Бата несомнѣнно находилась при морѣ ¹⁾. Впрочемъ, какъ мы сказали выше, описаніе Скилакса драгоцѣнно въ видѣ общихъ указаній, по нечего искать въ немъ точности. Не должно, сверхъ того, выпускать изъ виду, что оно несомнѣнно подверглось множеству позднѣйшихъ исправленій и вставокъ. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ, быть можетъ, и исчисленіе греческихъ городовъ въ Синдіи.

За землею синдоевъ, гдѣ бы она ни кончалась, слѣдуетъ по направленію къ югу, вдоль восточнаго берега Чернаго моря, земля керкетовъ. Скилаксъ говоритъ, что въ землѣ послѣднихъ мы находимъ еллинскій городъ Торикось съ гаванью. Какъ бы ни переищались въ теченіе вѣкомъ прибрежные жители, но, само собою разумѣется, очертаніе берега осталось неизмѣннымъ или, по крайней мѣрѣ, не измѣнилось значительно. Греческіе города съ гаванями могли возникать тамъ, гдѣ тому благоприятствовала природа. Начиная отъ Факагоріи, положеніе которой не можетъ подавать повода къ сомнѣніямъ, мы встрѣчаемъ, подаваясь къ югу, вдоль морскаго берега, послѣдовательно удобныя для пристанища кораблей: лиманъ Кизиль-галскій, бухту Цемесскую (Новороссійскую) и бухту Геленджикскую. Соотвѣтственно этимъ тремъ удобнымъ пристанищамъ, мы находимъ греческіе приморскіе города: Синдскій портъ, Бату и Торикось. Послѣдній, такимъ образомъ, рас-

1) *Страбонъ*, XI, 496.

положенъ былъ у Геленджикской бухты. Теперь, народъ, живущій въ окрестностяхъ Геленджика, называемъ мы въ общемъ смыслѣ черкесами; за 24 вѣка тому назадъ, Скилакъ назвалъ ихъ керкетами. *Черкесъ* и *керкесъ* очевидно тождественны, особенно, если мы примемъ въ соображеніе, что въ греческомъ алфавитѣ не было буквы *ч*. Названіе это необъяснимо посредствомъ греческаго языка; народу, которому придаемъ мы его, оно до сихъ поръ неизвѣстно. Существуетъ созвучіе и кажущаяся логическая связь между нимъ и персидскимъ словомъ *серкенъ*, означающимъ челоука непокорнаго, строптиваго,—но едва ли позволительно объяснять названіе, существовавшее уже за 24 вѣка тому назадъ, помощію нынѣшняго персидскаго языка, столь же поваго, какъ языки французскій или англійскій. Итакъ, намъ остается сказать, что названіе черкесъ или керкесъ ждетъ еще объясненія и можетъ быть дождется его, когда языки кавказскихъ горцевъ подвергнутся тщательному изученію.

Повидимому, Скилакъ усваиваетъ названіе керкетовъ для весьма немногочисленнаго народа, потому что между Торикосомъ (Геленджикомъ) и Диоскурией (на устьѣ Колора), по протяженію берега около 320 верстъ, номѣщается опъ множество другихъ народовъ. За керкетами слѣдуютъ у него ахаи. Такое названіе, конечно, не могло не возбудить вниманія грековъ, которые не усумнились въ греческомъ происхожденіи этого народа, толкуя, впрочемъ, это происхожденіе весьма разнообразно. Дикость нравовъ ахайцевъ, несходство языка ихъ съ греческимъ, греки объясняли вѣковымъ перерывомъ всякихъ сношеній съ первоначальной родиной. Многіе ученые старались открыть слѣды имени ахайцевъ въ этническихъ названіяхъ нынѣшнихъ обитателей Черноморскаго берега, но всѣ эти попытки, какъ кажется, были неудовлетворительны. Графъ Потоцкій ¹⁾ пишетъ, что большая часть

1) Voyage dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase, II, 212

кавказскихъ народовъ называетъ абхазцевъ ахуазъ (akhouaz), и посему считаетъ греческихъ ахаіевъ за абхазцевъ. Географическое положеніе послѣднихъ вовсе не соответствуетъ мѣсту, гдѣ Свиглакъ помѣщаетъ ахзіевъ. Вивьенъ де С. Мартенъ ¹⁾ видитъ ахаіевъ въ абазинскомъ племени *shakhé* или *sakhi*, подъ которымъ, вѣроятно, должно подразумѣвать убыхское племя *саше* или *сочи*, но въ этомъ названіи трудно приеязать даже какое либо созвучіе съ ахаіями, не говоря уже о географическомъ противурѣчии. Дюбюа ²⁾ полагаеть, что ахаіи суть пшійніе патухан; г. Властовъ ³⁾ объясняетъ послѣднее названіе тѣмъ, что, вѣроятно, ахаіи вынуждены были покинуть побережье моря и удалиться въ горы, часть которыхъ, между Новороссійскомъ и Геленджикомъ, называется Нако или, согласно гортавному горскому выговору, Натъхо, откуда *натъхо-ахаіи*, патухан. Но, при этомъ, нельзя не замѣтить, что патухан сами себя называютъ *наткуаджъ*, и это настоящее туземное названіе дѣлаетъ невѣроятнымъ выводъ, основанный на одномъ созвучіи.

За ахаіями далѣе къ югу слѣдуютъ геіюхи: чисто греческое названіе, значущее *возничіе*. Этому народу греки придавали также греческое и, притомъ, мпоническое происхожденіе; говорили, что родоначальниками ихъ были возничіе колесницы божественныхъ близнецовъ Діоскуровъ, Кастора и Поллукса, сопутствовавшихъ Аргонавтамъ. Мы выше объяснили, что служеніе Асвиламъ или Діоскурамъ, быть можетъ, распространено было по берегамъ Понта Эвксинскаго еще прежде посѣщенія ихъ греческими мореплавателями. Таковое туземное служеніе могло представиться грекамъ въ видѣ доказательства, что берега эти вѣкогда освящены были присутствіемъ Діоскуровъ, всего вѣроятнѣе, во время похода Арго-

1) Nouv. ann. des voyages, 1847, Mai, 166.

2) Voyage autour du Caucase, I, 69.

3) Nouv. ann. des voyages, 1859, Avril, 91.

навтовъ. Наконецъ, какое либо туземное преданіе подало грекамъ поведѣ думать, что извѣстное племя прямо происходитъ отъ возникшихъ колесницы Діоскуровъ, и это племя назвали они *возничими*, гегиогами, хотя бы само себя называло оно совершенно иначе. Не смотря на все это, гораздо естественнѣе предположить, что греки всѣ выводы свои основали на случайномъ сходствѣ названій какого либо туземнаго племени съ словомъ *гегиоги*, возникше, и что это племя, въ видѣ исправленія исгорченного будто бы первоначальнаго названія, наименовали они гегиогами. Но между этническими именами выѣшнихъ туземныхъ обитателей восточнаго берега Чернаго моря, не встрѣчается ни одного, которое бы представляло хотя бы даже отдаленное созвучіе съ гегиогами ¹⁾. Какъ мы увидимъ впоследствии, названіе гегиоховъ придавалось многимъ племенамъ, жившимъ въ разныхъ мѣстахъ западной части Закавказья и даже Малой Азіи: можно думать что племя это было многочисленно, но жило раздробленно, небольшими обществами, посреди другихъ народовъ. Горы, въ которыхъ беретъ начало свое Кура, назывались у древнихъ *гирами гегиоховъ*, *Непослогии montes* ²⁾. Циджиджанъ полагаетъ, что греческое названіе гегиоги или, какъ онъ ихъ называетъ, *Гегиокьянъ*, есть искаженное армянское названіе тѣхъ же горъ Окагнъ, по имени округа Окагъ провинціи Дайкъ. Такое толкованіе весьма сомнительно и не можетъ относиться до гегиоховъ, найденныхъ греками на берегу Чернаго моря. Есть другое толкованіе, заслуживающее, если не полного довѣрія, то, по крайней мѣрѣ, вниманія. Генеръ, такъ называемые нами черкесы, или, лучше сказать, адиге, называютъ лезгинъ *ганначе*, — названіе необъяснимое и неизвѣстное самимъ лезгинамъ, но представляющее близкое созвучіе съ греческими гегиогами. Лезгинъ въ настоящее время нѣтъ, ни

1) *Л. Я. Льюе*: двѣ статьи о черкесскихъ племенахъ въ Запискахъ Кавк. Отд. Геогр. Общества. Тифлисъ. 1857. кн. IV.

2) *Plinii: Hist. nat.* VI, 10.

на восточномъ берегу Чернаго моря, ни даже въ цѣломъ западномъ Закавказьѣ; нѣтъ даже никакихъ доказательствъ, чтобы они когда либо жили тамъ, потому что родство лавовъ съ лезгинами, допущенное нѣкоторыми этнографами, крайне сомнительно. Но съ другой стороны мы знаемъ, что, почти въ наше время еще, лезгины, пользуясь неурядицей западной части Закавказья, постоянно бродили по ней въ видѣ разбойничьихъ шайекъ; такъ могло быть и въ самыя отдаленныя времена. Наиболѣе разбоевъ производили они вдоль Лѣвсетаго хребта, отдѣляющаго бассейнъ Верхней Куры отъ бассейна Ріона, и весьма вѣроятно, что на этомъ основаніи хребетъ этотъ называется грузинами *Лихисъ-мта*—Лезгинскія горы. Этотъ хребетъ можетъ почитаться за тотъ самый, который Плиній называетъ *горами гениоховъ*, что можетъ служить подтвержденіемъ справедливости сближенія гениоховъ съ лезгинами, гавноаче. Въ настоящее время, конечно, нельзя разрѣшить вопросъ о единородности древнихъ гениоховъ съ лезгинами иначе, какъ изслѣдованіемъ, при помощи лезгинскаго языка, мѣстныхъ названій въ странахъ, занимаемыхъ шапсурами и убыхами, такъ какъ должно думать, судя по послѣдовательности названій, что гениохи жили около этихъ мѣстъ. Быть можетъ даже, изслѣдованіе убыхскаго языка, о которомъ мы знаемъ лишь то, что онъ нисколько не сходенъ съ языкомъ адиге, — обнаружитъ въ немъ присутствіе лезгинскихъ элементовъ.

За гениохами слѣдуютъ у Скилакса кораксы. Повидимому, это есть также чисто греческое названіе, съ легкою неправильностію означающее *вороны*. Быть можетъ, греческіе мореходцы на этомъ протяженіи берега усмотрѣли жилища туземцевъ, прилѣпленныя къ крутизнамъ на большой высотѣ, и эти жилища напали они похожими на вороны гнѣзда. Другое толкованіе менѣе живописно, за то болѣе правдоподобно. Западная часть Кавказскаго хребта у многихъ классическихъ географовъ носитъ названіе горъ Коракскихъ, *Coraxii montes*. Это названіе напоминаетъ

собой слова кельтскихъ языковъ: сагаіс=утесъ, сагег=камень, кантек подводная скала и проч. 1) И такъ кораксы значить *обитатели утесистыхъ горъ*, что вполне соответствуетъ свойствамъ морскаго берега въ землѣ нынѣшнихъ инансуговъ и убуховъ. Дюбуа 2) полагаетъ, что кораксы сѣтъ нынѣшніе цебельдинцы: таковой выводъ, конечно, нельзя сдѣлать на основаніи описанія Скилакса. Замѣчательно сказаніе Плинія 3), что Куръ беретъ начало свое въ горахъ геніоховъ, которые нѣкоторыми называются горами кораксовъ. Такимъ образомъ, названія геніоховъ и кораксовъ встрѣчаются рядомъ или слитно въ двухъ отдаленныхъ одно отъ друга мѣстахъ Кавказскаго перешейка

Отъ Торикоса (Геленджика) до Діоскуріи (на устьѣ Кодора) Скилаксъ не называетъ ни одного еллинскаго города, что весьма логично, потому что отъ Геленджикской до Сухумской бухты морской берегъ не представляетъ естественныхъ безопасныхъ для кораблей пристанищъ. Поэтому эта часть берега была наименѣе известна греческимъ мореплавателямъ, и, за неимѣніемъ положительныхъ свѣдѣній, они должны были въ описаніяхъ своихъ прибѣгать къ условнымъ подраздѣленіямъ, которыхъ происхожденіе намъ едва ли возможно объяснить. При таковыхъ условіяхъ, одно и то же племя прибрежныхъ обитателей могло представляться въ видѣ нѣсколькихъ особыхъ народовъ и наоборотъ, нѣсколько различныхъ народовъ могли въ описаніи сливаться въ одинъ народъ. Поэтому, если даже въ теченіи 24-хъ вѣковъ, народонаселеніе восточнаго берега Чернаго моря, и не измѣнилось въ главныхъ элементахъ своихъ, то напрасно было бы отыскивать точное соотношеніе между нынѣшними этническими единицами и тѣми, которыя встрѣчаемъ мы въ Периплѣ Скилакса. За кораксами слѣдуютъ у него народы колике и мелапхлены. Значеніе перваго

1) *Pictet: Origines indo-europ.*, I, 74.

2) *Voyage autour du Caucase*, I, 309.

3) *Hist. nat.*, VI, 10.

названія, которое встрѣчается также въ видѣ корике, необъяснимо; можно думать, что Скилаксъ ошибочно употребилъ названіе страны вмѣсто названія народа, которое у другихъ классическихъ писателей находимъ мы въ видѣ коловъ. Последнее, быть можетъ, одного происхожденія съ названіемъ колховъ ¹⁾. Болѣе опредѣлительныя свѣдѣнія, чѣмъ о народѣ колахъ, имѣемъ мы о странѣ Колике. Чтобы объяснить, какое понятіе древніе имѣли объ этой странѣ, замѣтимъ, что восточный берегъ Чернаго моря, отъ Босфора Киммерійскаго до Дискуріи, въ дѣйствительности направляющійся отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, по мнѣнію ихъ, имѣлъ направленіе почти прямо отъ запада къ востоку, такъ что составлялъ болѣе естественное цѣлое съ берегомъ южной Россіи, чѣмъ съ берегомъ Колхиды. Главный Кавказскій хребетъ, сопровождающій эту часть береговаго протяженія, казался тоже направляющимся отъ запада къ востоку, но потомъ образовалъ изломъ почти подъ прямымъ угломъ и уходилъ, по мнѣнію древнихъ, въ невѣдомую даль на сѣверъ, гдѣ, близъ полюса, соединился съ мифическими Ривейскими горами. Страна, въ которой направленіе Кавказа составляло изломъ, называлась Колика ²⁾. Какъ ни ошибочно было понятіе древнихъ географовъ о направленіи Кавказа, но изломъ его могли они видѣть съ моря на высотѣ мыса Адлера и Гагръ. Итакъ, должно полагать, что по близости этихъ двухъ пунктовъ находилась страна Колика и обиталъ народъ меланхлены, т. е. *черноодѣтые*. Извѣстно, что греки знали о существованіи на глубокомъ сѣверѣ, въ отдаленныхъ предѣлахъ Свигіи, какого то народа, который они называли также меланхленами. Очевидно, что между скинскими и кавказскими меланхленами не было ничего общаго, кромѣ развѣ обычая одѣваться въ черныя одежды; отсюда видно также, какъ греки мало забо-

1) *Vivien de St. Martin* въ *Nouv. ann. des voyages*. 1847. Mai, 163.

2) *Plinii*, *Hist. nat.*, VI, 5.

ились о настоящихъ народныхъ названіяхъ, замѣняя ихъ произвольно составленными. Скилакъ говоритъ, что въ землѣ мелахленовъ протекають рѣка Метазорісъ и рѣка Аигипіосъ или Аигуптіосъ. Оба эти названія, повидимому, даны самими греками; въ послѣднемъ слышится или отголосокъ Египта, или, что гораздо вѣроятнѣе, греческое слово *hippos*, конь. Последнее значеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что часто встрѣчается для рѣкъ на востокъ, изображая собою быстроту теченія. Мы сказали выше, что землю Коликъ и мелахленовъ греки вѣроятво называли окрестности мыса Адлера и Гагру; теперь въ этихъ окрестностяхъ живетъ племя медозои (медовѣвцы на нашихъ картахъ) и подраздѣленіе его айбга. Быть можетъ, въ названіи медозои отзывается греческое Метазорісъ и въ айбга Аигипіосъ. Соединеніе нѣсколькихъ примѣтъ дѣлаетъ такое сближеніе безосновательнымъ.

Полагая, что народъ коликъ и меланхлены жили сѣвернѣе Гагринскаго прохода и принимая въ соображеніе, что Диоскурія (на устьѣ Кодора), по словамъ Скилакса, находилась въ Колхидѣ, мы должны заключить, что промежуточный народъ, гелоны, обиталъ въ сѣверной части Абхазіи, въ нынѣшнемъ Бзыбскомъ округѣ. Гелонъ по сосѣдству съ Колхидой помѣщаетъ исключительно одинъ Скилаксъ, но это названіе, подобно названію мелахленовъ, встрѣчается у другихъ авторовъ для народа, жившаго на глубокомъ сѣверѣ въ отдаленныхъ предѣлахъ Скиѳіи, и, притомъ, о немъ сообщаются подробности, которыя дѣлають его весьма занимательнымъ для изслѣдователей темнаго вопроса о доисторическомъ родствѣ народовъ. Существовала ли какая либо связь между скиѳскими и кавказскими гелонами и если существовала, то распространилось ли это племя изъ Скиѳіи до Кавказа или обратно? Риттеръ ¹⁾, на основаніи гипотезы своей, что

1) Vorhalle etc., 266.

колхи суть индійскіе выходцы и что древняя индійская цивилизація отъ береговъ Чернаго моря распространилась на сѣверъ, вглубь Европы, полагаетъ, что гелоны съ Кавказа перешли въ Скиюю и что гелоны Скилакса суть остатки этого племени на Кавказѣ. Графъ Потоцкій ¹⁾ думаетъ, что гелоны суть древнѣйшіе скионы, разсѣявшіеся въ разныя страны, послѣ основанія греками колоній по берегамъ Чернаго моря; въ простонародномъ языкѣ жителей Сувдальской стороны ищетъ Потоцкій доказательства происхожденія ихъ отъ гелоновъ. Дюбуа ²⁾ полагаетъ, что гелоны, вслѣдствіе экспедиціи Дарія въ Скиюю, вытѣснены были съ сѣвера въ нѣдра Кавказскихъ горъ. Невѣроятно, чтобы они достигли Закавказья уже во времена Скилакса, который, какъ должно думать, былъ современникомъ Дарія. Конечно, всѣ такія предположенія въ высшей степени гадательны. За невозможностію разрѣшить вопросъ, гораздо естественнѣе остановиться на томъ заключеніи, что греки совершенно произвольно придали какому то неизвѣстному кавказскому племени названіе гелоновъ, которое было знакомо имъ еще по Скиоіи. Конечно, въ Абхазіи, въ Сванетіи, въ Мингреліи много можно найти собственныхъ именъ, заключающихъ въ себѣ звукъ гели, но таковыя имена съ гораздо большимъ вѣроятіемъ производятъ отъ имени Гели (Иліи). Съ другой стороны если допустить, что племена, которыхъ представителей находимъ мы теперь лишь между обитателями Дагестана, нѣкогда распространились до берега Чернаго моря, то въ имени припонтійскихъ гелоновъ можно видѣть древнихъ геловъ, которые упоминаются рядомъ съ легами (лезгинами) и которые оставили слѣдъ пребыванія своего на южномъ берегу Каспійскаго моря, сообщивъ имя свое персидской провинціи Гилянѣ.

Колхида Скилакса, повидимому, кромѣ нынѣшнихъ Мингреліи, Гурии и Самурзакани, заключала въ себѣ большую часть

1) Voyages dans les steppes etc., II, 123.

2) Voyage autour du Caucase, VI, 400.

Абхазіи: Диоскурія (на устьѣ Кодора) помѣщается въ Колхидѣ. Точное названіе города и рѣки Гюеносъ можетъ подавать поводъ къ сомнѣніямъ: у Стефана Византійскаго, который пользовался не дошедшими до насъ греческими сочиненіями, встрѣчается колхидскій городъ Пюенисъ и городъ и рѣка Тюенисъ. Разнообразіе произошло, быть можетъ, отъ погрѣшностей переписчиковъ. О греческомъ городѣ, носившемъ одно изъ этихъ именъ, мы знаемъ лишь то, что онъ нѣкогда существовалъ. На картѣ отца Ламберти, составленной около 1620 г., на правомъ берегу рѣки Меркулы, близъ Очемчиръ, показано селеніе Тгуанасъ, нынѣ несуществующее. Весьма вѣроятно, что это названіе указываетъ на положеніе греческаго города Гюеносъ ¹⁾. Допустивъ, что рѣка Гюеносъ означаетъ нынѣшнюю Меркулу, мы находимъ у Скилакса въ промежуткѣ между этой рѣкой и Фазисомъ три рѣки: Херобіосъ, Хорсосъ и Аріосъ. Этотъ промежутокъ, заключающій въ себѣ весь Самурзаканскій и Мингрельскій берега, орошается сначала цѣлымъ лабиринтомъ рѣчекъ, изъ числа которыхъ большая часть суть протоки или старыя русла Ингура; за Ингуромъ протекаютъ двѣ Джурь, Хопи и Набада. Должно полагать, что Херобіосъ означаетъ Ингуръ; Хорсосъ по всей вѣроятности есть Хопи; теперь вдоль праваго берега этой рѣки тянется большое селеніе Хорга, имя котораго весьма близко подходитъ къ Хорросу; затѣмъ Аріосъ есть Набада, незначительная рѣчка, которую, быть можетъ, замѣтили греческіе мореплаватели, между тѣмъ какъ обѣ Джурь, тоже весьма незначительныя, ускользнули отъ ихъ вниманія. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что Фазисъ Скилакса есть Ріонъ. Родиной Медеи Скилаксъ называетъ большой варварскій т. е. негреческій городъ Мале. Это названіе не встрѣчается ни у кого, кромѣ Скилакса; притомъ, въ цѣломъ древнемъ мірѣ родиной Медеи почи-

¹⁾ *Dubois: Voyage autour du Caucase, I, 309, 336.*

талась Китея, гдѣ бы, впрочемъ, эта Китея ни находилась или, хотя бы даже, ея видѣть нельзя было отыскать. Посему весьма вѣроятно, что Мале есть описка или ошибочное повтореніе греч. слова *megale*, *большой*, какимъ Скилаксъ называетъ варварскій городъ, родину Медеи. Само собою разумѣется, что тутъ не можетъ быть рѣчи о замкѣ Кутатисѣ, о пещищемъ Кутансѣ. Скилаксъ говоритъ, что должно плыть вверхъ по Фазису 180 стадій, чтобы достигнуть большого варварскаго города, родины Медеи. Не придавая строгости этимъ исчисленіямъ, замѣтимъ, что отъ Кутаиса до морскаго берега по прямому направленію верстъ 100, между тѣмъ какъ 180 стадій составляютъ не болѣе 27 верстъ, такъ что родина Медеи приходится гдѣ либо между Чалодиди и устьемъ Цивы, а не въ Кутансѣ. Слѣдующія три рѣки, называемыя Скилаксомъ, какъ должно думать, впадали въ Черное море южнѣе Ріона. Апсаросъ, южнѣйшая изъ трехъ рѣкъ, упоминается многими позднѣйшими географами и всего вѣроятнѣе, что подъ этимъ именемъ должно подразумѣвать Чорохъ. Между Чорохомъ и Ріономъ, значительнѣйшія изъ числа впадающихъ въ море рѣкъ суть Сунса и Натанеба или Чалока. Присъ, быть можетъ, по ошибкѣ поставленъ вмѣсто Изисъ, которымъ позднѣйшіе географы называли Натанебу, какъ все въ томъ убѣждаетъ. Рисъ долженъ означать Сунсу, но многіе критики почитаютъ это названіе у Скилакса позднѣйшею вставкою переписчиковъ.

Свѣдѣнія географическія и историческія о далекихъ странахъ и народахъ долгое время ходили по Греціи исключительно въ изустномъ видѣ. Въ VI в. начали записывать ихъ: появились творенія такъ называемыхъ логографовъ т. е. *писателей въ прозѣ со словъ*, послужившія матеріалами для позднѣйшихъ географовъ и историковъ. Имена логографовъ извѣстны намъ лишь по ссылкамъ на ихъ творенія, до насъ не дошедшія. Не далѣе еще, какъ въ V в. по Р. Х., греческій географъ или грамматикъ Стефанъ Византійскій пользовался сочиненіями логографовъ для своего

большаго лексикона грамматико-географическаго, въ которомъ между прочимъ, заключалось множество драгоценныхъ свѣдѣній о древнемъ Кавказѣ, но отъ книги Стефана Византійскаго до насъ дошло лишь одно неудачно составленное сокращеніе. Изъ него мы видимъ, что Стефанъ Византійскій большую часть свѣдѣній о древнемъ Кавказѣ заимствовалъ изъ сочиненій Гекатея Милезійскаго и Гелладика Лезвійскаго: отъ послѣдняго дошло до насъ, впрочемъ, весьма немного отрывковъ. Гекатей пользовался большою знаменитостію въ классическомъ мірѣ; многіе даже позднѣйшіе писатели почитали его не только самымъ древнимъ, но и самымъ достовѣрнымъ историкомъ; Геродотъ не разъ упоминаетъ о немъ ¹⁾. По нѣкоторымъ извѣстнымъ намъ обстоятельствамъ жизни Гекатея можно полагать, что онъ жилъ въ концѣ VI в. до Р. Х. Свѣдѣнія Гекатея о Кавказскомъ перешейкѣ не ограничивались однимъ лишь побережьемъ Чернаго моря, онъ многое зналъ и о внутренности края. Онъ первый написалъ, что Фазисъ не находится въ соединеніи съ рѣкою-Океаномъ, опоясывающею землю; у Гекатея встрѣчается древѣйшее, дошедшее до насъ, свѣдѣніе о Каспійскомъ морѣ, которое въ другомъ мѣстѣ называетъ онъ Гирканскимъ ²⁾. Но Гекатею извѣстенъ былъ одинъ лишь западный берегъ Каспія и, по всему можно думать, что море Каспійское или Гирканское почиталъ онъ *частью*, а не залитомъ рѣки-Океана ³⁾. На восточномъ берегу Чернаго моря, по словамъ его, находится страна Синдика; полѣ нея живутъ иксибаты. Нѣтъ повода сомнѣваться, что названіе это тождественно съ язбаты, которые причисляемы были къ зауроматскому племени; наконецъ, язбаты тождественны съ язматы; послѣднее названіе объясняется посредствомъ аз-маты, т. е. азійскіе маты или

1) II, 143; V, 36.

2) *Ukert*: Skythien, p. 212.

3) *Humboldt*: Asie centrale, II, 162.

меоты. Мы выше замѣтили, что названіе Азіи спеціально принадлежало нѣкогда прикубанскому краю, что оттуда перенесено оно было въ Анатолю и, наконецъ, распространилось на цѣлую часть свѣта. О Кавказскомъ хребтѣ Гекатей говоритъ, что предгорія его называются Колійскими горами, страна, въ которой находятся онѣ, есть Колике, обитатели — колы. По близости коловъ живутъ кораксы, которыхъ Гекатей причисляетъ къ колхамъ, равно какъ и московь. У Скилакса кораксы также означены рядомъ съ колами но только сѣвернѣе ихъ, слѣдовательно далѣе отъ колховъ, между тѣмъ какъ Гекатей, повидимому, кораксовъ, а не коловъ, присоединяетъ къ числу колхскихъ народовъ. Мосхи, безъ сомнѣнія, суть обитатели Месхіи, которые, какъ мы выше объяснили, принадлежали къ грузинскому племени. Вопреки Скилаксу, Гекатей почиталъ Кавказскій хребетъ границею между Европою и Азіей, такъ какъ изъ числа народовъ, живущихъ на Кавказѣ, дандаріевъ и типаниссовъ помѣщаетъ онѣ въ Европѣ, а коловъ въ Азіи. Это есть неразрѣшимый споръ о границахъ между двумя частями свѣта, возникшій изъ того страннаго обстоятельства, что первоначально Азіей называлась страна по Кубани, несомнѣнно принадлежащая по физическимъ свойствамъ своимъ къ Европѣ. Дандары, какъ мы увидимъ изъ показаній позднѣйшихъ классическихъ писателей, жили по Кубани и составляли одно изъ меотійскихъ племенъ. Въ имени ихъ, которое является также въ видѣ дардары, нѣкоторые ученые ¹⁾ видятъ промежуточное звено, связующее индійское племя дарада съ аракійскимъ и мало-азійскими дарданцами, праотцами троннъ. Во всякомъ случаѣ замѣчательно, что имена азы и дарданы являются рядомъ, какъ на Кубани, такъ и на Геллеспонтѣ (Дардацеллахъ). Географическое положеніе дандаровъ дѣлаетъ сомнительнымъ сближеніе ихъ имени съ Дан-

1) Nouv. ann. des voyages. 1847. Mai, 173, janv. et fév., 151.

дарой, лежавшей въ сосѣдствѣ Диоскуріи и подавшей, быть можетъ, поводъ къ сказанію о тиндаріадахъ. Кромѣ Гекатея, ни одинъ писатель древности не говоритъ о типаниссахъ; мы должны ограничиться тѣмъ свѣдѣніемъ, что они жили по сѣверную сторону Кавказа. Рядомъ съ мосхами Гекатей помѣщаетъ *матіеновъ*: Вивьенъ де С. Мартенъ полагаетъ, что названіе это есть *маты* или *мадди* ¹⁾ и означаетъ вообще мидявъ, сосѣдей мосховъ (грузинъ) къ востоку. Впрочемъ, матіеновъ встрѣчаемъ мы у Геродота ²⁾ рядомъ съ сапирами, подъ которыми тоже должно подразумѣвать грузинъ: въ этомъ мѣстѣ названіе матіеновъ не можетъ относиться вообще къ мидянамъ. Матіеной называлась мидійская провинція между озеромъ Урміей и Екбатаной ³⁾; слѣдовательно, лежала она вдали отъ страны мосховъ. Впрочемъ, объясненіе этихъ именъ у Гекатея можетъ быть объяснено тѣмъ, что географическія названія отдаленнаго востока извѣстны были ему случайно, а не послѣдовательно. Гекатей говоритъ также о рѣкѣ Араксѣ, подъ которымъ безъ сомнѣнія должно подразумѣвать Закавказскій Араксъ, такъ какъ восточный берегъ Каспія былъ ему неизвѣстенъ, и онъ не могъ ничего знать о Яксартѣ (Сыр-Дарьѣ), который многіе древніе географы называютъ Араксомъ. Вблизи низовій Аракса Гекатей помѣщаетъ народъ мюки: это названіе, быть можетъ, сохранилось до нынѣ въ названіи Муганской стени. Гекатей рассказываетъ, что у Гирканскаго моря поднимаются высокія, лѣсистыя горы; онъ говоритъ о Каспійскихъ воротахъ, до которыхъ доходитъ Мидія. Положеніе Каспійскихъ воротъ можетъ подавать поводъ къ недоумѣніямъ; нельзя быть увѣреннымъ, что названіе это обозначало Дербентскія ворота, такъ какъ значительная часть Кавказскаго хребта носила у древнихъ

1) Nouv. ann. des voyages. Mai, 174.

2) III, 94.

3) *Remcl.* Geogr. system of Herodotus, 277.

название Каспійскихъ горъ. Во всякомъ случаѣ сказаніе Гекатея для насъ важно, обнаруживая значительное протяженіе Мидіи въ древнія времена вглубь восточнаго Закавказья. У Каспійскаго моря живутъ *катанны*, названіе покуда необъяснимое. Гекатею извѣстно было существованіе Арменіи, и едва ли онъ не первый изъ грековъ написалъ это имя. Сѣвернѣе Арменіи въ Малой Азіи, по словамъ Гекатея, живутъ халибы, у нихъ есть городъ по имени Стамене. Таковаго указанія недостаточно для опредѣленія географическаго положенія Гекатеевыхъ халибовъ, и тѣмъ менѣе, что нигдѣ болѣе не находимъ мы слѣдовъ существованія города Стамене. О халибахъ упоминается уже въ древнѣйшихъ греческихъ письменныхъ памятникахъ: Гомеръ ¹⁾ говоритъ объ отдаленной странѣ алибовъ, мѣсторожденіи серебра. Тождественность этихъ алибовъ съ халибами весьма правдоподобна, о чемъ догадывался уже Страбонъ ²⁾. Гезіодъ не объясняетъ, гдѣ живутъ халибы, но называетъ ихъ скиѣскимъ народомъ, что ничего не опредѣляетъ ³⁾. Сличая показанія древнихъ авторовъ, нельзя не вывести заключенія, что халибы жили разсѣянно по разнымъ мѣстамъ Армянскаго плоскогорія и на побережьѣ Чернаго моря по близости Трапезунта. Отличительная черта ихъ, придавшая имъ громкую знаменитость въ глазахъ цѣлаго древняго міра, заключалась въ томъ, что они были рудокопы, ковачи, искусные дѣлатели желѣза и стали. Такъ даже у грековъ и римлянъ *chalubs* означало вообще *сталь*. Естественнымъ образомъ возникаетъ вопросъ, дѣйствительно ли эти халибы составляли народную единицу, хотя бы и жили они разрозненно, или это было названіе, подъ которое могли подходить разноплеменные народы, имѣвшіе между собою лишь то общее, что занимались преимущественно рудокоп-

1) Илиада, 2, 857.

2) XII, 549.

3) *Ukert: Skythien*, 521.

ствомъ. Откуда бы ни произошло первоначально названіе халибовъ, но нѣтъ сомнѣній, что названіе это имѣло и нарицательное значеніе. Юстинъ ¹⁾, говоря о выдѣлкѣ желѣза обитателями Испаніи, замѣчаетъ, что у нихъ оружіе приобретаетъ цѣнность только тогда, когда было закалено въ водѣ рѣкъ Бильбилиса или Халибса, что по имени послѣдней изъ двухъ рѣкъ прибрежные жители называются халибами и что сталь, ими выдѣлываемая, почитается наилучшею. Съ другой стороны, нѣтъ сомнѣній, что слово *chalubs* въ общемъ значеніи стали произошло отъ названія народа, а не наоборотъ. Этимологія этого слова необъяснима помощію арійскихъ языковъ. Наконецъ, названіе халибовъ не было занесено греками въ Арменію и Закавказье. Дюбуа весьма остроумно замѣтилъ ²⁾, что названіе Кульпы или Кольпы нѣсколько разъ повторяется въ Арменіи и въ Закавказьѣ, какъ то: на верхнемъ Араксѣ, при вхождѣ его изъ Турціи въ Эриванскую губернію, въ Казахскомъ участкѣ Тифлисской губерніи на р. Инжа-чай и, наконецъ, въ Карскомъ пашалыкѣ на вершинахъ Курмъ. Всѣ эти мѣста замѣчательны по горнымъ промысламъ своимъ, солянымъ или желѣзнымъ. Мы знаемъ также, что греки нашли халибовъ на верхнемъ Араксѣ и на верхней Курѣ, что вообще халибы жили въ горныхъ мѣстахъ, представлявшихъ выгоды для горныхъ промысловъ. Таковыя сближенія не позволяютъ сомнѣваться въ соотношеніи между армянскимъ *кульпы* или *кольпы* и греческими халибами. Нельзя не замѣтить при этомъ, еще разъ, что, какъ по всему видно, Закавказье въ глазахъ древнѣйшихъ историческихъ народовъ, представлялось страной ископаемаго богатства, страной хитрыхъ ковачей: въ библии Оуваль былъ ковачемъ всѣхъ орудій изъ мѣди и желѣза, Оуваль и Мосохъ продаютъ сосуды мѣдные; оба эти имени принадлежатъ Кавказу. У грековъ золотое руно на-

1) Hist., XLIV, 3.

2) Voyage autour du Caucase, IV, 138.

ходится въ Колхидѣ; въ далекой странѣ алибовъ родится серебро, ковачи халибы одни обладаютъ тайной закалывать сталь, такъ что даже сталь въ древнемъ мѣрѣ назвалась ихъ именемъ. Трудно объяснить эту громкую знаменитость Закавказья дѣйствительнымъ богатствомъ его ископаемаго царства, о которомъ можемъ мы судить теперь лучше прежняго. Припомнимъ извѣстное намъ о древнемъ индо-еврѣйскомъ торговомъ пути, скорѣе можно думать, что Закавказье служило лишь для передачи на западъ ископаемыхъ сокровищъ Ипдін и что, вмѣстѣ съ послѣдними, Закавказье приобрѣло въ собственность и тайны рудокопнаго искусства, которыя на долгое время остались тайнами для запада. И теперь еще много можно найти примѣровъ въ торговомъ мѣрѣ, что товаръ, передаваемый какою либо страной, слыветъ за ея произведеніе.

Разбирая сказанія классическихъ писателей о Закавказьѣ, мы еще не разъ будемъ имѣть случай говорить о халибахъ, которые въ послѣдствіи времени встрѣтятся намъ подъ другимъ именемъ, также подающимъ поводъ къ многимъ заключеніямъ.

Весьма немногіе отрывки изъ Гелланика Лезвійскаго (жившаго незадолго до Геродота), переданныя намъ Стефаномъ Византійскимъ, преимущественно относятся до сѣверныхъ скиоскихъ народовъ. У Восточнаго Киммерійскаго живутъ синды, сѣвернѣе ихъ мѣоты. Далѣе говоритъ онъ о керкетахъ ¹⁾: «выше ихъ живутъ моски и хариматы, ниже гевиохи, выше кораксы». Такое распределеніе народовъ трудно объяснить. Мы уже выше изложили мнѣніе о совершенной тождественности названій керкетъ и черкесъ; неизвѣстно, откуда они взялись, но всегда усвоиваемы были по преимуществу народамъ, жившимъ на восточныхъ берегахъ Азовскаго и Чернаго морей. Мы положительно знаемъ, что теперь нигдѣ не существуетъ народа, который бы самъ себя называлъ

1) *Hellan.*, ed. Sturz, p. 91.

черкесами, но между тѣмъ множество кавказскихъ туземныхъ народовъ называемъ мы черкесами, что весьма часто дѣлается по привычкѣ, безъ всякаго разумнаго основанія. Равнымъ образомъ можно заключить, что и за 24 вѣка тому назадъ не существовало на Кавказскомъ перешейкѣ народа керкетовъ, но у грековъ существовало такое же имя для кавказскихъ туземцевъ. Локализациа этого имени дѣлалась болѣе или менѣе произвольно, и посему, керкетовъ у древнихъ авторовъ встрѣчаемъ мы то по близости Воефора Киммерійскаго, то въ сосѣдствѣ мосховъ, то даже близъ Трапезунта. О народѣ хариматахъ, жившихъ по словамъ Гелланика, рядомъ съ мосхами, мы не имѣемъ дальнѣйшихъ свѣдѣній. Какъ видно, хариматы обитали по южную сторону Кавказскаго хребта. Окончаніе имени ихъ указываетъ ли на то, что народъ этотъ принадлежитъ къ числу меотическихъ племенъ, подобно сарматамъ, азаматамъ? Въ такомъ случаѣ, меоты распространялись по обѣ стороны Кавказскаго хребта, какъ осетины въ наше время, или, быть можетъ, окончаніе это обнаруживаетъ прямое родство хариматовъ съ магами, мидянами. Выше сдѣлали мы уже подобное предположеніе въ отношеніи къ матісамъ, которые, по словамъ Гекатея, были также сосѣдями мосховъ.

Ферекидъ Свироссій, жившій въ одно время съ Гекатеемъ или немногимъ ранѣе его, написалъ въ прозѣ большое сочиненіе о космогоніи и теогоніи, отъ котораго дошло до насъ нѣсколько разсѣянныхъ стрѣлковъ. Между прочимъ, описывалъ онъ борьбу Зевеса съ Тифеемъ, происшедшую на Кавказѣ. Не видать, чтобы Ферекиду извѣстно было существованіе Каспійскаго моря, но замѣчательно, что Кавказъ называетъ онъ *плающимъ*¹⁾: послѣ долгой борьбы на Кавказѣ огня небснаго съ огнемъ подземнымъ,

1) *Pherecydes, Fragm. ed. Sturz, 37, p. 154; Humboldt: Asie centrale, II, 163; Kosmos, trad. fr., II, 498.*

Тифей удаляется съ Кавказа въ Сицилію и проваливается въ Эпу. Въ этомъ древнемъ сказаніи о *пылающемъ Кавказѣ* не кроется ли изустное преданіе о вулканическихъ явленіяхъ? Геогностическія условія Кавказа, изслѣдованныя столь тщательно проф. Абихоми, равно какъ и соотношеніе Кавказа съ вулканическимъ Тянь-Шаномъ Средней Азіи, дѣлаютъ такое предположеніе велишественнымъ вѣроятіемъ; но съ другой стороны, еще вѣроятнѣе, что понятіе о *пылающемъ Кавказѣ* родилось у грековъ влѣдствіе этимологической случайности, которую мы будемъ имѣть случай объяснить. Какъ бы то ни было, но сказаніе Ферепида о *пылающемъ Кавказѣ* весьма неопредѣлительно. Нельзя не удивляться, почему такое поразительное явленіе, какъ вѣчные Бакинскіе огни, осталось незамѣченнымъ даже позднѣйшими классическими писателями: въ цѣлой древней литературѣ не находимъ мы на нихъ никакого прямого указанія. Даже грязные вулканы Таманскаго полуострова были не замѣчены или, по крайней мѣрѣ, не описаны древними. Сближеніе съ ними *адскаго зѣва*, черныхъ и смрадныхъ водъ адскихъ рѣкъ Коцита и Ахерона ¹⁾ вается довольно произвольнымъ, между тѣмъ какъ Страбонъ, подробно описавшій окрестности Фавагоріи, ни слова не говоритъ о тамошнихъ грязныхъ вулканахъ.

По мѣрѣ распространенія положительныхъ свѣдѣній о Кавказскомъ перевѣйкѣ, измѣняется и характеръ греческихъ поэтическихъ сказаній о Кавказѣ. Говоря о походѣ Аргонавтовъ, мы старались доказать, что первоначально, пока греки мечтали о заморскихъ странахъ, сами не пускаясь въ море, пока рассказы о томъ, что существуетъ внѣ тѣснаго греческаго горизонта, доходили до нихъ черезъ посредство иноплеменныхъ мореходцевъ, всегда готовыхъ изъ хвастливости или по другимъ расчетамъ,

1) *Dubois: Voyage autour du Caucase, V, 40.*

отуманить легковѣрныхъ слушателей, преувеличить и исказить дѣйствительность,—географія поэтовъ блуждала во всѣ стороны: чудесное весьма естественнымъ образомъ должно было находиться весьма далеко, на краю свѣта, но этому условію, смотря по обстоятельствамъ, удовлетворяли то западъ, то востокъ, то сѣверъ, то югъ. Такъ очарованный островъ Кирке представлялся то къ сторонѣ вечерней, то къ сторонѣ утренней зари. Послѣ VI в. мы замѣчаемъ болѣе осѣдлости въ поэтической географіи. Конечно, нечего требовать отъ нея астрономической точности: по крайней мѣрѣ то, что уже разъ найдено или приискано было на Кавказскомъ перешейкѣ, не переносится внезапно, по произволу поэта, куда либо въ Италію или еще далѣе въ Испанію. Начало водворенія порядка въ поэтическихъ сказаніяхъ о Кавказѣ проявляется въ *Скованномъ Прометѣѣ*, высокомъ созданіи Эсхила, который жилъ отъ 525 до 456 г. до Р. X. Если даже эти точныя цифры и могутъ подавать поводъ къ нѣкоторымъ ученымъ спорамъ,—во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что жизнь Эсхилу должно отнести ко второй половинѣ VI и къ первой половинѣ V вѣка, слѣдовательно, къ той эпохѣ, когда греки черезъ посредство милезійцевъ успѣли уже хорошо ознакомиться съ цѣлымъ протяженіемъ восточнаго берега Чернаго моря, успѣли узнать кое что о внутренности Кавказскаго перешейка, быть можетъ, услышали даже о существованіи Каспійскаго моря, которое сочли за часть рѣки-Океана. Прежде чѣмъ приступимъ къ разбору географическихъ сказаній о Кавказѣ, заключающихся въ *Скованномъ Прометѣѣ*, скажемъ нѣсколько словъ о вѣроятномъ происхожденіи этого мифа.

Изъ числа воѣхъ природныхъ дѣятелей, *огонь* производилъ наиболѣе глубокое впечатлѣніе на пробуждавшееся мышленіе первоначальнаго человѣчества, — огонь благотворный и всепожирающій, огонь, зарождающійся скрытно отъ взоровъ и пониманія людей, и ниспадающій съ неба въ видѣ молніи, неутушаемой

дождемъ, неугасимой вѣтромъ. Понятно, почему огонь почитаемъ былъ священнѣйшею изъ стихій, понятна заботливость индусовъ и иранцевъ о храненіи чистаго священнаго огня; извѣстно, что до самаго конца язычества, греки и римляне во всякій огонь считали довольно чистымъ для своихъ жертвоприношеній ¹⁾. Всегда существовалъ предрассудокъ, будто все созданное постепенно утрачиваетъ первоначальную чистоту и святость свою, и люди вообразили себѣ, такимъ образомъ, что было нѣкогда время, когда огонь исключительно игралъ достойную себя роль посредничества между небомъ и землей, что онъ былъ *жрецъ*, исходявшій съ неба для сожженія жертвъ, приносимыхъ людьми богамъ. Но какъ бы ни было свято происхожденіе огня, онъ долженъ служить, какъ невольникъ, человѣку для повседневныхъ потребностей его, которымъ воображеніе отказывается придать характеръ святости. Не всѣ могли освоиться съ ученіемъ Зороастровымъ, склывшимся хлопоты домашняго хозяйства возвести на степенъ обрядовъ богослуженія. Отсюда должно было возникнуть противурѣчивое понятіе, что человѣкъ согрѣшилъ, заставивъ огонь небесный служить себѣ, но что слѣдствія этого грѣха благодѣтельны для человѣка. Это явный разрывъ согласія, нѣкогда существовавшаго между небомъ и землею. Таковой разрывъ представился грекамъ, согласно общему настроенію ихъ генія, въ видѣ рѣзко опредѣленнаго событія, герой котораго,—существо безпредѣльно смѣлое и хитрое,—заслужилъ проклятіе неба и благословеніе человѣчества.

Зевесу и союзнымъ богамъ и богицамъ его не легко досталось обладаніе Олимпомъ: должно было вынести тяжкую борьбу съ старыми богами, съ Титавами. Въ борьбѣ дѣйствуютъ одни лишь чисто матеріальныя силы: громы и молніи падаютъ съ неба на землю, скалы летятъ на встрѣчу имъ, отъ земли къ небу. Какъ

1) *Duncker*: Geschichte des Alterth., III, 47.

видно изъ немногихъ, дошедшихъ до насъ отрывковъ изъ творенія Ферекида Скиросскаго, эта борьба неба съ адомъ происходила на Кавказѣ. Зевесъ торжествуетъ и заточаетъ враждебныхъ Титановъ на краю земли и моря, тамъ «гдѣ солнце не свѣтитъ и вѣтеръ не дуетъ», за желѣзные ворота и за мѣдные пороги ¹⁾. Изъ числа Титановъ, Гомеръ называетъ Иапета, сидящаго въ тартарѣ вмѣстѣ съ Хрономъ, называетъ Атласа, обрѣченнаго стеречь столбы, поддерживающіе небо. Въ Гезіодовой теогоніи это сказаніе болѣе развито. Праотецъ Титанъ-Иапета является отцомъ нѣсколькихъ сыновей-Титановъ, между прочими Атласа и Прометей (предвидящаго). Въ борьбѣ Титановъ Прометей олицетворяетъ собою хитрость и разумъ, болѣе могучіе, чѣмъ грубыя силы, хотя бы то были громы и скалы. Его совѣты отвергнуты братьями—Титанами; онъ переходитъ на сторону Зевеса, и разумомъ, а не силой доставляетъ ему побѣду. Этимъ избѣгъ онъ злополучной участи, постигшей другихъ Титановъ. Но Зевесъ, достигнувъ полновластія, не заботится о благосостояніи людей, и Прометей является ревностнымъ ихъ защитникомъ. Хитростію вовлекаетъ онъ Зевеса въ невыгодный для послѣдняго и выгодный для людей дѣлежъ приписанныхъ жертвъ. Оскорбленный Зевесъ лишаетъ людей огня, но Прометей похищаетъ у него огонь и даруетъ его людямъ. Зевесъ наказуетъ людей, ниспославъ къ нимъ Пандору,— олицетвореніе всѣхъ бѣдствій, распространяемыхъ женщиной въ человѣческомъ обществѣ; Прометей приковываетъ къ столбу: ежедневно является орелъ и пожираетъ печень его, которая ночью вновь вырастаетъ для новой пытки. Страданія Прометеевы не прерываются въ продолженіи длиннаго ряда вѣковъ; наконецъ, по приказанію самого Юпитера, приходитъ Геркулесъ, умерщвляетъ орла и освобождаетъ Прометей.

Это первоначальное сказаніе послужило основою для Есхи-

1) Шпіада, VIII, 13; XIV, 274, 278; XV, 224.

ловой трагедіи: *Скованный Прометей*. Простодушіе народнаго вымысла замѣняется у Есхила дивнымъ величіемъ и взглядомъ, проникающимъ въ самую глубину человѣческихъ судебъ. Гезіодовъ Прометей и Прометей Есхилловъ,—это Докторъ Фаустъ германскихъ сказокъ и Фаустъ Гёте.

Дѣйствіе происходитъ не на Кавказѣ, но на ковцѣ свѣта, въ Скиіи, вглуби непреходимой пустыни. Дѣйствующія лица суть: Власть, вѣмая Сила, Вулканъ и Прометей. Власть поручаетъ Вулкану исполнить велѣніе Юпитера, приковать Прометея къ скалѣ, висящей надъ пропастью: «да признаетъ онъ всемогущество Юпитера, да престанетъ горичо любить людей». Вулканъ сочувствуетъ Прометею, но исполняетъ велѣніе Юпитера; Власть насмѣхается надъ Прометеемъ: «зови смертныхъ, да помогутъ они тебѣ». Прометей остается одинъ въ пустынѣ. Въ разговорѣ съ Океанидами, Океаномъ, Іо и Меркуріемъ, онъ объясняетъ, въ чемъ вина его, «Зевесъ замышлялъ истребить родъ человѣческій и создать новыя существа, Прометей тому воспротивился; до него люди были безсмысленны, онъ даровалъ имъ разумъ и мудрость; до него люди смотрѣли, но не видѣли, слышали, но не понимали; какъ бы во снѣ жили они, ничего не распознавая; какъ муравьи скрывались подъ землею, въ глубокихъ пещерахъ, куда не проникаетъ лучъ солнечный; ни теченіе свѣтилъ небесныхъ, ни ходъ времени года не были имъ повѣдны. Прометей изобрѣлъ для нихъ науку чиселъ, благороднѣйшую изъ всѣхъ наукъ; сочелалъ буквы для письма, подчинилъ воловъ ярму, избавивъ человека отъ тяжчайшихъ трудовъ Презрѣніемъ воздастъ онъ Юпитеру за страданія, грозитъ ему гибелью въ будущемъ и предвѣщаетъ, что, для спасенія своего, для удержанія власти своей надъ міромъ, самъ Юпитеръ ему, олицетворенному разуму, вѣогда пошлетъ избавителя».

Отсюда видно, что у Есхила Прометей принимаетъ характеръ бога-просвѣтителя, основателя благоустроенныхъ обществъ,

изобрѣтателя наукъ и искусствъ. Пещера небеснаго огня, переданная Прометеемъ людямъ, вопреки воли Зевеса, напоминаетъ за-прещенный плодъ отъ древа «еже разумѣти доброе и лукавое». Но въ сиитскомъ сказаніи люди подвигнуты къ послушанію зміемъ человеко-ненавистникомъ, въ греческо-арійскомъ—существомъ благодѣтельнымъ, пожертвовавшимъ собою для блага рода человеческого.

Гезіодъ вовсе не объясняетъ, гдѣ находился столбъ, къ которому прикованъ былъ Прометей; Есхилъ говоритъ, что мѣстомъ страданій его была скала въ пустынѣ, на краю сѣвера, въ Скиаиѣ, слѣдовательно, на глубокомъ сѣверѣ. Видно, что во времена Есхилова, т. е. въ V в. до Р. Х., греки не составили себѣ опредѣленнаго понятія о томъ, въ какую страну гнѣвъ Зевесовъ занесъ Прометея. Все это, впрочемъ, относится ко указанію, заключающимся въ дошедшей до насъ въ цѣлости трагедіи «Скованный Прометей». Есхилъ написалъ, сверхъ того, «Освобожденнаго Прометея», отъ котораго дошло лишь нѣсколько отрывковъ; судя по одному изъ нихъ ¹⁾, можно заключить, что Есхилъ въ этой трагедіи называетъ Кавказъ мѣстомъ страданій Прометеевыхъ. Изъ всего видно, что трагикъ не придавалъ большой важности географической отчетливости. Должно однако думать, что имена отдаленныхъ странъ, вародовъ, рѣкъ и горъ заключали въ себѣ неизъяснимую прелесть для аонійца, и Есхилъ щедръ на такковыя имена, при чемъ распоряжается ими весьма произвольно. Въ Освобожденномъ Прометей ²⁾ Титавы говорятъ, что пришли «къ порубежной рѣкѣ, къ стремительному Фазису, по сю сторону котораго Европа, по ту сторону Азія». Многіе древніе авторы дѣйствительно принимали Фазисъ за границу между Европой и Азіей ³⁾, по самъ Есхилъ въ Скованномъ Прометей говоритъ, что

1) Prometheus solutus, 177—179, ed. Dindorf.

2) Aesch. fragm., ed. Schütz, v. 177.

3) Геродотъ, IV, 45.

что Босфоръ Виммерійскій составляетъ рубежъ между двумя частями свѣта; осталная часть границы должна, слѣдовательно, обозначаться Танаисомъ. Къ огромному числу толкованій, къ необъятной трагѣ учености ¹⁾ подало поводъ предсказаніе Скованнаго Прометея Іо о предстоящемъ ей пути, но все эти толкованія неудовлетворительны и не могутъ быть таковыми, потому что, безъ сомнѣнія, самъ Есхиль не въ состояннн былъ бы объяснить своей фантастической географіи. Мы приводимъ здѣсь возможно буквальный переводъ этого знаменитаго предсказанія. Для исторіи Кавказа знаменито оно тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ *древнѣйшее, дошедшее до насъ появленіе названія «Кавказъ» въ письменномъ мірѣ.*

Прометей говоритъ плачущей Іо ²⁾:

«Отсюда поверни ты къ востоку; перейди черезъ эти пустыни, которыхъ никогда не касался плутъ. Далѣе встрѣтишь ты кочующихъ скиновъ: они живутъ въ хижинахъ (кибиткахъ), сплетенныхъ изъ ивы и установленныхъ на колесницахъ съ большими колесами; они вооружены луками и страшными стрѣлами. Не приближайся къ этимъ народамъ. Чтобы удалиться отъ страны ихъ, шествуй вдоль каменистыхъ береговъ степящаго моря. Влѣво живутъ халибы, искусные ковачи: уклонись отъ нихъ, они жестоки и негостепріимны. Ты достигнешь береговъ Гибриста, этой рѣки, достойной своего имени. Не переправляйся черезъ нее, потому что переправа опасна; иди вверхъ до самаго Кавказа, высочайшей изъ горъ, до мѣста, гдѣ съ гребня самой горы рѣка вырывается, кипучая, необузданная. Перейди черезъ эти вершины, досягающія звѣздъ, и спустись въ страны юзвыи. Тамъ ты найдешь амазопокъ, племя воинственныхъ женщ, неспавидя-

1) *Schutz*: Excurs. IV ad. Prometh. Vinct., pp. 144—149; *Welcher*: Aeschyl. Trilogie, 127—146; *Völcker*: Mytische Geogr., I, 3—13; *Klausen*: въ Rhein. Mus., III, 303, гдѣ приложена и карта странствованій Іо.

2) ст. 712—718.

щихъ мужей; вѣкогда поселятся онѣ въ Темискирѣ, на берегахъ Термодона, гдѣ посреди волкъ вѣяетъ страшная пастъ Сальмидеса, роковая угостительница мореплавателей, мачиха кораблей. Сами онѣ (амазонки) охотно послужать тебѣ путеводительницами. Потомъ, придешь ты къ перешейку Киммерійскому и вскорѣ къ узкимъ вратамъ болога Меотійскаго: смѣло бросься ты чрезъ проливъ. Слава переправы твоей увѣковѣчится между людьми и проливъ назовется Босфоромъ. Ты покинешь тогда Европу и очутишься въ Азій».

Мы не возьмемъ, конечно, обозначать на нынѣшнихъ картахъ путь, предсказанный Прометеемъ злополучной Ио; ограничимся нѣсколькими замѣчаніями, которыя, быть можетъ, не лишены будутъ занимательности.

Ио бесѣдуетъ съ прикованнымъ Прометеемъ, на краю свѣта, въ Скиоіи, вглуби недоступной пустыни, гдѣ находятся скалы, висающія надъ пропастью, слѣдовательно, горный хребетъ, котораго названіе неизвѣстно. Есхиль слыхалъ ¹⁾ о существованіи оледѣлыхъ Рифейскихъ горъ и думалъ, что изъ нихъ вытекаетъ Истръ (Дунай); но онѣ приходились къ сторонѣ сѣверо-запада отъ Греціи, и положеніе ихъ, какъ видно, не соотвѣтствовало сценѣ дѣйствія, задуманнаго потомъ для Скваннаго Прометей. У грековъ Скиоія, гдѣ жили вѣкогда полуночники-киммеріане, возбуждала понятіе о сѣверѣ; очевидно, что оконечность Скиоіи означала сѣверный край земли, т. е. грекамъ неизвѣстную, но ими воображаемую сѣверную оконечность Европейской Россіи. Туда Есхиль переноситъ своего страдальца-бога. Если бы Есхиль что либо зналъ о существованіи Лалландіи, то назвалъ бы эту страну, какъ вполне удовлетворяющую условіямъ положенія. Первые люди, которыхъ Ио должна встрѣтить, по выходѣ изъ пустыни, суть *кочующіе скионы*: ихъ жилища установлены на колесахъ, сами

1) *Uckert: Skythien, 99.*

они искусные стрѣлки. Геродотъ составилъ описаніе Скиѳіи лѣтъ двадцать спустя послѣ того, какъ Есхиль написалъ Скованнаго Прометей: въ этотъ промежутокъ времени, свѣдѣнія о скиѳахъ значительно распространились, благодаря преимущественно путешествіямъ самого Геродота, но несмотря на то, желая въ самыхъ общихъ чертахъ охарактеризировать всѣхъ вообще скиѳовъ ¹⁾, онъ говоритъ, что у нихъ подвижныя дома и что они искусные стрѣлки: характеристика, тождественная съ тою, которую Есхиль влагаетъ въ уста своего Прометей. Изъ этого можно заключить, что дѣло идетъ не о какомъ либо подраздѣленіи скиѳовъ, но о скиѳахъ въ самомъ общемъ значеніи, обитавшихъ къ сѣверу отъ Понта Евксинскаго и моря Меотійскаго.

Отъ сѣверной оконечности Скиѳіи Іо пойдетъ на востокъ; притомъ, Прометей совѣтуетъ ей уклониться отъ скиѳовъ и для этого выйти на берегъ «стѣнящаго» моря. Вопреки мнѣніямъ ученыхъ толкователей странствованій Іо ²⁾, нѣтъ сомнѣнія, что „стѣнящее“ море не есть ни Черное, ни Азовское, что находилось оно гдѣ то далеко къ востоку отъ обоихъ. Молодость Есхила совпадала съ старостію Гекатей, старость его съ молодостію Геродота: географическія свѣдѣнія его представляютъ переходъ отъ свѣдѣній Гекатей къ свѣдѣніямъ Геродота. Гекатей зналъ о существованіи моря Каспійскаго или Гирканскаго, по почиталъ его за часть рѣки-Океана. Геродотъ ³⁾ положительно говоритъ, что Каспійское море совершенно замкнуто и не имѣетъ никакого сообщенія съ другими морями. Такимъ образомъ мы можемъ допустить, что Есхиль зналъ о существованіи Каспія и зналъ, сверхъ того, что море это, каковы бы, впрочемъ, ни были его размѣры, не есть часть рѣки-Океана. Это дѣлаетъ весьма правдоподобнымъ, что «стѣнящее» море есть море Каспійское.

1) IV, 46.

2) *Uckerl*: Skythien, 331.

3) I, 102, 103.

Io пойдетъ вдоль утесистаго берега моря; вѣрно живутъ искусные ковачи халибы. Здѣсь, конечно, возникаютъ два значительныя недоумѣнія. Если, какъ должно думать по послѣдующему, Io пойдетъ вдоль западнаго берега Каспія, отъ сѣвера къ югу, то вѣрно отъ нея будетъ море; халибовъ всѣ писатели древности помѣщаютъ не къ сѣверу отъ Кавказа, а въ Закавказьѣ или къ югу отъ Чернаго моря. Но, съ другой стороны, можно положить, что халибы жили вѣрно отъ того мѣста, гдѣ Io дошла до морскаго берега. Желѣзо странъ, лежащихъ за Каспіемъ, парское и серійское, славилось въ древнемъ мірѣ, какъ пишетъ Плиній ¹⁾. Названіе халибовъ имѣло, безъ сомнѣнія, нарицательный смыслъ: посему неудивительно, что Есхиль назвалъ этимъ именемъ и отдаленныхъ уральскихъ или среднеазіатскихъ ковачей, о которыхъ, конечно, имѣлъ лишь самыя темныя свѣдѣнія.

Далѣе Io должна дойти до рѣки Гибриста: названіе греческое, означающее буйный, дерзкій. Многіе толкователи полагаютъ, что это не есть собственное названіе рѣки, а одно лишь прозвище ея; съ этимъ трудно согласиться, принимая въ соображеніе слѣдующія слова Прометея: *эта рѣка не лжеименная, т. е. достойная своєю названія*. Таковое названіе рѣкѣ, конечно, дали сами греки; быть можетъ, это греческій переводъ туземнаго названія, имѣвшаго тоже значеніе. Гибристъ не встрѣчается болѣе ни у одного древняго автора. Если рѣка эта не есть просто сзданіе всоображенія Есхилова, то должно думать, что до него дошелъ слухъ о какой то необыкновенно стремительной рѣкѣ, которая осталась извѣстною ему исключительно подъ названіемъ, характеризующимъ ея свойства. Но, если Io шла съ сѣвера, изъ Скиѣи, вдоль западнаго берега Каспійскаго моря, то должна была, наконецъ, дойти до Терека. Слѣдующія слова Прометея невѣроятно-удачно примѣняются къ Тереку, что, конечно, нельзя иначе приписать,

1) Hist. nat., XXXIV, 41; Uckert: Skythien, 247.

какъ случайности, принимая въ соображеніе, сколь мало извѣстна была грекамъ внутренность Кавказскаго перешейка во времена Эсхиловы. «Не переправляйся черезъ рѣку, переправа опасна; иди вверхъ до самого Кавказа, высочайшей изъ горъ, откуда рѣка вырывается яростно. Перейди черезъ эти звѣздососѣднія першины и спустись къ полудню». Если допустить сдѣланное нами толкованіе, то оказывается, что Іо должна пройти вверхъ по Терреку, достигнуть Дарьяльскимъ ущельемъ самаго начала рѣки, перевалиться черезъ Кавказскій хребетъ и, наконецъ, спуститься въ Закавказье. Тамъ должна она найти амазонокъ. Въ видѣ пророчества описывается страна, гдѣ, какъ думали греки, дѣйствительно жили амазонки: на южномъ берегу Понта Эвксинскаго, на рѣкѣ Термодонѣ, вѣсколько западнѣе Требизонда. Но въ этой странѣ амазонки считались пришельцами: настоящею родиною ихъ былъ Кавказскій перешеекъ, на которомъ въ различныхъ мѣстахъ классики отыскивали слѣды ихъ, даже гораздо позже Эсхила. При неопредѣлительности сказаній о мѣстѣ жительства амазонокъ на перешейкѣ, не должно удивляться, что Эсхиль заставляеть Іо встрѣтить ихъ прямо послѣ перехода черезъ Кавказскій хребетъ. Тутъ возникаетъ недоумѣніе, необъяснимое ни при какомъ способѣ толкованія странствованій Іо. Амазонки выведутъ ее на перешеекъ Киммерійскій, подъ которымъ несомнѣнно должно подразумѣвать Крымъ. Конечно, Іо блуждаетъ по свѣту куда глаза глядятъ, гонимая слѣпнемъ, посланнымъ Юноною, но непонятно, почему Эсхиль прямо переносить Іо изъ Закавказья въ Крымъ, совершенно умалчивая о промежуточномъ пути. Если отвергнуть все сдѣланное нами доселѣ толкованіе, то, во всякомъ случаѣ, невозможно допустить, чтобы названные Прометеемъ народы, рѣки и горы находились, по мнѣнію Эсхила, къ западу отъ Меотійскаго моря ¹⁾. Продолженіе Кавказа, Андійскій

1) *Uckerl: Skythien*, 332.

хребетъ мотъ, положимъ, по мѣвнiю древнихъ, уходитъ въ неизвѣданную даль, къ сторонѣ востока и сѣверо-востока, но пикогда горы западной и средней Европы пикѣмъ не называемы были Кавказомъ. Амазонки жили въ разныхъ мѣстахъ Азiи, (принимая за границу между Европой и Азiей Босфоръ Оракiйскiй, Босфоръ Киммерiйскiй и Танаисъ), онѣ жили даже на западной оконечности Африки ¹⁾, но въ Европѣ мы ихъ находимъ только какъ временныхъ пришлицъ. Какъ бы произвольно Есхилъ ни обращался съ географiей, но онъ не могъ явно противурѣчить всѣмъ общепринятымъ въ его время понятiямъ, справедливы или ложны они были. Скорѣе можно думать, что Есхилъ разомъ перенесъ Io изъ Закавказья на перешеекъ Киммерiйскiй, потому что путь этотъ частiю могъ уже прежде быть ей извѣстенъ, быть можетъ, уже прежде случилось ей переплыть черезъ Босфоръ Оракiйскiй ²⁾. Въ доказательство, что Есхилъ въ этомъ мѣстѣ обѣгаетъ вскользь южный и западный берега Понта Эвксинскаго, уничтожая разстоянiя, мы приведемъ то, что столь опасный для мореплавателей Сальмидессъ онъ сблизжаетъ съ Термодономъ, между тѣмъ какъ Сальмидессъ находился на западномъ, Оракiйскомъ берегу Понта. Въ заключенiе Io должна переплыть еще черезъ узкiя врата моря Меотiйскаго, которыя на вѣки сохраняютъ въ имени своемъ воспоминанiе о ея подвигѣ: Босфоръ Киммерiйскiй. Тогда, по словамъ Есхила, очутится она въ Азiи и покинетъ Европу. Но въ Азiи была она уже прежде, принимать ли за границу Танаисъ, Кавказъ или Фазисъ. Здѣсь Есхилъ, какъ бы забывъ прелiя странствованiя Io, увлекается замѣчательной особенностью узкихъ воротъ моря Меотiйскаго, служившихъ рубежомъ между двумя частями свѣта.

Какъ мы сказали, сцена дѣйствiя *Скованнаго Прометей* не

1) *Дiодоръ Сикил.*, III, 52.

2) Босфоръ отъ греч. *bous*—быкъ или короа и *poros*—переправа, такъ какъ Io странствовала, превращенная въ корову.

на Кавказѣ, а посреди безименныхъ горъ, на краю Скиѳіи, весьма далеко отъ Кавказа. Судя по дошедшему до насъ отрывку изъ другой трагедіи: *Освобожденный Прометей*, видно, что Есхиль въ послѣдствіи времени измѣнилъ свое мнѣніе и перенесъ мѣсто страданій своего бога на одну изъ вершинъ Кавказа. Это мнѣніе вскорѣ сдѣлалось общепринятымъ въ древнемъ мірѣ и составило одну изъ дальнѣйшихъ достопримѣчательностей Кавказа. Туземцы указывали грекамъ и римлянамъ посреди Кавказскихъ вершинъ ту, къ которой прикованъ былъ Прометей; впрочемъ, ея положеніе представляется различно. Преданіе о Прометеевѣ тѣснѣе связалось съ именемъ Кавказа, чѣмъ съ которою либо изъ вершинъ его. Такимъ образомъ, когда македоняне открыли Кавказъ на предѣлахъ Индіи, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, и преданія о Прометеевѣ перенесли къ предѣламъ Индіи. Діодоръ Сицилійскій рассказываетъ ¹⁾, что посреди Индійскаго Кавказа находится скала, имѣющая въ окружности десять, а въ вышину четыре стадіи, т. е. въ окружности версты 1½, а въ вышину саженой 300. На этой скалѣ туземцы показываютъ гротъ Прометея, гнѣздо орла, который его терзалъ, и остатки цѣпей. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ тщеславія и желанія прославить родину, туземцы охотно подтверждали все то, что ученые греки рассказывали имъ о ихъ отечествѣ. Въ такое заблужденіе легко вводятся и нынѣшніе путешественники, но тѣмъ не менѣе есть поводы думать, что у кавказскихъ туземцевъ дѣйствительно существовали самостоятельныя повѣрья, которыя греки отнесли къ своему Прометею. И теперь еще въ разныхъ мѣстахъ Кавказа указываются горы, къ которымъ будто бы прикованы великаны. Адыге думаютъ, что великанъ прикованъ къ вершинѣ Эльбруса, что стенанія его суть громъ и молнія, что освободится онъ только тогда, когда разорвутся на землѣ всѣ родственныя

1) XVII, 83.

связи ¹⁾. У осетинъ есть преданіе, что нѣкогда издали приходилъ къ нимъ неизвѣстный человѣкъ, который сдѣлалъ имъ много добра, но за то, что освободилъ ихъ отъ власти злаго духа, былъ верховнымъ демономъ прикованъ къ скалѣ ²⁾. Грузины и тушины рассказываютъ объ исполинѣ Амирапѣ ³⁾, который за дерзость противъ Творца заключенъ скованный въ горной пещерѣ: съ нимъ находится вѣрный песь его, который безъ отдыха грызетъ или лижетъ цѣпи, отчего послѣднія дѣлаются все тонѣе и длиннѣе, такъ что къ концу года великавъ уже могъ бы достать до меча своего, висящаго тутъ же въ пещерѣ, и тогда вырвался бы на свободу,—но этому препятствуютъ удары кузнецовъ по пустой наковальнѣ, производимые въ извѣстныя дни и съ извѣстными приговорами. Совершенно сходная легенда существуетъ у армянъ о царѣ ихъ Артаваздѣ, скованномъ, вслѣдствіе отцовскаго проклятія, злыми духами на свободномъ т. е. недоступномъ для смертныхъ Масисѣ (Араратѣ) ⁴⁾. Мойсей Хоренскій рассказываетъ, что Артаваздъ въ припадкѣ сумашествія упалъ въ глубокую пропасть и пропалъ тамъ безъ вѣсти. Къ этому происшествію, по всей вѣроятности, суевѣріе пришло древнюю легенду, ходившую между армянами такъ же, какъ и между грузинами и тушинами. Приключеніе съ Артаваздомъ случилось не задолго до Р. Х.; можно думать, что легенды о прикованныхъ къ горамъ великанахъ были распространены по Кавказу гораздо ранѣе; нѣтъ даже причинъ сомнѣваться, что легенды эти относятся къ самому отдаленному времени, къ времени предшествовавшему началу ознакомленія грековъ съ Кавказскимъ перешейкомъ. Весьма понятно, что греки, услышавъ отъ туземцевъ объ одномъ изъ тако-

1) *Marigny*: Three voyages to the coast of Circassia, 188.

2) *K. Koch*: Reise durch Russland nach dem Kaukasischen Isthmus etc. (Stuttgart u. Tübingen 1842), I, 220.

3) Газета *Кавказ*, 1855, № 1.

4) *Мойсей Хоренскій*: Исторія Арменіи. Перев. Н. Эжма, стр. 180.

вухъ скованныхъ великановъ, приняли его за своего Прометея. повятна также неопредѣленность мѣста страданій Прометея на Кавказѣ, такъ какъ подобныя легенды связаны со многими горами. Къ этому присоюушимъ мнѣніе-ислѣдователей кельтскихъ древностей, будто бы прикавказскіе скионы въ числѣ своихъ боговъ почитали одно благодѣтельное существо, которое называли Фромтеутъ, названіе близко подходящее къ греческому Прометею.

Въ сочиненіяхъ Гекатея, Гелланика и Ферекида, которые всѣ писали нѣсколько ранѣе Есхила, встрѣчается названіе Кавказа; но эти сочиненія извѣстны намъ лишь по весьма немногимъ ссылкамъ на нихъ: быть можетъ названіе Кавказъ вставлено позднѣйшими комментаторами. Упомянутое Кавказа Есхиломъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Къ году сочиненія *Скованнаго Прометея*, т. е. къ 479 г. до Р. X. ¹⁾, должно отнести *древнѣйшее несомнѣнное появленіе этого громкаго имени*. Здѣсь встаетъ разобрать существующія мнѣнія о происхожденіи названія „Кавказъ“.

Въ томъ видѣ, въ какомъ написано слишкомъ за 23 вѣка тому назадъ Есхиломъ, Kaukasos, сохранилось оно почти безъ малѣйшихъ измѣненій во всѣхъ новыхъ европейскихъ языкахъ. Передано оно намъ исключительно греками: если бы греки называли этотъ хребетъ иначе, то, конечно, и мы бы называли его теперь иначе, потому что ни у самихъ кавказскихъ туземцевъ, ни у сосѣднихъ съ ними восточныхъ народовъ не встрѣчаемъ названія Кавказа. Его нѣтъ ни въ Библии, ни въ Авестѣ, ни въ Булдегешѣ. Въ послѣднихъ двухъ сочиненіяхъ говорится о мистической горѣ Альборджъ, которой положеніе съ вѣками измѣнялось въ воображеніи иранцевъ такъ же, какъ въ воображеніи грековъ измѣнялось положеніе горъ Рифейскихъ. Названіе Эльборджъ,

1) Théâtre d'Eschyle, trad. par Alexis Pierron, 3 édit., 1851, I, V.

Эльбрусъ, встрѣчается и къ югу отъ Каспійскаго моря, и на Кавказскомъ хребтѣ, и на хребтѣ Загросѣ (подлѣ Гамадана ¹⁾). Существуетъ на востокѣ повѣрье о хребтѣ Кафѣ, который будто бы опоясываетъ землю и воду, подобно тому, какъ у грековъ рѣка-Океанъ опоясывала землю. Хребетъ Кафѣ состоитъ изъ сплошнаго изумруда; обитаемый мѣръ заключенъ въ немъ, какъ палецъ въ кольцо ²⁾; чтобы достигнуть хребта долго, весьма долго, должно ѣхать по пустыпѣ, изисконъ вѣковъ не сваряемой солнцемъ. Покуда Кавказъ извѣстенъ былъ иранцамъ и арабамъ то однимъ лишь смутнымъ слухамъ, быть можетъ принимаемъ онъ былъ за часть хребта Кафѣ. Съ распространеніемъ исламизма, арабы лично ознакомились съ Кавказомъ. Много чудеснаго открыли они тамъ, но во всякомъ случаѣ Кавказъ не осуществилъ условій существованія фантастическаго хребта Кафѣ, который отодвинулся въ неизвѣстную даль, къ сѣверу и сѣверо-востоку, къ Темному Ледовитому морю. Кавказъ арабскими писателями названъ былъ хребтомъ Кабохъ. Не станемъ разбирать, откуда произошло это названіе; во всякомъ случаѣ, такъ мало укоренилось оно въ арабской литературѣ, что совершенно измѣнилось въ результатѣ случайной погрѣбности въ расположеніи точекъ арабскихъ буквъ. Горы Кабохъ превратились въ горы Фетхъ, что значить горы *побѣды* ³⁾. Это несомнѣннымъ образомъ доказываетъ, что названіе Кавказъ столь же чуждо было восточнымъ народамъ въ отдаленныя времена, какъ чуждо имъ и теперь. Кавказскіе горы умѣютъ называть но имени знакомы имъ съ дѣтства вершины, но общее названіе нѣдра хребта имъ также неизвѣстно, какъ названіе Европы неизвѣстно нашимъ престолюдинамъ, или также извѣстно, какъ названіе Азіи извѣстно азіятцамъ, умѣвшимъ ознакомиться

1) Ritter: Erdkunde von Asien, VI, 46.

2) Herbelot: Bibliotheque orient. (Maestricht 1776), 211.

3) Voyage d'Abou-El-Cassim par D'Osson (1828), p. 154.

съ европейскими повятіями о раздѣленіи земли на части свѣта. Въ грузинской исторіи ¹⁾ и географіи встрѣчаемъ названіе Кавказъ: такъ называется исполнѣ, которому Таргамось сталъ во владѣніе страну, лежащую къ западу отъ Терева на сѣверномъ скатѣ Кавказа. Грузинскій географъ употребляетъ, сверхъ того, это названіе въ множественномъ числѣ въ видѣ нарицательнаго, на подобіе Альповъ, для означенія различныхъ частей хребта. Но оба сочиненія писаны или, лучше сказать, составлены, сколо середины прошлаго вѣка, въ Москвѣ, лицомъ не чуждымъ знанія греческой литературы и заимствованнымъ названіе Кавказа не изъ отечественнаго языка. Доказательствомъ можетъ служить даже употребляемая имъ греческая форма *Кавказосъ* съ окончаніемъ, чуждымъ кореннымъ грузинскимъ названіямъ. Встрѣчается названіе Говгасъ въ географіи Моисея Хоренскаго, но она составлена по греческимъ источникамъ; преимущественно же авторъ пользовался географическимъ сочиненіемъ Паппа Александрійскаго, жившаго въ концѣ IV в. по Р. X. Эта географія есть греческое произведеніе, пересаженное на армянскую почву. У армянскихъ писателей находимъ, сверхъ того, для означенія Кавказскаго хребта, названіе Хабгохъ ²⁾, очевидно заимствованное у арабовъ. Нвджиджіанъ, который все на свѣтѣ выводитъ изъ Арменіи, опровергая толкованія происхожденія названія Кавказъ, говоритъ, что истинна въ томъ, что горы эти получили имя свое отъ Кавказа, брата Хайва и седьмаго сына Торгомы. Достаточно такового вывода для убѣжденія, что названіе Кавказъ совершенно непонятно армянамъ.

Итакъ, должно остановиться на заключеніи, что оно чуждо, какъ туземнымъ обитателямъ Кавказскаго перешейка, такъ и на-

1) Hist. de la Géorgie, trad. par Brosset, I, 18.

2) St. Martin: Mém. sur l'Arménie, II, 392.

родамъ, живущимъ къ югу отъ Кавказа въ Западной Азш. Остается рѣшить вопросъ откуда взяли его греки.

Нельзя не обратить вниманш на странное обстоятельство, что Кавказъ и Колхида географически находятся рядомъ, между тѣмъ какъ мифъ о Прометѣе не имѣетъ ничего общаго съ мифомъ о золотомъ рунѣ. Почему всепредвидящш Прометей, прикованный къ одной изъ вершинъ Кавказа, не принимаетъ никакого участш въ драмѣ, разыгрывающейся у подошвы хребта, между царемъ Эгесомъ и Язопомъ? Если не дѣломъ, то совѣтомъ, могъ бы онъ помочь той или другой сторонѣ. Еще замѣчательнѣе, что Геракулесъ является участникомъ въ походѣ Аргонавтовъ; Геракулесъ освобождаетъ также Прометея, но между этими двумя подвигами, которые бы должны совершиться рядомъ, такъ же мало общаго, какъ если бы они совершились на двухъ противоположныхъ концахъ свѣта. Геракулесъ не достигаетъ до Колхиды, потому что Арго, по причинѣ тяжеловѣсности его, отказывается везти его далѣе, но Геракулесъ доходитъ до Кавказа, гдѣ убиваетъ орла и освобождаетъ Прометея. Въ позднѣйшихъ передѣлкахъ поэмы Аргонавтовъ ¹⁾, при описанш плаванш Язова вверхъ по Фазису, говорится, что влѣво отъ него былъ Кавказъ, гдѣ прикованъ Прометей; волшебная мазь, которую Медея снабжаетъ Язова, составлена изъ травы, выросшей тамъ, куда капала кровь Прометеева. Но все это позднѣйшш вставки, относящшся къ тому времени, когда взаимное положенш Колхиды и Кавказа сдѣлалось уже всѣмъ извѣстнымъ въ то время, говоря объ одной мифической знаменитости, нельзя было умолчать о другой, находившейся рядомъ. Первоначально имя Прометея связано съ Кавказомъ, имя Аргонавтовъ съ Колхидой, но между Прометеемъ и Аргонавтами, равно какъ и между Кавказомъ и Колхидой нѣтъ ничего общаго. Отсюда можно заключить, что названш Кавказа пер-

1) *Apoll. Rhod.*, II, 1247, 1267.

воначально существовало исключительно въ греческихъ мифахъ¹⁾, что было время, когда оно не было усвоено никакой извѣстной цѣли горъ, но, такъ какъ греки принимали мифы свои за непреклонную истину, то они не сомнѣвались и въ томъ, что горы „Кавказъ“ гдѣ то да существуютъ и, наконецъ, вообразили себѣ, что эти мифическія горы отысканы на восточномъ берегу Понта Эвксипскаго. Подобное случилось съ киммеріанами, гиперборейми, Рифеемъ, Колхидой и пр. Совершенно подобное встрѣчаемъ мы и въ средневѣковой Европѣ, гдѣ возникла мысль, что гдѣ то весьма далеко, живетъ христіанскій государь. Понъ Иванъ. Таковой фантастическій государь, наконецъ, дѣйствительно былъ присланъ въ лицѣ нѣкоего монгольскаго князя, жившаго на границѣ Китая и никогда не ожидавшаго такой чести отъ неизвѣстныхъ ему западныхъ народовъ. Предположеніе, что названіе Кавказа было въ ходу у грековъ вездѣ, чѣмъ какія либо горы были такъ названы, весьма правдоподобно. Но здѣсь мы должны сдѣлать важное замѣчаніе. Положимъ, что было время, когда нѣвшій Кавказъ писѣмъ не называемъ былъ Кавказомъ, но, если греки сами выдумали это имя для своихъ сказокъ, какъ выдумали они Фрикоса (треленущаго), Нефеле (облако), Гелле (свѣтлая, свѣтлана) и пр., то оно было бы объяснимо помощію греческаго языка; такового объясненія нѣтъ для Кавказа. Итакъ должно заключить, что греки заимствовали его изъ какого либо чуждаго имъ языка, чтобы, впрочемъ, на демъ оно ни означало.

Плутархъ рассказываетъ²⁾, что Хронсъ, послѣ войны гигантовъ, избѣгая гнѣвнаго взора Зевеса, нашелъ себѣ утѣшенье на ложѣ Борей, на вершинахъ Кавказа, ибо, продолжаетъ Плутархъ, Кавказъ нѣкогда назывался ложемъ Борей. Такое названіе весьма естественнымъ образомъ могло быть дано Кавказу

1) *Vater: Argonautenzug*, II, 8.

2) *De fluviiis*, ed. Huds., p. 11. Впрочемъ, весьма сомнительно, чтобы Плутархъ былъ авторомъ этого сочиненія.

первыми милезійскими мореплавателями, достигнувшими восточнаго берега Чернаго моря. Извѣстно, какъ опасенъ для кораблей вдоль этого берега порывистый вѣтеръ со сѣвномъ, дующій съ гребня Кавказа; это, конечно, было явленіе, невиданное греками и представившее имъ очю разсвирѣплѣлаю Борю. Замѣчательно, что теверъ еще таковой вѣтеръ на восточномъ берегу называется *бора*. Далѣе Плутархъ говоритъ, что на Кавказѣ есть гора, которая называлась Нифаитесь или Нифатесь: такое названіе встрѣчается для многихъ горъ въ древнемъ мірѣ и легко объясняется помощію греч. *niras*, лат. *nivis*, снѣгъ: гора снѣжная. Въ отношеніи къ происхожденію названія Кавказъ, Плутархъ рассказываетъ, что Хроносъ, удалившись на *ложу Борю*, умертвилъ тамъ настуха, по имени Кавказа. Зевесъ, пизвергнувъ Хропоса въ Тартаръ, далъ хребту названіе Кавказа, на память объ умерщвленномъ настухѣ. Если только преданіе не выдуманно въ позднѣйшія времена, то оно доказываетъ, что Кавказъ дѣйствительно имѣлъ у грековъ сначала мифическое значеніе и что настоящее происхожденіе названія было имъ неизвѣстно.

Ератосеевъ пишетъ ¹⁾, что туземцы называютъ Кавказскій хребетъ горою Каспиемъ. Страбонъ замѣчаетъ, что имя хребта, быть можетъ, происходитъ отъ народа каспиевъ. Въ его время каспіи уже не существовали ²⁾, но Геродотъ еще упоминаетъ о нихъ въ числѣ народовъ, составлявшихъ ополченіе Ксерксово. Не знаемъ навѣрно, откуда произошло названіе каспиевъ: оно напоминаетъ Индійское Касіанатуръ, Каспаниръ, жилище Касіаны или Каспы, корениное названіе Кашмира. Если обратимъ вниманіе на первый слогъ названія Кавказъ, или, какъ греки писали его, Кауказъ, то найдемъ, что онъ довольно близко подходитъ къ иракскому *каа* или *коа*, пегльвійскому *кобъ*, осетинскому *коа*, произносимому въ горномъ нарѣчійи какъ *гау*, иногда

1) *Страбонъ*, XI, 497.

2) *Страбонъ*, XI, 502.

кофъ. Звуковъ этихъ русскими буквами въ точности выразить невозможно, но всё они означаютъ гору; присоединивъ которое нибудь изъ нихъ къ Каспю, получимъ названіе, которое въ устахъ грековъ могло превратиться въ Кауказъ. Такое толкованіе принимается многими учеными. Клапротъ полагаетъ ¹⁾, что названіе Кавказъ произошло отъ Коф-Кафъ, т. е. отъ горы Кафъ, которой смыслъ въ глазахъ древнихъ восточныхъ народовъ мы объяснили выше. Къ сему Клапротъ присовокупляетъ, что названіе Коф-Кафъ есть вѣроятно испорченное Кох-Каспъ; это возвращаетъ насъ къ сдѣланному уже нами объясненію. Впрочемъ, оно основано на показаніи Ератосэена, что туземцы называютъ Кавказъ Каспиемъ. Въ этомъ можно усумниться. По всей вѣроятности, Кавказскія горы населены теперь тѣми же племенами, которыя жили тамъ во времена Ератосэена, но сколько извѣстно, названіе Каспія для горъ совершенно неупотребительно въ наше время на Кавказѣ. Есть другое имя, котораго происхожденіе теряется въ недосигаемой глубинѣ времени, которое обладаетъ необычайною живучестью, и до сихъ поръ удержалось на Кавказѣ: это есть азы, іассы, осы.

Горы азовъ могли называться *Гоу-азъ* или *Кау-азъ* ²⁾: тутъ находимъ мы почти чистое греческое *Кауказосъ*. Извѣстно, что страна по Кубани называлась нѣкогда Азіей; теперь еще, вслѣдствіе вѣковой привычки, кавказскіе туземцы называютъ азами прикубанскихъ жителей, кто бы тамъ ни жилъ; нѣтъ сомнѣній также, что Кавказскій хребетъ никогда не имѣлъ у туземцевъ, какъ и теперь не имѣетъ, общаго названія; эти общія названія возникаютъ лишь у народовъ, обладающихъ письменностію, но весьма вѣроятно, что саурматы, маэты, сивды, приморскіе обитатели, съ которыми прежде всего познакомились греки, называ-

1) Voyage au Mont Caucase et en Géorgie (Paris 1823), I, 133.

2) Ritter: Vorhalle etc., 300, 464.

ли видимыя отъ нихъ вдали сѣвѣжныя вершины Кавказа: *гаур-азъ*, горами азовъ. Посему мы считаемъ *Каур-азъ* за гораздо болѣе правдоподобную первоначальную форму Кавказа, чѣмъ Коф-Кафъ или Кох-Каспъ, не смотря на то, что послѣднее толкованіе наиболѣе распространено между учеными.

У древнихъ положеніе различныхъ географическихъ названій измѣнялось, какъ напр. Аракса, Фазиса, Талаана, Рифен, Колхиды и т. п. Нельзя сказать того же о Кавказѣ. Кавказомъ всегда назывался хребетъ, тянуційся отъ сѣверо-восточной оконечности Понта Евксинскаго по направленію къ морю Каспійскому. Недоумѣнія возникли лишь позже на счетъ сѣверо-восточной отрасли Кавказа, такъ называемаго нынѣ Андійскаго хребта, которому географы придали неопредѣленное протяженіе къ сѣверу до самаго пролива, будто бы соединяющаго Каспійское море съ Океаномъ. Кавказъ въ дѣйствительности составляетъ совершенно отдѣльный хребетъ горъ: ничтожной Сурамской перемычки недостаточно, чтобъ привязать его разумнымъ образомъ къ системѣ горъ Малой Азіи. Древніе географы протягивали Тавръ до самыхъ источниковъ Инда, но не дѣлали того же самого съ Кавказомъ. Вопреки этимъ общепринятымъ понятіямъ, участники и описатели похода Александра Македонскаго въ Индію называли Кавказомъ высокій хребетъ, отдѣляющій верховья Оксуса отъ верхнихъ притоковъ Инда. Какое бы названіе хребетъ этотъ ни носилъ у туземцевъ, по, какъ мы сказали, согласно греческимъ географамъ, онъ долженъ бы былъ правильнѣе назваться Индійскимъ Тавромъ, чѣмъ Индійскимъ Кавказомъ. По сему послѣднее названіе хотя и укоренилось, но подверглось со стороны древнихъ географовъ строгимъ порицаніямъ, которыя даже въ наше время сохранили свою силу. Страбонъ пишетъ ¹⁾: «одна лишь лестъ могла перенести Кавказъ отъ предѣловъ Колхиды и съ береговъ

1) XI, 505, 506.

Понта Евксинскаго въ Индію и къ Восточному морю, которое омываетъ ее. Кавказомъ греки называли горы, соприкасающіяся съ Колхидой и съ Евксиномъ, отъ этихъ горъ до Индіи болѣе 30000 стадій, (около 4000 верстъ). Вотъ гдѣ (т. е. на Понтійскомъ Кавказѣ), по словамъ миеологовъ, страдалъ Прометей, вотъ гдѣ онъ былъ прикованъ. Въ то время не знали въ востоку странъ, болѣе отдаленныхъ... Конечно, болѣе славы для Александра, что онъ распространилъ свои завоеванія въ Азіи до Индійскихъ горъ, чѣмъ какъ если бы онъ остановился на берегахъ Евксина и на Кавказѣ. Но, во первыхъ, знаменитость Кавказа, потому, привычка считать за самый отдаленный походъ, походъ Язона и Аргонавтовъ, которые не ходили далѣе, наконецъ, старинное убѣжденіе, что Кавказъ, къ которому прикованъ былъ Прометей, находится на концѣ свѣта; все это повлекло къ тому что, въ угодность государю, назвали Кавказомъ Индійскія горы.

Чтобы оцѣнить по справедливости этотъ строгій приговоръ, мы, конечно, не соплемся на показанія другихъ древнихъ географовъ, какъ напр. Ителомей, которые не имѣли никакой надобности выдумками возвышать славу Александра Македонскаго и, тѣмъ не менѣе, придавали названіе Кавказа горамъ, находящимся на предѣлахъ Индіи. Эти географы могли покоряться вкоренившемуся употребленію, хотя, быть можетъ, и сознавали ложное начало его. Подобнымъ образомъ, теперь еще мы называемъ индійцами американскихъ туземцевъ, хотя и знаемъ весьма хорошо, что они не имѣютъ ничего общаго съ Индией.

Въ настоящее время, Индустанъ, даже современный Александру Македонскому, мы знаемъ гораздо лучше, чѣмъ знали его Страбонъ, Ителомей и другіе географы древности. Но въ классической литературѣ существуетъ показаніе, на которое нельзя не обратить вниманія. Плиніи пишетъ ¹⁾, что свины Средней Азіи,

1) Hist. nat., VI, 19.

извѣстные у персовъ подъ именемъ *саковъ*, называютъ Кавказъ (индійскій) Гроуказъ, т. е. бѣлѣющій спѣгомъ, *nive candidum*. Это показаніе для насъ особенно важно тѣмъ, что, безъ сомнѣнія, Плиній не имѣлъ никакого понятія ни о санскритскомъ, ни о какомъ другомъ языкѣ Индіи, а между тѣмъ приводимое имъ названіе можетъ быть объяснено помощію санскритскаго языка. Болевъ ¹⁾ замѣтилъ, что *гравакаса* значитъ по санскритски *блестящія скалы*, отъ *каз* блестятъ и *граван* камень, скала. Бюруфу ²⁾ признаетъ остроуміе объясненія, сдѣланнаго Боленомъ, но замѣчаетъ, что, согласно санскритской грамматикѣ, слѣдовало бы сказать *казграван* для означенія блестящихъ скалъ, а не *гравакаса*. Эту неправильность можно объяснить отступленіями пароднаго языка отъ книжнаго ³⁾; во всякомъ случаѣ составныя части названія, приводимаго Плиніемъ, суть чисто санскритскія и Гроуказъ или Гравакаса довольно близко подходятъ къ греческому Кауказъ. Этимъ объясняется, даже безъ пособія угодничества Александру Македонскому, почему горы, сопредѣльныя Индіи, названы Кавказомъ. Чтобы разрѣшить недоумѣнія, конечно, слѣдуетъ обратиться къ столь богатой санскритской литературѣ и въ ней отыскивать слѣды названія Кавказъ. Но, сколько извѣстно, названія Кавказа въ ней не встрѣчается: за то встрѣчается названіе Каза-гири отъ *Каза*, названія многочисленнаго горнаго племени, и *гирн*—гора. Племя Каза до сихъ поръ не исчезло, и даже нынѣшніе представители его удержали имя предковъ съ легкимъ измѣненіемъ въ произношеніи. Они обитаютъ вдоль того самаго хребта, черезъ который прошелъ Александръ и который спутники его называли Кавказомъ. У Птолемея находимъ мы *Casi*

1) *Bohlen*: Das alte Indien, I, 12.

2) *Humboldt*: Asie centrale, I, 109.

3) *Vivien de St. Martin* въ *Nouv. ann. des voyages*. 1847. Janv.—Févr.,

montes, по восточнѣе той части хребта, которую называетъ онъ *Caucasii montes proprie dicti*, собственно называемыя Кавказскія горы. Мы не послѣдуемъ за ученымъ Вивьеиъ де С. Мартеномъ въ остроумныхъ догадкахъ его о тождествѣ индѣйскихъ племенъ каза и дарада съ азами и дандарами на Кубани, съ азами и дарданами въ Фракіи и на Геллеспонтѣ, съ Язіономъ и Дарданомъ, двумя братьями, пелазгическими родовачальниками¹⁾: обратимъ вниманіе лишь на сдѣланное имъ объясненіе перехода названія каза-гири въ кохи-каза. Иранское *кох* или *кух* совершенно соответствуетъ санскритскому *кури*, по сему кохи-каза соответствуетъ буквально каза-гири. Такъ какъ македоняне или въ Индію изъ Бактріи и, конечно, сопровождаемы были значительнымъ числомъ иранцевъ, то весьма естественнымъ образомъ услышали они названіе кохи-каза, котораго превращеніе въ Кавказъ можно объяснить безъ пособія льстецовъ, окружавшихъ Александра.

Всѣ эти толкованія болѣе или менѣе правдоподобны, но уже своимъ разнообразіемъ возбуждаютъ недоумѣніе. Можемъ ограничиться общимъ заключеніемъ, что названіе это арійскаго происхожденія и что первый слогъ его *кух*, *кох*, *коф*, *кох* означаетъ гору; послѣдняя половина названія не можетъ быть объяснена съ полною достовѣрностію. Первоначально имѣло оно у грековъ чисто мѣлическое значеніе и не связано было ни съ какою извѣстною имъ горю, но дошло до нихъ съ востока. Какимъ путемъ, мы не знаемъ. Быть можетъ, греки узнали его отъ финикійскихъ мореплавателей, не узнавъ, впрочемъ, гдѣ находятся горы, такъ называемыя; или, быть можетъ, праотцы ихъ вынесли это названіе изглуби востока и передали потомкамъ въ видѣ звука безъ значенія, которое, потомъ, создано было воображеніемъ. Люди, одаренныя живымъ воображеніемъ, по чуждые положительной наукѣ,

1) Тамъ же, стр. 153.

всегда стараются отгадать, что находится на краю свѣта. Для сѣвернаго края свѣта греки придумали горы Рифейскія; такую же роль, быть можетъ, Кавказскія горы играли въ воображеніи ихъ для восточнаго края свѣта. Но восточнымъ краемъ свѣта долгое время былъ для нихъ восточный берегъ Понта Евксинскаго, и величественныя горы его назвали они Кавказомъ. Это можетъ быть допущено даже независимо отъ этимологическихъ толкованій, которыя мы привели выше.

Слѣдуя порядку времени, мы приступимъ теперь къ изложенію всего того, что повѣствуетъ о Кавказскомъ перешейкѣ, въ разныхъ мѣстахъ своей исторіи, Геродотъ,—отецъ исторіи, въ твореніяхъ котораго съ такою же полнотою отражается древній міръ, какъ и въ безсмертныхъ дѣсахъ Гомера.

Мы не станемъ говорить о безконечной прелести разсказа Геродотова: это какъ бы не писанная исторія, а изустная рѣчь челоуѣка *бывалого*, умнаго и ученаго, котораго нельзя не заслушаться. Геродотъ родился въ Галикарнассѣ, въ семействѣ, знаменитомъ по происхожденію и по склонности къ наукамъ; въ юности еще объѣхалъ онъ почти весь извѣстный въ его время міръ; потому дѣятельно подвизался на политическомъ поприщѣ, испытать неудачи на родинѣ, которую долженъ былъ покинуть; не успѣвъ достигнуть славы народнаго правителя, онъ отправился на материкъ Греціи читать свою исторію предъ несмѣтнымъ собраніемъ народа, стекшагося для празднованія LXXXI олимпіады. Можно сказать, что дружныя рукоплесканія цѣлой Греціи привѣтствовали великаго историка, и гулъ этихъ рукоплесканій не умолкаетъ до нашего времени. Геродотъ въ высшей степени самостоятельный писатель: онъ зналъ все, что звали изъ книгъ или преданій современные ему греки, но, кромѣ того, онъ зналъ и то, чего нельзя пріобрѣсти, сидя на мѣстѣ за книгами. Странствуя по далекимъ странамъ, среди варваровъ, онъ освобождался отъ попятій преждевременно составленныхъ на родинѣ, столь часто

затемняющихъ видимое и слышимое. Не все, что узналъ онъ, передалъ онъ грекамъ: тому препятствовали многія обстоятельства, иногда обѣщаніе, данное на чужой сторонѣ, хранить тайну ¹⁾. Но Геродотъ неутомимо и совѣстливо искалъ истину; постоянно указываетъ онъ откуда что узналъ, представляетъ на судъ читателя противоположныя мнѣнія, скромно говоритъ иногда, что это личное его мнѣніе, съ которыми другіе могутъ быть несогласны. И дѣйствительно, теперь во многомъ мы несогласны съ Геродотомъ, но даже баснями его мы не къ правѣ пренебрегать, какъ пустою выдумкой: въ нихъ нерѣдко скрываются весьма важныя для исторіи указанія. Большая часть древнихъ писали во имя какой либо теоріи, а рѣчи составленной и призванной ими непогрѣшительною: Геродотъ писалъ, какъ независимо мыслящій человѣкъ, духъ независимаго мышленія вызываетъ онъ и въ читателяхъ своихъ.

Война между персами и греками составляетъ главное содержаніе историческаго творенія его. Геродотъ видитъ въ этомъ не какое либо случайное, отдѣльное событіе, а эпизодъ вѣковаго антагонизма между двумя частями свѣта, между Европой и Азіей, антагонизма, которому теперь еще мы соприсутствуемъ, котораго теперь, быть можетъ, *начался конецъ*. Откуда возникъ онъ? «Зачѣмъ, восклицаетъ вѣщая Кассандра ²⁾, оплакивая гибель царственнаго дома своего, зачѣмъ не прекращается эта старая вражда между сынами Прометеевой матери Азіи и Саркедоповой родительницы, Европы? Развѣ не дозволено для нихъ, что ихъ разлучаетъ и Гелеспонтъ, и скалы Симплегадскія, и море Аксинское и, наконецъ, рѣка Танаисъ, которая даже море Меотійское, при вѣтливоберегое, разсѣкаетъ пополамъ быстрыми волнами своими».

1) II, 3, 47, 51, 123 и пр.

2) *Lycophron: Cassandra*, v, 1283; *Ritter: Vorhalle etc.*, 469.

Геродотъ не мудрствуетъ на счетъ того, что разсорило Европу съ Азіей: онъ передаетъ лишь ¹⁾, что, согласно мнѣнію азіатцевъ, ссора началась изъ за женщинъ, prima causa belli: финикіяне похитили въ Европѣ царевну Іо, за то греки похитили финикійскую царевну Европу и колхидскую царевну Медею. Парисъ, потому, чтобы уравнять счетъ, похитилъ греческую Елену. За это греки начали войну и разсорили Троию. Въ этомъ, какъ говорятъ персы, греки кругомъ виноваты, потому что они начали войну въ Азіи, а не азіатцы въ Европѣ. Конечно прибавляютъ они, не хорошо похищать женщинъ, но глупо мстить за это, потому что женщины не похищаютъ безъ ихъ согласія. Геродотъ говоритъ, что онъ не судья въ этомъ спорѣ, но что будетъ разсказывать и о большихъ и о малыхъ государствахъ, потому что прежнія большія теперь стали малыми, а нынѣшнія большія прежде были малыми. Такъ какъ греки сами себя знаютъ, то Геродотъ главное вниманіе обращаетъ на описаніе ихъ противниковъ т. е. азіатцевъ. Онъ разсказываетъ сначала исторію ближайшаго къ Европѣ народа. лидявъ; лидяне покорены персами, онъ приступаетъ къ исторіи персовъ, но исторія персовъ начинается освобожденіемъ ихъ отъ ига мидявъ; чтобы объяснить, какъ это случилось, Геродотъ разсказываетъ исторію мидявъ. Исторія мидявъ сплетается съ исторіею вавилонявъ и ассиріявъ. Основатель персидской монархіи оканчиваетъ свое поприще неудачнымъ походомъ противъ массагетовъ: по этому поводу Геродотъ сообщаетъ все, что успѣлъ узнать о Каспійскомъ морѣ, объ Аракеѣ и о Закаспійскомъ краѣ. Подобнымъ образомъ, по случаю завоеванія Египта Камбизомъ, онъ описываетъ Египетъ, достопримѣчательности его, нравы, обычаи, вѣру, исторію жителей. Дарій Гистаспъ организовалъ внутреннее управленіе своей монархіи: въ Геродотѣ находимъ мы на-

1) I. 1—5.

званія всѣхъ сатрапій, какіе народы входили въ составъ каждой изъ нихъ, какія подати наложены были на каждую сатрапію. Потому Дарій отправляется въ походъ противъ скивоовъ, т. е. въ нынѣшнюю полуденную Россію: по этому случаю Геродотъ рассказываетъ все, что успѣлъ узнать о странѣ скивоовъ и о народахъ, живущихъ къ востоку и сѣверо-востоку отъ нихъ, т. е. въ нынѣшнемъ Оренбургскомъ краѣ, въ Западной Сибири, въ Киргизской степи. Благодаря Геродоту, мы обладаемъ описаніемъ значительной части Россіи, сдѣланнымъ за пять вѣковъ до Р. Х., въ то время когда Германія и Франція, не говоря уже о сѣверѣ Европы, оставались еще странами вполне неизвѣстными для грековъ. Наконецъ, Ксерксъ ополчается Азію на Европу: на мосту, построенномъ черезъ Геллеспонтъ, царь смотритъ семь дней и семь ночей, какъ одинъ народъ слѣдуетъ за другимъ. Геродотъ приводитъ насъ на этотъ смотръ, величайшій и знаменитѣйшій изъ всѣхъ смотровъ, когда либо и гдѣ либо бывшихъ. Передъ читателемъ, какъ передъ Ксерксомъ, идетъ одинъ народъ за другимъ: Геродотъ каждый называетъ по имени, описываетъ одежду, вооруженіе, приводитъ имена частныхъ военачальниковъ; каждое народное имя возбуждаетъ въ немъ множество воспоминаній и онъ спѣшитъ высказать ихъ читателю, безъ всякаго порядка, просто по мѣрѣ того, какъ они приходятъ ему на умъ. Въ этой болтовнѣ Геродота на Геллеспонтскомъ мосту заключается вся дошедшая до насъ древняя исторія множества азіятскихъ народовъ, вѣкогда громкихъ, но которыхъ имена остались бы безвѣстными для потомства, если бы Геродотъ не вспомнилъ о нихъ по случаю большаго смотра на Геллеспонтскомъ мосту.

Самыя любопытныя свѣдѣнія Геродотъ пріобрѣлъ въ странствованіяхъ по далекимъ странамъ. Онъ намъ не сообщаетъ, гдѣ именно онъ былъ, и намъ неизвѣстна послѣдовательность его путешествій, но во многихъ мѣстахъ своей исторіи, онъ говоритъ, какъ очевидецъ, о далекихъ странахъ. Кромѣ Египта, Палестины

и Финикій, онъ былъ въ Вавилонѣ ¹⁾, въ Колхидѣ ²⁾, въ Скиоіи ³⁾. Вездѣ бесѣдовалъ онъ съ образованнѣйшими туземцами, какъ-то: съ египетскими и финикійскими жрецами и халдейскими звѣздочетами.

Въ Колхидѣ тоже нашелъ онъ людей образованныхъ, которые хорошо знали о Египтѣ и хранили въ памяти историческія предавіи. Въ Скиоіи большая часть свѣдѣній объ отдаленныхъ народахъ была доставлена ему странствующими купцами, скискими и греческими. Эти свѣдѣнія отрывисты и сбивчивы, въ чемъ конечно вина не Геродота, который самъ сомнѣвается въ справедливости приводимыхъ имъ показаній. Укертъ ⁴⁾ справедливо замѣтилъ, что свѣдѣнія эти подобны тѣмъ, которыя долго получаемы были въ Европѣ черезъ посредство туземцевъ и европейскихъ разнощиковъ о внутренности Африки, Китая, Средней Азіи и Америки. Самые замѣчательные предметы нерѣдко ускользаютъ отъ вниманія таковыхъ людей или, по крайней мѣрѣ, пропускаются въ ихъ разсказахъ. Такимъ образомъ случилось, что Геродоту, по разсказамъ, извѣстенъ былъ сѣверный берегъ Каспійскаго моря, а между тѣмъ, Волга осталась ему неизвѣстною, или, по крайней мѣрѣ, сомнительно, зналъ ли онъ что либо о ней. Но, кромѣ разсказовъ, Геродотъ очевидно пользовался и чужеземными письменными источниками, которые въ его время были совершенно недоступны грекамъ. Приводимое раздѣленіе Персіи на сатрапіи и исчисленіе податей носятъ характеръ официальныхъ источниковъ. Въ наше время, когда разобраны были нѣкоторыя гвездеобразныя надписи въ развалинахъ Персеполиса, свѣдѣнія, доставленные Геродотомъ, приобрѣли блестящее подтвер-

1) I, 183.

2) II, 104.

3) IV, 81.

4) Skythien, 33.

ждение. Наконецъ, Геродотъ не могъ бы, безъ пособія туземныхъ письменныхъ источниковъ, описать столь отчетливо полный составъ несмѣтнаго ополченія Ксеркса.

Все это показываетъ, до какой степени важны творенія Геродота для познанія древней исторіи и древней географіи Азии, даже оставляя въ сторонѣ личныя его высокія дарованія. Но онъ не чуждъ и недостатковъ, которыхъ, впрочемъ, едва ли возможно было ему избѣжать. Главнѣйшіе проистекаютъ изъ того, что ему чуждо было великое пособіе географическихъ картъ. По сему относительное положеніе странъ у него большею частію выходитъ весьма неясно; разстоянія, для измѣренія которыхъ принимаетъ онъ различныя единицы, невѣрны и только увеличиваютъ запутанность. Эти недостатки породили величайшія разногласія и безконечные споры между учеными толкователями Геродота.

Понтъ Евкиспскій отдѣлялъ Кавказскій перешеекъ отъ земель, наиболѣе извѣстныхъ Геродоту; по сему мы, прежде всего, рассмотримъ, какое понятіе имѣлъ онъ объ этомъ морѣ. Онъ пишетъ ¹⁾, что изъ всѣхъ морей, это есть самое удивительное. Оно имѣетъ 11100 стадій (1642 вер.) длины на 3300 стадій (488 в.) ширины въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно наиболѣе широко. Далѣе Геродотъ объясняетъ, что эти разстоянія вымѣрены по примѣрной скорости хода кораблей. Море имѣетъ наибольшую длину по направленію отъ Босфора Фракійскаго до устья Фазиса, а наибольшую ширину отъ Сивдики до Темискиры (т. е. отъ Тамани до точки азіатскаго берега, лежащей на томъ же меридіанѣ). Отъ устья Истра (Дуная) до Босфора Киммерійскаго вдоль берега Геродотъ считаетъ 4000 стадій (592 в.), а отъ послѣдняго до устья Фазиса 6000 ст. (888 в.). Разстоянія эти непонятнымъ образомъ преувеличены. Наибольшая длина Чернаго моря не превышаетъ 900, а ширина 470 верстъ. Такимъ образомъ, Геродотъ считалъ Кавказ-

1) IV, 85.

скій перешеекъ гораздо болѣе отдаленнымъ отъ Греціи, чѣмъ дѣйствительно. Сверхъ того, онъ имѣлъ самое превратное понятіе объ астрономическомъ положеніи и очертаніи Понта Евксинскаго. Устья Истра (Дунай), по мнѣнію его, находятся прямо противъ Синопа, т. е. на одномъ меридіанѣ, а Синопъ прямо противъ устья Нила ¹⁾. Отсюда видно, что Босфоръ Киммерійскій отодвинуть имъ далеко на востокъ противъ настоящаго его положенія, или, лучше сказать, на сѣверо-востокъ. Отъ этого преувеличилось разстояніе между Босфоромъ Киммерійскимъ и Фазисомъ, которое, считая по всемъ изгибамъ берега, не превышаетъ 520 верстъ. Впрочемъ, это послѣднее разстояніе Геродотъ выражаетъ слѣдующими словами ²⁾: «отъ Болота Меотійскаго до Фазиса и Колхиды считаютъ 30 сутокъ для хорошаго пѣшехода». Суточный переходъ Геродотъ полагаетъ въ 200 стадій (немногомъ болѣе 29½ верстъ) ³⁾; такъ какъ восточнымъ берегомъ Чернаго моря идти вообще весьма затруднительно, то, быть можетъ, пѣшеходное сообщеніе производилось какимъ нибудь окольнымъ путемъ, удалявшимся отъ моря. Во всякомъ случаѣ, изъ словъ Геродота можно заключить, что въ его время производилось постоянное пѣшеходное сообщеніе отъ Ріона до Кубани; въ исторіи Митридата Великаго мы встрѣтимъ еще болѣе положительное на то доказательство. Въ наше время такое сообщеніе прекратилось.

Геродотъ съ весьма невыгодной стороны описываетъ климатъ сѣвернаго побережья Чернаго моря и страны, окружающей Азовское. «Зима, говоритъ онъ, такъ сурова и холодъ такъ неносенъ въ продолженіе цѣлыхъ восьми мѣсяцевъ, что грязь на землѣ образуется только разведеннымъ огнемъ, а не пролитой водой. Море (Азовское) даже замерзаетъ въ этомъ ужасномъ кли-

1) II, 34.

2) I, 104.

3) IV, 101.

матѣ, равно какъ и весь Босфоръ Киммерійскій; скіоны проходятъ цѣлыми отдѣленіями по льду и проѣзжаютъ въ повозкахъ до земли индовъ (сидовъ). Такъ зима продолжается восемь мѣсяцевъ; остальные четыре все таки холодно. Зима въ этихъ странахъ совершенно особая. Въ продолженіе ея дождь идетъ такъ рѣдко, что не стоитъ и говорить, а лѣтомъ идетъ безпрерывно. Лошади переносятъ этотъ холодъ, но ослы и мулы не могутъ, хотя въ другихъ мѣстахъ лошади пропадаютъ отъ мороза, а ослы и мулы выдерживаютъ его легко. Мы уже выше сказали, что въ старинныхъ спискахъ Геродота встрѣчается названіе индовъ, а не сидовъ, но обстоятельству этому, какъ кажется, не стоитъ придавать важности. Достаточно, что Геродотовы инды находятся совершенно тамъ же, гдѣ сиды другихъ писателей, т. е. около устья Кубани. Кромѣ сидовъ и колховъ, Геродотъ не называетъ ни одного народа вдоль восточнаго берега Чернаго моря, между тѣмъ какъ другіе писатели насчитываютъ ихъ тамъ множество. Изъ этого можно заключить, что берегъ этотъ мало извѣстенъ былъ Геродоту и что изъ Колхиды въ Сгноію или изъ Склоіи въ Колхиду проѣхалъ онъ моремъ. Обратимъ вниманіе также на то, что, по словамъ Геродота, жители Тавриды ходили для разбоевъ или для торговыхъ промысловъ на восточный берегъ Азовскаго моря и на Кубань, а не наоборотъ.

Азовское море Геродотъ иногда называетъ просто Мэетисъ ¹⁾, въ другихъ мѣстахъ называетъ онъ его озеромъ Меотійскимъ. Такъ говорить онъ ²⁾, что Танаисъ беретъ начало свое въ весьма далекой странѣ, изъ большаго озера и впадаетъ въ другое озеро еще большее, которое называется Меотійскимъ и раздѣляетъ парскихъ скивовъ отъ сауроматовъ. Озеро Мэетійское выливается въ Понть Евксинскій, оно немногимъ менѣ этого моря и называется

1) IV, 86, 45.

2) IV, 57.

матерью Понта. Весьма вѣроятно, что древнее названіе Азовскаго моря дѣйствительно произошло отъ слова *маія*, кормилица, на дорическомъ діалектѣ ¹⁾, такъ какъ озеро Мэетійское, по древнѣйшимъ понятіямъ, питало водами своими Понтъ Евксинскій. Величина Азовскаго моря еще болѣе преувеличена у Геродота, чѣмъ величина Понта Евксинскаго; такъ какъ, оба моря, по словамъ его, почти одинаковой величины. Такъ какъ западный берегъ Азовскаго моря былъ извѣстенъ Геродоту, то въ воображеніи его море распростраилось далеко къ сѣверо-востоку и востоку, слѣдовательно занимало большую часть нынѣшней Черноморіи и часть земли Донскихъ казаковъ. Танаисъ, по словамъ Геродота, впадаетъ въ загибъ Мэетиса. Эта рѣка привимаема была болѣею частію древнихъ писателей до Геродота и послѣ Геродота за границу между Европой и Азіей, по Геродоту находитъ это общее мнѣніе неосновательнымъ и налагаетъ свое собственное о раздѣленіи земли. «Не могу понять, пишетъ онъ ²⁾, почему, земля одна, а ей даютъ три различныя имени и имени женскія, и почему принимаютъ за предѣлы Азіи Нилъ, рѣку египетскую и Фазисъ, рѣку колхидскую, или, какъ другіе думаютъ, Танаисъ, озеро Мэетійское и городъ Портмеію (на Крымскомъ берегу Таманскаго пролива). И не могъ доискаться, ни какъ назывались тѣ, которые такъ раздѣлили земли, ни откуда взяли они данныя ей имена». Въ другомъ мѣстѣ ³⁾: «не могу не смѣяться, видя людей, которые описываютъ округность земли и, безъ всякаго основанія, думаютъ, что она кругла, какъ бы обточена, что Океанъ окружаетъ ее со всѣхъ сторонъ и что Азія равна Европѣ». Замѣтимъ, что Геродотъ согласенъ съ противниками своими, что земля имѣетъ плоскій видъ, но только сомнѣвается, чтобы она имѣла видъ круга; затѣмъ дѣлаетъ онъ очеркъ строенія земли ⁴⁾:

1) *Ritter*: Vorhalle etc., 58.

2) IV, 45.

3) IV, 36.

4) IV, 37 и сл.

«страна, занимаемая персами, простирается до южнаго моря, называемаго Эритрейскимъ. Выше къ сѣверу живутъ мидяне, выше мидявъ сапиры, а за сапирами колхи, прикасающіеся къ сѣверному морю (Понту Евксинскому), въ который впадаетъ Фазисъ. Эти четыре народа простираются отъ моря до моря». Это пространство земли Геродотъ принимаетъ, такъ сказать, за туловище Азіи и говоритъ, что къ этому туловищу прикрѣплены два полуострова съ западной стороны: одинъ начинается у Фазиса и идетъ вдоль Понта Евксинскаго до Геллеспонта; другой начинается у персовъ, простирается до моря Эритрейскаго и заключаетъ въ себѣ Персію, потомъ Ассирію и Аравію. Страны къ востоку отъ персовъ, мидявъ, сапировъ и колховъ граничатъ съ одной стороны моремъ Эритрейскимъ, а съ сѣверной Каспійскимъ моремъ и Араксомъ, который течетъ къ восходу солнечному. Азія обитаема до Индіи; далѣе къ востоку простираются пустыни, которыхъ никто не знаетъ и о которыхъ ничего нельзя сказать вѣрнаго. Мы ниже объяснимъ, что все, что говоритъ Геродотъ объ Араксѣ, преисполнено самыхъ грубыхъ и даже непростительныхъ ошибокъ, составляющихъ рѣзкую противоположность со всегдашнею его осмотрительностію. Покуда ограничимся замѣчаніемъ, что здѣсь подъ Араксомъ должно подразумѣвать Яксартесъ (Сырѣ-Дарью). Такимъ образомъ, если бы Геродотово разграниченіе между Европой и Азіей было принято нынѣшними географами, то отъ Азіи отошли бы Сибирь, Киргизъ-Кайсацкая степь, Астраханская губернія и весь сѣверный Кавказъ. Европа, по мнѣнію Геродота, превосходитъ длиною свсей (т е. стъ запада къ востоку) обѣ другія части свѣта, но не можетъ сравниться съ ними въ отношеніи къ ширинѣ. Никто въ свѣтѣ до сихъ поръ не знаетъ, говоритъ Геродотъ, омывается ли Европа моремъ съ восточной и сѣверной сторонъ. О морѣ, омывающемъ Еврепу со стороны запада, Геродотъ слышалъ ¹⁾, но не отъ очевидцевъ, и потому сомнѣ-

1) III, 115.

вается во всемъ, что о немъ разсказываютъ.

Геродотъ, совершенно согласно съ Скилаксомъ, говоритъ, что вверхъ по лѣвому берегу Танаиса живутъ сауроматы ¹⁾. Земля ихъ простирается на 15 дней ходу (то есть верстъ на 450), въ ней нѣтъ никакихъ деревьевъ, ни фруктовыхъ, ни дикихъ. Отсюда можно заключить, что сауроматы занимали всю южную часть земли Донскихъ казаковъ до Царицына или до мѣста, гдѣ Волга наиболѣе сближается съ Дономъ. Сауроматы управлялись царями ²⁾, и, судя по роли, которая имъ назначалась въ войнѣ противъ Дарія Истаспа, должно заключить, что это былъ народъ многочисленный и воинственный. Мы выше видѣли, что Скилаксъ называетъ гюнайкобратуменами, т. е. *жесткоуправляемыми*, одно изъ сауроматскихъ племенъ. Въ Геродотѣ находимъ объясненіе этого названія, хотя, впрочемъ, оно можетъ быть отнесено ко всѣмъ сауроматамъ, а не къ одному какому нибудь племени ихъ. Вотъ какое было преданіе о происхожденіи сауроматовъ ³⁾.

«Въ то время какъ греки воевали съ амазонками, которыхъ скионы называютъ *аюртама*, что значитъ убивающія мужчинъ, потому что *аюр* по скионски значитъ мужчина, а *тама* убивать; въ то время, говорю я, когда они воевали съ ними и одержали побѣду на берегахъ Термодона, то, какъ разсказываютъ, увезли съ собою на трехъ корабляхъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ могли захватить въ плѣнъ. Посреди открытаго моря, плѣнники бросились на своихъ побѣдителей и умертвили ихъ. Но такъ какъ онѣ ничего не смыслили въ мореплаваніи, то, умертвивъ мужчинъ, поплыли даяле по произволу волнъ и вѣтровъ и, наконецъ, пристали въ Кремвахъ (Κρημνῶν) на болотѣ Местійскомъ. Тутъ онѣ вышли на берегъ, захватили первый попавшійся имъ табунъ лошадей и на-

1) IV, 21.

2) IV, 119.

3) IV, 110 и сл.

чали опустошать земли скивовъ. Далѣе Геродотъ рассказываетъ, что скивы не вдругъ догадались, что на нихъ напали женщины и потому вступили съ ними въ сраженіе, но потомъ открыли истину, осмотрѣвъ тѣла убитыхъ. Тогда рѣшились они выслать противъ amazокъ только молодыхъ людей, которымъ приказали не выпускать ихъ изъ виду, не нападать на нихъ и самими уклоняться отъ боя. Черезъ нѣсколько дней amazки начали постепенно знакомиться съ молодыми скивами и, наконецъ, оба лагеря соединились въ одинъ и скивы взяли себѣ въ жены amazокъ. Послѣдніе уговорили мужей своихъ, отложиться отъ остальнаго народа, покинуть родину и поселиться за Танаисомъ. Сауроматы суть потомки этихъ выселившихся за Танаисъ скивовъ и amazокъ. Геродотъ говоритъ, что жены сауроматовъ сохранили старыя обычаи: онѣ ѣздятъ верхомъ, ходятъ въ охоту, иногда одѣваются съ мужьями. Онѣ не отстаютъ отъ послѣднихъ на войнѣ, и носятъ мужское платье. Сауроматы говорятъ скивскимъ языкомъ, но нечисленнымъ, потому что amazки не могли ему хорошо научиться. У нихъ заведено такъ, что дѣвушка не можетъ выйти замужъ, пока не убьетъ непріятеля. Многія, не успѣвъ выполнить этого закона, умираютъ старыми дѣвами.

Весь этотъ рассказъ, безъ сомнѣній, чистая басня, которую Геродотъ вѣроятно слышалъ отъ борисоенскихъ грековъ и перенесъ въ томъ видѣ, въ какомъ слышалъ. Но въ этой баснѣ заключаются весьма важныя историческія указанія. Легко объяснить себѣ, откуда взялась она. Сауроматы жили въ открытой безлѣсной степи, которая въ нынѣшнее время весьма хорошо извѣстна. Жизнь вели они преимущественно кочевую, все богатство ихъ заключалось въ табунахъ лошадей. Совершенно посреди такихъ же условій жизни и въ той же степи встрѣчаемъ мы теперь калмыковъ и киргизовъ. Путешественниковъ наиболѣе поражаетъ у этихъ народовъ то, что образомъ жизни, занятіями, привычками женщины весьма мало отличаются отъ мужчинъ. Съ дѣтства, по-

азійскими. Амазонкамъ приписывали построение многихъ городовъ въ Малой Азіи, какъ то Синопа и Смирны.

Если бы можно было устранить несбыточность самаго общественаго устройства амазенокъ, то въ древнѣйшей исторіи *амазонскаго народа* не представлялось бы ничего невѣроятнаго, напротивъ, свѣдѣнія о немъ показались бы весьма опредѣлительными. Это былъ бы народъ, который, согласно общему показанію историковъ и поэтовъ, жилъ первоначально на Термодонѣ, откуда распространилъ свои завоеванія на западъ, потомъ, претерпѣвъ въ свою очередь пораженія, исчезъ, засвидѣтельствовавъ о своемъ существованіи множествомъ памятниковъ. Таковое замѣненіе не можетъ быть допущено. Термодонъ съ городомъ Темискирой всегда почитаемы были классическою страню дѣятельности амазенокъ; Ферекидъ говоритъ, что онѣ произошли отъ союза бога войны Ареса съ Гармоніей на Термодонѣ, но другіе почитали ихъ пришельцами въ этой странѣ. Мы видѣли, что у Есхила Прометей предсказываетъ амазонкамъ, живущимъ у Кавказа, что онѣ вѣкъ-когда поселятся на Термодонѣ. Было также преданіе ¹⁾, что два скиоскіе царевича, Илинъ и Сколопитъ, изгнанные изъ родины вельможамъ, поселились съ большимъ числомъ приверженцевъ на Термодонѣ, откуда начали опустошать сѣвѣднія страны. Наконецъ, всѣ переселенцы мужскаго пола были истреблены возставшими сосѣдними народами; уцѣлѣли одиѣ лишь женщины, которыя взялись за оружіе, основали государство и назвали амазонками. Такимъ образомъ видимъ мы, что не только страню позднѣйшаго переселенія, но и первоначальной отчизной амазенокъ почитаемы были то Кавказъ, то Скиоія.

Въ вопросѣ объ амазонкахъ такъ же, какъ то было въ отношеніи къ Аргонавтамъ и Прометею, предстоитъ разрѣшить двѣ

1) Юстинъ, II, 44.

стороны задачи: во первыхъ откуда взялось у грековъ это понятіе о воинственныхъ женщипахъ и во вторыхъ, почему отыскиваемые онѣ были на Кавказскомъ перешейкѣ?

Прежде всего обратимъ вниманіе на самое названіе амазонокъ. Большею частію придаютъ этому названію греческое происхожденіе, производя его отъ *a*—безъ и *mazos*—грудь, т. е. амазонки значуть: *безгрудныя*. Въ числѣ множества повѣрій объ амазонкахъ, греки рассказывали, что онѣ имѣли обыкновеніе выжигать у дочерей своихъ правую грудь для того, чтобы послѣднимъ удобнѣе было стрѣлять изъ лука. Трудно повѣрить, чтобы греки избрали именно такую противувѣщную примѣту для приисканія названія воинственнымъ женщипамъ, которыя всегда изображались у нихъ въ полномъ развитіи роскошной красоты, сколько можемъ мы судить по всѣмъ дшедшимъ до насъ изображеніямъ амазонокъ. Скорѣе можно думать, что названіе это есть чужеземное, во передѣлано было на греческій ладъ, и что, наконецъ, самое повѣрье о ~~выжиганіи груди~~ произошло отъ случайно образовавшагося значенія, на подобіе ~~лицеринныхъ Глазъ~~ сауроматовъ. Клапротъ думаетъ, что названіе это есть персидское *hemeh zen*, *ось жены*. Само собою разумѣется, что совершенно съ такою же степенью вѣроятія можно производить это названіе отъ русскаго: *самы жены*, тѣмъ болѣе, что персидская и русская фразы тождественны и по происхожденію и по значенію. Замѣтимъ, впрочемъ, что окончаніе названія амазонокъ весьма вѣроятно произошло отъ *zen*, жена. Но самое положительное объясненіе, какъ названія амазонокъ, такъ и самого мифа объ амазонкахъ, находимъ мы въ той странѣ, гдѣ слѣдъ, по мнѣнію древнихъ, совершили знаменитѣйшіе подвиги свои, въ странѣ, прилежащей съ южной стороны къ Понту Евксинскому и орошаемой Галисомъ (Кизиль-Ермакомъ) и Термодовомъ.

Эта страна обитаема была издревле народомъ, который греки называли сирійцами или, для отличія отъ обитателей Сири,

Бѣлыми сирійцами, левкосирами. Объ этомъ народѣ знаемъ мы, что у него существовалъ обычай обрѣзанія ¹⁾; названіе, которое давали ему греки, подаютъ поводъ думать, что народъ этотъ былъ симитскаго происхожденія, но это средлоположеніе опровергнуто изслѣдованіями новѣйшихъ ученыхъ ²⁾. Персы называли народъ этотъ Катпадука, и это названіе, въ видѣ каппадокійцевъ, въ послѣдствіи времени вытѣснило изъ употребленія древнее. Во всякомъ случаѣ, религія жителей въ томъ видѣ, какъ она намъ изображена Страбономъ, обнаруживаетъ тѣсную связь съ древними симито-кушитскими вѣрованіями западной Азии. Здѣсь съ незапамятныхъ временъ существовали великолѣпнѣйшіе храмы, сооруженные въ честь богини Ма; самый знаменитый находился въ городѣ Команѣ. Страбонъ рассказываетъ ³⁾, что первосвященникъ этого храма обыкновенно избираемъ былъ изъ царскаго семейства и что при храмѣ находилось болѣе 6000 прислужниковъ обоаго пола. Богиня Ма была всинственное, дѣвственное божество, въ которой греки видѣли свою Артемиду, а римляне Беллону, но характеристическими свойствами своими сближается она съ сирійской богиней, дѣвственной, кровожадной Астарте. Мы знаемъ, что служеніе этой богини производилось дѣвами и юношами, но дѣвы обязаны были всегда хранить свое цѣломудріе, а юноши дѣлались евнухами. Дѣвственныя священнослужительницы, іеродулы, ходили вооруженныя; въ известные дни производили онѣ въ честь богини пляски, сопровождаемыя востовыми криками, взвугленіемъ и, наконецъ, кровопролитіемъ. Это производилось въ сообществѣ мужчипъ-евнуховъ. Такое служеніе съ береговъ Термодона далеко распространилось на западъ Малой Азии. Въ знаменитомъ храмѣ Діаны въ Ефесѣ всѣ жрецы были евнухами.

1) Геродотъ, II, 104.

2) Gesenius: Geschichte der hebr. Sprache, § 4, 4—5.

3) XII, 535.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что эти вооруженныя священнослужительницы богини Ма на Термодонѣ, посреди жрецовъ-скопцовъ, подали грекамъ поводъ къ созданію мѣа объ амазонкахъ¹⁾. Мнимыя завоеванія амазонокъ въ Малой Азіи изображаютъ распространеніе служенія богинѣ Ма, Артемидѣ, Діанѣ. Города, основанныя амазонками, суть храмы, освященные въ честь этой богини, вокругъ которыхъ скопилось народонаселеніе, построившее города. Наконецъ, быть можетъ, пораженіе, претерпѣнное амазонками въ Аевинахъ изображаетъ упадокъ служенія богинѣ Ма: могилы амазонокъ суть покинутыя святилища ея. Наконецъ, самое имя ихъ, по всей вѣроятности, находится въ связи съ именемъ богини Ма, которое встрѣчается также въ Амма, Амме, кормилица. Этотъ эпитетъ, повидимому, не соотвѣтствуетъ дѣвственности богини, но припомнимъ себѣ, что противоположныя качества обыкновенно соединяемы были въ одномъ божествѣ у кувитовъ-симитовъ, которые равно обоготворяли и плодородіе и безплодіе.

По всей вѣроятности, до грековъ дошли преувеличенные слухи о вооруженныхъ іеродулахъ задолго прежде, чѣмъ они успѣли лично ознакомиться съ страной, орошаемою Галлсомъ и Термодовомъ. Во времена Гомера страна эта была еще имъ неизвѣстна, хотя и знали они уже объ амазонкахъ. Лѣтъ за 800 до Р. Х. милезійцы основали колонію въ Синоцѣ, и берега Термодона сдѣлались доступными грекамъ. Тамъ нашли они служеніе богинѣ Ма, но ничего такого, чтобы соотвѣтствовало рассказамъ о сильномъ женскомъ государствѣ амазонокъ. Это не поколебало вѣрованія въ старыя преданія: возникла мысль, что амазонки, вслѣдствіе понесенныхъ ими пораженій, покинули берега Термодона и перешли куда то вдаль. Но въ тоже время греки ознакомились съ Тавридой, съ берегами Азовскаго и съ восточнымъ берегомъ Чернаго морей. Въ Тавридѣ нашли они служеніе дѣвственной богинѣ, которой туземцы приносили въ жертву лю-

1) *Duncker: Gesch. des Alterth., I, 235.*

дей; въ Донской степи нанли они народы, у которыхъ женщины умѣли управлять и ковать и лужить; до грековъ дошли слухи, что далѣе еще къ востоку живутъ народы, которые управляются царицами и что эти царицы воюють съ персами и мидянами. Этого достаточно было для убѣжденія въ томъ, что амазонки съ Термодона различными путями перебрались на Тапамъ, на Кавказъ и далѣе еще за Каспій. Приведемъ здѣсь еще одно замѣчательное сближеніе. У черкесовъ (адыговъ) теперь еще существуетъ обычай надѣвать на дѣвушекъ корсеты, которые бы препятствовали развитію груди. Это дѣлается вовсе не для красоты стана, какъ то пишутъ нѣкоторые путешественники, но вслѣдствіе переутопченыхъ понятій о целомудріи и дѣвичьей стыдливости. Развратная грудь считается принадлежностію замужнихъ женщинъ, постыдною для дѣвушекъ. Нѣтъ никакого повода думать, чтобы этотъ обычай былъ позднѣйшаго происхожденія, чтобы не существовалъ онъ въ горахъ восточнаго берега Чернаго моря еще въ то время, когда впервые греки познакомились съ ними. Эти безгрудыя горячки могли назваться амазонками, согласно буквальному значенію этого слова на греческомъ языкѣ, хотя у классическихъ писателей не находимъ мы никакого намека на таковой обычай Кавказскихъ горцевъ. Но всего замѣчательнѣе то, что у черкесовъ до сихъ поръ сохраняется преданіе о воинственныхъ женщинахъ. Это преданіе записано былъ Рейнегсомъ ¹⁾ и потомъ повѣрено другими путешественниками ²⁾. Вотъ въ чемъ оно заключается. Въ то время, рассказываютъ черкесы, когда предки наши жили еще на берегахъ Чернаго моря, имѣли они частыя войны съ *еммечъ*. Такъ назывались воинственныя женщины, жившія около Сванетіи и къ востоку до Ахло-Кабакъ (въ Малой Кабардѣ). Онѣ не пускали къ себѣ мужчинъ, но при-

1) *Reineggs*: Beschreibung des Kaukasus, I, 238.

2) *Pototzky*: Voyage dans les steppes etc., I, 225, II, 77.

нимали всѣхъ женщинъ, которыя желали участвовать въ военныхъ подвигахъ ихъ. Нѣкогда, послѣ многихъ переворотовъ военного счастья, оба ополченія сошлись для рѣшительнаго боя. Вдругъ предводительница еммечей, которая слыла за великую пророчицу, потребовала свиданія наединѣ съ Тульме, предводителемъ черкесовъ, который тоже обладалъ даромъ пророчества. Поставленъ былъ шатеръ, въ которомъ сошлись пророкъ съ пророчицей. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ, предводительница еммечей вышла изъ шатра и объявила своимъ женщинамъ, что она, склонясь на вѣщія убѣжденія Тульме, вступаетъ съ нимъ въ супружество, прекращаетъ вражду и что оба ополченія должны послѣдовать примѣру своихъ военачальниковъ. Такъ и случилось. Женщины вступили въ супружество съ черкесами и разошлись съ ними по настоящимъ жилищамъ ихъ. Эта туземная легенда такъ близко подходитъ къ разсказу Геродота о происхожденіи саурматовъ, что можно думать, что она дошла до слуха греческихъ колонистовъ, которые передали ее Геродоту съ легкими добавленіями и съ измѣненіемъ театра дѣйствія. Даже названіе еммечъ близко подходитъ къ названію амазонокъ, если откинуть окончаніе и припомнить себѣ, что въ греческомъ алфавитѣ нѣтъ буквы *ч*. Мѣстныя, будто бы въ глубинѣ Кавказскихъ горъ, и именно къ сѣверу отъ Сванетіи, вблизи Эльбруса, живутъ воинственные женщины, существовало въ Мингреліи не далѣе какъ за два вѣка тому назадъ. Отецъ Ламберти ¹⁾ разсказываетъ, что сванеты и карачаевцы отразили напавшихъ на нихъ черкесовъ и что въ числѣ убитыхъ найдено было множество женскихъ тѣлъ. Дадіану приписано было полное вооруженіе этихъ женщинъ и отецъ Ламберти описываетъ его во всей подробности. Дадіанъ, присовокупляетъ оное, объявляя, что дастъ большую награду тому, кто приведетъ къ нему одну

1) Recueil de voyages au Nord, VII, pp. 180, 181.

изъ этихъ женщинъ живою. Во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнiя въ томъ, что преданiя о воинственныхъ женщинахъ издревле ведутся на цѣломъ Кавказскомъ перешейкѣ. Множество встрѣчается такъ называемыхъ *кыз-кала*, дѣвичьихъ крѣпостей, которыя такъ названы не потому, что онѣ сохранили свою дѣвственность, не бывъ никогда взяты. О каждой изъ нихъ ведется преданiе, что она нѣкогда обороняема была дѣвами.

Возвратимся къ дальнѣйшему разбору Геродотовыхъ сказанiй о Кавказѣ.

Походъ Дарiя въ Скию, — явленiе безпримѣрное въ исторiи вѣковой борьбы Европы съ Азiей, — описанъ Геродотомъ съ большими подробностями, но для насъ онъ весьма теменъ, и остается таковымъ, несмотря на все остроумiе и ученость толкователей. Важнѣйшее недоумѣнiе возникаетъ изъ того, что весь походъ Дарiя по Скии, отъ переправы черезъ Дунай до обратной переправы, продолжался, по словамъ Геродота, немногимъ болѣе 60 сутокъ ¹⁾, а, между тѣмъ, судя по описанiю, должно заключить, что Дарiй успѣлъ въ эти два мѣсяца пройти съ ополченiемъ, состоявшимъ изъ 700,000 человекъ, необъятное пространство земли, заключающее въ себѣ нѣсколько тысячъ верстъ и, притомъ, шель по краю опустошенному, крайне скудному водою и кормомъ; если не принять въ соображенiе ни времени, потребнаго для такого похода, ни совершенной невозможности продовольствоваться на походѣ столь огромнаго ополченiя, то, конечно, изъ описанiя Геродотова можно заключить, что Дарiй отъ Дуная шель къ востоку до самаго Дона, черезъ который переправился нѣсколько выше великаго поворота рѣки къ юго-западу; студа продолжалъ движенiе къ сѣверу до Волги (Оароса), которой достигъ по близости Саратова. Здѣсь онъ остановился и началъ строить шесть крѣпостей, непонятно, по какимъ военнымъ соображенiямъ. Рит-

1) IV, 126.

терь даже полагаетъ, что тутъ были религіозныя побужденія ¹⁾. Но, видя себя вѣроятно въ столь же затруднительномъ положеніи, какъ Наполеонъ въ Москвѣ, Дарій оставилъ крѣпости свои не оконченными, повернулся къ западу, прошелъ черезъ нынѣшнія Саратовскую, Воровежскую, Курскую, Орловскую, Черниговскую, Кіевскую, Вольскую губервіи и черезъ Галицію до Карпатскаго хребта, откуда черезъ Буковину и Молдавію воротился къ мосту на Дунаѣ, который въ продолженіе всего похода охраняемъ былъ іонійцами. Таковой походъ совершенно невозможенъ, даже если бы предположить, что Дарій пробылъ въ Скиіи гораздо долѣе двухъ мѣсяцевъ. Во всякомъ случаѣ походъ его составляетъ несомнѣнное историческое событіе. Геродотъ посѣтилъ Скиію не болѣе, какъ лѣтъ пятьдесятъ спустя, когда живое преданіе сохранялось еще во всей свѣжести. Въ эти предположенія отчасти объясняются тѣмъ, что великія рѣки, орошающія Россію и принадлежащія къ бассейнамъ Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго морей, были болѣе или менѣе извѣстны греческимъ колонистамъ въ Скиіи только пловьями своими или тѣми частями теченія, которыя пересѣкали торговые пути; полнаго понятія о теченіи этихъ рѣкъ отъ истока до устья они не имѣли. Рѣки, которыя протекали вглуби Россіи и о которыхъ доходили до нихъ лишь смутныя слухи, связывали они въ воображеніи съ тѣми, которыя извѣстны имъ были, какъ очевидцамъ. Все это повлекло за собою крайнюю запутанность въ понятіяхъ грековъ о гидрографіи Скиіи, и эта запутанность отразилась въ описаніи Геродота. Дарій въ походѣ своемъ не коснулся ни одного изъ греческихъ городовъ, существовавшихъ уже въ его время на сѣверномъ берегу Понта Евксинскаго; поэтому подробности похода его извѣстны были грекамъ только изъ рассказовъ туземцевъ. Рѣки, черезъ которыя онъ переправлялся, могли быть притоками Днѣстра, Буга

1) Vorhalle etc., 13.

или Дибра, а между тѣмъ эти побочныя рѣки греки принимали за главныя, впадающія въ Понть Евксинскій и озеро Меотійское: таковой счетъ переиравамъ и рѣкамъ растлцуулъ походъ Дарія до нефроятныхъ предѣловъ. Во всякомъ случаѣ счетъ великимъ рѣкамъ, протекающимъ внутри Россіи, не могъ сходитьсѣ съ счетомъ устій великихъ рѣкъ, впадающихъ въ Черное море съ сѣверной стороны: греки заключили, что эти рѣки впадаютъ въ озеро Меотійское съ восточной стороны. Мы выше сказали, что Азовскому морю греки придавали чрезвычайно преувеличенные размѣры и повидимому далеко распространяли его на востокъ и на сѣверо-востокъ. Такимъ образомъ Геродотъ говоритъ ¹⁾, что выше, т. е. сѣвернѣе страны сауроматовъ, живутъ будины, у которыхъ произрастаетъ множество всякаго рода деревьевъ; къ сѣверу отъ будиновъ находится пустыня на 7 дней пути (т. е. верстъ на 200); за этой пустыней живутъ оиссагеты, изъ страны которыхъ вытекаютъ четыре великія рѣки: Ликось, Оарось, Танаисъ и Сиргисъ, которыя впадаютъ въ озеро Меотійское, оросивъ земли меотовъ ²⁾. Кромѣ Танаиса, названія всѣхъ этихъ рѣкъ для насъ непонятны, потому что тутъ дѣло не можетъ идти о Кубани, а всѣ прочія рѣки, впадающія въ Азовское море, незначительны. Геродотъ не назвалъ бы ихъ великими и не сталъ бы искать источниковъ ихъ въ глуби Россіи. Очень вѣроятно, что Оарось означаетъ Волгу: быть можетъ греки знали эту рѣку только выше Царицына, на томъ протяженіи ея теченія, гдѣ она имѣетъ направленіе къ юго-западу, т. е. къ сторонѣ Азовскаго моря. Изъ этого обстоятельства заключили они, что она впадаетъ въ это море. Изъ числа новѣйшихъ толкователей ³⁾, одни видятъ въ этихъ рѣкахъ Уралъ и Волгу; другіе одни лишь притоки Дона. Утвердительно можно сказать лишь то, что подъ этими име-

1) IV, 21.

2) IV, 123.

3) *Uckerl: Skythien*, 199.

нами не должно отыскивать которой либо изъ рѣкъ, дѣйствительно впадающихъ въ Азовское море съ восточной стороны.

Дарій, по словамъ Геродота, предпринялъ походъ противъ скиноовъ для того, чтобы отомстить имъ за вторженіе въ Мидію и за то, что въ продолженіе двадцати восьми лѣтъ господствовали они въ Верхней Азіи. Мищеніе довольно запоздалое, потому что скинои окончательно выгнаны были изъ Азіи въ 605 году до Р. Х., а походъ Дарія должно отвести къ 512 году. Говоря о библейскихъ Гомерѣ и Магогѣ, мы изложили разсказъ Геродота о великомъ пашествіи скиноовъ на Азію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, невѣроятность мнѣнія его, будто бы это пашествіе произошло вѣдствіе преслѣдованія киммеріанъ скиноами. Киммеріане, по словамъ Геродота ¹⁾, прошли въ Азію берегомъ моря и поселились на полуостровѣ, гдѣ находится греческій городъ Синопъ; скинои же, напротивъ, шли, имѣя Кавказъ вправо; потомъ, свернувъ съ пути и направившись во внутрь страны, проникли въ Мидію. Должно думать, что великое пашествіе варваровъ на западную Азію черезъ Кавказскій перешеекъ было произведено одновременно нѣсколькими отдѣльными и даже между собою враждебными ордами. Одна изъ нихъ, меньшая, прошла восточнымъ берегомъ Чернаго моря; должно думать, что тамошніе туземцы были въ то время или весьма малочисленны или мало воинственны: иначе они не пропустили бы нашельцевъ сквозь свои земли, къ чему мѣстность такъ способствуетъ. Другая орда, болѣе многочисленная, прошла или черезъ Дарьяльское ущелье или прибрежьемъ Дагестана: послѣднее вѣроятнѣе. Встрѣтаясь въ Азіи, обѣ орды вступили между собою въ бой, что заставило думать, будто все пашествіе было преслѣдованіемъ одной орды другою. Само собою разумѣется также, что, по прошествіи двадцати восьми лѣтъ, только небольшая часть нашельцевъ успѣли возвратиться на ро-

1) IV, 12.

дину; много земли опустѣло и, потомъ, паселилось новыми пришельцами. Это обстоятельство заставило думать грековъ, которыхъ кругъ зрѣнія не распространялся далеко по Скиіи, будто вся Скиія измѣнила своихъ обитателей, что совершенно невѣроятно.

Вслѣдствіе какой то счастливой случайности, Геродотъ, которому едва ли извѣстно было существованіе Волги, приобрѣлъ весьма вѣрныя свѣдѣнія о Каспійскомъ морѣ. Незадолго до него, Гекатей Милетскій почиталъ Каспійское или Гирканское море частію рѣки-Океана; четыреста лѣтъ послѣ Геродота всѣ географы принимали Каспій за заливъ Сѣвернаго Океана. Вотъ что Геродотъ пишетъ объ этомъ морѣ ¹⁾.

«Это море есть море само по себѣ и не имѣетъ сообщенія ни съ какимъ другимъ. Все море, по которому плаваютъ греки, то, которое находится за Геркулесовыми столбами и называется Атлантическимъ, и море Эритрейское, всѣ вмѣстѣ составляютъ одно море. Каспійское море есть море само по себѣ и совершенно отличное отъ другаго. Оно имѣетъ столько въ длину, сколько судно на веслахъ можетъ пройти въ пятнадцать дней, и въ наибольшей ширинѣ столько, сколько можетъ судно пройти въ восемь дней. Кавказъ ограничиваетъ это море съ запада. Это есть величайшая изъ всѣхъ горъ, какъ по протяженію, такъ и по высотѣ. Она населена многими различными народами, изъ которыхъ большая часть питается дикими плодами. Разсказываютъ, что у этихъ народовъ провзростаетъ особый родъ дерева, котораго листья, будучи истерты и смѣшаны съ водою, доставляютъ краску, которою они рисуютъ на одеждахъ своихъ изображенія животныхъ. Вода не смываетъ этихъ изображеній, которыя, какъ бы вытѣяныя, сохраняются столько же времени, сколько и сама ткань. Увѣряютъ также, что народы эти имѣютъ открыто сообщеніе съ женами своими, какъ звѣри».

1) I, 202, 203.

Въ Геродотовомъ сказаніи особенно замѣчательно то, что онъ называетъ Каспійское море совершенно отдѣльнымъ отъ всѣхъ другихъ. Объ очертаніи его, какъ видно, имѣлъ онъ самое поверхностное и притомъ ложное понятіе. Незавѣстно, зналъ ли онъ по какому направленію море имѣеть наибольшую длину. Можно думать, что онъ полагалъ ее по направленію отъ запада къ востоку, такъ какъ Меотика у него распространена слишкомъ къ востоку и должна почти сойтись съ настоящимъ сѣвернымъ берегомъ Каспія. Ширина до чрезвычайности преувеличена въ отношеніи къ длинѣ, каковъ бы ни былъ путь судна, идущаго на востокъ. Едва ли измѣренія, представленныя Геродотомъ, можно оправдать измѣненіями уровня Каспійскаго моря. Кавказскихъ горцевъ Геродотъ изображаетъ стоящими на высшей ступени дикости, во если то, что онъ слышалъ о нихъ, и не было выдуманно, то безъ сомнѣнія относилось лишь къ немногимъ племенамъ, живущимъ въ самыхъ недоступныхъ ущельяхъ, оторвано отъ остальнаго свѣта. Обычай рисовать изображенія животныхъ на одеждахъ, сколько извѣстно, теперь нигдѣ не существуетъ между кавказскими туземцами: быть можетъ вытѣсненъ онъ строгими постановленіями ислама на счетъ живописи. Нельзя отгадать также, о какомъ красивомъ растеніи говоритъ Геродотъ. Гр. Потодкій ¹⁾ думаетъ, что о маренѣ, по разведеніе послѣдней на Кавказскомъ перешейкѣ стасится къ гораздо позднѣйшему времени.

Мы не станемъ повторять здѣсь разсказа Геродота о происхожденіи колховъ, который приведенъ нами уже выше. Геродотъ пишетъ ²⁾, что онъ лично спрашивалъ колховъ о ихъ происхожденіи, слѣдовательно онъ былъ въ ихъ странѣ. Какъ кажется, это единственное мѣсто Кавказскаго перешейка, посѣщенное Ге-

1) Voyage dans les steppes etc., II, 240.

1) II, 104.

родотомъ: быть можетъ даже, видѣлъ онъ колховъ лишь около Трапезунта. Впрочемъ онъ говоритъ ¹⁾, что, когда Сестрисъ достигъ *береговъ Фазиса*, то часть его воиновъ осталась тамъ съ его согласія для обрабатыванія земель или потому, что имъ надобла продолжительность похода. Нѣтъ сомнѣнн, что Геродотъ не называлъ Фазисомъ ²⁾ ни Аракса, ни Чореха, какъ то дѣлали другіе греческіе писатели и, слѣдовательно, весьма вѣроятно, что колховъ, потомковъ воиновъ Сестрисовыхъ, видѣлъ онъ на Ріонѣ.

Колхида представляется Геродотомъ въ видѣ звена, связывающаго сухопутно Европу съ Азіей. Все заставляетъ насъ думать, что дѣйствительно во времена Геродота и, конечно, за долго еще до него, существовало постоянное сообщеніе между прибрежьемъ Азовскаго моря и прибрежьемъ Персидскаго залива. Геродотъ какъ то выражается объ этомъ глухе, но очевидно, что это сообщеніе въ глазахъ его имѣло величайшую важность, что зналъ онъ о немъ гораздо болѣе, чѣмъ высказалъ. Отъ Колхиды считаетъ онъ, какъ мы видѣли, тридцать сутокъ холъбы до озера Меотійскаго, далѣе говоритъ онъ, что должно перейти черезъ горы, чтобы изъ Колхиды выйти въ Мидію, но что разстояніе между этими странами невелико, потому что въ промежуткѣ находится одна лишь страна сапировъ. Еще явственнѣе проявляется важность, которую Геродотъ придавалъ этому сухопутному сообщенію, тѣмъ, что оно приято имъ за основаніе для очерка цѣлой Азіи: «отъ моря Еритрейскаго до Понта Евкенискаго живутъ персы, мидяне, сапиры и колхи»; послѣ чего онъ описываетъ, что находится вправо и что влево отъ этой полосы ³⁾. Судя по пародамъ, съ которыми Геродотъ ставитъ сапировъ рядомъ,

1) II, 103.

2) IV, 86.

3) IV, 37 и сл.

должно заключить, что это былъ народъ многочисленный. Какъ видно, греки знали о существованіи Колхиды и знали о существованіи Мидіи, но имъ въ голову не входило, какъ связать эти двѣ страны одну съ другою прямымъ сообщеніемъ. Подобнымъ образомъ, теперь Америка всегда представляется намъ лежащей на отдаленномъ западѣ, а Камчатка на отдаленномъ востокѣ: если мы безъ всякаго усилія сужденія сближаемъ Камчатку съ Америкой, то это потому, что общее очертаніе земной поверхности нанечтлось въ нашей памяти, благодаря географическимъ картамъ и глобусамъ, но этого пособія не доставало современнымъ Геродоту грекамъ, и потому Геродотъ сообщаетъ имъ, въ видѣ весьма замѣчательнаго извѣстія, что отъ Колхиды до Мидіи недалеко, потому что между этими двумя странами лежитъ одна лишь страна сапировъ; впрочемъ, это вовсе не значитъ еще, чтобы народъ этотъ былъ незначителенъ. Нѣтъ сомнѣнія, что сапиры Геродота жили въ Закавказьѣ, потому что съ одной стороны мы знаемъ, что Колхида его находилась на Ріонѣ, съ другой-же, что Мидія доходила до самыхъ Каспійскихъ восторъ, т. е. до Кавказскаго хребта. Всего страннѣе, что ни одинъ изъ послѣдующихъ писателей древности ни слова не говоритъ о сапирахъ, кромѣ Аполловія Родосскаго, который въ свою поэму Аргонавтовъ безъ разбора вводилъ собственные имена Кавказскаго перешейка, заимствуя ихъ у разныхъ авторовъ. У Геродота названіе этого народа встрѣчаемъ мы не разъ: въ различныхъ кодексахъ представляется оно въ видѣ *Saspeires*, *Sappeires*, *Sapeiroi*, *Sapeires*. Уже въ древности родилась догадка, будтобы имя этого народа произошло отъ названія драгоценнаго камня *сафира*; ¹⁾ Риттеръ ²⁾ вполне принимаетъ эту догадку и думаетъ, что Геродотовы Закавказскіе сапиры были вы-

1) Scholl. ad Apoll. Argon. II, 397.

2) Vorhalle etc., 129.

ходцами изъ Индіи, что въ рукахъ ихъ была вся торговля *сафирами* и что по названію этого товара самый народъ получилъ имя у сосѣдей. Это невѣроятное предположеніе Риттеръ доказываетъ съ большимъ остроуміемъ; онъ думаетъ даже, что послѣдовательность народовъ у Геродота отъ моря Еритрейскаго до Нопта Евксинскаго изображаетъ древнѣйшій торговый путь, которымъ жемчугъ и драгоценныя камни Индіи доходили до Кавказскаго перешейка и отсюда расходились на сѣверъ и на западъ. Мы здѣсь не можемъ не обратить вниманія на то, что различныя ученыя, слѣдуя взаимно независимыми и перѣдко взаимно противоположными путями изслѣдованій, пришли къ убѣжденію, будто бы западная часть Закавказья нѣкогда превозобиловала золотомъ, жемчужомъ и драгоценными камнями, потому что сама производила всѣ эти сокровища или потому, что въ нее свозились они изъ другихъ отдаленныхъ странъ. Германскіе толкователи библіи прежнихъ временъ видѣли въ Едемской странѣ Хавилъ, «тамъ гдѣ есть золото», Колхиду, въ Фиссонѣ Фависъ (Ріонъ или Чорохъ), Индикиджанъ въ библейскомъ Офирѣ, откуда привозилось золото Соломону, видятъ армянскіе Іонуръ, Сивиръ, Совперъ, Сперъ, — Сиспиретисъ Страбона: послѣднее названіе безъ сомнѣнія, въ связи съ Геродотовымъ этническимъ названіемъ сапиры. Накопецъ, сродство съ этимъ же именемъ усматривается и въ названіи города Сибариса, столицы богатаго царя Тетеса ¹⁾. Во всякомъ случаѣ, происхожденіе этническаго названія сапиры отъ названія драгоценнаго камня весьма сомнительно. Таковою торговлею могли заниматься лишь немногія лица, а не цѣлый народъ. Мы выше сказали, что халибами назывались разсѣянные племена, которыя добывали желѣзо и имъ промышленяли, по таковое обширное занятіе можетъ дѣйствительно быть главнымъ или даже ис-

1) Діодоръ Сичил., IV, 48.

ключительнымъ цѣлаго племени и сообщить ему названіе. Таковой способности нельзя признать за торговлей однимъ родомъ драгоценныхъ камней и, притомъ, такихъ, которыхъ сама страна не производитъ. Притомъ, какъ все заставляетъ думать, Геродотовы сапиры были народъ многочисленный. Какъ мы сказали, ими отозвалось въ названіи страны Сисиеретисъ, Сперъ, Испиръ, но, если мы почти не встрѣчаемъ его у другихъ писателей древности, то это не потому, чтобы самъ народъ исчезъ въ короткое время, а вѣроятнo потому, что Геродотъ упоминаетъ о немъ на основаніи источниковъ письменныхъ или словесныхъ, которые остались недоступными другимъ авторамъ и въ которыхъ народъ этотъ названъ сапирами. Названіе это дѣйствительно находимъ мы въ Персеполисскихъ гвоздеобразныхъ надписяхъ. Если даже мы и не знаемъ, какой былъ этотъ великій народъ Закавказья, то, во всякомъ случаѣ, у Геродота находимъ мы достаточно указаній, чтобы опредѣлить, какую страну занималъ онъ. Между Колхидой и Мидіей находится Армянское плоскогоріе, но Геродотъ знаетъ о странѣ Арменія и лично видѣлъ армянъ въ Вавилонѣ ¹⁾; слѣдовательно, онъ не могъ ихъ назвать сапирами. Говоря о пастбищахъ, гдѣ паслись стада царя Астіакса, Геродотъ замѣчаетъ ²⁾, что они находились у подошвы горъ, къ сѣверу отъ Екбатаны и по направленію къ Понту Евксинскому. Въ этой части, къ сторонѣ сапировъ, Мидія гориста и покрыта лѣсами, между тѣмъ какъ вся остальная поверхность ея плоска и ровна. Горы къ сѣверу отъ Екбатаны суть безъ сомнѣнія горы Азербиджава въ общирномъ смыслѣ; отсюда Геродотъ указываетъ вдалѣ къ сторонѣ Понта Евксинскаго, что приводитъ насъ въ лѣсной и гористый край, въ нынѣшнюю Карталивію. По всему видно, что Геродотъ составилъ себѣ ясное понятіе о положеніи страны сапировъ, хотя,

1) I, 180, 194.

2) I, 110.

быть может, не умѣлъ въ точности обозначить предѣлы ея и потому ограничился общими указаніями. Изъ всего можно заключить съ достовѣрностію, что сапиры Геродотовы жили тамъ, гдѣ теперь живетъ картвелское племя и такъ какъ нѣтъ сомнѣній, что страна эта не измѣнила главной массы своихъ обитателей со временъ Геродота до нашихъ дней, то нѣтъ также сомнѣній, что Геродотовы сапиры означаютъ грузинъ, которыхъ ставятъ онъ въ ряду четырехъ народовъ, живущихъ въ Азіи отъ моря до моря, отъ моря Еритрейскаго до моря Евксинскаго. Таковое названіе грузинъ, какъ должно думать, заимствовалъ онъ изъ персидскихъ рукописныхъ источниковъ. Откуда бы ни произошло оно, но сохранилось несомнѣнно до нашего времени въ названіи округа Соперъ, Сперъ, Сберъ, бывшаго турецкаго Пенсара, населеннаго исконно грузинскимъ племенемъ. Съ другой стороны, нѣтъ сомнѣній, что страна сапировъ не заключена была въ тѣсныхъ предѣлахъ округа Сперъ, составлявшаго часть, но не цѣлое: иначе все, что говоритъ Геродотъ о сапирахъ, стало бы совершенно необъяснимымъ.

Еще разъ обратимъ вниманіе читателя на чрезвычайно оригинальный способъ, избранный Геродотомъ для изображенія цѣлой известной ему Азіи, т. е. Азіи со включеніемъ Индустана, но безъ Китая. Онъ беретъ направленіе, которое кажется ему среднимъ; описываетъ какіе народы живутъ на немъ, потомъ рассказываетъ, какіе живутъ вправо и какіе влево. На избранной имъ линіи средняго направленія паходитъ онъ персовъ, мидянъ, грузинъ (сапировъ) и колховъ. Изъ числа этихъ народовъ, самый загадочный есть колхи. Если колховъ принимать за предковъ нынѣшнихъ мингрельцевъ, то они не болѣе, какъ вѣтъ сапировъ, точно такъ же, какъ, конечно, персы суть вѣтъ мидянъ,—но все, что Геродотъ рассказываетъ о колхахъ, заставляетъ думать, что они совершенно чужды нынѣшнимъ мингрельцамъ и исчезли безъ слѣда съ юго-восточнаго берега Чернаго моря, или, что, по край-

ней мѣрѣ, наукѣ до сихъ поръ не удалось подмѣтить этого слѣда.

Предназначенно ли, какъ думаетъ Риттеръ ¹⁾, или просто по незнанію, но Геродотъ ничего не сообщаетъ о народѣ сапирахъ, кромѣ имени ихъ и положенія страны, которую они занимаютъ. Нѣсколько болѣе подробностей находимъ мы у него объ Арменіи и армянахъ. Самыя любопытныя встрѣчаются въ разсказѣ объ Аристагорѣ, тиранѣ Мидетскомъ, тиранѣ, конечно, не въ томъ смыслѣ, какой мы привыкли придавать этому слову. Аристагоръ ²⁾, вассаль Дарія Гистаспа, извѣнилъ ему и отправился въ Лакедемонъ, къ спартапскому царю Клеомену съ тѣмъ, чтобы при его содѣйствіи ополчить всю Грецію на Азію. Цѣлю предпріятія предложилъ онъ овладѣніе Сузою, столицею великаго царя, въ которой хранится всѣ сокровища его. «Взявъ этотъ городъ вы съ самымъ Юпитеромъ можете соперничать богатствомъ». Таковое предпріятіе Аристагоръ, слѣдуя обычаю всѣхъ авантюристовъ, являющихся съ блестящими предложеніями, выставляя легкимъ и вѣрнымъ. Прежде всего надобно было объяснить грекамъ, какимъ путемъ могутъ они дойти до столицы царя царей: все то, что знали они въ то время о востокѣ, было крайне недостаточно. Чтобы сдѣлать рѣчь свою понятною, Аристагоръ припесъ мѣдную дщицу, на которой начертана была вся окружность земли, со всѣми морями и со всѣми рѣками, которыя орошаютъ ее. *Это есть первая географическая карта, существованіе которой засвидѣтельствовано исторіей.* Много темнаго въ древней географіи объяснилось бы, если бы Аристагорова мѣдная дщица дошла до насъ, но, за утратою ея, выпишемъ изъ Геродота рѣчь Аристагорову, въ которой очерченъ великій стратегическій путь для похода Европы въ Азію вдоль Анатолійскаго полуострова, этого моста, перекинутаго изъ Европы въ Азію. О походѣ черезъ

1) Erdkunde, II, 814.

2) V, 49, 52.

Кавказскій перешеекъ не могло быть еще рѣчи: много вѣковъ требовалось еще, чтобы значеніе перешейка могло обнаружиться для антагонизма, или, быть можетъ, для примиренія Европы съ Азіей. Вотъ что говорилъ Клеомену, между прочимъ, Аристагоръ: «Народы этого материка (т. е. Азіи) богаче, чѣмъ всѣ прочіе народы вмѣстѣ, золотомъ, серебромъ, мѣдью, разноцвѣтными тканями, вѣчнымимъ скотомъ и певольниками. Все это ваше: стоитъ вамъ лишь захотѣть. Страны эти соприкасаются, какъ я вамъ покажу. Лидійцы живутъ подлѣ іонійцевъ; ихъ земля плодородна и изобилуетъ серебромъ». И говори это, онъ показывалъ эти народы на изображеніи земли, наертанномъ на мѣдной доскѣ. «Фригійцы живутъ въ востоку, продолжалъ Аристагоръ; они соприкасаются съ лидійцами: изъ всѣхъ странъ, которыя мнѣ извѣстны, ихъ страна наиболѣе изобилуетъ скотомъ и хлѣбомъ. За ними слѣдуютъ каппадокійцы, которыхъ мы называемъ сирійцами, за ними киликійцы, которые распространяются до моря, посреди котораго находится островъ Кипръ. Они ежегодно платятъ царю въ подать пятьсотъ талантовъ (около 695000 руб.). За ними слѣдуютъ армяне; у нихъ также много скота. Далѣе живутъ матіаня, которые простираются до Киссии, орошаемой рѣкой Хоаспомъ, на которой стоитъ городъ Суза, гдѣ жительствоуетъ великій царь и гдѣ хранятся его сокровища».

Рѣчь эта не убѣдила Клеомена въ возможности предпріятія. Онъ потребовалъ три дня для размышленія и, по прошествіи этого срока, спросилъ Аристагора, сколько дней пути отъ моря, омывающаго Іонію, до столицы царя. Узнавъ, что походъ долженъ продолжаться три мѣсяца, онъ рѣшительно отвергъ предложеніе и приказалъ Аристагору удалиться изъ Спарты до заката солнечнаго. Геродотъ описываетъ этотъ стратегическій путь ¹⁾. Всего

1) V, 52.

отъ Сардеса до Сузы 111 переходовъ или статмовъ, какъ Геродотъ говоритъ въ концѣ § 52, но по сдѣланному имъ счету выходитъ такихъ только 81. Статмъ ¹⁾ = $\frac{450 \text{ пар.}}{111 \text{ ст.}}$ = 4,054 парас. Парасангъ = 30 стад. = 4 в. 220 саж. Отъ Сардеса до Сузы согласно Геродоту 1998 в. и 111 переходовъ, каждый переходъ или статмъ средней величиной ровняется 18 в. Разстояніе отъ Сардеса до Сузы, взятое совершенно по прямой линіи, составляетъ 1785 в., но это направленіе на небольшомъ протяженіи пересѣкается моремъ: если измѣрять это разстояніе прямыми линіями, проведенными черезъ Сардесъ, Иссусъ, Моссулъ (Ниневію) и Сузу, то получаемъ 1890 в. Маршрутъ Геродота (1998 в.) довольно близокъ къ истинѣ, но долженъ быть скорѣе увеличенъ, чѣмъ сокращенъ. Всего замѣчательнѣе здѣсь, это широкіе предѣлы, которые Геродотъ придаетъ Арменіи. Западною границей ея служить Евфратъ, ниже устья восточнаго Евфрата или Мурадъ-чая. Все протяженіе пути по Арменіи (250 в.) приходится вдоль сѣверной Месопотаміи, у крайнихъ южныхъ отроговъ Тавра и потомъ черезъ Курдистанъ по направленію къ юго-востоку отъ озера Вана. Вторая и третья рѣки суть безъ сомнѣнія Большой и Малый Забъ ²⁾, изъ которыхъ первый беретъ начало свое изъ горнаго края, лежащаго къ югу отъ озера Вана и причисляемаго Геродотомъ къ Арменіи; второй же изъ персидскаго Курдистана къ югу отъ озера Урміи ³⁾: этотъ край Геродотъ называетъ Матіаной. Это же названіе встрѣчаемъ мы въ разныхъ другихъ мѣстахъ западной Азіи ⁴⁾, и нѣтъ сомнѣнія, что оно вообще означаетъ округъ или страну, обитаемую мидянами. Четвертая рѣка Гиндесъ, которую Киръ раздѣлилъ на 360 канавъ за то, что въ рѣкѣ этой

1) *Rennel*: Geograph. Syst. of Herodotus, 330.

2) *Ritter*: Erdkunde, IX, 419.

3) *Ritter*: Erdkunde, IX, 559.

4) *Vivien de St. Martin*: Etudes de Géogr. anc., I, 42.

утонулъ одинъ изъ священныхъ бѣлыхъ коней его, есть, безъ сомнѣнн, Діала; Хоасвестъ, на которомъ находился городъ Суза, есть пыщнцая рѣка Керка. Итакъ, мы видимъ, что весь турецкій Курдистанъ и вся сѣверная полоса Месопотамн, прилѣбно до 36° с. ш., причислена Геродотомъ къ Арменн Восточною границей ея съ Мидею служитъ хребетъ Загросъ. Принимая въ соображенн не политическн, а физическн предѣлы Армянскаго плоскогорн къ сторонамъ юга, мы находимъ, что взглядъ Геродота совершенно основателенъ. (О политическихъ границахъ см. замѣч. Вивьенъ де С. Мартепа въ указаномъ сочиненн на стр. 42). О границахъ Арменн въ прочн стороны мы не находимъ указанн у Геродота. Онъ говоритъ лишь ¹⁾, что Галисъ беретъ начало изъ горы Арменн и пересѣкаетъ Киликн, дажѣ, по правую сторону рѣки этой находятся магіаны, а по лѣвую фригнцы. Отсюда мы видимъ, что западные предѣлы Арменн доходятъ у Геродота до Сиваса; вмѣстѣ съ тѣмъ, вновь встрѣчаемъ названн магіановъ въ странѣ, отдаленной отъ бассейна Тигра. Объ Евфратѣ говоритъ онъ ²⁾, что начало его въ Арменн. Какъ весьма любопытное зрѣлище въ Вавилонѣ описываетъ онъ судоходство армянъ по Евфрату до самаго Вавилона ³⁾. Судоходство по Евфрату, хотя и сопряженное съ величайшими опасностями и исключительно на плотахъ, подобныхъ описаннмъ Геродотомъ, начинается лишь по соединенн восточнаго Евфрата, Мурадъ чая, съ сѣвернымъ, Фратомъ ⁴⁾, или для самыхъ небольшихъ плотовъ съ Иалу на Мурадъ чай. Это обстоятельство служитъ новымъ доказательствомъ, что нынѣшнн Діарбекирскнн пашалыкъ во времена Геродота составлялъ часть Арменн.

1) I, 72.

2) I, 180.

3) I, 194.

4) Ritter: Erdkunde, X.

Дарій Гистасъ ¹⁾, по воцареніи своемъ, раздѣлилъ всю мовархію на двадцать сатрапій и въ каждой назначилъ правителя. Онъ установилъ подать, которую каждый народъ долженъ былъ платить и проч. Очевидно, что Геродотъ эту часть свѣдѣній заимствовалъ изъ официальныхъ источниковъ. Это раздѣленіе, какъ видно, сдѣлано было исключительно для округленія податей, платимыхъ различными племенами; иногда отдаленные народы соединяемы были вмѣстѣ.

XI сатрапія состояла изъ каспійцевъ, паузиковъ, пантимаговъ и доритовъ: вмѣстѣ платили они двѣсти талантовъ. Реннель ²⁾ полагаетъ, что дориты были даги, жившіе вдоль юго-восточнаго берега Каспія между Гирканіей и старымъ русломъ Оксуса. О пантимагахъ мы не встрѣчаемъ дальнѣйшихъ указаній ни у одного изъ древнихъ авторовъ. Паузиги суть вѣроятно аснатики Страбона ³⁾ и пазики Итоломей ⁴⁾, которые у послѣдняго означены на правомъ берегу нижняго Оксуса. У Итоломей ⁵⁾, кромѣ того, находимъ мы народъ дориты близъ соединенія границъ Мидіи, Парсіи, Карманіи и Персіи.

XIII сатрапія платила 400 талантовъ. Въ пей заключались пактики, армяне и сосѣдніе народы до самаго Понта Евксинскаго.

Пактика есть названіе авганцевъ, которые теперь еще сами себя называютъ пахтувъ и паптувъ ⁶⁾, но невозможно предположить, чтобы авганцы соединены были съ армянами въ одну сатрапію. Полагаютъ ⁷⁾, что здѣсь этимъ именемъ Геродотъ называетъ курдовъ, хотя въ другихъ мѣстахъ исторіи его пактики безъ сомнѣнія означаютъ авганцевъ ⁸⁾.

1) Геродотъ, III, 89.

2) l. c., 275.

3) XI, 513.

4) Asiae tab. VII.

5) Asiae tab. V.

6) Lassen: Ind. Alterth., I, 432, 433.

7) Ritter: Erdkunde, VIII, 91.

8) III, 102; IV, 44.

Въ XIV сатрапіи, повидимому, заключались одни кочующіе народы, бродящіе вдоль Мидійскаго перешейка отъ Персидскаго залива до Касійскаго моря. Весьма вѣроятно, что утійцы означаютъ обитателей армянской области Утія, въ нынѣшнемъ Шеки и Ширвани; удины, живущіе въ Нухинскомъ уѣздѣ, суть представители этого племени. Миба, быть можетъ, означаетъ муганцевъ, какъ мы уже то сказали выше.

XVII сатрапія заключала въ себѣ париканіевъ и азіатскихъ еоіоновъ. Подъ именемъ послѣднихъ должно подразумѣвать жителей Гедрозиі, слѣдовательно и париканіи жили на югѣ Ирана, по близости Индійскаго моря. Но въ то же время Геродотъ употребляетъ названіе париканіевъ и для означенія другаго народа, жившаго въ Мидіи и входившаго въ составъ X сатрапіи. Названіе париканіевъ можно объяснить посредствомъ санскр. *пару* или зепдскаго *пурру*, означающихъ гору ¹⁾. Париканіи значить вообще *горцы*, и слѣдовательно, имя это могло быть придаваемо племенамъ, жившимъ въ различныхъ странахъ. Мы знаемъ, что край по нижней части теченія Аракса, т. е. Ширванъ назывался у армянъ Пайдакараномъ. Быть можетъ, это названіе въ испорченномъ видѣ дошло до слуха Геродота, который обитателей его называлъ париканіями.

XVIII сатрапія заключала въ себѣ матіаніевъ, сапировъ и алародіевъ. Они платили двѣсти талантовъ. Матіановъ, какъ мы видѣли, Геродотъ нашелъ на берегахъ Галиса рядомъ съ фригійцами ²⁾ и, сверхъ того, въ персидскомъ Курдистанѣ подлѣ озера Урміи ³⁾. Должно думать, что въ составъ XVIII сатрапіи входила послѣдняя страна. О сапиряхъ мы уже прежде указали существующее мнѣніе. Объ алародіяхъ не упоминаетъ,

1) *Humboldt: Asie centr.*, I, 117.

2) I, 72.

3) V, 52.

кромя Геродота, ни одинъ изъ писателей древности; Стефанъ Византийскій помѣщаетъ ихъ подлѣ Понта. Если допустить, что сапиры жили по теченію Куры въ нынѣшней Тифлисской губерніи и что въ одну сторону отъ нихъ жили колхи, а въ другую мидяне, то алародіи находились къ западу или востоку отъ сапировъ. Реннель ¹⁾ помѣщаетъ ихъ въ нынѣшней Кахетіи на Алазани; Вивьенъ де С. Мартенъ ²⁾ въ этомъ имени видитъ армянскую провинцію Айраратъ, заключающую въ себѣ большую часть нынѣшней Эриванской губерніи. Эта догадка не лишена правдоподобія.

«Месхи, тибарены, макроны, мозинези, марды платили триста талантовъ и составляли XIX сатрапію». Всѣ эти имена встрѣчаются у многихъ другихъ писателей древности. Изъ сличенія различныхъ показаній можно вообще заключить, что XIX сатрапія заключала въ себѣ верхній бассейнъ Куры, бывшіе турецкіе пашалыки Ахалцыхскій и Травезунтскій.

Изъ сдѣланнаго нами обзора можно вообще заключить, что во времена Геродота все Закавказье, за исключеніемъ Ріонскаго бассейна и частей, вдающихся въ горную Кавказскую полосу, входило въ составъ сатрапій Дарія Гистаспа. Колхи и кавказскіе горцы, жившіе на южномъ скатѣ хребта, какъ видно, находились въ состояніи полузависимости отъ персидскаго правительства; они не обложены были податью, но сами добровольно посылали каждаго пять лѣтъ разъ, въ даръ царю, сто мальчиковъ и сто дѣво-честь ³⁾. Народы, жившіе къ сѣверу отъ Кавказа, были совершенно независимы отъ Персіи.

Раздѣленіе на сатрапіи, сдѣланное Даріемъ Гистаспомъ и описанное Геродотомъ, было чисто административное, имѣвшее исключительно цѣлю установленіе нѣкотораго порядка въ сборѣ податей, при чемъ упрощенію административнаго механизма по-

1) Geogr. System of Herodotus, 278.

2) Etudes de géogr. anc., I, 47.

3) Геродотъ, III, 97.

жертвованы были естественныя раздѣленія государства по типамъ мѣстности и по народностямъ обитателей. Такое раздѣленіе съ теченіемъ времени должно было само собою исправиться. Но, кромѣ свѣдѣній, собранныхъ Геродотомъ за 23 вѣка тому назадъ, терпѣвіе и проникаемость современныхъ намъ ученыхъ доставили намъ драгоценныя свѣдѣнія разборомъ гвоздеобразныхъ надписей, сохранившихся среди развалинъ Персеполиса. Одна изъ этихъ надписей, наилучше сохранившихся, заключаетъ въ себѣ исчисленіе всѣхъ народовъ, платившихъ дань Дарію. Надпись эта, вѣроятно, изображаетъ большой титулъ великолѣпнаго царя царей. Мы ограничимся здѣсь приведеніемъ однихъ лишь именъ народовъ въ томъ видѣ, въ какомъ они были прочтаны ¹⁾. Эти имена имѣютъ величайшую важность для этнографическаго изученія древняго востока съ точки зрѣнія, независимой отъ классическихъ сказаній.

1) *Кванъ* въ сѣверо-восточной Мидіи, гдѣ нынѣ лежитъ Тегерапъ; 2) *Мадъ* Мидія; 3) *Бабизусъ*, Вавилонъ и Суза; 4) *Арбагъ*, Арапахитисъ, Арфаксадъ, бассейнъ верховьевъ Тигра; 5) *Атсура*, Ассирія; 6) *Гудраха*, Гордіена, Курдистанъ; 7) *Арминъ*, Армелія; 8) *Каттатукъ*, Каппадокія; 9) *Сатарадъ*, Сипиры; 10) *Хуна*, Гунны; 11) *Ускани*, безуправные, вольница, Ускоки, жившіе въ горномъ краѣ на границахъ Персіи, Сузіаны и Мидіи; 12) *Дранга* въ Секташѣ около озера Заре; 13) *Паруты*, горы въ Авганистанѣ, на вершинахъ Гери-руда и Мургаба; 14) *Асагарта* около Герата и Мешхеда; 15) *Партсава*, Пары; 16) *Заранъ*, Заранги, сѣверная вѣтвь дрангевъ; 17) *Араіава*, Аріана; 18) *Бактрисъ*, Бактрія; 19) *Судъ*, Согдіана, между Оксусомъ и Яксартомъ, Маверанегръ; 20) *Каразмія*, Хорасмія, Хива; 21) *Тсаталадъ*, Саттагиды на Паропамизѣ; 22) *Аракатисъ*, Арахозія, Кандагаръ;

1) *Ritter: Erdkunde, VIII, 88.*

23) *Аидусъ*, Индія; 24) *Гадаръ*, гандэрин, въ Кабулистанѣ; 25) *Сака*, скины юнѣйшей Киргизской степи; 26) *Макъ*, Мюки (муганцы?)

Изъ числа этихъ именъ лишь немногія имѣютъ отношеніе къ Кавказскому перешейку. Названіе Армянъ въ Персеполисской надписи доказываетъ, что не только греки называли этимъ именемъ армянь, но и персы. Нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы греки заимствовали это названіе у персовъ или персы у грековъ. Должно думать, что предки чынѣйшихъ гайканъ сами себя называли армянами и что названіе это удержалось у сосѣднихъ народовъ, между тѣмъ какъ сами армяне въ послѣдствіи времени усвоили себѣ названіе гайканъ вслѣдствіе перемѣны царственной династіи, вслѣдствіе какого то историческаго событія, для насъ оставшагося неизвѣстнымъ или, по крайней мѣрѣ, темнымъ. *Сапарадъ* находимъ мы написаннымъ въ видѣ *Сурд*. Это названіе Бюрнуфъ призналъ необъяснимымъ ¹⁾; Лассенъ заключилъ, что оно означаетъ землю Геродотовыхъ саспировъ или сапировъ, и едва ли можно сомнѣваться въ справедливости его заключенія. Такъ какъ въ порядкѣ исчисленія народовъ замѣтна географическая послѣдовательность, то за Катпатукъ, Каппалокіей, которая въ то время простиралась вдоль праваго берега сѣвернаго Евфрата до самаго Понта Евксинскаго, весьма естественнымъ образомъ могли слѣдовать земли саспировъ, т. е. долины Чороха и Куръ, населенныя грузинскими племенами. Пророкъ Авдіи грозитъ израильтянамъ, что иноплеменники переселятъ ихъ до Сарепты, въ еврейскомъ подлинникѣ *сурд*; Евзевій ²⁾ приводитъ свидѣтельство египетскаго историка Абидена, что царь Навуходоносоръ поселилъ плѣнниковъ своихъ подлѣ правой т. е. подлѣ южной стороны Понта Евксинскаго. Итакъ, независимо отъ другихъ обстоятельствъ, мы должны заключить, что библейская страна

1) *Burnouf*: Mém. sur deux inscriptions cunéiformes, p. 146.

2) *Chronic.*, I, 10, trad. arm. (Mediol. 1818); *Vivien de St. Martin*: *Études de Géogr. anc.*, I, 251.

Сурд находилась у юго-восточнаго угла Понта Евксипскаго, по вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣтъ никакихъ поводовъ сомнѣваться въ тождественности страны, названной совершенно одинаково и почти одновременно, какъ въ библии, такъ и въ гвоздеобразныхъ надписяхъ. Въ послѣдствіи мы найдемъ и туземныя преданія, подтверждающія сказанія о переселеніи плѣнныхъ израильтянъ въ Закавказье и, между прочимъ, въ страну Сперъ, въ среднюю часть долины Чороха. Конечно, нѣтъ никакой возможности разрѣшить, сначала ли въ гвоздеобразной надписи названіе Саварадъ одну лишь область Сперъ, т. е. долину Чороха, или, вмѣстѣ съ тѣмъ, одноплеменныхъ съ тамошними жителями обитателей долины Курь. Геродотъ, по крайней мѣрѣ, давалъ народу саспирамъ обширныя предѣлы. Чтобы ограничить смыслъ его сказаній одвою областію Сперъ, необходимо прибѣгнуть къ предположенію, что онъ въ иныхъ мѣстахъ своей исторіи называетъ Мидіей цѣлую Арменію, по такое предположеніе трудно допустить. *Хуна* самымъ неожиданнымъ образомъ является въ гвоздеобразныхъ надписяхъ. Вѣковъ восемь спустя, имя это приобрѣло громкую и грозную извѣстность въ цѣломъ старомъ свѣтѣ, но нѣтъ никакихъ доказательствъ на то, чтобы оно извѣстно было въ западной Азіи уже за 5 вѣковъ до Р. Х. Если армянскіе историки и говорятъ иногда о гуннахъ, будто бы издревле жившихъ на Кавказѣ, то это ничего не доказываетъ, потому что историки эти нерѣдко давали современнымъ имъ этническія названія древнимъ народамъ. Посему, всего естественнѣе заключить, что персидское хуна означало какой то неизвѣстный намъ народъ, не имѣвшій ничего общаго, кромѣ случайнаго сходства имени, съ позднѣйшими гуннами. Но тутъ возникаютъ недоумѣнія. Хуна поставлены вслѣдъ за Арминою, Катпатукомъ и Саварадомъ; посему можно думать, что жили они къ сторонѣ юго-восточнаго угла Чернаго моря: Риттеръ ¹⁾ утвердительно опредѣляетъ для

1) Erdkunde, VIII, 93.

нихъ жительство отъ Лазистана до источниковъ Евфрата и Арѣкса, т. е. тамъ, гдѣ, по словамъ Геродота, находилась XIX сатрапія, заключающая въ себѣ московъ, тибареновъ, макроновъ, мозивековъ и мардовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Риттеръ замѣчаетъ, что талмудисты называютъ московъ и тибареновъ гуннами; Страбонъ говоритъ ¹⁾, что саки производили вторженія до самой Каппадокіи; Ксенофонтъ нашелъ на Гарпазосѣ (Арпачаѣ) народъ, который называлъ скитинами. Все это обнаруживаетъ, что край этотъ, никогда не выходившій изъ состоянія крайней дикости, съ самыхъ отдаленныхъ временъ служилъ притономъ для кочующихъ племенъ, приходившихъ для грабежа въ Закавказье съ восточнаго берега Каспійскаго моря. Наконецъ, должно также заключить, что въ числѣ нѣсколькихъ именъ, подъ которыми извѣстны были эти хищники, существовало, уже въ весьма древнія времена, и имя хуна, которое гораздо позже приобрѣло историческую значимость и распространилось даже на многіе разноплеменные народы.

Теперь намъ остается еще привести показанія Геродота о кавказскихъ народахъ, находившихся въ ополченіи, двинутомъ Ксерксомъ на Грецію ²⁾. Описавъ, какъ вооружены и одѣты были персы, мидяне, ассирійцы, различныя иранскія племена, саки (скионы Турана) и индійцы, онъ далѣе говоритъ:

«Каспій одѣты были въ хитоны изъ козлиныхъ кожъ. По обычаю страны своей, они вооружены были луками и стрѣлами изъ тростника и кривыми мечами. Ими предводительствовалъ Ариомардъ, братъ Артифіуса... Пактики (курды?) также одѣты были въ козлиныя кожи и вооружены луками и кинжалами; ими предводительствовалъ Аргинтесъ, сынъ Неаматреса. Утійцы, мики и париканіи были вооружены также, какъ и пактики. Арсамель,

1) XI, 511.

2) VII, 61, и сл.

сынъ Даріа, предводительствовалъ утійцами и миками, а Сиромитресь, сынъ Оебаза, париканіями». Какъ мы выше объяснили, есть поводъ думать, что всѣ эти народы, кромѣ пактійковъ (курдовъ), жили въ восточной части Закавказья, т. е. въ нынѣшней Бакинской губерніи. Всѣ они одѣты были въ бурки, главное вооруженіе ихъ заключалось въ лукахъ, потому что мечи и кинжалы могли быть употребляемы только случайно. Геродотъ говоритъ ¹⁾, что всѣ народы, участвовавшіе въ походѣ Ксеркса, имѣли у себя дома конницу, но привели ее немногіе, въ числѣ которыхъ были каспіи и парикаіи. Ихъ конница вооружена и одѣта была также, какъ и пѣхота; у нихъ были однѣ лишь верховныя лошади, между тѣмъ какъ конница нѣкоторыхъ другихъ народовъ имѣла, сверхъ того, колесницы; арабская была на верблюдахъ, которые быстрою не уступали лошадямъ. Эту верблюжью кавалерію держали позади, потому что лошади пугались ея.

Далѣе Геродотъ описываетъ одежду и вооруженіе народовъ малоазійскихъ и западной части Закавказья. «Каскіи пафлагонцевъ, говоритъ онъ, были тканныя; щиты у нихъ не велики, равно какъ и шки. Сверхъ того, они вооружены дротиками и кинжалами. Обувь ихъ доходитъ до полуноги. Матіаны, маріандины и сирійцы, которыхъ персы называютъ каппадокійцами, вооружены были также, какъ и пафлагонцы. Дотусъ, сынъ Мегазидра, предводительствовалъ пафлагонцами и матіанянами, а Гобрій, сынъ Дарія и Аристонъ, маріандинами, лигами и сирійцами».

Всѣ исчисленные здѣсь Геродотомъ народы обитали по рѣкамъ Галису и Эрзерумскому Евфрату до самаго берега Понта Евксинскаго. Мы выше сказали, что лезгины, лиги, леки сообщили имя свое горному хребту, отдѣляющему бассейнъ верхней Куры отъ бассейна Ріона. Колхида даже называема была иногда

1) VII, 84.

поэтами Лигистикой, т. е. странною лиговъ. Весьма вѣроятно, что лиги, о которыхъ говоритъ здѣсь Геродотъ, были лезгинскіе выходцы, соединенные съ кападокійцами и маріандинами подъ одно начальство въ ополченіи Ксеркса.

«Вооруженіе фригійцевъ весьма походило на вооруженіе пафлагонцевъ: разница была ничтожная. Какъ говорятъ македоняне, пока фригійцы жили въ Европѣ вмѣстѣ съ ними, они назывались бригами, но, перешедъ въ Азію, вмѣстѣ съ перемѣной страны, перемѣнили имя свое и назвались фригійцами. Армяне вооружены были также, какъ и фригійцы, отъ которыхъ они происходятъ. Тѣми и другими пачальствовалъ Артохмесь, который женатъ былъ на одной изъ дочерей Дарія».

Конечно, мнѣніе Геродота, будто армяне происходятъ отъ фригійцевъ и будто послѣдніе вышли изъ Европы, ошибочно. Истина въ томъ, что, по всей вѣроятности, фригійцы были близкими одноплеменниками армянъ и что Фригія заселилась изъ Арменіи. Европейскіе выходцы въ Фригіи, конечно, составляли среди народа лишь касту завоевателей, смѣшавшихся съ туземцами, но сохранившихъ воспоминаніе о своемъ европейскомъ происхожденіи. Подобнымъ образомъ, масса выпѣшняго народонаселенія въ Россіи, конечно, вышла не изъ Скандинавіи и не изъ Литвы, хотя руссы были выходцами изъ одной изъ этихъ странъ. Сказаніе Геродота объ одноплеменности армянъ съ фригійцами подтверждается лингвистическими изслѣдованіями.

«Моски носили деревянные щлемы, маленькіе щиты и пики, у которыхъ древко было коротко, а желѣзо длинно. Тибареши макроны и мозинеки вооружены были также, какъ и моски. Арімардъ, сынъ Дарія и Пармиды, дочери Смердиса и внуки Кира, предводительствовалъ москами. Макроны и мозинеки находились подъ начальствомъ Артаиктеса, сына Херазмиса, правителя Сестоса на Геллеспонтѣ. Мары носили каски тканныя, какъ у нихъ водится, и небольшіе кожаные щиты, съ дротиками. Жители

Колхиды имѣли деревянные племы, съ небольшими щитами изъ сырой бычачьей кожи, короткія пики и, сверхъ того, мечи. Фарвадаты, сыпъ Тезависа, предводительствовалъ марами и колхами. Алароды и сапиры, вооруженные такъ же, какъ и колхи, подчинены были Масистію, сыну Сиромитреса».

Описаніе колховъ, сдѣланное Геродотомъ въ другомъ мѣстѣ его исторіи, заставляетъ думать, что этотъ народъ былъ не грузинскаго происхожденія и что теперь онъ исчезъ, не оставивъ по себѣ никакого слѣда въ Закавказьѣ. Но, какъ видно, колхи, по вооруженію своему, ничѣмъ не отличались отъ другихъ туземныхъ обитателей Западнаго Закавказья. Вообще, можно заключить, что всѣ они были вооружены весьма плохо и бѣдно.

Гиппократъ, отецъ медицины, родился на островѣ Косѣ въ 459 г. до Р. Х. Его сочиненія относятся, слѣдовательно, ко второй половинѣ того самаго вѣка, первая половина котораго, въ отношеніи къ исторіи Кавказа, ознаменована твореніями Геродота и Ескила. Изъ числа множества твореній Гиппократа, продолжительность которыхъ болѣе или менѣе сомнительна, наибольшую и заслуженною извѣстностію пользуется его разсужденіе: *о воздухѣ, водѣ и льстности*. Здѣсь Гиппократъ является глубокомысленнымъ философомъ; несмотря на многія заблужденія свои, онъ ясно сознаетъ великое вліяніе расы и мѣстныхъ условій на историческую судьбу народа. Этотъ взглядъ на философію исторіи гораздо болѣе былъ распространенъ въ древнія времена, чѣмъ во времена послѣдующія. «Мѣстность ¹⁾», говоритъ Платонъ, разнообразіемъ своимъ, дѣлаетъ людей, то лучшими, то худшими, и законы должны сообразоваться съ нею. Люди своенравны и вспыльчивы, одни отъ разнообразно дующихъ вѣтровъ и высокой температуры, другіе отъ воды, третьи, наконецъ, отъ пищи, которую край имъ

1) De legibus V, in fine.

доставляетъ и которая не только способствуетъ или вредитъ тѣлеснымъ силамъ, но оказываетъ вліяніе и на душевныя способности». Все это въ особенности справедливо въ отношеніи къ народамъ младенчествующимъ; чтобы управлять ими, должно понять ихъ, но понять ихъ нельзя безъ глубокаго изученія всѣхъ мѣстныхъ условій, которымъ они подчинены. Просвѣщеніе освобождаетъ человѣка отъ подчиненности природѣ; человѣкъ до известной степени создаетъ для себя искусственный климатъ и искусственную природу; онъ вездѣ дома на землѣ, но до такого состоянія далеко еще большей части народонаселенія земнаго шара.

Объ Азіи Гиппократъ говоритъ, что все тамъ родится прекраснѣе и крупнѣе, чѣмъ въ Европѣ; нравы обитателей кротче и общительнѣе, люди мало отличаются другъ отъ друга ростомъ и сложениемъ. Все это Гиппократъ приписываетъ умѣренности климата, чуждаго рѣзкихъ крайностей; но, присовокупляетъ онъ, ни мужество, ни терпѣніе въ трудѣ, ни способность переносить усталость, ни нравственная энергія, несомнѣсны съ таковою природою, каковы бы, впрочемъ, ни были обитатели, туземцы или пришельцы; стремленіе къ наслажденіямъ беретъ перевѣсъ надъ всѣмъ остальнымъ. Далѣе говоритъ онъ, что, при однообразіи температуры, умственные способности не подвергаются потрясеніямъ, ни тѣло разнымъ переходамъ, которые сообщаютъ характеру болѣе самостоятельности и пылкости, чѣмъ однообразіе: необходимы эти крутые переходы для того, чтобы будить умъ и не позволять ему погрузиться въ бездѣйствіи. Изъ числа азіятскихъ народовъ Гиппократъ говоритъ, что онъ упоминаетъ только о тѣхъ, которые значительно отличаются отъ остальныхъ. Таковы суть *макроцефалы*, долгоголовые. Нѣтъ людей, говоритъ Гиппократъ, кромѣ ихъ, которые бы имѣли такія головы. Первоначально это удлиненіе головы было слѣдствіемъ обычая, теперь сама природа помо-

гаеть обычаю, основанному на понятіи, что долгая голова составляет признакъ благороднаго происхожденія. Черепу младенцевъ искусственно и насильственно придаваема была такая форма, по, потомъ, отъ долгоголовыхъ родителей сами собою пошли долгоголовыя дѣти. Конечно, при современномъ состояніи науки, мнѣніе Гипократа объ этихъ долгоголовыхъ людяхъ не можетъ быть допущено: природа не потворствуетъ людскимъ прихотямъ. Но эти долгоголовые люди несомнѣнно существовали вѣкогда на восточномъ берегу Чернаго моря, какъ ни мало вѣроятнымъ кажется преданіе о нихъ. Таковыя необыкновенныя черепы отрываются въ древнихъ могилахъ, находящихся по близости Босфора Киммерійскаго ¹⁾. На всемъ остальномъ протяженіи восточнаго берега, никогда не было производимо никакихъ розысканій и потому нельзя знать, находятся ли въ другихъ мѣстахъ подобныя черепы. Впрочемъ, нѣкоторыя особенности въ устройствѣ черепа, а именно несообразный избытокъ длины надъ шириною замѣчены многими путешественниками у абхазцевъ ²⁾, хотя и далеко не въ такой степени, какъ то обнаруживается на черепахъ макрокефаловъ. Нѣтъ сомнѣній, что послѣдніе искусственно образованы съ цѣлю придать преувеличенныя размѣры характеристической чертѣ народнаго типа. Этотъ типъ вѣроятно господствовалъ на Кавказскомъ перешейкѣ весьма въ отдаленныя времена; Гиппократъ говорить, что въ его время уже не встрѣчается такихъ долгоголовыхъ людей, потому что обычай сдавливать черепы дѣтямъ вывелся вслѣдствіе сношеній съ другими народами. Страбонъ ³⁾, говоря о странныхъ обычаяхъ различныхъ варварскихъ народовъ, живущихъ на Кавказѣ и въ другихъ горахъ, упоминаетъ о сигин-

1) *Dubois de Montpérenx*: Voyage autour du Caucase, V, 230; *Rathke* м. Dorpat. Jahrb. für Litter., zweiter Band, 527.

2) *Pallas*: Voyages dans les gouvernemens méridionaux etc. (Paris 1805), I, 424.

3) XI, 519, 520.

нахъ, сдавливающихъ дѣтямъ черепъ такъ, что лобъ выдается далѣе подбородка. О сигиннахъ Страбонъ нигдѣ болѣе ничего не говоритъ; посему нельзя опредѣлить, гдѣ они жили. Сигинновъ встрѣчаемъ мы въ орфической поэмѣ Аргонавтовъ ¹⁾ по близости Колхиды; наконецъ, у Геродота ²⁾ сигинны живутъ къ сѣверу отъ Оракіи за Истромъ (Дунаемъ), у Аполлонія Родосскаго сигинны живутъ на устьѣ Дуная ³⁾. Геродотъ говоритъ, что у сигинновъ лошади небольшого роста, долгошерстыя, не довольно сильныя, чтобы нести человѣка, но быстрыя въ упряжи; по этой причинѣ народы эти употребляютъ повозки. Сигинны соприкасаются съ венетами, живущими на берегахъ Адриатическаго моря и почитаютъ себя мидійскими выходцами. Къ сему Геродотъ при-совокупляетъ, что онъ не постигаетъ, какъ мидяне зашли въ эту страну, но что нѣтъ ничего невозможнаго съ теченіемъ времени. Замѣчательно то, что Страбонъ тоже повѣствуетъ о своихъ сигиннахъ, что у нихъ небольшія длинношерстыя лошади, слишкомъ слабыя для верховой ѣзды, по которыя запрягаются по четыре въ одну повозку. Какъ мы сказали, нельзя опредѣлить въ точности, гдѣ жили Страбоновы сигинны, но, судя по положенію народовъ, которые описываются рядомъ съ ними, должно думать, что жили они къ югу отъ Каспійскаго моря; тѣмъ болѣе, что Страбонъ говоритъ, что сигинны заимствовали всѣ обычаи у персовъ. Такимъ образомъ народъ этотъ, который встрѣчаемъ мы у Каспійскаго моря, по близости Колхиды и, наконецъ, на Дунаѣ, остается для насъ совершенно загадочнымъ. Сближеніе сигинновъ съ цыганами ⁴⁾ составляетъ весьма остроумную догадку, которую доказать, впрочемъ, весьма трудно. Во всякомъ случаѣ, если цы-

1) *Orphic. Argonaut.* v. 754.

2) V, 9.

3) *Apoll. Rhod. Argonaut.*, IV, 320.

4) *Vivien de St. Martin: Etudes de géogr. anc.*, I, 267.

гане и жили нѣкогда на восточномъ берегу Чернаго моря, то исчезли оттуда, не оставивъ по себѣ никакого отпечатка на нынѣшнемъ народонаселеніи. Но позволительно сблизить Страбонovýchъ сигинновъ, сдавливающихъ дѣтямъ головы съ Гиппократовыми макрокефалами, тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли, сигинны встрѣчались и по близости Колхиды. Гиппократъ исчисляетъ необычайные народы, живущіе вправо отъ лѣтнаго восхода солнца до болота Меотійскаго: онъ начинается съ макрокефаловъ, потомъ переходитъ къ народамъ, живущимъ на Фазисѣ, и, наконецъ, описываетъ саурамаговъ, живущихъ подлѣ болота Меотійскаго. Изъ этого должно заключить, что Гиппократовы макрокефалы жили къ югу отъ Колхиды: такое же положеніе придаютъ имъ и нѣкоторые другіе древніе географы. Выѣстъ съ макрокефалами говорится еще о народѣ макронахъ (долгихъ), которые у нѣкоторыхъ смѣшиваются съ макрокефалами.¹⁾ Страбонъ свидѣтельствуетъ²⁾, что макронами нѣкогда назывались санны: этническое имя, весьма распространенное въ западной части Закавказья и сохранившееся до нашего времени въ имени тсанновъ, лавскаго племени, живущаго на Чорохѣ и, быть можетъ, сванетовъ, живущихъ на верховьяхъ Ингура и Цкенис-цхали.

Далѣе Гиппократъ пишетъ: народы, живущіе на Фазисѣ, занимаютъ страну болотистую, теплую, сырую, лѣсистую: дожди часты и обильны во все время года. Люди эти проводятъ жизнь въ болотѣ; посреди воды строятъ они жилища свои изъ дерева или тростника; ходятъ они лишь въ городѣ или на рынѣхъ, по плаваютъ по многочисленнымъ каналамъ своимъ въ челнокахъ, сдѣланныхъ каждый изъ одного древеснаго стѣвола. Употребляютъ они воду теплую, стоячую, испорченную жаромъ солнечнымъ и питаемую дождями. Фазисъ изъ числа всехъ рѣкъ

1) *Uckert: Skythien*, 527.

2) *XII*, 548.

имѣтъ самое медленное теченіе. Плоды, производимые этимъ краемъ, мелки, дурнаго качества и невкусны, по причинѣ избытка воды, они никогда не достигаютъ зрѣлости. Густой туманъ, порождаемый водами, постоянно покрываетъ страну. Эти вышнія причины сообщали фазіанамъ совершенно особое тѣлосложеніе; они высоки ростомъ, но такъ тучны, что у нихъ не видать суставовъ. Цвѣтъ ихъ желто-зеленоватый, какъ у страдающихъ желтухой. Голосъ ихъ гуще, чѣмъ у другихъ народовъ, потому что дышать они воздухомъ не чистымъ, а сырмъ и какъ бы наполненнымъ духомъ. Отъ природы избѣгаютъ они всякой усталости. Времена года у нихъ не представляютъ большихъ измѣненій ни тепла, ни холода. Южные вѣтры господствуютъ, за исключеніемъ одного мѣстнаго вѣтра: этотъ вѣтеръ дуетъ иногда съ большою силою, онъ теплый и неприятенъ: его называютъ Кенхронъ (въ переводѣ съ греческаго=ирославникъ, отъ проса). Что же касается до сѣвернаго вѣтра, то онъ доходитъ рѣдко и дуетъ слабо.

Это изображеніе края, который долгое время представлялся грекамъ въ видѣ волшебной, солнечной страны Эи или Колхиды, весьма замѣчательно, обнаруживая крутой переходъ отъ фантазій къ дѣйствительности. Въ Гиппократовомъ описаніи мы находимъ современно-вѣрную картину приморской болотистой, лѣсистой полосы Абхазіи, Самурзакана, Мингрелии, Гуріи и Кобулета. Окрестности Поти и Редутъ-кале перерѣзаны каналами, по которымъ ходятъ челноки, теперь еще это есть удобное сообщеніе черезъ пространства, покрытыя непроницаемою чащею лѣса. Все то, что говоритъ Гиппократъ о водѣ и плодахъ, совершенно справедливо. Фазисъ или Ріонъ, близъ устья въ море, имѣетъ весьма спокойное теченіе. Жители равнины, по причинѣ нездоровости климата, имѣютъ болѣзненно-желтый цвѣтъ лица, но тучность не составляетъ ихъ физической принадлежности: вѣроятно Гиппократъ описалъ ихъ на основаніи своей медицинской теоріи, а не вслѣд-

ствіе личнаго ознакоменія. Отверженіе отъ труда до сихъ поръ есть господствующее свойство туземцевъ, но оно скорѣе можетъ быть объяснено общественнымъ устройствомъ ихъ, чѣмъ вліяніемъ климата. Замѣчательно, что Гиппократъ ни слова не говоритъ о черномъ цвѣтѣ лица и о кудрявыхъ волосахъ, которые Геродотъ приписываетъ колхамъ. Наконецъ, въ Мингреліи весьма часто дуетъ съ восточной стороны порывистый сухой и теплый вѣтеръ, весьма вредный, какъ для растительности, такъ и для здоровья. Какъ зима, такъ и лѣто, на приморской равнинѣ весьма умѣренны и не представляютъ тѣхъ крайностей, которыя замѣчаются въ другихъ мѣстахъ Закавказья, по восточную сторону Сурамскаго хребта.

«Въ Европѣ, пишетъ Гиппократъ, существуетъ скинское племя, обитающее подлѣ болота Меотійскаго; оно отличается отъ всѣхъ другихъ народовъ и известно подъ именемъ сауроматовъ. Женщины ѣздятъ верхомъ, стрѣляютъ изъ лука, мечутъ дротики съ коня и сражаются съ неприятелями, пока не выйдутъ замужъ. Онѣ хранятъ дѣвство, пока не убьютъ трехъ неприятелей, и не сообщаются съ мужьями своими, пока не принесутъ установленныхъ закономъ жертвоприношеній. Вступивъ въ замужество, онѣ не ѣздятъ болѣе верхомъ, развѣ только когда цѣлый народъ вынужденъ отправиться въ дальній походъ. У нихъ нѣтъ праваго сосца, потому что, пока еще онѣ въ младенческомъ возрастѣ, матери берутъ мѣдннй сосудъ, наполняютъ его огнемъ и прикладываютъ къ правой сторонѣ груди, которую снаружи прижигаютъ, дабы она утратила способность развиваться и дабы вся сила и соки сосредоточились въ правомъ плечѣ и въ правой рукѣ».

Нѣтъ никакого повода утверждать невозможность существованія такого обычая. Геродотъ ничего не говоритъ о немъ, но, какъ мы видѣли, онъ считаетъ сауроматовъ потомками амазонокъ и рассказываетъ, что сауроматскія женщины сохранили воинственныя привычки своихъ прародительницъ. Сочиненіе Гип-

пократа совершенно чуждо мифологическому міру и онъ вовсе не упоминаетъ объ амазонкахъ, но, по всей вѣроятности, ему извѣстны были повѣрья о родствѣ ихъ съ сауроматами. Ложное толкованіе происхожденія названія амазонокъ (безгрудыя), быть можетъ, подало поводъ къ разсказамъ босфорскихъ грековъ о странномъ сауроматскомъ обычаѣ, и этимъ разсказамъ Гиппократъ повѣрилъ. Замѣтимъ, впрочемъ, что сауроматокъ слѣдовало бы называть мономазонками (единогрудыми), а не амазонками. Последнее названіе вполне приличествуетъ нынѣшнимъ незамужнимъ черешенкамъ, а не древнимъ сауроматкамъ.

«Скисская пустыня, по словамъ Гиппократа, есть возвышенная равнина, покрытая настбищами и посредственно сырая, такъ какъ она орошается великими рѣками, которыя, въ теченіи своемъ, уносятъ воды равнинъ. Тамъ живутъ скиѣ, называемые *кочевыми*, потому что они живутъ не въ домахъ, а въ повозкахъ. Наименьшія изъ этихъ повозокъ на четырехъ колесахъ, другія же на шести. Покрытыя войлоками, онѣ устроены, какъ дома, имѣютъ двѣ или три комнаты; онѣ непроницаемы для дождя, для снѣга и для вѣтровъ. Въ эти повозки запрягаются двѣ или три пары быковъ безрогихъ: рога не растутъ у нихъ по причинѣ холода. Женщины живутъ въ этихъ повозкахъ; мужчины сопутствуютъ имъ верхомъ посреди стадъ и табуновъ. Они остаются на одномъ мѣстѣ, пока есть подножный кормъ для скотины; когда кормъ истощится, то они переходятъ въ другую сторону. Они питаются сырымъ мясомъ, пьютъ кобылье молоко и закусываютъ кобыльимъ сиромъ. Таковы суть образъ жизни и обычаи скиѣовъ».

Далѣе Гиппократъ пишетъ: «въ отношеніи къ климату и зависящей отъ него наружности, скисская раса также отлична отъ всѣхъ другихъ, какъ и египетская; она похожа лишь на саму себя и мало производительна. Скиѣи питаютъ немного животныхъ и то мелкихъ. Дѣйствительно, страна эта находится прямо подъ Медвѣдицей и у подошвы Рифейскихъ горъ, откуда дуетъ сѣвер-

ный вѣтеръ. Солнце приближается къ ней лишь во время лѣтняго солнцестоянія и тогда даже грѣетъ ее недолго и скудно. Вѣтры, несущіеся изъ теплыхъ странъ, рѣдко доходятъ туда и не иначе, какъ утративъ свою силу. Дуютъ одни лишь сѣверные вѣтры, охлажденные снѣгомъ, льдомъ и обильными дождями, никогда непокидающими Рифейскихъ горъ, которыя по сему самому необитаемы. По цѣлымъ суткамъ густой туманъ покрываетъ равнины, обитаемыя скивами; тамъ постоянная зима, немного лѣтнихъ дней, да и тѣ не слишкомъ теплы, потому что равнины возвышенны и открыты; онѣ не ограничены горами, во возвышаются, продолжаясь къ Медвѣдицѣ. Животныя тамъ не велики, но таковы, что могутъ прятаться подъ землю; непрерывность зимы и обнаженная почва, подъ которой не находятъ они ни убѣжища, ни крова, препятствуютъ ихъ росту. Времена года не представляютъ большихъ и рѣзкихъ измѣненій; они схожи и постоянны. Оттуда происходитъ, что наружный видъ вездѣ однообразенъ. Скивы и питаются и одѣваются всегда одинаково, и лѣтомъ и зимою. Всегда дышатъ они воздухомъ густымъ и влажнымъ, пьютъ воду снѣжную или ледяную, и не способны переносить усталость, потому что ни тѣло, ни духъ не могутъ переносить усталость въ странѣ, гдѣ времена года не представляютъ рѣзкихъ измѣненій. По этимъ причинамъ и самое тѣлосложение ихъ грубо, тѣло ихъ обременено тучностію, суставы ихъ неясно обозначены, сыры и слабы. Пустоты ихъ, въ особенности внутреннія, преисполнены сырости, потому что не могутъ онѣ осыхать въ таковой странѣ, посреди таковой природы и при таковыхъ временахъ года. Жиръ и отсутствіе волосъ дѣлаютъ то, что всѣ похожи другъ на друга: мужчина на мужчину, женщина на женщину. По причинѣ однообразія времени года, дѣтородная жидкость не измѣняется въ своемъ составѣ, за исключеніемъ развѣ какихъ либо внезапныхъ случаевъ или болѣзней».

«Я вамъ представлю рѣшительное доказательство сырости

тѣла скивоовъ. У большей части изъ нихъ, и преимущественно у кочевыхъ, существуетъ обыкновеніе прижигать плеча, руки, кисти, грудь, лядвей и поясицу; это дѣлается для того, чтобы помочь сырости и мягкости ихъ сложенія, которыя не позволяютъ имъ ни натягивать лукъ, ни метать копьемъ. Эти прижиганія освобождаютъ составы отъ излишней сырости и тогда они дѣлаются упруге, тѣло укрѣпляется и привимаеть болѣе опредѣленныя формы. Скионы вялы и приземисты; во первыхъ, потому что ихъ не палеваютъ въ дѣтствѣ для того, чтобы они лучше могли сидѣть верхомъ; во вторыхъ, потому что они ведутъ сидячую жизнь. Мальчики, пока не въ состояніи ѣздить верхомъ, проводятъ большую часть времени, сидя въ повозкахъ, и ходятъ весьма рѣдко, по причинѣ безпрестанныхъ переѣздовъ. Женщины имѣютъ всѣ исходящія части необыкновенно отвислыя и весьма вялы. Скионы имѣютъ цвѣтъ лица рыжій, по причинѣ холода; такъ какъ солнце у нихъ мало дѣятельно, то холодъ истребляетъ бѣлизну кожи, которая дѣлается рыжеватою».

Далѣе Гиппократъ говоритъ, что скионы вообще мало способны къ дѣторожденію и излагаетъ причины почему тѣ, которые совершенно не способны къ любовнымъ наслажденіямъ, называются *анандрами*, т. е. жевоподобными. Они надѣваютъ женское платье; живутъ вмѣстѣ съ жевщинами и занимаются жевскими рукодѣліями. Болѣзнь эта почитается у скиоовъ непосланною съ неба и одержимые ею пользуются общимъ почитаніемъ. Это описаніе Гиппократа напоминаетъ разсказъ Геродота о томъ, что скионы разграбили въ Сиріи храмъ Венеры-Ураніи и въ наказаніе за то богиня непослала на нихъ болѣзнь мужескаго безсилія ¹⁾.

Позволительно сомнѣваться въ вѣрности Гиппократова изображенія наружнаго вида скиоовъ. Народъ, столь вялый и столь апатическій, какимъ Гиппократъ описалъ скиоовъ, не сталъ бы отстаивать свою независимость съ такою звергіей при нашествіи

1) I, 105.

Дарія Гистасла. Можно думать, что отецъ медицины увлекся своими теоріями и описывалъ скиоовъ такъ, какъ они должны быть для подтвержденія его мнѣній. Такое описание, принятое за безусловно-справедливое, повлекло за собою рядъ выводовъ, сдѣланныхъ новѣйшими историками о загадочномъ происхожденіи скиоовъ. На основаніи описанія Гипократова, графъ Потоцкій, Нибуръ и многіе другіе знаменитѣйшіе историки и этнографы заключили, что скиоы были турко - монгольскаго происхожденія. Образъ жизни скиоовъ весьма похожъ былъ на образъ жизни нынѣшнихъ калмыковъ, вагайцевъ, туркменовъ, киргизовъ, кочующихъ въ предѣлахъ Астраханской и Ставропольской губерній и частію въ землѣ Донскихъ казаковъ. Тѣлосложеніе всѣхъ этихъ народовъ некрасиво, въ особенности въ сравненіи съ греками и обитателями западной Азіи, иранскими, закавказскими, кавказскими и малоазійскими племенами. Борода у мужчинъ мало замѣтна, старики очень похожи на старухъ тѣмъ болѣе, что и одежда обоихъ половъ довольно сходна. Но во всякомъ случаѣ, описанія Гипократова, предполагая даже, что оно вѣрно, недостаточно, чтобы признать за скиоами монгольское происхожденіе. Образъ жизни долженъ быть приуроченъ къ мѣстнымъ условіямъ; посему какое бы племя ни кочевало въ степяхъ, распространяющихся къ сѣверу отъ Кавказа, образъ жизни этого племени *войдетъ въ* обычную колею. Этотъ образъ жизни могъ оказать вліяніе и на самый наружный видъ кочующихъ: отъ вліянія *жгучаго* солнца лѣтомъ и *снѣжныхъ бурь* зимою цвѣтъ лица долженъ *припять рижсватый* оттѣнокъ; привычка проводить *все время на конь* или въ сидѣніи, поджавъ ноги, въ кибиткѣ, *дѣлает* походку крайне *целовкою и валкою*. Такими разсужденіями объясняютъ описаніе Гипократова даже безъ помощи монгольскаго происхожденія скиоовъ. Замѣтимъ притомъ, что въ числѣ длиннаго ряда скиоскихъ народовъ, безъ сомнѣнія, находились и нѣкоторые финскія племена, которыя, какъ все заставляетъ думать, съ незапамятныхъ

время обитаютъ въ Европейской Россіи. Эти племена, хотя и не запечатлѣны монгольскимъ типомъ, но малымъ ростомъ, рѣдкою бородою, нескладностію тѣла, близко подходятъ къ описанію Гиппократу, которое ошибочно распространилось на всю совокупность скискихъ народовъ т. е. на всѣхъ обитателей Европейской Россіи. Черный цвѣтъ волосъ составляетъ общую принадлежность всѣхъ монгольскихъ племенъ, а между тѣмъ Гиппократъ называетъ скизовъ рыжими. Но самымъ лучшимъ опроверженіемъ мнѣнія о монгольскомъ происхожденіи скизовъ служитъ впечатлѣніе ужаса и отвращенія, произведеннаго на грековъ и римлянъ появленіемъ гунновъ, въ наружности которыхъ нельзя не признать настоящаго монгольскаго тела. Какъ пишетъ Иорнадесъ: «едва ли гунны принадлежатъ къ роду человѣческому, едва ли языкъ ихъ есть человѣческій... Тѣ даже, которые могли сопротивиться ихъ оружію, не могутъ выносить смертельнаго ужаса, наводимаго ихъ варужностію». Греки и римляне въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ знакомы были со скивами и, если бы послѣдніе были монголы, то наружность гунновъ столь же мало показала бы имъ необычайную, какъ намъ, русскимъ, наружность калмыковъ или киргизовъ, съ которыми мы знакомы издавна. Во всякомъ случаѣ Гиппократово описаніе вовсе не доказываетъ монгольскаго происхожденія скизовъ, а между тѣмъ на это описаніе преимущественно ссылаются защитники этого мнѣнія. Гораздо важнѣе показаніе Геродота, что сауроматы одноплеменны были со скивами, жившими по правую сторону Дона; съ другой же стороны сауроматы принадлежали къ числу племенъ маэтовъ или матовъ, которыхъ родство съ мидянами подтверждается многими обстоятельствами. Если до времени Р. X. на равнинѣ, разстилающейся къ сѣверу отъ Кавказа, и кочевали племена финскаго и монгольскаго происхожденія, то во всякомъ случаѣ трудно ихъ подмѣтить: примѣты индо-европейскія однѣ бросаются въ глаза.

2050.

22-4
J

22
394/164
3-50

288/19

